

Полное Собрание
Сочинений

протоиерея

ЮАННА
ВОСТОРГОВА

томъ 2

**ПРОТОИЕРЕЙ
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

**Полное собрание сочинений
в 5-ти томах**

**Санкт-Петербург
1995 г.**

*По благословению митрополита
Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна*

**Издатели приносят искреннюю благодарность ПРОМЫШ-
ЛЕННО-СТРОИТЕЛЬНОМУ БАНКУ Санкт-Петербурга, без
материальной поддержки которого было бы невозможно изда-
ние серии "Духовное возрождение Отечества".**

В настоящий том вошли проповеднические труды о. Иоанна Восторгова
периода его пастырского служения в г. Тифлисе (с 1901 г. по 1905 г. вкл.) в
должности Окружного Наблюдателя церковных школ в епархиях Грузинского
экзархата.

ISBN 5-7624-0002-6

© Издательство "Царское Дело", 1995
Общество ревнителей прославления
Святых Царственных Мучеников

Прот. И. И. Восторговъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. II-й.

ПРОДОВЪДИ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ
НА РЕЛИГИОЗНО-ЯРДВСТВ. ТЕМЫ.

1901—1905 гг.

МОСКВА.

1914.

Типография „Русская Печатня“ (аренд. С. К. Поповыми). Больш. Садовая, д № 14.

1901 г.

Новый годъ и новый вѣкъ.*

За длинной вереницей минувшихъ столѣтій уходитъ теперь въ вѣчность вмѣстѣ со старымъ годомъ и старый XIX вѣкъ. Но столѣтія въ жизни человѣчества не отдѣляются одно отъ другого механически; между ними остается органическая связь, хотя, конечно, на протяженіи ста лѣтъ, при сменѣ нѣсколькихъ поколѣній, всегда можно выдѣлить одно или нѣсколько вѣяній вѣка, которыя можно назвать его характеристическимъ признакомъ. Послѣднее изъ нихъ есть какъ бы завѣтъ отходящаго въ невозвратную вѣчность столѣтія его юному преемнику.

Минувшій вѣкъ по справедливости можно назвать много пожившимъ и много испытавшимъ, въ смыслѣ разнообразныхъ направлений и теченій мысли; слишкомъ сложна была его духовная жизнь, слишкомъ много разнообразныхъ наслоеній за-ключаетъ она въ себѣ, чтобы возможно было легко и безошибочно подвести ихъ подъ одно всеобъемлющее начало. Основные запросы человѣческаго духа не измѣняются съ перемѣнной столѣтій; все тѣ же они, эти вопросы высшаго порядка, вопросы о смыслѣ и цѣли бытія, нерѣдко затѣняемые ежедневною сутолокою жизни, но никогда не умирающіе: такъ, среди калейдоскопическихъ перемѣнъ въ окружающей природѣ, среди явлений временныхъ, иногда мгновенныхъ, существуютъ длительные, вѣковые, относительно вѣчные процессы жизни. И какъ

* Статья „Кавказъ“ 1 января 1901 г.

въ природѣ во всѣ вѣка, возвышаясь надъ всѣми перемѣнами ея жизни, неизмѣнно дѣйствуетъ вложенный Богомъ законъ всемирнаго тяготѣнія, такъ въ человѣческомъ богоподобномъ духѣ, не умирая, дѣйствуетъ всечеловѣческое и всемирное тяготѣніе его къ безконечному центру міра...

Отшедшій отъ насть XIX вѣкъ въ движеніяхъ мысли не далъ окончательнаго разрѣшенія великихъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли бытія. И къ нему приложимо слово поэта: „Старѣясь въ сомнѣніяхъ о великихъ тайнахъ, идуть невозвратно вѣка за вѣками; у каждого вѣка вѣчность вопрошаєтъ: чѣмъ кончилось дѣло? Вопроси другого, каждый отвѣчаетъ“. Но справедливость требуетъ сказать, что минувшій вѣкъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ пытливости и энергіи въ этой вѣковѣчной работе. И нужно отказаться совсѣмъ отъ вѣры въ обладаніе истиной и осудить, такимъ образомъ, духъ человѣка на невозможное для него самоубійство, нужно совсѣмъ отказаться отъ вѣры въ человѣка, чтобы не видѣть глубоко важнаго значенія въ этой тяжелой духовной работе вѣка. Плоды ея не сразу вмѣстимы въ разумъ и не сразу могутъ броситься въ глаза, но во всякомъ случаѣ эта сложная духовная работа не пропла даромъ.

Не станемъ ни скрывать, ни умалять самыхъ ошибокъ вѣка: онѣ были, и были ошибки дѣйствительно горькія и печальныя, но и онѣ послужать, да уже и послужили къ концу столѣтія къ оздоровленію мысли.

Въ наслѣдіе отъ своего предшественника истекшій вѣкъ получилъ разложившійся рационализмъ філософіи энциклопедистовъ, быстро облетѣвшей Европу и затѣмъ выродившійся въ мистическій шѣтизмъ. Отклоненіе маятника вправо даетъ затѣмъ такое же отклоненіе влѣво: и мистицизмъ, какъ реакція противъ недавнихъ увлеченій вольномысліемъ энциклопедистовъ, получилъ сильное распространеніе въ Европѣ: захватилъ онъ и высшіе слои нашего отечества, и въ лицѣ г-жи Крюднеръ, г-жи Гюонъ, францъ-масоновъ отразился въ умственныхъ теченіяхъ и русскаго общества.

Слѣдующая, особенно замѣтная ступень въ направленіи умственной жизни вѣка,—это идеализмъ Гегеля. Въ крайно-

стахъ гегельянства все бытіе низведено было на чистую идею, и между духомъ и матеріей, Творцомъ и твореніемъ, идеей и дѣйствительностью исчезли всѣ отличія. Но реальные запросы мысли и жизни не могли быть подавлены отвлеченною теоріей, и вотъ, какъ это ни странно, съ одной стороны, подъ вліяніемъ этихъ запросовъ, съ другой стороны, въ логическомъ развитіи самого гегельянства—его крайняя лѣвая, какъ выражаются историки философіи, неожиданно вырождается въ грубый материализмъ... Можно сказать, это послѣднее міросозерцаніе, упростишееся до крайности и спустившееся съ верховъ философіи въ самыя низины толпы, прошумѣло въ Европѣ болѣе всѣхъ другихъ. Временно оно связало себя съ успѣхами естество-занія, получившаго въ нашъ вѣкъ небывалое развитіе, и, опираясь на открытия и изобрѣтенія въ области материальной культуры, горделиво и самоувѣренно предъявило претензію сказать послѣднее слово въ области мысли. Необыкновенное, невиданное увлечение наукой охватило всю мыслящую Европу; но подъ вліяніемъ материализма самая наука, принявъ форму позитивизма, слишкомъ сузила свою сферу и предъявила попытку совсѣмъ выбросить изъ своей области всѣ вопросы, касавшіеся собственно духа человѣческаго; поколѣніе, выросшее и воспитавшееся подъ вліяніемъ этого міросозерцанія, считало себя въ правѣ безнаказанно отрицать все недоступное нашимъ вѣшнимъ чувствамъ—религію, совѣсть, нравственность и проч.; уничтоженіе вопросовъ оно считало ихъ разрѣшеніемъ, и свои ограниченныя стремленія и свои смѣлыя вѣрованія оно резюмировало въ спѣсивой фразѣ, которая свидѣтельствовала только объ ограниченности: „Въ мірѣ нѣтъ болѣе тайнъ“... Трудно представить, какіе чудовищные для нравственной и религіозной жизни человѣчества выводы были сдѣланы изъ открытій биологии и физіологии—изъ закона сохраненія вещества, естествен-наго подбора и борьбы за существованіе... Казалось, наступаетъ крушеніе всѣхъ идеаловъ, и материализмъ, потворствуя чувственности, потакая низменнымъ стремленіямъ толпы, будучи „дешевымъ міросозерцаніемъ“, доступнымъ самой обыкновен-ной ограниченности, подорвѣтъ всѣ высшія идеальные стремленія. Дѣйствительно, никогда не совершалось столько пре-

ступленій, никогда не было такого разлага чувственности, какъ во время господства этого жалкаго міровоззрѣнія; конечно, эти явленія преступности бывали и бываютъ при всѣхъ условіяхъ жизни, но теперь они не скрывались, открыто показывались на свѣтъ, не стыдились себя, а находили себѣ оправданія въ господствующихъ теоріяхъ и ложныхъ ссылкахъ на науку. Къ счастью, духовную жизнь человѣка нельзя подавить въ конецъ. Какъ теорія, материализмъ скоро началъ терять свое обаяніе, обнаруживая свою несостоятельность, и истинная наука скоро открыто и безповоротно отказалась отъ услугъ этого мнимаго союзника. Невѣроятною становилась послѣ всѣхъ этихъ огульныхъ отрицаній всего сверхъестественнаго та жажда невѣдомаго и таинственнаго, которая стала замѣчаться по-всюду. Но не сразу она нашла себѣ исходъ и удовлетвореніе тамъ, гдѣ она давнымъ-давно указана Тѣмъ, Кто вложилъ намъ въ душу эту жажду... Въ „Плодахъ просвѣщенія“ нарисована картина этого исканія... Въ мрачныхъ сеансахъ спиритизма, въ постукиваніяхъ и движеніяхъ бездушнаго стола, часто безсмысленныхъ и смѣшныхъ, въ безцѣльныхъ вызываніяхъ умершихъ, въ письменныхъ сношеніяхъ съ духами—вотъ гдѣ искали удовлетворенія требованіямъ проснувшагося духа... Чувственная сторона оказывалась далеко не единственной въ человѣкѣ, но долговременное удовлетвореніе одной чувственности и забвеніе о другой сторонѣ человѣческаго существа естественно произвело утомленіе, разочарованіе въ тѣхъ свѣтлыхъ надеждахъ, которыя возлагались на науку, принесло уныніе,—и на испещренной физіономіи нашего вѣка появилась еще глубокая и рѣзкая морщина... Мы говоримъ о пессимизмѣ. Культурный человѣкъ, способный наблюдать и оцѣнивать явленія жизни и мысли, дѣйствительно терялся въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ вѣка.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчій.

Горячая вѣра въ науку окрылила мыслителей нашего вѣка свѣтлою надеждою устроить рай на землѣ, создать путемъ естественнаго гуманизма общеніе народовъ, въ общей дружной культурной работѣ имѣющихъ вступить въ вѣчный миръ. Извѣстный Бокль уже смѣло объявлялъ крымскую войну послѣд-

нимъ остаткомъ отживавшаго варварства. И какъ бы въ на-
смѣшку надъ всѣми этими чаяніями, тягостный милитаризмъ,
„вооруженный миръ“,—вотъ что служило отвѣтомъ смѣшому
пророчеству. Милитаризмъ обращаетъ Германію, эту страну
философовъ и поэтовъ, въ сплошную казарму, истощаетъ эко-
номическую жизнь народовъ; войны слѣдуютъ за войнами,
человѣческая изобрѣтательность и самые выводы науки обра-
щаются на измышленіе новыхъ орудій истребленія людей, и
въ настоящія минуты, когда мы пишемъ эти строки, Европа
находится въ полномъ напряженіи военныхъ силъ и ведетъ
брань въ двухъ отдаленныхъ мѣстностяхъ земного шара.

Рядъ открытій и изобрѣтений, открывшихъ человѣку воз-
можность пользоваться такими силами, какъ паръ и электри-
чество, развитіе промышленности, усиленное производство всѣхъ
предметовъ міровой торговли,—все это, повидимому, обѣщало
цѣлый переворотъ въ области соціально-экономической жизни
народовъ, въ смыслѣ смягченія и даже полнаго уничтоженія
бѣдности. Мечтателямъ рисовались заманчивыя картины все-
общаго матеріального довольства, — и, какъ бы въ насмѣшку,
никогда не бросалась въ глаза такъ рѣзко разница между бо-
гатствомъ и бѣдностью, никогда капиталъ не быть такимъ
всесильнымъ господиномъ, никогда плутократія не обособля-
лась такъ отъ бѣдности и нищеты. Повидимому, весь культур-
ный прогрессъ оказался выгоднымъ только ничтожной горести
милліонеровъ, и промышленность, желѣзныя дороги, пароход-
ство, электрическія и паровыя машины,—все это сдѣлало жизнь
рабочихъ классовъ гораздо бѣдственнѣе, чѣмъ была она прежде.

Какъ бы усиливая это противорѣчіе, капиталистическая
промышленность создала изъ рабочихъ цѣлое царство своихъ
подданныхъ, надъ которыми она господствуетъ страхомъ го-
лодной смерти,—и это въ тотъ вѣкъ, когда болѣе, чѣмъ когда-
либо, возглашались идеи о всеобщемъ равенствѣ, о правахъ
демократіи и проч., когда старательно разбивали всѣ стѣсне-
нія, идущія отъ традиціи вѣры, государственной и церковной
жизни минувшихъ вѣковъ, традиціи, называемыя рабствомъ,
несоответствующимъ свободному духу человѣка XIX столѣтія.
Власть денегъ захватила не одни рабочіе классы: она порабо-

тила газету, книгу, подчинила себѣ и учителя, и чиновника, и общественного деятеля...

Сумма знаній увеличилась въ минувшемъ столѣтіи, и наука сдѣлалась общедоступной; множество учебныхъ заведеній, безчисленныя газеты, особая просвѣтительная учрежденія расширили кругъ распространенія и первоначальной грамотности и научныхъ свѣдѣній. Казалось, что подъ вліяніемъ просвѣщенія жизнь людей будетъ, если не совершенно, то во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ прежнее время, свободна отъ проявленій дикости, жестокости и преступленій. И вотъ, опять какъ бы въ настѣшку, раздается возглашь, что Европа „одичала“ въ нравственномъ отношеніи. Коварство въ политикѣ, подлоги, обманы, измѣны характеризовали международныя отношенія (стоить вспомнить только Бисмарка); множество самыхъ дикихъ преступленій, жестокихъ и безсмысленныхъ убийствъ, случаевъ воровства цѣлыхъ миллионовъ рублей, принадлежащихъ бѣднотѣ, злостныхъ банкротствъ, небывалыя проявленія наглаго до циничности эгоизма,—все это омрачало жизнь нашу въ послѣднія десятилѣтія.

Удлинять ли эти параллели противорѣчій? Говорить ли о томъ, что, несмотря на всеобщее стремленіе къ удовольствіямъ, на ненависть ко всякому виду аскетизма, несмотря на то, что мѣста увеселеній увеличились до возможной степени, что доступъ къ нимъ открыть самый широкій, такъ что явилась даже такъ-называемая „увеселительная благотворительность“,— несмотря на все это, истинная жизнерадостность нисколько не повысилась, людямъ стало жить печальнѣе и скучнѣе. Здѣсь одно изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій истекшаго вѣка, дающаго, по статистическимъ свѣдѣніямъ, до 50.000 самоубийствъ въ годъ въ одной Европѣ и до 500 самоубийствъ въ годъ среди учащихся дѣтей только въ одномъ изъ учебныхъ окружовъ Франціи...

Немудрено, что, подъ вліяніемъ этихъ бросающихся въ глаза противорѣчій, возникъ и развился мрачный пессимизмъ, и представители его въ философіи и въ литературѣ стали пользоваться замѣтнымъ вліяніемъ. Небытіе лучше бытія, и самый міръ есть нѣчто такое, что не должно бы быть совсѣмъ,—

таково послѣднее слово этого міровоззрѣнія. Но если бы пессимизмъ удержалъ за собою господствующее положеніе среди настроеній вѣка, это бы значило, что человѣчество истощило свои жизненные силы. Къ счастью, пессимизмъ всегда былъ явленіемъ временнымъ. И къ концу вѣка европейское человѣчество возвратилось снова къ болѣе отрадному міросозерцанію, которое въ состояніи удовлетворить никогда не умирающія въ человѣкѣ высшія духовно-нравственныя потребности. Мы разумѣемъ тольѣ благотворный духъ религіозно-нравственного возрожденія, который въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка наложилъ такую замѣтную печать на всѣ стороны жизни. Необыкновенно возросъ интересъ къ исторіи религіи; необыкновенно возросъ интересъ къ христіанству, къ его Основателю, къ исторіи его Церкви, къ разрѣшенію нравственныхъ вопросовъ. Это явленіе замѣчено всюду, какъ „возрожденіе спиритуализма“ и, къ чести нашей сказать, во Франціи, напримѣръ, въ значительной степени приписывается вліянію „русскаго романа“. Правда, подъ вліяніемъ пережитаго ряда смѣняющихся міровоззрѣній, подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ противорѣчій вѣка, въ современномъ культурномъ человѣкѣ остались осадки пережитаго и перечувствованнаго; онъ потерялъ цѣльность своего существа, непосредственность отношеній къ вопросамъ высшаго порядка, и даже болѣе: эти осадки нерѣдко затемняютъ въ немъ самыя простыя истины. Море, взволнованное бурею, не сразу успокоится, хоть буря и перекатится; экипажъ, выбитый изъ колеи бѣшеною скачкою, не сразу опять попадетъ въ колею: такъ и въ религіозныхъ исканіяхъ современности, напримѣръ, и у нашего „учителя“ графа Толстого, даже при добромъ желаніи осмыслить для себя и для другихъ жизнь человѣчества, обнаруживается иногда чудовищное непониманіе христіанства въ его основныхъ истинахъ. Отрѣшенные отъ исторической живой связи съ христіанствомъ, эти искатели видѣть вдали свѣтъ его, но усталость духовнаго зреенія, съ одной стороны, мѣшаетъ имъ найти къ нему дорогу; съ другой стороны, гордость, какъ наслѣдіе прошлаго увлеченія рационализмомъ, мѣшаетъ имъ взять протянутую руку помощи отъ Церкви, которая одна

хранила и хранить живое, не умиравшее и не умирающее христианство.

Мы глубоко вѣримъ, что это отмѣченное шатаніе религіозной мысли есть явленіе временное и скоропреходящее. Мы глубоко вѣримъ, и теперь ужъ видимъ, что лучшіе представители мысли и жизни предостерегаютъ человѣчество отъ неразумнаго увлеченія механическимъ міровоззрѣніемъ и стараются уяснить себѣ и другимъ взглядъ на жизнь человѣка и на смыслъ историческихъ судебъ съ высшей точки зрѣнія нравственнаго міроправленія. Недаромъ одно научное общество въ Гаагѣ недавно назначило премію за лучшее сочиненіе по вопросу о „нравственномъ міроправленії“ въ смыслѣ его научно-философскаго оправданія.

Поворотъ къ религіозному міросозерцанію есть какъ бы завѣтъ минувшаго вѣка новому ХХ столѣтію, и смиренное усвоеніе, правильное развитіе и осмысленное, здоровое направление его по руслу вѣковой религіозной жизни въ нѣдрахъ Церкви составляеть обязанность тѣхъ, кому дано жить и мыслить и действовать въ наступающемъ новомъ вѣкѣ.

Священство — первородство духовное.*

„Въ законѣ сѣни и писаній образъ видимъ, вѣримъ: всякий мужской польский долженъ разверзай, съять Богу“...
(9 пѣснь канона праздн.)

Если всѣмъ вѣрнымъ въ ветхозавѣтномъ законѣ сѣни и писаній дается нынѣ особо поучительный образъ, то тѣмъ болѣе это касается васъ, духовные юноши. Припомните обстоятельства, послужившія въ Ветхомъ Завѣтѣ ближайшимъ поводомъ появленія того закона, по которому нынѣ Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ Матерію приносится въ храмъ Господень.

По закону Моисея (Лев. XII, 2—8), каждая мать, родившая ребенка, въ 40-й день послѣ рожденія должна была явиться въ храмъ и принести жертву очищенія. Но если младенецъ

* Слово въ день Срѣтенія Господня, 2 февраля 1901 г. Сказано въ церкви Тифлисской духовной семинаріи.

быть перворожденнымъ мужескаго пола, то, кроме обряда очищенія матери, совершался еще другой знаменательный обрядъ посвященія младенца Господу Богу, обращавшій мысли народа къ первымъ временамъ его самостоятельной жизни,—жизни, всецѣло протекшій подъ водительствомъ Божіимъ. Вчера читалось въ первой вечерней пареміи: въ воспоминаніе чудеснаго события, когда въ ночь предъ выходомъ Израиля изъ Египта ангель-истребитель избілъ первенцевъ египетскихъ, оставивъ еврейскихъ невредимыми, законъ Моисеевъ повелѣлъ посвящать Богу всѣхъ первородныхъ въ Израилѣ. Посвященные (евр. *кадош*, что значитъ: выдѣленный, отдаванный въ полную и безусловную собственность) становились полной собственностью Божію и могли быть употреблены на служеніе въ скинѣ и храмѣ (Исх. XIII, 2, 15, XXII, 29; Числ. III, 13, VIII, 17). Впослѣдствіи вмѣсто этихъ первенцевъ было избрано для особыхъ служеній Богу *священство* Израилево — колѣно Левіино (Числ. III, 12; VIII, 18), а за первенцевъ должны были родители давать особый выкупъ, который, какъ видимъ въ евангеліи, былъ внесенъ и Іосифомъ съ Марию за Младенца Іисуса.

Итакъ, что же прежде всего мы видимъ въ законѣ сѣни и писаній?

Видимъ, что въ древнемъ Израилѣ, по повелѣнію Божію, священство замѣнило первенцевъ по плоти и сдѣлалось само духовнымъ первородствомъ и духовною всенародною жертвою передъ Богомъ; такъ велико было это служеніе священства, что Самъ воплотившійся Богочеловѣкъ благоволилъ исполнить законъ этой замѣны и, такимъ образомъ, освятилъ и подтвердилъ духовное первородство священства.

Судите же теперь сами, мои юные слушатели,—судите, не правда ли, что въ законѣ сѣни и писаній сегодня вы, какъ подготовляемые къ священству и рождениемъ и воспитаніемъ, должны видѣть для себя особо поучительный и знаменательный образъ?

Да, волюбленные юноши, священство есть собственность Господа попреимуществу, Его клиръ — удѣль и достояніе; священство есть духовное первородство въ народѣ,—и къ этому первородству готовитесь вы въ завѣтѣ новомъ, высшемъ и со-

вершеннѣйшемъ, въ которомъ и священство, какъ слышали вы сегодня въ апостольскомъ чтеніи, настолько выше ветхозавѣтнаго, насколько тѣло выше тѣни, исполненіе выше ожиданія... Да не подумаетъ кто, что въ нашихъ словахъ звучить обыкновенная, мірская, такъ-называемая сословная гордость. Нѣть, волюбленные, священство, подобно царству и пророчеству, не есть сословіе; оно выше этого обычнаго дѣленія общественной жизни. Если же мы, носители священства, говоримъ о немъ, какъ о духовномъ первородствѣ, то, какъ видите, говоримъ на основаніи слова Божія, и говоримъ съ чувствомъ трепетнаго смиренія и сознанія своего недостоинства. Съ другой стороны, да не смутится кто-либо при этомъ опредѣленіи священства и тѣмъ бѣднымъ, часто убогимъ, а то и презираемымъ и забитымъ положеніемъ, которое оно нерѣдко занимаетъ въ мірѣ и которое многихъ малодушныхъ и мелкодушныхъ духовныхъ юношъ отвращаетъ отъ дороги ихъ отцовъ и праотцевъ. Мысли и пути Божіи—не то, что мысли и пути человѣческіе... Духъ выше тѣла и духовное выше плотскаго,—это основная истина христіанства. Но и въ законѣ сѣни и писаній найдемъ мы въ этомъ отношеніи руководственное указаніе. Издревле, на зарѣ жизни человѣчества, святые патріархи одному изъ сыновей своихъ давали права первородства. Но въ то время, какъ у всѣхъ народовъ языческихъ права первенства заключались въ обладаніи наихъ богатствомъ отца и властью надъ своимъ родомъ,—въ племени богоизбранномъ эти права прежде всего заключались въ обладаніи духовнымъ сокровищемъ—въ обѣтованіи Спасителя міра. Ной, вдохновленный свыше, Іафету, младшему сыну своему, обѣщаетъ многолюдное потомство и расширеніе предѣловъ обитанія,—то, что обычно завѣщалъ бы отецъ сыну старшему; а Симу, первенцу своему, обѣщаетъ онъ то, что непонятно плотскому уму, но что выше всего: обѣщаетъ его потомству рожденіе Спасителя міра, истинное боговѣдѣніе и чрезъ это, послѣ подчиненія вѣнѣніи силѣ іафетидовъ,—духовное господство надъ ними истинною вѣры. Исаву достается въ обладаніе не большая часть, а рѣшительно все имущество отца его Исаака, и онъ, нѣкогда продавшій первородство свое за чечевичную

похлебку, усвоивъ себѣ чувственныя воззрѣнія хананеянъ, вполнѣ успокоился, получивъ стада и серебро отцовскія. Благословеніе Іакова, однако, чрезъ это не умалилось. Іакову, и однокому и гонимому братомъ, обѣщано было духовное первородство въ рожденіи отъ него Спасителя, и обѣщаніе сбылось съ изумительною точностью и содѣжало потомство Іакова славою міра, свѣтомъ для язычниковъ, какъ нынѣ торжественно вѣщаетъ о томъ св. Симеонъ Богопріимецъ. Такъ духовное первородство у Бога выше, чѣмъ земное первенство въ воззрѣніяхъ людей міра. То же нужно сказать и о священствѣ.

И донынѣ, и до конца временъ, и на вѣчные вѣки священство въ Христовой Церкви имѣть значеніе, подобное первородству Іакова: оно есть первенецъ духовный, оно есть залогъ жизни духа, оно есть сѣмѧ святое, которымъ обусловлено самое стояніе міра; оно есть жертва Богу всенародная, всемирная, хотя бы, подобно изгнаннику-Іакову въ пустынѣ, и не высоко и не знатно было положеніе его въ такъ-называемой мірской жизни. Вѣдь и самъ Спаситель, родившись, благоволилъ записаться въ число подданныхъ Августа, принесень въ храмъ и жертвою выкупленъ, какъ сынъ бѣдныхъ родителей. Но какой же другой младенецъ, въ часъ срѣтенія Іисуса Симеономъ, вмѣстѣ съ Нимъ принесенный въ храмъ, могъ сравняться съ Богомладенцемъ Христомъ, хотя бы за него, какъ выкупъ, даны были въ храмъ горы золота и священныхъ сиклей, тысячи жертвъ и всесожженій?

Окончательная дѣль жизни народовъ и человѣчества есть *богопраслѣніе*, вселенская теократія, въ высшемъ смыслѣ этого слова, какъ осуществленіе божественного закона въ мірѣ человѣческомъ, воплощеніе небеснаго въ земномъ,—все то, чему начало пророческими очами увидѣть старецъ Симеонъ, нося на руку Христа-Богомладенца, увидѣть и возрадовался... Этотъ союзъ неба и земли, этотъ новый завѣтъ Бога съ твореніемъ, этотъ совершенный кругъ и вѣнецъ всемирнаго дѣла, называемый *царствомъ Божіимъ*,—все это есть созданіе Божіе вѣковѣчное, и никакимъ силамъ зла не поколебать того, что утверждено и наадано кровію Бога-Искупителя. Къ сліянію съ этимъ царствомъ Божіимъ стремиться должна и жизнь царствъ

человѣческихъ, и всякая вообще личная или общественная жизнь. И вотъ здѣсь-то и великъ и незамѣнимъ священникъ Божій, въ широкомъ значеніи этого слова,—священникъ, какъ учитель и проповѣдникъ богопреданной истины, священодѣйствователь и молитвенникъ въ посредствѣ божественного съ человѣческимъ, духовный управитель жизни вѣрующихъ на пути къ соединенію земного съ небеснымъ. Не блестяще, можетъ-быть, его дѣятельность по виѣшнему виду; но русло жизни намъ не дано видѣть тѣлесными очами, какъ не дано видѣть и замѣтить въ настоящій моментъ, какимъ образомъ когда я говорю, а вы слушаете, совершаются духовный обмѣнъ мыслей и чувствъ нашихъ, какимъ образомъ въ насть и виѣ насть неуклонно дѣйствуютъ законы природы, вращается земля около своей оси и вокругъ солнца. Но несомнѣнно, эти явленія невидимыя устойчивѣе, постояннѣе и важнѣе многаго изъ видимаго.

Къ чему говоримъ мы вамъ обо всемъ этомъ? А къ тому говоримъ, возлюбленные юноши, чтобы и поучать, просить, и умолять васъ проникнуться сознаніемъ вашего духовнаго первородства, вашего будущаго высокаго призванія. Народъ васъ ждетъ, юноши,—вашъ родной, близкій вамъ народъ, это дитя Божіе, еще малое, еще часто неразумное, ждетъ къ себѣ васъ, своихъ первенцевъ, ждетъ и въ храмъ, и въ школу, и въ свою темную жизнь, на духовную ниву свою, ждетъ съ простертыми руками, ища духовной милостыни и участія. Неужели положите вы въ эти съ мольбою простертыя руки камень вмѣсто хлѣба? Неужели подадите вмѣсто рыбы змію, вмѣсто яйца скорпиона?

Увы, увы! духъ мірскихъ мечтаній, прикрываемыхъ громкими фразами, убаюкивающими совѣсть, отвращаетъ многихъ духовныхъ юношъ отъ этой службы народу,—и мчатся эти юноши, одни въ мечтахъ, а другіе уже въ дѣйствительности, мчатся мимо колѣнопреклоненныхъ младшихъ по духу братьевъ своихъ, мчатся далеко-далеко, созидаю личное благо, къ тысячнымъ окладамъ, къ обогащенію, къ власти и чинамъ, любя народъ свой только на словахъ, а не на дѣлѣ, готовые быть въ средѣ этого народа хотя бы врачами скотовъ, оставляя на

гибель и обрекая на тьму человѣческія души... Повторяется старая исторія Исаевовой продажи первородства за чечевичную похлебку...

Въ ветхомъ завѣтѣ священство соединено было, какъ неизбѣжная обязанность, съ рожденіемъ отъ колѣна Левіна, и такимъ образомъ являлось принудительнымъ. Законъ новаго завѣта есть законъ свободы: но помните, что по закону свободы мы и судимы будемъ (Лак. II, 12).

Въ законѣ сїни и писаній образъ видимъ, вѣрній... Пусть же эти многоговорящіе образы, то устрашающіе, то поучающіе, вдохнуть въ васъ, наши родные, духовные юноши, любовь къ вашему будущему званію, рѣшимость отдаваться ему всецѣло и безраздѣльно, чтобы, не измѣнивъ позорно призванію своему, не продавшись за чечевичную похлебку мірскихъ выгодъ, напротивъ, тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Римл. XII, 11), послужили вы каждый своему народу и вмѣстѣ всему миру въ духовномъ первородствѣ священства Божія! Аминь.

Союзъ пасомыхъ съ Архипастыремъ.*

Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселившую утверди. (Изъ „Чина Православія“.)

Въ жизни мірской, обычной нерѣдко наблюдается печальное явленіе: во дни торжества и радости, во дни силы и благосостоянія общества забываются тѣ давно умершія лица, заслугамъ, а иногда и страданіямъ которыхъ общество обязано своимъ процвѣтаніемъ. Часто ли, напримѣръ, при восхваленіяхъ современной цивилизаціи и успѣховъ Европы вспоминаютъ о томъ, чѣмъ она обязана христіанству и его проповѣдникамъ? Часто ли въ патріотической гордости при видѣ

* Слово въ недѣлю Православія и въ день тезоименитства высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, экзарха Грузіи.

шири и мощи нашего отечества сознаютъ и признаютъ неизмѣримыя заслуги Православной Церкви, этой силы виждѣтельной Россіи, и ея служителей? Чувство личной радости такъ увлекаетъ человѣка, что онъ чаше всего въ минуты удачи и благополучія, удовлетворяя своему самолюбію, готовъ все приписать себѣ самому, забывая о другихъ.

Не то мы видимъ въ Церкви Божіей. Священное достояніе ея—Божественная истина хранится въ ней нерушимо, какъ богодарованное сокровище; не люди создали его и не отъ людей мы его получили. Однако, истина эта дана была людямъ, и хотя и при высшей, Божественной помощи, но хранилась она людьми и людямъ же передавалась изъ рода въ родъ. Тьма всегда вооружалась на свѣтъ, злоба и нечестіе всегда возставали противу правды,—и людямъ, носителямъ истины христианства, суждено было, суждено и тешерь и навѣки охранять эту истину и личнымъ, и цѣлокупнымъ подвигомъ, твердымъ стояніемъ въ вѣрѣ, какихъ бы это усилій и страданій ни стоило. И какъ не забыта предъ Богомъ ни едина капля слезная, нижѣ капли часть нѣкая, такъ не забыта въ Церкви ни едина капля ревности къ вѣрѣ и усердія, ни едина душа, ревновавшая по правдѣ Божіей, въ мѣру силъ и разумѣнія. Память въ Церкви есть воистину вѣчнага память,—и какъ радостно, какъ отрадно сознавать, что жить и дѣйствовать въ средѣ церковной—значить найти въ ней и вѣчную жизнь съ удовлетвореніемъ вѣковѣчныхъ запросовъ духа нашего въ духовномъ общеніи съ Творцомъ и съ Главою Церкви—Христомъ Иисусомъ, и вѣчную память молитвы и ходатайства, непрестающей любви и участія въ материнскомъ лонѣ Церкви! Можно сказать, что не только каждый членъ, а каждое слово нашего священнаго символа вѣры выстрадано въ упорной борьбѣ съ врагами истины, каждая черта церковной жизни вошла въ міръ путемъ страданія и мученической стойкости вѣрныхъ сыновъ Церкви. Не забыто все, что они отстояли кровью, слезами и горестью душъ; не забыто это выстраданное дорогое ученіе, не забыты и эти страдальцы, подвижники, вѣрные сыны Церкви! Въ торжественный праздникъ православія, въ первое воскресеніе Великаго поста, Церковь

ежегодно, вооглашаша устрашающую анаеему лжеученіямъ и лжеучителямъ не изъ мести, конечно, а въ огражденіе чадъ своихъ отъ пагубныхъ ошибокъ и заблужденій, въ то же время ублажаетъ вѣчною памятью всѣхъ ревнителей вѣры и благочестія ¹⁾). Въ этотъ день, оглядываясь на прошлія судьбы свои, видитъ Церковь, какъ возникали и воздымались вра- ждебныя ей теченія, шумѣли, грозили, нарушили всеобщій миръ, колебали спокойствіе Церкви, силились все затопить гряз- ными волнами своими, казались страшными, всесокрушающими, но, какъ иной отъ вѣянія животворнаго тепла, какъ туманъ предъ лучами солнца, таяли и гибли они предъ лучами живо-творной истины. Оглядываясь назадъ, Церковь съ утѣшениемъ видить, что изъ великихъ испытаній и страданій она вышла, какъ золото изъ горнила,—чище, дороже, достойнѣе. Огляды- ваясь назадъ на прошлія судьбы свои, видить Церковь ясно торжество свое надъ невѣріемъ, зловѣріемъ, неправовѣріемъ, и благодарная Богу и Его водительству, благодарна она и тѣмъ великимъ сынамъ своимъ, которые не пали духомъ въ годину искушеній и, насколько дано дѣйствовать въ исторіи Церкви силамъ людей, подготовили ей торжество православія. Среди нихъ, какъ духовный свѣтила, сіяютъ на тверди цер-ковной великихъ отцы Церкви, пастыри душъ, прославленные дарованіями духа и личною святыстю жизни. Благословенъ Господь, воздвигавшій отъ временъ апостоловъ эти великие свѣтильники! Они свѣтили для вѣрныхъ душъ среди тьмы язычества и всякаго лжемудрованія, они согрѣвали холодныя сердца огнемъ своей любви и ревности, они истолковывали слово истины, они возвѣщали ее во всемъ мірѣ, они на все-лensкихъ соборахъ навѣки изложили ее въ удобопріемлемыхъ и незыблемыхъ символахъ и вѣроопредѣленіяхъ, они же и отстояли истину отъ всѣхъ на нее нападеній. И благо-дарная имъ, почитающая память ихъ Церковь, воздвигая нынѣ

¹⁾ Еще не такъ давно до 1767 года, т.-е. до пересмотра „Чину Православія“, митрополитомъ Гавріломъ съ одобреніемъ Св. Синода въ „Чинѣ Православія“ число лицъ, которымъ вооглашалась вѣчная память, доходило до четырехъ тысячъ. См. Семеновъ: „О чинѣ Православія“. (Кievъ, 1856 г.) и прот. К. Никольскій „Анаемат-ствованіе, совершающееся въ 1-ю недѣлю Великаго поста“ (Спб., 1879 г.).

широко-въющую хоругвь православія надъ міромъ, да видима будеть и просвѣтится предъ человѣки, во всеуслышаніе въща-ѣть: *сія вѣра отеческая!*

Это не значитъ, что православіе сводить истину къ формуламъ, изобрѣтеннымъ человѣками; это не значитъ, чтобы наша вѣра, такъ-сказать, очеловѣчившись, потеряла свой высшій авторитетъ, или чтобы Церковь изъ учрежденія неизмѣн-наго, вѣковѣчнаго и божественнаго обратилась въ человѣче-ское. Отцы Церкви не заслоняли и не заслоняютъ отъ вѣру-ющіхъ Христа, какъ заслоняетъ Его собою на Западѣ въ католическомъ христіанскомъ мірѣ обоженный земной перво-священникъ; съ другой стороны, Церковь наша не кончаетъ своего бытія, своей истории и устройства только временемъ апо-столовъ, оставаясь послѣ нихъ въ состояніи анархіи вѣрованій и управлѣнія, какъ это мы видимъ въ другой—протестантской части западнаго христіанства. Истина въ срединѣ: Церковь православная сильна взаимнымъ союзомъ пастырей и пасомыхъ, ихъ взаимоподвигомъ вѣры, сильна своею *народностью*,—и дай Богъ ей оставаться народною во вѣки вѣковъ! По словамъ представителей восточной православной Церкви, „у насть ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насть есть самое тѣло Церкви, т.-е. народъ церковный, который всегда желаетъ содержать вѣру свою неизмѣнно и согласно съ вѣрою отцовъ своихъ“¹⁾). Древ-ніе пастыри, свѣтила Церкви, и были сильны любовію пастыри и союзомъ съ нею. Эта любовь ограждала ихъ нерѣдко отъ смерти и мученій; она же давала имъ и мужество въ страда-ніяхъ, когда они, эти страданія, становились неизбѣжными, и надежду, что не тщетно будетъ и самое ихъ мученичество. Эта любовь дѣлала и ученіе пастырей доступнымъ для пастыри и охраняла православіе народа, который, не всегда ясно пони-мая и различая истину въ тонкихъ діалектическихъ спорахъ востока или въ хитросплетенныхъ умствованіяхъ еретиковъ, объединялся около любимыхъ пастырей и держался право-славія изъ довѣрія и любви къ его носителямъ.

¹⁾ Послан. восточн. патріарховъ къ папѣ Пію IX-му въ 1849году.

Наглядное подтверждение сказанному находимъ въ жизни и дѣятельности одного изъ святителей-пастырей, память кото-
рого, въ порядкѣ годичнаго церковнаго круга воспоминаній, совпадаетъ съ нынѣшнимъ торжествомъ православія, именно
святителя Флавіана, патріарха Константинопольскаго († 449 г.).
„Мужъ православія“, „по духу пастырскому достойный замѣ-
ститель престола великаго Іоанна Златоуста“¹⁾, онъ въ годину
смуты церковной, въ борьбѣ православія противъ лжеученій
несторіанства и монофизитства, съ великою ревностю и муже-
ствомъ отстаивалъ истину, и избитый, оскорбленный, непра-
ведно осужденный неправеднымъ соборомъ, по справедливо-
сти получившимъ въ исторіи название „разбойничьяго“, пре-
далъ духъ свой Пастыреначальнику Христу, удержавъ въ
православіи и вѣренную ему паству. Всего два года онъ не
дожилъ до радости IV вселенскаго собора, оправдавшаго и его
ученіе и подвигъ его пастырства, привѣтствовавшаго его свя-
тость на радость всему православному народу. Достойно нынѣ
восхваляется блаженный сей пастырь въ числѣ святыхъ и
великихъ отцовъ Церкви, сохранившихъ намъ ту вѣру, о кото-
рой нынѣ мы возглашаемъ: сія вѣра *отеческая, вѣра право-
славная, сія вѣра вселенную утверди.*

Но, братіе мои, уваженіе къ древнимъ отцамъ налагаетъ
на насъ священную обязанность и нынѣ жить въ общеніи
любви, преданности и послушаніи отцамъ современнымъ, пасты-
рямъ Церкви. По волѣ Божіей, они суть носители неумира-
ющаго преданія церковнаго, неумирающей связи прошлаго съ
настоящимъ и будущимъ, значитъ, носители самой жизни
Церкви. Оттого великая сила, величайшая сила въ общеніи
пастыря и паствы и въ ихъ взаимной любви; эта сила любви
и въ наше время, полное искушений вѣры, равнодушія, коле-
баній, сомнѣній, отрицаній, полное религіознаго разномыслія
и сектантства, сохранить народъ нашъ отъ блужданія по рас-
путіямъ лжи и религіозныхъ шатаній. Образъ пастыря, только
и исключительно чиновника-администратора, и образъ отноше-
ній пасомыхъ къ пастырю только внѣшнихъ, административ-

¹⁾ См. А. Лебедевъ: „Исторія вселенскихъ соборовъ“, т. II-й, стр. 200—232.

ныхъ—совершенно чуждъ представлениемъ восточной православной Церкви, которая усвоила своимъ верховнымъ пастырямъ не жесткое название „князей церкви“, а трогательное наименование отцовъ... Одинъ изъ ученѣйшихъ епископовъ нашей Церкви поучительно разсуждаетъ объ этомъ такимъ образомъ: „Что такое епископъ—пастырь Церкви въ истинномъ смыслѣ слова? Не учитель только въ предметахъ вѣры и благочестія, не совершитель только торжественного богослуженія и рукоположитель священства, не судія только главный дѣлъ совѣсти и дѣлъ церковныхъ, наконецъ, не начальникъ только духовнаго сословія. Пастырь—епископъ есть высшій руководитель народа на всемъ пути духовной жизни; блеститель общественной нравственности, хранитель и защитникъ высшихъ духовныхъ потребностей и пользы народа, представитель за его душу и совѣсть и благо вѣчное предъ Богомъ и человѣками, на небѣ и землѣ; это, наконецъ, представитель Церкви православно-каеолической въ данномъ мѣстѣ, ея законовъ, ея правъ, ея силъ, ея цѣлей. Что такое и паства? Не опредѣленный только кругъ населенія, подчиненного въ церковномъ отношеніи мѣстному пастырю, не собраніе только молящихся людей въ церкви, не просто—стадо овецъ, безмолвно слушающихъ своего пастыря, когда онъ научаетъ, и такъ же молча принимающихъ отъ него благословеніе, когда того сами захотятъ, вообще же безгласныхъ въ дѣлахъ вѣры и Церкви и только въ случаѣахъ особенной надобности относящихся къ нему со своими просьбами. Нѣть! и паства должна быть союзъ—союзъ, нераздѣльное множество душъ, духовно-управляемыхъ по одной нравственно-религіозной идѣѣ, которую онъ не въ отдѣльности только, каждая сама про себя, но и въ цѣлостномъ соединеніи своемъ должны сознать, осуществить и проявить соответственнымъ ей направленіемъ своей частной и общей жизни; паства—это живое тѣло Церкви, это также дѣятель въ Церкви, котораго нравственная сила должна воздѣйствовать не къ одному вѣнченному благоустроенію Церкви, но и ко внутреннему утвержденію религіозныхъ началь и стремлений въ цѣломъ народѣ; это почва, въ которой должны вѣдритися и оплодотвориться жизнь и сила Церкви въ ея

истинномъ духѣ и дѣятельныхъ, спасительныхъ для человѣчества стремленіяхъ; паства—это, наконецъ, крѣпость, которая должна быть оплотомъ для самой религіи и Церкви противу разнообразныхъ враждебныхъ ей силъ и вліяній въ мірѣ¹⁾.

Дай Богъ, чтобы такія отношенія пастыря и паствы остались навѣки въ нашей Церкви не только какъ отвлеченные добрыя пожеланія, но и въ живой дѣйствительности! Нынѣ, въ день памяти святителя Флавіана, страдальца за вѣру, сильного любовью народною, празднуемъ мы тезоименитство и нашего богоданнаго архипастыря и отца высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Флавіана. Да не оскорбится глубокое смиреніе нашего владыки, если мы, въ дерзновеніи любви, здѣсь засвидѣтельствуемъ, что имя благостнаго архипастыря нашего пребываетъ въ благословеніяхъ у сопастырей его и паствы, что любовь народная прозрѣла духовную красоту его и окружила его высокимъ почитаніемъ. Да не смутился смиреніе нашего владыки, если мы въ день торжества православія засвидѣтельствуемъ здѣсь обѣ его великихъ трудахъ на пользу православія, понесенныхъ имъ на широкомъ пространствѣ святой Руси и даже далеко за ея предѣлами: отъ страны еще нехристіанской—отъ языческаго Китая, еще такъ недавно удивившаго міръ своею ненавистью къ имени Христову, гдѣ требовалось столько мужества и умѣнья въ дѣлѣ служенія Церкви и гдѣ архипастырь нашъ, однако, пользовался любовью и почитаніемъ,—и до страны, хотя и христіанской, но извѣстной исконною фанатическою ненавистью къ православію, на западѣ Россіи, гдѣ нашъ архипастырь силою кроткаго духа и благодатной мудрости хранилъ наше дорогое православіе въ мірѣ и благостояніи ввѣренной ему Божіей Церкви. Пусть же здѣсь, въ древлени православной Грузіи, среди завѣтныхъ святынь сѣй христіанской древности, среди народа, напоеннаго отъ лѣтъ древнихъ духомъ православія и въ немъ находившаго спасеніе свое и духовное и тѣлесное, пусть здѣсь масти-тый архипастырь нашъ, утрудившись отъ долгаго подвига многотруднаго дѣланія на нивѣ Божіей, увидить дни радости

¹⁾ Изъ слова Іоанна, епископа Смоленскаго.

и спокойствія душевнаго, любовь къ Церкви, къ ея уставамъ и богослуженію, вѣрность православію; пусть порадуется и нашею любовью къ нему и усердною о немъ молитвою. А любовь имѣть дерзновеніе; во имя этого дерзновенія любви къ тебѣ, архипастырь нашъ, обращаемся мы нынѣ съ нашими сердечными привѣтствіями и горячими благопожеланіями: да хранить Христосъ-Пастыренаачальникъ дни твоего горѣнія на свѣщницѣ Церкви во здравіи и крѣпости силъ; да живешь ты въ любви твоей паствы, храня святыню вѣры нашей; да пошлетъ тебѣ Господь въ богохранимой паствѣ твоей много часовъ радости и утѣшения и да видимъ мы тебя въ предстояніи молитвы и въ управлѣніи Церкви нашей яко отца о чадѣхъ веселящаяся! Аминь.

Нравственный обликъ Царя-Миротворца.*

Нѣкогда царственный пророкъ древняго Израиля въ порывѣ священнаго вдохновенія, созерцая будущія судьбы своего народа, рисовалъ для него образъ желаннаго царя въ одномъ изъ псалмовъ своихъ. „Онъ сойдетъ,—говорилъ онъ,—какъ дождь на склоненный лугъ, какъ капли, орошающія землю... И будетъ жить..., и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякий день благословлять его..., и будетъ имя его благословенно во вѣкъ; доколѣ пребываетъ солнце, будетъ передаваться имя его“. (Пс. 71, 6, 15, 17.)

Не находите-ли, достопочтенное собраніе, въ этихъ чертахъ царя древняго Израиля поразительное сходство съ Царемъ Израиля новаго—народа святорусскаго, съ Царемъ, котораго сейчасъ, въ день его земного рожденія, мы помянули заупокойною молитвою? Отшли теперь отъ нась на разстоя-

* Рѣчъ въ торжественномъ собраніи Тифлисскаго отдѣла Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III 26 февраля 1901 г.

кіе дни жгучей скорби, охватившей всю Русь и весь міръ при вѣсти о смерти Царя-Миротворца, смягчилась и самая жгучесть скорби, но на разстояніи же и самый образъ Государя Александра III становится еще цѣлостнѣе, величавѣе, прекраснѣе и обаятельнѣе, и чувствуется при воспоминаніи о немъ та же тихая, бодрящая радость, радость за то, что жилъ въ наши дни такой человѣкъ на землѣ, и человѣкъ этотъ быль намъ родной, быль нашъ, быль Царь на Руси...

И теперь, въ собраніи членовъ Общества, которое существуетъ въ его память и имя его выставляетъ своимъ знаменемъ, естественно чувствуется потребность воскресить въ душѣ его образъ, остановиться на немъ мыслью, отдохнуть сердцемъ, оживиться нравственно отъ духовнаго прикосновенія къ этому дивному Царю и человѣку нашего времени. Нравственный образъ поминаемаго Царя не напрасно называютъ удивительно цѣлостнымъ, потому что онъ дѣйствительно сливается со всѣми проявленіями его жизни и дѣятельности. Не въ искусной политикѣ и дипломатіи, не во вѣшнихъ усло-віяхъ и пособіяхъ объясненіе его успѣховъ и его мирового значенія, не здѣсь первоисточникъ всего, что такъ или иначе привлекаетъ насъ въ дѣятельности почившаго Царя: великое дѣло его, дѣло умиротворенія Европы, подъема русскаго самосознанія, расцвѣта внутренней моціи Россіи,—это всецѣло есть плодъ высоко-христіанской личности Государя и прекрасныхъ качествъ его русской души. Поэтому и неудивительно, если и наше Общество, по существу назначенное къ тому, чтобы содѣйствовать изученію и уясненію отечественной исторіи въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ славное царствованіе покойнаго Государя, не можетъ отнестися къ этимъ началамъ только отвлеченно и теоретически, но неразрывно хранить связь съ самою личностью покойнаго Государя, и изученіе его жизни, его характера, его вѣрованій и взглядовъ, его думъ и надеждъ ставить одною изъ первыхъ задачъ своихъ.

Покойный Государь жилъ, какъ умеръ, и умеръ такъ же, какъ жилъ,—и здѣсь сказалась та же цѣлостность его духовнаго склада. Помнится, когда впервые огласились несложныя,

но глубоко-трогательные подробности его кончины, когда въ часть смерти, какъ отъ послѣдняго удара рѣзца геніального мастера-художника, окончательно выросъ предъ нами во всей духовной красотѣ его величавый образъ,—тогда-то подъ живыми впечатлѣніями сказано было мѣткое слово о немъ въ правительственномъ извѣщеніи его народа: „Кончина Государя Александра Александровича была праведная, какъ праведна была жизнь Его, исполненная вѣры, любви и смиренія“. Этими словами, дѣйствительно, кратко и ярко охарактеризована вся жизнь покойнаго Государя.

Воистину глубока и трогательна была его религіозная вѣра, чистая, ясная, цѣльная, какъ у ребенка; по выраженію одного изъ близко знавшихъ покойнаго Царя иностранцевъ, „вѣра была основнымъ фондомъ его души“ ¹⁾). Нашему Обществу мы обязаны тѣмъ, что въ его изданіяхъ недавно напечатаны выдержки изъ переписки покойнаго Государя съ его Супругой во время прошлой войны съ Турціей. Письма писаны къ самому близкому лицу и не были назначены для оглашенія: тѣмъ болѣе они дороги для характеристики Государя. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ: „Во всемъ, что дѣлается на землѣ, есть воля Божія, а Господь, безъ сомнѣнія, ведетъ судьбы народовъ къ лучшему, а не худшему, если они, конечно, не заслужили полнаго Его гнѣва. Поэтому да будетъ воля Господня надъ Россіей, и что ей слѣдуетъ исполнить и что ей дѣлать, будетъ указано самимъ Господомъ. Аминь“. Вотъ съ этимъ-то несокрушимымъ и мощнымъ „Аминь“ во святыищѣ своего сердца онъ и провелъ всю свою жизнь и какъ человѣкъ, и какъ Царь. Глубоко онъ былъ проникнутъ сознаніемъ иного, высшаго, незримаго міра, который нась окружаетъ; можно сказать, онъ жилъ въ предошущеніи этого міра и всегда былъ къ нему готовъ ²⁾,—и дѣйствитель-

¹⁾ Стѣль—въ книгѣ «Правда о Россіи».

²⁾ Постѣ одного неудавшагося покушенія на его жизнь, только что избавившись отъ смертельной опасности, онъ остался совершенно спокойнымъ и въ первыи же минуты совершенно просто замѣтилъ своей пораженной Супругѣ: „Я готовъ. Свой долгъ я исполню, а тамъ будь, что Богу угодно!“ Въ другой разъ онъ сказалъ: „Господь лучше знаетъ, какъ устраивать міръ; что касается меня, то если Богу угодно завтра положить конецъ моей жизни, я готовъ“.

но, въ послѣдній разъ сказалась эта вѣра въ честь его кончины, величавой и торжественной, въ предсмертныхъ словахъ этого Царя—богатыря по духу—къ его Супругѣ: „Чувствую конецъ. Будь спокойна, Я же совершенно спокоенъ“. Какъ Государь, вѣрилъ онъ въ Россію, въ свое Богомъ врученное ему дѣло—въ свою Царскую власть, какъ въ религіозный долгъ, въ самодержавіе, какъ Божье посланничество. И такъ глубока, такъ искрення, такъ проникновенна и всепокоряюща была его вѣра, что въ годину тяжкой смуты, когда, казалось, за колебался Царскій престолъ, когда будущее Россіи представлялось безнадежно-безпросвѣтнымъ, когда все металось въ отчаяніи, онъ не поникъ главою, но перелилъ эту свою могучую вѣру и въ насть, въ своихъ подданныхъ, и,—дивное дѣло,—въ короткое время упрочилъ древній Царскій престолъ въ самомъ сердцѣ, въ твердыняхъ самой души своего народа, умиротворилъ Россію и, поднявъ ее высоко-высоко въ глазахъ всего свѣта, поднялъ ее и въ ея собственныхъ глазахъ, въ ея собственномъ самоуваженіи...

«Въ томъ царская Его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ,—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколь ударить, и во мгновеніе
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресеніе
О свѣтломъ празднику по Руси возбѣстить,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откинулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—
И какъ живительнымъ, весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ въ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсь,—
Воскресла Русь, сомнѣній мракъ исчезъ,
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней, закрѣплено сознаньемъ».

(А. Майковъ).

Такая живая и мощная вѣра всегда бываетъ, по апостолу, любовью споспѣшствуема... Только въ этомъ святомъ чувствѣ вѣры и любви могъ Царь почерпнуть силы для своего колоссального, непрерывнаго труда, который свелъ его въ раннюю могилу, надломивъ, наконецъ, его богатырскую нату-

ру. Сломленный уже тяжелымъ недугомъ, прикованный къ одру болѣзни, среди мучительныхъ безсонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней не оставлять онъ своихъ державныхъ трудовъ, и Россія, одна его возлюбленная Россія была предметомъ его предсмертныхъ заботъ и мыслей. А въ годы правленія не было рѣшительно ни одной области государствен-наго хозяйства, куда бы не взглянула онъ любящимъ и за-ботливымъ окомъ. И вездѣ онъ хочетъ облегчить жизнь, утѣшить, отереть слезы. Самодержецъ всесильный, вступившій на престолъ среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, ни разу не проявился онъ въ гнѣвѣ или мстительности, но всегда яв-лялся народу своему въ ласкѣ, милости и привѣтѣ: прокормилъ миллионы голодныхъ, облегчилъ бѣдствія холеры, каж-дому сословію даровалъ какія-либо облегченія, льготы, милос-ти. Говорить ли о любвеобильной, чистой и безупречной его семейной жизни, въ которой явилъ онъ идеальный образъ лю-бящаго отца и мужа? Говорить ли о томъ, какъ много разъ мелкія и крупныя интриги, кровныя обиды и отъ враговъ и отъ благодѣтельствованныхъ лицъ и народовъ какъ бы ис-кушали и силились поколебать это величіе и долготерпѣніе любви, взывали о мѣщеніи, готовомъ разразиться кровавыми войнами,—и какъ любовь же побѣждала въ немъ естествен-ное самолюбіе, подавляла личныя чувства, торжествовала надъ ними во имя христіанскаго долга и общаго блага?

Здѣсь любовь граничитъ со смиреніемъ. Смиреніе на тро-нѣ Самодержца, повелителя величайшей въ мірѣ Имперіи,—это ли не диво нравственнаго мужества и самообладанія?! Не любилъ онъ проявлять свое Царское величіе внѣшнимъ вели-колѣщемъ и повелительностью, удалялся пышныхъ выходовъ и парадовъ,—зато безъ счета проводилъ онъ часы въ уединеніи своего рабочаго кабинета. Въ вѣкъ всеобщаго стремле-нія къ роскоши и излишеству поражалъ онъ всѣхъ своею простотою и довольствомъ малымъ. Онъ не выдавался рѣчами, не рисовался подвигами, не бряцалъ оружіемъ, не шумѣлъ вызывающими горделиво-витіеватыми рѣчами, грозя миру все-го міра, какъ это видимъ мы и слышимъ иногда на недале-комъ Западѣ... Въ немъ не было ничего приподнятаго, ни-

чего кричащаго, не было того картина, показного героизма, который всецѣло занятъ и любуется собою, занятъ мыслью о произведенномъ имъ впечатлѣніи, о томъ, что подумаютъ и скажутъ о немъ другіе. Его жизнь была исполнена другого героизма: русскаго, народнаго, смиреннаго и неблестящаго, но безцѣннаго нравственно, героизма труда и подвига отъ дня мученической смерти его благороднѣйшаго отца, когда онъ взошелъ на окровавленный престолъ посреди смуты умовъ, унынія сердца и ужаса народнаго и ваяль тяжкое бремя правленія, воспрянувъ оживить надежды народа,—и до дня смерти, когда онъ оставилъ сыну своему царство въ такомъ порядкѣ, въ какомъ не оставлять его своему преемнику ни одинъ изъ вѣнценосцевъ русскихъ. Но это былъ особый героизмъ, близкій и понятный сердцу народа, какъ родственный его духовному складу и христіанскимъ идеаламъ, молча и твердо исполняющій свой долгъ и не подозрѣвающій даже своего величія.

Въ нашихъ народно-мистическихъ представлѣніяхъ святая Русь рисуется, какъ край великаго долготерпѣнія; по народнымъ вѣрованіямъ, всю родимую землю нашу „съ крестной ноской Царь вселенной исходилъ, благословляя“... По народному воззрѣнію, въ жизни христіанина непремѣнно должна проходить черта аскетизма. И жизнь *народнаго Царя* нашего, въ которомъ отразились лучшія свойства русской души, была жизнью крестоносца, жизнью подвижническою, путемъ трудовымъ и тернистымъ. По своему положенію, какъ никто другой, могъ онъ избрать себѣ путь жизни широкій и пространный, себялюбиво-безпечальный, ведущій, по слову евангелія, въ пагубу; но вольною волею, хотѣніемъ вѣрующаго и любящаго сердца избралъ онъ себѣ путь узкій и прискорбный: подъявлѣ крестъ царственнаго долга, онъ несъ его до могилы въ смиреніи и самоотреченіи. Въ торжественную минуту смерти, когда созерцалъ онъ оба міра, на рубежѣ которыхъ находился, вдругъ ожился потухающій взоръ, забилось ослабѣвшее сердце... Что увидѣлъ онъ тогда предъ собою? Велико и неизѣяснимо священное таинство смерти, но вѣримъ съ дерзновеніемъ и отрадою, что не мимо его прошло слово Боже-

ственного призыва въ молитвѣ церковной: „Въ путь узкій ходши прискорбный, всѣ въ житіи крестъ свой, яко яремъ вземши и мнѣ послѣдовавше вѣрою, пріидите, насладитеся икже уготовахъ вамъ почестей и вѣнцевъ небесныхъ!“

Да будетъ же благословенъ покой твой, боголюбивая, чистая душа! Нашъ родимый, нашъ незабвенный, милый сердцу народному русскій Царь! Ты сошелъ, какъ дождь на склонный лугъ, какъ капли, орошающія землю! Пока будуть биться наши сердца, доколѣ будеть стоять твоя святая Русь, за которую ты въ трудѣ и подвигѣ любви положилъ свою душу, и доколѣ будеть сіять на землѣ святая Божія Церковь, которой ты служилъ, какъ добрый сынъ, въ смиреніи на высотѣ царства,—дотолѣ будешь ты жить въ благодарныхъ сердцахъ; дотолѣ имя твое будеть въ благословеніяхъ и дотолѣ будеть возглашаться тебѣ и о тебѣ вѣчная, вѣчная память!

Георгіанскій подвигъ Господа Іисуса Христа.*

Св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ ученику своему Тимофею, какъ предсмертный завѣтъ, даетъ ему такое наставление: „поминай Господа Іисуса“ (2 Тим. II, 8).

Св. Церковь православная всегда старалась и старается, какъ можно чаще вводить чадъ своихъ въ исполненіе этой апостольской заповѣди. Но если каждый день и въ каждое

* Сказано по порученію Совѣта Епархіального місіонерскаго духовно-просвѣтительного Братства въ г. Тифлісѣ въ нед. крестопоклонную во 2-й Тифлісской місіонерской церкви.

При составленіи настоящаго чтенія авторъ пользовался слѣдующими пособіями: Иннокентій, архіеп. Херсонск.: „Послѣдніе дни жизни Господа Іисуса Христа.“ Сочиненія, посвященные жизнеописанію Спасителя: протоіер. Буткевича, прот. Иванова, архіеп. Філарета (Гумилевскаго), прот. Е. Попова, Фаррара, Дидона, К. Гейки. Лопухинъ: „Біблейск. Исторія“, т. III (Нов. Зав.).

молитвенное собраніе она поставляетъ предъ духовнымъ взоромъ вѣрующихъ образъ Господа Иисуса, то во дни Великаго поста она прилагаетъ къ этому особое усердіе. Въ эти дни она обращаетъ вниманіе наше попреимуществу на образъ Иисуса Христа *Страждущаго*. Мысль о Святѣйшемъ Иисуспителѣ нашемъ, пострадавшемъ и умершемъ въ несказанныхъ мукахъ за грѣхи человѣчества, способна и сильна и каменное сердце обратить къ размыщенію о гибельности грѣховъ и расположить къ покаянію, къ которому и призываємъ мы во дни поста. Совершая нынѣ теченіе св. поста, считаемъ сегодня умѣстнымъ и благовременнымъ остановить вниманіе ваше, благочестивые слушатели, на одномъ изъ скорбныхъ событій послѣднихъ, скорбныхъ дней жизни Господа Иисуса, именно на Его Геєсиманской молитвѣ. Событіе это всегда особенно привлекало благоговѣйные взоры вѣрующихъ и любящихъ Господа Иисуса Христа: христіанское сердце не можетъ безъ трепета и умиленія представить себѣ въ Геєсиманскомъ саду, въ сумракѣ ночи, Божественнаго Страдальца, одинокаго, скорбнаго, изнемогающаго подъ страшною тяготою какихъ-то непостижимыхъ внутреннихъ муки духа.

Съ другой стороны, Геєсиманскій подвигъ Спасителя по своей таинственности и непостижимости вызывалъ не разъ и недоумѣнія, а иногда, какъ это ни скорбно, и возраженія враговъ христіанства. Въ собраніи вѣрующихъ не будемъ повторять и смущать себя этими возраженіями маловѣрія; будемъ смотрѣть на молящагося въ Геєсиманіи Господа Иисуса не очами соглядатая іудейскаго, такъ-сказать, изъ-за деревьевъ Геєсиманскаго сада, а очами вѣры и любви, преданности и благоговѣнія, очами апостоловъ, въ свѣтѣ Божественнаго Откровенія, въ свѣтѣ христіанской тайны искупленія. Тогда многое станетъ намъ и ближе, и понятнѣе, и поучительнѣе.

И если страданія всегда поучительны, всегда имѣютъ неотъемлемое право на вниманіе, то не особенно ли нужно сказать это о страданіяхъ безгрѣшнаго Сына Человѣческаго и въ то же время Сына Божія Иисуса Христа? Вѣдь страданія Его составляютъ сущность искупленія, сущность христіанства, основу

ву Церкви, основу спасенія и, вслѣдствіе этого, совершили, такъ-сказать, переломъ въ жизни всего міра.

Что же это за страданія?

Евангелисты рассказываютъ о нихъ съ необыкновенною простотою и краткостью, но съ величайшимъ благоговѣніемъ, которое невольно приковываетъ вниманіе всякаго читающаго евангеліе: чувствуется, что совершается предъ нами что-то дѣйствительно великое, что было однажды и никогда не повторится.

Сопоставляя сказанія всѣхъ четырехъ евангелистовъ, дополняющія одно другое, получимъ слѣдующее повѣствованіе. (Мате. XXVI гл.; Марк. XIV гл.; Лук. XXII гл.; Иоан. XVIII гл.; ниже будуть указываться только стихи.)

„Послѣ тайной вечери и прощальной бесѣды съ учениками, ночью (Иоан. XIII, 30) пришелъ съ учениками Иисусъ (Ме. ст. 39) за потокъ Кедронъ, гдѣ былъ садъ (Иоанн. ст. 1), на мѣсто, называемое Геѳсиманіей, и сказалъ ученикамъ: посидите здѣсь, пока Я пойду, помолюсь тамъ. И взявъ съ собою Петра и обоихъ сыновей Зеведеевыхъ (т.-е. Иоанна и Иакова), началъ скорбѣть и тосковать (Мате. ст. 36, 37) и ужасаться (Марк. ст. 33). Тогда говорить имъ Иисусъ: душа Моя скорбить смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною (Мате. ст. 38); молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе (Лук. ст. 40). И отошедъ немногого (Мате. ст. 39), на верженіе камня (Лук. ст. 41), паль на лицо Свое (Мате. ст. 39), на землю (Марк. ст. 35), молился и говорилъ (Мате. ст. 39): Отче Мой! все возможно Тебѣ (Марк. ст. 36); о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня (Лук. ст. 42)! впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты. И приходитъ къ ученикамъ, и находить ихъ спящими, и говорить Петру: такъ ли не могли вы одинъ часъ бодрствовать со мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Духъ бодръ, плоть же немощна. Еще отошедъ, въ другой разъ молился, говоря: Отче Мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя! И пришедши, опять находить ихъ спящими, ибо у нихъ глаза отяжелѣли. И оставивъ ихъ, отошелъ опять и помолился въ третій разъ, сказавъ то же слово (Мате.

ст. 39—44). Явился же Ему ангель съ небесъ, укрепляя Его; и, находясь въ борении (*factus in agonia*, т.-е. почти при смерти), прилежнѣе молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю. Вставъ отъ молитвы, Онъ пришелъ къ ученикамъ и нашелъ ихъ спящими отъ печали (Лук. ст. 43—45) и говорить имъ: вы все еще спите и почиваете (Мате. ст. 45); кончено (Марк. ст. 41); вотъ приблизился часъ, и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ; вотъ приблизился предающій Меня" (Мате. ст. 46).

Такъ повѣствуютъ евангелисты о Геѳсиманской молитвѣ. Несомнѣнно, они сохранили для насть только основной смыслъ ея и не передали намъ ея въ буквальной точности и полнотѣ содержанія. Это видно изъ упрека Спасителя, обращенного къ Петру: „такъ и *одного часа* вы не могли побыть со Мною" (Мате. XXVI, 40), тогда какъ для произнесенія словъ молитвы, приведенныхыхъ въ евангелии, требовалось гораздо менѣе времени¹). Согласимся, что въ этомъ упрекѣ Спасителя слово: „часъ" нужно понимать не буквально. Во всякомъ случаѣ, объятые непонятною сонливостью, предоставивъ Учителя полному и страшному, болѣе страшному, чѣмъ когда-либо, одиночеству, апостолы, конечно, могли слышать только начальные или болѣе громкие возгласы молитвы. Впрочемъ, Духъ Святой, обѣщанный ученикамъ Христовымъ для наставлениія ихъ „на всякую истину" (Иоанн. XIV, 16, 17—26; XV, 26; XVI, 13), несомнѣнно, сообщилъ бы намъ ихъ устами и болѣе подробностей о Геѳсиманскомъ моленіи, если бы это было для насть нужно. Но и краткое повѣствование, дошедшее до насть, рисуетъ предъ нами событие во всемъ его поражающемъ и таинственномъ величіи.

Господь Іисусъ, по Его собственнымъ словамъ, для того и пришелъ на землю, чтобы спасти людей *путемъ страданій* (Иоанн. III, 17, ср. 15 и 16; Мрк. X, 45). Еще въ началѣ служенія Своего Онъ встрѣтилъ въ одиночествѣ пустыни искусителя, который предлагалъ Ему войти въ міръ не путемъ униженія и смиренія, а путемъ славы и властительства. Тогда

¹) Мѣніе архіеп. Иннокентія.

Сынъ Человѣческій мужественно и рѣшительно противопоставилъ искусствительнымъ рѣчамъ повиновеніе волѣ Отца и отвергъ соблазнъ (Мате. IV, 1—11; Лук. IV, 1—13). Діаволъ отошелъ отъ Него „до времени“, какъ сказано въ евангеліи (Лук. IV, 13). Затѣмъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, когда Спаситель выяснилъ сущность Своего мессіанскаго служенія, Онъ указалъ на крестъ, какъ на орудіе Его искупительнаго подвига: «какъ Моисей вознесъ змія въ пустынѣ», сказаль Онъ, отвѣчая на тайныя мысли Никодима о Мессіи, какъ о земномъ царь-завоевателѣ, „такъ подобаетъ вознесену быть и Сыну Человѣческому“ (Іоанн. III, 14). Много разъ потомъ въ теченіе послѣдующаго времени Своего открытаго служенія говорилъ Онъ и апостоламъ наединѣ, и всѣмъ слушателямъ Своимъ открыто о предстоящихъ Своихъ страданіяхъ, и говорилъ всегда увѣренно, спокойно, какъ о рѣшенніи безповоротномъ (напримѣръ, Мате. XVI, 21; Марк. VIII, 31; IX, 12 и друг.): Иногда Спаситель прямо называетъ предстоящія Свои страданія „чашею“ (Марк. X, 38; Ме. XX, 23) и высказываетъ желаніе скорѣе испить ее (Іоанн. XVIII, 11, ср. Лук. XII, 50). Наконецъ, мы видимъ Спасителя на тайной вечери всего за нѣсколько часовъ до Геєсіманской молитвы. Здѣсь, по словамъ евангелиста Іоанна, „вѣдѣй Іисусъ, яко прииде Ему часъ, да прейдеть отъ міра сего ко Отцу“ (Іоанн. XIII, 1), прямо заявляетъ ученикамъ о скромѣ предательствѣ, о томъ, что время Его близко (Мате. XXVI, 21, 18), что Онъ желаніемъ возжелалъ сю пасху ясти съ ними, „дондеже не пріиметъ мукъ“ (Лук. XXII, 15) въ послѣдній разъ вкушаетъ здѣсь, на землѣ, хлѣбъ и вино „отъ плода лознаго“ (ст. 18). Когда Онъ говорить объ этомъ, какое спокойствіе чувствуется во всѣхъ словахъ Его, какая готовность идти на страданіе, какая увѣренность въ ихъ необходимости!

„Пріимите, ядите, сія есть тѣло мое...“; „пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя...“,—эти слова сказаны съ такимъ Божественнымъ спокойствіемъ, что, можетъ-быть, вслѣдствіе этого-то спокойствія ученики не представляли себѣ ясно, какой несказанно - тяжкій подвигъ предстоить ихъ Учителю. Мысль о скорой смерти не оставляетъ Спасителя и послѣ вечери. „Дѣти“, слышится Его голосъ въ прощальной бесѣдѣ,

„дѣти, уже не долго мнѣ быть съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“ (Иоанн. XIII, 33—34). „Всъ вы соблазнитесь о мнѣ въ эту ночь“, предсказываетъ Онъ ученикамъ, уже вышедши къ горѣ Елеонской послѣ вечери (Мате. XXVI, 31); „ты трижды отречешься отъ Меня“, говоритъ Онъ любимому апостолу въ отвѣтъ на увѣренія въ преданности и готовности положить за Него свою жизнь (Иоанн. XIII, 38). Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Спаситель послѣ тайной вечери шелъ въ Геесиманію, зная вполнѣ и совершенно ясно, что тамъ совершится Его преданіе врагамъ. Но страданія Иисуса Христа, какъ вольныя и сознательныя, должны были начаться не насилиемъ враговъ, не позорнымъ преданіемъ Іуды, а возвышеннымъ *самопреданіемъ* Сына Человѣческаго въ волю Божію. Послѣ всего, что Онъ Самъ говорилъ о Своемъ призваніи, послѣ тайной вечери, гдѣ Онъ съ такимъ спокойствіемъ предрекалъ событія грядущей страшной ночи, можно было бы ожидать, говоря по-человѣчески, что это *самопреданіе* совершится безъ вопля, безъ слезъ, безъ кроваваго пота... Случилось не такъ. Послѣдуетъ мысленно, слушатели, за нашимъ Спасителемъ въ садѣ Геесиманскій.

На восточной сторонѣ Іерусалима, по склонамъ горы Елеонской, за городомъ расположены были виноградные и масличные сады. Въ одномъ изъ нихъ, такъ-называемомъ „Геесиманія“, что съ еврейскаго языка значить „масличный домъ“, или точно для маслинъ (т.-е. мѣсто, гдѣ изъ маслинъ выжимаютъ масло), Спаситель любилъ уединяться и молиться во время Своихъ посѣщеній Іерусалима (Иоанн. XVIII, 2) ¹⁾. Мѣсто это невольно располагало къ сосредоточенности и религіозному настроенію. Съ западной стороны ничего не видно, кромѣ высокихъ стѣнъ Іерусалима и верхушекъ священныхъ зданій храма, да мрачной башни Антонія. Направо печально

¹⁾ Есть мнѣніе, что садъ Геесиманія принадлежала тому же хозяину, вѣроятно, тайному ученику И. Христа, въ домѣ которого была совершена и тайная вечера (см. прот. Попова: „Жизнь И. Христа“). Садъ этотъ сохраняется донынѣ, и среди многовѣковыхъ деревьевъ его, можетъ-быть, и нынѣ еще есть нѣкоторыя свидѣтели молитвы и муки Богочеловѣка (см. Лопухина Библ. истор. Нов. Завѣта). Англ. ученьи Гейки въ сочиненіи „Св. Земля и Библія“, напротивъ, решительно отвергаетъ это.

высится лишенная растительности гора (Скопусь); нальво стелется долина Иосафатова съ ея могилами и надгробными памятниками¹).

Здѣсь, вдали отъ города, среди полнаго безмолвія, въ таинственномъ сумракѣ тѣнистаго сада захотѣлъ провести Иисусъ послѣднюю ночь, здѣсь „восхотѣлъ Онъ пережить весь гнетъ охватившей Его скорби, подобно плоду маслины подъ гнетомъ точила Геесиманії“ (Дидонъ). Вмѣстѣ съ одиннадцатью учениками Онъ вошелъ въ ограду сада. Ночь покрыла землю; затихла природа. Послѣ дневныхъ трудовъ и заботъ является потребность отдыха и успокоенія. Но успокоительный сонъ не смѣжаетъ очей Иисуса. Онъ знаетъ, что грядущая ночь должна совершить переломъ въ Его жизни... Завтрашній день принесеть Ему беззаконный судъ и осужденіе, оплеваніе, осмѣяніе, всевозможныя пытки и издѣвательства, бичеваніе, позоръ креста, мучительную смерть и гробъ. Готовится страшное безпримѣрное злодѣяніе. „Тьма вооружится противъ свѣта, беззаконіе посмѣется надъ добродѣтелью, лицемѣріе и коварство восторжествуютъ надъ правдою; черная неблагодарность, низкая измѣна покроютъ многочисленныя и великія дѣла любви и милосердія... (арх. Иннокентій). Христосъ Спаситель стоитъ здѣсь предъ завершеніемъ того дѣла, для котораго Онъ пришелъ на землю, и быть здѣсь *во днѣахъ плоти* (Евр. V, 7), во глубинѣ искупительного уничиженія.

И вотъ наступило время, когда ученикамъ Иисуса можно было, по предреченію Учителя, *снаблазниться о Немъ*, и не только ученикамъ, еще не видѣвшимъ воскресенія и вознесенія, но и многимъ позднѣйшимъ послѣдователямъ Его, уже видѣвшимъ славу Распятаго: Богочеловѣкъ скорбить, и мучится, и ужасается... Ученики никогда не видѣли такимъ своего Учителя. Спокойствіе, которое только передъ этимъ наполняло все существо Иисуса, вдругъ оставило Его; взоръ омрачился и наполнился слѣзами, Онъ весь тужить, тоскуетъ, трепещетъ. По Его собственнымъ словамъ, душа Его прискорбна до смерти... Въ такомъ состояніи духа Онъ восхотѣлъ мо-

¹) Дидонъ: „Жизнь И. Христа“, ч. 2, стр. 314.

литвы, общенія съ Отцомъ Своимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда, быть-можеть, человѣческая душа Иисуса, возжаждавшая теперь общенія съ Богомъ, не нуждалась также и въ общеніи съ людьми. Здѣсь во всей силѣ сказалась истинно-человѣческая природа Иисуса Христа. „Показуя человѣческое“, какъ выражается нерѣдко св. Церковь (см. кан. Андр. Критск.), Иисусъ страшится одиночества, просить дружественной поддержки и участія учениковъ: „побудьте со Мною“; мало этого,—Онъ просить: „молитесь со Мною“, ибо ни въ чемъ такъ не проявляется взаимно укрѣпляющее дѣйствіе любви, какъ въ совмѣстной молитвѣ. Затѣмъ Онъ избираетъ трехъ любимыхъ учениковъ и съ ними идеть въ глубь сада на молитвенный вопль, на внутреннія терзанія духа: они были нѣкогда свидѣтелями славы Его на Фаворѣ, они видѣли Его владыкою смерти при воскрешеніи дочери Іаира,—они и теперь болѣе другихъ способны были видѣть, не соблазняясь, Его муки въ Геесиманіи. Попросивъ ихъ участливой молитвы, Иисусъ, страшась полнаго одиночества, въ то же время не захотѣлъ быть и въ непосредственномъ общеніи съ учениками и, углубившись въ чашу деревьевъ на верженіе камня, такъ что могъ видѣть Своихъ апостоловъ, здѣсь отдался первому порыву молитвы. Глубокая скорбь объяла душу Страдальца. „Царила страшная сугубая ночь: одна въ окружющей природѣ, другая—въ душѣ Иисуса; эта ночь какъ бы вышла изъ бездны мрака со всѣми своими ужасами, и страхомъ облегла малое стадо Христово въ Геесиманіи совмѣстно съ Нимъ, Божественнымъ Паstryремъ“ (Иннокентій). Въ молитвѣ они должны были проглянуть мракъ этой ночи и въ горнемъ мірѣ найти укрѣпленіе и помощь. Но, увы! ученики засыпали отъ печали, по мѣткому и психически глубоко вѣрному замѣчанію евангелиста¹⁾). Молится одинъ Иисусъ. То повергаясь лицомъ на землю (Ме. XXVI, 39; Мрк. XIV, 35), то стоя на колѣнахъ (Лук. XXII, 41), Онъ всецѣло от-

¹⁾ Сильная печаль иногда вызываетъ крѣпкій сонъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что преступники, съ ужасомъ и скорбью ожидавшіе на другой день утромъ смертной казни, нерѣдко ночью предъ этимъ утромъ засыпали такъ крѣпко, что ихъ приходилось будить напосредственно предъ отправлениемъ изъ тюрьмы на казнь. Помнится, чѣмъ подобное случилось съ Казеріо, убийцо президента французской республики Карно.

дается молитвенному обращенію къ Отцу, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами (Евр. V, 7), ища успокоенія мукъ душевныхъ. Но какое-то неизмѣримое бремя пало на духъ Его, и Онъ не можетъ успокоиться: и разъ, и другой, и, наконецъ, въ третій разъ обращается Онъ къ молитвѣ, доходить до послѣднихъ предѣловъ изнеможенія, доходить, наконецъ, до кроваваго пота, явленія чрезвычайно рѣдкаго, предсмертнаго, такъ что, по выраженію одного изъ евангелистовъ, Онъ былъ въ агоніи,—но и въ этомъ состояніи Онъ только прилежнѣе молился, и тогда, наконецъ, просвѣтлѣлъ духомъ, разогналъ обложившую Его тьму и получилъ то ясное спокойствіе, которымъ Онъ поражаетъ насть на судѣ и на крестѣ.

Что же за тайна Его смертельной скорби, что привлекла Его къ этой молитвѣ? Что за причина Его мукъ душевныхъ, Его ужаса и скорби и туги сердечной? Враги еще не коснулись Его тѣла, чтобы пригвоздить Его ко кресту. Неужели же Онъ такъ страдалъ отъ одного представлѣнія смерти? Неужели Онъ боялся ея? Вотъ здѣсь-то и является возможнымъ и для насть предреченное Господомъ *с соблазненіе* о Немъ (Ме. XI, 6; XXVI, 31; Иоанн. XVI, 1). Исторія вѣдь знаетъ тысячи примеровъ, когда люди невинные, встрѣчая смерть лицомъ къ лицу, благословляли свои страданія, бодро шли на истязанія палача, когда, зная предстоящія муки, они спокойно, иногда даже съ радостью, ждали рокового удара. Сами ученики Христа,—Стефанъ, побитый камнями, Петръ, распятый внизъ головою, Андрей, Іаковъ, Павель и много, много другихъ,—развѣ не удивили міръ своимъ безстрашіемъ въ виду смерти? А тысячи мучениковъ? тысячи героевъ не одного только христианскаго міра? Язычники считали презрѣніе къ смерти особыннымъ геройствомъ, и Неронъ, можетъ-быть, не столько своими злодѣяніями, сколько малодушіемъ предъ смертью внушилъ къ себѣ презрѣніе современниковъ.

Двѣ мысли мы постоянно должны имѣть въ виду при разсмотрѣніи Геєсиманскаго подвига: первая изъ нихъ—та, что Иисусъ Христосъ есть не только совершенный Богъ, но и совершенный, истинный человѣкъ, какъ это ясно исповѣдала всегда Церковь, притомъ человѣкъ, пречистый по тѣлу, без-

грѣшный по духу, „во всемъ намъ подобный, кромѣ грѣха“ ¹); вторая мысль—та, что Христосъ Иисусъ есть Иисупитель человѣковъ, взявшій на Себя наши грѣхи, а за нихъ и наказанія—наши болѣзни (Ис. LIII, 4; чит. всю главу); слѣдовательно, кромѣ представленія мукъ грядущей смерти, было на душѣ Иисуса другое, несравненно большее бремя,—бремя Иисупителя, которое подавляло Его своею тяжестью до кроваваго пота, до крайняго изнеможенія.

Какъ человѣкъ, Спаситель не могъ быть совершенно равнодушнымъ къ смерти. Онъ былъ совершенѣйшимъ человѣкомъ; но если для грѣшника мысль о смерти является всегда страшною и противоестественною, то тѣмъ болѣе она должна была казаться такою для безгрѣшнаго Иисуса. „Богъ смерти не сотворилъ“ и человѣкъ созданъ „въ неистлѣніе“ (Прем. III, 23); смерть явилась, какъ наказаніе, явилась насильственно черезъ грѣхъ въ родѣ человѣческій (Римл. V, 12—15). Древній толкователь евангелія св. Иоаннъ Златоустый и потомъ другой толкователь, широко пользуясь трудами первого, св. Феофилактъ, архиеп. болгарскій, такъ разсуждаютъ объ этомъ: „Смерть вошла въ человѣческій родѣ не по природѣ, и потому природа человѣческая боится ея и бѣжитъ отъ нея“. Новѣйшій толкователь евангелій, известный богословъ еп. Михаилъ, разъясняетъ эту мысль по отношенію къ лицу Иисуса Христа: „Смерть“, говорить онъ, „есть слѣдствіе грѣха; посему безгрѣшная природа, какова природа Богочеловѣка, не должна бы подлежать смерти; смерть для нея—явленіе, такъ-сказать, неестественное. Оттого чистая природа Христова естественно возмущается противъ смерти, скорбить и тоскуетъ при видѣя“ ²). Эту особенность полной безгрѣшности и непорочности

¹) Замѣчательно, что догматъ о человѣческомъ естествѣ Иисуса Христа древніе Отцы Церкви въ спорахъ съ монофизитами часто подтверждали именно упоминаніемъ евангелія о кровавомъ потѣ Спасителя въ Геенномъ. Извѣстно, что армянская Церковь, не чуждая монофизитскихъ тенденцій, пыталась дерзновенно вычеркнуть изъ евангелія это мѣсто. См. докторскую диссертацию професс. И. Троицкаго: „Изложеніе вѣры Церкви армянской“... Спб. 1875 г. Стр. 251. Впрочемъ, въ современномъ арм. еванг., по крайней мѣрѣ въ изд. Брит. библ. Общ., это мѣсто—Лк. XXII, 44—читается правильно.

²) Толков. Еванг. еп. Михаила, ч. I (Ме. XXVI, 36—8).

Иисуса нельзя забывать, рассматривая Его тоску смертельную. Не нужно забывать, что здесь не может быть приравниваемъ ни къ одному изъ людей, среди которыхъ нѣтъ безгрѣшнаго, а изъ грѣшныхъ всякий, во-первыхъ, долженъ умереть по смертности своей природы, во-вторыхъ, въ силу грѣховности, никто не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ невинно страдающимъ. Только страданія Иисуса были вполнѣ и въ собственномъ смыслѣ невинными: только Онъ, по слову древняго пророка, беззаконія не сотворилъ и не обрѣтеся лесть во устѣхъ Его (Ис. ЛІІІ, 9; ср. 1 Петр. II, 22). Больше того: вся Его жизнь и дѣятельность, Его чудеса, Его ученіе, Его любовь къ людямъ—все вызывало и къ Нему Самому одну любовь, одну преданность, одно благоговѣніе, а не позоръ, не бичеваніе, не крестъ. Можно ли послѣ этого приравнивать страданія кого-либо изъ людей, хотя бы и невинно осужденныхъ, къ силѣ горечи и муки Спасителя? Самыя страданія, наконецъ, становятся привычными нашей грѣховной природѣ, для безгрѣшной же и чистѣйшей плоти Иисуса они, конечно, были совершенно чужды и, такъ-сказать, нескончанно отвратительны. Не легко страдать за дѣйствительныя преступленія; не легко, слушатели, посмотреть въ глубину ненависти другихъ къ намъ, если даже мы ее вполнѣ заслужили, тяжело сознавать, что насть презираютъ, ненавидятъ, желаютъ всякаго зла; но никто изъ насть не можетъ сказать, что сами мы неповинны въ зложелательствѣ, а иногда правда заставляетъ насть признать и то, что окружающіе въ своихъ отношеніяхъ къ намъ лучше, чѣмъ мы къ Нимъ... Но вотъ Иисусъ въ предчувствіи близкаго будущаго: Онъ видѣть и знаетъ, что Его хотятъ убить, надъ Нимъ будуть издѣваться, оплевывать, заушатъ, бичевать немилосердно, съ адскою изобрѣтательностью придумаютъ насмѣшки надъ Нимъ и издѣвателства. Иродъ, первосвященники, книжники, народъ, воины, разбойники и этотъ Іуда... что сдѣлалъ всѣмъ имъ Божественный Страдалецъ? За что къ Нему такая злоба? За что измѣна и предательство? За что крестъ и смерть? И вотъ предъ взоромъ Иисуса рисуется и переживается эта недалекая картина ужаснаго завтра: каково Ему было взглянуть въ эту бездну

ненависти, которою Онъ, невинный и непорочный, былъ окруженъ отовсюду?! Такъ, если принять во вниманіе только человѣческую природу Иисуса, то и въ этомъ случаѣ страданія Его представляются въ буквальномъ смыслѣ безпримѣрными, невиданными, настолько тяжкими, что представить ихъ во всей ужасающей горечи мы не можемъ: для этого нужно быть совершеннымъ человѣкомъ, какимъ былъ Иисусъ Христосъ. „Иисусъ разоблачился здѣсь отъ всѣхъ сверхъестественныхъ силъ“ (Иннокентій) и приблизился къ послѣднимъ предѣламъ человѣческой немоці. Иначе быть не могло. Если бы Его самопреданіе совершилось иначе,—могъ ли Иисусъ, совершенѣйшій человѣкъ, быть образцомъ для всѣхъ человѣковъ? Безстрастный могъ ли быть примѣромъ для страстныхъ, Сильный могъ ли быть образцомъ для слабыхъ? Тогда всѣ, у кого не хватаетъ мужества исполнить до конца долгъ, всѣ, у кого нѣтъ рѣшимости подчинить свою волю иной, высшей Божественной волѣ, развѣ могли бы въ своемъ подвигѣ смотрѣть на Иисуса, какъ на Началника подвига? Въ отвѣтъ на убѣжденіе послѣдовать Его примѣру не сказали ли бы они, что Ему подвигъ обошелся безъ борьбы, достался легко? Не легко, слушатели, не легко! Потому-то и глаголеть Писаніе, заповѣдуда вѣковѣчный урокъ: „Христосъ, пострадавъ, оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“ (1 Петр. II, 21). Какой глубокій смыслъ получають послѣ этого вдохновенные слова ап. Павла о Христѣ: „Видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣнчанъ славою и честію Иисусъ..., ибо надлежало, чтобы Тотъ, для Котораго все и отъ Котораго все, приводящаго многихъ сыновъ въ славу, Вождя спасенія ихъ—совершилъ чрезъ страданія... Онъ принялъ тѣло и кровь, чтобы смертью лишить имущаго державу смерти, т.-е. діавола, и избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству... Посему Онъ долженъ быть во всемъ уподобиться братіямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ предъ Богомъ, для умилостивленія за грѣхи народа, ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. II, 9—10; 14—15; 17—18).

Но мы жестоко бы ошиблись, если бы Геєсиманскія стра-

данія Спасителя объясняли исключительно однимъ представлениемъ и ожиданіемъ Голгоѳы, если бы имѣли въ виду Иисуса Христа только какъ человѣка, забывая о Немъ, какъ объ Иисупителѣ. Мало того, что одна мысль объ этомъ недостойна Иисуса,—такое объясненіе слишкомъ недостаточно и непонятно: Тотъ, Кто отъ одного представлениія смерти приходилъ въ такой страхъ, могъ ли проявить то Божественное спокойствіе, которое не оставило Иисуса и во время суда, и въ униженіяхъ, и на самомъ крестѣ, когда Онъ отказался отъ напитка, затемняющаго сознаніе и притупляющаго ощущеніе боли. Одинъ богословъ, разсказывая о жизни Спасителя и останавливаясь на Его Геѳсиманской молитвѣ, говорить: „Находились люди, которые по странной привычкѣ оскорблять все святое, усматривали въ Геѳсиманскомъ страданіи малодушіе и робость... Малодушіе и робость! Могъ ли въ такой мѣрѣ устрашиться смерти Тотъ, Кто проповѣдывалъ жизнь и бессмертіе, терпѣніе и мужество среди всякихъ злоключеній и съ первыхъ шаговъ Своей общественной дѣятельности говорилъ о Своей смерти, какъ о неизбѣжной необходимости? Могъ ли въ такой мѣрѣ устрашиться смерти Тотъ, Кто въ продолженіе 15 часовъ послѣдующихъ страданій сохранилъ невозмутимое спокойствіе духа, величественно молчалъ во время беззаконнаго суда, безъ малѣйшаго ропота и жалобъ переносилъ издѣвательства враговъ, позоръ и муки креста, съ небесною благостью сердца молился о своихъ мучителяхъ и открылъ врата рая покаявшемуся разбойнику? Могъ ли въ такой мѣрѣ устрашиться смерти Тотъ, во имя Которагошли безбоязненно на казнь девяностолѣтніе старцы, слабыя женщины и юные отроки? Смерть не такъ страшна и для людей, которые правильно смотрятъ на жизнь, какъ на преддверіе неба, какъ на ступень къ вѣчности“ (Фарраръ). Но бываютъ состоянія мучительнѣе смерти. И такое состояніе испыталъ Спаситель въ саду Геѳсиманскомъ. Чтобы уразумѣть его, насколько это для насъ возможно, нужно вспомнить ту мысль, которую мы поставили выше рядомъ съ мыслью о человѣчествѣ Иисуса Христа. Мысль эта заключается въ томъ, что Христосъ Иисусъ есть нашъ Иисупитель. Безгрѣшный долженъ быть за грѣшныхъ понести весь гнѣвъ Божій,

всѣ наказанія, которыя заслужило грѣховное человѣчество. То, что долженъ быть потерпѣть за грѣхи весь міръ, всѣ наказанія, весь гибель небесный,—все это долженъ быть вынести на себѣ одинъ Иисупитель человѣковъ... Древній пророкъ за 700 лѣтъ до Христа говорить объ Его искупительномъ служеніи: „наказаніе міра нашего было на Немъ“ (Ис. LIII, 5), т.-е. то наказаніе, которое должно было возвратить и принести намъ потерянный людьми міръ съ Богомъ, было на Немъ. А міръ былъ нарушенъ грѣхомъ Адама первозданного, увеличеннымъ и повтореннымъ потомъ личными грѣхами миллионовъ людей. Правда Божія требовала наказанія за грѣхи, и это наказаніе принялъ на Себя Иисупитель, Сынъ Божій. Наказаніе же за грѣхъ бываетъ двоякое: одно внутреннее, въ совѣсти грѣшника, другое—внѣшнее, въ физическихъ мукахъ. Внутреннее страданіе, ужаснѣйшее и мучительнѣйшее, и претерпѣль Христосъ въ Геѳсиманіи. Вся совокупность грѣховъ отъ всѣхъ временъ, отъ всѣхъ людей неизмѣримо и несказанно-тяжкимъ бременемъ отяготѣла на совѣсти Иисуса, и въ мукахъ совѣсти Онъ долженъ быть пережить все, какъ-будто въ грѣхахъ этихъ Онъ Самъ быть повиненъ. По слову апостола, „Богъ Его, невѣдѣвшаго грѣха, по насть грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ“ (2 Кор. V, 21). Все безбожіе и невѣріе, вся гордость и злоба, все коварство и черная неблагодарность, ложь и обманъ, чувственность и отвратительнѣйшее себялюбіе во всѣхъ его видахъ,—все, что есть въ грѣхѣ мерзкаго и отталкивающаго, въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, отъ паденія Адама до послѣдняго момента существованія міра,—все это легло на безгрѣшную душу Богочеловѣка. Несомнѣнно, Онъ видѣлъ и впредь гоненіе добра, преслѣдованіе Его учениковъ, рѣки крови мучениковъ, издѣвателство надъ вѣрующими, вражду противъ Его Церкви; Онъ видѣлъ всю беадну злобы, страсти и пороки, которые до конца временъ будутъ безобразить и искажать богозданную и искупленную душу человѣческую, будутъ „второе распинать Сына Божія и ругаться Ему“ (Евр. V, 16). Вотъ горькая и ужасная чаша, которую нужно было испить, которую уготовали Сыну Божію все зло, всѣ грѣхи человѣчества. Это—нѣчто „безконечно

высшее, чѣмъ все, что могутъ представить намъ самыя напряженныя усиленія нашего воображенія. Это было иѣчто смертельнѣе смерти" (Фарраръ). „Это, говоря безъ всякаго преувеличенія, совмѣщеніе всѣхъ страданій, всѣхъ смертей всѣхъ людей. Одни страданія совѣсти должны были имѣть лютость страданій адскихъ. Ибо, если самый грубый человѣкъ изнемогаетъ нерѣдко подъ страданіемъ совѣсти (Кайнъ, Іуда), мучимый представленіемъ *своей только грѣховной жизни*, то какое мученіе должно быть для пречистой души Богочеловѣка, когда она покрыта была грѣхами всего міра, и въ такомъ видѣ со всему тяжестью ихъ должна была идти для искупленія ихъ своею кровью на крестъ?" (Иннокентій).

Но грѣхъ тяжелъ не однѣми муками совѣсти: грѣхъ породилъ *проклятие*, отверженіе отъ Бога, къ Которому, однако, человѣкъ всегда стремился и стремится. И это отверженіе, оставленіе Отцомъ перенесъ Геѳсиманскій Страдалецъ, и для Его безгрѣшной души, которая привыкла къ постоянному единенію съ Богомъ, вкусила и познала всю сладость, всю красоту и полноту этого единенія, такое отверженіе было, конечно, невыразимо тяжело; оно было тѣмъ адомъ, которымъ угрожаетъ Господь нечестію, и который состоить, главнымъ образомъ, въ удаленіи отъ жизни Божіей; тѣмъ адомъ, котораго мукъ во всей ихъ тяжести представить мы себѣ не можемъ; оно, это отверженіе, вырвало у Страдальца на крестѣ душу-потрясающей крикъ: „Боже мой, Боже мой! вскую Мя если оставилъ!" (Мате. XXVII, 46). Такъ Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы, бывъ по насть клятва... (Гал. III, 13).

Итакъ, Иисусъ, какъ бы послѣдній и тягчайшій изъ грѣшниковъ (2 Кор. V, 21), оставленъ Отцомъ; какъ новый Израиль, одинъ Онъ на подвигѣ, подобно Израилю древнему. Горькая чаша Его растворена, наконецъ, проклятиемъ Божіимъ, тяготѣвшимъ надъ человѣчествомъ.

Иисусъ одинъ... Съ воцлемъ крѣпкимъ, по слову апостола (Евр. V, 7), прибѣгаеть Онъ къ Отцу, покрытый воспринятыми на Себя грѣхами человѣчества, изнемогающій подъ нравственными муками за эти грѣхи...; а вокругъ — наводящія страхъ и ужасъ темнота сада и безмолвіе ночи, а около спать

апостолы, общенія съ которыми просила и жаждала душа Его; они спать, какъ бы знаменуя немощь человѣческой природы. Иисусъ одинъ... Слышатся Его глубочайшіе, тоскливые вздохи, Его ослабѣвшій отъ душевной борьбы голосъ, и горить, пла-менѣть Его молитва. Опять и опять Онъ взываетъ: „Отче! Отче!“... Нѣть отвѣта... „Симонъ! спиши ли?“ (Марк. XIV, 37). Нѣть отклика... Какъ до конца исполнились предреченія про-рока: „Одинъ истопталъ Я точило гнѣва Божія, отъ языка не бѣ мужа со Мною“ (Ис. LXIII, 3). „Ждахъ со скорбящаго и не бѣ, и утѣшающихъ—и не обрѣтохъ!“ (Пс. LXVIII, 21).

И среди этого ужаса страданій, здѣсь-то, въ этомъ уединеніи сада и произошла вѣроятная встрѣча Христа, какъ но-ваго Адама, съ древнимъ искусителемъ. Говоримъ: встрѣча вѣроятная, потому что евангельскія повѣствованія не упоми-наютъ о ней прямо; но, сопоставивъ различныя мѣста еван-гелія, можно говорить о возможности искушения въ Геєсиманіи почти съ увѣренностью. Послѣ первого искушения въ пустынѣ діаволь, какъ сказано въ евангеліи, оставилъ Иисуса *до времени* (Лк. IV, 13), а въ бесѣдѣ Своей непосредственно предъ самыми Геєсиманскими страданіями Иисусъ Христосъ говорить ученикамъ Своимъ прямо: „идеть міра сего князь, и во Мнѣ не имѣть ничего“, и затѣмъ указываетъ, въ чемъ именно будетъ состоять и искушеніе и, соотвѣтственно съ нимъ, побѣда: „чтобы міръ зналъ“, продолжаетъ Свою рѣчъ Спаситель, „чтобы міръ зналъ, что Я люблю Отца и, какъ заповѣдалъ Мнѣ Отецъ, такъ и творю“ (Іоанн. XIV, 30—31). Гдѣ же, какъ не здѣсь, въ Геєсиманіи, князь грѣховнаго міра—діаволь встрѣтилъ Иисуса, искушая Его, и былъ побѣжденъ Его любовью и преданностью волѣ Отца? Здѣсь, въ этомъ ужасномъ положеніи и искушеніе могло быть особенно силь-нымъ...

Два вида искушений человѣческихъ: слава и страданія. Первое Сынъ Человѣческій отвергъ въ пустынѣ, второе над-лежало побѣдить въ Геєсиманіи. Горька, несказанно горька Его чаша... Всѣми силами отвращается Богочеловѣкъ и отъ этого совершенно противоестественного для Него позораща смерти, и отъ этого непривычнаго, но взятаго на Себя грѣ-

ховнаго бремени, невыносимаго для чистой и безгрѣшной души. И вотъ, молніей могла проноситься въ человѣческомъ сознаніи Его мысль: „Въ премудрости и всемогуществѣ Отца неужели же нѣтъ и не можетъ быть средства спасти людей, не вознося на крестъ Сына? Неужели нельзя отсрочить часть этихъ лютыхъ мукъ, если уже невоожно совѣтъ пронести мимо чашу?“ Эта мысль въ уединеніи Геєсиманскомъ въ Сынѣ Человѣческомъ, изнемогающемъ подъ бременемъ неописуемыхъ мукъ, могла произвести намѣреніе оставить подвигъ: она слышится въ первомъ, самомъ тяжкомъ моленіи: Отче, все, все возможно Тебѣ!.. Возможно, значитъ, и избавленіе Сына отъ этихъ ужасныхъ мукъ: „о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу эту мимо Меня!“ Во второмъ моленіи мысль эта ослабляется: „Отче, если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея,—буди воля Твоя!“ Третье моленіе, произнесенное тѣми же словами, окончательно укрѣпило Іисуса въ Его духѣ, хотя привело тѣло Его въ состояніе, близкое къ смерти, выражющееся въ самыхъ рѣдкихъ случаихъ кровавымъ потомъ¹). Онъ могъ умереть отъ такого напряженія духа еще до суда и креста,—и вотъ является къ Нему, уже побѣдившему искушеніе, укрѣпляющій ангель. Но духомъ Іисусъ былъ бодръ, и возсталъ отъ молитвы, увѣренный въ необходимости и благотворности того, что надлежало Ему испить. Духъ бодръ, плоть же немощна... Гдѣ же источникъ этой бодрости?

Мысли о всемогуществѣ противопоставлена другая мысль, которая яснѣе всего, какъ громъ, слышится во всѣхъ трехъ моленіяхъ: „буди воля Твоя“. „Чаша, угодная Отцу, какъ единственно предопредѣленная чаша спасенія людей, стала угодна теперь и Сыну“ (Иннокентій). Осуществилось то, о чемъ Іисусъ говорилъ всю жизнь: что Онъ пришелъ творить волю не Свою, а волю Пославшаго Его Отца. Свободно, непоколебимо и безвозвратно Онъ приносить Себя въ жертву. „Буди воля Твоя“—этого именно не исполнилъ Адамъ первый, подверг-

1) Отдѣль обѣ искушеніи І. Христа въ Геєсиманіи изложены по вышецитованнымъ сочин. архіеп. Иннокентія.

нувъ за свое преслужаніе страданію весь родъ человѣческій; теперь выполнилъ это Адамъ вѣрой, и послужаніемъ Своимъ спасъ людей, открывъ имъ двери заключенного рая. Геѳсиманскій подвигъ кончился. Но кто измѣритъ его глубину? Кто постигнетъ всю его потрясающую безграницную муку? Выше было сказано, что для пониманія его съ одной только стороны, нужно быть самому совершеннымъ человѣкомъ; чтобы понять его во всецѣлости, этого мало: нужно быть Богочеловѣкомъ. Много слезъ, много стоновъ и бѣдствій видѣлъ міръ, но все они вмѣстѣ не составлять той чаши, которую испилъ Іисусъ. Чаша эта была выпита однажды, и уже болѣе не повторится.

Геѳсиманскій подвигъ кончился. Предатель приблизился. Сынъ Человѣческій отдается въ руки грышниковъ. Начинается подвигъ Голгоѳскій, который кончится для Іисуса вкушеніемъ смерти. И теперь, въ Голгоѳскомъ подвигѣ, Онъ — тотъ же представитель грышнаго человѣчества; и теперь Онъ будетъ страдать духомъ и тѣломъ за грѣхи міра, какъ бы за Свои собственные; но, выражаясь по-человѣчески, можно быть вполнѣ увѣреннымъ за исходъ подвига: послѣ Геѳсиманіи Страдальцъ все перенесетъ, все исполнить и все до конца совершилъ...

„Теперь ваше время и господство тьмы“, сказалъ Онъ, предаваясь въ руки враговъ (Лук. XXII, 53). Но среди этой ужасной тьмы до нашего времени и до скончанія вѣковъ свѣтить и будетъ свѣтить образъ Страждущаго Іисуса... „Се человѣкъ!“ Се образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Въ Его страданіи нѣть дѣланнаго презрѣнія къ смерти, нѣть ожесточенной ненависти къ мучителямъ, нѣть холодной, застывшей гордыни стойка, нѣть и слабости, отрекающейся отъ долга, нѣть экзальтациіи, восторженныхъ порывовъ и самозабвенія, похожихъ на фанатизмъ... Все такое было бы или неестественно или недостойно Его. „Безчувствіе всегда ниже самостверженія“ (Августинъ). Іисусъ, напротивъ, является намъ въ образѣ истинно страждущаго человѣка: Онъ видитъ, что чаша Его горька, и прямо говорить объ этомъ; Онъ всецѣло чувствуетъ весь ужасъ ея, но въ молитвѣ и единеніи съ От-

цомъ почерпаетъ мужество и твердую рѣшимость испить до дна эту чашу, исполнить до конца высшую волю. Его страданія были безпримѣрными и невиданными въ мірѣ, какъ великое, таинственное священнодѣйствіе, какъ чудо безмѣрной любви Божией и состраданія къ человѣчеству; они болѣе и не повторяются; но всѣмъ другимъ страдальцамъ Онъ служить поддержкою, утѣшениемъ и образцомъ вѣрности долгу, своей задачѣ и Богу, образцомъ самоотречения и любви. Слабости Своихъ учениковъ Онъ не осуждаетъ, и въ ней не укоряетъ ихъ, сострадательно относится къ этой немощи плоти, но тѣмъ настойчивѣе напоминаетъ имъ и намъ, что бодрствованіе духа, молитва и преданность Богу и волѣ Его никогда не должны оставлять человѣка. Все это Онъ, какъ Начальникъ и Вождь, прежде всего показалъ на Себѣ Самомъ. Геесиманскія страданія—это апогей нравственнаго величія человѣчества въ Іисусѣ, это и вершина Его личной заслуги и совершенства, и основаніе Его права спасать грѣшниковъ (Евр. II, 17—18). Въ немъ мы имѣемъ Ходатая къ Богу и Первоосвященника, Который можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ (Евр. IV, 15). Восшедшіи чрезъ страданія къ славѣ (Іоанн. XVII, 1—5), Онъ показалъ путь къ ней Своимъ послѣдователямъ (Римл. VIII, 11, 34, 37). Апостолъ Павелъ, особенно разумѣвшій силу креста, т.-е. смыслъ страданія Спасителя, такъ говорить о Немъ: „Онъ во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія Могущему спасти Его отъ смерти, и услышанъ былъ за Свое благоговѣніе; хотя Онъ и Сынъ, однако, страданіями навыкъ послушанію, и совершившись, сдѣлался для всѣхъ, послушныхъ Ему, виновникомъ спасенія вѣчнаго“ (Евр. V, 7—9).

Россія и Востокъ.*

И придутъ отъ востока и запада, и съ-
вера и юга и возлягутъ въ царствіи Бо-
жіємъ (Лк. XIII, 29).

Говорить о Востокѣ, о восточномъ вопросѣ, о движениіи на Востокѣ, по общему понятію, значить—непремѣнно вторгаться въ область сложныхъ вопросовъ политическихъ, неумѣстныхъ въ устахъ служителя Церкви. Говорить же о Востокѣ, какъ священнику, значить, по установленнemu мнѣнію, поднимать вопросы религіозные, входить въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе старыхъ, неоконченныхъ счетовъ христіанства и мусульманства въ ихъ прошломъ и настоящемъ, переходя, такимъ образомъ, на почву споровъ и взаимнаго раздраженія.

И то и другое, и политическіе виды, и религіозные счеты, не имѣются въ виду Обществомъ, дѣйствія котораго открываются въ настоящія минуты въ нашемъ краѣ и которое въ первомъ пункѣ своего устава говорить намъ, что оно имѣть цѣлью содѣйствовать сближенію *Rossii съ восточными странами*.

Но не говоря уже о томъ, что всякое сближеніе странъ и народовъ между собою на почвѣ мирныхъ отношеній, взаимной любви и уваженія не можетъ не входить въ задачи и не можетъ не вызывать благословенія той Церкви, которая ежедневно возсылаетъ моленія о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ,—не говоря уже объ этомъ, къ счастью, въ самомъ историческомъ призваніи и географическомъ положеніи Россіи самимъ Промысломъ указаны ей особыя отношенія къ Востоку, отношенія мира, согласія, сближенія и соединенія.

Въ поздній, сравнительно, часъ исторіи Россія призвана къ историческому бытію. Но съ тѣхъ поръ, какъ восточные

* Рѣчь при открытии Тифлисскаго Отдѣленія Общества Востоковѣдѣнія. Пронесена 5 апрѣля послѣ молебствія, совершеннаго высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, архархомъ Грузіи.

славянскія племена — поляне, вятичи, древляне и проч., отрѣшившись отъ племенного опредѣленія, подъ вліяніемъ христианства, получають форму бытія болѣе широкую, возводящую племенные виды къ высшему единству и, по замѣчанію лѣтописца, прозываются Русью, сливаясь, такимъ образомъ, въ одинъ народъ — русскій, слагая одну землю русскую; съ тѣхъ поръ, какъ на берегахъ Днѣпра и Ильменя образовалось русское княжество и послѣ принятія христианства отъ одряхлѣвшей и умирающей Византіи сдѣлалось наслѣдникомъ ея исторической задачи и мірового призванія, — съ этихъ поръ предъ новымъ народившимся членомъ семьи историческихъ народовъ — предъ Русью и въ даль временъ, и въ ширь безпрѣдѣльнаго на Востокъ простора развернулась перспектива величайшей міровой исторической роли: естественаго посредничества между искони враждебными Западомъ и Востокомъ и высшаго ихъ синтеза въ области религіозной, культурно-соціальной, политической... Эта задача Россіи не можетъ быть названа ни искусственно-придуманной, ни намѣренно, съ какими-либо тайными, себялюбиво-государственными цѣлями созданною. Она, какъ естественная и неизбѣжная, властно толкалась въ двери нашего исторического сознанія въ тѣ моменты, когда мы о ней, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, забывали; она жила въ культурныхъ формахъ жизни нашего народа, въ которыхъ сохранилось много остатковъ когда-то бывшей непосредственной близости нашей съ Востокомъ, этою колыбелью религій и удивительно живучихъ въ связи съ религіей культуры, отъ временъ доисторического переселенія нашихъ индо-европейскихъ предковъ изъ таинственныхъ восточныхъ странъ; она жила и можно проявлялась въ смутныхъ порываніяхъ нашихъ старинныхъ уdalьцовъ сначала къ восточной Европѣ — къ Волгѣ, Окѣ, Камѣ, къ Хлынову, Уралу, къ морю Хвалынскому, потомъ къ странамъ сопредѣльной Азіи въ такой шире и просторѣ, что этому не помѣшили ни великій океанъ-море, ни далекая и невѣдомая Америка... И всему этому стихійному движенію нашего народа къ Востоку какъ бы вторило присущее всѣмъ странамъ и народамъ Востока сознаніе обаятельнаго величія Бѣлаго Царя...

Географическая сопредельность, историческое призвание даютъ Россіи такое положеніе по отношенію къ Востоку, что здѣсь ей мѣсто по самому положенію вещей, по самой истинѣ ея исторического бытія, по переданнымъ завѣтамъ древней Византіи, которой она преемствовала въ міровомъ дѣланіи. На Западѣ Россіи дѣлать нечего: на своемъ полѣ онъ поработалъ для человѣчества довольно, совершилъ рядъ величайшихъ подвиговъ въ области мышленія, знанія, жизненного опыта, благодѣяніями которыхъ и мы пользуемся, да и должны воспользоваться во всей полнотѣ, какъ общечеловѣческимъ достояніемъ. Притязанія наши къ Западу только въ томъ и заключаются, чтобы онъ самъ призналъ наши права на историческое существованіе и міровую дѣятельность. Россія не всегда встрѣчала и встрѣчаетъ это признаніе, оттого и положеніе наше по отношенію къ Западу есть положеніе оборонительное; ни для кого не тайна,—и это особенно нужно подчеркнуть въ настоящія минуты для выясненія отношеній Россіи къ Востоку,—ни для кого не тайна, что, конечно, не ради азіатскихъ народовъ Востока мы содержимъ нашу громадную армію, а ради отпора притязаніямъ Запада...

Но если на Западѣ намъ собственno искать нечего и мы стоимъ къ нему силою вещей въ положеніи оборонительномъ, то по отношенію къ Востоку мы искони находились и находимся въ положеніи наступательномъ, не въ страшномъ воинственномъ смыслѣ, нѣть,—мы воевали только поневолѣ,—но въ смыслѣ культурного воздействиія, всесторонняго возвышенія жизни, въ смыслѣ мирнаго посредничества и мирныхъ сношений. Здѣсь съ Востока, дѣйствительно, открывалось широкое поприще для виждительства нашему національному духу. И потянуло нась сюда давнимъ-давно. Сначала, конечно, цѣли и побужденія были исключительно религіозныя, которыхъ сказались въ многочисленныхъ хожденіяхъ нашихъ древнихъ предковъ на Востокъ ко святымъ мѣстамъ, давшихъ сильный толчокъ древне-русской письменности ¹⁾). Но съ теченіемъ вре-

¹⁾ Въ XI в. хожденіе преп. Антонія Печерскаго на Аеонъ, порыванія въ св. землю Феодосія Печерскаго, странствованія инона Варлаама; въ XII в. хожденіе

мени, уже съ XIV вѣка, русскіе люди ходятъ на Востокъ не по однімъ религіознымъ побужденіямъ, стараются и знакомиться съ нимъ болѣе подробнѣ. Въ XV—XVI вв. такія путешествія все болѣе и болѣе учащаются. Здѣсь мы уже видимъ знакомство нашихъ путешественниковъ и съ Кавказомъ, и съ Персіей, и съ Малой Азіей. Но свѣдѣнія, доставляемыя ими о Востокѣ, отличаются характеромъ басенъ, представляя иногда собраніе непостижимыхъ нелѣпостей,—и это отсутствіе точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній было обоядно невыгодно и для Россіи, и для Востока ¹⁾). Въ XV вѣкѣ, однако, мы видимъ путешествіе

игум. Даниила, путешествіе Новгородскаго архіеп. Іоанна, „Сорокъ каликъ новгородскихъ“ въ половинѣ XII в., въ концѣ этого вѣка хожденія Антонія, архіеп. Новгородскаго; въ XIII в. опять „Дружины каликъ“, путешествіе Новгор. архіеп. Василія, новгородца Стефана; въ XIV в. хожденія архимандрита Грефенія, Игнатія Смольнянина, Александра дьяка, который, впрочемъ, по его словамъ, „ходилъ куплею“, а не по однімъ религіознымъ побужденіямъ; въ XV вѣкѣ путешествіе Троицкаго монаха Зосимы (такъ-называемый „Ксеносъ“), гости Василія, иноха Варсонофія и другихъ многочисленныхъ паломниковъ.

1) См. Хожденіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова (XVI в.), казанскаго купца Василія Гагары съ его слугою Гаранькою, чернаго діакона Іоны Маленькаго, Арсенія Суханова, Сергія Черкашенина и друг. Какъ примѣръ тогдашніхъ изѣстій, напримѣръ, о Кавказѣ, приводимъ разсказъ вышеупомянутаго Гагары о Тифлісѣ: „Близъ тое рѣки Куры есть гора, а на ней просочены четыре окия большия, а живъ въ той горѣ людоядъ, а ѿль на всякой день по человѣку“. У самаго Тифліса оказывается енаменитые Гогъ и Магогъ, которыми наша лѣтопись интересовалась еще съ XI вѣка. „Да въ той же грузинской землѣ между горами высокими сѣйжными и въ непрокодимыхъ изѣстахъ есть щели земныя, а въ нихъ запечаны и заключены дверми жѣлезными цари (въ другомъ варіантѣ: джакіи вѣри) Гогъ и Магогъ, а загнали ихъ въ древнемъ законѣ царь Александръ Македонскій. И мнози мнѣ о тѣхъ вѣрѣкъ повѣдоша, что де недавно тѣ вѣри было, тогъ Гогъ и Магогъ, изъ тѣхъ щелей вонъ выдралися, и дадіанскій де царь приходилъ со своею грузинскою землею, и тѣ щели велѣль каменіемъ завалити сверху горѣ; а кои были у тѣхъ щелей двери жѣлезныя, тѣ двери въ землю ушли. А про тѣ щели мнѣ сказывали грузинской матрополитъ и архіепископъ: ходилъ де ихъ грузинецъ за зайцы съ собакою, и засѣть ушелъ въ тѣ щели, и за зайцемъ забѣжала собака. И тѣ было зѣри въ той пещерѣ тое собаку изъ щели начали хватати, выбиватца, и отъ дверей внизу камень отбить, и тое собаку хотѣли ухватити, и собака завищала, и отъ нихъ ушла, и тѣ зѣри начали выдиратца, и тогъ грузинецъ подаль вѣсть грузину же, и пришель тѣхъ зѣри ваклали величіемъ каменіемъ. А въ прежніхъ годѣхъ тѣхъ зѣри не слышетъ было и въ двери не талкавалися“. По такимъ свѣдѣніямъ можно судить, какъ велика была наша беспомощность въ сношеніяхъ съ Востокомъ, что потому такъ печально сказалось на судьбѣ русскаго путешественника по Востоку Ае. Никитина. Быть Гагара и около „Ровини“ (Эривани), „на по-рубежки земли Турской и Кизилбашской“. Арсеній Сухановъ также былъ въ Тифлісѣ и въ Мікетѣ, гдѣ подъ столбомъ „риза Христа Бога нашего цѣла вся не ру-

на Востокъ замѣчательнаго русскаго человѣка Аѳанасія Никитина, имя котораго должно быть дорого для нашего Общества. Нужно замѣтить, что онъ совершилъ свое путешествіе на Востокъ чрезъ Персію, къ Персидскому заливу, въ Индію до о. Цейлона и обратно чрезъ Персію и Турцію до Трапезунда за 25 лѣтъ до открытия пути въ Индію европейцами, а записки его, по обстоятельности, по точности и вѣрности свѣдѣній, могутъ съ полнымъ правомъ быть поставлены если не выше, то во всякомъ случаѣ наряду съ отчетами знаменитѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ¹⁾. Но и этотъ наблюдательный, необыкновенно умный и энергичный русскій человѣкъ потерпѣлъ въ своемъ путешествіи много невзгодъ и полное разореніе въ торговыхъ дѣлахъ отъ причины, которая и донынѣ тяготѣетъ надъ нами въ нашихъ отношеніяхъ къ Востоку: „Меня залгали“, говорить онъ въ объясненіе своихъ неудачъ. Вотъ это-то „залгали“ не покончилось и до настоящаго времени, и разсѣять тьму всякаго рода „злганья“, которое нерѣдко является средстvиемъ ме-жду Россіей и Востокомъ, и призвано „Общество Востоковѣдѣнія“. Смутныя времена нашей исторіи, домашнія тяжкія за-боты государственного строенія на иѣкоторое время отдалили насть отъ Востока. Государственный геній Петра Великаго, прозрѣвая историческое призваніе Россіи, вновь обратилъ ея вниманіе на Востокъ, но послѣдующія поколѣнія болѣе занялись Западомъ, и надолго невѣжество и косность сдѣлали то, что мы мало знали Востокъ, и Востокъ мало зналъ насть, а враги воспользовались всѣмъ этимъ, чтобы сгустить еще больше

шена“. „Католико-архирей той церкви, мужъ честенъ, браду имать бѣлую, яко скѣгъ и житіемъ добрымъ украшенъ, и епископъ тифлисскій, и ини мнозы“. Отсюда на Русь пѣть онъ чрезъ Шемаху, Дербентъ и Тарки.

¹⁾ Радумѣемъ: „Написаніе Офонаса Тферитина купца, что былъ въ Индіи четыре года, а ходить, сказываютъ, съ Васильемъ Папинымъ“, оно внесено въ пол-номъ видѣ въ „Софійскій временнікъ“ подъ 1475 годомъ. Отсюль о высокомъ до-стонистѣ этого „Написанія“ данъ известныи Н. Н. Срезневскимъ. См. А. Н. Пы-пина „Истор. русск. литерат.“, т. II, стр. 259. По словамъ этого ученаго, записки Ае. Никитина не ниже дневника Васко-де-Гама и отчетовъ Де-Конти. Имя Ае. Ни-китина для нашего Общества имѣть такое же значеніе, какъ имя Васко-де-Гама для „Азиатскаго Общества“, основаннаго въ 1783 году въ Калькуттѣ, также главнымъ образомъ съ цѣлями востоковѣдѣнія.

эту тьму невѣдѣнія посредствомъ всякаго рода „зalганья“, съ которымъ боролся еще Аѳанасій Никитинъ. Въ наше время міровыя событія властно и рѣшительно вдвинули Востокъ и ближній и дальний въ сферу интересовъ Россіи и западной Европы. Кому изъ нихъ ближе по праву и обязанности, кому естественнѣе стать лицомъ къ лицу къ Востоку, кому исторически суждено послужить естественнымъ мостомъ между Востокомъ и Западомъ и отношенія ихъ направить не къ разрушенню, а къ созиданію всемірного спокойствія,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія ни у одного благоразумнаго и безпристрастнаго человѣка. И дѣятельность Россіи въ китайскихъ событіяхъ воочию убѣдила міръ, что не захваты, не корысть, не порабощеніе, не разбойничіи инстинкты руководили здѣсь Россіей, а миръ и благожелательность и сознаніе своего историческаго призванія въ дѣлѣ мирнаго объединенія Востока и Запада.

То же, конечно, нужно сказать и по отношенію къ ближнему Востоку—мусульманскому. Здѣсь, въ Тифлісѣ, въ Закавказье, которое непосредственно граничитъ съ этимъ Востокомъ, Отдѣленію Общества Востоковѣдѣнія какъ нельзя болѣе подходящее мѣсто для плодотворной дѣятельности: здѣсь именно нужно дать восточнымъ народамъ точныя и правильныя свѣдѣнія о Россіи, обѣ ея желаніяхъ и стремленіяхъ, съ другой стороны, нужно ознакомить и русское общество съ материальными нуждами и духовною жизнью Востока; тогда сама собою обрисуется правдивая картина жизни Востока въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, правдиво опредѣлится и роль Россіи на азіатскомъ Востокѣ и ея общечеловѣческое призваніе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляются нужды, потребности и задачи дѣятельности русскаго общества на окраинѣ. А въ правдѣ великая сила: *стоитъ ее только показать, и облако всякаго „зalганья“ разсѣется само собою.* Смутнымъ порываніямъ русскаго народа къ Востоку и смутнымъ влеченіямъ Востока на встѣрѣчу Россіи, не погибшимъ въ теченіе вѣковъ, при всякаго рода враждебныхъ вліяніяхъ сознательной клеветы и безсознательнаго невѣжества, нужно теперь дать укрѣпиться въ разумѣ, нужно дать освѣщеніе и проясненіе въ добросовѣстной

научной работѣ, посвященной взаимному всестороннему и правдивому знакомству Россіи и Востока. И мы вѣримъ и на-дѣемся, что указанный Россіи Промысломъ исторической долгъ будетъ ею выполненъ. Тому порукою многовѣковая, исполненная бескорыстія и высокаго благородства работа ея на Востокѣ, которая въ наши дни не только не умалилась, но въ трудахъ Вѣнценоснаго Вождя Россіи пріобрѣла новый блескъ и явилась предъ міромъ въ полной красотѣ и обаятельности. Мы сильны историческою правдою.

Не будемъ скрывать, что съ точки зрењія иѣкоторыхъ одностороннихъ ученій граничащаго съ нами Востока мы представляемъ собой такъ-называемый „даръ-уль-харбъ“, т.-е. міръ вражды,—міръ, съ которымъ нужно воевать... Но и самый враждебный человѣкъ опустить руки при видѣ близкняго, который долгимъ путемъ, правдивою и благожелательною дѣятельностью ясно, какъ Божій день, показалъ и доказалъ свои мирныя и добрыя намѣренія. Обратить этотъ „даръ-уль-харбъ“ изъ міра вражды въ міръ благоволенія и согласія, это—задача „Общества Востоковѣдѣнія“, достойная благословенія Церкви и сочувствія всѣхъ добрыхъ и мыслящихъ людей.

Духъ народный.*

„Духа не угашайтѣ!“ (І Фес. V, 19).

Въ свѣтлый день благодатной весны, при свѣтлыхъ пасхальныхъ воспоминаніяхъ, съ радостными пасхальными пѣс-

* Слово при закладкѣ храма въ селеніи Голицыно, Елисаветпольской губ. 22 априля 1901 г. Произнесено въ присутствіи главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ князя Г. С. Голицына.

Селеніе Голицыно—первый опытъ русскаго православнаго поселенія въ Елисаветпольской губерніи, въ которой до сего времени образовывались русскіе поселки только изъ ссыльныхъ сектантовъ. Прежнее село Ново-Троицкое, оставленное духоборами, выселившимися въ Канаду, заселено православными крестьянами, вынужденными изъ Черниговской губерніи, и названо „Голицыно“ въ честь князя Г. С. Голицына, главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, привившаго въ судьбѣ поселянъ самое горячее участіе. Селеніе находится въ Елисавет-

нями, въ ожиданіи праздника изліянія Св. Духа на новозавѣтныхъ чадъ Божіихъ, совершаємъ мы нынѣ знаменательное торжество среди этихъ русскихъ новопоселенцевъ. Повидимому, нѣтъ у насъ сейчасъ особенныхъ причинъ предаваться отраднымъ и свѣтлымъ надеждамъ: все здѣсь только въ зачаточномъ состояніи, все только устраивается; не собрались еще всѣ новоселы, не привыкли къ условіямъ мѣстной жизни вновь прибывшіе; много здѣсь недостатковъ и бѣдности и предстоитъ много труда, много терпѣлихъ усилий, можетъ-быть, неудачъ и разочарованій, предстоитъ, можетъ-быть, получить немало горькихъ уроковъ... И вотъ, смотря на эту устраивающуюся жизнь, на этотъ усиленный здѣсь трудъ, предъ смутнымъ и неизвѣстнымъ будущимъ, хочется призвать всѣхъ васъ къ свѣтлымъ пасхальнымъ чувствамъ надежды и радости и, въ виду грядущаго праздника въ честь Духа Святаго, обратиться ко всѣмъ вамъ съ великими апостольскими наставленіями: „Исполняйтесь Духомъ“ (Еф. V, 18) и „Духа не угашайтѣ“ (I Фес. V, 19).

Вспомнимъ, что было и что случилось, когда впервые „исполнились духа“ ученики Христовы. Ихъ было малое стадо, но малому стаду благоизволилъ Отецъ Небесный даровать царство. Ихъ было всего двѣнадцать простецовъ, робкихъ, бѣдныхъ и неизвѣстныхъ поселянъ Галилеи, а передъ ними, какъ поприще дѣятельности, разстился огромный, необъятный міръ, богатый и сильный... И все въ мірѣ казалось, такъ-сказать, духоборнымъ... все какъ будто клонилось къ тому, чтобы побороть и угасить духъ новыхъ проповѣдниковъ новой истины.

польскомъ уѣздѣ, въ горной мѣстности, въ 45 верстахъ отъ линіи Закавказской желѣзной дороги (отъ станціи Далляръ), отстоитъ въ 15 верстахъ отъ Кедабегскаго мѣдноплавильного завода; окружено духоборскими поселеніями. Здѣсь уже открыта церковно-приходская школа, назначенъ причтъ, совершающій богослуженіе во временному молитвенномъ домѣ. На построеніе храма Государь Императоръ пожертвовалъ 5.000 руб. и изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отпущено 3.000 руб. Въ селеніи предположено образовать 90 дворовъ; въ настоящее время налицо 42 двора. Около селенія „Голицыно“ предположено образовать еще два русскихъ православныхъ селенія (въ 5 и 9 верстахъ отъ Голицына). Торжество закладки церкви почтили своимъ присутствіемъ князь-главноначальствующій, Елисаветпольский губернаторъ и представители администраціи. Послѣ чина закладки князь-главноначальствующій внесъ на построеніе нового храма свою жертву въ 1.000 рублей.

Кровавыми гонениями, страшными преслѣдованіями, всѣми уси-
ліями злобы и издыхающаго жречества, и грубаго народа, и
утонченной науки, и могучей, привыкшой къ побѣдамъ госу-
дарственной власти, вооруженной не однимъ мечемъ, но и
знаніями, и искусствомъ,—вотъ чѣмъ встрѣтилъ міръ появле-
ніе новыхъ вѣстниковъ евангельской истины. Казалось, зада-
вить онъ малое стадо Божіе; казалось, не было никакой на-
дежды на торжество дѣла Христова... Но *духъ животворить*,
плоть же не пользуеть ни мало... (Іоан. VI, 63). Въ этомъ
мірѣ, ополчившемся на малое стадо Божіе, не было уже духа,
а проповѣдники царства Божія были именно сильны тѣмъ,
чего не было у древняго міра: они были исполнены духа, духа
крѣпкаго, убѣжденаго, духа просвѣщенаго и окрыленаго
вѣрою, духа, союзного съ Духомъ Божіимъ... И вотъ гордый
міръ склонился предъ этими скромными служителями Христа;
мрежи рыбарей исполнились ловитвы, и возвѣщенное ими цар-
ство Божіе широкимъ разливомъ захватило вселенную въ сво-
бодный и святой плѣнъ вѣры. Склонились цари и царства, за-
молкли вражда и озлобленные крики,—и гонимый, и поруган-
ный Крестъ Іисуса Христа засіялъ всюду отъ драгоцѣнной ко-
роны царя до убогой хижинѣ крестьянина...

Пришла пора, и могучія волны царства Божія всколыхнули
нашихъ отдаленныхъ предковъ. Малъ и неустроенъ былъ въ
то время русскій народъ; раздѣлялся онъ на нѣсколько от-
дѣльныхъ, враждебныхъ между собою, племенъ; кругомъ его
жило множество враговъ; топкія непроходимыя болота, разлив-
ныя рѣки, широкія степи, дремучіе лѣса, огромныя простран-
ства, суровая природа, малоплодная земля, рѣдкое населеніе,
отсутствіе путей сообщенія, при внутреннихъ раздорахъ, при
множествѣ враговъ,—все это мѣшало правильному устройству
жизни нашихъ предковъ. Казалось, погибнетъ народъ напѣ-
подъ ударами враговъ; казалось, никогда не выйти ему изъ
состоянія неустройства, мрака и дикости.

Но воистину—духъ животворить... Вѣра Христова при-
несла нашему народу этотъ *духъ животворящій*. Исполненный
духа, совершилъ онъ многовѣковой и многотрудный подвигъ
своей исторіи, и предъ крѣпостью и величіемъ этого духа таяло,

какъ сиѣгъ подъ солнцемъ, все духоборное,—все, что боролось противъ духа русскаго народа, всѣ препятствія, всѣ невзгоды нашей исторической жизни. Славянскія разрозненные племена силою единой православной вѣры слились въ единый могучій народъ; окружавшія насть мелкія инородческія племена дѣлались родными съ нами по вѣрѣ и едиными по отечеству. Были и тяжкія времена,—были нашествія враговъ, страшныя жестокости войны, избіенія тысячи людей, разоренія сель и городовъ; были засухи, голодъ, моръ, болѣзни, бѣдность страшная, но все вынесъ крѣпкій духъ русскаго народа. Слезами, скорбью, трудомъ, и многими страданіями, и многою молитвою строилась русская земля.

Подобно тому, какъ вы теперь здѣсь, наши новопереселенцы, такъ и прежде, въ старину, и на дальнемъ сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и западѣ русскаго государства являлись исполненные духа русскіе люди и вездѣ безъ блеска, безъ крика, постепенно, понемногу, повидимому, медленно, но прочно устраивали русскую жизнь, русскую государственность на основѣ евангельской любви, справедливости и порядка. Это было нашей міровой задачей, указанной Россіи Промысломъ. Бывали времена чрезвычайно опасныя; но сильный духъ постоянно неизмѣнно оживлялъ народное тѣло—государство; посреди опасностей оно возставало въ новой силѣ; исполненное духа, вдругъ изумляло міръ своею мощью и властно и громко говорило ему свое слово. Пережитыя опасности дѣлали его еще болѣе крѣпкимъ. То же вѣдь видимъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ: для души мелкой испытанія служатъ къ унынію, къ слабости и паденію; для души твердой, для духа сильнаго всякое страданіе, перенесенное терпѣливо и вдумчиво, является драгоцѣнѣйшимъ вкладомъ въ душевный капиталъ и силою укрепляющею и созидающею. Тяжелый молотъ дробить и уничтожаетъ хрупкое стекло, но куетъ и дѣлаетъ болѣе прочнымъ и твердымъ крѣпкое желѣзо...

Наслѣдниками живого дѣла живого русскаго народа явились сюда и мы, русскіе люди, на далекой окраинѣ. Что же? Будемъ ли обижать другихъ, будемъ ли отнимать что-либо чужое, будемъ ли жить на чужой счетъ, будемъ ли преслѣ-

довать другие народы? Нѣтъ, это не русское дѣло! Этимъ никогда не занималось наше царство! Опасаются этого только тѣ, кто мѣрить народъ нашъ на собственный аршинъ. Нѣтъ, Промыслъ Божій призвалъ сюда нась, въ этотъ разноязычный край, еще недавно раздираемый кровавыми смутами, не для захватовъ и корысти, а для того, чтобы внести сюда свѣтъ и жизнь: однимъ сообщить свѣтъ христіанства, другимъ—блага государственности, а всѣмъ—обеспечить порядокъ и тихое и мирное житіе во всякомъ благочестіи и честности. Не смущайтесь, что мало нась, что кругомъ видимъ скудость: не эта скудость страшна, *ужасна скудость духа*. Наши предки совершили великий, міровой подвигъ, *исполненные духа*. Заброшенные сюда, мы должны, какъ вѣтка съ деревомъ, оставаться въ неразрывной связи съ нашимъ великимъ русскимъ народомъ, съ его могучимъ духомъ... Итакъ, братіе мои, *духа не угашайте!*

Духъ угашается уныніемъ, малодушемъ: будьте же, поселенцы, бодры и мужественны; вѣрьте, братя, въ лучшіе дни, въ лучшее будущее; вѣрьте, что не оставлять васъ помощью Богъ и Царь и добрые люди; смотрите, Самъ Государь даетъ жертву на вашъ храмъ: Государевъ полномочный правитель всего нашего края здѣсь, среди васъ, прибыть сюда утѣшить и поддержать васъ; здѣсь и представитель Царя въ этой губерніи, и другія начальствующія лица. При ихъ помощи, при поддержкѣ и сочувствіи добрыхъ людей, да при вашемъ собственномъ трудѣ и стараніи, малое сѣмя, посѣянное здѣсь въ видѣ вашего скромнаго поселка, разростется, дастъ Богъ, въ большое дерево.

Духъ угашается раздорами, несогласіями, ссорами, завистью, взаимною непріязнью. Будьте же мирны, будьте единодушины, живите ладно, любовно, помогайте другъ другу, живите мирно и любовно съ окружающими васъ иновѣрцами и инородцами. Гдѣ миръ и ладъ, тамъ и кладъ; гдѣ миръ и ладъ, тамъ и Божья благодать.

Духъ угашается грѣхами и пороками. Будьте же трезвы, будьте честны, будьте трудолюбивы. Берегитесь гибельнаго пьянства, берегитесь всякаго вида разврата. Не давайте никому повода осудить васъ, посмѣяться надъ вами и, въ вашемъ

лицъ, надъ русскимъ человѣкомъ. И безъ того являлось сюда немало такихъ, которые позорили русское имя и нашу дорогую родину.

Духъ угашается, когда сыны родины разобщаются съ нею и забываютъ ее. Помните же, братья, Русь святую; помните, что вы—русскіе люди; помните и любите русскаго Царя-Батюшку. Пусть имя Его у васъ будеть честно и славно; пусть и молитва ваша будеть возноситься о Немъ непрестанно, чтобы Господь подалъ Ему силу и премудрость въ нелегкомъ дѣлѣ вести народъ нашъ къ славѣ и счастью.

Духъ угашается, духъ гибнетъ, исчезаетъ у русскаго человѣка, когда онъ теряетъ свою святую православную вѣру и отдѣляется отъ родимой матери-Церкви. Лишить его вѣры и Церкви—все равно, что подрубить ему обѣ ноги; это значить сдѣлать его слабымъ, безсильнымъ, безпомощнымъ. О, храните здѣсь, въ странѣ разновѣрія и всякаго вида сектантства, храните, братья, нерушимо наше чистое и святое православіе, завѣщенное дѣдами и прадѣдами! Вотъ совершаемъ закладку вашего будущаго храма. Еще немногого времени—и здѣсь, среди этихъ хатокъ, зажжется новая свѣча Господу Богу—домъ молитвы, а около него пусть растеть и крѣпнетъ и школа для вашихъ дѣтокъ, чтобы церковью и школою созидался и укрѣплялся духъ вашъ. Храните святые наши церковные обычай; не забывайте молитвъ и праздниковъ; не забывайте поста и говѣнія и святыхъ таинъ причастія; учите дѣтей вѣрѣ и благочестію; не слушайте ничего, противнаго православію. Помните и не забывайте: кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ! Помните: какъ песчинка на рѣчномъ берегу, какъ былинка въ полѣ, затеряется вы здѣсь безъ вѣры и Церкви; и, какъ яркая звѣздочка, будете сіять и свѣтить, и свѣтиться здѣсь, если будете хранить вѣру, какъ бы густа ни была кругомъ васъ тьма, какъ бы ни силился поглотить васъ мракъ вражды, или преслѣдованій, или бѣдности, или жизненныхъ испытаній. *Духа не угашайте!*

Позвольте обратить слово и къ вамъ, представители власти и почетные гости! Мнѣ нечего напоминать вамъ, что мы присутствуемъ здѣсь при скромномъ торжествѣ русской идеи...

Но въ этой мѣстности, какъ бы заброшенной и затерявшейся среди горъ, въ этомъ убогомъ поселеніи, гдѣ все говорить о бѣдности, о недостаткахъ, умѣстно ли это высокое слово о русской идеѣ? Братіе мои, *духа не угашайте!* Да не смущается сердце ваше! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ, и духъ животворить, плоть же не пользуеть нимало (Іоанн. VI, 13). Русская идея никогда не выступала ярко, крикливо, картино и показно. Это свойство не наше... И даже въ такихъ случаяхъ, какъ нынѣшнее торжество, когда естественны были бы и ликованія, и шумные возгласы радости,—когда умѣстно было бы видѣть хоть нѣкоторое возмѣщеніе вѣковой исторической неправды въ жизни народа-крестоносца, своею кровю стяжавшаго землю... для другихъ,—наша Церковь призываетъ насъ только къ тихой молитвѣ. *Но блажени кроткіе, они наслѣдуютъ землю!* Кто видѣлъ и кто записалъ о томъ, какъ среди финновъ, Чуди, Меря и Весь, среди vogуль и мордвы, перми и другихъ инородцевъ возникали такіе же воть поселки, такія же маленькия ячейки государственной жизни, которая отъ береговъ Ильменя и Днѣпра докатилась до Великаго океана? Кто подмѣтилъ и кто подсмотрѣлъ, какъ нѣкогда инородческія Ока и Волга обратились въ рѣки, воспѣваемыя въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, и до того русскія, до того родныя, что теперь и представить ихъ трудно иными? А югъ Россіи, Приазовье, Донъ, Кубань и Сѣверный Кавказъ при какихъ кликахъ русской идеи, при какихъ торжественныхъ и картиныхъ проявленіяхъ ея сдѣлались русскими и упорядоченными?

Къ тебѣ, сіятельный князь, полномочный представитель возлюбленнаго Государя, наше послѣднєе слово. Ты прибылъ сюда, пожертвовавъ дорогимъ временемъ среди многосложныхъ трудовъ,—прибылъ невзирая на дальний и неудобный путь; чтобы утѣшить, обласкать русскихъ людей на рубежѣ русской земли, чтобы поднять и ободрить унывающія души и сердца, чтобы они не угашали духа... Отъ имени этихъ поселеній и, въ правѣ сказать, отъ русскаго имени бѣемъ тебѣ челомъ на привѣтъ и ласкѣ! Поклонъ тебѣ благодарный до сырой земли! Благословеніе тебѣ отъ Господа, Его же имени созидаешь ты здѣсь домъ молитвы!

Пусть же и въ этотъ тихій часъ молитвы соединить всѣхъ нась съ этими простыми сердцами нашихъ поселянъ единый духъ вѣры и надежды на свѣтлое будущее, на успѣхъ новаго дѣла русскаго переселенія, и да будетъ здѣсь надъ нашими склоненными главами и сильно и дѣйственno слово царя-пророка: „Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, охрани то, что насадила десница Твоя“ (пс. 79, 15, 16); и утверди, и укрѣпи, и плодотворнымъ сотвори до вѣка! Аминь.

Единеніе Россіи и Грузіи.*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Аминь.

Мы стоимъ у порога великаго и знаменательнаго праздника нашего края и открытиемъ этой выставки предначинаемъ юбилейное торжество... Итакъ, въ эти торжественные минуты да будутъ прежде всего повторены и устами, и сердцами нашими только-что сказанныя молитвенные слова благословенія начала всякаго доброго дѣла: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

„Хваляйся о Господѣ да хвалится“ (1 Кор. I, 31). Такъ заповѣдуетъ намъ слово Божіе. Да будетъ же благословенъ Господь, умалившій человѣка малымъ чѣмъ отъ ангеловъ, вѣнчавшій его славою и честію и моши духа его покорившій природу (Пс. 8); эту побѣдную мошь, это торжество человѣка надъ природой мы и видимъ прежде всего въ собранныхъ здѣсь на выставкѣ разнообразныхъ произведеніяхъ труда, знанія и искусства человѣка. Да будетъ благословенъ Господь, сто лѣтъ назадъ призвавшій на дружную и совмѣстную жизнь

* Рѣчь на молебствіи при открытии Кавказской юбилейной выставки сельскаго хозяйства и промышленности, 2 сентября 1901 года.

и работу два родные по вѣрѣ и духу народа—русскій и грузинскій и соединившій ихъ неразрывными узами братства; плоды этого единенія не только русскихъ и грузинъ, но и всѣхъ народностей Кавказа въ общей мирной культурной работе подъ охраною великой Россіи мы также воочію видимъ на нашей юбилейной выставкѣ.

Сто лѣтъ назадъ намѣченъ и указанъ былъ Кавказу этотъ путь жизни словомъ приснопамятнаго Государя, возвѣстившаго подданнымъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи въ знаменательномъ и вѣчно памятномъ для Кавказа манифестѣ 12-го сентября 1801 года: „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи приемлемъ Мы на Себя бремя управлѣнія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаются на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, безопасность и каждому дать защиту закона“. И вотъ, чрезъ сто лѣтъ мы видимъ теперь, что великодушное рѣшеніе Царя и русскаго народа принесло больше, чѣмъ предполагалось: оно принесло не одно правосудіе и защиту закона, но и расцвѣть просвѣщенія и промышленности, успѣхи знаній и искусствъ и общий подъемъ во всѣхъ областяхъ внутренней жизни края, какъ наглядно свидѣтельствуетъ объ этомъ наша выставка.

Чтобъ имѣть справедливую мѣру для оцѣнки этихъ успѣховъ, нужно считаться съ условіями жизни нашего края, какъ о нихъ говорить намъ беспристрастная исторія. А исторія говоритъ намъ, что появленіе Россіи въ предѣлахъ Закавказья на призывъ изнемогавшей въ геройской, но неравной борьбѣ Грузіи не простили ей враги ея и Грузіи, и много десятковъ лѣтъ раздавались здѣсь громы войны, жизнь текла въ непрерывныхъ бранныхъ тревогахъ, много крови, много материальныхъ средствъ и безъ того небогатой Россіи, у которой были и свои неотложныя дѣла и нужды, ушло на защиту Грузіи и борьбу изъ-за нея, такъ что только вторая и притомъ далеко не полная половина истекшаго столѣтія соединенной жизни Россіи и Грузіи могла быть всецѣло посвящена дѣлу внутрен-

няго упорядоченія нашего края, его мирному и успѣшному культурному развитію. Нельзя не принимать этого во вниманіе при сужденіи о представляемой на выставкѣ картинѣ современной внутренней жизни Кавказа. Всего 37 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ закончилась совершенно геройская кавказская война при незабвенному для Кавказа Августѣйшемъ Намѣстникѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ; еще меньше—всего 25 лѣтъ—прошло со времени русско-турецкой войны, когда подавлены были послѣднія вспышки и возстанія горцевъ противъ Россіи, обеспечены были береговыя границы Закавказья и оно приняло въ территоріальномъ отношеніи современный видъ; въ эти сравнительно недолгіе протекшіе послѣ того мирные годы сколько сдѣлано успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ внутренней жизни Кавказа! Выставка наглядно покажетъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ вразумительные и ясные уроки.

И прежде всего, какъ бы ни высоки были указанные успѣхи въ развитіи внутренней жизни нашего края за послѣднія десятилѣтія мира и спокойствія, однако, не чувства гордыни и самодовольства превозношенія они должны будить и питать въ насъ. Время должно не умалять, а увеличивать владычество человѣка надъ природой, дарованное ему Богомъ при самомъ сотвореніи, какъ неотъемлемое право и какъ царственное отличіе среди прочихъ тварей міра; съ каждымъ годомъ должны расширяться предѣлы этого владычества человѣка и успѣхи его въ употребленіи силъ и тайнъ природы, какъ средства удовлетворенія разнообразныхъ его нуждъ и потребностей. Всякая гордыня, въ какой бы сферѣ она ни была, несеть съ собою ограниченіе жизни и задержку въ ея развитіи: и самодовольное превозношеніе достигнутыми результатами въ разнообразныхъ областяхъ жизни, представляемыхъ выставкою, можетъ послужить только къ задержкѣ этой жизни. Но выставка есть не только показатель того, что сдѣлано, но и практическій живой и наглядный урокъ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнное поощреніе дальнѣйшаго роста производительности, какъ условіе постепеннаго и правильнаго развитія народнаго богатства,—этого важнѣйшаго источника силы народной и государственнаго могущества.

Не отрицая за человѣкомъ права владычества надъ природою, не какъ самодовлѣющеи цѣли, но какъ средства для развитія и свободы человѣческаго духа, христіанская Церковь указываетъ намъ и условіе, при которомъ единственно возможны и успѣхи въ этомъ дѣлѣ, и самое пользованіе достигнутыми успѣхами, ежедневно, за каждымъ богослуженіемъ учить она насы молиться *о благораствореніи воздуховъ, о изобилии плодовъ земныхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ бы съ усиленною настойчивостью прибавляетъ сюда и моленіе *о временахъ мирныхъ...* Путь злобы, вражды и взаимнаго недовѣрія еще никогда не давалъ положительныхъ результатовъ въ жизни. И прошлая исторія нашего края заповѣдуетъ настоящему и будущему въ этомъ отношеніи великие завѣты. Смотря на картину жизни, представляемую нашей выставкой, вдумываясь въ причины и условія успѣшнаго развитія внутренней жизни нашего края, невольно вспоминаешь слова древнаго царя-пророка, съ горячею любовью отдававшагося заботамъ о благосостояніи своего народа: „Се что добро и что красно, но еже жити братіи вкупъ.“ „Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ! Это—какъ драгоцѣнныи елей на главѣ, стекающій на браду, браду Аарона, стекающій на края одежды его,—какъ роса Ермонская, сходящая на горы Сіонскія, ибо тамъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь до вѣка“ (Пс. 132).

„Жить братьямъ вмѣстѣ!“ Вотъ завѣть и народностямъ Кавказа,—завѣть мирной жизни, взаимнаго довѣрія, взаимной поддержки, объединенія въ мирномъ трудѣ,—могучаго внутренняго объединенія при благодѣтельномъ объединеніи и вѣшнемъ подъ скипетромъ великаго Русскаго Царя! И все прошлое нашего края и эта юбилейная наша выставка говорятъ намъ яснѣе Божіаго дня: все, что способствовало разъединенію нашего края съ Россіей, губило его, и все, что способствовало миру, любви и довѣрію народностей Кавказа къ Россіи, было благодѣтельно для него и приносило великие плоды изумительно быстро.

Да будетъ же это и впредь основою жизни нашего края! Богъ нашъ не есть Богъ вражды и неустройства, но Богъ мира

(1 Кор. XIV, 33); Господь крѣпость людемъ Своимъ дасть, Го-
сподь благословить люди Своя миромъ (Пс. 28, 11). Посему,
послушные наставлениямъ слова Божія, будемъ хранить еди-
неніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3), будемъ искать мира и
стремиться къ нему (1 Петр. III, 11), будемъ держаться правды,
любви и мира со всѣми (2 Тим. II, 22).

Болѣе ста лѣтъ назадъ, когда между Россіей и Грузіей
еще не было полнаго политического сліянія, Императрица
Екатерина II, въ знакъ покровительства Грузіи и благоволенія
къ ея царю Ираклію, въ честь его приказала приготовить осо-
бую медаль съ надписью: „Вѣра и Вѣрность“. Вѣра и вѣрность
по отношенію къ Россіи, дѣйствительно, спасли Грузію отъ
полнаго порабощенія злобными врагами и окончательной поги-
бели и привели ее къ полному сліянію съ Россіей. Теперь, по
истеченіи столѣтія нашего народнаго единенія, при видѣ этой
разстилающейся передъ нами на выставкѣ картины мирной жиз-
ни и расцвѣта нашего края, смотря въ грядущіе вѣка, ища для
нихъ основы будущаго счастья и благоденствія на Кавказѣ,—
къ этимъ великимъ словамъ о вѣрѣ и вѣрности мы должны
присоединить другія, не менѣе великія слова: *взаимная любовь,
благодатный миръ и полное взаимное довѣріе народовъ Кавказа
и великой Россіи*. Аминь.

Грузія и Россія.*

Исторія знаетъ и помнить много союзовъ между народами. Бывали союзы, основанные на интересахъ минуты, не скрѣпленные искренностью, вызванные своекорыстными намѣ-
реніями той или другой стороны: всѣ они носили въ себѣ сѣ-
мена разложения и гибели и, дѣйствительно, скоро распада-
лись. Знаемъ союзы племенъ и народовъ во имя родства по
крови, ради объединенія, какъ средства для пріобрѣтенія боль-

* 25 сентября 1901 года. По поводу юбилея столѣтія со дня присоединенія Грузіи къ Россіи.

шой силы и господства надь другими народами; на нашихъ глазахъ совершилось такое именно объединеніе Германіи, Италии... Принято считать, что здѣсь-то, въ такихъ союзахъ, и заключается самая прочная основа взаимнаго единенія народовъ.

Въ нынѣшній день воспоминаемъ мы иной союзъ,—союзъ двухъ православныхъ народностей, подобный которому трудно найти въ исторіи. Основною чертою православія, несомнѣнно, служить то, что оно всякому обществу человѣческому, а потому и государству, силится придать значеніе нравственнаго союза и указываетъ его дѣятельности цѣли этическія. И вотъ сто лѣтъ назадъ соединились два православные народа на основѣ именно этой особенности православія. Нравственные идеи преобладали въ единеніи двухъ народовъ. Россія прямо въ извѣстномъ манифестѣ Императора Александра I 12 сентября 1801 года заявляла, что она присоединила Грузію „не для корысти“: она сознавала, что ей предстоитъ тяжелая борьба за Грузію въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, сопряженная съ величайшими народными жертвами. Понятно, почему вопросъ о присоединеніи Грузіи такъ заботилъ Императора Александра I и при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ прошель и рѣшенье было не единогласно. Восторжествовали, однако, не соображенія государственной пользы и исключительности, а другіе интересы: „достоинство“, „честь и человѣчество“, „священный долгъ“. Грузія, присоединяясь къ Россіи добровольно, правда, многое пріобрѣла, но не надо забывать, что она теряла: она теряла самостоятельность существованія, какъ отдѣльного государства,—то, что служило и служить предметомъ горячихъ желаній и кровавой борьбы и до селѣ у многихъ народовъ и что сама Грузія съ высокимъ геройствомъ, которое можетъ быть поставлено въ доблесть любому народу, извѣстному въ исторіи, отстаивала въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, какъ неоцѣненное сокровище. Почему она теперь добровольно отдала это сокровище въ чужія руки и передала его не могущественнымъ въ то время Персіи и Турціи, а Россіи? Гдѣ глубочайшая причина этого союза?

Признаемъ ли мы или не признаемъ провиденціальное значеніе народовъ въ исторіи, мы во всякомъ случаѣ должны

согласиться, что по крайней мѣрѣ историческая и географическая условия поставляютъ предъ тѣмъ или другимъ народомъ тѣ или другія *мировыя задачи*. Только съ этой точки зрѣнія получаютъ смыслъ и высшее оправданіе горячіе порывы патріотизма, горячія желанія и заботы доставить своей родинѣ величіе и могущество: ея величіе и могущество суть не цѣль, а средство служенія всемирному, всечеловѣческому благу. Что же суждено Россіи на всемирно-историческомъ поприщѣ? Не будетъ ни преувеличеніемъ, ни искусственною выдумкою указать на то, что ей, какъ стоящей на рубежѣ Востока и Запада, суждено посредствовать между ними и для началъ жизни Востока и Запада, часто противорѣчивыхъ, враждебныхъ, толкающихъ ихъ на путь озлобленной борьбы, выработать въ своей исторіи высшій синтезъ, примиривъ ихъ въ единствѣ высшаго, объединяющаго культурного типа. Эта задача—великая, колоссальная, единственная—получена Россіей въ наслѣдіе отъ умершой Византіи, которая въ свою очередь наслѣдовала древней Греціи съ ея восточно-персидскими войнами, съ ея могучимъ эллинизмомъ, побѣдоносно занесеннымъ еще при Александрѣ Великомъ въ самое сердце Востока.

Но гораздо раньше Россіи эту великую задачу сознала и приняла Грузія... Въ дни борьбы древней Греціи и Персіи въ духовномъ складѣ Западъ характеризовался религіями антропоморфизма, Востокъ—парсизмомъ. Грузія, равно какъ и Арменія, стояла въ то время всецѣло на сторонѣ послѣдняго. Персы наложили доселѣ замѣтную печать на одежду, нравы, обычай грузинъ, на ихъ царскія династіи, на языки, на ихъ религію, потому что въ глубокой древности вытѣснили народное грузинское язычество почитаніемъ Армазда, въ названіи котораго, несомнѣнно, слышится имя персидскаго Ормузда. Новое, могучее вѣяніе прошло по міру, когда Западъ принялъ христіанство и поставилъ его на знамени своего исторического бытія. И ранѣе появленія христіанства, при Цезарѣ и Помпѣѣ, мы видимъ въ Грузіи начало тяготѣнія къ Западу, но окончательно опознала она свое міровое назначеніе только при свѣтѣ христіанства: при императорѣ Адріанѣ это сказывается еще нерѣшительно и носить характеръ нѣкотораго принужде-

нія, но при Константінѣ Великомъ это сознается окончательно и безповоротно.

Недаромъ годъ побѣды Константина Великаго подъ Адріанополемъ (323 г.) и объявленія христіанства не только дозволеною (какъ это было въ 312 и 318 гг.), но и господствующею въ Римской имперіи религіей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и годъ крещенія грузинъ въ Мицхетѣ... Совпаденіе знаменательное! Царь Миріанъ, родомъ изъ персидской династіи, немало колебался, пока рѣшился, побуждаемый историческимъ призваніемъ своего народа, вопреки родственнымъ связямъ съ Персіей, сдѣлать этотъ шагъ, безповоротно опредѣлившій судьбу Грузіи. Скоро и Востокъ, въ свою очередь, замѣнилъ древній парсизмъ исламомъ,—и начался великий поединокъ двухъ міровъ. Отзывалась, и мощно отзывалась на этотъ поединокъ и Западная Европа своими крестовыми походами. Но жизнь и исторія Грузіи, можно сказать, были сплошнымъ крестовыми походомъ, сплошнымъ геройствомъ и мученическимъ подвигомъ! Аrena великой борьбы все расширялась, поднимаясь къ сѣверу: отъ древней Греціи къ Византіи, къ Грузіи, къ южнославянскимъ народамъ. Когда же Византія стала клониться къ упадку, на поприще мірового подвига съ X вѣка, еще дальше къ сѣверу, призванъ былъ молодой народъ русскій съ печатью великихъ силъ и великой судьбы. Но пока онъ возрасталъ, выбиваясь изъ множества путь, которыми связаны были его младенчество и юность, пока онъ проходилъ воспитательное страданіе въ борьбѣ съ дикими ордами, съ инородцами, въ горнилѣ татарщины, въ домашнихъ неурядицахъ,—Грузія была одинока. Трудно представить и описать ея неизмѣримыя страданія, ея вѣрность Кресту, ея достойное вѣчной памяти геройство, ея заслуги предъ христіанскимъ міромъ.

Скоро татарщина сдѣлалась синонимомъ ислама; Россія, сбросивъ татарское иго, все болѣе и болѣе надвигалась на мусульманскій міръ, все болѣе и болѣе усиливалась, и вотъ, наконецъ, пробилъ часть воли Божіей: она подала руку помощи и полнаго единенія изнемогающей Иверіи, дошедшей до послѣднихъ предѣловъ изнеможенія въ неравной борьбѣ. Народы,

имѣвшіе одинаковую міровую задачу, естественно, слились во едино и въ государственномъ отношеніи. По словамъ поэта,

«...Божья благодать сошла на Грузію:
Она цвѣла съ тѣхъ порь въ тѣни своихъ садовъ,
За гранью дружескихъ штыковъ,
Не опасаясь враговъ.»

Но этого мало: сразу же измѣнилось положеніе міровой борьбы ислама и христіанства, Востока и Запада. Россія, укрѣпившись въ Закавказьѣ, немедленно же стала грозою Персіи и Турціи; съ небывалою силою и быстротою она отбросила знамя ислама далеко отъ предѣловъ истерзанной Грузіи. Прошло только одно столѣтіе со времени соединенія Россіи и Грузіи, а между тѣмъ какой огромный, невиданный пробѣгъ совершился въ ростѣ христіанской Россіи и, обратно, въ паденіи мусульманскихъ Турціи и Персіи! Это очевидно для всякаго, и вмѣстѣ очевидно, сколько добра въ исторіи міра принесло сто лѣтъ назадъ исполненное рѣшеніе двухъ народовъ слиться воедино на основѣ общности міровыхъ задачъ.

Понимали ли и понимаютъ ли эти задачи оба народа?

Если бы и не понимали ясно, они стремились бы къ нимъ полусознательно: если народъ есть организмъ, то въ немъ должны быть и инстинкты, по которымъ, и помимо сознанія, цѣлесообразно и безошибочно направляется жизнь, имѣющая впереди жизнь же, а не смерть. Но есть сила, которая и тому и другому народу дала и пониманіе своихъ міровыхъ задачъ, и средство ихъ осуществленія. Эта сила — *православіе*. Оно единственно, заключая въ себѣ начала истинной каѳоличности, и не подавляетъ народностей, предоставляя каждой духовную свободу, не привязывая духовной жизни къ лицу, мѣсту или вѣнчаней дисциплинѣ, и въ то же время оно стоять и выше народностей. Путемъ неумирающаго преданія оно предохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка отъ смыщенія свободы съ произволомъ, отъ гибельной духовной анархіи, и обусловливаетъ въ немъ постоянную жизненность и непрерывность роста, какъ духовнаго организма. Не привязанное къ мѣсту и времени, заключая въ себѣ начала истинной демократіи и здра-

ваго, доброго космополитизма (въ православномъ пониманіи Церкви), православіе—и только одно православіе—служить релігії, имъющей въчное и міровое значеніе, объединяющей человѣчество внутренне, а не вънѣшне. Не подавляя національностей, оно можетъ въ то же время сдѣлаться и релігіей общенародной въ полномъ смыслѣ слова. И, дѣйствительно, оно сдѣлалось зиждительной силою и народною релігіей одинаково и для русскаго, и для грузина. Внѣ православія и русскій, и грузинъ перестаютъ быть самими собою, а въ немъ они находятъ върный залогъ сохраненія своей духовной личности при всѣхъ враждебныхъ нападеніяхъ. Оттого оно стало безкочечно дорого сердцу того и другого народа; оттого же оно такъ скоро и такъ прочно соединило оба народа неразрывнымъ, невиданнымъ въ исторіи союзомъ, государственнымъ и церковнымъ, несмотря на отсутствіе племенного родства, ибо родство по върѣ выше родства по крови, единеніе по духу выше единенія племенного, прочиѣ союзовъ съ государственными своекорыстными цѣлями. Это—союзъ на жизнь и смерть, на настоящее и будущее, какъ покоящейся на основаніяхъ духовныхъ, въковъчныхъ. А въчное и духовное осмысливается временное и дѣлаетъ его истинно-плодотворнымъ. Оттого и союзъ народовъ, которому нынѣ мы празднуемъ столѣтіе, явился такимъ крѣпкимъ и такимъ плодотворнымъ. И дай Богъ ему расти и крѣпнуть и успешно выполнить свою міровую задачу ко благу народовъ, къ осуществленію единаго царства Божія на землѣ.

Еже буди, буди!

1902 г.

Служение родному народу.*

Отъ избытка сердца уста глаголють.

И только во имя этой, неистребимой потребности человѣческаго сердца вылиться въ словѣ отъ преизбытка чувствъ, только во имя этого присущаго природѣ души нашей свойства и стремленія подѣлиться полнотою жизни своей съ окружающими,—только во имя этого я осмѣливаюсь въ настоящія минуты занять мѣсто на церковномъ амвонѣ.

Вчера позднимъ вечеромъ возвратился я въ городъ изъ служебной поѣздки моей по школамъ,—и вотъ сегодня, подъ вліяніемъ прочитаннаго апостольскаго чтенія, въ которомъ апостолъ горячо призываетъ пастырей къ усердному дѣланію на нивѣ Христовой (1 Тим. IV, 12—16), подъ вліяніемъ евангельскаго чтенія нынѣшняго воскреснаго дня (Лук. XIX, 1—10), мнѣ хочется предъ вами, духовные питомцы, будущіе сопастыри и сослужители, сказать нѣсколько словъ, подѣлиться мыслями и чувствами, сейчасъ только навѣянными на меня словомъ Божіимъ... Поэтому не будьте строги ко вѣйшней формѣ моей неожиданной и непосредственной рѣчи, а примите ее за исповѣданіе сердца, простое, чуждое витийства и искусственности.

Я возвратился изъ той страны нашего края, а вашей родины, гдѣ, можно сказать, земля спорить съ небомъ въ избыткѣ желанія удивить человѣка красотою и безмолвною

* Сказано воспитанникамъ Тифлисской духовной семинаріи въ недѣлю о Закхѣ.

проповѣдью о Богѣ. Благословенная Кахетія предстаетъ предъ лицомъ человѣка, впервые увидѣвшаго ее, дѣйствительно, въполномъ и величайшемъ благолѣпіи Божьяго творенія, какъ Божьяго рая. Въ виду этихъ воздымающихся снѣжныхъ горъ, уходящихъ въ высъ небесную, въ виду этихъ лежащихъ у подножія горъ прекрасныхъ равнинъ, покрытыхъ лѣсами и садами, прорѣзанныхъ излучистыми рѣчками и ручьями, въ виду этой чудной красоты, этого чуднаго края, народъ, его населяющій, долженъ быть *искать Бога* и, дѣйствительно, искать Его.

А такъ какъ это народъ христіацкій, отъ лѣтъ древнихъ приняліій слово о Христѣ изъ устъ равноапостольной дѣвы, преславной Нины, въ томъ же краѣ и почившей и донынѣющими своими почивающей во благоуханіи святыни,—то о немъ съ полнымъ правомъ можно сказать словами нынѣшняго евангельского чтенія, что онъ *искаше видѣти Иисуса*. И въистину, искать онъ и ищетъ Иисуса; можно сказать, Имъ однимъ онъ жиль и живетъ, служилъ и служить, и въ защиту Его имени, Его Церкви онъ отдалъ въ борьбѣ противу враговъ Креста Христова все, что имѣль, всѣ свои дарованія, всѣ свои богатства, всѣ силы духовныя и физическія. Искать онъ Иисуса... Духъ поднимается, духъ загорается восторгомъ, когда съ какои-либо возвышенности видишь предъ собою эти разстилающіяся безъ конца села и деревни—и храмы, храмы безъ конца, которые бѣгутъ и сверкаютъ на этой чудной равнинѣ, какъ чистыя и свѣтлыя звѣзды на чудномъ небѣ. И какіе это храмы! Одинъ, какъ храмъ Алавердскій, привлекаетъ своею величавою красотою, своею грандіозностью, и говорить о томъ подвигѣ изумительнаго труда, который нѣкогда понесли грузины ради прославленія Бога, знаменуя свое исканіе Иисуса; другой храмъ удивляетъ тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ, которое онъ и доселъ внушаетъ народу; иной храмъ и теперь, какъ во времена былыхъ, и по днямъ, и по ночамъ, во исполненіе священнаго обычая, собираетъ подъ кровь свой сотни и тысячи богомольцевъ... Въ одномъ мѣстѣ выстроенъ храмътновый, а въ старомъ помѣстили школу; но вся алтарная стѣна старого храма и доселъ испещрена слѣдами и уставлена налѣпками свѣчей:

то приходятъ сюда молиться тѣ, которые въ этомъ храмѣ крестились и вѣнчались... Такова удивительная любовь народа къ своимъ святынямъ. Это ли не исканіе Иисуса? Это ли не стремленіе къ небу и вѣчности? Народъ, ищущій неба, достоинъ жить на землѣ!

Но, возлюбленные, въ этомъ исканіи своеемъ народъ тысячелѣтній часто бываетъ ребенкомъ, и о немъ, объ его духовномъ состояніи также словами нынѣшняго евангелія можно сказать: *яко возрастомъ малъ бѣ*. Наряду съ трогательными христіанскими обычаями, держится онъ обычаевъ, напоминающихъ язычество; вмѣстѣ съ прекрасными свойствами чистой и духовной молитвы удерживаетъ онъ нерѣдко стороны и свойства жизни мірской и ее вносить въ священную тишину своихъ древнихъ храмовъ; многое въ религіи хранить онъ только, какъ обрядъ, не придавая ему осмыслиннаго значенія; многое исполняетъ онъ, какъ воспоминаніе старины, не согрѣвая и не осмысливая его жизни настоящей; часто эти взрослые дѣти не знаютъ первоначальныхъ молитвъ, не имѣютъ понятія о словѣ Божіемъ, не разумѣютъ самаго главнаго въ совершаемомъ богослуженіи.

Надобно просвѣтить этого взрослого ребенка во имя глубокой любви, которую онъ невольно вызываетъ къ себѣ. Да, нельзя не любить его за его прекрасныя душевныя свойства—общія черты народной души: за его добродушие, гостепріимство, способность къ добруму порыву, къ самоотречению, за неизмѣнную доброту, за постоянную религіозность. Надобно въ просвѣщеніи указать ему средства къ улучшенію и житейскаго положенія, къ его материальному обеспеченію, въ нашъ вѣкъ, при современныхъ условіяхъ, немыслимому безъ образованія.

И благодареніе Господу! Видѣль я и свидѣтельствую, что есть среди вашего родного вами народа, есть пастыри, тщаниемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе, не высокая мудрствующе, но смиренными ведущіеся (Римл. XII, 11, 16); они служатъ народу, въ тишинѣ и во смиреніи совершая свой великій, но незамѣтный подвигъ. Благодареніе Богу! Видѣль я и свидѣтельствую, что начала доброго обученія и воспитанія, истинно-христіанского просвѣщенія прочно прививаются въ

нашихъ церковныхъ школахъ, которые выдвинули многихъ такихъ тружениковъ и труженицъ, что предъ ними нужно почтительно встать въ глубокомъ благоговѣніи и благодарности.

Но наряду съ этими, какъ мало еще сдѣлано, и какъ много остается сдѣлать; какъ много еще людей, стоящихъ у кормила духовной жизни народа, способныхъ и обязанныхъ внести лучи свѣта въ его темную среду,—и остающихся еще въ спячкѣ, небреженіи и бездѣятельности!

Къ вамъ, духовные питомцы, къ вамъ ваша чудная ро-дина отъ всѣхъ странъ духовнаго исканія Иисуса и духовнаго маловозрастія безмолвно простираетъ молящи руки! О, если бы вы видѣли эти школы, наполненные дѣтьми; если бы вы слы-шили ихъ отвѣты, говорящіе о раскрывающемся разумѣ, о горящей вѣрѣ,—эти стройныя возглашенія и пѣніе молитвъ, эти отвѣты о Богѣ, Его дѣлахъ, Его волѣ, Его заповѣдяхъ!.. О, если бы вы видѣли эту радость отцовъ и матерей, когда они хоть однимъ ухомъ услышатъ въ открытое окно разумные отвѣты ихъ дѣтей! „Зачѣмъ я не теперь родился“, сказаль мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ, котораго я пригласилъ зайти въ школу. „Зачѣмъ меня не учили всему этому“, говорилъ онъ и прибавилъ: „но слава Богу за дѣтей нашихъ!“ Если бы видѣли вы и слышали все это, какимъ бы восторгомъ и упова-ніемъ на будущее забились бы ваши молодыя сердца, и съ какою любовью лобызали бы вы духовно это высокое, и чистое, и святое дѣло служенія народу!

Туда направьте ваши помыслы, туда понесите для умно-женія и приращенія богоданніе вамъ таланты образованія, полученные отъ Церкви и ей принадлежащіе! Туда понесите весь священный огонь молодыхъ душъ, весь запасъ юной энергіи, жаждущей осмысленного труда; туда обратите благо-родные порывы молодости, жаждущей не только труда, но и осмысленного подвига! Кромѣ васъ, никто другой этого сдѣлать не можетъ. Да, повторяемъ, что, кромѣ васъ, некому пойти на служеніе народу! Не оставьте его одинокимъ въ святомъ исканіи Иисуса, Его воли, закона и заповѣдей; не оставьте его беспомощнымъ въ его духовномъ маловозрастіи! Объ этомъ и просимъ, и молимъ васъ и повелѣваемъ и лю-

бовью пастырскою, и властью Божией Церкви, и завѣтами прощлого и воинствующими нуждами настоящаго. И если вы пойдете этимъ путемъ служенія народу, можемъ мы вамъ обѣщать одно: глубокое нравственное удовлетвореніе въ настоящемъ и отрадное право сказать въ будущемъ, въ неотступный часъ разлученія съ земнымъ бытіемъ, словами апостола: *не вотище трудихся, не вотище текохъ* (Филип. II, 16). А выше и радостнѣе этого сознанія нѣть ничего на свѣтѣ! Аминь.

Святые завѣты дѣятіемъ.*

Въ жизни святыхъ имѣемъ мы неизживаемое духовное наслѣдство, которое ежедневно въ церковныхъ воспоминаніяхъ, въ церковномъ богослуженіи раскрывается предъ нами во всемъ его дивномъ богатствѣ. Безчисленные сонмы этихъ святыхъ украшаютъ небо церковное и сияютъ на немъ, какъ звѣзды небесныя. Взирая на нихъ, освѣщаемъ мы ими свой путь земной жизни, направляя его къ небу и вѣчности; взирая на нихъ, мы и сами заимствуемся отъ свѣта ихъ.

Такова же и жизнь святителя Алексія, митрополита Московскаго, память котораго, ради небеснаго его покровительства архипастырю нашему, собрала насть сегодня во святой храмъ.

Воистину, память праведнаго съ похвалами... Имя святого Алексія извѣстно всей Россіи; можно сказать, оно вспоминается за всѣми важнѣйшими богослуженіями церковными въ ряду тѣхъ великихъ именъ великихъ дѣятелей, Михаила, Петра, Іоны, Филиппа и друг., которымъ Церковь русская и народъ русскій обязаны вѣчною благодарностью.

* Слово въ день памяти св. Алексія, митрополита Московскаго, по случаю тезисменинства высокопреосвященнѣйшаго Алексія, екзарха Грузіи. Сказано при священнослуженіи владыки - екзарха въ Крестовой екзаршеской церкви къ учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковно-приходскихъ школахъ города Тифлиса 12 февр. 1902 г.

Благодѣтели и друзья оцѣниваются, главнымъ образомъ, въ тяжкія годины жизни, во времена горестей и несчастій. Въ такое именно время, въ тяжкое для Россіи время, жить и дѣйствовалъ святитель Алексій; оттого, конечно, онъ особенно и дорогъ русскому народу. Это было болѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Нашествія татаръ, разорявшихъ и грабившихъ землю русскую; раздѣленія и распри въ средѣ князей; церковное неустройство и раздоры и, въ довершеніе всего, губительная зараза, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“, отъ которой вымирали цѣлые города, обращались въ безлюдныя пустыни цѣлые области,—вотъ каковы были обстоятельства того далѣкаго времени.

Неудивительно, что въ такое тяжкое время даже дѣтство, этотъ возрастъ жизни, обыкновенно безпечальный и радостный, омрачалось заботами и тревогами. Святой Алексій, называвшійся до принятія монашества Елевееріемъ, былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей; юные годы его могли протекать, какъ одинъ сплошной непрерывный праздникъ. Но съ дѣтства онъ упреждалъ мыслью будущій подвигъ жизни; задумывался не о радостяхъ и забавахъ настоящаго, но о трудахъ будущаго; пытливая душа его неотступно размышляла, какой избрать ему путь для служенія Богу, ближнимъ и родинѣ, страдающей отъ несчастій и бѣдствій. Надъ дѣтской вдумчивой душою никогда не дремлетъ всесильная предваряющая благодать Божія... И вотъ однажды, когда отрокомъ, на 12 году жизни, Елевеерій разставилъ сѣти для ловли птицъ и, въ ожиданіи добычи, задремалъ, вдругъ онъ услышалъ невидимый таинственный голосъ, назвавшій его новымъ именемъ; голосъ говорилъ: „Алексій! что напрасно трудишься? Тебѣ предстоитъ ловить человѣковъ“. Отрокъ проснулся, и въ этихъ словахъ, которыми нѣкогда Спаситель призвалъ апостоловъ къ пастырскому служенію въ Церкви Христовой, онъ увидѣлъ призваніе своей жизни, то призваніе, надъ которымъ не разъ останавливалось въ тревожномъ размышленіи его пытливое сердце. Съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна въ душѣ отрока; онъ сдѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, сталъ уединяться, предался молитвѣ и

ченію слова Божія, посвященію церкви. На 15 году жизни онъ рѣшилъ привѣтъ монашество, а чрезъ 5 лѣтъ уже былъ постриженъ въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, получивъ ранѣе указанное ему въ таинственномъ видѣніи имя: Алексій. Благочестіемъ, умомъ и ревностію ко славѣ Божіей и служенію ближнімъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе митрополита всія Руси св. Феогноста, и былъ избранъ имъ себѣ въ помощники по управлѣнію Церковью. Алексій не имѣлъ тогда и 40 лѣтъ жизни: но, несмотря на молодость, ни высокое положеніе, ни почести, ни власть, ни окружающая его шипящая злоба и зависть къ нему не смущили и не озлобили его кроткой и боголюбивой души, не ослабили его трудовъ, которыми онъ отдавался день и ночь. Когда же умеръ св. Феогностъ, то, по завѣщанію усопшаго архипастыря и по волѣ великаго князя, Алексій былъ возведенъ въ званіе митрополита Московскаго и всія Руси. Въ этомъ высочайшемъ служеніи онъ показалъ все величіе святой души своей, все богатство дарованій естественныхъ и благодатныхъ: ради устройства дѣлъ Церкви два раза, съ опасностью жизни въ пути,ѣздилъ онъ въ далекій Константинополь ¹⁾, дважды путешествовалъ въ Орду къ дикимъ татарамъ, испрашивая милостей у хановъ для земли русской; въ личной своей жизни, по выраженію пѣсни церковной, онъ былъ „питателемъ вдовъ, отцомъ сиротъ, помощникомъ скорбящихъ, утѣшителемъ плачущихъ, для всѣхъ — пастыремъ и наставникомъ“ (Сѣдаленъ 12 февраля). Во дворцѣ князей онъ пользовался почетомъ, и слово его останавливало княжескія, гибельные для Россіи, распри. Въ своей церковной и государственной дѣятельности поистинѣ онъ былъ ангеломъ-хранителемъ Россіи. При всемъ томъ онъ находилъ время и строить церкви и монастыри, и уединяться для подвиговъ иноческихъ и молитвы, и исправлять священные книги, и разсыпать поученія своей обширной паствѣ по всей Россіи. Имя его было славно въ родной землѣ, славно было далеко и за предѣлами ея, даже у татаръ, поработителей Россіи.

¹⁾ Оттуда во второй разъ вернулся онъ, умиротворивъ Церковь, получивъ отъ Константинопольского патріарха, отъ которого тогда была въ зависимости Русская Церковь, званіе митрополита и екзарха Великой Россіи.

у татарского хана заболѣла любимая жена Тайдула и потеряла зрѣніе. Ханъ послалъ въ Москву къ князю и приказывалъ ему прислать въ Орду святого митрополита русскаго. „Мы слышали, писалъ ханъ, что есть у васъ служитель Божій, который если о чёмъ попросить Бога, Богъ слушаетъ его. Пришли его, пусть онъ исцѣлить жену мою. Если не пришлешь, пойду я опустошать землю вашу“.

Смутился смиренный Алексій, когда ему князь передалъ волю хана. Но вѣра въ Бога, любовь къ Церкви и отечеству превозмогли все, дали ему силу совершить чудо. Въ смущеніи духа, предъ отправлениемъ изъ Москвы къ хану, пошелъ онъ молиться во храмъ ко гробу святого митрополита Московскаго Петра; здѣсь во время молитвы, въ знаменіе свыше, въ рукахъ св. Алексія сама зажглась церковная свѣча. Подкрѣпленный этимъ знаменіемъ, святитель отправился въ далекое и опасное путешествіе. Прибывъ въ Орду, онъ отслужилъ молебенъ надъ болящей Тайдулой, совершилъ водоосвященіе и окропилъ святой водой потухшія очи царицы. И взяла Господь его молитвѣ: Тайдула прозрѣла и съ тѣхъ поръ неизмѣнно покровительствовала землѣ русской. Святитель возвратился со славою, съ богатыми милостями хана къ Россіи¹⁾ и отвратилъ отъ родины грозящую бѣду.

Св. Алексій почилъ отъ тяжкихъ трудовъ жизни въ глубокой старости, имѣя около 80 лѣтъ отъ роду. Чрезъ 50 лѣтъ открылись нетѣнными святыя мощи его и источаютъ доселѣ чудеса милости Божіей всѣмъ притекающимъ къ нимъ съ вѣрою и молитвою. Предъ ними, отправляясь сюда экзархомъ Грузіи, и нашъ архипастырь, высокопреосвященнѣйшій Алексій, склонившись въ молитвѣ до праха земного, просилъ себѣ небесной помощи въ дѣлахъ своего служенія. Да поможетъ ему Господь утѣху и заутра.

Отъ обстоятельствъ дѣтства и юности святителя Алексія взымите себѣ уроки вы, юноши и дѣти, питомцы школъ церковныхъ. Да будутъ радостны и безпечальны ваши дѣтскіе

¹⁾ «Какъ благодарить тебя, святитель Божій! Ты даришь намъ мирную жизнь». Такими словами встрѣтилъ св. Алексія въ Москвѣ по возвращенію отъ хана князь Дмитрій Ивановичъ, будущій герой Куликовской битвы.

годы, да будетъ свѣтла и полна веселіемъ ваша юность! Но въ пору нѣжной весны вашей жизни помните, дорогие, что наступить лѣто—время труда и жатвы. Лѣнивый земледѣльецъ, не посѣявшій весною ничего на своей пашнѣ, останется безъ жатвы лѣтомъ и безъ хлѣба зимой. Жалкимъ и ничтожнымъ тунеядцемъ, лишнимъ и никому ненужнымъ человѣкомъ, общею тяготою для всѣхъ останется онъ въ жизни. Берегитесь, дѣти, этой печальной судьбы! Растите, трудитесь, богатѣйте вѣрою, молитвою, познаніями и, какъ отрокъ Елевеерій, вдумывайтесь въ будущее призваніе жизни. Жизнь—не безпечальный праздникъ, не сплошное веселье: она есть путь приготовленія къ вѣчности, она—время нашего созрѣванія духовнаго для неба; она есть время труда и подвига и искупающаго страданія. Блаженъ, кто, по слову пророка, возьметъ яремъ свой отъ юности своей! Блаженъ, кто въ годы молодые вѣрой, молитвой и трудомъ привлекъ къ себѣ благодать Божію. Съ нимъ будетъ то, что мы наблюдаемъ въ знойныхъ странахъ юга: хозяинъ весною, пользуясь обиліемъ воды, старательно собираетъ и сберегаетъ ее, чтобы лѣтомъ, въ знойные дни, въ дни засухи и бездождя, оросить жаждущія нивы живительной влагой. Забирайте же теперь дары естественные и благодатные, забирайте во дни дѣтства и юности: послѣ не поднимете.

Вы—дѣти Церкви, вы, ею воспитываемыя и обучаемыя, имѣете и теперь тѣхъ руководителей на этомъ пути, въ число которыхъ нѣкогда таинственнымъ голосомъ призванъ былъ отрокъ Елевеерій. „Духовные ловцы человѣковъ”—пастыри и учителя церковные остаются въ Церкви и нынѣ, останутся въ ней и до скончанія вѣка. Они своими трудами поддерживаютъ школы, въ которыхъ вы учитесь; они являются хранителями вашего дѣтства; да будуть они хранителями и руководителями всей вашей жизни, чтобы уловить васъ въ сѣти Царства Божія! И никто изъ нихъ самъ себѣ пріемлетъ честь, токмо званный отъ Бога, якоже Ааронъ (Евр. V, 4). Святитель Алексій любилъ повторять слова святого Григорія Богослова: „не легко украсть овець, на которой положенъ знакъ“. Знаки же для овець стада Божія суть знаки церковности: святыя таинства, священные обряды, посты и молитвы, Тѣло и Кровь Христовы...

Такая отмѣченная овца не затеряется въ мірѣ, такую овцу не украдетъ врагъ спасенія. А если эта овца не отходитъ и отъ пастыря, то она вдвойнѣ безопасна. Храните же, дорогіе, вашу связь съ Церковью Христовой, храните на всю жизнь связь съ пастырями и служителями Церкви. „Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь,“ слышали вы сегодня въ апостольскомъ чтеніи. Надъ ними же, надъ пастырями и учителями,—архипастыри Церкви, къ которымъ обыкли православные люди относиться съ благоговѣйною любовію, поминать ихъ ежедневною молитвою. Сегодня—день нарочитой и особливой молитвы о нашемъ архипастырѣ. Вы видѣли, какъ сегодня въ молитвѣ за васъ изливалась въ слезахъ умиленія душа архипастыря въ тотъ мигъ, когда онъ молилъ Господа призрѣть съ небес и посѣтить васъ—виноградъ, который насадила десница Божія. Помолимся и мы о немъ Пастыреначальнику Іисусу Христу, будемъ просить ему небесной помощи святителя Алексія, его небеснаго покровителя. Такъ поступая, мы исполнимъ завѣтъ святителя: въ дни своей жизни онъ въ поученіяхъ своихъ придавалъ великое значеніе взаимнымъ церковнымъ молитвамъ. „Оставивъ всѣ дѣла свои, писать святитель Алексій, безъ лѣноты собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: помолимся дома. Какъ комната безъ огня отъ одного дыма не можетъ нагрѣться, такъ и домашняя молитва безъ церковной. Если такъ будете дѣлать, то и молитва церковная за васъ дойдетъ къ Богу“.

Да вознесется же нынѣ наша молитва за архипастыря, да услышитъ ее Господь предстательствомъ святителя Алексія и да видимъ мы нашего владыку—архипастыря среди васъ, дорогія дѣти, воистину яко отца о чадахъ веселящася! Аминь.

Усердіе ученья и твердость вѣры.*

Когда вы, дѣти, нѣсколько дней тому назадъ были въ церкви въ день ангела нашего архипастыря, то, помните, въ проповѣди церковной вамъ было указано, какое великое духовное богатство мы имѣемъ въ жизни святыхъ. Что это значить? Это значитъ, что святые на всѣ вѣка для всѣхъ христіанъ оставили вѣчные уроки и примѣры для подражанія, образцы святой, богоугодной жизни; они самыи дѣломъ показали, что можно исполнить ученіе Спасителя, заповѣди Божіи. И сами святые, когда жили на землѣ и еще не были прославлены, учились всему добруму и высокому у тѣхъ праведныхъ людей, которые жили раньше ихъ. Такъ, о преподобномъ Антоніи, который жилъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ и за подвиги святости названъ Великимъ, известно, что онъ любилъ изучать жизнь святыхъ: у одного онъ учился вѣрѣ и молитвѣ, у другого любви и терпѣнію, у иного кротости и незлобію, у иного трудолюбію и послушанію и т. д.

То же самое, дѣти, можемъ и должны дѣлать и мы; для этого васъ и учать въ школахъ, чтобы вы читали добрыя, хорошия книги, въ которыхъ описывается жизнь святыхъ; для того и предлагаются вамъ здѣсь нерѣдко слово поученія церковнаго. Каждый день Церковь творить память какого-либо священнаго событія, какого-либо святого угодника! Если вы захотите посмотретьъ въ церковныя книги, то вы увидите, что се-годня, напримѣръ, Церковь празднууетъ память святого священномуученика Памфилы. Разскажу вамъ обѣ его жизни; вмѣстѣ и поучимся у него. Св. Памфиль жилъ 1500 лѣтъ тому назадъ, въ то тяжелое время, когда христіанъ за вѣру всячески преслѣдовали. Родиною его была Палестина,— та страна, въ которой жилъ Иисусъ Христосъ. Съ дѣтства Памфиль много трудился надъ своимъ образованіемъ, много и прилежно учился.

* Рѣчь, сказанныя ученикамъ Кукійскихъ церковно-приходскихъ школъ во время всенощного бдѣнія 16 февраля 1902 г., въ канунъ недѣли мясопустной.

Такъ полюбиль онъ учение, что мало ему показалось знаній, пріобрѣтенныхъ въ школахъ и у людей ученыхъ на родинѣ, и онъ для продолженія образованія Ѵздила въ далекія страны (Александрия). Вернувшись потомъ на родину, онъ сдѣлался священникомъ. Но, исполния пастырскій долгъ, попрежнему не оставлять онъ ученыхъ занятій: переписывать книги, читать усердно Священное Писаніе. Книгъ тогда было мало, потому что печатать ихъ не умѣли: приходилось переписывать каждую отдельно; нерѣдко при этомъ допускались невольные ошибки, и вотъ св. Памфиль, пользуясь своими познаніями, провѣрялъ книги, исправляя мѣста, испорченныя переписчиками, разсыпалъ правильныя рукописи по церквамъ, раздавалъ ихъ всѣмъ желающимъ. Такъ дѣлалъ онъ потому, что, получивъ образованіе, онъ хотѣлъ передать блага этого образованія и своимъ близкимъ. Послѣ него въ родномъ городѣ осталась очень большая библіотека книгъ, а это въ древности было очень, очень рѣдко. Въ то же время, отличаясь искреннимъ благочестіемъ, Памфиль все свое имѣніе роздалъ нищимъ и всецѣло посвятилъ себя служенію близкимъ.

Понятно, такой ученый и благочестивый священникъ, какъ св. Памфиль, имѣлъ большое вліяніе на христіанъ, поэтому и язычники, гонители христіанъ, знали его, какъ одного изъ главныхъ христіанскихъ учителей. Вотъ почему злобный царь языческій (Діоклетіанъ) обратилъ на него вниманіе, потребовалъ къ суду и предалъ его страшнымъ истязаніямъ, заставляя отказаться отъ вѣры во Христа. Ужасныя это были истязанія: христіанъ били палками, сдирая съ нихъ кожу, строгали живое тѣло ножами и острыми орудіями, ломали руки и ноги и искалѣченыхъ, съ выколотыми глазами и съ подрѣзанными жилами на ногахъ, гнали на казнь, сжигали живыми или отправляли на тяжелыя каторжныя работы... Два года мучился такъ св. Памфиль, но онъ остался твердъ и непоколебимъ въ вѣрѣ. Тогда его присудили къ смерти, и онъ претерпѣлъ казнь вмѣстѣ съ другими двѣнадцатью мужественными христіанами. Такъ какъ онъ былъ священникомъ и мученикомъ, то и называется священно-мученикомъ. Вотъ вамъ, дѣти, короткое сказаніе о жизни св. Памфила.

Чему же онъ учить васъ, дѣти, этою святою своею жизнью? Онъ учить васъ *усердию въ ученьи и твердости въ спрѣ.*

Не для насть нужно ваше ученье, а для вѣсть самихъ; не намъ оно полезно и нужно, а прежде всего и главнѣе всего—вамъ. И ученье ваше особенное: вѣсть учатъ знать Бога, Его дѣла, Его волю и заповѣди; вамъ говорять о томъ, что такое человѣкъ на землѣ, какъ онъ явился, кѣмъ созданъ, для чего назначенъ и какъ онъ долженъ жить на землѣ, чтобы угодить Богу, чтобы исполнить свое назначение, чтобы быть достойнымъ званія человѣка, а не быть похожимъ на животное. Вамъ внушаютъ, что за исполненіе Божественной воли и заповѣдей человѣка ожидаетъ добро на землѣ, и главное—счастье на небѣ и оправданіе на страшномъ судѣ Божіемъ, о которомъ завтра вы услышите за литургіей во святомъ евангеліи.

Всему этому учить насть святая вѣра наша. Какъ же намъ не любить ея? Какъ не быть твердымъ въ вѣрѣ? Помните, милые, что вѣра есть самое великое наше сокровище; помните, и подобно великомуученику Памфилу, будьте тверды и непоколебимы въ вѣрѣ Христовой. Можетъ-быть кто скажетъ: „но вѣдь теперь нѣтъ такихъ гоненій за вѣру, какъ прежде“. Это правда, но и равнодушіе къ вѣрѣ еще опаснѣе гоненій и преслѣдованій. Да кромѣ того, и теперь можно слышать насмѣшки надъ вѣрою, соблазны отъ разныхъ враговъ Церкви, напримѣръ, отъ сектантовъ, иновѣрцевъ, которыхъ и въ нашемъ краѣ очень много; не имѣйте противъ нихъ зла, любите и ихъ, но пусть никто и ничто не поколеблетъ вѣсть въ вѣрѣ. Она принесена Христомъ, проповѣдана апостолами, утверждена кровью безчисленныхъ мучениковъ: если отъ такихъ свидѣтелей мы откажемся, то воистину отвратится отъ насть Самъ Богъ на страшномъ судѣ Его. Такъ и сказалъ Самъ Спаситель: кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ родѣ семъ грѣшномъ, того и Сынъ Человѣческій постыдится, когда приидетъ во славѣ Своей со ангелами святыми. Завтра, когда вы будете слушать въ евангельскомъ чтеніи изображеніе суда Божія, попомните обѣ этомъ.

Воть какія мысли и чувства внушаєтъ намъ жизнь нынѣ поминаемаго Церковью святаго священномученика Памфилы! Аминь.

Любовь къ ближнему—одинъ изъ путей богообщенія.*

Когда приидеть Сынъ Человѣческій во славѣ Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядеть на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы. И скажетъ имъ Царь: „истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Миѣ“ (Мате. XXV, 31, 40).

Въ постепенномъ подготовлѣніи вѣрующихъ къ покаянному настроенію и къ подвигамъ приближающагося Великаго поста св. Церковь, послѣ трогательныхъ увѣреній въ Божественной благости въ евангельскихъ чтеніяхъ двухъ предыдущихъ воскресныхъ дней, въ нынѣшнее воскресеніе напоминаетъ намъ о будущемъ отчетѣ предъ Богомъ и страшномъ судѣ. Безъ конца глубоко, безъ конца поучительно, и страшно, и въ то же время отрадно образное сказаніе евангелія объ этомъ грядущемъ судѣ Христовомъ, имѣющемъ завершить міровую исторію человѣчества. Но среди всего этого сказанія, какъ солнце, немеркнущимъ блескомъ сіяютъ двукратно повторяемыя и какъ бы съ особою силой, намѣренно подчеркиваемыя слова Судіи Христа: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Минъ сотвористе...* На основаніи словъ этихъ совершился судъ, рѣшился и участъ подсудимыхъ.

* Слово изъ недѣли мясопустной предъ сборомъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ гор. Шемахѣ.

Въ воскресеніе, 17 февраля 1902 г., владыка-экаархъ совершилъ Божественную літургію въ Тифл. военномъ Александро-Невскомъ соборѣ, при огромномъ стечіи народа, причемъ въ концѣ службы, послѣ приводимой проповѣди быть произведенъ сборъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ гор. Шемахѣ и его окрестностяхъ.

Вдумаемся въ эти слова всѣ мы, здѣсь предстоящіе, люди различныхъ возрастовъ, званій и положеній; вдумаемся съ точки зрѣнія общихъ всѣмъ душевныхъ запросовъ и стремлений, міровыхъ и всеобъемлющихъ. Человѣкъ ищетъ Бога—вотъ самое главное, всѣмъ сродное истинно человѣческое стремление. Человѣкъ ищетъ Бога: это изреченіе можно надписать на исторіи міра, потому что исканіе Бога составляетъ ея основу и сокровенный смыслъ. Въ тайнахъ древнихъ басенъ и миѳовъ, подъ покровомъ народныхъ сказаній, въ повѣстяхъ о таинственныхъ богооплощеніяхъ, въ глубинѣ лѣсовъ, которые воображеніе человѣка насыпало божествами, на вершинахъ горъ, которыхъ украшаемы были жертвенніками, въ величественныхъ храмахъ, въ драгоценныхъ изваяніяхъ, въ грубыхъ кумирадахъ, въ омовеніяхъ и очищеніяхъ, въ тысячахъ жертвъ, которыхъ курились по лицу всей земли,—воздымая руки къ небу и падая ницъ, обливаясь слезами и радуясь духомъ, безъ конца многообразно, безъ конца многократно древній и новый человѣкъ высказалъ одно свое стремленіе, одно завѣтное желаніе: искать и найти Бога. Сама Божественная Премудрость засвидѣтельствовала обѣ этомъ устами великаго апостола народовъ: Богъ отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопределенный времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощущать ли Его, не найдутъ ли Его, хотя Онъ и недалекъ отъ каждого изъ насъ (Дѣян. XVII, 26—27).

На этомъ исконномъ и сродномъ духу человѣческому исканіи Бога вѣковѣчными и незыблѣмыми основами утверждается религія вообще—Божественное откровеніе, промыслъ, искуплѣніе, Церковь, молитва, священные таинства, вѣра въ бессмертіе, въ будущій судь и въ блаженную вѣчность.

На этихъ же основахъ утверждаются и истинно-нравственная жизнь, истинно-нравственные отношенія людей между собою.

Человѣкъ ищетъ Бога. Представьте же себѣ, даже въ области чисто-человѣческихъ отношеній, какъ должно быть тягостно не имѣть возможности вступить въ общеніе съ тѣмъ, кого любишь и уважаешь, къ кому стремишься всею душою.

какъ должно быть тягостно не имѣть возможности подѣлиться бесѣдою и мыслью, выразить чувства любви и преданности любимому и уважаемому существу, и какъ, напротивъ, радостно найти выходъ къ этому общенію, даже и не непосредственному. Понятна радость сына, радость дочери, разлученныхъ долго отъ близкихъ, милыхъ и любимыхъ, если къ нимъ на чужбину съ родной стороны даже кто-либо посторонній придетъ вѣстникомъ изъ отчаго дома, вѣстникомъ ласки и привѣта родителей. При свѣтѣ этого примѣра представьте себѣ истинное состояніе человѣчества по отношенію къ его вѣчному дому Отчemu—къ дому Отца Небеснаго. На всѣхъ ступеняхъ жизни, на всякомъ уровнѣ образованія, подъ различными формами и обнаруженіями, отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ простыхъ и даже наивныхъ и грубыхъ, человѣкъ ищетъ Бога, желаетъ единенія и общенія съ Нимъ, хочетъ выразить Ему свои чувства. Тому свидѣтели древнѣйшія книги древнѣйшихъ народовъ отъ „Книги мертвыхъ“ Египта до „Ведъ“ Индіи, „Кінгъ“ Китая, религіозныхъ гимновъ вавилоніанъ, „Зендавесты“ Персіи... Нужно ли упоминать еще и о священныхъ книгахъ богоизбраннаго Израиля? Бываютъ моменты, когда эти желанія пріобрѣтаютъ такую властную силу, что подавляютъ и захватываютъ все существо человѣка. Въ избранныхъ людяхъ они вырывали вопль Давида: *когда явлюся лицу Божію?* (пс. 41) или душевное стечаніе Іереміи: *былъ во мни какъ бы искромѣтный огонь, и я истомился, удерживая его* (Іерем. XX, 9). Но и въ рядовыхъ людяхъ эти желанія сказываются съ силою многою...

Ищетъ человѣкъ Бога. Но Богъ въ существѣ Своемъ не-постижимъ для человѣка; природа Божества не допускаеть непосредственнаго, какъ мы понимаемъ его на землѣ, общенія съ человѣкомъ: такъ глазъ напр., хотя и созданный для свѣта, тѣмъ не менѣе не можетъ прямо и непосредственно смотрѣть на солнце... „Яви мнѣ славу Твою“,—просилъ самъ Моисей Господа на Синаѣ, и эта просьба его по всей справедливости можетъ быть названа міровою, общечеловѣческою. Господь отвѣчалъ: не можетъ человѣкъ видѣть Меня и не умереть... (Исх. XXXIII, 18—20).

Подумайте же, что было бы съ человѣчествомъ, если бы оно, дѣйствительно, при всемъ желаніи, при всѣхъ усиленіяхъ и стараніяхъ, никакимъ образомъ не могло войти въ общеніе съ Богомъ, не могло бы служить Ему своею жизнью и дѣятельностью, и такъ бы и оставалось съ безплодными запросами, съ неудовлетворенными порывами, съ желаніями захватывающими, неистребимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невыполнимыми! Древній міръ выразительно воплотилъ его гнетущее, скорбное состояніе въ извѣстномъ баснословіи относительно муки Тантала, вошедшихъ въ поговорку.

Но вотъ Самъ Господь идетъ навстрѣчу желанію человѣка, и въ ряду другихъ средствъ богообщенія, въ богооткровенной религіи указываетъ еще одно, всѣмъ доступное и для всѣхъ равно обязательное. Онъ говоритъ: „Что вы сдѣлали одному изъ братій Моихъ меньшихъ, то вы сдѣлали Мнѣ“. Такъ Господь Самъ снисходитъ къ нашему ограниченному естеству и даетъ намъ возможность въ ближнихъ нашихъ видѣть Его образъ, Его подобіе и Его достояніе; даетъ намъ право и возможность любовь нашу къ Нему выразить посредствомъ любви къ человѣку, и даже чашу холодной воды, поданную во имя Христа или ученика Христова, считается поданною Ему, Самому Богу, и обѣщаетъ не оставить безъ награды, *т.-е. богообщенія*. Какъ отрадно, какъ осмысленно и возвыщенно становится служеніе наше людямъ! Какъ отрадно, напримѣръ, отцу или матери въ своихъ трудахъ, въ своихъ лишеніяхъ и горестяхъ изъ-за дѣтей видѣть служеніе Богу и знать, что потаенные вздохи, невидимыя жертвы, незримыя слезы, невидимыя лишенія, ежедневныя, ежечасныя, приняты Богомъ, какъ жертва Ему Самому въ этихъ малыхъ дѣятяхъ! Какъ отрадно и осмысленно служить церковному собранію людей, или семье, или школѣ, или обществу, — служить и знать, что въ этихъ ближнихъ просвѣчивается образъ Божества, что чрезъ трудъ и стараніе, чрезъ подвигъ въ пользу меньшихъ братій ты служишь Самому Богу и Ему чрезъ это несешь свою любовь, свою преданность, свои святыя чувства! Какъ радостно благотворить несчастному — и знать, что твое благотвореніе приметъ Самъ Богъ, одною

рукю приметъ, другою благословить! Благодареніе Божественному милосердію за то, что немощному и тварному, ограниченому и конечному естеству нашему чрезъ подвиги дѣятельной любви къ ближнимъ указанъ путь къ возвышенному и возвышающему общенію съ Совершеннѣйшимъ и Безконечнымъ и тѣмъ исполнены вѣчные порывы нашего духа, завѣтныя желанія нашего сердца!

И какой широкій путь открывается предъ нами! Вездѣ и всегда мы можемъ сдѣлаться друзьями человѣчества, даже если бы мы оказались полезны только одному человѣку; вездѣ и всегда мы можемъ послужить благу ближняго—и чрезъ это послужить Самому Богу. Ибо много, братіе, много на свѣтѣ страданія, много нуждъ, много горя. Тяжкая бѣдность, горькое сиротство, слезы беззащитнаго страданія невыплаканныя, неоткрытые, неисходное горе, непроходимая умственная и нравственная темнота,—все взываетъ о помощи, вездѣ здѣсь—младшая братія Христова.

И не разсудочной благотворительности, а только горячей ревностной вѣрѣ дано будетъ способствовать уменьшенію зла и страданія на землѣ; не разсудочной мірской благотворительности, которая часто наивно веселится „въ пользу несчастныхъ“, а только горячей религіозной вѣрѣ даны средства указать людямъ самыя могучія и чисто-нравственные побужденія къ тому, чтобы служить безкорыстно и беззавѣтно меньшей братіи, потому что только эта религіозная вѣра можетъ съ полнымъ правомъ сказать: что вы сдѣлали одному изъ меньшихъ братій Христа, то сдѣлали Самому Христу. Отсюда вѣковое слово народное: подайте милостыню Христа ради.

Братіе возлюбленные! Подайте милостыню Христа ради! Предъ вами нынѣ стоять меньшая братія, многочисленная, скорбная, и въ безпомощности протягиваетъ къ вамъ съ мольбою руки. Дыханіе смерти пронеслось надъ нашимъ краемъ; страшное предзанаменованіе суда Божія грозно предстало предъ нами. Погибъ отъ землетрясенія цѣлый многолюдный городъ, сравнялись съ землею дома и улицы, пострадали болѣе 30 селеній; разрушены тысячи домовъ, остались безъ крова и пристанища десятки тысячъ человѣкъ; многіе разорились, многіе

лишились близкихъ, осиротѣли дѣти... Сколько голодныхъ и безпріютныхъ, сколько раненыхъ и больныхъ посреди этого города, въ которомъ то, что не успѣло разрушить землетрясеніе, истребилъ огонь. Среди несчастныхъ большинство мусульманъ; но евангѣліе въ дѣлѣ благотворенія велитъ намъ различать только нуждающагося и нуждающагося... Правда, уже оказывается помошь несчастнымъ; во главѣ благотворителей стоять Государь съ Государыней и членами Царскаго Дома. Но какъ ни велика помошь, однако, неизмѣримо бѣдствіе. Вѣдь пострадали болѣе всего люди бѣдные, у которыхъ погибло буквально все, что они имѣли: нужны и хлѣбъ, и одежда, и теплый кровъ, и лѣкарства, и перевязочные средства, и пособіе на выѣздъ съ семьями... Нужда воистину вопіющая!

Поможемъ бѣднымъ Христа ради! И блаженны будемъ мы и въ радостномъ сознаніи нашего духа, и во славѣ возлюбленнаго нашего Иисуса—Господа, если въ день онъ, въ день страшный, когда дѣла наши пойдутъ вслѣдъ за нами, егда книги разгнутся и судитися имутъ человѣцы, егда тварь вострепещетъ отъ лица Сѣдящаго на престолѣ,—за любовь, за добро, за трудъ, за подвиги и жертву во благо ближняго, какъ брата Христова, мы услышимъ отрадное слово: *понеже сотвористе единому братій сихъ меньшихъ—Мнъ сотвористе.* Аминь.

Дѣятъмъ—о Н. В. Гоголь.*

Сейчасъ, дѣти, мы будемъ молиться объ упокоеніи души умершаго 50 лѣтъ назадъ, вѣчной памяти достойнаго, знаменитаго русскаго писателя Николая Васильевича Гоголя. Онъ былъ достойнымъ ученикомъ другого знаменитаго писателя —А. С. Пушкина, который задачу и дѣятельность поэта и писателя на землѣ сравнивалъ со служеніемъ пророка. Глубоко воспринялъ эту мысль Николай Васильевичъ Гоголь. Онъ, дѣй-

* Рѣчь памяти Н. В. Гоголя передъ панихиидой въ церковно-приходской школѣ 21 февраля 1902 г.

ствительно, смотрѣть на свое призваніе, какъ на служеніе Богу и людямъ. Подобно пророку, онъ призывалъ людей слѣдовать добру и волѣ Божіей. И данъ ему былъ отъ Бога среди другихъ дарованій талантъ — изобличать зло, бичевать его, представлять порокъ въ отталкивающемъ, отвратительномъ видѣ. Онъ смѣялся надъ зломъ въ своихъ произведеніяхъ, смѣялся такъ, что и другихъ заставлялъ смѣяться надъ порокомъ и видѣть все его безобразіе. Но онъ самъ говорилъ, что онъ „смѣялся сквозь слезы“; онъ страдалъ, видя пороки людскіе; онъ плакалъ, видя, что люди не таковы, какими они должны быть, и онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ, глубоко вѣрилъ, что въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ, въ самомъ дурномъ человѣкѣ сохраняется „искра Божія“, остается голосъ совѣсти, остаются стремленія къ Богу, къ добру и къ вѣчности. Вотъ почему его обличенія имѣли цѣлью не унизить, не озлоблять человѣка, а вести его къ исправленію. Вотъ почему обличенія Гоголя были особыми обличеніями: это не пустая болтовня, это не пустое смѣхотворство, это не гордость своимъ превосходствомъ предъ людьми. Напротивъ, великий писатель нашъ отличался искреннимъ смиреніемъ, и смиреніе считалъ „лучшимъ украшеніемъ человѣка“.

Надъ могилою Н. В. Гоголя написаны слова пророка Йереміи: „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“. Это горе, при видѣ зла въ окружающей жизни, это смиреніе, заставлявшее его видѣть въ себѣ одни недостатки, такъ усилились къ концу его жизни, что послѣдніе дни его были сплошною скорбю, преувеличеннымъ самоокореніемъ и самобичеваніемъ. Однако, онъ былъ чуждъ грѣховнаго отчаянія. Гоголь былъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ и былъ истиннымъ христіаниномъ и покорнымъ сыномъ Церкви: въ числѣ его произведеній есть „Размышленіе о Божественной литургіи“. Какъ истинный христіанинъ, онъ вѣрилъ въ Божіе милосердіе, вѣрилъ въ молитвы и представительство святой Церкви, просилъ о себѣ молитвъ пастырей церковныхъ, къ которому относился съ великимъ уваженіемъ. Такъ онъ жилъ, такъ онъ и умеръ. Это былъ писатель-христіанинъ, писатель-подвижникъ, писатель-страдалецъ за людей. И хорошо, хорошо, дѣти, что васъ учатъ наряду съ великими

дѣятелями міра помнить и любить писателей земли русской, почитать ихъ и слѣдовать тому добруму, чemu они учили нась въ своей жизни и главное—въ своихъ произведеніяхъ. Помолимся же о приснопамятномъ рабѣ Божіемъ Николаѣ да пошлетъ ему Господь прощеніе грѣховъ, миръ и отраду душѣ его и блаженную вѣчность! Аминь.

Палестина для Россіи и Грузіи.*

Съ настоящаго дня св. Церковь начинаетъ поставлять предъ духовными очами вѣрующіхъ послѣдніе дни жизни нашего Спасителя. Трудно, невозможно оторваться христіанскому сердцу отъ этихъ священныхъ воспоминаній. Предъ нами проходятъ и ежегодно повторяются, обновляясь въ наше мъ сознаніи, величайшія и единственныя въ міровой истории события; съ дѣтства сроднились мы съ ними, и какъ только помнимъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ помнимъ и священныя для насть слова: Іерусалимъ, Вианія, Елеонъ, Геѳсиманія, Голгоа... Можно сказать, гораздо ранѣе знакомства съ городами и мѣстностями своей родины мы уже знакомы по наслышкѣ съ названіями городовъ, селеній и мѣстностей Святой Земли, гдѣ родился, жилъ, училъ, страдалъ и умеръ Богочеловѣкъ, гдѣ совершилась тайна спасенія человѣчества, гдѣ была матерь всѣхъ церквей—Церковь Іерусалимская, откуда свѣтъ христіанства возсіялъ надъ землею. И по естественному, неистребимому влечению, всегда христіанамъ хотѣлось не только слушомъ услышать о Святой Землѣ, но и очами созерцать ее, побывать въ ней, поклониться святынѣ. Велико, неизмѣримо велико всегда было для христіанъ значеніе этого непосредственнаго знакомства со Св. Землею. Здѣсь благочестивый поклонникъ обновлялъ въ духѣ образъ Христа Спасителя „и

* Рѣчь въ прааднікѣ Входа Господня въ Іерусалимъ предъ сборомъ пожертвованій въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества 7 апраля 1902 г.

Сего распята" (1 Кор. II, 2), по вѣчной и сладостной для христианина заповѣди апостола: „поминай Господа Іисуса" (2 Тим. II, 8); здѣсь все непосредственно говорило поклоннику о томъ, какъ тяжекъ грѣхъ падшаго человѣка, если за него потребовалась необычная и единственная жертва—смерть Сына Божія; здѣсь при неизбѣжной мысли о собственной грѣховности, отрѣшенный отъ обычной, часто грѣховной обстановки и житейской суеты, весь отдавшись мысли о спасеніи, поклонникъ обновлялся духомъ, перерождался нравственно, очищался и омывался слезами покаянія на мѣстѣ, гдѣ милосердый Спаситель изрекъ прощеніе и обѣщалъ рай покаявшемуся разбойнику. Не одна Марія Египетская здѣсь нашла спасеніе и изъ величайшей грѣшницы сдѣлалась равноангельною подвижницею: неисчислимые сонмы святыхъ и праведныхъ отсюда, изъ земного Іерусалима, подъ вліяніемъ священныхъ воспоминаній, начали свое восхожденіе къ Іерусалиму небесному, — восхожденіе духовное къ нравственному совершенству.

Поэтому нѣть ничего удивительного, что отъ лѣтъ древнѣйшихъ, тотчасъ же послѣ прекращенія гоненій на христианство, Палестина стала привлекать къ себѣ великое множество христианъ-поклонниковъ; она сдѣлалась обѣтованной землею христианъ, а Іерусалимъ—ихъ духовною родиною, увидѣть которую составляло завѣтное желаніе каждого вѣрующаго. Пока не постигло Св. Землю иго мусульманское, она была какъ бы однѣмъ великимъ всехристіанскимъ храмомъ: по свидѣтельству древнихъ писателей, звонъ колоколовъ и гимны христианскіе раздавались немолчно отъ Синая до Ливана, по всей шире Святой Земли Палестинской. Царственные Константинъ и Елена, ученнѣйшій Іеронимъ, люди знатные и простые, богатые и бѣдные, монахи и мірскіе, люди всѣхъ возрастовъ, званій и состояній,—всѣ стремились сюда изъ Испаніи, Рима, Африки, Греціи, Малой Азіи, изъ Аравіи и Индіи, со всѣхъ концовъ міра. Какъ бы вновь сбывалось слово священнаго дѣяписателя о днѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ, когда въ Іерусалимѣ были „паряне, и мидяне, и еламиты, и живущіе въ Месопотамії, во Іудеѣ же и Каппадокіи, въ Понтѣ и Асіи, во Фригіи же и Памфіліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи... и римляне, и критяне, и

правляне" (Дъян. П., 9—11). Можно было сказать словами пѣсни церковной:

„Возведи окресть очи твои, Сіоне, и виждъ: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и съвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословляще Христа во вѣки".

И сынамъ священной церкви Иверской памятны Іерусалимъ и Палестина съ первыхъ дней ихъ христіанской жизни: туда отправились, ища спасенія, Завулонъ и Сусанна, родители св. Нины; тамъ святительствовалъ св. патріархъ Ювеналій, дядя св. Нины по плоти и отецъ ея по духу; тамъ и воспиталась при храмѣ іерусалимскомъ равноапостольная просвѣтительница Грузіи...

И какъ только ея устами проповѣдана была святая вѣра въ Грузіи, отъ дней первого грузинского царя-христіанина—Миріана, началось отсюда, изъ Грузіи, безпрерывное стремление народа къ Палестинѣ и Іерусалиму: обители Святой Земли наполняются иноками-грузинами, подвиги которыхъ далеко по Востоку разносятъ славу о благолюбивомъ народѣ грузинскомъ; благочестивые грузинские цари посылаютъ богатые вклады въ церкви и монастыри Палестины, считаются „защитниками и ктиторами Св. и Живоноснаго Гроба и прочихъ пречестныхъ поклоненій" ¹⁾, строятъ свои собственные обители, путешествуютъ туда сами ²⁾, посылаютъ туда своихъ подданныхъ. Около двадцати грузинскихъ монастырей сіяли во Св. Землѣ; среди нихъ, какъ звѣзда, блистала обитель св. Креста (Цмидаджварисъ) въ сосѣдствѣ знаменитой лавры Саввы освященнаго, основанная еще царемъ Миріаномъ (IV в.) и затѣмъ украшенная и благоустроенная царями Вахтангомъ Горгославомъ (VII в.) и Багратомъ III (X в.); грузины поселились около самаго Іерусалима (сел. Малхи, вблизи монастыря Цмидаджварисъ) и составляли охранную стражу Гроба Господня; имъ долго принадлежала высокая честь обладанія Святѣшою Голгофою, гдѣ и совершали они свое богослуженіе. Отъ временъ

1) Посланіе Досифея, патр. Іерус., къ груз. царю Ираклію I (XVII в.).

2) Груз. царевичъ Петръ (Мурнанъ) въ V в. быть возведенъ даже во епископа Маіумскаго и святительствовалъ въ Палестинѣ (г. Газа).

святыхъ подвижниковъ Палестины знаменитыхъ Илларіона и Харитона, Евеймія Великаго и Феоктиста, Саввы освященнаго и Феодосія, Герасима Іорданскаго, Іоанна Молчальника, отъ временъ вѣчно памятнаго Іоанна Дамаскина грузины-бого-мольцы, грузины-ииноки постоянно посѣщали Св. Землю и были тамъ въ почетѣ даже и послѣ порабощенія ея невѣрными. Оттуда приходили они на родину и здѣсь знакомили своихъ единоплеменниковъ со святынями Палестины. И, видно, хорошо вѣдома была древнимъ грузинамъ Святая Земля, если и храмы свои они любили называть Сіонами, по образу Іерусалима, какъ и этотъ древнійшій Сіонскій соборъ, въ которомъ мы сейчасъ молимся, и монастыри свои они называли то Ви-янскимъ (Бетанія) въ память Палестины, то Кобинскимъ, въ память сопредѣльной съ Палестиной Сирии, и т. п. Нѣть никакого сомнія, что эта живая связь церкви грузинской съ Матерью церквей — Іерусалимомъ питала благочестіе народа, роднила его духовно со Христомъ, поддерживала въ немъ общеніе съ христіанскимъ Востокомъ, сохранила въ тяжкія годины страданій, постигавшихъ землю Иверскую. Одни были эти страданія у Грузіи съ Палестиной; одинъ врагъ — мусульманство черною тучею обложило небо и Грузіи и Палестины. Общность страданій сроднила и соединила ихъ между собою неразрывными духовными связями. Грузія нашла теперь спасеніе, покой и процвѣтаніе въ полномъ сліяніи съ православною Россіею, но Палестина и донынѣ во власти невѣрныхъ. Это не умаляегъ, а еще болѣе возбуждаетъ духъ сочувствія къ порабощенной мусульманами Святой Землѣ.

Нужно ли говорить о постоянныхъ порываніяхъ и русскаго благочестиваго сердца ко Св. Землѣ? Со временъ св. Ольги и князья и народъ постоянно и мысленно, и самыи дѣломъ обращались къ Іерусалиму. Сюда, несмотря на неизмѣримыя трудности пути, направлялись благочестивые русскіе богомольцы „святыму граду поклонитися“. Такъ пѣвалось въ старинныхъ духовныхъ стихахъ. Съ первыхъ дней христіанства на Руси образовались цѣлые общества паломниковъ, „калиль перехожихъ“, которые ходили въ Іерусалимъ и составляли потомъ по возвращеніи пѣсни и сказанія о Св. Землѣ.

Эти пѣсни, духовные стихи и сказанія сдѣлались любимыми въ народѣ; ими доселѣ заняты ученые люди, изучающіе древнюю русскую письменность. Преподобный Феодосій, какъ видно изъ его житія, въ дѣтствѣ пошелъ за паломниками, шедшими въ Іерусалимъ (1022 г.). Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая, путешествовала во Св. Землю; игуменъ Даниилъ (въ 1106 г.) описалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ, и трогательно и донынѣ читать, какъ онъ тамъ молился за всѣхъ, оставшихся на святой Руси, и какъ онъ у Гроба Господня возжегъ лампаду „за землю русскую“. Любили русскіе люди въ Іерусалимѣ и „каменіе разоренное, и перстъ, раскопанную ратными, ради содѣянныхъ въ немъ великихъ тайнъ и благодатей“ ¹⁾...

И донынѣ русскій народъ, удивляющій весь міръ необыкновенною любовью свою къ святынямъ, склонностью къ паломничествамъ, стремится къ Іерусалиму. Возвратятся поклонники изъ Палестины и разойдутся по всему широкому простору родной русской земли. Въ долгіе зимніе вечера тихо и мѣрно, благоговѣйно и вдохновенно въ кругу близкихъ льются ихъ разсказы о видѣнномъ и слышанномъ; часто изъ дома въ домъ, изъ села въ село переходятъ эти разсказчики и принимаются всюду, какъ самые желанные гости: и наполняютъ эти разсказы души слушателей благочестивыми образами, знакомятъ и роднятъ ихъ со Христомъ и Его жизнью, обновляютъ въ душахъ память объ Его искупительныхъ страданіяхъ, согрѣваютъ религіозное чувство, зовутъ къ подвигу и покаянію, воспитываютъ слушателей въ чувствѣ братства христіанскихъ народовъ, дѣлаютъ близкими для русскаго народа интересы православія, возбуждаютъ сочувствіе къ страдающимъ на Востокѣ единовѣрцамъ.

Такъ неизмѣримо важно значеніе, такъ высока духовная польза этихъ благочестивыхъ путешествій во Св. Землю. Но если такъ, то можно ли имъ не сочувствовать, можно ли отказаться отъ помощи богомольцамъ, идущимъ во Св. Землю, можно ли не заботиться о томъ, чтобы облегчить имъ трудъ

¹⁾ «Книга о вѣрѣ» XVII в.

путешествія, чтобы привлечь больше поклонниковъ, чтобы дать имъ какъ можно болѣе возможности и способовъ получить духовное утѣшеніе и назиданіе во Св. Землѣ? Неудивительно, что издавна у насть заведенъ святой обычай подавать такимъ поклонникамъ милостыню, оказывать помошь материальную. Но эта помошь была единичной, разрозненной. Нужна была помошь упорядоченная,—сильная общественная помошь. И вотъ державною волею покойнаго незабвеннаго Царя - Праведника Александра Александровича образовалось Православное Палестинское Общество (въ 1882 году), предсѣдателемъ котораго и донынѣ состоитъ братъ покойнаго Государя Великій Князь Сергій Александровичъ, самъ побывавшій богомольцемъ въ Іерусалимъ¹⁾.

Всего 20 лѣтъ назадъ возникло это Общество и начало свое дѣло только съ 50 рублями. За это короткое время какъ много сдѣлано! Общество прежде всего удешевило проѣздъ во Св. Землю до послѣдней степени: трудно повѣрить, что за нѣсколько десятковъ рублей можно теперь проѣхать изъ Россіи въ Палестину и обратно съ удобствами; Общество построило русскія церкви, воздвигло миллионныя зданія для пріюта 1.500 богомольцевъ, сно поить и кормить ихъ, оказываетъ имъ медицинскую помошь, даетъ имъ надежныхъ проводниковъ, содѣржать духовенство, открываетъ религіозныя чтенія,—однимъ словомъ, дѣлаетъ все, чтобы облегчить поклонникамъ путь во Св. Землю и сдѣлать пребываніе ихъ тамъ и удобнымъ, и полезнымъ для души. Вмѣстѣ съ тѣмъ много сдѣлано имъ и для научной разработки древностей Палестины: произведены дорогостоящія раскопки, сдѣланы важныя открытия, доказавшія подлинность читимыхъ святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ и успокоившія христіанское чувство, смущенное клеветою, сомнѣніями и насмѣшками невѣрующихъ, нерѣдко отвергавшихъ, якобы по научнымъ основаніямъ, подлинность того или дру-

¹⁾ Еще раньше—въ 1847 г.—основана была въ Іерусалимѣ русская духовная миссія; въ 1858 г. учреждено тамъ же россійское консульство, а въ 1860 году учреждена была особая Палестинская комиссія, которая имѣла цѣлью приобрѣтеніе земельныхъ участковъ въ Палестинѣ. Палестинское Общество задалось цѣлью прежде всего помогать самимъ паломникамъ русскимъ во Св. Землѣ.

гого священнаго мѣста. Все это сдѣлало Общество на сборную копѣйку со всей Россіи, и сборы свои оно производить въ нынѣшній праздникъ, когда духовные взоры вѣрующихъ устремлены на Господа, входящаго во Іерусалимъ. И сегодня будетъ произведенъ такой сборъ, къ которому мы и приглашаемъ всѣхъ вѣсть, возлюбленные братіе,—приглашаемъ потому, что нуждъ у Общества много, и еще много-много ему нужно сдѣлать, чтобы помочь русскимъ богомольцамъ въ Палестинѣ, которыхъ тамъ къ одному дню Пасхи набирается болѣе 5.000, тогда какъ пріютъ устроенъ только на 1.500 человѣкъ.

Но сказанного мало, чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность Православнаго Палестинскаго Общества. Не одни турки наложили свое иго на Св. Землю, и не одно мусульманское нашествіе заставляетъ насъ и нынѣ продолжать плачь объ Іерусалимѣ,—плачь, предназначенный Спасителемъ въ день торжественнаго входа Его во святой градъ (Лук. XIX, 41). Ту-рецкое иго—иго виѣшнее. Есть иго другое, безошибочно скажемъ,—худшее, опаснѣйшее, чѣмъ вся звѣрства турокъ. Мусульмане убивали только тѣло; есть враги, которые губятъ самую душу православныхъ. Болѣе ста лѣтъ назадъ появились въ Святой Землѣ инославные миссіонеры—латиняне, протестанты и друг. Подкупомъ, обманомъ, лестью, хитросплетенными проповѣдями расхищаютъ они достояніе православной Церкви и переманиваютъ простодушныхъ и бѣдныхъ православныхъ туземцевъ въ свои общества. Задавленные двойнымъ и тройнымъ игомъ—и турками, и инославными миссіонерами, похожими на тѣхъ обличаемыхъ Спасителемъ фарисеевъ, которые обходятъ море и сушу, чтобы обратить единаго пришельца на его духовную погибель (Мате. XXIII, 15),—задавленные и бѣдностью и невѣжествомъ, забитые и беспомощные православные туземцы Палестины; эти потомки нѣкогда славнѣйшей Церкви, сами, безъ посторонней помощи, не могутъ избавиться отъ опасностей и таютъ въ числѣ подъ напоромъ враговъ.

Стыдъ и позоръ христіанскому миру, что Іерусалимъ до селѣ „попираемъ языки!“ (Лук. XXI, 24). Стыдъ и позоръ будетъ православнымъ народамъ, если православіе будетъ поглощено въ Святой Землѣ отпавшими отъ истиннаго христіанства

и отъ единой святой Церкви православной инославными обществами, враждебными православію не менше турокъ. Стыдъ и позоръ будетъ намъ, если по нашей небрежности и бездѣятельности отъ древней, святѣйшей и православной Церкви Іерусалимской останется одно воспоминаніе. А между тѣмъ, горько сказать и признаться, за послѣднія 50 лѣтъ число православныхъ туземцевъ въ Палестинѣ уменьшилось почти вдвое! ¹⁾).

Взоры христіанскаго Востока обращены къ Россіи, вѣковой защитницѣ православныхъ народностей. Не разъ проносился и отдавался въ сердцахъ могучій кличъ по землѣ русской: „Идемъ за страдающихъ православныхъ! идемъ за грековъ, болгаръ, сербовъ! идемъ за Гробъ Господень!“ Въ историческихъ восточныхъ войнахъ русско-турецкихъ, когда съ мусульманами не постыдились вступить въ союзъ противъ Россіи и противъ Креста Господня западные инославные народы, святая Русь шла на бой не ради злобной жестокости, не ради воинской славы или своеокрыстія, а именно за Гробъ Господень, за православіе, ради торжества Креста Господня надъ полумъсіацемъ.

И теперь, въ беакровной борьбѣ западнаго инославія противъ православія, Россія же явиться должна защитницею его въ Св. Землѣ. Это дѣло русское, православное и взяло на себя Палестинское Общество. Оно устраиваетъ церкви и приходы для православныхъ туземцевъ, содержитъ ихъ духовенство, даетъ ему образованіе; оно открываетъ школы, и еще недавно мы были порадованы ободряющимъ извѣстіемъ, что турецкое правительство признало и утвердило, наконецъ, законность 85 русскихъ школъ въ Палестинѣ и Сиріи. То, что судиль Господь Россіи и Грузіи—защиту православія на Востокѣ,—это дѣло, этотъ подвигъ и совершаеть Палестинское Общество: его дѣло—общечерковное, общеправославное, всенародное, всероссійское дѣло. Можно сказать, что оно, подобно древнему паломнику игумену Даниилу, зажгло и поддерживаетъ въ Палестинѣ и у Гроба Господня неугасаемую лампаду за великое царство Русское... Помочь ему,—значить показать любовь ко Христу,

¹⁾ Въ 40-хъ гг. числилось ихъ 40.000, теперь же всего 28.000 человѣкъ.

любовь къ православной Церкви,—значить показать любовь къ Россіи и понимать ея задачу на православномъ Востокѣ и ея міровое призваніе. Сейчасъ начнется сборь въ пользу этого Общества.

Рука просящаго, братіе, къ вамъ протянута: да не оскудѣтъ рука дающаго! Аминь.

Праздникъ свѣта и радости.*

Да, это воистину праздникъ свѣта и радости, праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ. Отчего же такое значеніе придано этому дню? Отчего слово церковнаго краснорѣчія въ пѣснопѣніяхъ богослужебныхъ, достигая высшаго и, можно сказать, единственнаго воодушевленія и вдохновленія, все-таки какъ бы истощается и чувствуетъ себя бессильнымъ выражить все величіе радости? Отчего служба этого дня такъ торжественна и вмѣстѣ проста, такъ радостна, что нѣть ни единаго человѣка въ мірѣ, вѣрующаго или невѣрующаго, чтобы онъ, увидавъ ее, не тронулся сердцемъ? Отчего нынѣ вся исполнившаяся свѣта: небо же и земля и преисподня? Отчего именно народности православно-восточныя, повинуясь какому-то безсознательному влечению, общимъ голосомъ нарекли этотъ день торжествомъ изъ торжествъ, въ то время какъ на христіанскомъ Западѣ предпочтеніе отдается празднику Рождества Христова?

Чтобы понять все величіе нынѣшняго всемірного торжества, приведемъ одну историческую, весьма вразумительную параллель. Никто не станетъ отрицать, что жизнь христіанской Европы отмѣчена въ исторіи печатью особенной энергіи, бодрости и силы и оставила въ вѣкахъ минувшихъ рядъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго гenія, касающихся рѣшительно всѣхъ областей жизни. Безпристрастный изслѣдователь, не

* Пасхальная статья.

отрицающій значенія религії въ жизни людей вообще, не можетъ поэту отрицать значенія и христіанства въ опредѣленіи и направлениі жизни христіанской Европы. Ученіе христіанской религії такъ глубоко проникаетъ собою всѣ формы этой жизни, что европеи, даже отказавшійся теоретически отъ христіанства, тѣмъ не менѣе мыслить, живеть, дѣйствуетъ въ семье, въ обществѣ и государствѣ, какъ христіанинъ; въ этомъ случаѣ, по мѣткому выраженію Джона Стюарта Милля, случается то же, что мы видимъ вечеромъ, по заходѣ солнца: оно зашло, но свѣтить отраженнымъ свѣтомъ... Что же въ содержаніи христіанства имѣло такое огромное вліяніе на жизнь его послѣдователей? Въ наше время нерѣдкость встрѣтить мнѣніе, что здѣсь все зависѣло отъ морального ученія Христа, которое и положило такой неизгладимый отпечатокъ на жизнь народовъ: разумѣемъ чудныя предписанія любви, смиренія, милосердія и справедливости, заповѣди братства, духовнаго равенства людей и ихъ духовной свободы. Нерѣдкость встрѣтить мнѣніе, что это и есть не только главное, но исключительно цѣнное въ христіанствѣ, все же прочее въ немъ будто бы не существенно и не важно. И вотъ фактъ Воскресенія Христова разрушаетъ это одностороннее объясненіе.

Есть далеко отъ настѣнъ страна,—страна чудная, богатая естественными дарами, драгоцѣнная жемчужина міра; съ неизпамятныхъ временъ исторіи она густо населена народами—способными, духовно-одаренными и въ свое время имѣвшими огромное значеніе въ міровой жизни. Гораздо раньше Иисуса Христа въ средѣ этихъ народностей, въ этомъ чудномъ краѣ, которому сказочная роскошь природы судила только долгіе вѣка расцвѣта, оживленія и кипучей жизни, явился учитель, проповѣдывавшій,—по признанію современныхъ ученыхъ,—высокое нравственное ученіе. Его слова такъ были непохожи на возврѣнія самыхъ образованныхъ народовъ древности, что могли казаться какъ бы чудною бѣлою лиліей, выросшою на грязномъ болотѣ. Въ вѣкъ жестокостей, насилий и несправедливости, въ вѣкъ господства одной грубой физической силы онъ проповѣдывалъ покорность, милосердіе, смиреніе; онъ предписывалъ любовь, терпѣніе и прощеніе обидъ. Глубоко

онъ проникся скорбью міра... Будучи богатымъ, добровольно онъ сдѣлался бѣднякомъ; будучи правителемъ, захотѣлъ онъ обратиться въ невольника, чтобы спасти своихъ братьевъ. Это былъ Будда, основатель религіи, носящей его имя.

И, однако, что произвело его ученіе вездѣ, гдѣ только оно было принято?

Потерю энергіи, утрату надежды, какое-то неистребимое желаніе уничтоженія, медленное самоубійство и самое страшное рабство, которое когда-либо тяготѣло надъ человѣчествомъ. Точно дыханіе смерти пронеслось надъ всею страною и обратило ее въ огромное духовное кладбище; подъ вліяніемъ ученія Будды, какъ это ни странно, остановилась и замерла жизнь сотенъ миллионовъ людей, обитавшихъ въ прекрасномъ краѣ, который могъ обѣщать безграницный расцвѣтъ силъ и способностей богато одаренному племени. Гдѣ причина такого удивительного явленія? Отчего такая страшная роковая печать мертвленности?

Оттого, что ученію этому недоставало истинно-религіозной основы и высшаго Божественнаго авторитета; оттого, что мораль его не основывалась ни на какой догмѣ; оттого, наконецъ, что ему недоставало слова, объясняющаго зло, недоставало и слова побѣды надъ зломъ. А послѣднее зло—есть смерть; если не побѣждена смерть, если она царствуетъ во всей силѣ, если она есть единственный и неумолимый владыка жизни,—то не остается уже мѣста ни бодрости, ни радости. Къ чьему энергія? Зачѣмъ трудъ? Зачѣмъ борьба? Впереди смерть, конецъ всего, потеря сознанія навѣки... Самый міръ и земная жизнь есть миражъ и обманъ, иллюзіе и лживое сновидѣніе... Такъ было въ буддизмѣ: его окончательнымъ словомъ было уничтоженіе въ смерти, а не жизнь въ воскресеніі.

Недоставало, значитъ, всей высокой моральной системѣ одного слова: *воскресеніе*.

Приведемъ замѣчательный и характерный разсказъ, который мы находимъ въ одномъ изъ литературныхъ памятниковъ буддизма.

Молодой человѣкъ по имени Пурна, горячій неофитъ буддизма, рѣшается идти проповѣдывать новую вѣру дикимъ на-

родамъ. Отправляясь въ путь, онъ ведеть такую бесѣду со своимъ учителемъ въ вѣрѣ:

— Жители Хронопаранта, въ которомъ ты идешь,—говорить учитель,— вспыльчивы, жестоки, бѣшены и наглы. Что, если эти люди, о, Пурна, встрѣтять тебя алыми, грубыми и наглыми словами? Что, если они придуть въ ярость и оскорбятъ тебя?

— Если жители Хронопаранта,—отвѣчаетъ Пурна,—обратятся ко мнѣ съ такими словами, придуть въ ярость противъ меня и оскорбятъ меня, то я подумаю: значитъ, эти люди добры и кротки, когда они не поднимаютъ на меня руку и не бросаютъ въ меня камнями.

— Но если жители Хронопаранта поднимутъ на тебя руки и возьмутся за каменя, тогда что подумаешь ты о нихъ?

— Я подумаю: значитъ, они добры и кротки, когда они не трогаютъ меня ни жезломъ, ни мечемъ.

— Но если... тогда что подумаешь о нихъ?

— И тогда подумаю, что они добры и кротки, потому что не лишаютъ меня совершенно жизни.

— Но еслибы твоя жизнь была въ полной опасности отъ нихъ, что тогда подумалъ бы ты?

— Я подумалъ бы: все-таки эти люди добры и кротки, освобождая меня съ такою легкою скорбю отъ этого тѣла, исполненного нечистоты.

— Хорошо, Пурна; ты благочестивъ; съ такимъ совершеннымъ терпѣніемъ ты можешь идти въ страну Хронопаранта. Иди, Пурна; освобожденный, освобождай; достигшій другого берега, помогай достигнуть его другимъ; утѣшенній, утѣшай; достигшій нирваны, веди къ ней и другихъ¹⁾.

Неправда ли, нельзя отказать молодому миссионеру и въ любви къ людямъ, и въ терпѣніи, и въ самоотверженіи? Но что же онъ несетъ своимъ слушателямъ? Только одно убѣжденіе, что жизнь есть бремя, а смерть и нирвана, небытіе и потеря сознанія есть счастье; что небытіе—выше бытія. И

¹⁾ Этотъ разговоръ можно читать вполнѣ въ „Введеніи къ исторіи індійскаго буддизма“ Вюрнуфа, стр. 252 и слѣд. См. Навиль: „Христосъ“.

мысль буддизма была по-своему и права, и послѣдовательна, потому что впереди жизни стоитъ смерть, тайну которой могъ изъяснить только Богъ воплощенный, и Онъ только одинъ могъ указать, что за смертью будетъ жизнь. Эта жизнь и указана въ христіанствѣ и основывается она на воскресеніи Христа.

Воскресеніе Христа есть *фактъ*; безъ него все христіанство падаетъ и какъ религія, и какъ мораль. Ибо если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каїфа былъ правымъ, и Иродъ и Пилатъ мудрыми, то міръ оказался бы безсмыслицею, царствомъ ала, обмана и смерти ¹⁾). Дѣло шло не о прекращеніи чьей-то жизни, а о томъ, прекратится ли *истинная жизнь* въ ея полномъ воплощеніи, жизнь Совершенного Праведника. Если бы *такая* жизнь не могла одолѣть врага, то какая же оставалась надежда въ будущемъ? Если бы Христосъ не воскресъ, то кто бы могъ воскреснуть?

Но Онъ воскрѣсть—и разрушена страшная тайна смерти; мало того, по выразительному слову апостола, „послѣдній врагъ упраздненъ—смерть“. За смертью видна жизнь, видно небо, видно бесконечное общеніе съ Богомъ: и добро оказалось побѣдоноснымъ, и уныніе удалено изъ сердца върующихъ навѣки, и жизнь человѣка стала полна смысла. Все ясно; зло не побѣдить и не побѣдило добра: можно жить, можно трудиться, можно и должно слѣдовать за Тѣмъ, Кто побѣдилъ зло—смерть, Кто сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ. И можно другимъ проповѣдывать Его ученіе, потому что это значитъ—давать имъ жизнь, а не смерть, какъ въ буддизмѣ. Оттого бодрить, живить, поднимаетъ духъ этотъ праздникъ праздниковъ; оттого столько бодрости въ христіанскихъ народахъ и столько духовной мощи въ ихъ жизни; оттого нынѣ вся исполнившаяся свѣта—небо же и земля и преисподня. Но это потому, что Христосъ *вопистину* воскресъ. Отнимите у христіанства *фактъ* Христова воскресенія, и вы отнимете у него все: мораль христіанская, какъ она ни высока, одна сама по себѣ останется и беспочвенною, и безплодною, какъ въ буддизмѣ, и не спасетъ человѣчества отъ разъѣдающаго песси-

¹⁾ В. Соловьевъ: „Пасхальный письма“.

мизма. Сердцемъ позналъ это вѣрующій народъ, и поэтому такъ радостенъ онъ въ нынѣшній праздникъ. Да, это воистину торжество изъ торжествъ, праздникъ свѣта, радости и бодрости душевной, ибо Христосъ воскресе, *воистину* воскресе! Аминь.

Церковь.*

Уже недѣлю мы слышимъ радостный привѣтъ Церкви, торжествующей Воскресеніе Христово, и вмѣстѣ съ тѣмъ внимаю радостному отвѣтному вовгласу вѣрующихъ сердецъ: воистину, воистину Христосъ воскресе!

Да, братіе, воистину Христосъ воскресе, и въ этой свѣтлой радости нашей, въ этой свѣтлой нашей вѣрѣ сегодня убѣждаєтъ насть самое невѣріе Өомы, одного изъ ближайшихъ учениковъ Господнихъ.

Я прошу васъ припомнить читанное сегодня за литургіей евангельское сказаніе въ связи съ предшествующими событию Воскресенія Христова обстоятельствами. Всего за три дня до Своего Воскресенія молилъ Сынъ Божій Отца Небеснаго объ апостолахъ и о тѣхъ, ктоувѣруетъ по слову ихъ, т.е. о Церкви Своей,—да *еси едино будутъ* (Іоанн. XVII, 20—21). Но въ первыя же минуты испытанія человѣческая слабость, страхъ и уныніе разсѣяли апостоловъ: по сказанію евангелія, когда враги схватили Господа и повели на судъ и смерть, ученики, оставивъ Его, всѣ бѣжали.... (Марк. XIV, 50.) И пока были они разъединены, они испытывали только чувства страха, робости и смущенія. Но вотъ воскресъ Господь. Приходитъ первою Марія Магдалина, прибѣгаютъ поспѣшно жены-муроносицы возвѣстить о семъ апостоламъ; приходятъ и апостолы: одинъ—изъ сада Іосифа, другіе—поочередно отъ гроба Христова, изъ

* Слово, сказанное въ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ по случаю хиротоніи новоизначеныхъ викаріевъ Грузинской епархіи—епископовъ Веніамина и Димитрія, 21-го апрѣля 1902 года, въ недѣлю о Өомѣ.

Эммауса приходитъ Петръ, приходитъ Іаковъ (1 Кор. XV, 7),—всъ несутъ одну вѣсть о воскресеніи, всъ объединяются, собираются вмѣстѣ: и апостолы, и жены-муроносицы, и другіе вѣрующіе (Лук. XXIV, 33),—и чѣмъ болѣе они составляютъ изъ себя *едино*, тѣмъ болѣе сердца ихъ становятся доступными и вѣрѣ, и упованію, такъ что, когда путники эммаускіе съ радостною поспѣшностью предстали предъ собраниемъ *апостоловъ и бывшихъ съ ними* (Лук. XXIV, 33) и возвѣстили, что видѣли Господа, они въ отвѣтъ услышали то самое слово, которое и донынѣ, потрясая сердца, оглашаетъ весь міръ христіанскій также въ отвѣтъ на привѣтъ пасхальный: *Воистину воскресе Господь* (ст. 34). Однако, еще не было полнаго мира и полной радости въ ихъ сердцахъ, потому что не было среди этого собранія вѣрующихъ Самого Главы ихъ, Главы этой малой первенствующей Церкви, которой Отецъ Небесный благоизволилъ дать царство (Лук. XII, 32). Еще въ страхѣ, *страха ради Іудейска*, собрались они *дверемъ затвореннымъ* (Іоанн. XX, 19). И вотъ сущу поздѣ, къ нимъ прииде Иисусъ и ста посредѣ... Кто способенъ изъяснить, кто можетъ выразить словомъ, что почувствовали ученики, увидѣвъ Господа?! Великіе дары принесъ Онъ имъ съ Собою: Онъ принесъ имъ *миръ* (ст. 19, 20), миръ глубокій и неотъемлемый принесъ мятущимся и сумнящимся душамъ; Онъ принесъ имъ радость неизглаголанную: возрадовавшася же ученицы, видѣвшіи Господа (ст. 20); Онъ принесъ имъ обѣтованіе Духа Святаго и великія, величайшія, невиданныя на землѣ, единственныя полномочія и обязанности,—скажемъ дерзновенно,—полномочія высшія, чѣмъ ангельскія: „Рече имъ Иисусъ паки: миръ вамъ: яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну и глагола имъ: приимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грехи, отпускаются имъ: и имъ же держите, держатся“ (Іоанн. XX, 21—23). Такъ обрадована была эта первая Церковь Христова въ день Воскресенія Господа.

Не раздѣляя съ нею мира и радости только одинъ ученикъ Фома, и не раздѣляя потому, что былъ въ разъединеніи съ обществомъ вѣрующихъ: „не бѣ ту съ ними, егда прииде Иисусъ“ (ст. 24),—замѣчено въ евангеліи. Радостные проводили

апостолы первую недѣлю Пасхальную, и только Фома среди нихъ былъ въ скорби, уныніи и сомнѣніи, переживая тяжкіе томительные дни, еще болѣе тяжкіе и скорбные потому, что для другихъ, ему близкихъ, они были исполнены несказанный радости. Но это былъ Фома, тогдѣ самый, который нѣкогда выразилъ любовь ко Христу до готовности умереть за Него (Иоан. XI, 16). Это не былъ озлобленный невѣрь; опять искалъ вѣры, онъ страдалъ безъ нея; его любовь ко Христу только пламенѣла желаніемъ удостовѣриться въ воскресеніи возлюбленнаго. Прошла такъ недѣля; опять апостолы были все вмѣстѣ въ память Воскресенія ихъ Учителя, на этотъ разъ и Фома не отчуждилъ себя отъ ихъ собранія. И какъ только онъ вошелъ въ это единеніе вѣрующихъ—и онъ обрѣлъ ихъ миръ, пріобщился къ ихъ радости. Опять явился Господь, опять преподалъ миръ Своей Церкви (Иоанн. XX, 26). Милосердый, Онъ снизошелъ къ сомнѣнію ученика, искашаго не невѣрія, а вѣры, даъ ему освѣзать перстомъ и „любопытною десницею“ язы гвоздинныя, увѣрилъ его въ Своемъ возстаніи изъ мертвыхъ. Радостнымъ возгласомъ: „Господь мой и Богъ мой!“—засвидѣтельствовалъ Фома свою вѣру, которую нашелъ онъ въ единеніи со всеми вѣрующими (ст. 28—29). Позднѣе и онъ съ другими апостолами получилъ повелѣніе ити въ миръ весь, учить, священнодѣйствовать и духовно управлять Церковью, вмѣстѣ съ другими получивъ и дары Св. Духа.

Апостольское чтеніе нынѣшняго дня (Дѣян. V, 12—20) изображаетъ намъ учениковъ Христовыхъ уже въ трудахъ ихъ великаго посланичества въ мірѣ: руками ихъ совершаются дивныя знаменія и чудеса, умножается съ каждымъ днемъ число вѣрующихъ, растетъ и ширится Церковь Христова, посрамляются ея враги. Но во главѣ чтенія указано опять обстоятельство, которое является исполненіемъ первосвященнической молитвы Главы Церкви (Иоанн. XVII, 21) и обусловливается ея силу и расцвѣтаніе: *благу единодушно еси* (Дѣян. V, 13). Такова сила единенія церковнаго.

Братіе возлюбленные! *Христосъ Иисусъ*, по слову апостола (Евр. XIII, 8),—*вчера и днѣсь той же и во еѧки*, и Церковь Христова пребываетъ во всѣ роды вѣка (Еф. III, 21); она

устоить до самаго дня суднаго, до второго пришествія Господня. Не изсякнетъ въ ней никогда могучее чувство вѣры, не прекратится Божественная благодать спасенія, не прекратится и великое служеніе апостольства,—служеніе тѣхъ, кому говорить Христосъ: „Пріимите Духъ Святы. Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посыла въ”.

Сегодня на нашихъ глазахъ торжественно совершается это преподаніе Духа Святаго одному изъ преемниковъ апостольскаго служенія въ нашей мѣстной церкви, на-дняхъ и еще повторится это рѣдкое тайнодѣйствіе. Что же, неужели одно праздное любопытство привлекло это множество народа на торжество рѣдкаго священнодѣйствія? Неужели только вицѣальная обстановка его занимаетъ нашу мысль и чувство? Неужели мы не унесемъ отсюда уроковъ важныхъ, размышеній глубокихъ?

Нѣть, воалюбленные! Здѣсь, въ этомъ видимомъ торжествѣ церковнаго священнодѣйствія, въ совершеніи тайны хиротоніи епископовъ мѣстной Церкви,—для насъ побужденіе вдуматься и сердцемъ проникнуть въ великій смыслъ существованія Церкви Божіей на землѣ и епископства, какъ величайшаго въ ней служенія,—служенія *примиренія* людей съ Богомъ (2 Кор. V, 18) и духовнаго водительства ихъ отъ земли къ небу, отъ Церкви земной къ Церкви небесной. При видѣ этого многочисленнаго сонма іерарховъ Церкви, при этомъ ихъ величавомъ и благолѣпномъ священнослуженіи, самъ собою напрашивается вопросъ о значеніи Церкви въ прошломъ человѣчества, и въ его настоящемъ, и будущемъ.

Припомните, о чёмъ мы только-что говорили: о единодушіи апостоловъ въ ихъ вѣрѣ, въ ихъ дѣятельности. И вотъ, отъ первыхъ дней Церкви, представьте себѣ, что въ одну мысль, въ одинъ голосъ, въ одни уста, въ одну душу, въ одно существо, въ одно исповѣданіе на пространствѣ 19-ти минувшихъ вѣковъ христіанскихъ сливались и сливаются въ Церкви миллионы мыслящихъ существъ отъ всѣхъ странъ, отъ всѣхъ временъ, отъ всѣхъ народовъ міра, отъ всѣхъ возрастовъ, званій, половъ и состояній вѣрующихихъ. О, какое это еликое, могучее, несокрушимое единство! Представьте себѣ, далѣе, что выше этого сліянія во Христѣ, въ Его Церкви, въ-

рующіе не знаютъ и не хотятъ никакого другого счастья ни на землѣ, ни на небѣ, и скорѣе согласны вынести, какъ и дѣйствительно выносили цѣлые миллионы изъ нихъ, всякаго рода пытки, истязанія и мучительныя, позорныя казни и смерть, чѣмъ измѣнить этому религіозно-нравственному союзу, называемому Церковью, этому великому и вѣчному соединенію всѣхъ и всего въ религіозное единство вѣры, любви, упованія и жизни. О, какой прекрасный союзъ!

И было время, когда, дѣйствительно, все, что было лучшаго среди людей, служило такъ или иначе Церкви. Ей поэты посвящали свои вдохновенія и сложили и оставили навѣки въ ней свои чудныя и дивныя молитвословія; ей мыслители отдавали богатыя силы своего ума и оставили сокровища христіанской письменности, изъяснившей и исчерпавшей ученіе Церкви со всѣхъ сторонъ и до возможной глубины; ей служили литература, искусство, архитектура, художество, музыка, пѣніе, облачившія Церковь чудными произведеніями учительнаго слова, прекрасными, горѣ возносящими духъ, храмами, художественными изображеніями, сладостью и красотою пѣснопѣній, неподражаемою и дивною ризою священныхъ обрядовъ церковнаго богослуженія. Ей, наконецъ, отдавались мощныя силы воли, и въ подвигахъ святости, въ дѣятельномъ служеніи добру, въ устроеніи и управлѣніи Церковью извѣстные и безвѣстные труженики угождали Христу и были истинными, благодѣтелями человѣчества.

Пока было это „любодружное и благое единство, спѣшное во изящныхъ“, Церковь дѣйствовала въ мірѣ съ изумительно-побѣдоносною силою: цѣлныя страны, цѣлые народы и царства во всѣхъ концахъ міра присоединились ко Христу,—среди нихъ и благословенная Грузія; каждое новое христіанское столѣтіе расширяло предѣлы Церкви настолько, что, казалось, близится время, когда евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ языкамъ. За это время сколько свѣта внесла Церковь въ жизнь людей! Сколько дарованій вызвала къ жизни! Сколько разбитыхъ сердцъ и унылыхъ душъ возвратила она къ миру и радости; сколькимъ бездомнымъ духовнымъ скитальцамъ указала смыслъ и назначеніе жизни и направила ихъ къ плодо-

творной дѣятельности во славу Бога, во благо ближнихъ; сколькихъ людей соединила она съ Богомъ и Христомъ Его вѣчными и неразрывными узами! Процвѣла прежняя пустыня язычества, яко кринъ—прекрасный цвѣтокъ, утучнѣла богатыми плодами. Ни одинъ самый заклятый врагъ Церкви не дерзнетъ отрицать этого ея великаго дѣйствія въ мірѣ.

Сила Церкви ослабѣла при первомъ въ ней раздѣленіи, при первомъ отъ нея *отдѣленіи*. Лукавый умъ, злая воля человѣка, земные расчеты, самолюбіе и страсти толкали многихъ въ ереси и отступничества; отпадали отъ единенія церковнаго отдѣльныя партіи, племена, государства,—въ Арmenіи Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи, отпадъ цѣлый западъ Европы,—и прежде побѣдоносная Церковь, попущеніемъ Божіимъ, ослабѣла; двѣ трети человѣчества, къ стыду христіанъ, доселѣ коснѣть виѣ Христа и Его Искупленія; пята лженпророка, несмотря на внутреннюю очевидную несостоительность его ученія, доселѣ занесена надѣ православнымъ Востокомъ...

Всякое зло, по Божественному закону возмездія, въ себѣ самомъ носить сѣмена разрушенія и идетъ къ саморазложению и погибели. Испыталъ это на себѣ и раздѣлившійся міръ христіанскій. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ человѣкъ, гордынею отпадшій отъ союза съ Богомъ, горькимъ опытомъ въ теченіе 5.000 лѣтъ долженъ быть убѣдиться, какъ тяжело быть безъ Бога, и, уразумѣвъ это, возжелалъ Его, наконецъ, въ смиреніи и молитвѣ,—такъ, повидимому, и въ новозавѣтномъ христіанскомъ мірѣ нуженъ горькій опытъ, который убѣдилъ бы вѣрующихъ, какъ безусловно нужно единство церковное, о которомъ въ тягчайшій часъ жизни, въ виду Геєсиманіи и Голгоѳы, умолялъ Отца Небеснаго Единородный Сынъ Божій.

Измѣнилось ли нынѣ положеніе вещей? Не ослабѣло ли даже самое религіозное чувство въ людяхъ, не грозить ли опасность его полнаго вырожденія?

Нѣть, оно во-вѣки живо и несокрушимо; оно неотдѣлимо отъ человѣческой природы, которая въ духовной первоосновѣ своей останется всегда одна и та же: человѣкъ всегда будетъ существомъ, способнымъ и стремящимся къ религіи и нравственности. Но нужно помнить, что религіозное чувство глох-

неть и извращается въ-одиночку. Какъ здоровая и правильная жизнь общественная возможна только въ государствѣ, а виѣ его—одно бродяжничество и дикость, такъ здоровая и правильная религіозная жизнь возможна только въ Церкви, а виѣ ея—извращеніе религії, шатаніе въ сектахъ, пока не наступитъ религіозное вырожденіе и одичаніе... Церковь—это символъ единенія вѣрующихъ и самое это единеніе; Церковь—это воплощенная совѣсть народовъ; Церковь—это сосудъ любви Бога къ людямъ и людей къ Богу. Церкви поэтому вѣрена охрана всего возвышенного, чистаго и истиннаго въ религіозныхъ исканіяхъ и стремленіяхъ человѣка. Во всѣхъ смыслахъ она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 15). Служить Церкви и быть въ единеніи съ нею—это значитъ служить Богу, свѣту, добру и счастью человѣчества, это значитъ способствовать расцвѣту духовной жизни, осуществленію Царства Божія и Божественнаго плана міроправленія. Отступить отъ Церкви,—какъ бы ни были благовидны причины и поводы отступленія,—это значитъ служить не добру, а злу, не свѣту, а тьмъ, не Христу, а діаволу; это значитъ враждовать на Бога, это значитъ препятствовать осуществленію на землѣ воли Божіей и спасенію людей.

Многимъ думается, однако, что усложнившаяся жизнь переживаемаго нами времени выдвинула такие вопросы, указала такие нужды..., съ которыми Церкви не справиться...

Но если Церкви не справиться съ ея Богоучрежденіемъ строемъ, съ ея благодатными сверхъестественными силами, съ ея опытомъ двухъ тысячелѣтій,—то кому же подъ силу справиться? *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Иисусъ*,—можетъ сказать она словами апостола (Фил. IV, 13), и въ вѣкахъ минувшихъ, въ томъ глубокомъ и всесторонне-полномъ переворотѣ, который она нѣкогда внесла въ древній языческій міръ, въ томъ исцѣленіи явъ общественныхъ, которымъ сопровождались первые вѣка жизни Церкви, она имѣть подтвержденіе и вѣчное свидѣтельство своей Богодарованной силы. Но благодать не дается насилию и виѣшне; какъ лѣкарство не помогаетъ мертвому, а живому, хотя и больному, такъ и Божія сила идеть навстрѣчу живымъ стремленіямъ людей, хотя и безсильныхъ въ отдаленіи.

ні оть Божества. И наше единство въ Церкви, наша жизнь въ ней, наше ей довѣріе скажутся величайшими благодатными плодами. Сколько язвъ въ современной нашей жизни! Эта разливъ зла, паденіе семьи, множество преступленій, часто безсмысленныхъ по жестокости, эти бунты, жаждущіе крови, эти безсмысленные противогосударственные ученія, убийства общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и прочая и прочая,—все говорить, что радость и миръ оставили современное человѣчество. Но каковы бы ни были наши язвы,—будетъ ли это капитализмъ, возникшій въ новомъ мірѣ на мѣсто издохшаго рабства, будетъ ли анархія въ государствахъ и одичаніе нравовъ въ людяхъ, жестокости, войны и мятежи,—вездѣ и всюду только Церковь явится благодѣтелью и исцѣляющею силою. При условіи полнаго единенія вѣрующихъ она побѣдить всѣ препятствія; она, подобно Своей Главѣ—Христу, пройдетъ *дверемъ затвореннымъ*; пройдетъ затворенные двери не-вѣрія и сомнѣнія, какъ Христосъ у Фомы; пройдетъ затворенные двери гоненія и ожесточенія, какъ Господь у Савла; пройдетъ затворенные двери всѣхъ нестроеній, какъ и пробила ихъ въ древнемъ языческомъ мірѣ. Да и всѣ язвы современной жизни—онѣ и явились именно потому, что передовые классы общества въ нашъ вѣкъ въ дѣлѣ устроенія жизни народовъ стали стояниться оть Церкви, а иногда и прямо враждовать съ нею, захотѣли обойтись безъ нравственной помощи религіи и своими силами возмечтали устроить человѣческое счастье. И се—оправдися премудрость въ чадѣхъ ея! (Мате. XI, 19; Лук. VІІ, 35).

Мы же, служители Церкви, не престанемъ проповѣдывать,—и за нась голосъ вѣковъ позади, и, вѣримъ, за нась же и голосъ вѣковъ грядущихъ; не престанемъ проповѣдывать, что умственное образованіе, которымъ кичится наше время и на которое возлагаетъ всѣ упованія, безъ религіи и нравственности есть острый ножъ въ рукахъ сумасшедшаго; что благотворительность безъ христіанства и религіи есть безсмыслица; что нравственность вѣтъ религіи есть обманъ, пусто-слово; что жизнь общественная и государственная, исключающая руководство религіи и не поставляющая себѣ религіозное онравственныхъ цѣлей, есть путь къ погибели; что братств

людей, свобода и духовное равенство ихъ возможны только въ Церкви; что миръ міра можетъ быть только на религіозно-нравственной основѣ; что обновленіе нашей общественности,—мечта современности,—и исцѣленіе язвъ, разъѣдающихъ нашу жизнь, принесетъ попрежнему только Церковь—и она одна, и что надъ всѣми союзами, надъ всѣми обществами, превыше ихъ, не по силѣ вѣшняго властительства, а по силѣ и высотѣ и цѣнности нравственной, стоитъ и будетъ стоять Церковь Христова, какъ единый союзъ всѣхъ вѣрующихъ съ великимъ Кормчимъ—Христомъ во главѣ.

О, вѣрьте, братіе, въ Церковь Божію! Храните нерушимо благодатный союзъ съ нею паче зѣницы ока! Съ дѣтской до-вѣрчивостью приникните любовно къ ея материнскому лону! Тверже держитесь за ея спасительную руку! Отдайтесь безза-вѣтно ея водительству! О, не за Церковь страшимся мы, когда горячо призываемъ васъ къ полному единенію съ нею! Цер-ковь—неодолѣнна вратами ада; устоитъ она до окончанія вѣ-ковъ и не останется безъ сыновъ и дщерей. Свято мѣсто пу-сто не будетъ, и Господь наполнить Свою Божественную ве-черю. Но за нашъ народъ, за нашу родину, за себя самихъ страшимся мы: мы погибнемъ временно и вѣчно, на землѣ и на небѣ, погибнемъ безъ Церкви.

Къ ней прильнемъ, ища спасенія!

Взирая на этотъ величественный сонмъ епископовъ, кото-рый еще восполнится на нашихъ глазахъ двумя носителями высшей благодати; слушая эти трогательныя исповѣданія вѣры вселенской новопосвященными епископами, эти клятвы и обѣты ихъ пребывать вѣрными ученію Церкви,—станемъ послушно подъ знамя церковное, пребудемъ съ нею въ единеніи до по-слѣдняго вздоха жизни, не отступимъ отъ Богоданныхъ ду-ховныхъ вождей въ дѣлѣ нашего спасенія, отъ архипастырей Церкви, окружимъ ихъ любовью и послушаніемъ, да съ радо-стью творять дѣло свое, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно намъ сie.

Въ Церкви—наше спасеніе; въ Церкви—миръ, радость, счастье и жизнь; безъ нея не стоитъ работать, не къ чему стремиться, безъ нея — скажемъ дерзновенно — не стоитъ и

жить, ибо безсмысленно жить. Итакъ, будемъ въ послушаніи Церкви.

Пусть послужить намъ въ этомъ руководствомъ прекрасное слово древняго библейскаго мудреца: „Подставь послушанію плечо твое и, нося его, не тяготись узами его. Путы его будутъ тебѣ крѣпкою защитою, и цѣпи его славнымъ одѣяніемъ“ (Сир. VI, 30—31). Будемъ постоянно добрыми овцами Иисуса Христа и не останемся глухи къ голосу доброго Пастыря, Который даетъ глаголъ Своей Церкви.

Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ! Аминь.

Поэты-христіанинъ.*

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Нынѣшній, ежегодно совершаемый общиій праздникъ церковно-приходскихъ школъ, посвященный памяти первоучителей славянскихъ свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, по распоряженію высшаго учебнаго начальства, соединяется съ торжественнымъ воспоминаніемъ пятидесятилѣтія со дня смерти одного изъ великихъ поэтовъ русскихъ Василія Андреевича Жуковскаго.

Есть ли связь между этими воспоминаніями? Есть ли родство между святыми славянскими учителями и позднѣйшимъ поэтомъ-писателемъ, отстоящимъ отъ нихъ по времени своей дѣятельности на цѣлое тысячелѣтіе?

Духовныя сокровища вѣчны и нетлѣнны; оттого въ духовномъ преемствѣ и наслѣдствѣ часто ничего не значать вѣка и тысячелѣтія. Вѣчное не старѣеть. А свв. братья Кириллъ и Меѳодій, обладая сами высокимъ по своему времени мірскимъ образованіемъ, соединеннымъ съ великими дарованіями духа,

* Сказано на актѣ церковно-приходскихъ школъ въ Тифлісѣ 11 мая 1902 г.

принесли, однако, славянскому племени не это образование, измѣнчивое и не всегда вѣрное, а вѣчные сокровища вѣры и евангелія Господа Иисуса Христа. Сѣмена, ими посѣянныя въ далекой Моравіи, перешли въ другія славянскія страны, привились и пышный ростъ дали въ благословенной Россіи. Чрезъ тысячелѣтіе послѣ смерти свв. братьевъ является въ Россіи поэтъ, чествуемый сегодня. Вѣренъ ли онъ остался этому духовному сокровищу?

Да, В. А. Жуковскій былъ воистину поэтъ-христіанинъ и человѣкъ-христіанинъ. И правдою слова, и правдою жизни онъ показалъ, что служилъ для родины на томъ самомъ пути, который нѣкогда указанъ равноапостольными творцами нашего русскаго письменнаго слова. Его поэзія—чиста и безупречна; въ ней нѣтъ ничего грубаго, ничего нечистаго. Недаромъ во времена увлечений нехристіанскими началами жизни, среди людей грубыхъ, непризнающихъ ничего, кроме плоти и ея потребностей, Жуковскій и его поэзія подвергались и подвергаются осмѣянію: это лучшая похвала для поэта. Вѣрно: въ сочиненіяхъ Жуковскаго безбожникъ и нечестивецъ не найдутъ для себя ничего пріятнаго, подтверждающаго ихъ желанія и убѣжденія. Зато души набожныя, сердца чистыя зачитываются стихотвореніями этого поэта; любятъ его существа, отрѣшенныя отъ злободневныхъ интересовъ, способная въ невинномъ сердцѣ ощутить вѣяніе всего возвышеннаго,—разумѣемъ дѣтей, и не напрасно въ дѣтскихъ книгахъ и хрестоматіяхъ стихотворенія Жуковскаго всегда занимаютъ видное мѣсто.

Родство духовное съ первоучителями славянскими сказалось у Жуковскаго и въ томъ, что онъ много потрудился надъ переводомъ на русскій языкъ всего новозавѣтнаго Священнаго Писанія; здѣсь сказалось какъ бы прямое продолженіе просвѣтительныхъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія. Онъ служилъ слову русскому, какъ служили слову славянскому свв. наши первоучители; подобно имъ, поэтъ нашъ старался обогатить родную письменность съятыми образами, чистыми мыслями, возвышенными чувствами; подобно имъ, письменнымъ словомъ своимъ поэтъ звалъ людей къ Богу. Рѣдко можно встрѣтить среди писателей всего міра такой возвышенный

взглядъ на поэзію, какой мы видимъ у В. А. Жуковскаго. По его словамъ:

«Поэзія—небесной
Религії сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Спасителемъ зажженный,
Чтобъ мы среди житейскихъ бурь не сбились
Съ пути...
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Чѣмъ долженъ быть поэтъ, по возврѣніемъ В. А. Жуковскаго?

«Крылою могучимъ,
Подъемлющимъ родныхъ (ему) сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламеняющей, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣремъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетѣнкай той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задергнуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподнимать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!»

Эти слова отдаленаго ученика достойны его святыхъ учителей—Кирилла и Меѳодія.

Вѣра въ Бога, смиренная и радостная покорность Его Промыслу, ожиданіе радостей и утѣхъ загробной жизни, любовь къ „родинѣ святой“, любовь къ людямъ,—вотъ что занимало поэзію Жуковскаго. По справедливости, можно сказать, это же наполняло и всю его жизнь.

Глубокая религіозная настроенность поэта съ особенностью силуою сказалась въ послѣдніе дни его жизни. Окруженный семьею, съ глубокою вѣрою причастился онъ св. таинъ и вдохновленный вѣрою, весь просиявшій, сказать своимъ дѣтямъ чудныя слова, вылившіяся изъ вѣрующей души:

„Дѣти мои, дѣти! Вотъ Богъ былъ съ вами! Онъ Самъ пришелъ къ вамъ! Онъ въ нась теперь! Радуйтесь, мои милыя!“

Прошло нѣсколько часовъ; Василій Андреевичъ почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ подозвалъ къ себѣ маленькую

дочь и сказалъ ей: „Пойди, скажи матери, что я нахожусь въ ковчегѣ и посыпаю ей первого голубя: это моя вѣра; другой голубь мой—это терпѣніе“.

Такъ предъ самою смертью поэть призывалъ всѣхъ къ вѣрѣ, радости и терпѣнію,—къ этимъ возвышеннымъ христіанскимъ чувствамъ.

Къ тому же призываетъ онъ и читателей своими произведеніями.

Не такъ давно укоренился и прочно привился на Руси добрый обычай—поминать писателей словомъ молитвы всенародной. Но В. А. Жуковскаго воспоминаетъ русское общество уже второй разъ. Да будетъ это добрымъ знакомъ. Въ наше смутное и тяжелое время, въ дни господства грубости, паденія любви къ родинѣ земной и родинѣ небесной, забвенія возвышенныхъ стремленій души человѣческой къ небу и вѣчности,—поэзія Жуковскаго, чистая, возвышенная и христіанская, должна быть особенно дорога нашему сердцу.

Тѣмъ болѣе она говорить душѣ нашей въ такомъ знаменательномъ совпаденіи именъ и воспоминаній, которое мы видимъ сегодня въ настоящемъ нашемъ собраниі; дѣтямъ-школьникамъ, этой духовной нивѣ, этимъ носителямъ надеждъ будущаго, дорогому достоянію родины, да будутъ близкими и родными завѣты свв. первоучителей славянства и христіанскихъ поэтовъ: завѣты вѣры, любви и смиренія, радости и любовной покорности волѣ Промысла¹⁾.

«Какъ звѣзды въ синевѣ далекой,
Какъ солнце ясное во дни,—
Изъ тьмы вѣковъ сѣдой, глубокой,
Святые братья въ наши дни
Нетѣлійной славою сияютъ.

Хвала апостоламъ славянства
И нашей грамоты творцамъ!
Въ красѣ духовнаго убранства,
Они по всѣмъ земли кондамъ
Языки наши чудный прославляютъ.

¹⁾ Приводимъ стихотвореніе-гимнъ, который пѣли дѣти въ этотъ день.

Слава вамъ, Меодій и Кирилль,
 Слава вамъ изъ рода въ родъ!
 То, что Богъ черезъ васъ совершилъ,
 Не забудеть нашъ народъ.

Слава! Слава!

И въ Грузіи единовѣрной
 Сыны единаго Царя,
 Любовью въ намъ и величіемърной,
 Святою, братской, горя,

Хвалу вамъ, братья, возсыпаютъ.
 Мы, ваши дѣти, съ дѣтьми Нииы,
 Единой родины сыны,
 Въ единствѣ вѣры исполнены,
 Въ единствѣ вѣры лишь сильны.

Такъ пусть же здѣсь вамъ возглашаютъ
 Хвалы въ одномъ согласномъ хорѣ
 Дѣтей Кавказскихъ голоса
 И съ ними, въ шири и просторѣ
 Святой Руси—ея краса—

Всѣ дѣти пѣсни свою сливаютъ.
 Слава вамъ, Меодій и Кирилль,
 Слава вамъ изъ рода въ родъ!
 То, что Богъ черезъ васъ совершилъ,
 Не забудеть нашъ народъ!

Слава, слава!!

Царская милость духовенству.*

По благословенію владыки, нашего архипастыря, сейчасъ будетъ отслужено благодарственное Господу молебствіе по случаю радостнаго извѣстія для пастырей и паствы Русской Церкви

* Рѣчь предъ совершеніемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю объявленія Высочайшаго повелѣнія о дарованіи пенсій православному духовенству Россійской Имперіи. Сказана въ гор. Душетѣ, въ городской церкви, 7 июля 1902 г., при священнослуженіи высокопреосвященнѣйшаго Алексія, экзарха Грузіи, обозрѣвавшаго церкви Душетскаго уѣзда. Архипастырю сослужили 16 священниковъ изъ горскихъ приходовъ Душетскаго уѣзда.

кви,—разумъемъ высокую милость Государя Императора—дара-
ваніе правъ пенсій за службу всему православному духовен-
ству Россійской Имперіи, а слѣдовательно, и нераздѣльной съ
нею Грузіи. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, извѣстясь
объ этомъ радостномъ событии, повелѣлъ во всѣхъ церквахъ
Имперіи въ первый воскресный день по полученіи Высочай-
шаго указа о пенсіяхъ духовенству вознести благодарственное
къ Богу моленіе о здравіи и долголѣтіи милосердаго Го-
сударя.

Мы сказали, что событие это радостно и для пастырей и
для пасомыхъ Всероссійской Церкви. Радостно оно прежде
всего для пастырей: слава Богу, за трудъ девяти столѣтій, за
постоянную неизмѣнно-общую жизнь съ народомъ, за всѣ не-
взгоды исторіи, за труды просвѣщенія, за молитвы, за слезы
нашихъ вдовъ и сиротъ, голодныхъ, бездомныхъ и бесприют-
ныхъ, призвѣль Господь и призвѣло сердце Царево на вели-
кое и смиренное въ подвигѣ духовное сословіе! Увидѣло око
Царево, какъ при усложнившейся жизни мало-по-малу обезпе-
чивались въ безбѣдномъ существованіи всѣ государственные
служенія и только пастыри Церкви оставались въ иномъ по-
ложеніи, съ тревожнымъ и неяснымъ будущимъ, со взоромъ,
безпокойно устремленнымъ въ даль неизбѣжно грядущаго,
гдѣ рисовались ему образы беспомощной старости и лишеній,
гдѣ слышались ему вопли страдающимъ вдовъ и дѣтей. Въ
великомъ служеніи Церкви и Небу, по естественной немощи,
духовенство раздвоилось между землею и Небомъ, между міромъ
и царствомъ Божіимъ, и нерѣдко никло духомъ, угашало свя-
щенную ревность свою отъ этого раздвоенія. Теперь не то...
Слава Богу нашему, слава великому Царю на святой Руси!
Какой вздохъ облегченія пронесется нынѣ по лицу нашей род-
ной земли, сколько тревогъ успокоится, сколько слезъ отрѣтся,
сколько скорбей и печалей претворится въ радость!

И эту радость, несомнѣнно, раздѣлять съ пастырями всѣ
добрьи пасомые,—всѣ, у кого есть хоть искра сочувствія къ
людямъ, хоть малая способность проникнуться чужою радостью,
хоть капля заботы о благѣ и нуждахъ Церкви Христовой, хоть
немнога благодарной заботливости о тѣхъ, кто Самимъ Хри-

стомъ поставлены и молитвенниками, и учителями, и воспитателями народа, кто, при всѣхъ неизбѣжныхъ человѣческихъ слабостяхъ и недостаткахъ, все же являются воистину носителями благодати и въ широкомъ смыслѣ истинно общественными дѣятелями. Ибо если необеспеченное будущее духовенства было тяжело для самихъ пастырей, то не легко оно было, не безразлично оно было и для пасомыхъ. Они не могли не сознавать, какъ много ограничена Церковь въ пользахъ своихъ, какъ много теряетъ она, имъя служителей, подавленныхъ и связанныхъ постоянною мыслью о тревожныхъ дняхъ неизбѣжной старости и грядущей смерти... „Никтоже бо воинъ бы вая обязуется куплями житейскими, да воеводъ угоденъ будеть“ (2 Тим. II, 4). Но слава Господу! Слава великому Государю! Не сразу, не быстро, но несомнѣнно прочными и благими плодами скажется эта Царская милость духовенству, и несомнѣнно, это—только первый шагъ, только начало большого дѣла обеспеченія духовенства. Воочію видна милость эта особенно здѣсь, среди заброшенныхъ въ горахъ бѣдныхъ служителей Церкви. Воистину, въ нынѣшній день, въ настоящемъ нашемъ собраніи, воля Высшей Власти совпадаетъ всѣдѣло съ потребностями и запросами нашего сердца, и да будетъ отъ души и сердца вознесено наше теплое благодарное моленіе о здравіи Царя и Царствующаго Дома, о процвѣтаніи Церкви Христовой и великаго нашего отечества. Тотъ, Кто обѣщалъ не оставить безъ награды даже чаши холодной воды, поданной во имя ученика, Кто сказалъ, что пріемный, его же послю, Мене пріемлетъ, Кто миръ обѣщалъ тому дому, въ который войдутъ принятые любовно и гостепріимно служители Христа,—да воздастъ Царю и царству русскому миромъ, великими и богатыми щедротами. Въ вѣкъ разлива невѣрія, посреди государствъ, нерѣдко враждебныхъ Церкви, въ то время, когда въ одномъ изъ нихъ,—во Франціи,—и самомъ образованномъ, совершаются насилия надъ клиромъ Христовымъ во имя мнимой свободы, въ это время съ высоты Самодержавнаго Престола царства русскаго изречено знаменательное слово милости къ служителямъ Церкви. Исполнена древняя заповѣдь, пятая въ законѣ Божіемъ... Да будетъ же дано и обѣтованіе заповѣди мѣрою полною:

да будетъ благо царству русскому и да долголѣтно будетъ оно на землѣ! Да хранить Господь Царя нашего во славѣ и долгоденствіи! Сильно на земли будетъ сѣмѧ Его, и родъ правыхъ да благословится! Аминь.

Свѣтъ духовный.*

Свѣтильникъ тѣлу есть око... и далѣе чтецѣ воскреснаго евангелія Мк. VI, 23—34.

Не нарочно для васъ, возлюбленные, читалось это евангеліе сегодня, оно положено уставомъ церковнымъ въ порядкѣ воскресныхъ евангельскихъ чтеній. Но такъ широко и всеобъемлюще слово Божіе, что кажется, будто прочитанное мѣсто евангелія прямо и непосредственно и даже нарочно предназначено въ поученіе вамъ, народные учители.

Ваше служеніе—*просвѣтительное*: и вотъ вамъ образное ученіе Спасителя о просвѣщении. Нуженъ источникъ свѣта; въ мірѣ физическомъ, насть окружающемъ, такимъ источникомъ является солнце на небѣ и особый, какъ утверждаетъ наука, свѣтовой зеіръ, разлитый въ мірѣ,—таинственный, неуловимый, но несомнѣнно сущій. Но и свѣтъ этого зеира, и свѣтъ солнца—все это совершенное ничто для человѣка, если у него нѣтъ органа и орудія для воспріятія свѣта. Слѣпому—не свѣтить солнце, слѣпому не чувствителенъ свѣтъ. Око человѣка воспринимаетъ этотъ свѣтъ и проводить его во всю широту и физической и духовной жизнедѣятельности нашей.

Перенесите сказанное въ область духовную: ибо не о физическихъ законахъ свѣта бесѣдовалъ Спаситель съ учениками въ прочитанномъ евангеліи, а о духовномъ свѣтѣ, для изображенія котораго Онъ только взялъ и указалъ подобія изъ видимаго и наблюдаемаго міра.

* Въ недѣлю 3-ю; поученіе слушателей учительскихъ курсовъ въ гор. Тифлисѣ.

Нынѣ вѣй заняты заботами и думами о просвѣщеніи. Станимъ же прямо и честно у этого вопроса, задумаемся надъ нимъ, пользуясь только-что приведеннымъ евангельскимъ образомъ.

Итакъ, міръ твердитъ о просвѣщеніи духовномъ. Спрашиваемъ: откуда и гдѣ оно? И еще спрашиваемъ: есть ли у человѣка органъ и орудіе для воспріятія его? Ибо свѣтъ духовный можетъ существовать, но при отсутствіи органа его воспріятія, онъ можетъ оказаться тѣмъ же, чѣмъ является солнце для слѣпого.

Труденъ вопросъ: откуда и гдѣ свѣтъ духовный. Но легче вопросъ второй. Человѣкъ изъ всѣхъ тварей только одинъ рвется къ этому свѣту духовному: различаетъ добро и зло, ищетъ нравственного совершенства, ищетъ томительно, напряженно, помимовольно. И сколько въ этомъ исканіи его, сколько въ этихъ порывахъ и благородства, и усердія, сколько радости и горя, слезъ и молитвы! На всѣхъ ступеняхъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ развитія, во всѣхъ положеніяхъ съ первыхъ дней раскрытия сознанія онъ разбираетъ и различаетъ добро и зло, и даже служа послѣднему по слабости своей, все же силился прикрыть его хоть видомъ добра.

Да, одинъ человѣкъ на землѣ есть *существо нравственное*, въ томъ смыслѣ, что онъ способенъ къ нравственности, и эта способность, вмѣстѣ съ другою—способностью быть религіознымъ, служить коренною, отличительною, существенною и прирожденной его чертою, рѣзко отдѣляющею его отъ міра животнаго. Одинъ человѣкъ на землѣ имѣть прямое положеніе своего тѣла, направленное вверхъ, и недаромъ только его разумное чело обращено къ небу... Ясно, что какъ для воспріятія свѣта солнца ему дано око, такъ и для различенія добра ему дано духовное око, духовный органъ: это—совѣсть человѣческая.

Чисто твое око, и ты видишь путь, знаешь, куда направить руку и ногу, не оступишься, не упадешь, не искальчишься. Повреждено твое око: и ты неувѣренно движешься, часто попадаешь не туда, куда нужно, не видишь вдалъ, не замѣтишь во-время опасности. Ослѣпло твое око: ты совсѣмъ

безпомощный человѣкъ, которому ежеминутно грозить несчастье, увѣчье, погибель.

То же самое и съ совѣстью. Чиста эта совѣсть, правильно она различаетъ добро и зло, не смѣшиваетъ первого со вторымъ, сильна побужденіемъ къ добру, ограждаетъ страхомъ и муками отъ зла, помогаетъ человѣку въ его нравственномъ восхожденіи: и тогда вся жизнь его будетъ чиста и свѣтла и правильна. Испорчена совѣсть, померкъ ея свѣтъ духовный, закралась ложь и неправильность въ ея указующую и судящую дѣятельность: тогда и жизнь человѣка исполнена лжи и смѣшнія добра и зла. Но горе, если совѣсть становится, по слову апостола, сожженою; горе, если свѣтъ ея обратится въ тьму! Тогда—какова же тьма! Тьма слѣпца и его положеніе, близкое къ опасности, погибели, является только слабымъ подобіемъ духовной гибели и тьмы безсовѣтнаго человѣка, лишенаго духовнаго свѣта.

Вотъ здѣсь-то и вопросъ тревожный и роковой: откуда и гдѣ этотъ свѣтъ духовный?

Совѣсть должна различать добро и зло. Кто же этому ее научить? Кто дастъ точное и ясное и правильное понятіе о томъ, что—добро и что—зло? Выходите, люди міра, отвѣчайте на этотъ вопросъ!

Сошлется на природу? Но она знаетъ холодное, теплое, высокое, низкое и т. д., но не знаетъ доброго и злого.

Сошлется на науку? Но она знаетъ полезное и вредное, да и здѣсь-то часто противорѣчить и ошибается, а въ области нравственного и безнравственного, на законахъ математики и химіи немного узнаешьъ. Да и почему для меня обязательна голосъ ученыхъ людей, такъ часто противорѣчившихъ другъ другу? Да и всѣмъ ли доступна наука? А вѣдь совѣсть есть у всѣхъ. Сошлется на общее согласіе людей? Но гдѣ оно, это общее согласіе, если мусульманинъ считаетъ месть подвигомъ, многоженство правомъ, а христіанинъ то и другое почитаетъ за грѣхъ? Гдѣ это общее согласіе, если послѣ авѣрскаго убийства беззащитныхъ короля и королевы въ наши дни среди христіанскаго народа одни считаютъ это убіеніе позоромъ и преступленіемъ, а другіе—геройствомъ и похва-

лою? Очевидно, нуженъ такой источникъ различенія добра и зла, который быль бы всѣмъ доступенъ, всегда одинаковъ и неизмѣненъ, который къ тому же утверждался бы на непрекаемомъ основаніи и авторитетѣ, для всѣхъ обязательномъ. Гдѣ такой источникъ? Онъ не отъ людей, а отъ Бога: онъ скажетъ: это—добро, это— зло, и такому высшему голосу отвѣтить тайнымъ созвучіемъ и согласиемъ и голосъ нашей совѣсти, ибо и она—отъ Бога. Такъ свѣтъ духовный, какъ и свѣтъ физической, есть нѣчто таинственное, неуловимое, но онъ опущителенъ властно, онъ присутствуетъ въ мірѣ.

Но, предположимъ, мы знаемъ твердо и ясно въ голосѣ и словѣ Бога добро и зло. Довольно ли, однако, только одного знанія? Не часто ли мы дѣйствуемъ вопреки знаній? Не слабы ли мы и не подвержены ли грѣховности и паденіямъ, какъ чѣму-то роковому и мощному? Не вымощено ли дно адово благими намѣреніями? Нужны сильныя побужденія къ добру, нужна помошь и поддержка для самой совѣсти, поврежденной и малосильной. Откуда же эта помощь? Не отъ людей ли? Но бессильный не дастъ помощи другому бессильному, слѣпой не укажетъ свѣта другому такому же слѣпому... Здѣсь нужна помошь высшай, отъ Существа Вышаго.

Возблагодаримъ же Бога, что мы являемся дѣтьми Его Церкви святой! Возрадуемся, что мы—дѣятели не иной какой-либо, а церковной школы. Церковь, опираясь на слово Божіе и на все Божественное Откровеніе, ясно и безошибочно и властно говорить нашей совѣсти и совѣсти просвѣщаемаго нами народа, что—добро и что—зло. Церковь, въ руководствѣ тѣмъ же Откровеніемъ и въ своемъ вѣковомъ педагогическомъ опыте, правильно укажетъ побужденія къ добру, для всѣхъ цѣлесообразныя: и для высшихъ душъ и высшаго развитія нравственнаго сознанія, и для низшаго нравственнаго развитія, однимъ словомъ, для всѣхъ возрастовъ духовной жизни.

Церковь же, соединя нась съ Богомъ, усвояя намъ плоды искупленія Сына, преподавая намъ даръ Духа Святаго въ таинствахъ, даетъ намъ и всесильную помошь свыше, восполняющую нашу естественную немошь: здѣсь грѣшнику дается прощеніе грѣха, поднимающее его душевную бодрость, окрыляю-

щєе его надеждою, здѣсь спасеніе отъ отчаянія, здѣсь спасеніе отъ гнетущаго чувства безсилія и одиночества, ибо мы видимъ, яко съ нами Богъ.

Будемъ же сообщать народу этотъ свѣтъ духовный въ глубокой, убѣжденной вѣрѣ, что мы даемъ ему чистое и свѣтлое око для жизненнаго пути его. Будемъ, не раздвоимъ, не смышивая Бога и мamonы, свѣта и тьмы, міра и неба, будемъ вести себя и другихъ по пути, который, какъ столпомъ облачнымъ въ пустынѣ, освѣщается Церковью Божіею.

Только въ Церкви, въ церковномъ сознаніи, въ церковной жизни, въ церковномъ ученіи, въ этомъ церковномъ благоуханіи—наше и народное спасеніе. Въ Церкви, и только въ Церкви осуществляется истинная задача доброго обучения и воспитанія, путемъ церковной школы; только здѣсь совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ. Аминь.

Грѣхъ.*

Въ порядкѣ евангельскихъ чтеній св. Церковь въ нынѣшнее воскресеніе предложила намъ повѣствованіе объ исцѣленіи Спасителемъ нашимъ разслабленнаго въ Капернаумѣ, спущеннаго сквозь кровлю. Вѣрные сыны Церкви, внимательные къ ея богослуженію, знаютъ и помнятъ, что это евангельское чтеніе предлагается вѣрующимъ дважды въ году. Уже это одно обстоятельство показываетъ намъ, какъ полна назиданія предлагаемая священная повѣсть и какъ важно для христіанина остановиться на ней вниманіемъ. И дѣйствительно, что то особенно властно, особенно глубоко и поучительно говорить нашему духу при чтеніи и слышаніи предложеннаго намъ сегодня евангелія.

Не ошибемся, если скажемъ, что главное вниманіе наше

* Недѣля 6-я.

въ немъ привлекаютъ кроткія и милостивыя слова Господа, сказанныя Имъ въ отвѣтъ на молчаливую, но трепетную и горячую мольбу разслабленаго объ исцѣленіі: „чадо, отпускаются тебе грѣси твои“. И дѣти, и взрослые, слушая въ первый разъ эту священную повѣсть, всегда и неизмѣнно останавливаются здѣсь съ вопросомъ: развѣ этого искалъ больной? развѣ за этимъ спустили его къ ногамъ Иисуса?

Но Спаситель знать и видѣлъ, чего искалъ и хотѣлъ больной: и намѣренно, въ поученіе присутствующимъ, въ поученіе намъ, Его послѣдователямъ, изрѣкъ это слово прощенія грѣха прежде словъ исцѣленія болѣзни.

Здѣсь подходимъ мы къ самому существу христіанской вѣры, христіанского ученія, христіанского міропониманія. Намъ указывается здѣсь, какъ тяжель грѣхъ и какія опустошенія сдѣлалъ онъ въ жизни всего человѣчества. Грѣхъ отравилъ чашу блаженства, приготовленную Богомъ первозданному человѣку; грѣхъ лишилъ его рая сладости, отторгъ отъ Бога, сдѣлалъ странникомъ и скитальцемъ на землѣ, принесъ голодъ, болѣзни, несчастья, поставилъ человѣка предъ страшнымъ лицомъ смерти; грѣхъ перешель, какъ печальное наслѣдіе грѣхопаденія Адамова, во всѣхъ людей—его потомковъ, обратился для человѣка какъ бы во вторую его природу, сдѣлалъ человѣка какъ бы по естеству чадомъ гибѣва и потребовалъ для своего исцѣленія величайшей и всемірной жертвы—смерти Сына Божія. Грѣхъ и нынѣ отравляетъ намъ всякую радость, лежитъ смертельной горечью на днѣ всякаго удовольствія и, какъ тяжкія гири на крыльяхъ нашего духа, влечетъ насть долу, отъ неба къ землѣ, отъ Бога къ міру и діаволу. Это—именуемый въ христіанскомъ ученіи *грѣхъ первородный*.

Съ дѣтства извѣстна эта истина каждому христіанину, хоть сколько-нибудь вкусившему отъ христіанского ученія. И все-таки, къ сожалѣнію, она забывается людьми совершенно и до конца, и ее часто-часто нужно напоминать людямъ во всѣхъ поприщахъ жизни.

Присмотритесь къ окружающему насть міру, прислушайтесь къ тому, что говорять и пишутъ. Какая всегда и вездѣ слышится у всѣхъ глубокая вѣра въ силы человѣка и въ его

нравственныя достоинства! Послушаешь иного—какъ легко всѣхъ обратить въ святыхъ, а людскую жизнь сдѣлать раемъ! Послушаешь Толстого, новаго лжеименного учителя жизни, нашумѣвшаго на всю Россію: не суди, не сажай въ тюрьмы, не наказывай, никого и ни къ чему не принуждай; по мнѣнію этого учителя, стоить только человѣка предоставить себѣ, стоить только обратиться къ нему съ добрымъ словомъ, и въ немъ непремѣнно восторжествуютъ добрыя начала, и только они одни. Послушаешь какого-либо новомоднаго воспитателя: зачѣмъ говорять, стѣсненія для юныхъ, зачѣмъ правила, предписанія, наказанія? Предоставьте, моль, юнымъ полную свободу, и въ нихъ заговорятъ сами собою добрыя стремленія, добрые порывы.

Послушаешь политика или общественнаго дѣятеля, говорящаго или пишущаго въ газетѣ: опять тѣ же рѣчи о свободѣ, о врожденныхъ добрыхъ свойствахъ человѣка, которыя непремѣнно въ немъ воодѣйствуютъ и дадутъ ему рай на землѣ, лишь бы его не стѣсняли. Какая односторонность, какое заблужденіе, какое упорное нежеланіе видѣть самыя очевидныя истины! Точно какая-то слѣпота обуяла современныхъ дѣятелей и мыслителей, точно не видятъ они, какъ рядомъ съ добромъ живеть и зло, какъ всей идемъ мы въ жизни среди заблужденій, ошибокъ и паденій вольныхъ и невольныхъ; точно не чувствуютъ они въ себѣ самихъ, какъ что-то тянуть наѣзъ на зло при полномъ сознаніи и признаніи, что зло—противно, грѣховно, отвратительно. Это знали и чувствовали даже древніе язычники, наиболѣе вдумчивые, но особенно хорошо познали это и показали людямъ истинные искренніе христиане, наблюдавшіе за своею духовною жизнью. Павелъ ли апостоль не былъ великъ? Но какъ онъ горько и пагубно заблуждался, когда гналь Церковь Божію! Онъ ли не обладалъ силою воли, онъ ли не могъ подавить въ себѣ всѣ дурныя влеченія? Но онъ-то именно и говорить: „Знаю, что не живетъ во мнѣ доброе; желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать его, того не нахожу. Доброе, которое люблю, не дѣлаю, а злое, которое ненавижу, дѣлаю... По внутреннему человѣку соуда-ждаю закону Божію, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ,

противорѣчащій закону ума моего и связующій меня закономъ грѣховнымъ, сущимъ въ членахъ моихъ. Окаяненъ есмь человѣкъ!“ (Римл. VII гл.) Этотъ вопль апостола есть вопль всего грѣшнаго человѣчества. И пока человѣкъ будетъ пить грѣхъ, какъ воду, дотолѣ онъ будетъ въ отчужденіи у Бога, отъ истинной жизни, отъ истиннаго счастья, и всѣ эти преу величеннія надежды, и эта вѣра въ добрыя силы человѣка,—все, что такъ льстить нашему самолюбію, все разлетится въ прахъ и останется безплоднымъ. Тому свидѣтельство и доказательство—опытъ вѣковъ.

Спаситель нашъ въ нынѣ читанномъ евангеліи и даетъ всѣмъ вѣкамъ знаменательный урокъ: грѣхъ есть начало и корень всѣхъ болѣзней и несчастій.

Кто хочетъ добра себѣ и другимъ, кто хочетъ истинно служить благу общества, государства,—тотъ паче всего долженъ бороться съ грѣхомъ. Поставимъ мы себѣ это за правило: будемъ бѣгать грѣха, будемъ вдумчиво и зорко стоять на-стражѣ своего нравственнаго восхожденія, будемъ работать Богу и правдѣ: ибо „скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка, дѣлающаго злое!“ (Римл. II, 9).

И напротивъ: блажень, кому отпущено беззаконіе и прикрыть грѣхъ. Блажень мужъ, которому не вмѣнить Господь грѣха его! (Пс. 31.) Какова была бы жизнь человѣка, если бы Господь не обѣщалъ этого помилованія? Что было бы съ человѣкомъ, если бы каждый грѣхъ, содѣянный имъ отъ временъ дѣтства, тяготѣлъ надъ нимъ справедливымъ Божіимъ гнѣвомъ? Мы бы утонули въ этихъ беззаконіяхъ, и они превзошли бы главу нашу. Тогда преимуществомъ доброго было бы только сплошное и бесконечное страданіе. Ибо чѣмъ утонченнѣе совѣсть, чѣмъ глубже вдумчивость и самонаблюденіе, тѣмъ тяжелѣе было бы человѣку вспоминать всѣ свои грѣхи и паденія.

Но вотъ за покаяніе и вѣру въ искупительныя страданія нашего Спасителя намъ даруется прощеніе грѣховъ. Какое забвеніе прошлаго, какое облегченіе совѣсти, какая бодрость, одушевленіе, подъемъ духа для большаго и большаго нравственнаго восхожденія! Тогда-то вырывается слово великаго и

глубокаго, но не горделиваго, а смиреннаго сознанія человѣкомъ своей нравственной силы,—силы, невиданной въ мірѣ. *Вся могу*, говорить апостолъ, *все могу*, но, прибавляется,—о укрѣпляющемъ меня Иисусѣ!

Будемъ же больше всего на свѣтѣ бояться грѣха и будемъ въ покаяніи о содѣянномъ грѣхѣ искать бодрости и силы: и тогда мы, грѣхами разслабленные, уподобимся евангельскому вѣрующему разслабленному: милосердый Спаситель и намъ скажетъ, видя вѣру нашу: прощаются тебѣ грѣхи твои. И укрѣпятся разслабленныя колѣна, чудо свершится: разслабленный встанетъ и жизнь его, свободная отъ грѣха, будетъ полна и благословенна. Аминь.

Духовная слѣпота и духовное просвѣщеніе.*

„Вся елика преднаписана быша—въ наше наученіе преднаписашася.“

Эти слова мы слышали сегодня въ апостольскомъ чтеніи; по-русски они означаютъ, что все написанное,—разумѣется, въ словѣ Божіемъ,—написано, и даже преднаписано въ наше полученіе.

Такъ ли мы относимся къ этому слову Божію? Ищемъ ли въ немъ руководства жизни? Слушаемъ ли даже внимательно? Любимъ ли читать его, или слушать чтеніе его въ церкви и дома? Какъ часто при чтеніи апостола или евангелія въ церкви мы стоимъ, повидимому, безмолвно, въ молчаливомъ благоговѣніи, повидимому, внимательно, а на самомъ дѣлѣ священныя слова скользятъ по нашей душѣ, какъ вода по стеклу, не проникая вглубь, не трогая сердца. А между тѣмъ, недаромъ предъ всякимъ чтеніемъ слова Божія намъ говорять: „Пре-

* Понченіе въ недѣлю 7-ю; сказано за богослуженіемъ на родинѣ—въ станицѣ Ново-Александровской, Кубанской области.

мудрость!“ Это значитъ, что въ словѣ Божиѣмъ—высшая мудрость,—мудрость не человѣческая, а Божественная, не земная, а небесная. Намъ говорять: „Премудрость прости“; „прости“—это значитъ: будемъ стоять благоговѣйно, насторожившись слухомъ и сердцемъ. Намъ говорятъ: „Воинемъ“, т.-е. будемъ внимательны. Это все показываетъ намъ, что слово Божіе потому и называется такъ, что чрезъ него говорить намъ Самъ Богъ. Оно есть свѣтильникъ стопамъ нашимъ,—свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, оно есть зеркало, въ которомъ мы видимъ свою душу, свои грѣхи, свою жизнь; оно есть свѣча яркая и блестящая, съ которой мы спускаемся въ глубину нашего духа, нашей совѣсти. Весь годъ мы слышимъ и читаемъ слово Божіе; каждый годъ въ извѣстные дни, въ извѣстные праздники и воскресенія мы слышимъ въ церкви одно и то же евангеліе. Но удивительное дѣло,—всегда въ словѣ Божиѣмъ есть что-то новое. Мѣняемся мы сами, старѣемъ, улучшаемся, или ухудшаемся, переносимъ то страданія, то болѣзни, то радость, и въ каждомъ возрастѣ, въ каждомъ душевномъ настроеніи—въ евангеліи и въ прочихъ святыхъ писаніяхъ мы находимъ все новые отклики, объясненія, наставленія. Мы должны читать и слушать евангеліе, какъ говорили древніе наши отцы, не по чернилу, а подъ черниломъ, и тогда оно станетъ постояннымъ зеркаломъ души. Итакъ, что же намъ сегодня предложено въ евангеліи? ¹⁾.

Тяжело положеніе слѣпцовъ, и великое благодѣяніе оказалось имъ милосердый Спаситель. Но есть, братіе мои, другая слѣпота, которая гораздо опаснѣе, гораздо тяжелѣе, чѣмъ слѣпота нашихъ глазъ. Былъ въ древнєе время одинъ мужъ святой и очень ученый—старецъ Дидимъ. Онъ былъ слѣпой. Однажды онъ горько жаловался на свою слѣпоту, на свое несчастіе. Преп. Антоній сказалъ ему въ отвѣтъ: „ты жалуешься, что у тебя нѣть глазъ, которые имѣютъ и безсловесныя животныя и даже самыя маленькия мошки. Оставь жалобы: вѣдь ты имѣешь глаза херувима, ибо ты знаешь Бога, ты знаешь

¹⁾ Повтореніе по евангелію всего евангельскаго сказанія (Ме. IX, 27—35) объ испытаніи слѣпцовъ.

Его законъ, ты видиши ангеловъ, ты видиши то, что не увидеть самый зрячий обыкновенными человѣческими глазами". Такимъ образомъ, можно при слѣпотѣ тѣлесной быть зрячимъ духовно, но и наоборотъ,—можно быть зрячимъ тѣлесно, имѣть глаза и видѣть свѣтъ, и въ то же время быть духовнымъ слѣпцомъ. И Господи,—сколько такихъ слѣпцовъ на свѣтѣ! Всѣ эти невѣроятные, маловѣрные, незнающіе Божественного закона, незнающіе добра и нелюбящіе Еgo—все это слѣпцы духовные! Смотрите, какъ скажился Спаситель надъ слѣпцами: Онъ привелъ ихъ въ домъ, Онъ исцѣлилъ ихъ. Но еще болѣе Онъ жалѣлъ слѣпцовъ духовныхъ, ихъ Онъ училъ цѣлыми днями и ночами по каждому поводу, для нихъ избралъ апостоловъ, для нихъ объяснялъ Свящ. Писаніе, за нихъ пострадалъ, для нихъ основалъ Церковь Свою, да гъ паstryрей и учителей. И наемъ, паstryрямъ и учителямъ, Онъ прежде всего повелѣлъ: „идите и учите всѣ народы, крестите ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учите ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ". Итакъ, если мы хотимъ подражать нашему Спасителю, то мы должны всею душою возненавидѣть тогъ грѣхъ, который живеть въ насть, то невѣріе и маловѣріе, которыми мы страдаемъ; мы должны всѣми силами души стремиться къ свѣту,—къ тому, чтобы просвѣтить себя и другихъ. Справедливо говорить пословица, что ученье есть свѣтъ, а неученѣе—тьма. Но справедлива, братіе, и другая пословица, что не всякое ученье душѣ во спасеніе; да, не всякое ученье душѣ во спасеніе... Гдѣ же найдемъ настоящее и доброе ученье? Прежде всего въ Церкви Христовой и въ храмѣ Божіемъ. Здѣсь священники говорятъ не свое, а Божественное, здѣсь мы, паstryри, хотя сами мы люди простые, часто грѣшные, недостойные, дурные,—изъ нихъ же первый я,—но мы передаемъ вамъ слово Христово, вѣчное, небесное слово. Итакъ, сюда приходите чаше, сюда приводите своихъ дѣтей, здѣсь учитесь всему добруму и душеполезному ученію. Какъ однимъ дымомъ не затопишь дома, такъ отдѣльными собраніями, безъ церкви и паstryрей, не согрѣешь души. Камень холодный, но когда станемъ бить камень о камень, и онъ станетъ горячимъ. Такъ и люди, когда всѣ вмѣстѣ въ церкви. И помните, что согласно

сь уроками слова Божія только то, что не противъ Церкви и что ею благословлено, что согласно съ ея наставлениями,—это и есть настоящее ученіе. Такому ученію помогайте и сочувствуйте. Будутъ ли читать хорошую книгу, откроютъ ли библиотеку, читальню, будутъ ли народный чтенія,—если все, что тамъ видите и слышите согласно съ ученіемъ нашей вѣры, если тамъ не подрываются христіанство, всему этому сочувствуйте всею душою и всему помогайте¹⁾). Вамъ внушаютъ, что никогда не поздно учиться и надо учиться всю жизнь: это вѣрно. Но все же трудно учиться взрослому. Поэтому особенные заботы надобно прилагать о дѣтяхъ. Ихъ надо привыкать къ церкви, ихъ надо посыпать въ школы. Вамъ, взрослые, вамъ, станичники - общественники, надобно помнить это. Не нужно щадить средствъ, грѣшно скучиться, когда дѣло идеть обь обученіи дѣтей, о содержаніи школы. Вотъ была бы вамъ честь и хвала, если бы по краямъ вашей многолюдной станицы (до 10.000 населенія) основаны были вами церковные школы, если бы вы помогли своими жертвами оть общества церкви и духовенству устроенію этихъ школъ ради вашихъ собственныхъ дѣтей! И здѣсь относительно школы помните, что не всякое ученіе душѣ во спасеніе и не всякая школа заслуживаетъ участія и поддержки. Если дѣтей учать знать Бога и Его законъ, почитать власть, уважать пастырей духовныхъ, любить и уважать родителей и старшихъ, то это истинная школа и истинное ученіе. И пусть ребенокъ хотя и меньше знать будетъ, меньше разовьетъ свой умъ, но выйдетъ хорошимъ сыномъ и честнымъ человѣкомъ. Но если въ школѣ не учать страху Божію, если все вниманіе обращается только на умъ, то, право, лучше совсѣмъ остаться безъ ученія! Отъ того, что онъ умный, да злодѣй, никому не будетъ тепло, напротивъ, умный злодѣй опаснѣе глупаго. Это надобно помнить въ заботахъ о просвѣщеніи. Но самое главное—въ заботахъ о просвѣщеніи дѣтей надобно помнить, что настоящее воспитаніе, настоящее просвѣщеніе ребенокъ получаетъ дома, въ сво-

¹⁾ Сказано въ виду напряженной нигилистической пропаганды образовавшагося, къ сожалѣнію, около школы кружка духовныхъ развратителей народа...

ей семье. Что изъ того, если въ школѣ его учать молитвамъ, а дома у него никто не молится? Что изъ того, что въ школѣ ему говорять, какъ дурно пьянствовать, а дома онъ видить отца и братьевъ пьяными, а мать распутницу? Что изъ того, что ребенку въ школѣ будуть говорить „люби ближняго“, будь кротокъ, обходителенъ, будь терпѣливъ, а дома онъ видить, какъ извергъ-отецъ колотить жену—его мать, или какъ дома всѣ живутъ въ ссорѣ, въ алобѣ, въ постоянной распѣ? Что изъ того, что ребенку въ школѣ будуть говорить „не укради“, а дома онъ видить, что вокругъ всѣ воруютъ и отъ воровства наживаются? Что изъ того, что ребенку въ школѣ говорять „не обманывай“, а дома онъ слышить сквернословіе, обманъ, клевету и всякое гнилое слово; если въ школѣ учать: „чиши отца“, а дома его отецъ обижаетъ дѣда, бабку, своихъ братьевъ и сестеръ? ¹⁾ Вотъ о чёмъ, вотъ объ этомъ домашнемъ и семейномъ просвѣщеніи надо позаботиться!

Мы должны просвѣщать себя и другихъ, какъ Спаситель просвѣтилъ слѣпыхъ, о которыхъ мы сегодня читали въ евангелии. И слѣпцы исцѣленные признали Бога и Спасителя. И для насъ самый вѣрный путь просвѣщенія есть наши дѣла и вѣрность ученію Спасителя. Самый вѣрный путь слова апостола: „братіе, ходите, какъ чада свѣта“, и слова Христа: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видять ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Который на небесахъ“. Аминь.

¹⁾ Все взято изъ жизни, по указанію мѣстнаго духовенства.

Поклоненіе святынѣ.*

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти?
(Ме. XI, 7).

Впервые эти слова были сказаны Господомъ Спасителемъ въ той бесѣдѣ Его съ учениками и народомъ, въ которой Онъ воздалъ высокую похвалу великому пустыннику древности—святому Предтечѣю Иоанну, привлекшему своею проповѣдью въ пустыню множество народа.

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти?—можно было обратить вопросъ къ народу, приходившему съ незапамятныхъ временъ, въ теченіе минувшихъ 14 вѣковъ, и къ этому священному мѣсту, къ одному изъ послѣдователей житія Иоанна Предтечи—къ преподобному Антонію Мартмкопскому—и при его жизни, и послѣ его смерти ¹⁾.

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти и вы, возлюбленные братья, гости и богомольцы обители преподобнаго, сопшедшіеся нынѣ на торжество обновленія его храма?

Воистину, предъ нами вѣчно-поучительное явленіе! Вотъ

* Слово при освященіи храма въ обители преподобнаго Антонія Мартмкопскаго.

Монастырь Мартмкопскій, основанный въ VI вѣкѣ, около 200 лѣтъ назадъ былъ совершенно разоренъ леагицами. Бывшій екзархъ Грузіи Исидоръ обратилъ вниманіе на разрушенную святыню и на похороненіе благочестивыхъ почитателей преподобнаго Антонія, основателя обители, воздвигъ каменный храмъ надъ гробомъ преподобнаго. Похороненіе поступали не только отъ православныхъ, но и армянъ, которые и донъятъ первѣко посѣщали обитель. Храмъ былъ оконченъ и освященъ 22-го августа 1855 года. Древній же храмъ обители посвященъ памяти великомученика Георгія и преподобнаго Антонія Мартмкопскаго. Съ теченіемъ времени возсозданная обитель и ея храмы достаточно обветшали. Въ настоящее время съботами высокопреосвященнаго Алексія монастырь приведенъ въ обновленный видъ. Освященіе обновленного храма высокопреосвященнаго Алексія, екзархъ Грузіи, совершилъ лично 14-го августа 1902 года, при большомъ стеченіи народа. Найденные древнія пѣснопѣнія въ честь святого на грузинскомъ языке переведены на славянскій языкъ, напечатаны на обоихъ языкахъ и раздавались богоомольцамъ.

1) И въ пѣсняхъ церковныхъ (I-я пѣснь параклиса) преп. Антоній уподобляется св. Иоанну Предтечѣ.

почти полторы тысячи лѣтъ назадъ, среди народа еще недавно христіанскаго, еще не успѣвшаго стражнуть съ себя грубость язычества, въ пустынѣ, на уединенной горѣ явился здѣсь смиренный инокъ, пришлецъ изъ далекой земли. Изможденный тѣломъ отъ пустынныхъ подвиговъ, отчужденный отъ общенія съ людьми, незнакомый съ дѣлами житейскими¹⁾, онъ, однако, сдѣлался свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, онъ умѣлъ вліять на окружающій міръ, разбудить спящія души, зажечь холодныя сердца, вдохнуть обаяніе добра и святости. Къ нему, жителю пустыни, приходятъ за указаніями люди житейскіе, искушенные долговременнымъ и многообразнымъ опытомъ, сложными жизненными отношеніями, нерѣдко зачертствѣвшіе въ порокѣ, въ служеніи себялюбію, приходятъ и, подобно слушателямъ Предтечи, спрашиваются у него: „Что намъ дѣлать?“ И каждой душѣ разсказали онъ ея печальную исторію, въ каждой душѣ зажегъ онъ священный огонь покаянія, указалъ путь ко Христу,—къ небу, вѣчности и спасенію. Совершается странное, повидимому, явленіе: отшельникъ, ищущій уединенія, человѣкъ, живущій внутреннею жизнью, весь отдавшійся тихому созерцанію духовному, затворившійся отъ суеты міра въ уединенномъ столпѣ, влечеть къ себѣ оставленный міръ, приковываетъ властно суетныя, житейскими заботами отягченныя сердца.

Умеръ этотъ инокъ, но ни имя, ни образъ его, ни могила не остались забытыми. Со временемъ его смерти, въ теченіе полторы тысячи лѣтъ, сколько пронеслось событий надъ этимъ краемъ и народомъ, сколько было великихъ и славоюувѣчанныхъ царей, правителей, полководцевъ!.. И что же: народъ забылъ ихъ имена, изгладились слѣды и памятники ихъ жизни и смерти, а гробъ преподобнаго Антонія, смиренного инокомолитвенника, подвизавшагося на уединенномъ столпѣ, хранится съ благоговѣйнымъ почитаніемъ, имя его славно, обитель его какъ бы недоступна ни врагамъ, ни сокрушающему времени, постоянно возникая и обновляясь изъ развалинъ. Что

¹⁾ Самое слово Мартынон(ели) съ грузинскаго значить: уединенно живущій, анахоретъ.

это значить? Присмотритесь къ исторіи, къ окружающей жизни, къ литературѣ—выразительницѣ жизненныхъ теченій... Изъ мрака пустынныхъ пещерь, изъ уединенія горъ и лѣсовъ не возсіали ли надъ міромъ великие подвижники? Перенеситесь отъ благословенной Грузіи къ благословенной Россіи. Въ лицѣ небезызвѣстнаго старца, выведенаго въ послѣднемъ произведеніи нашего знаменитаго писателя (Достоевскаго) и, говорить, списаннаго съ дѣйствительности, въ укромныхъ, пустынныхъ мѣстахъ богомоленій, въ людныхъ центрахъ общенародныхъ паломничествъ не повторяется ли постоянно и теперь отмѣченное явленіе? Не наблюдается ли оно съ особеною силою и въ нашемъ православномъ русскомъ народѣ, который отличается изумительною наклонностью къ поискамъ святыни, стремленіемъ къ идеаламъ, который не нашелъ лучшаго и болѣе высокаго прозванія своей родинѣ, какъ *святая Русь*? И теперь старцы, затворники и подвижники (Серафимъ Саровскій, Амвросій Оптинскій, Феофанъ Вышинскій и друг.), люди религіознаго склада, совершенно отказавшіеся отъ заботъ о себѣ, въ родѣ извѣстнѣйшаго пастыря Кронштадтскаго,—всѣ они влекутъ къ себѣ сердца, собираютъ около себя множество людей самыхъ разнообразныхъ положеній и состояній. Палестина и Аeonъ, Киевъ и Москва, Сергіева лавра и Почаевъ, Соловки и Валаамъ, Черниговъ, Задонскъ, Воронежъ и Иркутскъ, Саровъ и Оптино,—всѣ сколько-нибудь замѣчательные монастыри постоянно наполнены богомольцами. Изъ далекихъ русскихъ губерній идутъ богомольцы и къ намъ на Кавказъ, въ Новый-Аeonъ, ко св. Нинѣ въ Бодбійской обители. Еще такъ недавно и здѣсь, у преподобнаго Антонія, побывали дорогие, издалека пришедшиіе богомольцы—тамбовские крестьяне... ¹⁾).

Отъ многихъ, и притомъ часто отъ образованныхъ людей, можно услышать то холодное, то озлобленное осужденіе этого явленія, признаніе его бесполезнымъ или даже вреднымъ. А между тѣмъ, эти богомоленія, эти хожденія ко святымъ мѣстамъ и къ благочестивымъ людямъ не прекращаются, а, по-

¹⁾ Русскіе и задолго до присоединенія Грузіи къ Россіи приходили въ нашъ край для поклоненія святымъ. См., наприм., „Проскиннтарій“ Арсенія Суханова, путешествіе казанскаго купца Василія Гагары и друг.

видимому растутъ и заставляютъ признать явленіе это жизненнымъ и необходимымъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, оно означаетъ?

А означаетъ оно, братіе, бессмертную и несравненную и превосходнѣйшую красоту добродѣтели и святости, которая влекутъ къ себѣ сердца людскія властно и неудержимо, которыхъ, по самой природѣ человѣческой души, дарованы и назначены ей, какъ блага высочайшія и для нея единственно желанныя. И пока человѣкъ останется человѣкомъ, онъ будетъ всегда искать святости, искать напряженно и томительно, будеть кланяться святынѣ, будеть стремиться жить въ ея духовномъ благоуханіи. Ибо лучше день единъ во дворѣхъ Бога паче тысячи во дворѣхъ грѣшничихъ (пс. 83, 11), ибо и воля Божія о каждомъ изъ насть есть святость наша (1 Сол. IV, 3). Въ нравственномъ величіи, въ духовной силѣ и красотѣ—разгадка того, что пустынники, подобные преподобному Антонію, отрѣшенные отъ міра, собираютъ вокругъ себя и при жизни и по смерти несмѣтныя толпы народа.

Урокъ всѣмъ намъ: урокъ цѣнить и любить не вѣшній блескъ силы и власти, не вѣшнюю приманку успѣха и мірской славы, а внутреннюю, неувѣдаемую и вѣчную красоту добра и святости, предъ которыми всякая земная отличія являются ничтожнымъ тряпцемъ, жалкимъ и негоднымъ, ничтожною и дешевенькою мишурою. Учить и святой апостоль: не вѣшніе уборы, не золото и серебро, не красота одежды, но потаенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ непорочнаго духа—сіе есть угодно предъ Богомъ (1 Петра III, 3—4).

И благо намъ, если и насть влечеть къ себѣ неудержимо всякая духовная красота, безъ тѣни разлагающаго критиканства, тайной зависти и недоброжелательства; благо намъ, если мы не утеряли чутья и вкуса духовнаго, не утеряли этого возышающаго и облагораживающаго стремленія поклониться нравственному величію, радоваться виду святости, искать ее, ей кланяться, жаждать ея общенія и въ ея предстояніи спрашивать, въ голосѣ сердца, въ глубинѣ совѣсти: что намъ дѣлать? Умрутъ эти стремленія, замолкнутъ, ослабнутъ, порвутся эти душевныя струны—умреть тогда и человѣкъ, какъ чело-

въкъ, и останется въ немъ только умный звѣрь, останется одна пищеварительная машина. Горькое, устрашающее знаменіе въ томъ, что почитаемая всенародно святыня не удерживаетъ алчности грабителя, что святая обитель не останавливаетъ поднятой руки разбойника; недаромъ ужасъ объялъ сердца при вѣсти о недавнемъ ограбленіи этой святой обители и о возмутительномъ насилии во время богослуженія надъ беззащитными иноками и богомольцами. И напротивъ—добрый знакъ, что православный людъ нашъ такъ приверженъ къ богомоленіямъ и паломничествамъ.

Добрый знакъ, что и вы, братья, пришли сегодня къ преподобному.

Ищите же всю жизнь свяности, кланяйтесь ей духомъ и тѣломъ, какъ пришли поклониться сегодня! И да будетъ у насть предъ духовными очами образъ преподобного Антонія, великаго носителя свяности, нравственного величія, красоты духовной и благодати. Такіе люди, умирая тѣломъ, живы вѣчно духомъ, побѣждаютъ самое время и чрезъ тысячелѣтія освѣщаютъ и согрѣваютъ людскія сердца. Одинъ изъ учителей церковныхъ (Симеонъ Матафрасть) говорить о нихъ: „это звѣзды путеводная на небѣ духовномъ“.

Взирая на звѣзды эти, позаимствуемся и мы отъ свѣта ихъ. Аминь.

Женщина и женское образованіе.*

Не безъ чувства смущенія услышалъ я призывъ со стороны достопочтенныхъ устроителей этого вновь открываемаго учебнаго заведенія—совершить сегодня здѣсь священнодѣйствіе молитвы и учительнаго слова. Не безъ чувства смущенія я

* Рѣчь на молебствіи при открытии Карской женской прогимназіи 8-го сентября 1902 года.

выступаю для проповѣданія слова христіанской истины и въ настоящія глубоко важныя и торжественныя, а для открываемой прогимназіи—поистинѣ историческая минуты. Въ эти минуты, столь важныя, въ этомъ собраніи, столь необычайномъ, хотѣлось бы коснуться и вопросовъ не временныхъ и случайныхъ, не частныхъ и мелочныхъ; хотѣлось бы затронуть основные и важные интересы современности, въ ихъ отношеніяхъ къ образованію и воспитанію вообще, и въ частности—къ образованію и воспитанію женскому. Но въ наше тревожное время, при господствующей среди насъ прискорбной разноголосицѣ мнѣній и возврѣній, кто способенъ достойно сказать объ этихъ вопросахъ, сказать и съ должною силою авторитета, и съ должною силою одушевленія и покоряющей убѣдительности? Религія и наука; религія и воспитаніе; религія и школа; стремленія сдѣлать человѣка сыномъ неба—со стороны однихъ, а со стороны другихъ—ожесточенно настойчивыя желанія указать человѣку мѣсто только на землѣ и заставить его совершенно забыть о небѣ; христіанство и современность; духъ царства Божія и духъ міра; евангельское ученіе о нравственномъ достоинствѣ и назначеніи женщины и стремленія современного феминизма,—всѣ эти вопросы какъ бы сразу тѣснятся въ сознаніи при открытии нового женскаго учебнаго заведенія у всякаго, кто вдумчиво прожилъ послѣднія десятилѣтія нашей общественной жизни. Вопросы тревожные, насущные, глубоко важные!

Вотъ только-что мы прослушали сейчасъ старую и извѣстную, но вѣчно юную и трогательную исторію благословенія Спасителемъ дѣтей, возобновили въ сознаніи Его благостныя слова о малыхъ сихъ. Въ пору полнаго и, повидимому, окончательнаго паденія семьи, въ вѣкъ, когда воспитаніе дѣтей считалось занятіемъ унизительнымъ и передавалось въ руки раба, какъ бы новый токъ жизни внесенъ быть въ одряхлѣвшій и гибнувшій общественный строй древняго человѣчества прочитанными сейчасъ евангельскими словами. Дѣти въ христіанскомъ мірѣ стали не только равноправными членами царства Божія, но и предметомъ особо нѣжныхъ заботъ и попеченій. Первые христіане рѣзко отдѣлились отъ языческой жизни прежде всего своимъ семейнымъ строемъ и воспитаніемъ

дѣтей. Но и въ составѣ семьи, и въ общемъ строѣ жизни никто не почувствовалъ такой замѣтной и благодѣтельной перемѣны, какъ *женщина*. Ея *возвышение, признаніе за нею духовной ценности и ея равноправность* съ мужчиной въ области духа,—все это впервые и провозглашено и осуществлено было христіанствомъ. Мы проходимъ намѣренно молчаніемъ попытки греческихъ философовъ поднять до себя женщину (гетеры) Эти попытки, притомъ единичныя и исключительныя, имѣли въ виду только умственное развитіе женщины, отъ которой требовалась при этомъ слишкомъ тяжкая жертва: потеря стыдливости, нарушеніе цѣломудрія и чистоты, оскорблѣніе общественной нравственности. Лучшая часть женского міра не въ силахъ была рѣшиться на такую жертву, которая, въ концѣ концовъ, могла и должна была принести обратные желаемымъ результаты и унизить женщину еще болѣе. Не то было въ христіанствѣ. Инстинктивно почувствовала это женщина, и пошла навстрѣчу небесному благовѣстію, новому ученію жизни съ тою горячностью чувства, съ тою беззавѣтною преданностью, на которую способно только женское сердце. И откуда только брались силы у этого слабаго, доселѣ презрѣннаго и какъ бы стоящаго въ жизни и дѣятельности существа? Она проповѣдуетъ христіанство наравнѣ съ апостолами; она первая спѣшитъ на церковное собраніе; она же первая въ благотворительности и служеніи ближнимъ; она безтрепетно умираетъ за Христа на кострахъ и публичныхъ казняхъ; она тихою и не-примѣтною работою воспитанія молодыхъ поколѣній подготавливаетъ будущихъ крѣпкихъ и надежныхъ воиновъ *царствія Божія*. „Ахъ, какія женщины у этихъ христіанъ!“—вырвался невольно восторженный кликъ у одного изъ самыхъ ярыхъ и притомъ образованныхъ враговъ христіанства (философъ Ливаній). Равная мужамъ въ трудѣ и подвигѣ, равная имъ въ обязанностяхъ, женщина, естественно, становится равной имъ и въ духовно-нравственныхъ правахъ. Уступая мужчинѣ въ физической силѣ, уступая ему въ тѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, которая, естественно, были недоступны для нея въ силу физического ея неравенства съ мужчиной, женщина въ главномъ и существенномъ является равной мужчи-

и великимъ религиозно-нравственнымъ равенствомъ предъ Богомъ,—равенствомъ своей духовной природы, богоизданной и богоподобной, имѣющей тѣ же силы и средства, то же достоинство искупленія и благодатныхъ даровъ и тѣ же нескончаемые, вѣковѣчные идеалы, которые дарованы и мужчинѣ. Ярче всего нравственное достоинство и духовное равенство женщины съ мужчиной выступаетъ въ образѣ той Преблагословенной Дѣвы, рожденіе Которой сегодня свѣтло празднуетъ св. Церковь. У насъ мало вдумываются въ Ея образъ и въ значеніе Ея жизни и особенно—дѣвическаго обѣта. Среди народа, который указывалъ женщинѣ только одну обязанность и одно достоинство—чадородіе, въ вѣкъ, когда въ семье, въ рожденіи дѣтей, какъ будущихъ воиновъ и гражданъ, женщина считалась и называлась „праздною“, существомъ лишнимъ и негоднымъ,—является Дѣвушка, Которая безъ шума, но твердо, вопреки общимъ взглядамъ и обычаямъ, отказывается отъ замужества и посвящаетъ Себя особому роду духовной жизни, который избирали только лучшіе изъ мужчинъ. Обѣтъ былъ выполненъ до конца, и этимъ наглядно и для всѣхъ ясно показана была полная духовная равноправность женщины съ мужчиной, какъ существа духовно-нравственнаго; стало ясно, что и въ семье, независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ опредѣлений, сама по себѣ, по своей духовной сущности, женщина имѣеть цѣну и достоинство предъ людьми и Богомъ. Когда же Благословенная въ женахъ по окончаніи земного поприща исповѣдуема была вселенскою Церковью, какъ честнѣйшая херувимъ и серафимъ; когда Она достигла той высоты святыни, до которой не достигъ никто изъ земнородныхъ: тогда предъ лицомъ всего міра, предъ лицомъ всѣхъ вѣрующихъ было поднято значеніе женщины и ея нравственное достоинство до высоты поистинѣ невиданной, невообразимой, недосыгаемой. Не мужчина, а женщина достигла этой высоты, и посему Дѣва Пречистая есть украшеніе, защита, хвала и радость для женщины всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Не то ли говорить намъ все прошлое христіанскихъ народовъ? Посмотрите на европейскіе народы, смынчившіе въ историческомъ преемствѣ одряхлѣвшій міръ греко-римской:

сколько вѣковъ держалось и держится тамъ особо-благоговѣйное почитаніе Мадонны! И развѣ это всеобщее, особенное почитаніе ея не отразилось на положеніи женщины? Посмотрите на нашъ народъ святорусскій! Вотъ среди тьмы его языческой жизни забрезжилъ впервые свѣтъ христіанства. Что же мы прежде всего видимъ въ народѣ, жившемъ въ грубости и множествѣ, строившемъ свой семейный бытъ на умыканіи женъ и дѣвицъ? Въ Киевѣ, матери городовъ русскихъ, первый и главный храмъ, святыня всенародная, устраивается въ честь Богоматери; это фактъ огромной важности въ отношеніи къ предмету, о которомъ у насъ рѣчъ. Отливается потомъ русская жизнь къ сѣверо-востоку, — опять и столъные Владимиѳъ съ Москвою, и другіе постепенно возникающіе центры русской государственности и гражданственности (Кострома, Нижній, Казань) имѣютъ главными святынями храмы Богоматери, и призывъ: „постоимъ за домъ Пресвятая Богородица“ становится всенароднымъ кличемъ на святой Руси. Нетрудно понять, что это означало и какое дѣйствіе производило на семейную жизнь народа, и нетрудно видѣть, какъ постепенно, подъ вліяніемъ христіанства, должно было подниматься значение женщины, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи лучшихъ представителей общества.

Что бы ни говорили ярые послѣдователи феминизма, женщина, вѣр духовнаго своего склада, духовной красоты и нравственнаго достоинства, предоставленная только животной, беспощадной борьбѣ за существованіе, какъ несомнѣнно слабѣвшая физически, должна была бы уступить мужчинѣ поле жизни. Вѣр религіознаго освѣщенія, вѣр духовной своей равноправности, она быстро низвелась бы до положенія первобытнаго рабства и униженія, изъ которого никогда не могла бы подняться. Сила ея — нравственная, духовная сила. И чѣмъ выше въ духовномъ отношеніи то или другое общество, чѣмъ болѣе оно способно цѣнить силу и красоту духовную, тѣмъ выше и почетиѣ будетъ среди него положеніе женщины. Но духовныя сокровища, дающія женщинѣ цѣну и возможность не только сравняться съ мужчиной, но, какъ нерѣдко бываетъ, и превзойти его этими духовными сокровищами, вообще впервые оцѣ-

нило и, въ частности, ярко освѣтило ихъ въ женшинѣ христіанство. Отсюда понятно: и въ томъ, что есть несомнѣнно вѣрнаго въ современной борьбѣ за права женщины, существенное и главное принадлежитъ христіанству; чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о положеніи женщины въ древнемъ и современномъ язычествѣ и мусульманствѣ; послѣднее въ своей религіозной догмѣ даже не отводить женшинѣ мѣста въ загробной жизни. Правда, многіе изъ современныхъ защитниковъ правъ женщины отошли отъ христіанства и въ своихъ воззрѣніяхъ исходятъ какъ-будто изъ другихъ началъ, но это только повидимому: въ томъ, что есть истиннаго и цѣннаго въ ихъ воззрѣніяхъ, они только повторяютъ то, что давно провозглашено христіанствомъ; только повторяютъ они это въ иной, нерѣдко изуродованной формѣ. Это—рѣка, объ источникѣ которой забыли; это—сумерки, что свѣтять отраженнымъ свѣтомъ солнца, которое уже скрылось и невидно за горизонтомъ...

Каково же поэтому должно быть отношеніе женщины къ религіи и вѣрѣ Христовой? Каково же должно быть по направленію образованіе и воспитаніе, которое дается женшинѣ и дома, и въ назначенной для нея школѣ? И каково безуміе, и какова неблагодарность, обуявшая нѣкоторыхъ ревнителей женскихъ правъ и образованія, которые указываютъ женшинѣ путь къ равноправности и возвышенію въ безрелигіозности и отпаденіи отъ Церкви!

Есть научный законъ, непреложно и неизмѣнно наблюдаемый въ природѣ,—законъ согласованія съ образцомъ, съ типомъ. По этому закону каждое существо воспроизводить въ жизни то, что могутъ заложено въ его типѣ; слѣдованіе этому закону обеспечиваетъ существу жизнеспособность; отступление отъ него влечетъ неминуемое вымираніе. Тотъ же законъ и съ тою же непреложностью повторяется и въ мірѣ духовномъ; отступление отъ основныхъ началъ человѣческаго духа, сущность котораго есть богоподобіе, дѣятельно развивающее и осуществляющее, влечетъ за собою медленное, но неуклонное вырожденіе... Примѣните это къ женшинѣ. Ея сила и сродная сфера—область чувствъ, живыхъ и глубокихъ; среди этихъ

чувствъ главныя вездѣ и всегда—чувство религіозное и чувство нѣжной любви, доходящей до самоотверженія. Выполненіе этихъ началъ дѣлаетъ женщину сильною и бодрою, потому что она чувствуетъ себя тогда въ сродной и естественной сферѣ, какъ птица въ воздухѣ или рыба въ водѣ; отступленіе отъ этихъ началъ, напротивъ, влечетъ за собою слабость, безсиліе, вырожденіе и душевное уродство. Трудно представить себѣ что-либо противнѣе этого уродства—безрелигіозной женщины... Къ несчастью, встрѣчается оно нынѣ нерѣдко. Зло, какъ и добро, и даже иногда болѣе, чѣмъ добро, отличается стремлѣніемъ подчинять себѣ окружающее и какъ можно шире распространяться... И вотъ, въ виду этого-то и тѣснится въ душѣ тревожный вопросъ: что-то принесетъ обществу это новое учебное заведеніе? Радость или горе? Свѣтъ или тьму? Станетъ ли оно на сторонѣ добра или зла? Время вѣдь переживаемъ мы, поистинѣ, тяжелое!

Пожелаемъ же, чтобы отмѣченное уродство духовное далеко было отъ этихъ стѣнъ и чувствовало бы себя здѣсь чуждымъ и одинокимъ. Пожелаемъ, чтобы бѣсъ невѣрія и противогосударственныхъ воззрѣній, къ прискорбію, нынѣ слишкомъ близко подходящій къ нашей молодежи, находилъ себѣ здѣсь постоянный могучій, побѣдоносный отпоръ въ твердыхъ религіозно-патріотическихъ чувствахъ какъ учащихъ, такъ и учащихся. Пожелаемъ, чтобы свѣтъ религіозной вѣры никогда не померкъ въ этомъ новомъ разсаднику знаній научныхъ. Пожелаемъ, чтобы образъ Богоматери, лучшей и святѣйшей изъ женщинъ, былъ бы не только изображенъ здѣсь художествомъ на этой иконѣ, но чтобы она была глубоко начертанъ и въ сердцахъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя будутъ получать здѣсь образованіе и воспитаніе.

Мы переживаемъ знаменательное время. Во дни, когда въ одной и притомъ передовой націи во имя свободы грубымъ насилиемъ изгоняютъ религіозныхъ женщинъ изъ религіозныхъ школъ, въ это время съ высоты самодержавнаго престола русскаго раздался призывъ къ руководителямъ школьнаго дѣла вести воспитаніе подростающихъ поколѣній на твердомъ основаніи христіанской вѣры. Мы разумѣемъ послѣдній рескриптъ

Государя Императора министру народного просвещения. Востиину, благовременное сказано слово; тревожные события послѣднихъ лѣтъ властно заставляютъ въ него вдуматься. Да будетъ благословено имя боголюбиваго Царя, да будетъ сильно и дѣйственно Его благое слово, и пусть оно отрезвить неразумныхъ. Ибо есть, безъ сомнѣнія, и въ средѣ нашего образованнаго общества лица, которыхъ не прочь выразить сочувствие и словомъ и дѣломъ отмѣченому проявленію европейской лже-свободы и возвигнуть мечъ и въ жизни и въ школѣ противъ Христа и Его служителей. Если гдѣ, то ужъ около школы и въ школѣ таковыи *и нѣкѣ мѣста!* Въ русскомъ царствѣ, гдѣ *элементы религиозные и государственные* переплелись и срослись между собою, какъ нѣчто цѣльное и единое, у кормила правленія школьнаго не могутъ стоять люди безрелигиозные и враждебно настроенные противъ Церкви. Да, имъ адѣсь не мѣсто, и слава Богу, что словомъ царскимъ властно сказано этимъ одушевленнымъ служителямъ зла: руки прочь!.. Если въ нихъ есть хоть немного самой простой порядочности; если они не обратились въ совершенно безчестныхъ людей; если они не лукавые и низкіе предатели, самыи фактъ службы дѣлу народнаго образования показывающіе принадлежность тѣмъ начальамъ, которыхъ на дѣлѣ они предательски разрушаютъ; если въ нихъ есть хоть сколько-нибудь добросовѣстности,—они должны отойти отъ святого дѣла обучения и воспитанія дѣтей. Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, яко таетъ воскъ отъ лица огня! Ибо на весь вѣкъ сказано народамъ христіанскимъ слово Спасителя: „оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ“...

Милыя дѣти! Къ вамъ послѣднее слово: Поздравляемъ васъ съ открытиемъ прогимназіи и съ началомъ учебныхъ занятій! Радуемся за васъ и молимъ и желаемъ вамъ радостей и свѣтлого будущаго. Растите, милыя, Богу нашему во славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви святой Божіей, дорогому отечеству нашему на славу! Вотъ сегодня миллионы христіанъ воспоминаютъ рожденіе маленькой дѣвочки Маріи, Дочери Іоакима и Анны. Смотрите, это была такая Дочь, что за Нее и доселъ, почти 2000 лѣтъ, христіане прославляютъ Ея свя-

тыхъ родителей; мало того: о рождениі Ея говорится въ прѣ-
вѣньяхъ церковныхъ, что оно возвѣстило радость всей вселенной.
Вотъ и сейчасъ предъ вами, дѣти, Ея образъ; онъ будеть
здесь постоянно у васъ предъ глазами. Будьте же подража-
тельницами Пречистой Дѣвы! Несите радость всѣмъ окружаю-
щимъ васъ; вырастайте и учитесь для того, чтобы всѣмъ око-
ло васъ было радостно, тепло и свѣтло. Но помните, что од-
ними знаніями наукъ вы этого не достигнете. Оттого, что вы
хорошо выучите грамматику или ариѳметику, никому около
васъ не станетъ ни свѣтлѣе, ни теплѣе. Нужно, чтобы ваши
знанія были согрѣты вѣрой Христовой, любовью къ Богу и
Его закону, усердию молитвою. Видѣли ли вы зимою солнце?
Оно ярко свѣтить, да не грѣть. Это вамъ подобіе науки безъ
вѣры. Видѣли ли вы лѣтомъ знойное солнце въ безводной
мѣстности. Оно и грѣть, оно и знойно, но безъ влаги вмѣсто
того, чтобы оживлять растеніе, оно убиваетъ его. Это вамъ по-
добіе человѣка, очень умнаго, много знающаго, но не имѣю-
щаго добра сердца, не знающаго и не исполняющаго закона
Христова, закона любви къ ближнимъ.

Растите же, милыя, учитесь и учитесь, богатѣйте позна-
ніями и становитесь все болѣе и болѣе умными, учеными; но
становитесь вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе и болѣе вѣрующими,
набожными, добрыми, кроткими, любящими! Какъ нѣкогда еван-
гельскихъ дѣтей, да благословить и васъ, дѣти, Христосъ Спа-
ситель и да осѣнить васъ Своимъ покровомъ Пресвятая Бого-
родица! Аминь.

Трудъ.*

Повторимъ въ сознаніи нашемъ, возлюбленныя дѣти, слы-
шанную сегодня за литургіей евангельскую притчу¹⁾.

* Нед. 22-я; сказано ученикамъ при обозрѣніи школы Грузинской епархіи.

¹⁾ Читается по евангелію (Лук. XVI, 19—22) притча о богатѣ и Лазарѣ.

Такъ погибъ богачъ для вѣчности и спасенія. За что же ему такое наказаніе? За что онъ пострадалъ и удаленъ отъ Бога навѣки? Когда вдумаешься въ притчу, то видишь, что изображенный въ ней богачъ былъ лучше многихъ другихъ: ничего не сказано, чтобы онъ нажилъ богатство нечестно, чтобы онъ былъ убѣйца, или грабитель, или обманщикъ; не сказано, чтобы онъ обижалъ своихъ ближнихъ. Многіе ли изъ современныхъ богачей позволили бы нищему Лазарю лежать у воротъ ихъ роскошныхъ домовъ и питаться крошками отъ ихъ стола? Богачъ евангельскій былъ добрѣе ихъ и ничего злого бѣдняку онъ не сдѣлать. За что же, однако, онъ осужденъ? Неужели за то только, что онъ былъ богатъ? Такъ нерѣдко думаютъ и говорятъ большою частью бѣдняки въ порывѣ завистливаго озлобленія.

Но такъ разсуждать, значитъ—разсуждать не по-христіански. Слово Божіе нигдѣ не говорить намъ, чтобы богатство было само по себѣ грѣхъ, а бѣдность—добродѣтель. Если бѣдность не порокъ, то и богатство—не укоризна; если бѣдные не спаслись въ царствѣ Божіемъ только за свою бѣдность, то и богачи не погибнутъ только за свое богатство. Яркій примѣръ и наглядныя тому доказательства представлены въ притчѣ же: Авраамъ былъ богатъ при жизни, очень богатъ, имѣлъ стада,—много скота, имѣлъ много серебра и сотни рабовъ; однако, по изображенію разсказа, онъ утѣшается въ раю, а богачъ притчи—въ адѣ.

Было бы долго выяснять подробно вины богача, но для наизданія и наученія, особенно вашему, дѣти, остановимся только на одной мысли. То правда, что Господь не запрещаетъ богатства, не запрещаетъ радости, веселья и ликованья. Но вмѣсть съ тѣмъ Господь заповѣдуетъ человѣку трудъ и трудъ: шесть дней дѣлай и твори въ нихъ всѣ дѣла твои. А въ другомъ мѣстѣ слово Божіе говорить: кто не трудится, тотъ пусть и не єсть. Такимъ образомъ право на радости и удовольствія даетъ трудъ. Итакъ, не за то осужденъ богачъ, что роскошно одѣвался и имѣлъ богатство, не за то, что веселился, а за то, что онъ веселился каждый день, непрерывно, за то, что не снималъ съ себя никогда порфиры, за то, что не трудился на

землѣ, и поэтому прожилъ жизнь человѣкомъ лишнимъ, ни для кого не нужнымъ и для всѣхъ бесполезнымъ. Онъ укралъ у міра и у бѣдныхъ ту огромную пользу, которую могъ бы принести своимъ трудомъ и добрымъ употребленіемъ богатства.

Такъ, дѣти: трудиться—это долгъ всякаго. Отъ этого долга не свободенъ никто: ни богатый, ни бѣдный, ни знатный, ни убогій; всѣ должны работать, каждый имѣть обязанности, сообразныя возрасту, званію и положенію. Праведный Іовъ былъ очень богатъ, богаче всѣхъ въ своей землѣ, но вотъ что говорить онъ: „какъ птица создана летать, такъ человѣкъ созданъ трудиться“. Только невозможность и безсиліе освобождають отъ этой обязанности; таковы: люди старые и маленькия дѣти, больные, калѣки. Но тѣмъ болѣе должны трудиться молодые и здоровые, чтобы доставить все нужное не только себѣ, но и для тѣхъ несчастныхъ, которые сами не могутъ своими трудами заработать хлѣба.

Сильнымъ и здоровымъ оставленъ нищій, сиротъ они должны быть помощниками,—такъ говоритъ слово Божіе (Пс. IX, 35). И вотъ, лѣнность производить другой страшный порокъ, за который осужденъ и богачъ: немилосердіе къ бѣднымъ, нуждающимся въ нашей помощи.

Вы, дѣти, теперь подростаете и готовитесь къ жизни. Сами видите, что жизнь готовить человѣку трудъ, и въ трудѣто и будетъ заключаться жизнь. Пріучайтесь же теперь къ труду. И дома, въ своей семье, каждый трудись чѣмъ можешь и на что указываютъ старшіе, и въ школѣ старайся трудиться и трудиться. Удовольствія, игры и радости не уйдутъ, есть и на нихъ время; да и самый вашъ возрастъ, ваше здоровье есть уже удовольствіе и радость. Радость еще увеличится отъ труда: чѣмъ болѣе потрудитесь, тѣмъ радостнѣе будуть ваши игры, забавы и удовольствія. Если же теперь не пріучитесь къ труду, то, помните, на всю жизнь останетесь бездѣльниками, а отъ бездѣлья—голодъ и несчастье, отъ бездѣлья—всѣ пороки. Но предположимъ, что отъ родителей получите вы богатство, которое и при лѣности дасть вамъ возможность прожить и безбѣдно и радостно. Такимъ устрашеніе и урокъ въ богачѣ, о которомъ разсказано въ сегодняшнемъ евангеліи. Не

угодна Господу и влечеть погибель бездѣльная жизнь; люди бездѣльные—лишніе люди.

Вы знаете, многие уходили и уходя отъ міра для постоянной молитвы и спасенія въ обителяхъ, или, какъ было въ старину, въ пустыни. Но и тамъ нуженъ трудъ и трудъ. Однажды величайшій изъ подвижниковъ—преподобный Антоній, подвизаясь въ пустынѣ, вопросилъ Господа: что мнѣ дѣлать, чтобы спастись. И тотчасъ онъ увидѣлъ предъ собою человѣка, очень похожаго на себя: человѣкъ этотъ молился, потомъ трудился, снова молился, и снова принимался за трудъ. Изъ этого св. Антоній понялъ, что Богъ требуетъ отъ нась постоянного труда и постоянной молитвы.

Молитесь, дѣти, и трудитесь, трудитесь и молитесь, и тогда вы будете не лишними людьми въ жизни, тогда вы будете угодны Богу и избѣгнете той тяжелой участіи, которой подпалъ евангельскій богачъ, изображенный въ слышанной сегодня притчѣ.

Господь говорить намъ: Блаженъ человѣкъ, который возьметъ яремъ свой—трудъ свой отъ юности своей. Аминь.

Воинское дѣло и званіе.*

„Приходили къ нему воинъ и спрашивали: что намъ дѣлать?“ (Лук. III, 14).

Священное писаніе разсказываетъ намъ, что на предразсвѣтной зарѣ христіанства явился великий пророкъ-проповѣдникъ, приготовлявшій людей къ принятію Спасителя. Какъ только вышелъ онъ изъ своего пустыннаго уединенія и сталъ на великомъ и людномъ пути юорданскомъ, тотчасъ же огненное слово его потрясло сердца слушателей, и „приходили къ

* Рѣчь на панихидѣ на братской могилѣ воиновъ, павшихъ при взятіи Карса 6-го ноября 1877 года. Произнесена при священнослуженіи высокопреосвященнѣйшаго Алексія, экзарха Грузіи, 26 сентября 1902 года, въ день св. ап. Иоанна Богослова.

нему и Иерусалимъ и вся йудея и вся окрестность ѹорданской" (Мате. III, 5), приходили люди всѣхъ возрастовъ, званій и состояній, повинуясь врожденному и неистребимому въ человѣкѣ влечению къ нравственному и совершенному; приходили и вошли пророка о пути жизни, богоугожденія и спасенія. Въ числѣ другихъ приходили къ нему и подобные вамъ, братіе,— воины и также спрашивали Иоанна Крестителя: „а намъ что дѣлать?“ Простые жизненные и удобопонятные отвѣты давалъ пророкъ всѣмъ искавшимъ у него наставленія; такой же отвѣтъ давать онъ и воинамъ, примѣняясь къ ихъ тогдашнему быту и господствовавшимъ въ то время среди нихъ порокамъ и недостаткамъ: „никого ни обижайте, не клевещите и довольствуйтесь оброками вашими“. Это означало: „не употребляйте во зло вашей силы, не употребляйте ее для низкой корысти, исполняйте вашъ долгъ и призваніе, а призваніе ваше—защищать другихъ отъ обидъ, а не быть обидчиками, способствовать порядку и устройству жизни“.

Окончилъ свое земное поприще великий пророкъ, и вотъ вышелъ на дѣло учительства и спасенія людей Самъ Господь Спаситель, имъ проповѣданный. Во дніяхъ Его плоти, въ трудахъ Его земного служенія, въ числѣ первыхъ послѣдователей около Него стали прежде всего ближайшіе ученики Иоанна Крестителя, какъ наиболѣе подготовленные къ слушанію и проповѣданію новаго завѣта и царства Божія на землѣ. Въ ихъ числѣ и однимъ изъ первыхъ былъ впослѣдствіи любимѣшій апостолъ Иисуса Христа Иоаннъ Богословъ, память котораго сегодня празднуется св. Церковь. Божественный Учитель всегда былъ окружень ищущими глаголовъ живота вѣчнаго; были среди нихъ, несомнѣнно, и воины, и о нѣкоторыхъ такихъ ищущихъ правды вѣчной воинахъ, въ назиданіе намъ, сохранились указанія въ евангеліяхъ. Такъ, сотникъ къ Капернаумъ проявилъ такія нравственные силы, такую вѣру, любовь и смиреніе, что предъ всѣмъ народомъ удостоился высокой и рѣдкой похвалы изъ устъ Спасителя, причемъ здѣсь же Господь благоволилъ указать на него, какъ на образъ безчисленныхъ избранниковъ изъ всѣхъ народовъ, которые придутъ и возлягутъ на пиршество вѣры въ новомъ и вѣчномъ

царствѣ Христовомъ. Знаемъ изъ евангелія и о другомъ солдатѣ, который стоялъ на-стражѣ у Креста Иисусова и въ чась Его смерти исповѣдалъ вѣру свою въ Спасителя міра.

Прошли съ тѣхъ порь вѣка христіанской истории, и на протяженіи всѣхъ этихъ вѣковъ христолюбивое воинство водружало кресты на своихъ знаменахъ, сражалось и умирало за вѣру и изъ своихъ рядовъ дало и исповѣдниковъ, и мучениковъ за Христа. И Церковь, благословляя воинство, молилась о немъ и въ лики святыхъ внесла многихъ, многихъ, которые были добрыми воинами и слугами царей земныхъ и въ то же время добрыми воинами и слугами Царя Небеснаго.

Но вотъ уже въ наше время пронеслось надъ умами и сердцами иное вѣяніе, которое объявило воинство, любовь къ отечеству и защиту родины позоромъ, разбоемъ и преступлениемъ. Мы не стали бы о немъ и говорить, но оно прикрывается именемъ христіанства, а одинъ изъ его провозвѣстниковъ, авторъ новой вѣры и новаго евангелія, объявиившій себя самозванно учителемъ міра, можно сказать, забросалъ насы текстами изъ евангелія и священнаго писанія и всего болѣе изъ посланій апостола любви—св. Иоанна Богослова, нынѣ нами прославляемаго. Прельстившись этимъ видомъ благочестія, забывъ, что и дьяволъ, искушая Спасителя, тоже ссыпался на священное писаніе, и, однако, былъ далекъ отъ истины, забывъ, что можно быть великимъ художникомъ слова, но плохимъ мыслителемъ и религіознымъ учителемъ, къ новому, лжеименному учителю приходили многіе и многіе и, странное дѣло,—онъ увѣренно и властно давалъ имъ отвѣты о пути и смыслѣ жизни, которую онъ, по собственному признанію, самъ провелъ безумно и безпутно, и о волѣ Бога, въ Котораго, какъ въ личное и волящее существо, онъ, лжеименный учитель, самъ не вѣрилъ... Приходили къ нему, въ числѣ другихъ, и воины, и готовящіеся быть воинами, вопрошая его: „Что намъ дѣлать?“ И вотъ раздался отвѣтъ, который скоро обратился въ озлобленную и страшную проповѣдь по всему міру; проповѣдь гласила: „не нужно самаго воинства, воинство есть позорь и преступленіе; воинъ есть разбойникъ, а защита родины есть разбой“. И здѣсь, въ предѣлахъ этой страны, въ виду разсѣянныхъ

здѣсь всюду могилъ славныхъ и безвѣстныхъ героевъ, кровью полившихъ этотъ рубежъ Россіи, не среди враговъ нашихъ или инородцевъ, а среди коренныхъ русскихъ людей раздалась эта смутительная и въ государственномъ отношеніи самоубийственная рѣчъ; она поколебала темную, невѣжественную массу, и 8.000 русскихъ людей ушли изъ Русского царства, навсегда погибли для Церкви, для родной страны ¹⁾.

Не знаемъ, можетъ-быть, вы, воины, занятые своимъ дѣломъ, своимъ долгомъ, не замѣчаете и не слышите озлобленнаго отрицанія, направленнаго противъ васъ и самаго вашего существованія, но мы видимъ и слышимъ его въ окружающей жизни и въ отразительницѣ жизненныхъ явлений—въ литературѣ. Впрочемъ, не могло оно пройти мимо васъ незамѣтнымъ, и мы знаемъ воиновъ, которые перенесли много нравственныхъ пытокъ, много мучительныхъ сомнѣній и колебаній, разрѣшав роковой для нихъ вопросъ: быть или не быть имъ въ рядахъ защитниковъ родины; мы знаемъ многихъ вашихъ родныхъ и близкихъ, которые страдали за васъ, разрѣшав все тѣ же вопросъ, въ который внесено столько тьмы и смуты новымъ лжеименнымъ учителемъ жизни.

Не смущайтесь, возлюбленные! Воинство—не шайка разбойниковъ, защита родины—не разбой, смерть за вѣру и отчество—не позоръ, какъ бы красно, какъ бы искусно ни силился опровергнуть эту истину нашъ барствующій философъ, возмнившій и объявившій себя учителемъ жизни! Если справедливо присловье: „скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу тебѣ, кто ты“, то не менѣе справедлива и обратная мысль: „укажи мнѣ твоихъ враговъ, и я тебѣ скажу, кто ты“.

Посмотрите же, откуда идетъ это отрицательное, озлобленное вѣяніе? Откуда идетъ эта страстная проповѣдь противъ воинства, это стремленіе подорвать въ основѣ любовь къ отечеству и сдѣлать невозможную защиту родины? Идетъ это изъ лагеря враговъ всякаго порядка, изъ кружковъ анархистовъ, которые силятся уничтожить всякия крѣпкія организации, чтобы

¹⁾ Разумѣемъ уходъ духоборовъ въ Америку изъ Карской области; они заселивались и были нафанатизированы письмами графа Л. Толстого и проповѣдью его приспѣшниковъ.

на развалинахъ порядка создать свое личное благо. Среди этихъ организаций Церковь въ духовной области и воинство въ области виѣшняго устроенія жизни являются главными и основными. И это вполнѣ естественно. Не только всемирная, но и предмѣрная исторія въ горнемъ мірѣ духовъ открывается борьбою добра и зла; борьба эта переходитъ и въ мірь разумно-нравственной твари на землѣ, и съ тѣхъ поръ борьба добра и зла красною нитью проходитъ въ исторіи человѣчества и составляетъ одушевляющее и движущее ея начало. Для борьбы съ міровымъ зломъ приходилъ на землю Самъ Сынъ Божій, да разрушить дѣла дьявола, и въ первые же дни Своей земной жизни Онъ былъ пророчески объявленъ знаменемъ, около котораго до скончанія вѣковъ будетъ происходить ожесточенная борьба вѣрныхъ и невѣрныхъ. Въ сокровенной и невидимой области духа эту борьбу добра и зла ведетъ Христова избранница и продолжательница Его дѣла на землѣ—святая Божія Церковь; ведетъ она борьбу и изъ окружающаго мрака зла видитъ въ свѣтломъ грядущемъ побѣду; бодрость, силу и вѣру даютъ ей отрадныя и вѣчныя слова обѣтованія ея Глаголы—Христа: „созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ея“ (Ме. XVI, 18).

А въ области виѣшняго и видимаго обнаруженія зла ведеть съ нимъ борьбу христолюбивое, христоименитое воинство. Естественно, если оно хочетъ быть побѣдоноснымъ, если оно желаетъ осмыслить высшимъ смысломъ свое существованіе, оно должно быть въ единеніи съ тою несокрушимою духовною силою, которой обѣтана навѣки побѣда и неодолимость силами зла и ниже вратами ада.

Неудивительно поэтому, что Иоаннъ Креститель далъ обычные наставленія воинамъ, заповѣдалъ имъ избѣгать пороковъ, распространенныхъ въ ихъ средѣ, но не отрицалъ самаго званія воинскаго и не приказывалъ имъ оставить его. Неудивительно, что и Спаситель, похваливъ нравственные достоинства калернаумскаго сотника, не повелѣлъ ему сложить воинскіе доспѣхи, не повелѣлъ ему даже, какъ другимъ, оставить дѣла житейскія и слѣдоватъ за Собою, но оставилъ его у долга его служенія. И было бы, напротивъ, удивительно, если бы уч-

никъ Иоанна Крестителя и ученикъ Иисуса Христа---Иоанъ Богословъ, какъ хотеть навязать намъ современный лжеименный учитель и авторъ самоизмышленной вѣры и евангелія, быть, вопреки голосу двухъ своихъ Учителей, врагомъ воинства и противникомъ защиты вѣры и родины. Неудивительно, далѣе, что первые христіане охотно и во множествѣ служили въ рядахъ войскъ и если оставляли воинское званіе, то въ томъ только случаѣ, если ихъ заставляли кланяться кумирамъ и признавать за божество цезаря; неудивительно, что при императорахъ-язычникахъ состояли цѣлые легіоны изъ воиновъ-христіанъ и среди нихъ знаменитый *legio fulminatrix* при Маркѣ Авреліи; извѣстно, что изъ воиновъ вышло много мучениковъ за Христа, много великихъ благотворителей, много святыхъ, которыхъ донынѣ чтить св. Церковь. Одинъ изъ недавно умершихъ русскихъ писателей, мыслитель-христіанинъ¹⁾, дѣлаетъ даже такое замѣчаніе: „Посмотрите,—говорить онъ,— въ числѣ нашихъ святыхъ все больше или монахи или воины“. И дѣйствительно, цари, князья-воители, умиравшіе за вѣру, сражавшіеся за вѣру и отечество, и Константинъ Великій, и Владимиръ Святой, Борисъ, Глѣбъ, Игорь, Довмонтъ, Андрей Боголюбскій, Михаилъ Черниговскій, Михаилъ Тверской, Александръ Невскій и друг.,—всѣ эти воины почитаются въ Церкви, какъ святые, наравнѣ съ величайшими преподобными подвижниками.

Неудивительно, наконецъ, что и донынѣ Церковь благословляетъ христолюбивое воинство. Великая, величайшая, несокрушимая сила въ этомъ единеніи Церкви и воинства: когда Церковь воодушевляетъ и подкрѣпляетъ воина въ исполненіи долга его званія, въ его готовности умереть и пострадать за избранную идею, и когда воинъ эту идею береть у Церкви и въ своей жизни и дѣятельности исполняетъ задачи Церкви на землѣ. Это—тѣло, соединенное съ духомъ, живое, дѣйственное и мощное; это—мощь, способная побѣдить всѣ препятствія, страшная для царства зла²⁾. Знаютъ это темные силы зла, и

¹⁾ Вл. Соловьевъ въ сочин. „Три разговора“.

²⁾ Мысль эту вполнѣ раздѣляютъ оба лагеря—и защитники, и отрицатели воинства. Помнится рѣчь одного изъ героеvъ послѣдней русско-турецкой войны,

поэтому со всею злобою и страстью возстаютъ противъ союза христіанства и государства, Церкви и воинства и объявляютъ его противоестественнымъ.

Противоестественный союзъ христіанства и государства! Но кто же ратуетъ здѣсь за христіанство? Или потомки и единомышленники распившихъ Христа, или люди, которымъ по безредигіозному направленію такъ же пристало распинаться за христіанство, какъ Іудѣ пристало бы отстаивать вѣрность и безкорыстіе.

Противоестественный союзъ Церкви и христолюбиваго воинства! Но не противоестественно ли было бы обратное явленіе? Возьмемъ самый простой и наглядный примѣръ. Въотъ предъ нами разбойникъ, грабитель и многократный убійца, приведенный и представленный на судь, и въотъ предъ нами георгіевскій кавалеръ, проливавшій кровь на полѣ браніи, со слѣдами ранъ, увѣчій и пережитыхъ страданій. Неужели въ нравственномъ отношеніи ихъ можно поставить на одну доску? Отчего противъ такого сопоставленія возмущается здоровое нравственное чувство? Отчего оно никакъ не укладывается ни въ головѣ, ни въ сердцѣ? Дѣло очень простое. Оттого, что одинъ шель убить, а другой шель и умереть; одинъ идетъ во имя свое, во имя личной пользы, узкой корысти и себѧлюбія, а другому, напротивъ, личное-то себѧлюбіе подсказывало убѣжать съ поля браніи, но онъ шель во имя Бога, за Церковь, за родину, за другихъ, за ближнихъ прежде всего, а не за себя. Просто и убѣдительно выяснилъ это различіе одинъ изъ святыхъ первоучителей славянскихъ, равноапостольный Кириллъ, въ мірѣ Константина-философа. Когда въ спорѣ съ невѣрными послѣдніе указывали ему на видимое противорѣчіе христіанства, заповѣдующаго любить ближнихъ и въ то же время допускаю-

выдающагося русскаго полководца (генер. Драгомирова) на обѣдѣ въ день церковнаго торжества, при открытии мощей святителя Феодосія. Ораторъ заявилъ, что онъ не чужой на этомъ духовномъ торжествѣ, и что въ лицѣ присутствовавшихъ высшихъ церковныхъ іерарховъ онъ видѣтъ собратій въ великой борьбѣ со зломъ, только въ другой, болѣе важной области. А въ современной Франціи новая жидовствующая ересь, породившая и питавшая анархическую клику, злобно кричитъ, что сабля и рѣса подали другъ другу руку и встутили между собою въ союзъ. Что же: гора, аще добрѣ рекутъ о васъ все человѣцы...

щаго войну, св. Кириллъ спросилъ ихъ: „какую, по вашему мнѣніе, заповѣдь нужно прежде всего исполнить: большую или меньшую?“ Ему отвѣтили: „большую“. Тогда святой сказа1ъ: „правда, Христосъ заповѣдалъ любовь къ ближнимъ, но Онъ далъ и другую заповѣдь, которую Самъ же и назвалъ наибольшею: „больше сея любви никто же имать, да кто душу свою (жизнь свою) положить за други своя“ (Иоанн. XV, 13).

И гдѣ же, какъ не здѣсь, на этихъ окружающихъ насы въ эти минуты удоліяхъ и высотахъ, поучаться этой истинѣ? Не здѣсь ли мы стоимъ, воистину, на „кровляхъ“, какъ выражались наши предки? Не здѣсь ли полегли костями тысячи и десятки тысячъ безвѣстныхъ героевъ-мучениковъ, страдальцевъ за вѣру и отчизну, не здѣсь ли они обагрили кровью эту чужбину, эти скалы и камни, эту негостепріимную землю? Они шли, готовые на смерть, невѣдомые безвѣстные герои, совершая подвигъ въ тайнѣ своего духа только предъ лицомъ Бога, шли умирать и знали, что тамъ за ними стоитъ благословляющая ихъ родная Церковь, которая безъ ихъ подвига померкнетъ и поникнетъ предъ невѣрнымъ полумѣсяцемъ, стоитъ и родимая Россія, которая привела ихъ сюда, исполняя богоуказанную міровую свою и христіанскую задачу на Востокѣ. Развѣ ихъ не тянуло домой? Развѣ не тянуло ихъ къ свѣту, теплу и покою, въ мирныхъ и дорогія семьи? Развѣ въ послѣднія предсмертныя минуты не представлялись имъ близкіе и родные образы?

О, не забыть мнѣ до гробовой доски тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыхъ я испыталъ на другомъ такомъ же братскомъ кладбищѣ, въ нашемъ многострадальномъ Севастополѣ. Вотъ на историческомъ холмѣ раскинулась и разрослась зеленая роща—жизнь на мѣстѣ смерти. Какая священная тишина, какой царить миръ! Идешь въ этомъ безмолвіи посреди безчисленныхъ могиль и въ онѣмѣніи чувствъ читаешь знаменательныя и поражающія надписи: такой-то и тамъ-то убить, смертельно ранить, разорванъ на части... Братская могила въ въ 100, 200, 300 человѣкъ... Братская могила въ 500, 700 человѣкъ... Да, кто хочетъ учиться уваженію къ воинству,

кто хочеть понять и оцѣнить его трудъ, подвиги и заслуги, тотъ долженъ идти на братское воинское кладбище!

Вотъ оно и сейчасъ передъ нами. Двадцать пять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ засѣяна эта Божія нива. Кругомъ уже не чужбина, а святая Русь, кругомъ уже не громы войны, не бранные клики, не шумъ оружія, не залпы орудій, а тихая и мирная молитва о почившихъ. Надвинулась русская государственность, закипаетъ мирная гражданская работа, насаждается просвѣщеніе, блистаютъ кресты на храмахъ, и стройно клирное несется гѣніе, и дымъ кадилъ, и єиміамъ молитвы возносятся къ этому ясному и прекрасному небу, и первосвѣтитель обширнаго края, представитель великой и славной русской Церкви, мирно свершаетъ архиpastырскій путь по умиренному краю и въ сослуженіи сонма священнослужителей свершаетъ сейчасъ молитву о васъ, почившіе здѣсь, доблестные воины...

О, спасибо вамъ, спасибо съ доземнымъ поклономъ вамъ, православные воины, родимые герои-мученики безвѣстные! Все, что мы видимъ здѣсь кругомъ, это—пышные всходы и плоды на нивѣ, которую вы полили потомъ и кровью! Въ небесныхъ селеніяхъ, въ странѣ невечерняго свѣта и незаходимаго солнца, слышите ли вы, родимые, наши благодарныя хвалы? Согрѣютъ ли васъ въ сырой землѣ, въ холодныхъ могилахъ наши слезы, наша любовь, наши молитвы? Пожнете ли радостью вы, сѣявшіе слезами и горестями? Чувствуете ли вы, что кругомъ васъ ужъ не чужбина, а Русь святая, православная раздвинулась надъ вами, что склонилась надъ вами съ нѣжною любовью, съ материнскою молитвою родимая Церковь, съ ходатайствомъ о васъ предъ Вѣчною Правдою, предъ Христомъ, вашимъ Господомъ? Чувствуете ли вы, что вокругъ васъ все, что вы любили въ жизни, что было вамъ близко, дорого, за что въ трудѣ и смертномъ подвигъ на этомъ самомъ полѣ чести вы нѣкогда положили ваши души?

О, Боже духовъ и всякия плоти! Ты скорбящихъ миръ и труждающихся отрада, дыханіе живыхъ и мертвыхъ жизнь и воскресеніе! Призри съ небесе, Боже, и видѣ на ниву эту, на которой еще такъ недавно косила неумолимо страшная

коса смерти, и всѣмъ почившимъ здѣсь, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, пошли небесную радость, миръ, упокоеніе и вѣчную память! Аминь.

„Домашняя церковь“.*

Поздравляю васъ съ совершившимся надъ вами священнымъ таинствомъ брака. Знаю, что вы оба—люди, глубоко въ смиреніи сердца вѣрующіе, и поэтому увѣренъ, что и вы сами въ томъ, что надъ вами совершилось, видите не одинъ обрядъ, не исполненіе только требованія закона или общественныхъ условій жизни, а воистину священное таинство. Во имя этойто вѣры вашей, во имя изліяніи на васъ сейчасъ благодати Духа Святаго, я обращаю къ вамъ въ настоящія минуты слово нашего Господа: „гдѣ двое или троє во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ.“ Вотъ вы двое соединились теперь вмѣстѣ на жизнь совмѣстную навсегда, во образъ союза Христа и Его Церкви, и, по слову обѣтованія Господня, Христосъ теперь посредъ васъ. Велико это обѣтованіе, великое, величайшее значеніе дано браку: онъ уподобляется Церкви Христовой. И апостоль въ писаніяхъ своихъ брачную жизнь и семью прямо называетъ „домашнею церковью“.

Домашняя церковь!.. Этимъ сказано все и этимъ опредѣляются и наши вамъ благожеланія. Да будетъ у васъ въ вашей жизни, въ вашей предназначатой семье домашняя церковь! И какъ въ Церкви все полно вѣры и упованія, все полно благоуханія молитвы такъ пусть будетъ свѣтло и отрадно въ вашей жизни. И какъ въ Церкви все основано на любви, на любви ея ко Христу, безконечной любви къ ней Спасителя, положившаго за Церковь душу Свою, такъ и у васъ начало и, главное, все продолженіе вашей жизни да исполнится духомъ любви взаимной. Люди мірскіе видятъ любовь въ началѣ брака,

* Рѣчь при браковѣнчанії.

и «бракъ по любви» есть идеальь брака. Не такъ думаютъ люди церковные. Они не удовлетворяются этой любовью и полагаютъ ее только въ первую ступень дальнѣйшаго и безграничнаго восхожденія любви. Это потому, что въ ней есть на первыхъ порахъ много страстнаго, плотскаго, односторонняго, иногда затемняющаго, а не просвѣщающаго жизнь духа.. Въ брачной жизни, послѣ таинства Духа Божія, любовь должна чѣмъ да-лѣе, чѣмъ болѣе одухотворяться, очищаться, проясняться и воз-вышаться; завершеніе ея—въ словѣ апостола: „тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и въ Церковь.“

Живите же въ такомъ христіанскомъ восхожденіи любви. Пошли вамъ Богъ, по мудрому присловью русскаго народа, миръ, любовь и совѣтъ! Восходите въ мѣру возраста исполненія Христова. Храните данную вамъ тайну благодати въ вѣрѣ, чистотѣ и цѣломудріи.

Отецъ, Сынъ и Святый Духъ да благословитъ васъ.... и да сподобить васъ обѣщанныхъ благъ воспріятія молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ! Аминь.

Единеніе всѣхъ положительныхъ силъ жизни.*

Сынове вѣка сего мудрѣши наче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ. (Лук. XVI, 8).

Во дни торжествъ церковно-общественныхъ,—а таковъ именно день нынѣшній,—естественно, предъ сознаніемъ и слушателей церковно-поучительнаго слова, и въ сознаніи его проповѣдника сами собою встаютъ вопросы о благѣ, устроеніи и интересахъ общественныхъ, государственныхъ. Поэтому не будетъ безвременнымъ или излишнимъ въ настоящемъ собраниіи мужей, облеченныхъ полномочіями и довѣріемъ отъ Верховной власти и поставленныхъ трудиться на различныхъ по-

* Слово въ день рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны, 14 ноября 1902 года.

прищахъ служенія благу отечества, коснуться въ церковномъ словѣ одного изъ условій этого блага,—такого условія, безъ котораго невозможна никакая плодотворная работа и которое, въ виду особыхъ знаменій переживаемаго нами времени, требуетъ настойчиваго напоминанія и глубокаго размышленія. Оно всѣмъ извѣстно и не представляетъ какои-либо новости; о немъ говорятъ и повторяютъ намъ съ дѣтства: но слово церковное и не задается цѣлью представлять уму и сердцу нашему только одно новое и невѣдомое. Подобно тому, какъ на службѣ государственной требованія закона не только объявляются вновь, но весьма нерѣдко напоминаются къ свѣдѣнію и исполненію, точно также и вѣчное слово закона Божія и наставленія Церкви преподаются намъ чаще всего для напоминанія и предостереженія въ потребныхъ случаяхъ.

Какъ ни странно это, и какъ ни больно сознаться, но и намъ иногда бываетъ полезно учиться приемамъ борьбы со зломъ въ лагерь совершенно противоположномъ, въ лагерь самаго зла. Впрочемъ, и въ исторіи нашего отечества бывали случаи, когда воины одной стороны учились воинскому искусству у стороны противоположной, учились у враговъ ихъ приемамъ успѣшной и побѣдоносной браны, учились горькими уроками—пораженіями и разочарованіями. Въ высшей степени образно и поучительно говорить объ этомъ явленіи и святое евангеліе въ извѣстной и глубокой притчѣ о неправедномъ домоправителѣ (Лук. XVI, 1—9). Нельзя было похвалить неправеднаго домоправителя за его нечестныя дѣянія, но его догадливость и находчивость, его усердіе и одушевленіе въ дѣланіи и сокрытии зла поставлены сынамъ свѣтла въ образецъ ихъ служенія добру и вообще въ средной имъ дѣятельности (Лук. XVI, 8).

Борьба служителей тьмы и сыновъ свѣтла—борьба вѣковѣчная. Слово Божіе, прозрѣвая тайны вѣковъ и приподнимая завѣсу грядущаго, насколько можно и полезно знать и видѣть его сотворенному оку, говорить намъ, что *тайна беззаконія дѣлается* (2 Сол. II, 7) непрерывно, и что *лукавые человѣкіи будутъ преуспѣвать во злахъ, вводя въ заблужденіе и заблуждаясь* (2 Тим. III, 13).

Правда и то, что добро также явить силу устойчивости и одушевлениі; оно также найдеть себѣ служителей, и вечеря царствія Господня не останется пустою. Но соразмѣрно росту добра будеть усиливаться зло; такъ будуть расти вмѣстѣ на нивѣ міра и плевелы, и пшеница до послѣдней жатвы, до послѣдняго суда Божія. Необходимо сынамъ свѣта слѣдить за сынами тьмы.

Что же дѣлаютъ нынѣ и какъ дѣйствуютъ нынѣ предуказанные апостоломъ *лукавые человѣци?*

Одинъ изъ глубокихъ русскихъ мыслителей и вдумчивый наблюдатель всемірной и нашей отечественной жизни (В. Соловьевъ) такъ былъ пораженъ открывшеюся предъ его взорами силою зла, отрицанія, разрушенія и безумно-горделивой, сатанински-злобной борьбы противъ Бога, что открыто и мужественно выступилъ предъ извѣрившимся образованнымъ нашимъ обществомъ съ проповѣдью о близкомъ времени пришествія антихриста, а предъ смертью заявилъ: „магистраль всемірной исторіи, видимо, приближается къ своему концу“. А сила зла и тайна успѣха беззаконія—въ томъ единеніи носителей зла, которымъ они проникнуты. Не станемъ слѣдить за исторіей и жизнью всемірной; довольно наблюденій для выводовъ мы видимъ у себя дома, въ нашемъ отечествѣ. Только слѣпой или не желающій быть зрячимъ не видить, какъ на нашихъ глазахъ силятся объединиться все отрицательныя и разрушительныя теченія жизни. Они явно желаютъ сплотить все недовольное и всѣхъ недовольныхъ и озлобленныхъ, безъ различія причинъ недовольства; явно желаютъ слить отдѣльные ручейки зла въ огромную и бушующую рѣку, которая съ бѣщенію и всесокрушающею силою должна пронестись по лицу Россіи и снести, уничтожить всѣхъ сторонниковъ и защитниковъ положительныхъ началъ жизни: религіи, нравственности, твердаго и устойчиваго порядка жизни, твердой и несокрушимой власти, исторически-зиждительныхъ условій нашего церковнаго и гражданскаго строя. И посмотрите, съ какимъ лукавствомъ, съ какой изворотливостью и лицемѣріемъ все это дѣлается! Евангельскій неправедный домоправитель кажется ребенкомъ предъ этими одушевленными служителями зла и

„карьеристами смуты“, какъ выразился о нихъ одинъ современный писатель. Какъ ночные пернатые хищники, они видѣть только во тьмѣ; ихъ сродная стихія—злоба, смута, измѣна и возмущеніе; здѣсь они, какъ рыбы въ водѣ; ихъ время—ночь; ихъ промыслъ—хищничество и духовный разбой; ихъ враги—солнце и свѣтъ, которые рѣжутъ имъ глаза и заставляютъ прятаться въ темныя гнѣзда и норы. Они присосутся всюду, гдѣ только есть поводъ для чьего-либо озлобленія; они какъ изъ земли вырастутъ вездѣ, гдѣ только представляется удобная почва для съянія недовольства, возмущенія, измѣны и грязной клеветы на все высокое и положительное въ жизни. Они среди возмущенныхъ рабочихъ,—эти люди, которые сами никогда не работали: здѣсь они представляются глашатаями гуманности, защитниками угнетенныхъ; они среди недовольной учащейся молодежи—безразлично, права ли она, или неправа, лишь бы было недовольство,—эти люди, никогда и ничему серьезно не учившіеся: здѣсь они защитники свободы, защитники науки. Безбожники—они представляются и религіозными, если это только полезно въ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Какое имъ дѣло до крестнаго знаменія, до двухъ или трехъ перстовъ, до сугубаго или трегубаго аллилуїа? Но они присосутся и къ старообрядцамъ-раскольникамъ, чтобы воспользоваться ими, чтобы обратить наивныхъ и простосердечныхъ людей въ орудіе борьбы противъ ненавистнаго имъ государства. Нужно ли водное крещеніе или не нужно, нужны ли молитвы за умершихъ, нужны ли храмы и какія нужно принимать таинства? Они давно умерли для этихъ вопросовъ, но охотно идутъ къ сектантамъ, и въ то время, какъ послѣдніе часто искренно и глубоко болѣютъ всѣми этими запросами, томительно ищутъ ихъ разрѣшенія, и безъ авторитета Церкви остаются безсильными и беспомощными,—они и здѣсь совершаютъ свое черное дѣло озлобленія и смуты... Допускается ли евангелиемъ присяга, допустима ли война, допустима ли брачна жизнь, яденіе мяса, употребленіе вина и табака, оправдываются ли евангелиемъ собственность, судъ, государство... Все это для нихъ—пустые звуки и до евангелия имъ нѣтъ дѣла. Но они, проживая съ блудницами, играя въ карты, поядая мясо, учи-

ваясь виномъ, пользуясь государственнымъ строемъ, войскомъ, судомъ, полицей, деньгами, послѣдними иногда отъ службы тому же государству,—однако, проповѣдуюгъ сочувствіе духоборамъ и толстовцамъ, для которыхъ перечисленные вопросы суть вопросы жизни; они идутъ къ сектантамъ, пишутъ имъ, шлютъ имъ ободреніе, възстановляютъ противъ власти, противъ отечества, тайно помогаютъ ихъ бѣгству изъ родины, агитируютъ, пропагандируютъ... Они забыли, когда посѣщали храмъ, когда слышали богослуженіе; но какъ они будутъ распинаться за права того или другого языка или порядка богослуженія, лишь бы внести смуту въ среду различныхъ народностей и повредить государству! Они давно утеряли всякое чувство патріотизма и бичуютъ его всѣми видами насмѣшки и презрѣнія, но они готовы поддержать всякий лже-патріотизмъ, если только онъ гибель для положительныхъ сторонъ жизни и способенъ внести раздоръ въ умы и сердца, раздѣлить сторонниковъ и защитниковъ родины и ея верховнаго управления. Зло извивчиво, зло желаетъ приспособиться вездѣ и ко всему, лишь бы объединить все темное и выдвинуть его на борьбу со свѣтомъ.

Что же дѣлаютъ сыны свѣта? Что же дѣлаемъ мы, желающіе оставаться вѣрными сынами отечества и сынами православія? Объединяемся ли мы въ виду врага злобнаго? Неужели все такъ же относится къ намъ слово Господа Иисуса Христа, почти 2000 лѣтъ назадъ со скорбю засвидѣтельствовавшаго, что „сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ“? (Лук. XVI, 8.) Къ сожалѣнію, къ несчастію, это такъ; вѣрно мѣткое слово одного изъ нашихъ архипастырей-проповѣдниковъ: „Зло организовано, а добро кустарно“. Нѣть словъ, нѣть слезъ, чтобы осудить и оплакать это явленіе! Мы раздѣлены, мы не понимаемъ другъ друга, мы въ постоянной борьбѣ и взаимныхъ распрахъ, если не изъ-за мелочей, то во всякомъ случаѣ изъ-за вопросовъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ. А вѣдь по существу всѣ мы служимъ одному дѣлу, одной идѣи. Но мы не умѣемъ объединиться принципіально въ единствѣ идѣи, мы взаимно ослабляемъ другъ друга, на радость нашимъ врагамъ. Говорить ли о низменныхъ мотивахъ

этого раздѣленія: обѣ оскорблennomъ самолюбіи, о мелкихъ счетахъ, обѣ озлобленной зависти при видѣ чужихъ способностей и чужого возвышенія, о корыстолюбіи, этой язвѣ, которая подрываетъ подъ человѣкомъ почву и толкаетъ его на рядъ унизеній и позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстю? Оставимъ этотъ потокъ зла и грѣха личнаго, но и въ вопросахъ вышнихъ, въ принципіальной области, мы не умѣемъ сгѣться, и среди насъ царить такая разноголосица мнѣній, понятій, стремленій и намѣреній, что удивительно еще, какъ мы держимся. Воистину, своя своихъ непознана, свои въ бесѣдахъ и совмѣстной работе со своими же не знаютъ, „какому Богу“, какой идеѣ они служатъ! Сочувствуютъ врагамъ; прельщаются блестящей фразою, идущей изъ лагеря зла; топчутъ и преслѣдуютъ своихъ, вѣрять всякой лжи и клеветѣ, пущенной о нихъ врагами,— вѣрять охотно и злорадно; осуждаютъ, безславятъ, обезсиливаютъ ихъ давленіемъ общественнаго осужденія... Улыбкою и одобреніемъ привѣтствуютъ враговъ, если только они прикрылись модной фразой и моднымъ теченіемъ мысли. Не научившись у враговъ единенію, мы научились только одному раздѣлающему критиканству, которое способно погубить всякую жизнь въ корнѣ, потому что носить въ себѣ источникъ постояннаго раздѣленія людей.

При разногласіцѣ и отсутствіи единодушія что же выйдетъ? Выйдетъ то, что люди истинно добрые, дѣятели искренніе, горячіе, даже самоотверженные, при всѣхъ благородныхъ усиляхъ принести пользу обществу и государству, останутся не только бесплодными въ работѣ, но принесутъ даже вредъ. Вообразите себѣ, что за деревомъ ухаживаютъ нѣсколько садовниковъ и усердныхъ, и ученыхъ, но несогласныхъ между собою въ вопросѣ о культурѣ дерева; каждый будетъ по-своему его пересаживать, обрѣзывать до тѣхъ поръ, пока оно не погибнетъ¹⁾. Представьте себѣ, что больного, даже не тяжко больного, лѣчить нѣсколько врачей и умѣлыхъ, и ученыхъ, и горящихъ желаніемъ помочь страждущему, но несогласныхъ между собою ни въ діагнозѣ болѣзни, ни въ способахъ вра-

¹⁾ Взято изъ поуч. Амвросія, епископа Дмитровскаго.

чеванія. Можно сказать съ увѣренностью, что дѣло ихъ будетъ не только бесплодно, но и вредно: чѣмъ усерднѣе они будутъ лѣчить больного и чѣмъ охотнѣе и исправнѣе больной будетъ принимать лѣкарства, ему предлагаемыя то однімъ, то другимъ врачемъ, тѣмъ ближе и неминуемѣе будетъ для него смерть.

Не то же ли самое можетъ случиться и съ обществомъ, и съ государствомъ? Не подобны ли слуги его упомянутымъ сейчасъ врачамъ, если не будутъ объединены и согласны между собою? Не даромъ и слово Царское всего нѣсколько лѣтъ назадъ съ высоты престола во всеуслышаніе всѣхъ слугъ Царевыхъ призывало ихъ къ единодушію и взаимному согласію всѣхъ вѣдомствъ. Да, нужно, чтобы, по примѣру теченій отрицательныхъ, силъ тьмы и зла, всѣ силы положительныя,— а ихъ у насъ много, очень много,—объединились между собою. И Церковь, и государство, а въ частности и отдѣльности и служители Церкви, и дѣятели школы, семья, общество, судъ, администрація, воинство,— всѣ должны взаимно поддерживать другъ друга, всѣ должны сознавать, къ какой единой цѣли, къ какому единому благу стремятся, съ какимъ врагомъ злобнымъ и опаснымъ борются. Апостоль насъ умоляетъ: „дополните мою радость: имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны“ (Филип. II, 2). Неужели ждать, что насъ образумятъ только грозные удары судьбы? Неужели терять добровольно свою собственную силу? А сила эта, сила наша—воистину велика и мощнa при согласіи и единодушіи всѣхъ сторонниковъ и защитниковъ религіи, нравственности и государственного порядка. Этихъ сторонниковъ и защитниковъ положительныхъ началъ жизни—великое множество: вся Россія; сыны тьмы—это только болѣзненный наростъ на здоровомъ организмѣ народномъ, стоитъ только всѣмъ положительнымъ теченіемъ жизни объединиться: и какъ воскъ отъ лица огня, какъ легкій иней, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ теплого солнца, расточатся враги общества и служители тьмы.

Но гдѣ же, спросите, сила объединенія? Гдѣ источникъ единодушія—сильный, властный, авторитетный для совѣсти,

могущій дать человѣку рѣшимость подавить въ себѣ собственную самость, подчиниться общему и единому во имя высшаго блага и высшѣй велѣній?

Не обинуясь, скажемъ, что сила эта—въ насть и среди насть: это—религія и Божія Церковь. Здѣсь и источникъ безошибочнаго вѣдѣнія добра и зла; здѣсь, въ церковномъ исповѣданіи, и сила авторитета, предупреждающая, подавляющая безконечныя и беспокойныя блужданія мысли и чувства по распутіямъ и самоизмышленнымъ теоріямъ; здѣсь и побужденія, истинныя и самыя глубокія побужденія къ одушевленному служенію добру; здѣсь же, наконецъ,—и это главное,—въ вѣрѣ, въ священныхъ таинствахъ дается намъ и помощь свыше, даются силы благодатныя, *всѧ божественныя силы, якоже къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3), столь нужныя намъ при нашей слабости въ борьбѣ съ себялюбіемъ, грѣхомъ и соблазномъ.

Нужно ли еще выводить и нравоученіе изъ сказаннаго? Но оно безъ словъ, само собою и слышимо, и понятно!... Аминь.

Пустите дѣтей ко Христу.*

Нынѣшній день есть попреимуществу праздникъ дѣтей и праздникъ семьи. Посмотрите только, братіе и дѣти, на эту икону празднуемаго нынѣ священнаго события, перенеситесь къ нему мысленно, и вы увидите умилительное, трогательное зрѣлище, чисто-семейную картину. Престарѣлые родители Іоакимъ и Анна приносятъ въ даръ Богу то, что сами они получили, какъ даръ,—единственную малолѣтнюю Дочь свою. Юная Марія, пока еще разумѣющая только разумомъ родителей, разлучается съ близкими родными и послушно вступаетъ въ церковь Божію *воспитатися предъ Господемъ*, какъ сказано въ пѣсни церковной. Ее окружаютъ юныя дѣвы—подруги. Маститый первосвященникъ

* Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятаго Богородицы, 21 ноября 1902 года, въ церкви Тифлисскаго Іоанникиевскаго епархиальнаго женскаго училища.

ее приемлетъ и, весь обыйтый святымъ вдохновеніемъ, благословляетъ и родительскій обѣтъ и дѣтское послушаніе и вводить богоизбранную Отроковицу въ неприступное и таинственное святая святыхъ.

Но святая семейная радость выступаетъ за тѣсные предѣлы семьи и охватываетъ весь міръ и видимый и невидимый: горніе ангели вхожденіе Пречистыя зряще удивиша, и Церковь земная доселѣ славить и празднуетъ его свѣтло и радостно. И есть чѣму и удивляться и радоваться. Кто могъ знать, кто могъ подумать, что здѣсь, въ тиши храма, въ скромномъ семействѣ торжествѣ, совершается событіе, величайшее по своемъ неисчислимъ благотворнымъ послѣдствіямъ для человѣчества? А между тѣмъ здѣсь было *благоволеніе Божія предображеніе*, здѣсь уже и предисполнилась и предчувствовалась несказанная тайна богооплощенія. Одинъ изъ святыхъ отцовъ Церкви образно говорить, что не можетъ корабль, нагруженный безцѣнными сокровищами, пристать къ берегу, если не найдетъ удобной пристани: такъ и безцѣнное сокровище искупленія и богооплощенія какъ бы искало въ Дѣвѣ Маріи пристани, достойной святыни, чтобы быть переданнымъ людямъ и принятымъ на землѣ. И вотъ, нынѣ *одушевленный храмъ*—Богородица въ храмѣ Господень приводится Тому воспитати сѧ *Божественное эсиллице*, какъ говорится въ словѣ пѣсни церковной; здѣсь, во храмѣ, достигла Она той нравственной чистоты, которая привлекла къ Ней милость Бога и содѣлала достойною быть Матерью обѣтованнаго Спасителя. Съ тѣхъ поръ исторія міра движется по другому пути, чѣмъ какимъ она шла до сего времени; съ тѣхъ поръ небо и земля соединились, человѣчество примирено съ Богомъ, входъ на небо открыть и вѣчное спасеніе людямъ даровано. Понятно теперь, почему событіе введенія во храмъ Богородицы радостно и торжественно празднуется святою Церковью, какъ одно изъ величайшихъ проявленій Божія смотрѣнія—божественнаго промышленія о мірѣ.

Но если отдельное событіе изъ жизни одной семьи можетъ вырасти до значенія всемірнаго и премірнаго, то и наоборотъ: событіе всемірное можетъ быть полно уроковъ и на-

зиданій для всякой отдельной семьи. Иначе говоря, сегодня — не только праздник родителей и детей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наставленіе имъ, подаваемое свыше.

И прежде всего къ вамъ обращаемъ слова, дорогія дѣти-дѣвочки. Въ отдаленной древности, сквозь таинственный сумракъ грядущихъ вѣковъ богоотецъ Давидъ пророчески видѣлъ славнаго и великаго Царя-Бога, вышаго царей земныхъ, видѣлъ около Него и превознесенную предъ всѣми Царицу—Матерь Божію и такъ говорилъ о Ней: *Приведутся Царю дѣвы вслѣдъ Ея, близкнія Ея приведутся въ храмъ царевъ, снутрь скиніи Божіей* (Пс. 44.)

Ближнія Ея, дѣвы грядущія вслѣдъ Ея, это—вы, милыя дѣти! И вы посвящены Богу, по образу Приснодѣвы; и вы введены внутрь скініи Божіей, Церкви Христовой; и вы поставлены здѣсь, у алтаря Господня, воспитатися предъ Господемъ. Вспомните же каждая вашихъ Іоакима и Анну—вашихъ отцовъ и матерей, вспомните ихъ молитвы, ихъ слезы, ихъ заботы, труды, лишенія, воздыханія о васъ, и по образу юной отроковицы Маріи, явите дѣтское послушаніе ихъ волѣ. Вспомните, что въ эти свѣтлые минуты вашего храмового и школьнаго праздника тамъ вдали, въ селахъ и деревняхъ, въ горныхъ поселеніяхъ, среди снѣговъ, среди непроходимыхъ ущелій, по всему лицу вашей родины ваши отцы и матери ждутъ отъ васъ добра плода ученія. Исполните же любовно и охотно то, за чѣмъ они привели васъ сюда. Учитесь въ наказаніи и ученіи Господнемъ, со страхомъ Божіимъ, вырастая не въ ожиданіи грядущихъ благъ, не въ сознаніи вашихъ будущихъ правъ и преимуществъ, а въ предвѣдѣніи и предчувствіи приближающихся къ вамъ великихъ и святыхъ обязанностей. Какъ будущія работницы въ Церкви, какъ будущіе и наиболѣе образованные члены общества, какъ будущіе члены семьи, какъ будущія и наиболѣе сознательныя носительницы завѣтовъ отшедшихъ и отжившихъ поколѣній, завѣтовъ вѣры, любви, чистоты, смиренія, скромности,—вы намъ милы и дороги, вы привлекаете къ себѣ надежды не только вашихъ родителей, но и общества, и государства. Не оттого ли съ такою чуткостью, съ такимъ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ

относятся къ дѣлу воспитанія дѣтей люди самыхъ различныхъ направлений. Печально зрѣлище борьбы этихъ направлений около школы и невинныхъ дѣтей, когда однимъ хочется воспитать ихъ, по примѣру Богоматери, подъ крыломъ Церкви, напоить ихъ благочестіемъ, внѣдрить и вдохнуть въ нихъ начала любви къ Богу, къ ближнимъ, отечеству, любви и послушанія Матери-Церкви,—а другимъ хочется оторвать дѣтей отъ родной почвы, воспитать на началахъ чуждыхъ и для этого прежде всего отчуждить и оторвать отъ Церкви. Печально зрѣлище этой борьбы; но да будетъ благословенно имя незавѣнного почившаго Царя-Миротворца, да будетъ благословенно имя нашего здравствующаго возлюбленнаго Государя: Ихъ воля о воспитаніи дѣтей въ нашемъ отечествѣ ясно и твердо высказана. Отечество нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, которые воспитаны будутъ въ духѣ православія и подъ кровомъ храмовъ Божіихъ. Растите же и вы, дѣти, подъ этой благостною сѣнью, живите, по примѣру Богоматери, здѣсь, у храма Божія. Она провела свои дѣтскіе годы при храмѣ въ трудахъ и молитвѣ: молитесь и вы, трудитесь и вы, не будьте бѣлоручками, обузой семьи и общества; Она начала свое воспитаніе полнымъ послушаніемъ волѣ родителей: сдѣлайте то же и вы; Она закончила свое воспитаніе обѣтомъ всесвѣто посвятить Себя Богу: обѣщайте и вы отдать *сами себѣ и другъ другу и весь животъ* *своей Христу Господу*—служить добру, бороться со зломъ, отдаваться долгу, какой Господь укажетъ въ жизни, всесвѣто, безраздѣльно. „*Никто, возложивши руку на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія*“ (Лук. IX, 62).

А вамъ что сказать, родители, старшіе, воспитатели? Предъ вами: Иоакимъ и Анна, приведшіе Дочь свою ко храму Господа. Ему они вѣвили и отдали выпрошенное и вымоленное сокровище, безцѣнное, безконечно дорогое, какъ только можетъ быть дорогое дитя отцу и матери. Слышите ли и вы голосъ нашего Спасителя: „*пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ*“? (Марк. X, 14.) Видите ли кругомъ въ жизни, что народились или, лучше сказать, выродились люди, къ которымъ прямо и буквально обратить можно это гнѣвное предостереженіе Господа?

О, пустите дѣтей приходить ко Христу, и во имя истинной любви къ нимъ, во имя ихъ блага не препятствуйте имъ. Вступить нѣкогда ваше дитя въ возрастъ, окружить его многошумная и многосложная жизнь людская,—и придутъ, придутъ дни печалей и скорбей, настанутъ дни горя и туги сердца и будуть надрывать молодую грудь; зависть вокругъ него сплететъ свои сѣти, ненависть наточить свой ножъ.... Пустите ребенка тепѣрь ко Христу, и онъ въ будущемъ не озлобится, не останется одинокимъ безъ утѣшения; онъ будетъ знать, куда и къ кому обратиться: въ храмѣ, въ которомъ услаждался онъ дитятей, обратится онъ къ Богу, хранителю своего дѣтства; во святыхъ алтаряхъ Его, какъ безпріютная птица, найдетъ онъ себѣ храмину успокоенія, и какъ бездомная горлица—гнѣзда свое... (Пс. 83, 4). Будутъ скорби, будуть болѣзни и страданія,—онъ скажетъ съ царственнымъ пророкомъ: *ты скроешь меня, Господи, въ селеніи Твоемъ въ день золь моихъ* (Пс. 25, 5). *Объяли меня муки смертныя, и потоки беззаконія устрашили меня; цепи ада облгали меня и сѣти смерти опутали меня: въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему помолился, и Онъ услышалъ отъ чертога Своего голосъ мой и волъ мой дошелъ до слуха Его.* (Пс. 17, 5—7).

Уходили многие отъ вѣры и Церкви и долго, и много бродили по распутіямъ міра; но въ кладенцахъ сокрушенныхъ—въ безводныхъ колодцахъ міра они не могли утолить жажды своего бессмертного духа, не находили утѣшения, не могли заполнить пустоты души и сердца и въ тоскѣ, въ уныніи на пути своихъ скитаній иногда случайно попадали въ Божій храмъ.... И вдругъ мановеніемъ чудной власти открывалось предъ ними все прошлое, вспоминалось имъ далекое и милое дѣтство съ его горячою вѣрою, осеняла ихъ тихая радость, въ душу входило чувство близости къ Богу¹⁾: и не разъ бы-

¹⁾ Приведемъ захватывающее стихотвореніе Добролюбова, столь близкое по изображаемой обстановкѣ дѣтямъ духовенства:

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будить во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беспечальная жизнь въ типинѣ.

вало, что плакали сладко скорбныя очи, трепетали молитвой закрытыя для нея прежде уста, сами собою сгибались непослушныя прежде колѣна, и приходили опять къ вѣрѣ и истинѣ блудныя дѣти Церкви..

А мы съ вами, братіе? Счастливы мы, если сохранили частицу дѣтской вѣры, дѣтскихъ чувствъ, если умѣемъ молиться по-дѣтски! Дѣтскими чувствами, въ самозабвеніи слышимъ и мы тогда здѣсь, во храмѣ, какъ бы безшумный шелестъ чихъ-то ризъ, какъ бы вѣяніе и трепетаніе чихъ-то крылъ, чье-то невидимое, но осязательное и сладостное присутствіе: то Христосъ коснулся души нашей, воспламененной дѣтскою вѣрою, то ангелы глянули намъ въ душу и приникли въ тайники ея.. Хотите ли дѣтамъ этого счастья на всю жизнь, хотите ли, чтобы они не испытывали никогда ни мрачнаго отчаянія, ни ужасовъ мертвящаго безвѣрія, ни страха духовнаго одиночества, ни муки и терзаній блуднаго сына: тогда пустите ихъ приходить ко Христу и не препятствуйте имъ! Пустите ихъ, по примѣру Иоакима и Анны, къ вѣрѣ, ко храму Божію и молитвѣ, къ религіозному наученію и воспитанію; не препятствуйте, напротивъ, помогайте имъ въ этомъ дѣлѣ и словомъ, и лаской, и примѣромъ собственной жизни!

Милыя дѣти! Счастливы вы, что введены во храмъ вашими родителями и воспитателями, по образу Приснодѣвы. Ея имѣнемъ и радостью нынѣшняго праздника мы просимъ васъ и молимъ: останьтесь дѣтьми предъ Богомъ навѣки! Сохраните дѣтскую вѣру, дѣтское послушаніе Церкви, дѣтскія чувства и

Въ ризахъ священныхъ отецъ мій мечтается
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ,
Умъ мой невольно раздумьею смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ.

Въ воспоминаніяхъ, въ самозабвеніи
Дѣтскими чувствами вновь я горю.....
Только уста ужъ не шепчутъ моленія,
Только рукой и креста не творю!

Что было въ тайникахъ души писателя при концѣ жизни, это—вѣдомо Единому, но несомнѣнно, если бы онъ пожилъ дольѣ, властныя воспоминанія и впечатлѣнія дѣтства привели бы его, какъ привели многихъ, и къ открытому исповѣданію возвратившейся вѣры...

дѣтское умиленіе молитвы, и, введенія во храмъ Господень, останьтесь въ немъ духомъ навсегда, до послѣдняго вздоха вашей жизни! Аминь.

Православные народы во всемирной исторіи.*

Мы переживаемъ годъ знаменательныхъ воспоминаній. Ардаганъ, Карсъ, Баязетъ, Эрзерумъ, Плевна, Шипка, Адріанополь, Софія и Санъ-Стефано—это только особо выдающіяся и памятныя имена, говорящія объ исключительно блестящихъ страницахъ изъ исторіи минувшей четверть вѣка назадъ славной русско-турецкой войны.

Удивительно быстро живеть русское общество, движется русская жизнь! Четверть вѣка—небольшой промежутокъ времени, но за эти годы какъ много мы пережили, какъ много видѣли и на печальной памяти берлинскомъ конгрессѣ, и на Балканахъ, среди болгаръ и сербовъ, и у себя дома, во внутренней жизни Россіи... Довольно сказать, что за это время мы переживаемъ третью царствованіе; довольно сказать, что тотъ мощный, всеувѣляющій объединительный взрывъ благороднѣйшихъ чувствъ русского народа, предъ объявленіемъ войны Турціи всколыхнувшій сердца, заставившій смолкнуть всѣ домашніе мелкіе счеты и неурядицы,—все это теперь представляется намъ въ чудной идеализациіи какъ бы давнѣмъ давно пережитаго прошлаго.

Да, мы многое пережили послѣ знаменитой войны и, можно сказать, уже отходимъ отъ нея вдали исторической перспективы. При такихъ условіяхъ и наши сужденія о ней, и наши впечатлѣнія отъ нея будутъ, если не такъ живы и непосредственны, зато болѣе глубоки и осмысленны: мы

* Слово предъ молебствіемъ по случаю двадцатипятилѣтнаго юбилея со днія взятія Плевны, 28 ноября 1902 года. Сказано въ Тифлісскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

имъемъ возможность теперь смотрѣть на нее въ связи событій, въ общемъ планѣ исторіи, съ высшихъ, объединительныхъ точекъ зренія.

Вчера помянули мы молитвою на браны убіенныхъ плевенскихъ героевъ. Сегодня благодаримъ Бога браней и Господа воинства за дарованную 25 лѣтъ назадъ победу; еще разъ благодарно вспоминаемъ почившихъ героевъ; воздаемъ хвалу оставшимся въ живыхъ; хвалу благодарную свидѣтельствуемъ русскому воинству; радостно сознаемъ, что есть чѣмъ утѣшиться, есть чѣмъ питаться и возрастать нашему законному патріотическому чувству. Все это прекрасно и всему этому надлежитъ быть.

Но то, что случилось послѣ войны: и берлинскій конгрессъ, и событія среди балканскихъ народовъ, успѣвшихъ удивить міръ неблагодарностью, не омрачаетъ ли нашей радости? Всеобщій подъемъ духа въ Россіи предъ войною не смѣнился ли уныніемъ и разочарованіемъ? Стоила ли война тѣхъ жертвъ, что она поглотила? Не напрасно ли мы и донынѣ несемъ въ области экономической жизни ея тяжкія послѣдствія?.. Раздавались и раздаются вѣдь нерѣдко эти голоса унынія и разочарованія!...

И вотъ, стоя теперь на отдаленіи, намъ виднѣе, намъ понятнѣе событія прошлаго. Нѣть, истинно великаго дѣла и истинно высокаго подвига никто и ничто не умалить: ни кажущіяся неудачи, и никакія осужденія! Нѣть, не напрасно русскій народъ предпринялъ свой подвигъ! Нѣть, не обмануло его сердце! И не даромъ принесли вы жертвы жизнью и кровью, почившіе герои наши!

Надъ жизнью временною властны законы вѣчности; надъ событіями мѣстными, единичными высятся планы и законы исторіи всемірной. Во имя этихъ-то законовъ, во имя своей міровой задачи, повинуясь своему высшему долгу, своему всемірному призванію, и подъялъ русскій народъ всѣ тяготы минувшей войны.

Къ глубокому, къ глубочайшему прискорбію, при несовершенномъ порядкѣ жизни, въ которомъ мы живемъ, войны неизбѣжны. Но есть войны корыстныя, предпринимаемыя ради узакаго блага народнаго, ради захвата, ради обогащенія. Этими

войнами полна история Западной Европы. Есть другія войны— войны идейныя; онѣ не несутъ народу корысти, онѣ часто, съ точки зрѣнія выгоды государственныхъ, понимаемыхъ въ грубомъ, материальномъ смыслѣ, повидимому, вредны для народа; но онѣ подымаютъ духъ, онѣ осмысливаютъ существованіе народа, онѣ даютъ ему право на почетное мѣсто въ общечеловѣческой жизни. Такими войнами богата русская история, и особенно история всего минувшаго девятнадцатаго столѣтія. Осуждать ли за это народъ, съ высшихъ, нравственныхъ точекъ зрѣнія? Считать ли это, по-просту говоря, нашу глупостью, какъ это нерѣдко повторяемъ мы, русскіе люди, вообще слишкомъ склонные къ самоосужденію? Но тогда и въ жизни отдалъныхъ лицъ нужно признавать умными только людей холоднаго расчета, а глупыми—всѣхъ, способныхъ на порывъ, на великодушіе и самопожертвованіе. Противъ этого, однако, возмутится всякая здравая совѣсть.

Глубоко воспитало православіе въ русскомъ народѣ эти благородные порывы самопожертвованія, жалости къ обездоленнымъ братьямъ. И не даромъ Провидѣніе изъ всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ православіе, избрало Русь во главу ихъ, чтобы чуткое сердце ея болѣзненно отзывалось на всякое страданіе въ православномъ мірѣ. Мы намѣренно говоримъ, что воспитало въ этомъ духѣ народъ нашъ именно православіе. Давно протоптана русскою ногою дорога и на Дунай, и къ Черному морю, и къ самому Цареграду. Болѣе тысячи лѣтъ мы знаемъ эту дорогу; она усыпана костями, напоена кровью нашихъ предковъ. Но иначе ходили туда Олегъ и Святославъ—язычники; и иначе ходили новые наши витязи и благовѣрные Императоры, кончая приснопамятными Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III. Не споримъ, у людей государственныхъ было историческое желаніе „овладѣть проливами“, но о немъ если и думали, то думали единицы, а миллионы народа въ теченіе столѣтій посыпали на смерть лучшихъ сыновъ своихъ, жертвовали кровными копѣйками, проливали слезы въ молитвахъ, чуждыя всякой мысли „о проливахъ“, руководясь исключительно возвышенными христіанскими чувствами. Это не кличъ „объединеніе Германіи“; это не желаніе

обладать золотыми рудниками въ Африкѣ или выгодными морскими путями и судовыми стоянками... Нѣть, здѣсь была вѣковая борьба свѣта и тьмы, креста и полумѣсяца, началъ христіанства, несущихъ жизнь міру и спасеніе, и началъ мусульманства, несущихъ ему дикость и озвѣреніе.

Стоить только бросить беспристрастный взглядъ на прошлые судьбы міровыя, на судьбы культурнаго и образованнаго человѣчества, чтобы убѣдиться въ сказанномъ, чтобы увидѣть, какое великое, всечеловѣческое значеніе имѣло наше святое, безконечно дорогое намъ православіе. Въ знаменательную пору исторіи его приняли славянскіе народы. То было время, когда восточная половина міра христіанскаго, исповѣдующая православіе, освященная стопами Христа и Его апостоловъ, съ древними и славными церквами, стала видимо склоняться къ упадку предъ налетѣвшою страшною грозою; она лишается силы, теряетъ область за областью и, наконецъ, совсѣмъ подпадаетъ власти турокъ. Но умирающая Византія изъ нѣдра своихъ изводить равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, и сокровище вѣры и истины находитъ новое хранилище среди молодыхъ народовъ славянскихъ, полныхъ жизни, силь и способностей. Они должны были вступить въ міровое призваніе православія, они должны были и креститься огненнымъ и кровавымъ крещеніемъ, которое судилъ Господь Своей избранницѣ—Церкви православной отъ первыхъ дней ея существованія, въ залогъ ея славы и величія. Ибо что мы видимъ въ дальнѣйшей исторіи?

Западный міръ, свободный отъ враговъ, удаленный отъ Турціи, развивается и зрѣть умственно, принявъ отъ гонимаго турками Востока всѣ сокровища образованности (въ эпоху возрожденія науки и искусства); народы его совершенствуются, постепенно формируются въ благоустроенные государства, развиваются науки и искусства, вырабатываются соціальные отношенія: все то, что называется европейскою культурою, европейскою цивилизацией. Какая, скажете, завидная доля! Какое захватывающее духъ зрѣлище пышнаго расцвѣта и духовной жизни, открытій, изобрѣтеній, успѣховъ! И какое невыгодное сравненіе съ восточными православными народностями, отстав-

шими отъ этого умственного движенія, отъ этой блестящей цивилизациі!

Да, это вѣрно. Но, братіе воалибленные, не спѣшите произносить укоризненный судъ надъ нашимъ дорогимъ православіемъ. Оно было велико въ другой области,—въ области терпѣнія, страданія и подвига; оно, чуждое гордыни, вѣками доказавшее умѣніе воспитывать въ своихъ сынахъ духъ самоотреченія и смиренія, приготовило въ православныхъ народностяхъ то, безъ чего погибла бы на зарѣ жизни блестящая культура Западной Европы. Мы, православные народы, спасли ее своею кровью, своими вѣковыми, ужасающими страданіями; мы отстояли отъ враговъ общечеловѣческое всемірное сокровище культуры и образованности. Кровавымъ полукругомъ страданій оградили съ востока и юга европейскую жизнь православные народы. Прослѣдите мысленно по картѣ міра. Тамъ, на востокѣ и сѣверо-востокѣ Европы, своюю грудью встрѣтила *православная* Россія дикія полчища монголовъ, скоро принявшихъ изувѣрный исламъ; цѣною собственной свободы, цѣною задержки своего духовнаго роста и внутренней жизни она остановила ихъ на пути въ Европу у воротъ Кіева и Галицкой Руси. Свою кровью здѣсь, на югѣ-востокѣ, залила родную землю *православная* Грузія; цѣною вѣковыхъ страданій и безпрерывныхъ разгромовъ удержала она напоры фанатичныхъ и жестокихъ персовъ и турокъ. Въ долгой мучительной агоніи умирала *православная* Византія съ ея *православными* народностями—греками, сирійцами, арабами, коптами; умирала подъ гнетомъ дикаго, изувѣрнаго народа, простирала руки къ Западу, звала на помощь, но осталась одинокою; отдавала она врагу область за областью, отдала и престольный Царь-градъ, красу міра, столицу христіанства, потомъ умерла, великая и въ самой смерти своей... А дикий врагъ шелъ все дальше и дальше, къ предѣламъ образованной Европы. Вотъ онъ уже въ виду Вѣны, у сердца Европы... Что было бы съ нею, съ этой образованной Европой? Было бы то, чтосталось съ Египтомъ, Сиріей и Малой Азіей, гдѣ вместо древней блестящей образованности царить теперь глубокій умственныи мракъ, гдѣ на мѣстѣ древнихъ цвѣтушихъ городовъ, бывшихъ центрами и родиной просвѣщенія, лежать однѣ

развалины... Было бы то, чтосталось съ древней Византіей, гдѣ подъ пятой ислама погибли вѣками накоплявшіяся духовныя и материальныя богатства, гдѣ убита творческая мысль, гдѣ умолкло свободное и образованное греческое слово, гдѣ безжалостно разбита и поникла въ безсиліи главою великая и славная Церковь, краса христіанства, мать величайшихъ отцовъ, глубочайшихъ богослововъ, христіанскихъ философовъ, злато-словесныхъ учителей. Эта судьба послѣ Византіи постигла бы и Европу, если бы на пути разрушительного шествія врага христіанства и цивилизациіи въ мученическомъ подвигѣ не полегли на поляхъ Коссовыхъ, на берегахъ Дуная, подъ стѣнами городовъ и монастырей, въ горахъ и на равнинахъ православные молдавы, православные болгары, православные сербы, православные черногорцы...

Они задержали разрушительный потокъ, но надолго потеряли свою политическую самостоятельность. Залитые кровью, задавленные врагомъ, отрѣбанные отъ Европы, народы православные въ рабской долѣ отстали духовно отъ образованности европейской, но не потеряли ни умѣнія чувствовать по христіански, ни своей духовной самобытности. Это сохранило для нихъ православіе. И пришла къ нимъ пора свѣтлыхъ надеждъ и возрожденія! И пришла бы эта пора къ нимъ и раньше, если бы спасенная ими Западная Европа не вступила въ по-зорный, противоестественный союзъ съ врагомъ христіанства, если бы она не давала Турціи оружія, войска и денегъ, если бы она не заливала кровью нашего Севастополя, если бы она, напримѣръ, устыдилась хотя бы въ первый день св. Пасхи бомбардировать беззащитную Одессу (11 апрѣля 1854 г.)...

Первою стражнула съ себя рабство Русь. Стала расти она, какъ сказочный богатырь, стала шириться и тѣснить врага христіанства и въ Казани, и Астрахани, и въ дальней Сибири, и на Кавказѣ, и въ Крыму. Все ближе и ближе она подходила къ вратамъ адovымъ, именуемымъ блистательною Портою, и вытѣснила ее съ передняго Кавказа, вытѣснила ее, а вмѣстѣ и Персію изъ Грузіи, огнь и мечъ вносила она въ сердце звѣря — губителя христіанскихъ народовъ. Народъ русскій смотрѣлъ на себя въ этомъ дѣлѣ, какъ на исполнителя воли

Божій; въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій онъ только и зналъ, что приносилъ жертвы за жертвами на войны съ Турцией за Гробъ Господень, за единовѣрные народы. Русскій народъ не могъ отдѣлить отъ своего бытія этой задачи. И вотъ, всѣ угнетенные народности Востока къ нему стали простигивать руки, у него привыкли искать защиты; имя Россіи слыпалось славно по всему Востоку. И стало завидно образованной Европѣ: и явно и тайно становилась она на пути русскаго богатыря; и явно и тайно, то союзами, то конгрессами, то угрозой войны, то открытою коалиціей державъ, то интригами среди православныхъ народностей, то интригами внутри Россіи среди ея домашнихъ враговъ, получающихъ изъ-за границы поддержку и сочувствіемъ, и деньгами,—она старалась подорвать и ослабить великий подвигъ Россіи. Отсюда севастопольскій погромъ, отсюда берлинскій конгрессъ, отсюда, главнымъ образомъ, и наши внутреннія нестроенія, отсюда и балканскія смуты даже до днѣ сего.

Но Россія вѣдь и не искала корысти въ своихъ войнахъ съ Турцией. Россія только исполняла свой долгъ. Въ страданіяхъ—залогъ будущей славы, силы, величія. Вѣчно слово: кто душу свою (жизнь свою) хочетъ спасти, тотъ погубить ее, а кто погубить душу свою (жизнь свою) ради Христа и евангелія, тотъ спасеть ее (Мрк. VIII, 35). Но и заклятые враги наши не посмѣютъ отрицать того, что русскій народъ, дѣйствительно, шелъ въ прошлую войну освобождать единовѣрныхъ братьевъ только во имя Христа и Его евангелія.

Поэтому ничто не можетъ омрачить радостнаго юбилея славной войны, безпримѣрной по благородству побужденій къ ней. И въ нынѣшній день, смотря на русскихъ воиновъ, мы чтимъ въ нихъ не только мужественныхъ ратниковъ, не только храбрыхъ защитниковъ отечества: мы чтимъ въ нихъ и видимыхъ совершилѣй невидимыхъ судебъ Божіихъ, исполнителей того, чего въ продолженіе столѣтій пламенно ожидали народы Востока, что составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ. И Церковь православная достойно и праведно радуется сегодня, ибо въ указаномъ нами ходѣ все-

мирной исторії она была одушевляющимъ и объединяющимъ началомъ жизни страдающихъ народовъ Востока.

Пусть же никогда не померкнетъ въ нашемъ сознаніи міровое призваніе Руси православной! Пусть не уныніе, а сознаніе исполненного долга и завѣтовъ всей минувшей исторіи—вотъ что вдохновляетъ насть въ переживаемыхъ воспоминаніяхъ минувшей войны; все, что было послѣ войны горькаго и непріятнаго, все это—облачко: пройдеть оно. Россія стояла на верху высоты всемірной—одна предъ лицомъ Бога и людей; все прочее возлюбило выгоды земныя и водилось недостойными разсчетами. Что же удивляться, что это святое призваніе потребовало напряженія всѣхъ силъ и средствъ народныхъ? Но отказатьться отъ великаго и святого подвига—значило бы отказатьться отъ предопредѣленія Божія и отъ *нравственнаго права на существованіе*. Ясно и твердо это предопредѣленіе, и какъ бы искусственно ни оживляли разлагающейся трупъ ислама, какъ бы народы Западной Европы ни поддерживали знамени Магомета, оно вѣтшаетъ на нашихъ глазахъ, рвется по частямъ; исламъ разлагается воочію. Это знаетъ и чувствуетъ прежде всего онъ самъ.

Пусть же никогда не умретъ въ насть и среди насть способность къ благороднымъ порывамъ, къ идейнымъ начинаніямъ и подвигамъ! Пусть Древо жизни, Крестъ Христовъ, нами подъятый надъ полумѣсяцемъ, останется навсегда нашимъ знаменемъ и вмѣстѣ символомъ спасенія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ: симъ побѣдиши! Пусть сознаніе цѣны нашего православія растетъ и въ ширь и въ глубь въ нашей дорогой родинѣ: оно содѣлало насть великимъ, міровымъ народомъ, пусть же пребудетъ оно во вѣки вѣковъ нашей святынею, источникомъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ подвиговъ!

Заключимъ наше слово словами св. апостола, преисполненными глубокаго религіознаго трепета и благоговѣнія,—тѣхъ чувствъ, которыя такъ мощно проявились въ русскихъ сердцахъ во всѣ наши народныя войны:

Братіе! „Богу благодареніе, всегда побѣдители насть творящему о Христъ Гисусъ“ (2 Кор. II, 14). Аминь.

Съмъ святое.*

Какъ отъ теревинеа и какъ отъ дуба,
когда они и срублены, остается корень
ихъ, такъ святое съмъ будеть корнемъ ея.
(Ис. VI, 13).

Это—слова Господа, обращенные нѣкогда къ пророку Исаї при самомъ избраниі его на пророческое служеніе. Въ тяжелую пору жизни древняго Израиля къ нему посланъ быль великий

* Рѣчь по освященіи храма въ Ахтальскомъ древнемъ возобновленномъ монастырѣ Грузинской епархіи, при священнослуженіи Его Высокопреосвященства экзарха Грузіи 15 декабря 1902 г.

Въ воскресеніе, 15 декабря 1902 года, состоялось торжество освященія возобновленного храма въ древнемъ знаменитомъ Ахтальскомъ монастырѣ, при священнослуженіи высокопреосвященнаго Алексія, экзарха Грузіи. Владыка прибыль въ монастырь наканунѣ торжества съ поѣздомъ Карской желѣзной дороги и отъ станціи частью въ випажѣ, частью пѣшкомъ прибыль прямо въ новоосвященую церковь къ вечернему богослуженію. Раастояніе отъ станціи Ахтала до монастыря не болѣе $3\frac{1}{2}$ верстъ, но пройти его, вслѣдствіе полной неустроенности дороги и крутихъ подъемовъ, очень затруднительно, особенно въ дождливую погоду. Но какъ бы ни была трудна эта дорога, поѣзтитель этой чудной мѣстности вполнѣ вознаградитъ себя за трудъ и неудобства пути поистинѣ рѣдкими по красотѣ, восхитительными видами. Прекрасная мѣстность, въ которой расположилась обитель, защищеннная со всѣхъ сторонъ высокими горами, всюду лѣсь, журчашіе ручьи, постоянно мѣняющейся камѣдоскопъ видовъ при путешествіи, горный чистый воздухъ,—все это дѣлаетъ путешествіе чрезвычайно пріятнымъ. Недалеко отъ обители расположились оставленные теперь шахты и постройки бывшаго адѣль французскаго мѣдеплавильного завода. Золотые, серебряные и мѣдные рудники разрабатывались адѣль настари; говорять, содержаніе ихъ столь было богато, что до постѣднаго времени находили выгоду даже въ переработкѣ старого, отработаннаго шлака, и при этомъ получали достаточное содержаніе металла. Сохранились извѣстія, что грузинскіе цари получали отсюда ежегодно до 100 фунтовъ чистаго золота. Подаренные Иракліемъ II-мъ въ Міхетскій храмъ въ 1776 году священные сосуды были, какъ говорятъ, сдѣланы изъ золота, добытаго въ Ахтalu. Вся мѣстность кругомъ была густо заселена уже въ глубокой древности; кругомъ видны многочисленныя развалины церквей и другихъ строекъ; но нашествія враговъ, монголовъ, а въ послѣднее время леаги изъ опустошили эту страну. Въ постѣдній разъ Омаръ-ханъ леагинскій напалъ на Ахтalu; жители въ отчаяніи искали тогда убежища въ обители и съ чудомъ храмъ. Теперь величественный монастырь съ его знаменитымъ храмомъ, этимъ чудомъ стариннаго искусства, лежитъ въ пустынѣ.

проповѣдникъ и глашатай слова Божія. Тяжело было и пророку исполнить Божественное посланничество. Кругомъ его въ жизни родного ему края и народа какъ бы развертывался

Кругомъ его въ сколько жалкихъ деревушекъ грековъ, бывшихъ рабочими на прежнихъ заводахъ, — вѣтъ и все почти христіанское населеніе. Грустное чувство охватываетъ зрителя при видѣ краснорѣчивыхъ памятниковъ былой жизни, бывшей адѣль нѣкогда ключемъ, былого великолѣпія... Что за храмы! Что за постройка! Предъ вами величественное зданіе, мало чѣмъ уступающее по величинѣ знаменитому Ипскетскому храму, выстроенное съ величайшимъ искусствомъ. Прекрасный порталъ, туда рѣзьба по камню, цѣлое плетеніе изъ камня, какъ бы кружевное, цѣлтвъ, крестовъ, фигуры причудливыхъ рисунковъ; кресты и украшения надъ алтарной частью и на боковыхъ фронтонахъ храма просто не поддаются описанію. Торжественная тишина царитъ внутри храма. Войдетъ въ него — вѣсъ поражаютъ остатки былого великолѣпія: обширный алтарь, сѣдалище учишаго адѣль епископа, прекрасные фрески, величественные фигуры, еще сохранившіяся, древники святителей, огромный образъ Богоматери на алтарной стѣнѣ, что надъ горнимъ мѣстомъ. Какое это было великолѣпіе въ свое время, и какихъ стоило усилий и жертвъ устроить въ этой неприступной и гористой мѣстности такое чудное зданіе! Куполь храма, крыша его, — все было еще недавно въ запустѣніи, непокрытый храмъ погибъ отъ сырости и непогоды. Но, славу Богу, трудами русскихъ иноновъ, приведшими сюда, очень многое сдѣлано. Устроена теперь временный куполь, сдѣланая прочная крыша: храмъ спасенъ отъ разрушенія и пригоденъ для богослуженія.

Теперь братія монастырская насчитываетъ въ своей средѣ болѣе 30 человѣкъ, устроены настоятельскіе покоя, халмы для монаховъ и послушниковъ, трапезная, учреждено правильное богослуженіе, заведены хоры пѣвчихъ. Неудобно было ма- почтенному составу братіи служить въ огромномъ и холодномъ храмѣ, особенно зимою; поэтому иноны возвеличили и прекрасно отѣлали небольшую церковь, бывшую въ полномъ запустѣніи; церковь устроена теплая, обогащена чудными иконостасомъ московской работы, ризницей и утварью. Для окружавшихъ селеній нужна была школа, иноны нашли средства и для нея, и школа была открыта въ день освященія обновленной церкви. Торжество освященія прошло прекрасно. Вечеромъ въ субботу монастырь былъ иллюминированъ. Всенощное бдѣніе совершило владыка-екзархъ, при пѣнѣ монастырскихъ пѣвчихъ. На другой день рано утромъ, до літургіи, архипастырь отправился обозрѣвать всѣ монастырскіе постройки, дѣлать на мѣстѣ указанія, давать советы относительно будущихъ зданій. За літургію сопутствовалъ архипастырю протоіерей I. Восторговъ сказала рѣчъ, въ которой вылились чувства, навѣянныя всѣмъ видѣніемъ въ обители и ея прошлую трагическую исторіей. Послѣ службы открыта была монастырская школа, устроена была праздничная трапеза. Владыка затѣмъ еще побесѣдовалъ съ братіей монастыря и отбылъ въ г. Тифлисъ съ поѣздомъ Карской жалѣзной дороги. По указанію архипастыря, въ виду станціи Ахтала, на высокой горѣ, что около монастыря, поставить теперь большой, издалека видный крестъ, какъ обозначеніе расположенной около святой обители.

По линіи жалѣзной дороги, по направлению къ Карсу, въ вѣсколькихъ верстахъ отъ Ахтала, находятся развалины прекрасныхъ нѣкогда храмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще уцѣлѣли, а одинъ даже годенъ къ богослуженію; эта святыни теперь приписаны къ Ахтальскому монастырю.

свитокъ, видѣнныи нѣкогда другимъ пророкомъ, свитокъ, на которомъ вписаны были роковыя слова: „рыданіе, жалость и горе“. Погибалъ древній богоизбранный Израиль; погибалъ народъ священниковъ и пророковъ,—народъ, который былъ наслѣдникомъ великихъ и святыхъ обѣтованій. Отовсюду, какъ жадные хищники, зачуявши добычу, налетѣли на него враги. Съ сѣвера и юга терзали его безбожные язычники, а внутри царила неурядица, измѣна вѣры, побіеніе пророковъ, озлобленіе за всякое слово правдиваго обличенія. При такомъ положеніи чей духъ не предался бы отчаянію, чье сердце оказалось бы твердымъ, полнымъ вѣры и упованія?

И вотъ Господь при посольствѣ пророка на проповѣдь даетъ ему въ напутніе, какъ свѣтлое утѣшеніе будущаго, какъ поддержку среди грядущихъ испытаній и преслѣдованій, радостное указаніе. Какъ бы такъ говорить Онъ: „Не погибнетъ твой народъ, не погибнетъ твоя родина. Какъ отъ терновника, и какъ отъ дуба, когда они и срублены, остается корень ихъ, такъ и святое сѣмя будетъ корнемъ ея“. Срубятъ враги древо Израиля; безжалостно расхитятъ его вѣтви и стволъ, но нужно стараться, чтобы остался корень его. И придетъ пора, наступить счастливые дни, когда отъ корня побѣгутъ могучіе отпрыски, обновится какъ бы замершая жизнь; отростутъ снова зеленѣющія вѣтви, вырастетъ и стволъ, радостно зашумить воскресшее дерево, заиграетъ въ немъ бодрая и веселая жизнь... И видѣлось пророку сквозь мглу грядущихъ вѣковъ: вотъ обновляется новый Іерусалимъ, крѣпнетъ духовно народъ; отъ него исходить слово Божіе, слышимое всей землѣ; явлена будетъ гора Божія, домъ Божій среди него; отъ Сиона исходить законъ и слово Господне отъ Іерусалима. Объятый пророческимъ вдохновеніемъ, Исаія восклицаетъ: „Воавеселись неплодная, нерождающая, возгласи, возопій нечревоболѣвшая, ибо много чадъ у оставленной,—больше, чѣмъ у имѣющей мужа“ (Ис. главы 2, 54, 60). Свершится это чудо духовнаго умноженія; обновятся алтари, воздвигнутся запустѣвшія святыни!

Не въ смыслѣ плотскомъ исполнилось это завѣтное предреченіе и желаніе пророка, а въ смыслѣ духовномъ; не въ обыкновенномъ политическомъ смыслѣ воскресъ древній Изра-

иль, никогда и прежде не игравшій видной и міровой политической роли, а въ смыслѣ сохраненія и развитія того животворного корня, который составляетъ сущность и основаніе бытія и богоизбранія древняго Израиля, т.-е. вѣры истинной и всемірныхъ чаяній богооплощенія. Не полководцы и завоеватели, не правители, не служители земного устроенія народа еврейскаго спасутъ его отъ гибели; это сдѣлаютъ люди, названные выразительнымъ именемъ: *съмъ сяятое*. Подъ этимъ именемъ въ священномъ писаніи разумѣются люди благочестивые, для которыхъ воля Бога, исполненіе Его закона составляетъ въ жизни все; это люди религіозные, набожные, согрѣтые святымъ огнемъ горячей, ревнующей вѣры. Они спасутъ Израиля. Они сохранять въ немъ жизнь, они дадутъ ему духовное бытіе, заслугу въ очахъ Божіихъ, и славу въ признателной памяти людей, наследниковъ ихъ великаго и святого духовнаго достоянія.

Все это приходитъ намъ на мысль въ настоящія торжественные минуты возобновленія вѣковой Ахтальской святыни. По широкому раздолю этой прекрасной страны, въ этихъ горахъ и долинахъ издавна жилъ и живеть народъ—дорогое достояніе Божіе, народъ вѣрующій, древнеправославный. Въ цвѣтущую пору его жизни, въ расцвѣтъ его самосознанія, его духовнаго роста, его вѣры, благочестія, образованности, усилиями благочестивыхъ царей, заботами святыхъ пастырей,—вольнымъ—во имя Бога, во имя высшихъ задачъ человѣческаго существованія,—вольнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ благочестиваго народа, яркими свѣчами предъ Богомъ по горамъ и доламъ засяли величественные храмы, выросли святыя обители, устроились тысячи алтарей и освятили эту землю. Нѣть человѣка, который не отнесся бы къ этимъ священнымъ памятникамъ съ глубокимъ благоговѣніемъ; нѣть человѣка, который не отнесся бы съ почтительнымъ удивленіемъ къ народу грузинскому, который такъ краснорѣчиво, въ назиданіе вѣкамъ, засвидѣтельствовалъ о своемъ благочестіи.

Но пришла для него тяжелая пора—и пусть не смущается этимъ никакая вѣрующая душа: Богъ нерѣдко праведнымъ

посыпалъ страданія; Богъ нерѣдко, какъ золото въ горнилѣ, испытывалъ и укрѣплялъ въ испытаніяхъ вѣру преданныхъ Своихъ сыновъ отъ Авраама и Іова до мучениковъ христіанскихъ, отъ первыхъ дней міробытія и до нашихъ дней и до скончанія міра. Пришла для Грузіи тяжелая пора. Какъ древній Израиль, народъ грузинскій погибалъ отъ руки враговъ. Не съ сѣвера только и юга, но и съ запада и востока налетѣли на него монголы, арабы, персы, турки, леазины—дикіе сыны іслама, вѣкъ за вѣкомъ заливали кровью эту страну благочестія, избивали ея сыновъ, разрушали ея храмы и обители, оскверняли ея святыни и, наконецъ, до дна и совершенно исчерпали, какъ у древніго Израиля, политическое бытіе народа. Умирающая Иверія могла сказать и жаловаться Богу словами древніго пророка: „Боже, придоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святый Твой, положиша Іерусалимъ яко овощное хранилище, положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ; проліши кровь ихъ, яко воду окрестъ Іерусалима—и не бѣ погребай!“ (Пс. 78, 1—3).

Одна за другою обрублены были вѣтви древа жизни народной, исчезъ и самый стволъ его: Грузія уже не могла болѣе существовать, какъ политическое тѣло. Но остался отъ нея корень духовной жизни народа,—а духъ вѣдь дороже тѣла! Онъ не умеръ, этотъ корень, и не изсохъ; онъ могъ еще дать могучіе отпрыски, еслибы засіяли надъ нимъ теплые и ясные дни, еслибы склонился надъ нимъ кто-либо съ заботливою любовію... И пришли для Грузіи эти свѣтлые дни. Уже было въ смертельной опасности святое святыхъ духовной жизни народа—его вѣра; уже лежали въ развалинахъ его святыни; уже десятки тысячи его сыновъ, подъ вліяніемъ невыносимаго гнета враговъ, отступили отъ вѣры и потянулись къ черному морю мусульманства... Но отъ сѣвера пришло избавленіе. Пришелъ народъ святорусскій, единовѣрный, и цѣною великихъ жертвъ и геройскихъ усилий вырвалъ Грузію изъ когтей врага, и спасъ народную душу ея. Родство по духу и вѣрѣ выше и крѣпче родства по плоти: Россія и Грузія соединились и срослись наивѣки неразрывными узами. Что залечить жестокія

раны этой страны? Что принесет ей спасение и обновление жизни? Ответомъ служатъ слова пророка: *съмъ святое будетъ корнемъ ея*. Вся забота виѣшняго устроенія жизни—правленія, суда, воинствованія—взята теперь въ сильныя и надежныя руки. Въ этомъ отношеніи народъ грузинскій гораздо счастливѣе древняго Израїля, покоренного врагами силою оружія, а не отдавшагося, какъ Грузія, добровольно, подчиненнаго языческому государству, а не соединеннаго, какъ Грузія, съ единовѣрнымъ и братскимъ народомъ. Но настоитъ теперь забота объ оживленіи духовнаго корня народной жизни. Да будуть благословенны святыя усиія тѣхъ, кто желаетъ воскресить вѣру народную въ красотѣ ея древняго здѣсь процвѣтанія, кто хочетъ возвратить отпадшихъ отъ Церкви, кто хочетъ путемъ богослуженія, проповѣди, путемъ воспитательной школы внести свѣтъ во тьму невѣдѣнія, въ религіозное сознаніе народа; кто возстановляетъ древнія святыни и будить въ народѣ воспоминанія о древнемъ благочестіи, кто вносить въ жизнь этого края начала христіанской вѣры, кто поддерживаетъ здѣсь вѣковую и неустанную денно-нощную труженицу—Церковь святую православную. И слава Богу! Можно воскликнуть съ древнимъ пророкомъ: „*возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопій... яко многоа чада пустыя паче, неожени имущія мужа!*“ Сoverшается и растетъ здѣсь на нашихъ глазахъ дѣло Божіе, несмотря на противодѣйствія его явныхъ враговъ и на іудино окаянство его мнимыхъ друзей и родителей! Зеленѣютъ отпрыски духовнаго корня жизни народа, растутъ просвѣтительныя учрежденія. Выходите же, выходите вы, истинное *съмъ святое*, трудитесь надъ нивою Божіею! Все здѣсь истинно народное, все церковное во всѣхъ областяхъ жизни, все древне-православное, все свято-преданное да будетъ предметомъ нашей заботливой любви, охраненія, иѣжнаго ухода! Здѣсь и сейчасъ—живое свидѣтельство этого. Возстановляется вѣковая святыня Ахтальская, увы, пока еще въ пустынѣ, которая 1000 лѣть тому назадъ была раемъ земнымъ, была богата и славна своимъ многочисленнымъ христіанскимъ населеніемъ. Но да не смущается сердце наше! Царство Божіе подобно зерну горчичному; люди благочестивые—*съмъ святое*. Велика

жизненная сила зерна или съмени. При раскопкахъ древнихъ могилъ въ далекомъ отъ нась Египтѣ ученые люди находили зерна въ рукахъ засохшихъ труповъ мертвцевовъ, положенные туда по старинному обычая. Пять тысячъ лѣтъ могильного холода и мрака пронеслись надъ этими зернами, но когда ихъ посыпали въ землю, они въ первый же годъ дали пышные всходы... Еще выше, неизмѣримо сильнѣе и важнѣе значеніе съмени сълтаго въ жизни людей: оно мощно, оно живуче и преемственно-вѣковѣчно. И смотрите: смолкли здѣсь стоны убиваемыхъ, отошли, отброшены враги—и гдѣ ихъ сила? Отъ монголовъ остались жалкіе останки; Турція и Персія и въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніяхъ—трупы, надъ которыми уже вѣютъ призраки смерти. А православныя народности, ими нѣкогда задавленныя и порабощеныя, живы; а вѣра Христова не умерла; а будущее православія и православныхъ народовъ—свѣтло и жизнерадостно. Все это сдѣлало сѣмѧ святое. И только что оно явилось сюда на развалины этой древней святыни,—какъ немедленно появились молодые и новые его отпрыски: обновленъ и спасенъ отъ гибели одинъ храмъ; освященъ сейчасъ другой; устроется обитель, приобрѣтается населеніковъ; замышляется устроеніе школы. А вчера, въ буквальномъ смыслѣ только вчера, волею архипастыря присоединены къ обители еще окрестныя древнія святыни, чудные памятники расцвѣта здѣсь православія. И кто знаетъ: быть-можеть, святыни, какъ грады, верху горы стоящіе, стянуть къ себѣ окрестныхъ жителей и отсюда изыдеть законъ и слово Господне во всю страну. Намъ не дождаться, быть-можеть, этой поры: но мы сѣмѧ въ духъ, а не въ плоть, въ грядущее, такъ же, какъ и настоящее.

Да будетъ же благословенно и пріумноженно въ нашемъ краѣ сѣмѧ святое! Истинное счастіе Грузіи—ея сохраненная вѣра, истинное отечество ея—православіе, истинный корень ея жизни—Церковь Христова. А въ Церкви нѣсть эллинъ и іудей. Кто бы ни возобновилъ эту святыню—русскій ли монахъ, или природный грузинъ, на русскія ли даянія отъ благочестивыхъ сыновъ внутренней Россіи, или на мѣстныя жертвы,—не все ли равно? Кто бы ни спялъ, кто бы ни поливалъ, возраститъ все Богъ,—такъ говорить апостолъ. Лишь бы только

возобновлялись святыни, лишь бы укреплялась и возгревалась вѣра, лишь бы росло и ширилось православіе. Кто истинно любить Грузію, кто желаетъ истиннаго добра ей и всему нашему краю, тотъ долженъ служить ей, главнымъ образомъ, именно въ этой духовной области жизни. Ибо съмѧ святое—стояніе народа. Не политики, не завоеватели, не управители и устроители вѣшней жизни обновять и укреплять задавленный историческими невзгодами народъ: корень его жизни—духовныя, а не плотскія сокровища. Пусть сохранятся вѣтви и стволъ дерева. Но если погибъ корень, и они погибнутъ. Иное дѣло, если живъ и силенъ корень. Тогда по отношенію къ этой странѣ дѣйствительно будетъ слово пророка, которымъ мы и начали и заключаемъ нынѣшнюю бесѣду: „Какъ отъ теревинеа и какъ отъ дуба, когда они и срублены, остается корень ихъ, такъ святое съмѧ будетъ корнемъ ея!“ Аминь.

На стражъ народнаго блага.*

Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе
трудиша зиждущи; аще не Господь со-
хранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій (Пс. 126, 1).

Это—слова священной библейской мудрости. Глубоко начертаны они на сердцѣ нашего русскаго народа, глубоко усвоены всѣмъ складомъ его жизни. Вѣрить народъ нашъ, что всякое дѣло нужно и начинать, и продолжать, и оканчивать, охраняя его молитвою, не въ самомнительной гордынѣ, не въ самонадѣянномъ упованіи на собственныя слабыя силы, а въ смиренной мольбѣ о помощи Божіей.

Какъ отрадно знать и видѣть, что, послѣдняя этимъ хри-

* Рѣчь на молебствіи по случаю столѣтнаго юбилея существованія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и другихъ министерствъ Российской Имперіи; 30 декабря 1902 года. Сказана въ присутствіи Главноначальствующаго на Кавказѣ и высшихъ подвѣдомыхъ ему чиновъ.

стіанскимъ убѣжденіямъ нашего народа, въ благочестивомъ усердіи явились нынѣ и вы, достопочтенные мужи совѣта и власти, къ алтарю Господню въ день столѣтія существованія важнѣйшаго въ государственномъ организмѣ Россіи учрежденія, которому вы споспѣшествуете трудами вашими на этой далекой русской окраинѣ! Да благословитъ Господь ваше благочестивое усердіе, ваши входы и исходы, дѣянія, словеса и помышленія!

Христіанство никогда не указывало и не начертывало въ точныхъ и опредѣленныхъ формахъ какого-либо государственного порядка или общественного устройства. Всемірное, вселенское и вѣчное, съюще въ духъ, а не въ плоть, указывающее на небо, а не на землю,—оно было чуждо вопросовъ о государственныхъ учрежденіяхъ или о формахъ общественной жизни. Но, не предписывая въ этомъ отношеніи никакихъ опредѣленныхъ установлений, оно, тѣмъ не менѣе, ясно указало ихъ общей смыслъ и значеніе и тѣмъ возвысило ихъ и одухотворило: оно смотрѣть на нихъ, какъ на служебное орудіе для достиженія нравственныхъ цѣлей, какъ на средство проведенія въ жизнь и осуществленія христіанскихъ началь и заповѣдей евангелія. Здѣсь именно глубокій смыслъ и оправданіе его союза съ государствомъ.

Каково бы ни было это государство, въ какія бы формы ни отливалась жизнь царства человѣческаго,—по ученію христіанства, оно прежде всего и главнѣе всего должно служить задачамъ царства Божія.

Полною мѣрою любви, всею горячностью молитвы Церковь призывала и низводила благословеніе Божіе на главы вѣнчанныхъ христіанскихъ царей, начиная отъ равноапостольнаго Константина и до нашихъ россійскихъ болголюбивыхъ Монарховъ. Изъ устъ апостоловъ поучалась она воздѣвать на всякому мѣстѣ преподобныя руки (1 Тим. II, 8) и творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія не только за царя, но и за тѣхъ, иже во власти суть (ст. 2), т.-е. за васъ, возлюбленные братя! Съ проникновенною сердечностью, съ глубокимъ умиленіемъ неизмѣнно поминаетъ она въ священный чась литургіи даже въ тайныхъ молитвахъ, неслышимыхъ народу,

всякое начало и власть и иже въ палатѣ братію нашу (литург. Св. Василія Великаго); на торжественныхъ и всенародныхъ моленіяхъ вслухъ вѣрующихъ просить она Господа, чтобы Онъ управлялъ подчиненные Государю правительства на путь истины и правды.

Всего этого желаетъ Церковь для цѣлей царствія Божія, молится она о царѣ и властяхъ, да и мы въ тишинѣ ихъ тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. II, 1). Помнить Церковь Христова, что для этого у власти, по слову Божію, должны быть мужи смиренны, смотрѣливы, добрые совѣтники (Втор. I, 18); помнить она страшныя прещенія Божіи народамъ, которымъ, какъ величайшее наказаніе за грѣхъ и нечестіе, Господь обѣщаетъ поставить юношь въ князья и безумныхъ въ правители, т.-е. грозить наказать неустройствами государственной жизни (Ис. III, 4).

Итакъ, если служители земной власти ищутъ помощи у Церкви и чрезъ нее, какъ вы сейчасъ, приносятъ смиренныя свои молитвы Богу, то и Церковь не можетъ быть чуждою и холодною къ нимъ не потому только, что они—ея сыны, что они, какъ христіане, ищутъ ея молитвы, но и потому, что они—служители богоустановленной власти и благословленнаго Богомъ государства. И нужно ли долго и много изъяснять, какъ русская Церковь съ величайшими самоотверженіемъ и самоотречениемъ служила государству, какъ она охраняла Царей и народъ, какъ скорбѣла она ихъ скорбями и радовалась ихъ радостями, какъ непрестанно молилась о Царѣ и царствѣ, какъ показывала въ своихъ сынахъ, въ назиданіе всему миру, адරавый образъ вѣрноподданства и благоговѣнія къ Помазанникамъ Божімъ? Можно сказать, что союзъ русской Церкви и русского государства—это единственный и безпримѣрный въ истории союзъ непрестанной и вѣрной любви и нерушимаго мира. Союзъ ихъ въ Господѣ и для Господа, и посему къ нему съ полной вѣрою можно приложить слова древняго святого Царя-пророка: „Господь созидаетъ этотъ домъ, Господь сохраняетъ этотъ градъ: оттого не всуе трудишася зиждущіи и не всуе бдѣ стрегій“.

Здѣсь бы и конецъ нашему слову. Но оно невольно простирается далѣе, при видѣ современности, и отъ приведенныхъ сейчасъ общихъ соображеній и христіанскихъ чувствованій переходить, въ частности и въ отдѣльности, къ тому учрежденію, представителей котораго мы видимъ передъ собою, разумѣемъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Ни одна другая отрасль государственного управления не служить такъ непосредственно и часто задачамъ Церкви, какъ это, облеченнѣе самыми широкими полномочіями въ Россіи вѣдомство. Здѣсь охрана государственной и общественной безопасности; здѣсь борьба съ врагами государства, которые, по тѣсной связи церковнаго и гражданскаго начала въ Россіи, всегда и неизмѣнно въ то же время и враги Церкви; здѣсь охраненіе цѣлостности народной вѣры и воспитаніе народа въ духѣ православія и заповѣдей евангелія; здѣсь охраненіе народной мысли отъ соблазновъ и растлѣнія печатнаго слова, этого обоядоостраго орудія, могущаго служить и къ великому созиданію, и къ величайшему разрушенію, смотря по тому, въ чьихъ и въ какихъ рукахъ оно находится; здѣсь попеченіе о храмостроительствѣ, о приходской жизни, о приходскомъ духовенствѣ; здѣсь борьба съ сектантствомъ; здѣсь указаніе нормального положенія неправославныхъ исповѣданій и ихъ отношеній къ господствующей Церкви; здѣсь ясно и неуклонно проводится мысль о томъ, что православіе есть виждительная сила Россіи. Если позволительно и умѣстно привести сравненіе какого-либо учрежденія съ указаннымъ въ псалмѣ образомъ бодрствующаго стражи, то оно всего болѣе приложимо къ тому вѣдомству, представителями котораго являетесь вы, достопочтенные слушатели.

Но если когда, то въ наше время особенно важно и необходимо и намъ и вамъ стоять во всеоружіи на великой стражѣ церковной и государственной; нужно подать другъ другу руки, нужно соединиться и объединиться въ великой работѣ и борьбѣ противъ грядущей смуты. Смута идетъ и надвигается со всѣхъ сторонъ, отрицательныя теченія усиливаются, враги государства и Церкви не дремлютъ. Да не смущается сердце наше! Предъ соединеніемъ силь положительныхъ, окрыленныхъ

вѣрою и Божіимъ благословеніемъ, поблѣднѣють въ безсиліи служители зла, сокрушаются и демоновъ немощныя дерзости. Не оскудѣли мы и мужами смысленными. Во главѣ Министерства стоять теперь мужъ испытанной твердости, умудренный сѣдиною лѣтъ и широкаго государственного опыта, уже явившій мощь духа, твердость и непреклонность русскаго дѣла на далекой мятущейся окраинѣ. Не напрасно Державная власть указала ему быть преемникомъ человѣка, павшаго отъ руки убійцы кровавою жертвою долга своего важнаго и отвѣтственнаго служенія. Сойдемся же всѣ у алтаря Господня! Возвернемъ на Господа упованія, печаль напу передъ нимъ возвѣстимъ! Разобщенные и раздѣленные вѣтъ союза во Христѣ и Его Церкви, мы и въ силѣ явимся слабыми; но этаъ часть молитвы, но это священное настоящее собраніе наше, эти дорогія минуты взаимнаго и совмѣстнаго предстоянія Господу говорять намъ о томъ, что мы не раздѣлены, что мы живемъ и мыслимъ въ единой вѣрѣ и единомъ духѣ. Пусть же и впредь въ вѣкахъ грядущихъ въ жизни Россіи будетъ крѣпокъ союзъ Церкви и государства: въ немъ залогъ крѣпости и жизненности нашего царства. Да приидетъ оно „все въ достоинство“, какъ выражались наши предки, чтобы Господь созидалъ домъ его, чтобы Господь охранялъ грады его, чтобы не всуе трудиша сиждущій и не всуе бдѣ стрегій. Аминь.

Значеніе святой вѣры.*

Желаніемъ досточтимой матушки игуменіи я нынѣ, помолившись съ вами и о васъ, возлюбленныя сестры, и вы, дорогія дѣти, учащіяся призываюсь къ слову поученія церковнаго. Знаю, что и вы, кое-что слышавши обо мнѣ, можетъ-быть, надѣетесь изъ устъ моихъ получить урокъ особенно глубокій,

* Въ нед. 31-ю, въ Водб. обители св. Нины; сказано сестрамъ обители и учащимся второкл. учит. школы.

особенно краснорѣчивый. Таковымъ скажу, что если св. апостоль Павелъ, этотъ величайшій носитель даровъ естественныхъ и благодатныхъ, въ своей проповѣди отказывался отъ блестящихъ словъ человѣческаго краснорѣчія, то тѣмъ болѣе я не стану и не могу никого удивлять искусствомъ слова. Прихожу я къ вамъ; возлюбленныя, прежде всего, не только какъ грѣшникъ и во всемъ подобный вамъ человѣкъ, но какъ грѣшникъ, кающійся у вратъ святой обители, какъ грѣшникъ, ищущій обновленія духа и примиренія съ Богомъ, ищущій покоя усталой душѣ и усталому сердцу, осуетившемуся въ печалихъ вѣка сего. Таково мое исповѣданіе, которое я готовъ повторять предъ всѣмъ міромъ. И благодареніе Богу и вашей святой обители: здѣсь я услышалъ въ душѣ моей какъ бы шелестъ крылъ Христовыхъ, здѣсь я ощущилъ какъ бы трепетанье крылъ ангельскихъ, здѣсь вкусила мой духъ отрады и покоя,—и никогда я не чувствовалъ себя столь мирнымъ и радостнымъ, какъ здѣсь, посреди васъ, возлюбленныя инокини, и посреди этихъ милыхъ дѣтей, поучающихся закону Божію. Послѣ этого исповѣданія моей немоющи и благодарности вамъ, и слово поученія моего уже будетъ не мое, а ваше. У васъ и отъ васъ возьмемъ его и продолжимъ то самое слово, которое недѣлю тому назадъ говорилъ я въ вашей обители. Тогда у гроба св. Нини говорили мы о томъ, какъ великъ и святъ подвигъ житія монашескаго, и какъ блестаетъ онъ высшою духовною пользою для осуетившагося міра. Тогда мы напоминали, что благочестіе, которому вы служите, по слову апостола, на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни иныхъшней, и будущей.

Слышили ли, возлюбленныя? Каждая вещь въ мірѣ имѣть какую-либо пользу, а благочестіе на все полезно, говорить апостоль.

Что же такое это благочестіе? Это есть вообще Христова вѣра, раскрывающаяся въ умахъ и сердцахъ, въ мысляхъ и въ чувствахъ, въ дѣлахъ и во всей жизни христіанъ. Нѣть званія и состоянія, нѣть возраста и положенія, нѣть должности, нѣть обязанности, куда не входила бы вѣра со своими правилами и со своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Монахи и мірскіе, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, пастыри и

пасомые—всё мы объединяемся въ вѣрѣ, всё въ ней на-
уждаемся, и всё только въ ней находимъ основу нашей жизни.
Вотъ почему всё мы безъ различія можемъ предаться раз-
мышленію о вѣрѣ, особенно здѣсь, гдѣ вѣра Христова, и
только она одна, собрала въсѣ въ монастырь, гдѣ вѣрѣ же Хри-
стовой поучаются больше всего и въсѣ, дѣти нашей монастыр-
ской школы. О вѣрѣ напоминаетъ намъ сегодня и апостольское
чтеніе; апостоль Павелъ напоминаетъ намъ, что онъ былъ
нѣкогда гонителемъ Церкви Божіей, но вѣрою прозрѣть и
стать на путь спасенія. О вѣрѣ говорить и нынѣшнее еван-
геліе, которое разсказывается, какъ слѣпецъ въ городѣ Іерихонѣ,
слыша Христа путемъ мимоходяща, вѣрою стала призывать
Небеснаго Учителя и, прозрѣвъ духовно, удостоился и тѣлес-
наго прозрѣнія.

Быть нѣкогда святымъ великий старецъ по имени Диодоръ,
который былъ слѣпъ совершенно. Но и слѣпой умудренъ онъ
былъ духомъ, изучилъ слово Божіе—и рѣчи изъ устъ его
благочестивыхъ лились, какъ рѣки, назидая вѣрующихъ. Разъ
въ порывѣ унынія, бесѣдуя съ преподобнымъ Антоніемъ Ве-
ликимъ, основателемъ монашескаго житія, стала Диодоръ горько
жаловаться на слѣпоту свою. „Зачѣмъ ты жалѣешь,—сказалъ
ему Антоній,—зачѣмъ ты жалѣешь о томъ, что лишенъ глазъ,
которые имѣютъ и животныя, и мельчайшія мошки, и насѣко-
мыя?“ „Но ты имѣешь глаза херувимскіе, которыми видишь
духовный, міръ ангельскій, познаешь Бога, разумѣешь славу
Божію, зришь туда и къ тому свѣту, который недоступенъ
глазамъ обыкновеннымъ.“

Такъ, возлюбленный, вѣра есть свѣтъ, вѣра есть очи души,
озаряющія всякую совѣсть, и истинно говорить пророкъ: если
не увѣруете, то ничего не уразумѣете. Какъ свѣтъ во тьмѣ
свѣтится, свѣтить и вѣра во тьмѣ жизни, и блаженъ, кто при-
никъ къ ней духомъ, и стократъ блаженъ, кто вѣрѣ чистой,
святой и словомъ, и дѣломъ поучается близникъ. Соберите
всѣ сокровища земли—они ничто предъ вѣрою; соберите всѣхъ
мудрецовъ земли—они ничто предъ вѣрующимъ простецомъ.
Какъ ребенокъ днемъ, при яркомъ свѣтѣ солнца, лучше ви-
дить и находить дорогу, чѣмъ взрослый человѣкъ ночью, въ

темнотѣ глубокой, такъ простецъ, необразованный, неумудренный наукой, но вѣрующій, при свѣтѣ вѣры лучше видѣть и понимаетъ путь и смыслъ жизни, чѣмъ множество умнѣйшихъ, но невѣрующихъ мудрецовъ. И въ этомъ—заслуга ваша, честные сестры, въ этомъ ваша хвала, ваша честь, ваше служеніе миру, что вы, послѣдовавъ всецѣло единой вѣрѣ Христовой, ей безмолвно учите другихъ, какъ бы продолжая подвигъ проповѣди и благовѣстія св. Нины. И въ этомъ же—ваше утѣшеніе, возлюбленныя.

Посмотрите вокругъ себя. Кто не понимаетъ, что миру нужны люди добрые, честные, исполнительные, любящіе, не завистливые, не злобные, однимъ словомъ,—люди нравственные и добродѣтельные? Кто не понимаетъ, что при отсутствіи этихъ людей нравственныхъ наступить не человѣческое, а звѣриное существованіе міра? И, однако, что же дѣлаетъ людей нравственными и добрыми? Можетъ быть законъ и постановленія человѣческія? Но какими законами можно установить отношенія мужа и жены, родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ между собою? И что было бы, если бы вмѣсто взаимной любви, взаимной заботливости и послушанія младшихъ старшимъ родители и дѣти справлялись съ законами гражданскими? Далѣе: извѣстно, что дурныя дѣла имѣютъ начало въ дурныхъ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ. Но какими законами можно запретить нечистый помыселъ, какой судья можетъ судить за движенія зависти, зложелательства, какимъ закономъ можно преслѣдовать и покарать нечестивыя пожеланія? Только вѣра Христова можетъ говорить совѣсти; только вѣра можетъ запретить самому желанію, только вѣра можетъ поставить человѣка на самый страшный судъ предъ своей совѣстью и предъ Богомъ. Такая вѣра вносить порядокъ и въ житейскія отношенія, и кто проповѣдуетъ и служить вѣрѣ, тотъ, служа жизни вѣчной, дѣлаетъ доброю и жизнь временную.

Но можетъ-быть, если не законы, то наука и образованность могутъ сдѣлать людей добродѣтельными и нравственными? Вы, учащіяся дѣти, знаете, что и это есть глубочайшее заблужденіе. Помните, что люди великаго ума бываютъ нерѣдко великими злодѣями. Помните, что люди весьма обра-

зованные и просвѣщенные часто бываютъ порочными и ведутъ себя хуже необразованныхъ поселянъ. Отчего? Оттого, что они не подчинили себя благому закону Божію, закону вѣры. Начало премудрости есть страхъ Божій, а гдѣ нѣть этого страха Божія, тамъ нѣть и истинной мудрости. И даже напротивъ: умный злодѣй гораздо опаснѣе глупаго злодѣя, потому что онъ можетъ и изобрѣсти новыя преступленія, и удобнѣе скрыть ихъ. Образованіе ума безъ образованія сердца—это наостренный ножъ въ рукахъ младенца: неизвѣстно, куда онъ направить его. Ножомъ рѣжутъ хлѣбъ и кормятъ дѣтей, ножомъ занимаются въ мастерствахъ и трудятся на благо ближнимъ, и тѣмъ же ножомъ разбойникъ на большой дорогѣ лишаетъ жизни невиннаго прохожаго. Мышиакомъ лѣчать и исцѣляютъ болѣзни, и имъ же отравляютъ человѣка. Такъ и образованіе есть благо при добромъ употребленіи, и есть величайшее зло при дурномъ употребленіи. А доброму употребленію научить только вѣра и нравственность. Горе народу, который науки предпочитаетъ добродѣтельямъ! Горе народу, который, желая образовать юношество, заботится только о просвѣщеніи ума его, оставляя въ тѣни и въ пренебреженіи ученіе вѣры и нравственности. Горе народу, если онъ оставилъ свои храмы, пересталъ чтить святыни, пересталъ чтить тѣхъ, кто служить святынѣ и кто проповѣдуетъ вѣру словомъ и жизнью! Вамъ, учащіяся здѣсь дѣти, это—зарѣчь на всю жизнь. Попадете ли вы въ семью или въ школу,—гдѣ бы вы ни были, чѣмъ бы вы ни были,—прежде всего старайтесь научить вѣрѣ порученныхъ вамъ дѣтей, и знайте, если вы дадите имъ вѣру, вы дали имъ все, а не дадите имъ вѣры,—это значитъ, вы не дали имъ ничего, и что бы вы ни дѣлали, что бы ни говорили—писали на водѣ и ничему не научили. Это значитъ—вы послужили гибели своего народа. Ибо безъ вѣры нѣть счастья народамъ; обѣ этомъ громко свидѣтельствуетъ и настоящее и прошедшее,—а вѣдь изъ нихъ родится и будущее!

Нужна народу крѣпкая власть правительства,—только вѣра внушаетъ ему, что власть установлена Самимъ Богомъ и ей нужно повиноваться не только за гнѣвъ, но и за совѣсть; нужно въ народѣ уваженіе и законность,—вѣра учить насть,

что и законъ начертывается подъ вліяніемъ Промысла Божія; нужно народу единеніе, миръ, любовь и согласіе,—вѣра вну-шасть намъ любить другъ друга и даже самихъ враговъ, терпѣливо и кротко сносить непріятности, избѣгать гнѣва, вражды и распрай. Такъ вѣра есть душа общественного благоустройства!

Развѣ не о томъ же говорить намъ и прошлая история человѣчества? Вѣра Христова прекратила человѣческія жертвы, противныя самой природѣ. Подъ вліяніемъ вѣры князья и цари измѣнялись, дѣлались отцами и попечителями народовъ, уменьшались опустошенія и войны, смягчались военные обычаи, подданные стали покорнѣе, побѣдители—умѣреннѣе и благороднѣе. И все, что есть теперь лучшаго между людьми—въ нравахъ, обычаяхъ, въ законахъ, въ международныхъ отношеніяхъ, въ гражданскомъ и семейномъ быту,—все это сдѣлала вѣра Христова. Но особенно много сдѣлала вѣра для васъ, мои возлюбленныя слушательницы, для васъ—женщинъ. Недавно Богъ привелъ мій побывать въ странахъ чужихъ—въ Персіи и Турціи, въ странахъ мусульманскаго зловѣрія,—и я собственными очами видѣлъ, въ какомъ положеніи находится тамъ женщина.

Безъ преувеличенія можно сказать, что женщина тамъ поставлена хуже собаки, хуже послѣдняго животнаго, она—какъ бы самое негодное изъ всѣхъ существъ. Тамъ даже по учению вѣры женщина—несчастный, изверженный человѣкъ, ее непускаютъ въ дома молитвы, ей даже не указано мѣста и въ загробной жизни. А вѣдь Христосъ научилъ насъ почитать женщину, Пречистую Богородицу выше всѣхъ изъ людей и выше херувимовъ и серафимовъ. Вѣра Христова поставила рядомъ съ учениками Христа—женъ-муроносицъ, рядомъ съ апостолами—святыхъ Елену и Нину, рядомъ съ Владиміромъ—Ольгу, рядомъ съ мучениками—Софію, Вѣру, Надежду, Любовь, Екатерину, Варвару, Анастасію, Потамнину, Перепетую, Евфимію и др. Да, только вѣра Христова научила насъ почитать женщину. Да, повторяемъ, только вѣра есть душа общественного благоустройства!

Судите же сами, какъ полезны подвиги тѣхъ, кто обрѣкъ себя служенію вѣрѣ Христовой въ мирныхъ обителяхъ мона-

шескихъ, какъ благотворна школа, въ которой дѣти и сами поучаются Закону Божію и приготовляются къ тому, чтобы въ будущемъ учить дѣтей своего народа словесамъ спасенія. Судите, какъ благотворно ихъ вліяніе на все окружающее. А ко всему этому прибавьте молитву; если мы—христіане, если мы вѣримъ въ силу молитвы, то какъ же намъ не благоговѣть предъ подвигами тѣхъ, которыхъ среди суеты міра, среди забвения Бога и высшихъ интересовъ ежедневно возсыпаютъ молитвы о царѣ и царствѣ, о властяхъ духовныхъ и гражданскихъ, о мирѣ всего міра, о благостояніи Божіей Церкви, о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, о всякой души христіанской скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей?! Посему-то, пока будетъ стоять на землѣ христіанство, пока будетъ стоять Церковь Божія,—будутъ стоять на землѣ и устроиться святыя обители для ищущихъ подвига житія иноческаго. И ничто не можетъ искоренить ихъ!

Возлюбленныя сестры! Небесный Домувладыка насадилъ плодовитую ниву нашей родимой русской земли пшеницей чистой благочестія. Русь во всемъ мірѣ называють *святою Русью*, народъ напѣ среди всѣхъ народовъ славится своимъ благочестіемъ и набожностью, но за грѣхи наши, когда мы, Богомъ поставленные пастыри, спали, пришелъ врагъ и посыпалъ пшевелы посреди пшеницы. Разливъ невѣрія въ современной жизни ужасаетъ душу, устрашаютъ растиущіе секты и расколы, заставляютъ трепетать увеличивающіеся пороки и преступленія.

Въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ только отъ вѣры Христовой можно ждать обновленія и спасенія.

Усугубимъ же вѣру свою, возлюбимъ ее всѣмъ сердцемъ; пастыри, увеличимъ ревность служенія; учащіе и учащіеся, будемъ горѣть любовью къ слову Божію, къ учению вѣры и добродѣтели; граждане, дѣятели народа, понесемъ народу святую вѣру, а въ святыхъ обителяхъ усугубимъ трудъ, усугубимъ усердіе и подвиги, усугубимъ молитвы, да сохранить Господь нашу землю святорусскую отъ духовной сгѣлоты, отъ помраченія и оскудѣнія вѣры. Въ томъ задача

обителей, задача пастырства и школы, въ томъ наша без-
смертная заслуга, чтобы всѣмъ и каждому, всѣмъ всегда
и вездѣ напоминать не умолкая, что общество не можетъ
стоять безъ законовъ, а законы не сильны безъ нравствен-
ности, а нравственности нѣть и быть не можетъ безъ вѣры и
благочестія!

Благочестіе же на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни и
нынѣшней и грядущей. Аминь.

1903 г.

Предъ лицомъ прошлаго и будущаго.*

Подъ сънью храма Божія, съ этого священнаго мѣста церковнаго проповѣданія, поздравляемъ васъ, братіе, съ новымъ лѣтомъ Божіей благости! Поздравляемъ и вмѣстѣ призываемъ васъ усердно къ молитвѣ Господу. Ибо чѣмъ приличнѣе начать новолѣтіе, чѣму отдать и посвятить его первыя мгновенія? Каждое вѣрующее сердце подскажетъ на эти вопросы вѣрный отвѣтъ.

Время само по себѣ всегда одно и то же, и день похожъ на день, и ночь подобна другой ночи: между ними нѣть разницы. Но по условленному согласію людей, изъ ровнаго и однообразнаго теченія времени выдѣляются дни особые, дни святыхъ воспоминаній, дни посвященнаго Богу отдыха, наконецъ, и день новолѣтія, служацій какъ бы поворотнымъ пунктомъ отъ одного года къ другому. Немного таихъ дней новолѣтія переживетъ человѣкъ сознательно въ теченіе своей жизни: пятьдесятъ, шестьдесятъ, и это далеко не всегда. Въ эти дни ближе къ намъ серьезные и глубокіе вопросы жизни; невольно останавливаемся мы на нихъ мыслью и чувствомъ, невольно предстаетъ тогда предъ нами прошлое и будущее, невольно хочется подвести тогда счеты прожитому и опредѣлить, намѣтить планъ предстоящей жизни. Но если прошлое въ нашемъ распоряженіи для суда и поученія, то будущее—кто изслѣдить, кто скажетъ, каково оно будетъ, и сколько его

* Сказано на полуночномъ молебствіи подъ 1-е января 1903 года въ екзаршской церкви г. Тифлиса при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

осталось? Скажи мнъ, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть? Такъ невольно углубляется духъ нашъ въ тайну грядущаго и, предъ нею смиряясь и благоговѣя, разрѣшается въ молитву.

Собрались и мы въ эти минуты предъ лицо Господне. Не станемъ осуждать тѣхъ, которые теперь иные въ весельѣ, иные въ пустотѣ встрѣчаютъ новолѣтіе: мы знаемъ, что въ торжественную и важную минуту встрѣчи нового года и ихъ сердце затрепещетъ и дрогнетъ смутнымъ чувствомъ, похожимъ на безмолвную и неясную молитву. Да будетъ и съ ними, и надъ ними, и надъ всѣмъ міромъ Божье благоволеніе! Обратимся лучше къ себѣ.

Вотъ мы стоимъ сейчась на грани прошлаго и настоящаго. Что говорить намъ прошлое, какія чувства оно подсказываетъ намъ для молитвы? Мы живы, мы сохранены для земли, для работы, для покаянія, для спасенія. О, благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!

Въ этотъ мигъ новогодней молитвы возблагодаримъ Отца Небеснаго, щедраго и милостиваго, о всѣхъ, ихже вѣмы и ихже не вѣмы, о всѣхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насть: за свѣтъ дня, за покой ночи, за каждое біеніе сердца, за радость осмысленного труда, за уроки нужды и страданій, за сладость молитвы, за страдное и свѣтлое чувство, за бодрость духа жизни, за то, что мы видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную. Слава Богу за все! Сколько разъ мы были у опасности, сколько разъ занесена была надъ нами коса смерти, каждый день, каждый мигъ могъ быть для насть роковымъ и смертельнымъ, но добрая невидимая Рука Господня отводила опасность и сохранила насть для жизни, для будущаго!..

Стоить и оно, это будущее, теперь предъ нами. Что же оно говорить намъ? Придетъ пора, и будущее станетъ прошдшимъ, тѣмъ прошдшимъ временемъ, о которомъ нѣкто сказалъ выразительно: „О, мое прошлое! заглянешь въ тебя,— засмѣшься радостно, въ другой разъ посмотришь,—и закроешь отъ стыда лицо руками.“ Дай же, Господи, дай, Господи,

чтобы будущее наше не скрывало въ себѣ нашего грѣха, не готовило намъ паденій и позора, чтобы, сдѣлавшись прошлымъ, оно не заставляло нась отъ стыда закрывать лицо руками. Довольно этого стыда и грѣха было въ прошломъ нашемъ: да простить намъ Господь вся грѣхопаденія, въ мимошедшее лѣто алѣ нами содѣянная, и да поможетъ прочее время жизни нашего въ мирѣ и покаяніи скончати: вотъ другая молитва новогодняя. А надъ всѣми молитвами—чувство преданности въ волю Божію.

Были и будуть печали: пусть онѣ пройдутъ по душѣ нашей, какъ плугъ на нашнѣ, разрыхляя сердце къ пріятію дождя небеснаго,—Божіей благодати, къ добруму и вѣчному плодоношенію.

Были и будуть радости: пусть онѣ будуть чисты и одутворены, пусть онѣ окрылятъ нашъ духъ вѣрою и упованіемъ. Пусть и въ настоящія минуты только чувство радостной вѣры заполняетъ наши души: вѣдь христіанство не есть религія печали и скорби, тоски, унынія и отчаянія, оно—религія радости, свѣтлой вѣры и вѣчнаго упованія, яко съ нами Богъ.

Довѣримся же Ему Единому, и въ торжественныя, много говорящія минуты новолѣтія нашею молитвою пусть управляютъ и руководятъ святыя слова апостола: „Живемъ ли мы,—для Господа живемъ; умираемъ ли мы,—для Господа умираемъ; живемъ ли или умираемъ, всегда мы Господни есмы!“ (Римл. XIV, 8). Аминь.

Старое и новое.*

Неистребима въ человѣкѣ жажда новаго. Надъ нею смыались и ее обоготворяли, снова осуждали ее и снова пѣли ей хвалебные гимны; все это показываетъ только то, что стрем-

* Новогодняя статья 1 янв. 1903 г. въ газетѣ „Кавказъ“

ление къ новому во всѣхъ сферахъ жизни, дѣйствительно, при-
рождено человѣку. Но, кажется, никогда эта жажда новизны
не охватывала съ такою силою человѣчество, какъ въ послѣд-
нія десятилѣтія его жизни. Это понятно: минувшій XIX вѣкъ
такъ богатъ изобрѣтеніями, открытиями, такъ глубоко, вслѣд-
ствіе этого, измѣнилъ условія существованія обществъ и госу-
дарствъ, сравнительно съ еще недавнимъ прошлымъ, что, по
необходимости приспособляясь къ нимъ, пришлось человѣку
искать новыхъ и новыхъ формъ жизни. Создавались на этой
почвѣ самыя разнообразныя теоріи и формулы прогресса,
который, какъ научная проблема, никогда такъ не зани-
малъ умы, какъ въ минувшее столѣтіе, особенно во вто-
рую половину его. Убѣжденія, намѣренія и дѣйствія новатор-
овъ иногда были столь стремительны, настойчивы и смѣлы,
если не сказать больше, что готовы были разрушить рѣшительно
всѣ установившіяся формы жизни и замѣнить обѣщанныхъ
новыхъ и новѣйшихъ установлений, какъ послѣдняго слова
науки, грозили возвратить людей къ очень и очень старому
строю и къ старымъ временамъ,—къ условіямъ жизни перво-
бытной дикости. Стоить только припомнить адѣсь проповѣдь
анархическихъ ученій, отрицаніе культуры и науки въ самое
послѣднее время. Не въ одной области общественныхъ отно-
шеній и государственной жизни оказались эти стремленія: въ
философіи, положительной наукѣ они, можно сказать, пода-
вили нась разнообразіемъ системъ, положеній и выводовъ; въ
искусствѣ оказались поисками новой красоты, въ поэзіи выро-
дились въ декадентство, и въ области нравственныхъ ученій
создали цѣлый хаосъ теорій, взаимно противоположныхъ. Мы
остановимся на этой послѣдней области нравственныхъ ученій,
интересъ къ которымъ, послѣ временнаго ослабленія и упадка,
за послѣднее время пронесся надъ умами съ необыкновенно
мощною силою. Человѣкъ нашего времени, прожившій созна-
тельно послѣднія 30 лѣтъ, слѣдовательно, принадлежащий къ
поколѣнію, еще не отжившему, могъ наблюдать явленіе, поло-
жительно невиданное въ исторіи. Нравственные запросы не-
истребимы въ человѣкѣ; недаромъ философъ, подвергнувшій
разрушительной критикѣ все содержаніе духовной жизни

человѣка, остановился предъ нравственнымъ его инстинктомъ, какъ предъ „императивомъ категорическимъ“. И вотъ, предъ человѣкомъ, чуткимъ и отзывчивымъ на всѣ вопросы высшаго порядка, проходять самыя разнообразныя ученія, изъ которыхъ каждое претендуетъ на новизну и на значеніе послѣдняго слова науки. Стоить только подумать о теоріяхъ позитивныхъ, утилитарныхъ, материалистическихъ, о законѣ борьбы за существованіе, въ примѣненіи къ нравственной области, присоединить къ этому агностицизмъ Спенсера, обновленное христианство и „волю Божію“ гр. Толстого, экономической материализмъ Маркса, полный имморализмъ Ницше, пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана, проповѣдь основъ буддизма, обоготвореніе насилия и непротивленіе злу, идеализацію боячества, какъ обновленія общественности, и обоготвореніе культуры, а рядомъ мысль о крушениі науки и проч. и проч.,—стоить только бѣгло перечислить всѣ эти системы и теоріи, чтобы представить себѣ, какая смута, какое хаотическое состояніе умовъ должно было явиться слѣдствіемъ этой погони за новыми и новыми словами въ области нравственныхъ нормъ жизни. Доходили, наконецъ, и до полнаго отрицанія всякихъ высшихъ потребностей человѣческаго духа: религіи, нравственности, метафизического мышленія и положительнаго знанія. Кажется, не осталось ничего, что не подверглось бы критикѣ и разрушенію. Въ самое послѣднее время проповѣдь атеизма и автономной морали въ Германіи и Франціи уживается съ призывами къ братству, равенству и свободѣ; въ Англіи утилитаризмъ стоитъ рядомъ съ эволюціонизмомъ и, наконецъ, объявлена новая, подтверждаемая всѣми данными біологіи и даже астрономіи, система нравственности на основѣ „солидарности“. Еще немного времени, и нужно ожидать, что „La Solidarit “, въ качествѣ новѣйшаго „слова“, выставлено будетъ на знамени „научной нравственности“ взамѣнъ отживающихъ: *fraternit ,  galit , libert *. Здѣсь не мѣсто и не время останавливаться на новой теоріи подробно и обстоятельно.

Скажемъ о ней только нѣсколько словъ: краеугольнымъ камнемъ ея является аксіома, что внѣ общества человѣкъ не можетъ существовать; онъ никоимъ образомъ не можетъ быть

разсматриваемъ, какъ иѣчто въ отдѣльности цѣнное и самостоятельное, а только какъ часть цѣлага. Внѣ общества и его законовъ онъ теряетъ всякую цѣнность, и его жизнь, его личные скорби и радости—это ничтожная ненужность, къ которой почему-то привыкли относиться со вниманіемъ. Законъ солидарности представляетъ государство и общество акціонерною компаніей, а гражданъ—простыми акціонерами. Все мистическое, все сантиментальное—въ томъ числѣ понятіе о добродѣтели, любви, братствѣ, милосердіи—объявляются отжившими тормазами человѣческой жизни... ¹⁾

Обо всемъ этомъ заговорили мы въ день новаго года для того, чтобы отг҃нить, какъ далеко могутъ завести человѣка стремленія къ новому. Полно, одно ли только дурное въ старомъ? Не безумное ли это возмущеніе листьевъ и вѣтвей противъ якобы ненужнаго и отжившаго корня? Въ величественномъ теченіи жизни природы, на-ряду съ калейдоскопическою смѣною явлений временныхъ и мгновенныхъ, существуютъ явленія длительныя, вѣковыя, вѣчныя: такъ и въ духѣ человѣка, кроме временныхъ интересовъ дня, выше текущихъ интересовъ общества и государства есть интересы и запросы вѣчные. Они не всегда вмѣстимы въ разумъ, но значеніе ихъ безмѣрио.

Измѣнчивы только способы удовлетворенія вѣчныхъ потребностей духа человѣческаго, но не самыя потребности: ихъ ни забыть, ни подавить нельзя. Какъ въ природѣ въ теченіе вѣковъ, среди всѣхъ измѣняющихся явлений ея жизни, дѣйствуетъ неизмѣнно законъ тяготѣнія, такъ въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, и всего человѣчества дѣйствуетъ тяготѣніе духа человѣческаго къ центру міровъ—Богу... Неподвижны, вѣчны, неколеблемы и законы нравственной правды, исходящей отъ Бога, имѣющей при этомъ условіи всепроникающее и безконечное значеніе. Мы ищемъ абсолютныхъ заповѣдей и принциповъ, и въ этомъ именно и состоитъ сущность нравственныхъ исканій. Иная правда, иная нравственность, условная, относительная, времен-

1) См. „Журн. журн.“ 1898 г. Ле-Бонъ: „Замѣтки о соціальномъ“, т. II и кн. Bourgeois: „La Solidarit “. Par. 1898.

ная, никогда не удовлетворить человѣка: для прямолинейнаго міросозерцанія она вовсе не нужна, для колеблющагося и приспособляющагося она не обязательна и, какъ таковая, носить въ себѣ начала не упорядоченія, а полнаго разстройства и ослабленія нравственныхъ нормъ жизни. Въ высокохудожественную форму облекаетъ эту мысль нашъ бессмертный Н. В. Гоголь: „Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открыть прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначеннай царю въ чергоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо него въ глухой темнотѣ текли люди! И сколько разъ, уже наведенные нисходившими съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влакась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ? гдѣ дорога?“

Какой чудный образъ, рисующій значеніе христіанства въ исторіи и отношенія къ нему людей! Все лучшее, что было въ появлявшихся различныхъ теоріяхъ нравственности, созданныхъ людьми, было заимствовано, въ концѣ-концовъ, изъ христіанства. По удачному выражению даже такого мыслителя, какъ Дж. С. Милль, въ этомъ лучшемъ быть вечерній свѣтъ, отраженный свѣтъ зашедшаго солнца христіанства, хотя уже и невидимаго для мыслителей. И наоборотъ: все, что было въ новыхъ теоріяхъ „новаго,“ нехристіанскаго, роковымъ образомъ приводило человѣка къ эгоизму, который, по мѣткому старинному выражению, быть *primum origens, ultimum mortis* во всѣхъ исканіяхъ ихъ, исходомъ и завершеніемъ и, доведенный до конца, обѣщаю человѣку только возвращеніе временъ древняго варварства съ его закономъ: *homo homini lupus*. Все цѣнное здѣсь было не ново, все новое—не цѣнно!.. Не лучше другихъ и новѣйшая нравственная теорія солидарности, съ ея языческимъ взглядомъ на человѣка, не какъ на существо, имѣющее значеніе въ от-

дѣльности, а какъ на вещь, принадлежащую обществу, съ ея проповѣдью о новомъ устройствѣ жизни, при которомъ люди погасятъ въ сердцахъ любовь къ себѣ подобнымъ, въ каждомъ ближнемъ будуть видѣть не болѣе, какъ выгоднаго или невыгоднаго компаньона, и взаимные отношенія будуть опредѣлены только экономическими соображеніями. При такой „солидарности“ человѣкъ останется сугубо одинокимъ... Если же есть что-либо привлекательное въ этомъ ученіи о солидарности, то все лучшее, все симпатичное въ немъ, въ концѣ-концевъ, по-коится на христіанствѣ. Покойный К. Д. Ушинскій прекрасно изображаетъ значеніе христіанства, сравнивая его съ облачнымъ и огненнымъ столпомъ въ пустынѣ: подобно этому небесному путеводителю евреевъ въ пустынѣ, въ ихъ поискахъ земли обѣтованной, христіанство въ исторіи идетъ впереди человѣчества, освѣщаетъ ему пути жизни, ведетъ къ обѣтованной землѣ истины, счастья и правды. Оно, правда, не раздѣляетъ вѣры въ спасительное значеніе учрежденій или того или другого строя государственной либо общественной жизни: здѣсь оно не указало идеаловъ, не оставило образца государственного устройства, какъ бы намѣренно избѣгая этой области. Многіе ставили ему это въ упрекъ, но на дѣлѣ здѣсь-то и видно его величайшее достоинство: оно не связало жизни людей извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ и выработаннымъ до мельчайшихъ подробностей строемъ. Извѣстно, что подобную попытку едѣлало мусульманство, выработавъ всѣ формы жизни, начиная отъ видовъ власти даже до раздѣла наслѣдства: но народы, выполнивъ съ теченіемъ времени намѣченный идеалъ, или должны были остановиться въ развитіи и замереть, или разорвать путы и отвергнуть свои религіозные устои. Христіанство, напротивъ, какъ Божественное благовѣстіе свободы, открыло человѣку безграницное поле развитія всѣхъ формъ его жизни и настаиваетъ не на устройствѣ общества людей, а на нравственномъ перерожденіи каждого отдельного человѣка. Когда человѣкъ преобразуется по образу Богочеловѣка, когда онъ лично отрѣшится отъ зла и себялюбія, когда отдельные личности будутъ проникнуты христіанскими началами и завѣтами,—тогда безъ труда и само собою создастся истинная „со-

лидарность", истинная и христіанская общественная и государственная жизнь—„богочеловѣческое общество". Обратного хода быть не можетъ, какъ не можетъ грѣхъ путемъ повторенія обратиться въ добродѣтель. Путь восхожденія здѣсь безграничень; человѣчеству никогда ни изжитъ, ни исчерпать, ни перерости христіанскихъ идеаловъ. Въ постепенномъ углублении въ эти идеалы, въ постепенномъ ихъ усвоеніи и осуществлении въ жизни—вотъ въ чёмъ вѣчная, неумирающая новость христіанской жизни. Но эта новость не глумится надъ прошлымъ и старымъ: она только преобразуетъ его свободно въ духѣ по просвѣтленнымъ началамъ глубже понятаго того же прежняго идеала. Такъ въ духовномъ ростѣ человѣка и человѣчества зиждется гармонія старого и нового, какъ зиждется она и въ природѣ,—не въ насильственномъ разрушеніи, а въ созданіи путемъ естественного роста:

Срыва съ дерева засохшіе листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снѣгъ и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придется пора,—тепло весеннее дохнетъ,
Въ застывшихъ сокахъ жизнь и сила разольется,
И самъ собою листъ засохшій отпадетъ,
Лишь только свѣжій листъ на вѣткѣ развернется.

Тогда и старый листъ подъ солнечнымъ лучомъ,
Почувствъ жизнъ, придетъ въ весеннее браженіе:
Въ немъ—новой поросли готовится наземъ,
Въ немъ—свѣжій сокъ найдетъ младое побольнѣе...

Не съ тѣмъ пришла весна, чтобы гнѣвно разорять
Вѣковъ минувшихъ плодъ и дѣло въ мірѣ новомъ.
Великаго удѣль—творить и исполнять;
Кто разоряетъ,—малъ во царствіи Христовомъ.

Не быть творцомъ, когда тебя ведеть
Ель прошедшему одно лишь гордое презрѣніе,
Духъ создать старое: лишь въ старомъ онъ найдетъ
Основу твердую для нового творенія.

Вѣкъ будуть истинны пророки и законъ;
Въ чёртѣ единой—вѣчный смыслъ таится,
И въ новой истинѣ лишь то должно открыться,
Въ чёмъ быть издревле смыслъ глубокій заключенъ! ¹⁾

¹⁾ Извѣ юн. „Моск. Сборн.“ К. П. Побѣдоносцева.

„Путь для Господа“.*

Гласть вопіющею въ пустыни: уготовайте путь Господень.

Эти слова въ евангелии и въ книгахъ дрѣвнихъ пророковъ относятся къ Иоанну Крестителю, память которого, въ храмѣ, посвященномъ его имени, мы сегодня съ вами, дѣти, празднуемъ. Остановитесь на этихъ словахъ размышленіемъ: въ нихъ много такого, что прямо и даже преимущественно относится къ вашему юному возрасту и къ вашему положенію учащихся.

Мы прославляемъ нынѣ Иоанна Предтечу. Чѣмъ же его прославить достойно? Похвалами ли? Но если память всякаго праведнаго съ похвалами, то Предтечѣ Господнemu дана такая похвала, послѣ которой онъ не нуждается въ человѣческомъ словѣ: ему, какъ вы иѣли сейчасъ, довѣрять свидѣтельство Господне, свидѣтельство Самого Иисуса Христа, Который сказалъ, что между рожденными отъ женщинъ не возвставало пророка, большаго Иоанна Крестителя. Лучшее прославленіе Иоанна Крестителя—это исполненіе его словъ, послѣдованіе его проповѣди. Вы о ней знаете изъ уроковъ Священной Исторіи. Иоаннъ Креститель потому и называется Предтечей, что предтекъ, т.-е. пришелъ предъ Христомъ и убѣждаль людей покаяться и приготовить путь Господу, приготовить свои души и сердца, чтобы достойно встрѣтить Бога во плоти—Иисуса Христа Спасителя.

Милыя дѣти! Къ вамъ обращается слово Иоанна Крестителя: уготовайте и вы путь Господень. Жизнь впереди васъ; еще немного—закончится время вашего ученія. Старайтесь же

* Поученіе дѣтямъ 7 января 1903 года, по случаю школьнаго храмового праздника.

теперь уготовать себя для Господа. Гостя обыкновенного встречаютъ, убравъ и очистивъ комнату, а Небеснаго Гостя, а Бога какъ встрѣтить? Нужно убрать и украсить свою душу святою вѣрою, знаніемъ закона Христова, святыми мыслями и чувствами, нужно очистить сердца отъ всего дурного, нужно имѣть горячее желаніе и готовность всегда исполнить съ усердіемъ волю Бога. Для того-то васъ здѣсь и учать, для того васъ воспитываютъ въ этой школѣ, у этого храма. Приготовьте путь Господу: Онъ вошелъ къ вамъ чрезъ крещеніе, Онъ стоитъ всегда передъ вами; учитесь прилежно, изучайте Законъ Божій, узнавайте волю Божію въ волѣ вашихъ родителей и воспитателей, различайте добро и зло, полюбите добро, служите ему, избѣгайте зла и всего дурного, а главное—научитесь всегда молиться, усердно молиться, находить сладость въ молитвѣ, и вы уготоваете путь Господу: Онъ придетъ къ вамъ и вселится въ васъ, Онъ очистить васъ отъ всякихъ скверны, Онъ послѣтъ вамъ благодать Пресвятаго Духа, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя ваши силы, и вы, внимаю преподаваемому вамъ ученію, возрастете Ему, Создателю вашему, во славу, родителямъ вашимъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу.

Учитесь, дѣти, учитесь, молитесь, трудитесь,—и пока вы молоды, пока есть время, пока силы ваши юны и свѣжи,—уготовайте путь Господень! Аминь.

Твердый характер.

ПАМЯТИ ПРОТОПРЕЯ О. ИОАНИ НАЗАРОВА.*

Раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ... и раздѣленія дѣйствія суть, а тойже есть Богъ, дѣйствуй вся во всѣхъ. Кому же дается проявленіе Духа на пользу: своему бо Духомъ дается словопремудрости, иному же слово разума о томъ же Дусъ; другому же вѣра тѣмъ же Духомъ; иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусъ; другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество... Всі же сіе дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коему-ждо, якоже хотеть (1 Кор. XII, 4—11).

Обозрѣвая безконечное разнообразіе званій и служеній человѣческихъ, различіе силъ и способностей, безконечно смыняющіеся отгѣнки въ направленіяхъ даже въ одной и той же дѣятельности, апостолъ разрѣшаетъ и осмысливаетъ это явленіе

* Скончался 11 января 1903 г. отъ паралича сердца, 66 лѣтъ отъ роду. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія объ его жизни и службѣ: протоіерей Иоаннъ Назаровъ—сынъ причетника; по выходѣ изъ Тамбовской духовной семинаріи до окончанія курса, въ 1859 году рукоположенъ во діакона въ городъ Лебедянъ, Тамбовской губ.; въ 1864 году поступилъ для продолженія образования въ Тамбовскую духовную семинарію, въ 1866 году окончилъ въ ней курсъ и поступилъ въ Московскую духовную академію, где и окончилъ курсъ въ 1870 году со степенью кандидата богословія. Возвѣденный въ санъ священника, отъ до 1873 года былъ преподавателемъ Тамбовской духовной семинаріи и законоучителемъ Тамбовской женской гимназіи; въ 1873 году назначенъ священникомъ въ городъ Коалопъ, а въ 1874 году—въ г. Борисоглѣбскъ къ соборной, потомъ къ клацбѣщенской церкви; здѣсь онъ служилъ до 1890 г., состоя законоучителемъ мѣстной гимназіи; съ 1890 г. по 1894 годъ служилъ въ Крыму законоучителемъ Мелитопольского реального училища, откуда и переведенъ быть высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, бывшимъ екзархомъ Грузіи, школьнымъ товарищемъ послѣдняго, въ Грузинскій екзархатъ протоіереемъ и благочиннымъ въ г. Карсъ. Награжденъ быть всѣми духовными наградами до протоіерейскаго сана включительно и орденомъ св. Анны 3 ст. въ 1910 г.

Печатаемая статья—надгробная рѣчь при погребеніи усопшаго. Отгѣваніе совершено было въ г. Карсѣ, въ епархиальномъ соборѣ, при участіи до 24 священниковъ, стѣхавшихся изъ благочиній отдать послѣдній долгъ усопшему.

только-что приведенными словами. *Кому ж до*, говорить онъ, *дастся явление Духа на пользу*: и слово премудрости, и слово разума, и вѣра, и дарованія исцѣленій, и дѣйствія силы и пророчество. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, *раздѣляя властію коему ж до, яко же хочетъ*.

Да, безъ конца разнообразна жизнь міра и человѣка и способы созиданія неизмѣримо разнообразнѣе видовъ смерти и разрушенія! Одинъ изъ европейскихъ мыслителей, обозрѣвая міръ, уподобилъ его прекрасной картинѣ, въ которой различные цвета, отъ самаго свѣтлого до самаго темнаго, способствуютъ въ своемъ сочетаніи только дивной гармоніи и красотѣ картины. Подведите же все подъ одинъ цветъ, самый пріятный, самый свѣтлый и ласкающій — и все будетъ безобразно, не будетъ картины, не будетъ красоты, не будетъ красоты и художества. Тотъ же законъ проходитъ и въ области духовной дѣятельности человѣка. Не станемъ приводить здѣсь всѣ или многія проявленія жизни, возьмемъ одно: но и въ единомъ найдемъ непремѣнно разнообразіе. Даже въ средѣ Божіихъ избранниковъ, въ одномъ, опредѣленномъ кругѣ свыше указанной имъ дѣятельности, мы видимъ, какъ различно они исполняли свое служеніе. Ревность Иліи — не то, что мягкость Елисея, Давидъ-воитель — не то, что мирный Соломонъ; Исаія, изображающій мирныя картины царства Божія, въ которомъ будутъ пастись вмѣстѣ волкъ и ягненокъ, — и Іеремія съ его громовыми обличеніями, съ его потрясающимъ плачомъ; Іона, въ патріотической ревности готовый цѣною смерти отвести мѣлующую руку Бога отъ враговъ его народа, — и Даніилъ, служащій царю-поработителю на чужбинѣ ради славы Бога Израилева, — всѣ эти ветхозавѣтные пророки такъ непохожи, повидимому, одинъ на другого, хотя всѣ они служили единому дѣлу Божію. А въ Новомъ Завѣтѣ? Только одинъ Богочеловѣкъ является истиннымъ Сыномъ Человѣческимъ въ дивной и всесторонней гармоніи силы и дарованій истинно-человѣческихъ: но оттого Онъ и образецъ для подражанія на всѣ вѣка и для всѣхъ людей, изъ которыхъ каждый найдетъ въ Немъ ту сторону, которая въ его собственной природѣ указана Творцомъ, какъ данный талантъ для воздѣлыванія. Всѣ прочіе дѣятели Нового

Завѣта—люди, и, какъ таковы, каждый имѣть свой опредѣленный обликъ, свою отмѣренную сферу работы, свое „явленіе духа на пользу“. Апостолъ Петръ, пылкій и рѣшительный, способный на быстрый порывъ и столько же на быструю реакцію,—не то, что нѣжный и кроткій Іоаннъ, не то, что твердый и настойчивый Павель. Четыре всего евангелиста въ христіанствѣ, обѣ одномъ Лицѣ, обѣ однихъ событияхъ они пишутъ, но каждый изъ нихъ относится къ изображаемымъ событиямъ по-своему, и получается въ общемъ единое евангелие, а въ частностяхъ и въ способѣ отношенія къ описываемымъ событиямъ—четыре различные евангелія. И въ жизни послѣдующихъ дѣятелей Церкви тотъ же законъ разнообразія. Правитель-епископъ Василій Великій, поэтъ-богословъ Григорій, проповѣдникъ нравственно-практическій Іоаннъ Златоустый, борецъ со лжевѣріемъ Асанасій, молчальникъ и подвижникъ Антоній, любитель пустыннаго уединенія Пафнутій, со-здатель общежительнаго иночества Пахомій,—все это различные работники въ различныхъ областяхъ одного и того же великаго дѣла Божія. Оттого жива и прекрасна исторія прошлаго, что въ ней каждый найдеть себѣ поученіе въ мѣру своихъ способностей и своего духовнаго склада, въ мѣру своей духовной восприемлемости. Каждому нравится въ этомъ прошломъ то, что въ его вкусѣ, т.-е. то, что соответствуетъ его духовному складу, восполняя его положительно или отрицательно; отъ такой субъективности суда рѣшительно никто не свободенъ. Картина жизни получается только въ общемъ, а частности ея могутъ быть непонятны и даже вызывать осужденія. Но вся сія дѣятствуетъ единъ и той же духъ, раздѣляя властью коемуждо, якоже хотеть

Все это хочется сказать и напомнить надъ гробомъ умершаго собрата нашего въ эти печальныя минуты его погребенія. Намъ, рядовымъ работникамъ на нивѣ Божіей, конечно, нельзя и помыслить о сравненіи съ указанными нами великими судами благодати—пророками и апостолами, отцами и учителями Церкви. Но законъ жизни для всѣхъ одинъ и тотъ же, онъ примѣнимъ и къ намъ, и къ усопшему нашему собрату. Жизнь его кончена; его дѣятельности земной положенъ предѣль. Что

сказать о немъ и какое мѣсто указать ему среди дѣятелей человѣческихъ?

Чтобы понять его, нужно прослѣдить его жизнь, хотя бы въ краткомъ обзорѣ. Сынъ бѣднѣйшаго стариннаго дѣячка, съ дѣтства испыталъ онъ горе, нужду, а скоро, послѣ смерти родителей,—и сиротство и одиночество; учился онъ съ трудомъ; по бѣдности, долженъ былъ оставить ученіе и поступить на бѣдное мѣсто причетника, потомъ діакона въ Тамбовской епархіи (въ 1859 году) въ тяжелое время крѣпостного права. На мигъ согрѣта была его жизнь семейнымъ счастіемъ, радостью мужа и отца, но счатьемъ мимолетнымъ, настолько быстро промелькнувшимъ, что покойный за 40 съ лишнимъ лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти жены, сохранилъ обѣ этомъ времени своей семейной жизни самыя смутныя воспоминанія. Порвалась семейная жизнь, и опять началось одиночество. Молодому вдовцу-діакону что было дѣлать? Былъ моментъ, когда онъ заколебался и, по обычаямъ многихъ, готовъ былъ утопить горе въ винѣ: но это былъ только моментъ. Онъ отдался самообразованію и здѣсь нашелъ спасеніе; одной своей печатной статьею обратилъ онъ на себя вниманіе епископа, знаменитаго впослѣдствіи писателя-аскета Щеофана-затворника. Благодаря его поддержкѣ, вдовецъ-діаконъ уже въ пору зрѣлыхъ лѣтъ поступилъ учиться въ семинарію вмѣстѣ съ юношами, успѣшно кончилъ курсъ, поступилъ затѣмъ и въ академію (Московскую) и по окончаніи ученія вернулся на родину. Здѣсь въ этихъ фактахъ его жизни выступаетъ и выясняется основная черта его духовнаго склада, твердость характера, рѣдкая въ наши дни; настойчивость въ достижениіи намѣченной цѣли, постоянное присутствіе духа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Эти черты душевнаго склада, въ связи съ суровою обстановкою жизни, съ постояннымъ одиночествомъ и отсутствіемъ тепла и ласки въ окружающей его обстановкѣ, сдѣлали покойнаго человѣкомъ не мягкимъ. Будемъ откровенны: послѣднее обстоятельство создало ему не мало враговъ и поставляемо ему было въ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ: пройдемъ мимо нихъ съ молчаніемъ, памятуя, что у гроба, гдѣ Церковь молить только о прощеніи согрѣшений, не мѣсто ни враждѣ, ни укоризнѣ. Здѣсь

умѣстно указать только доброе и положительное. Отмѣченныя особенности духовнаго склада покойнаго нашли себѣ примѣненіе на послѣднѣмъ мѣстѣ его служенія въ г. Карсѣ и Карской области, гдѣ послѣ недавняго турецкаго владычества пришлось ему упорядочивать церковно-приходскую жизнь края и вводить твердою рукою начала русскаго церковнаго управлѣнія среди тысячи препятствій, среди постояннаго то явнаго, то тайнаго сопротивленія со стороны невѣжества и рутины. Здѣсь блестяще выяснились способности покойнаго, какъ твердаго и рѣдкаго администратора. Трудна, мелочна, раздражительна была эта работа; трудъ къ тому же усложнился тѣмъ, что борьба принципіальная, какъ это нерѣдко бываетъ, врагами обращена была въ личную озлобленную борьбу, сказавшуюся тѣжкими обвиненіями, не бреагавшую клеветою, безчестіемъ, такъ-что имя покойнаго до конца дней было имя пререкаемое. Все это пришлось вынести покойному на склонѣ лѣтъ, страдая тѣжкими болѣзнями, въ тѣлѣ, столь немощномъ и слабомъ, что всѣ видѣвшіе дивились, какъ въ немъ еще могла теплиться жизнь. Но духъ его былъ твердъ среди немощей тѣла. Мы видѣли его въ самыхъ тѣжкихъ обстоятельствахъ; никогда онъ не унывалъ; настойчиво онъ шелъ къ преднамѣченной цѣли, непоколебимъ былъ въ отстаиваніи всего, что, по его мнѣнію, касалось интересовъ Церкви; это былъ рѣдкій, желѣзный характеръ. Плоды его трудовъ могутъ быть понятны только тому, кто знаетъ, что было въ церковной жизни края до появленія здѣсь покойнаго, и кто посвященъ былъ въ подробности и мелочи его работы.

Мы сказали, что обстоятельства его жизни и служба не могли его ёдѣлать мягкимъ. Но это только въ служебныхъ дѣлахъ. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ способенъ былъ на безкорыстную и широкую благотворительность, и есть не мало лицъ, которымъ получали отъ него помошь.

Нерѣдко, по-евангельски, шуйца его не знала, что дѣлала десница, такъ-что многія его благотворенія остались тайными. При жизни многое говорилось объ его средствахъ, а по смерти оказалось, что едва ли есть на что его похоронить.

Сли теперь въ мирѣ и въ Богѣ, усталый работникъ въ

Божіємъ виноградникъ! Не намъ судить твою работу. Пусть ее оцѣнить Небесный Виноградарь, нашъ Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ. Не забыть мнѣ твоего послѣдняго разговора со мною, въ которомъ ты, какъ-то неожиданно, но глубоко убѣжденно выразилъ свою сердечную вѣру въ бессмертіе и твердую,—какъ все было твердо въ твоемъ словѣ и дѣлѣ,—твердую надежду, что за гробомъ Богъ все вавѣситъ, все приметъ во вниманіе, простить то дурное, что являлось въ нась неизбѣжнымъ.

Провожаемъ тебя къ Богу съ этою твою вѣрою и надеждою. Благословеніе тебѣ передаемъ предъ лицомъ молитвеннаго собранія отъ нашего благостнаго архипастыря; „сыновній привѣтъ уваженія“—отъ одного изъ епископовъ, сотрудниковъ архипастыря; прими молитвы и послѣднее цѣлованіе и насть, твоихъ собратій по сану и служенію, и окружающихъ близкихъ, знаемыхъ, пасомыхъ, которые пришли къ тебѣ сейчасъ въ такомъ множествѣ. Иди въ благодатномъ мирѣ туда, куда призвалъ тебя Господь, и да будетъ блаженъ твой путь, охранимый твою вѣрою и упованиемъ, и нашими молитвами! Аминь.

Уроки инокинямъ.

I.

ЦАРСТВО БОЖІЕ.*

Оттолѣ начать Іисусъ проповѣдати и благолати: покайтесь, приближалось царствіе небесное.

О царствѣ Божіемъ, о царствѣ небесномъ говорить намъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ евангеліи. Въ мирной обители инокинь, отрекшихся отъ земного и мірскаго ради небеснаго и

¹⁾ Въ Бодб. женск. монастырѣ за всенощнымъ бдѣніемъ въ нед. по просвѣщеннѣ въ 1903 г. по случаю освященія храма.

духовнаго, вмѣнившихъ ни во что человѣческое и пріявшихъ взамѣнъ его все Божеское, и умѣстно и благовременно слово и размышеніе о проповѣди Христовой, объ Его призывѣ къ царству Божію, къ царству небесному.

Умѣстно и благовременно слово это и ради нынѣшняго торжества—освященія храма, ибо храмъ есть селеніе небесное, ибо всякий храмъ и своимъ видомъ, и своимъ назначеніемъ напоминаетъ о небѣ: въ „храмѣ стояще славы, на небеси стояти мнимъ“... говорится въ пѣсни церковной.

Наконецъ, умѣстно и благовременно слово о царствѣ небесномъ и ради памяти того угодника Божія, въ честь кото-
рого устроенъ и освященъ нынѣ этотъ святый храмъ. Святы-
тель Ювеналій былъ патріархомъ Іерусалимскимъ. Къ нему изъ далекой страны пришла родная сестра Сусанна съ мужемъ Завулономъ, бывшимъ прежде знатнымъ и воинственнымъ полководцемъ, и съ маленькою дочерью Ниною, впослѣдствіи ревностнѣйшею просвѣтительницею Грузіи. Пришли къ нему родные, цѣлою семьею, въ горячемъ исканіи царства Божія, къ подножію Креста Христова сложили они блага и утѣхи міра, изъ устъ угодника Божія искали услышать благіе со-
вѣты, какъ обрѣсти желанное благо царства Божія и каковъ къ нему путь,—путь отъ земли къ небу.

И путь былъ указанъ—тотъ самый путь, которымъ пошли и идете донынѣ и вы, возлюбленныя сестры, т.е. путь жизни монашеской: Завулонъ ушелъ въ пустыню Іудейскую и окон-
чилъ жизнь великимъ подвижникомъ, Сусанна скончала дни при храмѣ Іерусалимскомъ, въ служеніи Богу, Нина въ раннемъ дѣвичествѣ избрала себѣ женихомъ Жениха небеснаго—Хри-
ста Господа, Ему отдала сердце, съ Нимъ сочеталась навѣки, Его единаго любила, Его единаго искала, Ему единому слу-
жила, о Немъ отверзала уста и къ Нему привела далекую Грузію.

Изъ многообразныхъ путей жизни, изъ многообразныхъ путей къ царству Божію избрали и вы, возлюбленныя сестры, *этотъ узкий и тѣсный путь спасенія*, указанный святителемъ Ювеналіемъ, который не только говорилъ о немъ другимъ, но и самъ шелъ по нему неуклонно, за что и похваляется Цер-

ковью, какъ монашескаго постнаго житія истове правило (служба св. Ювеналія). Но не вамъ однѣмъ: всѣмъ проповѣдало нынѣ царство Божіе словомъ Христовыムъ. Всегда жаждала его наша душа; ни богатства, ни почести и никакія земныя радости не могли и не могутъ заглушить этой духовной жажды: сердце человѣческое среди земного стремится къ небесному, среди временнаго ищетъ оно вѣчнаго, среди видимаго жаждеть оно невидимаго; какъ дымъ єшима, возносится къ небу, какъ пламя огня, поднимается кверху, какъ растеніе танется вѣтвями своими къ свѣту и солнцу,—такъ порывается и стремится душа наша къ Богу. Въ царственной силѣ и славѣ Давидъ предъзрѣль Господа предъ собою выну и его псалмомъ можетъ говорить о себѣ каждая душа человѣческая: Имже образомъ желаетъ елень на источникъ водный, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! (Пс. 41, 1.)

Ты создалъ насть, Господи, для Тебя Самаго, оттого и ищетъ Тебя душа наша и тоскуетъ безъ Тебя,—говорить одинъ изъ оо. Церкви (Августинъ). Гдѣ же Ты, Господи, и гдѣ Твое царство, какъ его искать, какъ въ него нужно войти?

Недалече отъ насть царство Божіе... Не за горами и долами, не за моремъ, не въ дальнихъ странахъ, не въ невѣдомыхъ городахъ; недалече оно отъ насть,—оно внутри насть, по слову Христову. И это стремленіе каждой души человѣка къ Богу, и законъ Бога, начертанный на скрижалихъ совѣсти, и съра въ Христа, действующая любовію, и благодать, и миръ, Имъ ниспосланныя, и радостное сыновство Богу—плодъ Его искупленія, и правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ,—все это дары царства Божія. У одного оно, какъ зерно горчичное, у другого разрослось, какъ древо плодовитое и многовѣтвистое, по изображенію притчи Господней, въ иномъ оно только развивается, въ другомъ—взросло, заполнило всю жизнь душевную, такъ что человѣкъ, по изображенію евангелія, все проѣзжъ, все отвергъ, и купилъ себѣ это царство Божіе, какъ единое неоцѣненное сокровище; у однихъ, какъ у Мары, оно еще не выѣснило другихъ заботъ и попеченій, а у другихъ, какъ у Маріи, оно сдѣлалось единствомъ на потребу и благою частью вовѣки. Такъ царство Божіе внутри насть есть!

И, однако, хотя и внутри насть и въ насть находится царство Божіе,—его искать надо, искать усиленно и неуклонно. Оно въ насть, но мы не видимъ его; оно въ насть, но мы не знаемъ о немъ. Какъ искра въ кремнѣ, скрыто оно подъ грубостью нашего сердца; какъ загрязненный алмазъ, пылью и грязью, покрыто оно нечистыми мыслями, дурными желаніями, пороками и нечестіемъ. Какъ же не искать его, какъ не заботиться о немъ?

Христіанинъ! Ищи царства Божія! Очищай умъ свой отъ предразсудковъ и заблужденій, чтобы просиять въ немъ свѣтъ Божій; очищай сердце отъ грѣховъ, чтобы сила закона чистой, невинной и богоданной совѣсти могла имѣть свое безпрепятственное дѣйствіе; очищай вѣру отъ сомнѣнія, отъ унынія, отъ суетнѣя и заблужденія, а больше всего очищай любовь къ Богу отъ любви къ міру. Тогда сѣмѧ царства Божія будетъ развиваться и возрастать въ великое древо многовѣтвистое. Христіанинъ! Ищи царства Божія *усиленно*: ибо оно, по слову Христову, силою берется, и только употребляюще усилия получаютъ его.

Нужно ли проходить путь скорбей и страданій,—не ужасайся ты его: ибо многими скорбями подобаетъ винти въ царство Божіе. Нужно ли умерщвлять плоть и страсти,—помни, что иже Христовы суть, плоть распята со страстями и похотями. Христіанинъ! Ищи царства Божія неуклонно! Нужно ли отвергнуться собственныхъ удовольствій, благъ, чести: оставь мертвымъ погребать ихъ мертвѣцовъ, ты же, взявшись за плугъ, не озирайся назадъ, иначе ты не годенъ для царства Божія.

Но смотри, ищи царства Божія не только усиленно, не только неуклонно, но и съ великой осторожностью; берегись, какъ бы не заблудиться; берегись, какъ бы не признать за царство Божіе нѣчто другое, противное истинѣ; берегись, какъ бы не избрать вмѣсто дороги, ведущей къ Богу и къ небу, другой дороги, удаляющей отъ Бога и ведущей въ преисподнюю, во дно адово... Это именно и случается со всѣми нашими сектантами, раскольниками, лжеучителями, которые, какъ слѣпцы, ведущіе слѣпцовъ, падаютъ въ яму и разбиваются. А ты возьми въ пути къ царству Божію испытанную путеводительницу, испы-

танную наставницу—Церковь Христову. Ей ввѣreno это дѣло Самимъ Царемъ царства Божія, и она почти двѣ тысячи лѣтъ уже ведеть къ небу и вѣчности ишушихъ Бога, и великое, не-объятное множество ихъ она управляла въ царство Божіе. А на пути земного шествія Церковь Христова, какъ гостепримные покой, устроила храмы Божіи: въ нихъ она напоминаетъ о Богѣ; ихъ возвышенною и святою красою говорить намъ о небѣ, въ нихъ даетъ отдыхъ и спасаетъ духъ нашъ, въ нихъ она очищаетъ насть отъ прирожденной нечистоты, въ нихъ она врачуєтъ насть таинствами, въ нихъ она соединяетъ вѣрующихъ съ Богомъ.

Возлюбленныя сестры! И монашескимъ житіемъ, и *этю видимою* красою храмовъ Божіихъ въ вашей обители вамъ облегчено шествіе къ царству Божію. Эта свобода въ употреблении своего времени на занятія душеспасительныя; эта близость къ храмамъ Божіимъ и удобство находиться при богослуженіяхъ; эта сохранность мысли, невозмущаемая дѣлами житейскими; это мирное и единодушное сообщество сестеръ, идущихъ къ одной и той же святой цѣли,—все это въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ распоряженіи.

Тако тещите, о, возлюбленныя,—и достигнете! Возлюбите же всею душою святую и мирную обитель вашу, возлюбите ваши святые храмы—и вѣрою, и молитвою, и покаяніемъ, отречениемъ отъ суеты міра, подвигомъ взаимной любви, послушаніемъ ищите, ищите царства Божія, и безъ словъ, но громче и краснорѣчивѣ и убѣдительнѣе всякихъ словъ, примѣромъ святой вѣры и святой жизни всѣхъ призываите къ царству Божію! Аминь.

II.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДВИГА МОНАШЕСТВА ДЛЯ МІРА.*

Съмъ свято—стояніе его.

Вчера говорили мы вамъ, возлюбленныя сестры этой святой обители, о царствѣ Божіемъ и объ исканіи его путемъ вашего монашескаго житія и подвига.

* Сказано въ Бодбійскомъ женск. монаст. въ ту же нед. по просв. за литургіей.

Но воть, не слышны ли вамъ долетающіе до слуха вашего буйные и дерзкіе возгласы міра, осуждающіе и вашъ образъ жизни, и самыя святыя обители? Не слышите ли вы нерѣдко укоры въ томъ, что монашеское житіе бесполезно для земли, бесплодно для человѣка, ненужно и неугодно и Самому Богу? Такъ именно все чаще и чаще говорить гордый и осуетившійся міръ, а между тѣмъ слово Божіе увѣряетъ насть въ другомъ: оно увѣряетъ насть, что благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни и будущей и настоящей, что ищущему царствія Божія отдастся само собою и царство земное, приложатся всѣ блага его; оно поразительные примѣры указываетъ во святыхъ апостолахъ, которые свидѣтельствовали о себѣ: до нынѣшняго часа мы и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками, и въ то же время—мы нищи, а многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ... Кто изъ богатыхъ міра сего можетъ сказать о себѣ, что онъ всѣмъ обладаетъ? И кто изъ нищихъ, нуждающихся въ пищѣ, питьѣ и одѣяніи, можетъ засвидѣтельствовать, что онъ всѣхъ обогащаетъ?

Такъ говорять и могутъ говорить только тѣ, кто искали и нашли царство Божіе. И въ отвѣтъ на алобныя обвиненія людей, непонимающихъ иноческой жизни; въ отвѣтъ на гордыню и укоры людей душевныхъ, непостигающихъ людей духовныхъ, въ этотъ торжественный и радостный праздникъ вашей обители и вы можете засвидѣтельствовать, что не бесплодно иночество въ мірѣ, что и вы, если будете вѣрить своему житію и призванію, можете сказать о себѣ словами апостоловъ: мы,—какъ нищіе, а многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, а всѣмъ обладаемъ. И больше того: слово Божіе постоянно и настойчиво увѣряетъ насть о самомъ мірѣ, что *сама* свято—стояніе его. Это значитъ: прекратится на землѣ родъ благочестивыхъ и избранныхъ, прекратится на землѣ искатели царства небеснаго,—тогда погибнутъ и царства земные, тогда не устоять и самому міру, какъ не устояли Содомъ и Гоморра, когда въ нихъ не нашлось 10 праведниковъ.

Да, велика, благоплодна и для земли служба тѣхъ, кто былъ здѣсь земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, хотя

бы отъ нихъ не было видимой, грубой земной пользы. Ихъ польза—скрытая, высшая, духовная, и доступна и познается она только чрезъ умъ, особенно вдумчивый, и открыта она для сердца чистыхъ, способныхъ къ духовной отзывчивости. И бывали времена, когда сами люди міра не словомъ, а дѣломъ во всеуслышаніе всѣхъ признали эту истину.

Перенеситесь мыслю ко временамъ далекимъ, когда надъ землей только-что почувствовалось предразсвѣтное вѣяніе христианства. Вотъ на берегу Йордана явился человѣкъ. Тридцать лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи и мрачной пустынѣ Іудейской въ святомъ подвигѣ непрестанной молитвы, въ постоянной бесѣдѣ съ Богомъ и въ чтеніи Его слова, въ суро-выхъ подвигахъ самоумерщвленія и въ лишеніяхъ пустынной жизни. Онъ вышелъ изъ пустыни и стала на людномъ пути Йорданскомъ, и здѣсь раздалось его могучее слово призыва къ обновленію духа и жизни и къ покаянію. Страненъ былъ видъ его—въ одѣждѣ изъ верблюжьего волоса, странно было слово его—сурое, обличительное слово. И самъ онъ, выросшій вдали отъ мірскихъ дѣлъ, незнакомый съ ихъ теченіемъ, казался не на мѣстѣ на этомъ людномъ и шумномъ пути, где безъ конца взадъ и впередъ двигались толпы людей, занятыхъ своими житейскими счетами и мірскими попеченіями. Но смотрите, что случилось! Какъ властно было его слово, какъ могуче дѣйствовала его проповѣдь!

Каждому сердцу рассказалъ онъ его печальную исторію, въ каждой душѣ зажегъ онъ священный огонь покаянія. Чудо случилось, дивное, непонятное чудо: къ нему, жителю пустыни, удаленному отъ мірскихъ дѣлъ, незнакомому съ ихъ суетою, идуть люди міра, идуть и съ тоской и съ тревогой спрашиваютъ: что намъ дѣлать? Идуть гордыя своей мнимой праведностью фарисеи, приходить кичливые умомъ и погрязшіе въ чувственности маловѣрные саддукеи, идуть мытари—сборщики податей, служители позорнаго ремесла, погрязшіе въ нечестивомъ занятіи расточительства, идуть воины, привыкшіе къ крови и насилию, идеть и движется народъ. Іоаннъ не научилъ ихъ, какъ пахать и сѣять, какъ строить города, одерживать побѣды и завоевывать царства: но неужели его под-

вигъ, его слово были бесплодны? Неужели то обновлениe душъ, то глубокое раскаяніе людей, дотолѣ порочныхъ, та проповѣдь о высшей справедливости и то напоминаніе о высшемъ и послѣднемъ судѣ,—все, что говорилъ и сдѣлалъ Іоаннъ, неужели все это было бесполезно? Но въ такомъ случаѣ мы пользу ограничимъ однѣми скотскими потребностями.

Возьмите другой примѣръ. На берегу озера два рыбака моютъ и чинятъ сѣти: они заняты мірскимъ полезнымъ дѣломъ. Но вотъ приходитъ Нѣкто,—и вы знаете, кто Онъ,—приходить и говорить: оставьте это, идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. И они, все оставивъ, все бросивъ, и даже лодки, и сѣти, и свои семьи, пошли съ Нимъ. Неужели подвигъ ихъ отреченія отъ міра былъ бесплоденъ и ненуженъ? Но міръ, который оставили рыбаки-апостолы, самъ пришелъ къ нимъ, у нихъ смиренno выслушивалъ уроки небесной мудрости, склонился къ подножію креста, и ими проповѣданного вѣчнаго закона слове Крестнаго: и когда міръ исполнилъ эти уроки небесной мудрости, когда исполнилъ онъ законъ слова Крестнаго, законъ любви, смиренія, всепрощенія, самоотверженія,—онъ былъ безмѣрно счастливъ и, напротивъ, когда отвращался отъ этихъ законовъ, тогда впадалъ въ бездну золъ и страданій. Такъ міръ призналъ благоплодность подвига отрѣкшихся отъ міра.

Не такова ли была и ты, чудная святая равноапостольная дѣва, ради которой мы нынѣ собрались на святомъ торжественномъ празднике у твоей святой гробницы, гдѣ тѣломъ ты опочила нѣкогда въ благоуханіи святыни? И св. Нина все оставила, приняла имя монахини и странница, покинула родину, привычный кругъ людей, отказалась отъ семьи и мірской жизни. Неужели же жизнь ея оказалась бесполезной для міра и человѣчества? Нѣть, свѣтомъ своихъ подвиговъ она просвѣтила всю страну Иверскую, дала ей жизнь духовную, открыла истину, сообщила волю Божію, научила различать добро и зло, украсила жизнь добрыми нравами, упорядочила нравственный укладъ и семьи, и государства, и общества; по слову прѣснї церковной, силою Христовой она сдѣлала сильнымъ царство Грузіи, ожививъ ея жизнь и земную—государствен-

ную, и указала ей мѣсто въ семѣ вѣликихъ народовъ, работавшихъ надъ великимъ, міровымъ дѣломъ. Неужели подвигъ ея отреченія отъ міра былъ безплоденъ для міра? Повторяемъ, это была особая высшая духовная польза, непонятная для грубаго и плотскаго ума, для грубаго и плотскаго сердца. Конечно, невѣжда считаетъ зерно ячменное дороже, чѣмъ зерно жемчужное, но тотъ, кто знаетъ настоящую цѣну тому и другому, тотъ, по слову евангелія, все имѣніе продастъ, чтобы купить одну драгоцѣнную жемчужину царства Божія.

И таковы были безчисленные подвижники и подвижницы и земли русской, и земли грузинской, которые изъ мрака пустынь, изъ ущелій горъ, изъ уединенія лѣсовъ, изъ глубины вертеповъ возсіяли надъ міромъ силою молитвы, славой чудесъ, потокомъ милостей Господнихъ, примѣромъ доброй жизни, утѣшениемъ разбитыхъ сердецъ, обращеніемъ грѣшниковъ, спасеніемъ душъ!

Имъ послѣдуя, избрали и вы, возлюбленныя сестры-инокини, этотъ путь житія подвижническаго. О, вѣрьте, вѣрьте, возлюбленныя, что сѣмѧ свято—стояніе міра. Вѣрьте, что монашество есть цвѣтъ христіанской жизни, ея поэзія, ея украшеніе. Посему великий подвигъ вашего житія, доходна до Бога ваша молитва, славно и честно званіе иноческое, и спасительно оно для міра осутившагося. Свѣтите же, свѣтите этому міру добрымъ житіемъ, обращеннымъ къ горнему и духовному: вышникъ ищите, горняя мудрствуйте, а не земная.

Намъ же влающимся въ молвѣ и попеченіяхъ града, людамъ мірскимъ, давайте чаще и чаще вдыхать ароматъ жизни духовной, дышать благоуханіемъ святыни и вѣчности, предошущеніемъ того немеркнущаго свѣта, незаходимаго солнца, того свѣтлого, невечерѣющаго дня, гдѣ будетъ всѣхъ веселящихся жилище, и празднующихъ гласъ непрестанный, и бѣзконечная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизреченную.

И за этотъ свѣтъ, за этотъ миръ душевный, за ваши молитвы, за труды, за подвиги, за напоминанія о небѣ и вѣчности скажетъ вамъ доброе слово хвалы и благодарности оставленный вами міръ. Аминь.

Правда вѣры и жизни.*

Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь...

Достойно и праведно нынѣ, въ день Православія, съ осо-
бымъ чувствомъ радостнаго умиленія воспомянуть и исповѣ-
дать эту истину нашего священнаго символа вѣры. Достойно
и праведно въ этотъ день, когда мы празднуемъ побѣду и
торжество православія надъ невѣріемъ и лжеевѣріемъ, возблаго-
дарить Бога за то, что мы принадлежимъ къ той единой и
спасающей Церкви, которая удержала и содержить нынѣ въ
чистотѣ и сохранности истину святой вѣры въ томъ видѣ,
какъ принесъ ее на землю Христосъ Спаситель, какъ возвѣ-
стили ее міру святые апостолы, истолковали и сохранили на
всѣ вѣка богомудрые отцы и учители Церкви на святыхъ собо-
рахъ: *сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра
православная, сія вѣра вселенную утверди.*

Правда Церкви нашей есть прежде всего правда вѣры и
исповѣданія. На нее-то искони и устремлены были козни вра-
говъ истины: и гордыня лжеименного разума, и самочинное
мудрованіе въ учениіи Божественнаго откровенія, и нравствен-
ная распущенность, какъ печальное наслѣдіе издохшаго язы-
чества, и продажные, мірскіе, недостойные вѣры разсчеты въ
жизни частной или государственной,—всѣ эти враги силились
поколебать чистоту вѣры нашей и поставить въ ней на мѣсто
Божественнаго начало человѣческое. Сонмы мучениковъ, сонмы
отцовъ и учителей Церкви съ величайшими трудами, жертвами
и усилиями, своими страданіями, терпѣніемъ, кровью и смертью
отстояли для насть сокровище вѣры: да будетъ имъ вѣчна
память предъ очами Бога и людей, въ Церкви земной и небесной!

Велико и неоцѣненно сокровище этой правды вѣры и испо-
вѣданія! Нынѣ принято умалять его; нынѣ раздается пропо-

* Слово предъ членами Дѣпнія Св. Синода 29 января 1903 г. о прославленіи старца Серафима Саровскаго. Сказано въ недѣлю Православія 23 февраля 1903 г. въ Сіонскомъ соборѣ при священнослуженіи екзарха Грузіи.

въдь новоявленныхъ и самозванныхъ учителей о томъ, что въ христіанствѣ чистота вѣры и догмата будто бы не важна, и что не только главное, но и единственное его сокровище—это правда жизни. Не вѣрьте, братіе, этому обольстительному учению. Какъ нельзя жить, не родившись; какъ нельзя читать и писать, не зная азбуки: такъ нельзя имѣть правды и жизни, не имѣя правды вѣры. Апостолы завѣщали намъ твердо знать написаніе упованіе и давать о немъ отвѣтъ вопрошающимъ (1 Петр. III, 15), они завѣщали намъ хранить оставленный ими образъ здравыхъ словесъ (2 Тим. I, 13), чтобы по нему устроить и располагать свою жизнь: иначе зданіе нашей нравственной жизни будетъ построено на пескѣ или, еще хуже, уподобится писанію по водѣ...

Этимъ не унижаетъ Церковь правды жизни. Напротивъ, твердо и неизмѣнно проповѣдуется она ученіе апостоловъ, что вѣра безъ дѣлъ мертвъ есть (Іак. II, 20), что нужно любить не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Іоан. III, 18). И смотрите, поучаясь, какъ оправдываетъ ее исторія вѣковъ минувшихъ. Исторія эта гласить намъ ясно и вразумительно, что съ правдою вѣры всегда неразрывно связана и правда жизни; съ возрастаніемъ или паденіемъ одной—непремѣнно возрастаетъ или падаетъ другая. Всѣ общества христіанскія, уклонявшіяся отъ единства и чистоты вѣры, оскудѣвали духомъ и скоро являли печальное зрѣлище нравственнаго разложенія. Гдѣ сонмъ святыхъ въ церкви армянской послѣ отдѣленія ея отъ православія? Она чтить только тѣхъ святыхъ, которые жили до раздѣленія церквей, будучи не въ силахъ послѣ потери чистоты вѣры воспитать сыновъ своихъ для святости. Не оскудѣла ли святыми подвижниками и угодниками и ихъ святыми мощами отколовшаяся отъ единства вѣры церковь гордаго Рима? Но вотъ на Западѣ дѣйствіями темной силы явилось новое и великое отступленіе, нашумѣвшее на весь міръ, гордо объявившее себя реформаціей, отвергшее и поправшее по началамъ лжеименного разума всю древнюю святыню вѣры. Что же вышло? Нашлись ли тамъ дѣятели, напоминающіе хоть сколько-нибудь величавыхъ святителей христіанской древности? Явились ли смиренные подвижники вѣры и молитвы,

осіяніе Божієї благодатью? Просіяли ли святы, Богомъ умудренныи учителі вѣры, властители думъ, цѣлители боль-най совѣсти, тѣ, къ которымъ стекались бы люди Божіи, ища назиданія, облегченія измученному сердцу, прощенія грѣховъ, обновленія жизни? Все застыло тамъ въ одной напряженной работѣ холоднаго разума въ дѣлахъ вѣры, которая главнымъ образомъ живеть въ области сердца, и жизнь видна только въ одномъ головокружительно-быстромъ и страшномъ развитіи крайняго отрицанія, въ этомъ безаконечномъ дробленіи сектъ, которыхъ уже выродились изъ лютеранства въ числѣ болѣе 800..., которыхъ плодятся и донынѣ, являясь нагляднымъ и страшнымъ нарушеніемъ предсмертной и завѣтной молитвы Богочеловѣка: да вси едино будуть.... (Іоан. XVII, 21).

Не ради гордыни и похвальбы, а во славу Бога и Христа Его, въ благодарное исповѣданіе Божьей благости и благодати, свидѣтельствуемъ мы о великомъ сонмѣ святыхъ Божіихъ въ нашей православной Церкви. Не оскудѣваетъ сонмъ этотъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, украшая новыми и яркими звѣздами духовное небо славнаго христіанства. Милостю Божію не оскудѣла носителями святости и наша родимая Россійская Церковь. И на престолахъ благовѣрныхъ князей, и въ средѣ всѣхъ сословій вѣрноподданнаго народа; среди воиновъ и мирныхъ гражданъ; на превознесенныхъ престолахъ святителей Церкви, и въ рядахъ простыхъ мірянъ и иноковъ, въ тиши обителей, въ глубинѣ лѣсовъ, въ невѣдомыхъ пустыняхъ, среди льдовъ далекаго сѣвернаго моря,—вездѣ просіяли на землѣ русскіе святые угодники, и стала земля наша воистину землею святорусскою.

Истекло 19-е столѣтіе христіанства на нашихъ глазахъ; въ этотъ вѣкъ разлива въ мірѣ невѣрія и нечестія Господь въ русской Церкви четыре раза, какъ бы четыремъ поколѣніямъ, сознательною жизнью пережившимъ столѣтіе, воздвигъ въ назиданіе новыхъ угодниковъ Божіихъ: святителей Иннокентія Иркутскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Феодосія Черниговскаго. Наступилъ ХХ вѣкъ, и се—у самаго порога его мы видимъ новое знаменіе милости Божіей къ русской Церкви, новое свидѣтельство ея истины, ея православія

и цѣлости ея духовной жизни, новый призывъ къ намъ хранить святыню вѣры и сыновнее послушаніе Церкви: близится время прославленія боголюбиваго старца Серафима, Саровскаго подвижника, нареченаго въ святыхъ Божіихъ общимъ гласомъ вѣрующаго православнаго народа; нынѣ запечатлѣнъ гласъ этотъ рѣшеніемъ высшаго церковнаго священноначалія и радостно-умиленнымъ словомъ возлюбленнаго нашего Монарха.

Радуйся, Церковь святая православная! Радуйтесь, духомъ православные люди Божіи! Радуйся, старче Серафиме, смиренный подвижникъ и новый къ Богу молитвенникъ за землю русскую!

Въ этотъ день Православія усугубимъ торжество его, братіе, радостью о новоявленномъ угоднику Божіемъ, свидѣтѣлѣ православія и святости нашей Церкви. Изволеніемъ архипастыря сейчасъ прочитано будетъ Дѣяніе о семъ Святѣшшаго Синода. Выслушаемъ его въ благоговѣйномъ вниманіи. Аминь.

Честный служитель слова.*

Слово вапе будеть солію растворено.
(Кол. IV, 6).

Неизмѣримо велико значеніе человѣческаго слова. Въ чудно-таинственномъ устройствѣ человѣка, этого „малаго міра“, его свѣтлая мысль родить вдохновенное слово, въ немъ воплощается, увѣковѣчивается; и обратно: слово, въ свою очередь, возбуждаетъ и вызываетъ мысль, развиваетъ ее, совершенствуетъ, вступаетъ въ непостижимую связь съ чувствомъ, действуетъ на волю,—захватываетъ, такимъ образомъ, всю широкую область человѣческой дѣятельности.

Не напрасно, поѣтому, слово представляется глубоко-важнымъ не только въ отношеніи эстетическомъ, литературномъ,

* Рѣчь на панихидѣ по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника въ гор. Тифлісѣ, сооруженнаго городскимъ самоуправлѣніемъ.

научномъ и общественномъ: оно преисполнено и какъ бы на сквозь проникнуто инымъ, высшимъ значеніемъ,—священнымъ, религіознымъ. Словомъ Бога созданъ міръ изначала, словомъ дано откровеніе, словомъ глашали истину пророки, Словомъ благоволило именоваться Божество въ воплощеніи, словомъ Богочеловѣкъ и Его апостолы повѣдали міру небесную вѣсть спасенія.

И блажень тотъ избранникъ Божества, одаренный свѣтлою мыслью и чуднымъ даромъ слова, который не употребить во зло своего дарованія, который не продасть за жалкую похлебку мірскихъ благъ свое духовное первородство, который не уподобится древнему Валааму, избравшему слово проклятія народу вмѣсто Богомъ заповѣданнаго слова благословенія. Блажень всякий служитель слова—писатель или ораторъ, поэтъ или провѣдникъ, и благословенно имя его, если онъ не избралъ это слово орудіемъ лжи, обмана, возбужденія низменныхъ страстей и нравственнаго растлѣнія. Ибо отъ словъ твоихъ оправдашися, и отъ словъ твоихъ осудишишися,—говорить Господь въ Откровеніи (Ме. XII, 37). И не даромъ одинъ изъ нашихъ художниковъ слова, современникъ того, кого мы нынѣ поминаемъ молитвою, приточнымъ изображеніемъ загробной судьбы разбойника и писателя показалъ намъ въ назиданіе, что убійца менѣе вреденъ и скорѣе удостоится прощенія предъ вѣчною правдой, чѣмъ дурной писатель, этотъ духовный разбойникъ, оставившій на землѣ въ своихъ произведеніяхъ сѣмена неисцѣльнаго и непрекращающагося зла.

О, какъ умѣсто и какъ необходимо громко и часто напоминать объ этомъ себѣ и другимъ въ наши тревожные дни! Слово человѣческое нынѣ не хранится, какъ прежде, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей, а быстро распространяется по лицу земли; его разносить по міру не одна стουстая молва, какъ прежде, но многочисленныя, усовершенствованныя и все болѣе развивающіяся орудія гласности—почта, телеграфъ, телефонъ, газеты, листки, книги, журналы. Увѣковѣчиваются не только слова, но самый тонъ, выраженіе и звукъ голоса... Страшно подчасъ становится за эту изумительно-могучую силу слова. Страшно становится, когда видишь, какъ талантливые

творцы слова питають изо-дня-въ-день читающую и мыслящую часть общества образами порока, грѣха и соблазна, не вызывая къ нимъ отвращенія, нѣть,—часто оправдывая, даже открыто сочувствуя имъ. Страшно подумать, что озвѣрѣвшіе подонки человѣческаго общества возводятся нынѣ въ идеаль, объявляются носителями обновленія нашей общественности; что, подъ вліяніемъ модныхъ мыслителей, добро и зло объявляются условными; когда знаменитое — „все позволено“ предлагается, какъ единственная норма и лозунгъ дѣятельности; когда поле изображаемой литературнымъ словомъ жизни занимаютъ нравственные дегенераты, якобы „сверхчеловѣки“, стоящіе „по ту сторону добра и зла“, а на самомъ дѣлѣ — герои скамьи подсудимыхъ, обыкновенные преступники, съ обыкновенными низменными инстинктами, дерзость которыхъ и нравственное безстрашіе принимаются за нравственную отвагу и силу,—достойные, конечно, и снисхожденія, и сожалѣнія, но никакъ не подражанія. Страшно становится, когда видишь, что всякое преступленіе на общественномъ судѣ находитъ себѣ краснорѣчивую защиту, вознаграждающую вѣщателей зла то крупною платою, часто изъ темнаго источника, то громкою популярностью,—благами, за которыми любители ихъ юдуть издалека, тянутся, какъ-будто къ свѣту, ко всякому виду громкаго преступленія, чтобы защитить его прелюбодѣяніемъ слова лицемѣрно-краснорѣчиваго и ложно-одушевленнаго. Страшно становится, когда разрушительныя для религіи и общественности ученія распространяются словомъ подпольной литературы, проповѣдаются подчасъ между строками и легальныx газетъ, книгъ и журналовъ. И прямо ужасно подумать, что все это прививается и усваивается, что всѣмъ этимъ увлекаются нынѣ до потери сознанія границъ добра и зла, нравственно-прекраснаго и безобразнаго, что почва для посѣва и возрастанія такого слова человѣческаго, измѣнившаго своему божественному назначенію, съ каждымъ днемъ становится какъ-будто воспріимчивѣе.

Въ такие дни, дѣйствительно, отрадно остановиться на образѣ писателя, котораго мы нынѣ поминаемъ молитвою и заѣмъ вѣнчаемъ заслуженною славою—созданіемъ рукотвореннаго

памятника отъ имени нашего города. Вотъ писатель, который объявилъ, что со словомъ нужно обращаться крайне осторожно: „оно, по его выраженню, лучшій даръ Бога человѣку“. Вотъ писатель, проникшійся убѣжденнымъ сознаніемъ религіознаго значенія слова, который смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе промысла, какъ на библейскаго пророка, глашатая истины; который, рисуя порокъ, не услаждался имъ и не услаждалъ имъ другихъ; который горькимъ смѣхомъ посмѣялся надъ пошлюю стороною нашей дѣйствительности не для забавы и глумленія, не для пошлого остроумія, а „сквозь незримыя міру слезы“: онъ плакалъ надъ язвами нашей жизни, страдаль и болѣль ея страданіями, онъ пріобщился къ той міровой скорби лучшихъ писателей-печальниковъ народа сво资料, которая является какъ бы отблескомъ и соучастіемъ искупительнаго подвига Христова... Вотъ писатель, у котораго сознаніе отвѣтственности предъ высшою правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, такъ глубоко охватило все его существо, что для многихъ казалось какоюто душевною болѣзнью, чѣмъ-то необычнымъ, непонятнымъ, ненормальнымъ. Это былъ писатель и человѣкъ, который правду свою и правду жизни и міропониманія провѣрялъ только правдою Христовою.

Да, отрадно воздать молитвенное поминовеніе предъ Богомъ и славу предъ людьми такому именно писателю въ нашъ вѣкъ господства растлѣннаго слова,—писателю, который выполнилъ завѣтъ апостола: *слово ваше да будетъ солю растворено*. И много въ его писаніяхъ этой силы, предохраняющей мысль отъ разложенія и гніенія, дѣлающей пишу духовную удобопрѣемлемой и легко усвояемой.

Отрадно и то, что такого писателя цѣнятъ и прославляютъ. Это—доброе знаменіе времени; это—добрый знакъ, что не до конца загрязнена и почва, воспринимающая слово, что многихъ какъ бы тошнитъ отъ той духовной пищи, которую имъ часто преподносятъ въ современной литературѣ, и они ищутъ освѣженія и обновленія въ вѣчныхъ завѣтахъ великихъ творцовъ слова минувшаго времени. Такіе творцы по своему значенію въ исторіи слова подобны святымъ отцамъ въ пра-

вославії: они поддерживаетъ благочестныхъ и чистыхъ литературы преданія. Въ ихъ завѣтахъ можно и объединиться, и сойтись всѣмъ представителемъ такого окраиннаго и разноземенного города, каковымъ является нашъ Тифлісъ. Честь и хвала и глубокая благодарность представителемъ города за это чествование великаго писателя земли русской; вѣдь въ его завѣтахъ высокихъ и благородныхъ мы всѣ воспитались въ годы ученія и духовнаго—умственнаго и нравственнаго возрастанія; вѣдь эти завѣты, дѣйствительно, сильны объединить всѣхъ, кто ищетъ добра и любить его, кто, безъ партій и кличекъ, хочетъ видѣть въ себѣ и въ окружающихъ человѣка въ истинномъ и высокомъ значеніи этого слова.

Пусть же останутся эти завѣты руководствомъ и для васъ, представители нашего общественнаго самоуправленія! Создавая памятникъ великому писателю, столь честному въ мысли и словѣ, вы тѣмъ самыемъ показываете, что раздѣляете уроки, оставленные намъ этимъ учителемъ жизни. Иначе—чествование это было бы только жалкимъ и презрѣнныемъ лицемѣріемъ, одною бездушною и показною формою. Да будетъ и у васъ слово ваше солю растворено! Благо общественное вручено заботѣ представителей общества, и оно выясняется обыкновенно въ предварительной усиленной работѣ слова вашего въ законныхъ общественныхъ собраніяхъ. Пусть же слово это будетъ всегда чисто, здраво и трезво—и пусть оно будетъ солю растворено, т.-е. не гнило, не гибельно. Пусть оно не служить для рисовки, игры и тщеславія пустымъ и условнымъ краснорѣчіемъ, пусть не обращается оно въ одно словопрѣніе, въ орудіе задора и раздора, личныхъ счетовъ, личныхъ или партійныхъ интересовъ,—въ продажный товаръ, къ сожалѣнію, столь часто нынѣ предлагаемый на общественномъ рынкѣ.

Тогда и открытое чествование великаго писателя созданиемъ ему памятника будетъ имѣть воистину глубокое общественно-воспитательное значеніе. Аминь.

Переселенческое русское дѣло.*

Царство Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмѧ въ землю: и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмѧ всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ... (Мк. IV, 26—27).

Въ царствахъ человѣческихъ, въ широкомъ смыслѣ, нѣрѣдко повторяется и наблюдается то же явленіе. Есть сѣмѧ и русской государственной жизни; давно оно посѣяно; сѣмѧлись тѣ, кому было поручено смотрѣть за ними и ожидать урожая и жатвы. И бывало не разъ, что эти приставники и спали, и вставали ночью и днемъ, и часто совсѣмъ забывали о сѣмени. А оно росло въ землѣ, питалось землею и давало ростки, во многихъ мѣстахъ государства достигло и плодоношенія. Мы разумѣемъ здѣсь русскую государственную и національную идею. Печальна ея судьба въ рукахъ приставниковъ народныхъ: то она временно поднимала голову, то ныла къ землѣ и казалась обреченною на гибель конечную; но и въ краткіе промежутки ея жизни ей указывали до безконечности разнообразныя и несогласованныя между собою мѣры и средства для существованія и успѣха: то призывали европейскую науку и культуру, то указывали мѣры административнаго устройства, то хотѣли ей помочь усиленіемъ всякихъ инородческихъ элементовъ, то признавали всѣ и всякие патріотизмы, кроме русскаго, то кровью, потомъ, трудомъ и достояніемъ русскаго народа созидали благо другихъ народностей, надѣляя ихъ землями, правами, школами, и думали, что русская идея чрезъ это становится всечеловѣческою, достойною всемірнаго признания и преклоненія.

Но сѣмѧ, повторяемъ, было давно-давно брошено. Сѣмѧ это—живой, не отвлеченный, а дѣйствительно существующій русскій народъ. Куда онъ пришелъ самолично, а не отвлечен-

* Рѣчь при открытии нового переселенческаго села Николаевскаго въ Закавказье.

ной идеей, тамъ онъ и насадилъ блага гражданственности, высшей религіи и достойнаго человѣческаго существованія: отъ береговъ Ильменя и Днѣпра проникъ онъ на берега Волги, создалъ города, селенія, княжества, распространіль христианство, далъ блага единаго русскаго языка, какъ средства человѣческаго общенія; проникъ потомъ къ морю студеному, къ Вяткѣ, Уралу, переваливъ его, по необъятнымъ пространствамъ Сибири дошелъ до Великаго моря-океана, на югѣ спустился къ Каспію, занялъ Приазовскій край, а съверный Кавказъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ онъ сдѣлалъ богатымъ, люднымъ краемъ,—краемъ настолько русскимъ, что трудно даже и представить, что онъ 100 лѣтъ назадъ быть чужимъ и инородческимъ. Во всѣ периоды нашей истории Русь коренная, порубежная и зарубежная была сильна живымъ народомъ, живымъ нашимъ крестьянствомъ.

О, если бы 100 лѣтъ назадъ эта истина сознана была и по отношенію къ Закавказью! Что мы говоримъ? Если бы хоть 40 лѣтъ тому назадъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, живою волною вливался русскій элементъ въ нашъ край: какъ бы измѣнилось теперь лицо его, какъ перемѣнилось бы общее положеніе!

Но прочно безплодныя сожалѣнія! Лучше поздно, чѣмъ никогда. И можетъ-быть, и на русскомъ дѣлѣ въ нашемъ краѣ исполнится притча Спасителя: пришедшіе въ одиннадцатый часъ работники получатъ плату наравнѣ съ пришедшими въ часъ первый. Это зависитъ отъ насъ, приставниковъ къ государственному нашему дѣлу. Не будемъ стыдиться русской нашей идеи, русскаго нашего дѣла. Не будемъ бояться, что въ ней есть что-то эгоистическое и не христіанское. Не будемъ двоиться въ нашихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, подобно тростнику, вѣтромъ колеблемому, подобно морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой; ибо во всей широтѣ, во всей совокупности человѣческой жизни исполняется слово апостола: *человѣкъ съ двоящимися мыслями нетвердъ во всѣхъ путяхъ своихъ* (Іак. I, 8). Национальное самосознаніе въ народѣ—то же, что личность, личное самосознаніе въ каждомъ отдельномъ человѣкѣ. Какъ нельзя въ каждомъ изъ насъ убить личности,

и какъ сознаніе своей личности не уничтожаетъ личности въ другомъ человѣкѣ, мнѣ подобномъ: такъ нельзя убить національное самосознаніе; такъ сознанная національная идея не уничтожаетъ другихъ народностей.

Мудрость народа замѣчаетъ, что клинъ клиномъ вышибается. Бражда противъ русскаго дѣла вездѣ и, въ частности, въ нашемъ краѣ опирается на какую-либо національную идею какого-либо мелкаго племени. Не книжкой, не наукой, даже не школой можно бороться противъ этой идеи и смягчать ея крайности; опытъ говорить совершенно противное: школа даетъ мелкому племени полуинтеллигѣнцію, которая, ставши на ноги при помощи русскихъ средствъ, начинаетъ кричать о правахъ своей національности и борется съ русскимъ государственнымъ дѣломъ. Гдѣ отпоръ подобнымъ вождѣй? Только въ ясно сознанной и нескрываемо исповѣдуемой русской идеѣ; только въ поддержкѣ живого русскаго потока, направляемаго во всѣ окраины нашего царства; только въ заботахъ, самыхъ горячихъ заботахъ о просвѣщѣніи и о культурно-экономическомъ ростѣ нашего русскаго крестьянства. Какъ только эту русскую идею противопоставить идеѣ какого-либо мелкаго племени, такъ сразу самая мысль о борьбѣ между ними становится нелѣпой и смѣшною, и правда исторіи, правда жизни сама бросается въ глаза. Кто здравомыслящій, какого бы племени онъ ни былъ, кто скажетъ, что русскому человѣку нѣть и не должно быть мѣста на Кавказѣ? Но тогда гдѣ же ему мѣсто? Куда дѣться стомилліонному народу? Неужели сидѣть около Киева и Новгорода? Ибо на всякой точкѣ русской Имперіи мелкія народности, начиная отъ печенѣговъ и половцевъ на югѣ до финновъ около Москвы и болгаръ на Волгѣ, могутъ говорить, что и тамъ не мѣсто русскому человѣку.

Нѣть, и нѣть! Вездѣ въ русскомъ царствѣ ему мѣсто, и въ нашемъ краѣ, въ этомъ новомъ поселеніи, онъ на мѣстѣ, на своемъ мѣстѣ; здѣсь онъ ничего ни у кого не отнимаетъ и никому не грозить; здѣсь онъ, хоть и поздно поселенный, хоть и на остаткахъ богатыхъ земель Закавказья, расхищенныхъ нѣкогда, во дни, когда мы, приставленные свыше стражи земли русской, спали,—онъ принесетъ великую пользу и государству,

и здѣшнему краю. И какъ онъ шелъ въ своей исторіи всегда впередъ, неся въ одной рукѣ крестъ и евангеліе, а въ другой—топоръ и лопату, орудія мирнаго труда: такъ онъ пришелъ и сюда, и мы сегодня имѣли высокое утѣшеніе заложить для здѣшнихъ русскихъ людей домъ Божій. Буди благословенно сіе священное и многознаменательное торжество! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ!

Имя князя Григорія Сергѣевича Голицына, начальника нашего края, съ благодарностью будетъ поминаться въ исторіи русскаго дѣла на Кавказѣ; онъ первый изъ правителей Кавказа въ ясно сознанной и намѣченной системѣ воплотилъ его въ живыхъ людяхъ, русскихъ переселенцахъ, какъ носителяхъ русскаго дѣла, и указалъ тщету и ложность порываний и попытокъ дѣйствовать здѣсь отвлечеными и теоретическими разсужденіями. Не забудетъ исторія и ближайшихъ сотрудниковъ князя Григорія Сергѣевича.

Мы глубоко вѣримъ въ жизненность того дѣла, у начала котораго мы теперь стоимъ. Вспоминается намъ недалекое время. Шесть лѣтъ тому назадъ здѣсь пріютились всего шесть семействъ русскихъ крестьянъ, и мнѣ въ числѣ другихъ частныхъ, а не правительственныхъ дѣятелей, привезъ Богъ не разъ посѣтить первыхъ русскихъ насельниковъ. Сколько не влагодѣ пронеслось надъ ними! Какъ всѣ единогласно хоронили ихъ дѣло! Какъ осуждали даже въ большой печати самое намѣреніе поселить здѣсь русскихъ крестьянъ! И какъ мало было основаній надѣяться на то, что здѣсь когда-либо устроятся что-либо прочное и крупное въ области русскаго дѣла! И вотъ, какъ вода просасываетъ мощные пласти и глыбы и бѣть струею поверхъ земли, такъ правда жизни живою струею пробилась наверхъ и посрамила маловѣрныхъ и злобныхъ: мы видимъ здѣсь уже людное поселеніе, которое въ недалекомъ будущемъ вырастетъ въ сотни семействъ, объединенныхъ около храма. Дай Богъ, чтобы все это послужило прообразомъ всего дѣла русскаго переселенія въ Закавказье!

Пусть сѣмѧ это растетъ, пусть зреетъ, пусть расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ и плодъ принесетъ во имя великаго русскаго дѣла, во славу и благо русскаго народа! Аминь.

Ожесточеніе сердца.*

Днесъ, аще гласть Его услышите, не ожесточите сердца вашихъ.

Въ величественномъ псалмѣ Давидовомъ, по счету 94-мъ, откуда взято приведенное сейчасъ изреченіе (ст. 7—8), св. царепророкъ вдохновенно призываетъ народъ свой къ прославленію имени Господа. „Пріидите, воспоеемъ Господу, восхликаемъ Богу, твердынѣ спасенія нашего! Предстанемъ лицу Его со славословіемъ, во псалмахъ и пѣсняхъ восхликаемъ Ему! Въ Его рукѣ глубина земли и вершины горъ—Его же; Его море, и Онъ создалъ его, и сушу образовали руки Его. Пріидите, поклонимся и припадемъ, преклонимъ колѣна предъ лицомъ Господа, Творца нашего. Ибо Онъ—Богъ нашъ, и мы—народъ настѣнѣ Его и овцы руки Его“... Вспоминая при этомъ всѣ благодѣянія Бога не только вообще къ міру и людямъ, но, въ частности, и къ народу израильскому въ Египтѣ, въ пустынѣ Аравії, въ землѣ обѣтованія, вспоминая, какъ народъ еврейскій при всѣхъ милостяхъ Божіихъ являлся часто противникомъ волѣ Господа, роптать, возмущался,—царственный пѣвецъ-проповѣдникъ, обращаясь къ народу, вдругъ какъ бы пророчески восклицаетъ: „О, если бы вы нынѣ послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего!“

Сбылось пророческое опасеніе св. псалмопѣвца. Израиль, взысканный щедротами Бога, осыпанный Его благодѣяніями, явилъ на себѣ въ исторіи устрашающій примѣръ того ужаснаго, гибельнаго ожесточенія сердца, которое обратило этотъ народъ избрания и благословеній, великихъ и всемірныхъ обѣтованій въ народъ отверженія и проклятія и привело его—страшно выговорить!—къ ужасу и преступленію богоубійства.

Въ воспоминаніяхъ нынѣшняго дня мы видимъ новое и разительное доказательство этого безумнаго ожесточенія сер-

* Слово въ субботу Лазареву при освященіи храма въ желѣзодорожныхъ мастерскихъ на станціи „Тифлісъ“ 29-го марта 1903 года.

дець древняго Израиля. Предъ нами единственное въ мірѣ, величественное и поразительное чудо воскрешенія Спасителемъ четырехдневнаго, уже погребеннаго мертвца Лазаря. Голосъ Иисуса Христа, обращенный къ мертвцу и вызывающій его изъ могилы, раздался въ недовѣдомой странѣ смерти, никогда не возвращающей своихъ жертвъ, раздался, какъ голосъ Владыки жизни и смерти,—и Лазарь вышелъ изъ гробовой пещеры, обвязанный погребальными пеленами. Евангеліе, по свойственному ему тону краткости и спокойствія въ повѣстованіи, умалчиваетъ о томъ впечатлѣніи, которое должно было оказать это чудо на всѣхъ присутствовавшихъ: но и безъ словъ оно понятно и живо представляется воображенію. Въ евангеліи упоминается только то, что „многіе при этомъ увѣровали въ Иисуса“ (Іоан. XII, 45), и что въ числѣ свидѣтелей чуда были и враги Спасителя. Что же враги? Казалось бы, что и каменное сердце должно было загорѣться благоговѣніемъ къ Чудотворцу, что послѣ этого чуда должна была смолкнуть вражда противъ Иисуса Христа и, по крайней мѣрѣ, хоть наступающая Пасха должна была пройти для Него спокойно.

Но такова гибельная сила ожесточенія сердца: сердце это не смягчается ничѣмъ, оно не способно уже къ убѣждѣнію, оно становится слѣпо и глухо ко всякой истинѣ, оно всецѣло отдается злобѣ и сатанѣ. Что мы видимъ послѣ чуда воскрешенія Лазаря? Враги Иисуса не только не были пристыжены этимъ чудомъ, не только не оставили и не умѣрили своей злобы, но еще больше встревожились и говорили на своеемъ нечестивомъ совѣтѣ: Что намъ дѣлать? Этотъ Человѣкъ много чудесъ творить. Если оставимъ Его такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него. Съ этого днѧ,—замѣчаетъ евангелистъ,—положили убить Его (Іоан. XII, 47—48, 53). Извѣстно, что этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе чрезъ нѣсколько дней.

Такъ даже чудо Божіей милости и всемогущества не остановило злобы, не отдалило смерти Сына Божія; такъ неисцѣльно-гибельно дѣйствіе ожесточенія, охватившаго человѣческое сердце.

Насытилось ли оно, по крайней мѣрѣ, кровью, муками и смертью Сына Божія? Увѣрилось ли оно въ Его Божествѣ?

послѣ Еgo воскресенія и цѣлаго облака чудесъ, совершенныхъ Еgo апостолами? Нѣть, оно преслѣдовало Еgo за гробомъ, оно убило всѣхъ Еgo апостоловъ и первыхъ послѣдователей, оно гнало дѣло Христово въ мірѣ въ теченіе вѣковъ, преслѣдуя его и донынѣ, чтобы подавить его, затмить его ложью, затѣнить вымыслами, покрыть клеветою и позоромъ, чтобы поставить на пути его мечъ, залить кровью его свидѣтелей, похоронить въ ихъ могилахъ, утопить въ водѣ, сжечь въ огнѣ, истребить всѣми видами истребленія. Вотъ оно ожесточеніе сердца! Оно—безумная вражда на Бога, оно—возстаніе твари противъ Творца своего. Поистинѣ, это есть сатанинское состояніе души, нравственный *мертвый сонъ* (Еф. V, 4), упорное, сознательное противленіе истинѣ, при всѣхъ яснѣйшихъ свидѣтельствахъ ея, ненависть къ свѣту и правдѣ,—та *хула на Духа Святаго*, о которой Само воплощенное Милосердіе говорить, что изъ всѣхъ грѣховъ міра только одна эта хула не простится людямъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Ме. XII, 31—2). Это—состояніе, которое отнимаетъ у человѣка даже возможность исправленія.

Братіе возлюбленные! Все, что написано въ словѣ *Боожіемъ, въ наше наученіе преднаписано* (Римл. XV, 4). Страшенье грѣхъ ожесточенія сердца, и онъ стоитъ предъ нами, изображенный въ исторіи Израїля, въ повѣствованіяхъ евангелія, какъ постоеянное и грозное предостереженіе. Не сразу дошелъ Израїль до этого гибельнаго состоянія, которое, въ полномъ и окончательномъ своемъ развитіи, привело избранный народъ къ ужасу богоубийства. Будемъ же внимательны къ себѣ, чтобы и съ нами не случилось что-либо подобное! Будемъ внимательны: не впадаемъ ли мы порою въ такое же состояніе, не стоимъ ли мы хоть на первыхъ ступенькахъ того страшнаго пути сердечнаго ожесточенія, который ведетъ человѣка къ Гудину окаянству, къ враждѣ на Бога и зритъ во дно адово?

Отчего происходитъ ожесточеніе сердца? Оно начинается постепенно утратою нашимъ духомъ ощущенія близости къ намъ міра высшаго, духовнаго, общенія съ Богомъ, притуплениемъ вкуса духовнаго къ религіозно-нравственнымъ запросамъ и стремленіямъ, потерю чувствительности къ впечатлѣніямъ

и дѣйствіямъ въ насть благодати Божіей. Происходить же эта утрата прежде всего отъ того, что человѣкъ начинаетъ давать въ своей жизни перевѣсь плоти надъ духомъ: пища, питье, увеселенія, наслажденія, выгоды, деньги, обогащеніе, удобства жизни, забота о себѣ и только обѣ одномъ себѣ, о своихъ материальныхъ интересахъ, о своемъ самолюбіи,—все это выстулаетъ на первый планъ, подавляетъ духъ, который безъ развитія, безъ сродной ему пищи начинаетъ замолкать, какъ бы хирѣть и вянуть. Духъ, конечно, не можетъ совсѣмъ умереть, не можетъ совершенно прекратить свою дѣятельность. Но его дѣятельность становится одностороннею—узкою, жесткою, плотскою, или, по выражению священописанія, *не духовною, а душевною* (I Кор. II, 14), онъ обращенъ тогда только къ землѣ, къ земной заботѣ обѣ улучшеніяхъ жизни, ея удобствѣ, къ одной только грубой материальной пользѣ; онъ становится рабомъ плоти, глухимъ и невнимательнымъ къ вопросамъ о Богѣ, о совѣсти, о нравственномъ совершенствѣ, о небѣ и загробныхъ упованіяхъ. Тогда истинно-духовная жизнь, въ ея возвышенныхъ и благородныхъ стремленіяхъ, постепенно въ насть замираетъ, человѣкъ обращается просто въ умное животное, управляемое только себѧлюбіемъ, а не нравственнымъ закономъ, одною выгодою, а не голосомъ долга и совѣсти; естественно, онъ становится черствымъ, жесткимъ, неразборчивымъ въ средствахъ для достиженія своихъ себѧлюбивыхъ цѣлей; онъ все болѣе и болѣе наклоняется къ землѣ и, не поднимая лица къ небу, не видя тамъ сияющаго солнца, голубого небосклона и яркихъ звѣздъ, начинаетъ сомнѣваться въ самомъ существованіи солнца. При такомъ настроеніи онъ теряетъ чутѣ различія добра и злого, нравственно-прекраснаго и безобразнаго...

Страшная тоска духа охватываетъ иногда человѣка въ такомъ состояніи. Чувство жажды духовной становится столь мучительнымъ, что человѣкъ готовъ удовлетворить ее изъ самаго мутнаго и грязнаго источника, лишь бы хоть чѣмъ-нибудь заполнить пустоту души, лишь бы отвлечься отъ гнетущей и приникающей среды съ ея низменными заботами и интересами. Горе, если жажду приходится утолять, за отсут-

ствіемъ здорової води, морскою соленою влагою: чѣмъ больше ее пьешь, тѣмъ сильнѣе разгорается жажда. При такомъ положеніи легко дойти до послѣдней степени безумія. Такъ бываетъ и съ тѣмъ, кто жажду бессмертнаго духа хочетъ утолить земными, конечными благами и несовершенными ученіями человѣческими, вѣтъ откровенія Бога, по образу Котораго созданъ нашъ духъ и къ Которому онъ стремится естественно, инстинктивно, помимовольно, какъ дерево тянется къ теплу и свѣту.

Но блаженъ, кто откроетъ въ этой пустынѣ жизни источникъ воды живой, текущей въ жизнь вѣчную, утоляющей души, страдающей жаждой духовною...

Вотъ онъ предъ вами, братіе, этотъ источникъ воды живой—святой Божій храмъ, зовущій къ Богу и небу, дающій пищу и питье духу, освѣжающій его, освѣжающій въ зноѣ земныхъ заботъ и въ угарѣ страстей, очищающій нашу душу отъ праха земного, приразившагося къ ней на жизненной дорогѣ. Гласъ Господень говорить намъ здѣсь всѣмъ понятно и доступно. О, братіе, днесъ, аще гласть Его услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ! Тяжель вашъ трудъ, ежедневный, утомительный, не знающій часто различія дня и ночи, праздника и будней; трудъ, оглушающій быстротою шумно несущейся мимо жизни, постоянною торопливостью, грохотомъ машины, множествомъ рабочаго люда; трудъ, обращенный къ землѣ, а не къ небу, въ плоть, а не въ духъ. Легко здѣсь впасть въ односторонность, очерствѣть сердцемъ, озлобить и озлоблѣнить духъ.

Но вспомните, воалюбленные, у кого есть что вспомнить: далекое дѣтство, родныя села и деревни, родныя семьи, родные наши сіяющіе храмы и въ нихъ отрадный благовѣсть, и въ нихъ святыхъ Божіихъ службы... Какъ легко дышалось въ этомъ благоуханіи храма, какъ близокъ былъ къ намъ міръ духовный, какъ спокойно текла окружающая жизнь и какъ легко было на сердцѣ... Придите же сюда, во храмъ, на Божію службу, обновите душу святыми и чистыми воспоминаніями, вдохните ароматъ молитвы, поднимите лица къ небу, поднимите усталыя души къ Богу. Придите сюда ко Христу,—и

чтобы у васъ ни было на душѣ, какая бы тоска жизни или вѣяніе смерти ни давили вашу душу, Онъ скажетъ вамъ, какъ сестрамъ Лазаря: „*Я есмь воскресеніе и жизнъ; вѣрющій въ Меня, если и умретъ, оживетъ; и всякий, вѣрющій въ Меня, не умретъ во вѣки*“ (Иоан. XII, 25—6). И когда въ сердцѣ твоемъ раздастся, какъ предъ Мареою, вопросъ Господа: „*вѣришь ли сему?*“—отвѣтай Ему, какъ Мареа: „Такъ, Господи, я вѣрю, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“ (ст. 27).

Тогда въ храмѣ всегда будетъ очищаться и подниматься къ Богу твой духъ, тогда растаетъ здѣсь всякое ожесточеніе и озвѣрѣніе сердца.

Впрочемъ, не одно плотское направленіе жизни можетъ привести разумное существо къ этому ожесточенію сердца: діаволъ совсѣмъ безплотенъ, совсѣмъ свободенъ отъ житейскихъ и земныхъ попеченій, и, однако, онъ является изначальнымъ врагомъ Бога, яростнымъ, совершенно ожесточеннымъ и нераскаяннымъ. Такъ же можетъ случиться и съ человѣкомъ, если онъ вступить на путь сатанинскій, если духовную жизнь его всецѣло захватить и поработить какая-либо страсть, какъ это случилось съ діаволомъ. Гордость, зависть и злоба сдѣлались господствующими въ сатанѣ и обратили его въ противника Богу, уготовляющаго себѣ вѣчную погибель. Сѣть онъ и донынѣ страшная сѣмена этихъ страстей въ мірѣ среди людей, и сѣть ихъ такъ же, какъ иѣкогда въ саду эдемскомъ предъ первозданнымъ человѣкомъ: вкрадчиво, льстиво, убалживая мнимою убѣдительностью, потакая живущей въ насъ гордости, обѣщаю ложное счастье, возбуждая противъ Бога, охудшаю Его заповѣди...

Да, раздаются нынѣ всюду эти сооольстительныя рѣчи, обѣщающія свободу отъ всякаго закона, подрывающія уваженіе къ вѣрѣ, къ Церкви и къ Богу, обѣявляющія уничтоженіе всякой власти, повиновенія, порядка, собственности, сулящія обогащеніе чужимъ достояніемъ... ¹⁾ Трудно иногда разобраться въ этихъ рѣчахъ простому человѣку: такъ онъ хитро сплетены

¹⁾ Развѣивается усиленная соціаль-демократическая пропаганда среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ.

и придуманы, такъ онъ вкрадчивы и краснорѣчивы, такъ заманиваютъ онъ богатыми обѣщаніями, такъ льстять онъ всему дурному въ душѣ человѣка—гордости, злобѣ, зависти, ненависти, грубому себялюбію. Голова пойдетъ кругомъ, если слушать ихъ ежедневно. И стоитъ только немного отдать себя во власть этимъ рѣчамъ, стоитъ только сдѣлать первый шагъ по пути противленія, зависти и озлобленія къ высшей власти, чтобы очутиться на наклонной плоскости нравственного растѣнія, падать все ниже и ниже, ожесточаться сердцемъ все болѣе и болѣе. Тогда—одинъ шагъ до Каинова озлобленія, а за нимъ уже кровь и убийство... Тогда легко дойти до очерствѣнія сердца фараона египетскаго и до того душевнаго состоянія нравственной безнадежности, о которомъ Сама воплощенная Любовь сказала: не давайте святыни письма, не метайте бисера предъ свиньями (Ме. VII, 6). Такихъ людей охватываетъ безуміе грѣха; какъ пьяница требуетъ водки, такъ душа ихъ болѣзненно жаждетъ крови и преступленія. О таковыхъ Слово Божіе говорить, что у нихъ *слага съ студѣмъ ихъ*, т.-е. они даже хвалятся тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ стыдно (Фил. III, 19), и что они *не уснутъ, если не сотворятъ зла* (Притч. IV, 16).

Страшное состояніе! Оно нераскаянно и безнадежно, оно можетъ уступить только силѣ, но не убѣжденію, оно, вместо мѣръ нравственного воздѣйствія, прямо требуетъ только прошеній и наказаній Божіихъ.

Гдѣ же найти спасеніе отъ него?

Вотъ спасеніе—святой Божій храмъ. Приходили въ него никогда мытари, блудницы, закоренѣлые грѣшники, и выходили изъ него обновленные, очищенные, спасенные. Здѣсь, во храмѣ, въ словѣ священнаго писанія, въ богослуженіи и полученіи раздается передъ нами гласъ Божій. О, братіе! Днесъ, аще гласъ Его услышите, *не ожесточите сердцеъ вашихъ!* Здѣсь найдете указаніе истиннаго пути жизни, предохраненіе отъ соблазновъ; здѣсь—проба и провѣрка всякаго человѣческаго слова путемъ сличенія его съ зеркаломъ слова Божія; здѣсь благодатная помощь таинствъ Церкви въ борьбѣ со страстями и естественною немощью нашою; здѣсь и возгрѣваніе

сердца радостью и миромъ о Дусъ Святъ; здѣсь непрестающая проповѣдь временнаго и вѣчнаго спасенія. И какъ легко здѣсь разобраться при всякомъ вѣтре человѣческаго ученія! Стоить только подумать и спросить: а можно ли это ученіе проповѣдать во храмѣ? одобрить ли его Церковь? приметъ ли его за Свое и благословить ли его Христосъ?

Если да,—слѣдуй смыю этому ученію; если нѣть,—отвергни его, какъ бы оно ни казалось умнымъ, красивымъ и заманчивымъ. Подъ знаменемъ храма, подъ знаменемъ Христова ученія мира, любви и благодати должна объединиться священная дружина вѣрующихъ, добрыхъ людей и противостоять всякой кучкѣ и партии вражды, злобы и беспорядка. Ибо заповѣдано христіанину: Богъ не есть Богъ неустройства, но мира (I Кор. XIV, 38); ищи мира и стремись къ нему (I Петр. III, 11); держись правды, вѣры, любви, мира со всѣми (2 Сол. III, 16). Не смущайтесь, что многіе изъ васъ просты, некнижны, неучены, что многіе не можете дать достойнаго отвѣта и возраженія словамъ и натиску лѣстиваго зла. Помните и запомните какъ можно тверже только одно: подобно тому, какъ ребенокъ при дневномъ свѣтѣ яснѣе видитъ и безошибочнѣе покажетъ дорогу, чѣмъ взрослый человѣкъ въ глухую, темную ночь,—такъ простой, некнижный, но вѣрующій человѣкъ, при свѣтѣ вѣры, гораздо яснѣе и безошибочнѣе увидитъ и избереть себѣ и другимъ истинный путь жизни, чѣмъ многоученый, но невѣрующій мудрецъ...

Отъ всей души привѣтствуемъ васъ, возлюбленные братья, съ освященіемъ храма Божія, этого источника свѣта жизни, мира и спасенія. Въ новоосвященномъ храмѣ обращаемъ къ вамъ увѣщаніе святого апостола: „Смотрите, браты, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Кол. II, 8). Да хранить васъ храмъ Божій отъ заблужденій и пороковъ, и отъ гибельнаго окаменѣнія и ожесточенія сердцеъ; да очищается онъ ваши души отъ суеты міра, да возносить васъ къ Богу и вѣчности.

И пусть звонъ колокола этого храма, призывающій къ молитвѣ, будетъ дѣйствительно, по нашему русскому выра-

жению, отраднымъ благовѣстомъ для душъ и сердецъ, гласомъ, зовущимъ насть въ домъ Отца нашего небеснаго. Днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ! Аминь.

Память о предкахъ.*

Христосъ Воскресе!

Да, воистину воскресе Христосъ, воистину возсталъ Господь нашъ изъ мертвыхъ, Свою смертю разрушилъ, уничтожилъ смерть и сущимъ въ гробахъ даровалъ жизнь! Смерть и тлѣніе не удержали Начальника жизни, и адъ встрѣтилъ въ Немъ Разрушителя ада. Приходили къ Нему, какъ мертвому, жены-мроносицы, но встрѣтили Его живого и услышали великое и міровое слово: *радуйтесь* (Ме. XXVIII, 9). Приходили ко гробу Его убитые горемъ апостолы,—и видѣли, полные вѣры и радости, что гробъ Его пустъ.

Слышали и мы, братіе, о пустыхъ гробахъ. Слышали—въ свѣтоносный день Пасхи, когда златословесное проповѣданіе міру горнему и дальнему, нѣкогда вылившееся изъ устъ златословеснаго учителя, вѣщало намъ, что съ воскресенiemъ Христовы мъжіе живительствуетъ и мертваго нѣтъ ни единаго во гробѣ. *Ибо Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ* (1 Кор. XV, 20); первенецъ Христосъ, а за Нимъ мы, Христовы (ст. 23). Онъ—Глава тѣла Церкви (Еф. IV, 15—16), мы—ея члены. Но когда пробудилась къ жизни Глава тѣла, тогда члены его не могутъ быть безжизненными. Онъ—лоза плодовитая, какъ Самъ Онъ Себя называлъ, а мы—вѣтви (Іоанна XV, 1). Но когда лоза весною почувствуетъ свѣтъ и тепло, когда въ ней заиграетъ молодая и могучая жизнь,

* Слово во вторникъ 8-оминой недѣли въ г. Гори, при священномъ служеніи высокопреосвященнѣйшаго экзарха Грузин архіепископа Алексія въ городскомъ соборѣ, 15 апраля 1903 г., предъ всенародною панихидою объ усопшихъ.

тогда вѣти живутъ ея жизнью, и не могутъ оставаться сухими и мертвыми.

Вотъ почему въ эти свѣтлые пасхальные дни мысль и чувство христіанскія обтекаютъ всю вселенную, зовутъ небо и землю къ веселію, живыхъ и мертвыхъ въ единомъ сонмѣ подвигаютъ на радость и славословіе Богу. Нынѣ вся исполненная свѣта, небо же и земля и преисподня; смерти празднуемъ умерщвленіе, адovъ низложеніе, иного житія вѣчнаго начало; нынѣ смертное естество наше облечено въ неувядаемую и несказанныю красоту бессмертія (Пасх. пѣсни). И сія прорицанія чрезъ мглу вѣковъ, Исаія пророкъ возопилъ глаголія: „адъ ужаснулся, встрѣтивъ Тебя въ преисподней,“ —огорчился, ибо упразднился, огорчился, ибо поруганъ бысть, огорчился, ибо низложился, огорчился, ибо связался. О, смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда? Послѣдній врагъ —истребится смерть —и воистину, тогда мертваго не будетъ ни единаго въ гробѣ, и жизнь вовѣки будетъ жительствовать.... (Изъ слова Іоанна Златоуста.)

И чѣмъ болѣе утончена и изощрена духовная природа христіанина, чѣмъ болѣе развито въ немъ чувство и ощущеніе окружающаго насть иного, горняго міра, чѣмъ ближе, наконецъ, къ намъ та невѣдомая, но неизбѣжная грань, за которую начинается область иного бытія, неземного: тѣмъ чаще и чаще останавливается на ней наша мысль, тѣмъ ближе и ближе къ намъ тѣ дорогиѣ покойники, которые упредили наше шествіе въ путь всея земли, тѣмъ ощущительнѣе потребность и общенія съ ними. А въ Пасху Господню, въ чудные дни, когда предъ нами Начальникъ жизни, живыми и мертвыми обладаій, Своимъ воскресеніемъ осіявшій всѣ гробы и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавшій, эти сущіе во гробѣхъ, эти дорогиѣ покойники становятся къ намъ особенно близки, близки до ощущительности, они стоять у нашего сердца, взываютъ о духовномъ общеніи съ ними.

Отсюда самъ собою создался и самъ собою держится глубоко трогательный обычай, свойственный рѣшительно всѣмъ православнымъ народностямъ, день радости пасхальной дѣлить съ умершими, и молиться о нихъ всенародно и торжественно

непосредственно послѣ свѣтлого днѧ Христова. Пойдемъ и мы, возлюбленные, сегодня съ торжествомъ, и съ пѣніемъ и съ молитвами, во главѣ съ архипастыремъ, къ мѣсту вѣчнаго покоя мертвыхъ¹⁾), пойдемъ, возвѣстимъ имъ о возстаніи Господа, раздѣлимъ съ ними радость нашу, и скажемъ имъ привѣтъ святой пасхальной: Христосъ воскресе!

Неизмѣримо важна въ духовной жизни христіанина память о предкахъ, память о дорогихъ покойникахъ, глубоко заложена въ сердцѣ человѣка потребность общенія съ умершими, проходитъ она рѣшительно во всѣхъ религіяхъ міра и ярко отличаетъ человѣка отъ животныхъ безсловесныхъ, не помнящихъ предковъ, не чтушихъ умершихъ...

И исторія народовъ, и наблюдалася дѣйствительность въ одинъ голосъ говорять намъ, что народы, почитающіе предковъ и не порывающіе съ ними духовной связи чрезъ молитву, крѣпки духомъ и тѣломъ, крѣпки и жизнеспособы. И наоборотъ: признакъ смерти народа, когда его прошлое стало для него чужимъ, древнія святыни стали пусты, и его предки, его покойники отошли отъ него въ область полнаго забвенія. Признакъ хамовой души—презрѣніе къ прошлому, брань и неуваженіе къ старой жизни родины. Кто бы ни были наши предки, какъ бы они ни были малы и незначительны: они наши, они намъ близки, они намъ дороги.

Благодареніе Господу! Вамъ, возлюбленные слушатели, вамъ, сынамъ древне-православной Грузіи, есть кого и есть что вспоминать, есть у васъ прошлое, которое стоитъ предъ вами, не умирая, залогомъ свѣтлого настоящаго и будущаго; есть предки, есть славные покойники, которыхъ нестыдно назвать предѣмъ цѣлымъ свѣтомъ. Страна, издревле христіанская; страна, по благочестивому преданію боголюбиваго народа, избранная въ удѣль Пречистой Богородицы; страна, по самому виду своему и горному устройству такъ близко напоминающая благословенную землю обѣтованія,—вся она усѣяна святыми памятниками святой ревности вашихъ благочестивыхъ

1) Постѣ літургіи крестнымъ ходомъ архипастырь шествовалъ на кладбаше и тамъ совершилъ всенародную панихиду.

предковъ. На томъ краткомъ пути, который сдѣлалъ вчера архипастырь, направляясь къ вашему городу, онъ съ умилениемъ взиралъ на многочисленные храмы и обители, пріютившіеся то надъ головокружительными стремнинами, то около уединенныхъ пещеръ, то среди человѣческихъ жилищъ, то посреди обитанія иноковъ. Все это памятники благочестія вашихъ предковъ. Вступайте почаше въ духовное съ ними общеніе; напитывайтесь ихъ высокимъ духомъ, проникайтесь ихъ святою ревностью, учитесь ихъ благочестію, храните ихъ завѣты преданности вѣрѣ и Церкви Божіей. Ихъ спасала воодушевленная вѣра, ихъ воспитала и привела въ жизни отъ земли къ небу святая Церковь,—и были они сильны, и тверды, и славны посреди множества враговъ, посреди невообразимыхъ страданій. Ваши дни счастливѣе: нѣть враговъ, нѣть борьбы; миръ и спокойствіе царствуютъ въ градахъ и селеніяхъ, стоять пустыми прежде грозныя крѣпости, не слышно грома битвы и орудій, и долины, и горы, прежде дымившіяся кровью сыновъ этой страны, нынѣ вкушаютъ вѣками неиспытанный покой подъ могучимъ покровомъ и великолѣпными усилиями благословенной Российской Державы. Въ тишинѣ этихъ дней, по слову апостола, и мы тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ (І Tim. II, 2), взирая на примеръ доблестныхъ предковъ крестоносной и боголюбивой Грузіи.

Но, кромѣ этихъ великихъ покойниковъ, праотцевъ, отцовъ и братій нашихъ, о которыхъ нынѣ трогательныя моленія возсыпаются Церковью, у каждого изъ нась есть свои близкіе покойники, которыхъ мы помнили живыми, которые только вчера были съ нами и около нась. Неразурушь союзъ любви! Освятимъ же его вѣрою и радостью воскресенія! Во Христѣ Воскресшемъ объединимся съ умершими и отрадно будетъ наше свиданіе съ ними. Помолимся о нихъ; посѣтимъ ихъ у гробовъ, какъ посѣтили нѣкогда гробъ Христовъ жены-мурносицы. Нашъ подвигъ не будетъ ниже подвига ихъ, ибо Самъ Христосъ обѣщалъ принять всякое усердіе къ братьямъ нашимъ, какъ бы за усердіе къ Нему, нашему Спасителю: «что сотворили вы единому изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сотворили» (Ме. XXV, 40). Аминь.

Любовь ко Христу.*

И минувшей субботы Марія Магдалина и Марія Іаковля и Саломія купили ароматы, да пришедшіе помажутъ Іисуса. И вѣло заутра во едину отъ субботы приідоща на гробъ... (Мрк. XVI, 1—2).

По руководству св. Церкви, сегодня, возлюбленные братіе, мы воспоминаемъ этотъ изображенный въ евангеліи подвигъ святыхъ женъ-муроносицъ. Достойно и праведно памяти ихъ и прославленію отведено одно изъ первыхъ воскресеній послѣ свѣтоноснаго дня Пасхи. Великій подвигъ любви и преданности ко Христу, въ назиданіе вѣкамъ, показали онъ міру и не напрасно обѣ одной изъ такихъ усердныхъ женъ, помазавшихъ Господа Іисуса драгоцѣнныи муромъ еще при Его жизни, онъ Самъ засвидѣтельствовалъ: гдѣ только будетъ проповѣдано сіе евангеліе царствія во всемъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что слѣдала она въ память ея (Мрк. XIV, 9).

Великъ подвигъ любви св. женъ-муроносицъ! Вотъ послѣ позорнаго суда ведутъ Господа на пропіятіе. Здѣсь грубые воины-распинатели и палачи, здѣсь кругомъ озлобленная толпа, здѣсь властные, знатные и сильные враги Христовы. Трудно было и мужчинамъ въ это время слѣдоватъ за Страдальцемъ, опасно было хоть малѣйшимъ знакомъ выразить свое сочувствіе Осужденному; всѣ ближніе и друзья бѣжали отъ Іисуса Христа; оставили Его и апостолы. Но ничто не могло удалить отъ Христа женъ-муроносицъ. Вместо тѣлесной силы и крѣпости,— у нихъ горящая любовь ко Христу, и эта любовь превозмогаетъ все, и онъ все время неотступно съ возлюбленнымъ Господомъ. Онъ оплакивають Его осужденного и идутъ вслѣдъ за Нимъ на Голгоѳу, онъ стараются всячески облегчить Его страданія, стоять безстрашно у Его креста, не боясь выска-

* Слово иль недѣлю женъ-муроносицъ въ Пантелеимоновскомъ соборѣ Ново-Аeonіскаго монастыря Сулюмской епархіи, 20 апраля 1903 г., при священнослуженіи высокопреосвященнаго ежарха Грузіи

зать предъ всѣми сочувствіе Ему; присутствовать при Его смерти, безстрашныя и въ тѣ минуты, когда меркло солнце, колебалась земля; онъ участвуютъ и въ Его погребеніи... Онъ смотрѣть на Погребаемаго хоть издали, замѣчають мѣсто Его могилы (Мрк. XV, 47; ср. Мк. XXVII, 61), замѣчаютъ каждую подробность погребенія... И при видѣ этого погребенія, въ душѣ онъ переживаютъ мучительное беспокойство и тревогу: муромъ Онъ, дорогой и любимый, не помазанъ; вѣковые, священные обычаи погребальные не всѣ надѣ Мертвецомъ исполнены...¹⁾ А завтра — день великой субботы, день безусловнаго покоя, предписаннаго строжайше строгимъ закономъ, когда ни купить, ни достать ничего невозможно. И вотъ, до захода солнца, когда начинается предписанный закономъ покой, онъ бѣгутъ отъ погребальной пещеры въ городъ купить дорогіе ароматы; онъ не считаютъ трудовъ, не жалѣютъ никакихъ средствъ,— эти большою частью бѣдныя женщины, богатыя только любовью, оставившія свои дома и семьи и удобства жизни и послѣдовавшія за Христомъ. И только купили онъ ароматы, и только успѣли возвратиться домой,— надвигнулась ночь надъ Иерусалимомъ, и субботній покой на цѣлый день приковалъ ихъ къ мѣсту.

Провели онъ въ слезахъ и скорби и эту ночь и самый день великой субботы; пришла и опять ночь, и вотъ, вечерняя заря погасла, утренняя на небѣ еще не загоралась, а онъ бодрствуютъ и вперають нетерпѣливыя очи въ предразсвѣтную мглу, и рвутся сердцами, и трепещутъ отъ мысли, что вотъ-вотъ къ утру онъ пойдуть на дорогую могилу, увидѣть Господа любимаго хоть мертвымъ... Придуть онъ на гробъ, припадутъ къ холодному могильному камню, обольютъ слезами бѣдыханное тѣло, помажутъ муромъ, покроютъ ароматами,— и это одно хоть малое дастъ утѣшеніе ихъ пламенной любви къ Умершему. Утру глубоку, сущей тѣмъ и въ мракѣ глубокъ идуть-бѣгутъ мроносицы къ гробу Христову. Кругомъ ихъ ужасы и страхи: вотъ безлюдныя улицы, страшныя для робкихъ

¹⁾ Анализъ еванг. текста взяты изъ поуч. въ этотъ день архіеп. Одесскаго Никанора.

одинокихъ женщинъ; вотъ дома распинателей Христовыхъ; вотъ стражи римскіе, грубые обидчики; вотъ ужасная Голгоѳа, гдѣ высятся и чернѣютъ во мракѣ ночи три окровавленные креста, гдѣ вѣютъ тѣни умершихъ, гдѣ, можетъ-быть, сидѣть теперь, сокрившись, разбойники, товарищи казненныхъ... Бѣгутъ-текутъ жены-муроносицы, подавляя въ душахъ страхъ и ужасъ и смятеніе; еще не знаютъ онѣ, что ко гробу приставлена стражи, и заботятся только объ одномъ: кто отвалить намъ камень отъ дверей гроба? (Мрк. XVI, 3.) Бѣгутъ-спѣшать муроносицы, зоветъ ихъ и окрыляетъ любовь ко Христу, а въ душахъ-то загорается робкая надежда: О, Владыко! Неужели все кончено? Неужели смерть осилила Тебя, воскрешавшаго и другихъ изъ мертвыхъ? Ты же говорилъ, что по тріехъ днехъ возстану, Ты же говорилъ, что имѣшь и другимъ дать жизнь вѣчную, Ты же—Сынъ Бога Живаго...

Вотъ, наконецъ, темный, весь благоухающій и цвѣтущій весною садъ Іосифа, а въ немъ дорогой гробъ, дорогой Умершій. И видѣть онѣ въ смятеніи и чудятся въ предчувствіи радости: камень взять отъ гроба...

И се,—за любовь, за усердіе, за слезы, за труды и подвиги преданности имъ первымъ свѣтозарный ангель приносить вѣсть о воскресеніи, и только онѣ побѣжали домой всѣмъ разсказать объ этомъ, явиться апостолами-благовѣстницами для самихъ апостоловъ, къ нимъ первымъ и Самъ Іисусъ приблизился Воскресшій и сказалъ великое и міровое слово: „радуйтесь“ (Ме. XXVIII, 9).

Вотъ въ краткихъ словахъ начертанный образъ женѣ-муроносицѣ.

Всѣ ли и всегда ли умилялись этимъ образомъ безгрешной и самоотверженной любви, всѣ ли поражались этой готовностью на самозабвеніе, подвигъ и жертву?

Нѣть! Когда еще до смерти Іисуса Христа одна изъ преданныхъ Ему женѣ, та самая, которой воздалъ Онъ хвалу и обѣщалъ всемирную извѣстность и славу, воалила на Него драгоцѣннѣйшее муро, уже сказано было о ней слово укоризны и осужденія. Іуда, впослѣдствіи предатель, таившій въ душѣ корыстолюбіе, какъ сѣмѧ предательства, выступилъ тогда съ

разсуждениемъ, въ которомъ звучали скрытыя зависть и корысть, прикрашенныя мнимою заботою о нищихъ. „Зачѣмъ,— говорилъ онъ,—зачѣмъ такая дорогая траты? Лучше бы масло это продать и деньги отдать нищимъ”... (Иоаннъ XII, 5). Спаситель, мы знаемъ, не одобрилъ этого разсуждѣнія Іуды.

Но какъ въ то время, по сказанію евангелія, нѣкоторые и изъ вѣрныхъ апостоловъ увлеклись мнимо-разумною рѣчью Іуды (ср. Мѳ. XXVI и Мр. XIV), такъ и нынѣ эта рѣчь повторяется даже и среди вѣрныхъ христіанъ на разные лады и приводить многихъ въ смущеніе...

Есть и будутъ всегда подражатели святыхъ жень-муроносицъ. Есть и будутъ всегда христіанскія души, горячія любовью ко Христу и ради этой любви все оставившія: онъ все мірское драгоцѣнное отдаютъ Христу по любви къ Нему; все виѣшніе дары природы, все виѣшніе дары мірскіе, какъ муроносицы свое драгоцѣнное муро, онъ блюдутъ, сохраняютъ и цѣнятъ, но только для Христа, какъ жертву Ему, Его Церкви, Его царствію, ради Его славы и Его владычества: эти дары для нихъ не цѣль, а только средство для иныхъ, высшихъ и духовныхъ цѣлей.

Не то же ли именно мы видимъ и здѣсь, въ этой чудной обители Нового Аеона? Богатые и прекрасные храмы; вездѣ дорожество и разнообразное искусство: воздвигнуты величественные постройки, всевозможное мастерство, чудные сады, образцовое хозяйство... Но всему этому богатству нѣть собственника и хозяина среди насельниковъ обители: все это Христово, все Ему отдано и существуетъ ради Его прославленія, ради службы Ему Единому.

Многіе восхищаются всѣмъ этимъ видимымъ довольствомъ, цвѣтущимъ хозяйствомъ, благоустроеннымъ угодіями, мастерствами, ремеслами, но восхищаются по-мірскому, и смотрѣть на видимое благоустройство монастыря очами мірянъ, какъ будто бы здѣсь какое-то промышленное или хозяйственное заведеніе. Но тогда для чего же насельники обители принимали обѣты иночества? Зачѣмъ тогда эти храмы и службы Божіи? Не являются ли они второстепенными, а то и совсѣмъ ненужными?

Многіе, напротивъ, осуждаютъ это видимое благоустройство обители и ставятъ ей въ упрекъ якобы неразумную трату времени и средствъ на внѣшнюю сторону жизни, и повторяютъ вслѣдъ за Іудой: Чесо ради трати сія бысть? Не лучше ли все это продать и раздать нищимъ?

Не правы тѣ и другіе. Разъясненіе истины мы и найдемъ въ примѣрѣ св. жень-муроносицѣ. Покупаютъ и хранятъ онѣ драгоцѣнное муро, это благороднѣйшее произведеніе труда рукъ человѣческихъ, но не себѣ, не для своего украшенія или удовольствія, а для Господа любимаго. Этого ищетъ наше сердце,—оно требуетъ жертвы, требуетъ внѣшняго знака служенія и угожденія любимому существу: и пока мы на землѣ и живемъ съ тѣломъ, этой потребности души выражать внутреннее посредствомъ внѣшнихъ знаковъ нельзя ни подавить, ни заглушить никакими разсужденіями.

И Господь не запретилъ благъ мірскихъ и внѣшнихъ, Имъ же для человѣка созданныхъ, но запретилъ злоупотреблять ими, дѣлать ихъ цѣлью жизни, главнымъ предметомъ заботъ и ставить ихъ на первый планъ. Онъ Самъ сказалъ: „ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Ме. VI, 33).

Прилагалось „все сіе“ и боголюбивымъ инокамъ земли русской. Сами они жили въ трудахъ и лишеніяхъ, въ простотѣ, часто и въ убожествѣ¹⁾, но Господу Богу они воздвигли богатѣйшія лавры Киевскую и Сергіеву, Почаевъ, Соловки, Валаамъ и Саровъ со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ. Искали они жизни будущаго вѣка и славы небесной, но вѣрою, молитвою, доброю жизнью и благословеннымъ трудомъ руки своихъ они благоукрасили и въ семъ вѣкѣ земное русское царство, населили дальний и дикий сѣверъ и востокъ Россіи, пронесли имя Христово среди дикарей обширной русской равнины, убѣлили

¹⁾ Въ Новомъ Аеной все великолѣпно, что для Бога, и все скромно и просто, что для людей: чудная роспись въ трапезной, но простые и некрашеные столы и лавки для обѣдающихъ; чудные храмы—и скромныя келлія; вездѣ прекрасныя чугунныя рѣшетки въ церквяхъ и притомъ собственаго изѣбля монаховъ, но простыя деревянныя перила на лѣстницахъ, ведущихъ въ помѣщенія настоятеля и братскія келлія... Это бросается въ глаза.

и удобрили костями своими въ мученическомъ подвигѣ далекіе предѣлы нашего царства, провели дороги, устроили города, заселили дремучіе лѣса и пустыни, завели промыслы и торговлю, слили въ единствѣ вѣры и исповѣданія съ русскимъ народомъ многочисленныя инородческія племена, воспитали нашъ народъ въ христіанствѣ, выковали его духовный ликъ, показали ему дивные подвиги, развили вкусъ къ благолѣпію церковному, къ торжественному чину священнослуженія, къ чтенію и пѣнію церковному, хранили самую науку и письменность, создали и сохранили ее въ написанныхъ иноками книгахъ, устроили и первыя школы, воспитали и первыхъ ученыхъ людей.

Вѣримъ: еще немного, и стародавній Аeonъ все болѣе и болѣе будетъ становиться русскимъ; вѣримъ: и Новый Аeonъ сослужить на Кавказѣ стародавнюю службу русскаго монашества. Только ищите, возлюбленные братіе, ищите прежде всего царствія Божія и правды его; только не служите міру, не увлекайтесь его духомъ, только храните любовь къ Богу и къ Нему Единому, ту любовь, что привела васъ въ святую обитель, къ обѣтамъ монашескимъ. Растите, ширитесь, благоустроите обитель, воздѣлывайте, по заповѣди Бога первозданному человѣку, воздѣлывайте и храните эту землю, этотъ рай, что разстилается кругомъ обители: *но все для Бога*. Горе, если средство обращается въ цѣль; горе, если внѣшніе дары, внѣшнее благоустройство станеть идоломъ и кумиромъ жизни. Тогда каменностроительство подавить и убить строительство душъ къ царствію Божію, тогда воцарится настояще язычество и все обратится въ служеніе золотому тельцу; и наоборотъ: любящимъ Бога все поспѣшествуетъ во благое (Римл. VIII, 28), и это видимое довольство и благоустройство только облегчить иноковъ въ ихъ служеніи Богу „въ разумѣ и во всякому чувствѣ“, при посредствѣ этихъ чудныхъ храмовъ и этого благолѣпія церковнаго.

Растите же духовно; воздѣлывайте и храните вѣру и благочестіе; проливайте свѣтъ духовный на всѣхъ окружающихъ, будьте градомъ, верху горы стоящимъ, будьте подражателями древнихъ русскихъ святыхъ иноковъ. Пусть народъ, несущій

сюда тѣлесное, пріемлетъ отъ васъ въ изобиліи все духовное: вѣру, молитву, поученіе, примѣры доброй настроенности и доброй жизни; пусть и окружающая дикая страна пріобщается къ вашему духовному дѣланію, пріобщается и къ великому русскому народу. Несите ей просвѣщеніе духовное и ученіе Христово: на сіе вы и призваны сюда.

Смотрите, какъ ущедрилъ Господь вашу обитель! Сколько знаменій Его благоволенія за это короткое время существованія обители, выросшей изъ ничтожества въ это великолѣпіе, сколько чудесъ, воистину чудесъ Его милости! Это—за любовь къ Господу вами, говорить Онъ, какъ древле муроносицамъ: „радуйтесь”!

Да услышимъ оный блаженный глашъ и въ невечернѣмъ дни Его царствія! Аминь.

Единеніе.*

Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкулѣ (Пс. 132, 1).

Это, братіе, слова сѣй библейской мудрости. Идутъ они отъ того отдаленного времени, когда человѣкъ горькимъ опытомъ ежедневной жизни приходилъ къ сознанію необходимости крѣпкаго единенія между людьми во всѣхъ проявленіяхъ и сферахъ жизни человѣческой—семейной, племенной, общественной, государственной. Идутъ они къ намъ отъ того времени, когда одна физическая сила, не опирающаяся на нравственную связь людей между собою, оказалась несостоятельной, когда одиночная жизнь первобытнаго варварства никакъ не могла возвысить человѣка надъ окружающей природою, когда врожденный человѣкъ и неистребимый инстинктъ общественности

* Слово въ Сухумскомъ каѳедральномъ соборѣ въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны, 23 апрѣля 1903 года. Сказано при священнослуженіи екзарха Грузіи.

заговорилъ въ немъ особенно громко и особенно властно. Живо представляются воображению эти отдаленные времена: растетъ сознаніе необходимости единенія людей между собою, усиливаются связи семейныя, возрастаютъ и крѣпнутъ связи родственныя; долго эти семейныя и родственныя привязанности являются единственными, необычайно сильными, связывая крѣпкими узами родовой бытъ. И чѣмъ дальше развивался этотъ бытъ и выросталъ до союза племенного, государственного и общественного, тѣмъ могуче и благороднѣ становился человѣкъ, тѣмъ больше восходилъ онъ на высоту царственного своего достоинства въ мірѣ, господствовалъ надъ природою, освобождался отъ рабства ей и такимъ образомъ, естественно, все шире и шире развивалъ область проявленія и воздействиія своего духа и вмѣстѣ съ этимъ утверждалъ свое могущество въ мірѣ, благоустройство въ своей общественной и государственной жизни.

Неудивительно, что при размышеніи обо всемъ этомъ у священнаго прѣвца древняго Израиля, опытомъ постигшаго благо единства людей и гибель раздѣленія, вырывается этотъ молитвенно-восторженный гимнъ: „Се что добро или что красно, но еже жити братіи скupъ“ (Пс. 132, 1). И затѣмъ псалмопѣвецъ рисуетъ предъ нами благословенные плоды этого единенія въ образномъ представлѣніи изобилія благъ духовныхъ и тѣлесныхъ: „Яко роса аермонская, сходящая на горы Сионскія, яко мяро на главъ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его“ (ст. 2—3).

Въ исторіи древняго Израиля, дѣйствительно, мы можемъ наглядно прослѣдить, какъ осуществлялось и воплощалось приведенное слово псалмопѣвца. Одинокій Іаковъ въ пустынѣ, бѣжавшій изъ родного дома, трепещетъ гнѣва брата своего Иисава, но тотъ же Іаковъ, возвращающійся обратно не одинъ, но съ семьею, уже принимаетъ почтительный поклонъ отъ недавняго врага, а во главѣ цѣлаго рода онъ съ почетомъ принимается са-мимъ египетскимъ фараономъ. Рабствовало затѣмъ его потомство, пока не объединилось въ народъ при Моисѣѣ; сильно оно, пока вѣрно племенному союзу, своимъ старѣшинамъ и суди-ямъ и удѣлью его—земля обѣтованная и благословенная, земля,

текущая медомъ и млекомъ; при царяхъ объединенное въ недѣлимомъ союзѣ 12 колѣнъ оно уже властно выступаетъ во всемірной исторіи, и затѣмъ гибнетъ... вслѣдствіе раздѣленія!

Не то же ли и въ области жизни духовной? Вотъ предъ нами первенствующая Церковь въ Іерусалимѣ. Одна страничка изъ жизни этой Церкви сегодня раскрыта предъ нами и предложена вниманію и поученію вѣрующихъ въ літургійномъ апостольскомъ чтеніи изъ XII-й главы священной книги „Дѣяній Апостольскихъ“. Апостолъ Петръ заключенъ въ тюрьму, закованъ въ колодки, его стерегутъ воины; его участъ рѣшена; опредѣлена казнь и смерти ему не избѣгнуть. Что же дѣлаетъ въ такихъ обстоятельствахъ община христіанская? „Межу тѣмъ,—сказано въ священной книгѣ,—Церковь всю ночь прилежно молилася о немъ Богу“ (XII, 5). И вотъ, чудомъ милости Божіей апостолъ освобожденъ изъ тюрьмы, приведенъ, даже помимо воли и сознанія къ дому Маріи, гдѣ *всю собирались смигъ и молились о немъ* (ст. 12), и спасенъ для дѣла благовѣстія христіанскаго.

Такъ въ единствѣ общенія религіознаго и въ единеніи работы общественной обрѣтали себѣ силы и залоги успѣха великие и святые люди прошлой исторіи человѣчества.

Въ нынѣшній день нашего церковно-гражданскаго торжества, когда мысль невольно останавливается въ раздумьяхъ надъ вопросомъ объ успѣшномъ развитіи нашей общественно-государственной жизни, среди этого торжественнаго собранія лицъ, которымъ Верховною властью поручено охраненіе и устроеніе блага государственного и общественнаго; среди жителей города, который переживаетъ напряженную тревогу о своемъ благоустройствѣ въ виду оживленія этого чуднаго края съ его роскошной природой, съ его загорающимся свѣтлымъ будущимъ, исполненнымъ прекрасныхъ надеждъ; наконецъ, въ виду такого собранія учащихся, этой надежды и опоры будущаго нашей родины: какъ не заговорить о необходимости того единенія, которое служить основнымъ условіемъ развитія и расцвѣта жизни всякаго государства и общества?

И какое дано намъ прекрасное въ этомъ именно смыслъ поученіе, еще такъ недавно,—можно сказать, на-дняхъ, дано

съ высоты Престола царскаго отъ Государя и Государыни, семейный праздникъ Которыхъ мы нынѣ съ вами торжествуемъ. Вотъ Государь съ Супругою и Семьею въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, со своимъ народомъ.

Здѣсь Онъ посреди вѣковыхъ и завѣтныхъ святынь народныхъ, посреди сѣдыхъ памятниковъ сѣдой старины, охваченный славными историческими воспоминаніями, дѣлиль съ народомъ Свои молитвы въ минувшіе страстные и пасхальные, великие для всякаго христіанина дни, и по Его собственнымъ словамъ (въ рескриптѣ на имя Московскаго Августѣйшаго Генераль-Губернатора), „въ этомъ единеніи съ народомъ черпаль силы“ для несенія Своего царственнаго подвига. Сливается Царь съ народомъ въ единство и покаянной скорби и духовной пасхальной радости... О, крѣпокъ, несокрушимъ этотъ союзъ, отрадно до слезъ это единеніе, и въ такой свѣтозарный и свѣтоносный день вѣрится и чувствуется, что будущее святой Руси отъ этого единенія будетъ и свѣтозарно и свѣтоносно, что расточатся враги ея, яко исчезаетъ дымъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня!

Да, велика сила этого единенія, если оно получаетъ отвѣтные отзыки со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ слоевъ вѣрно-подданнаго народа, если среди всѣхъ сословій, во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности царить единеніе и согласіе.

Слуги царскіе! Храните это единеніе въ вашей высокой и отвѣтственной работѣ, въ вашей службѣ государству! Погибнетъ дерево, если за нимъ будуть ухаживать и усердные и заботливые садовники, но несогласные между собою относительно приемовъ ухода за деревомъ, если они будутъ каждый по своему безъ конца обрѣзывать его и пересаживать съ мѣста на мѣсто. Неминуемо погибнетъ больной, если его будутъ лѣчить нѣсколько врачей, усердныхъ, даже любящихъ больного и горящихъ желаніемъ поставить его на ноги, но совершенно несогласныхъ между собою и въ опредѣленіи болѣзни, и въ способахъ ея лѣченія. Чѣмъ усерднѣе они будутъ предлагать больному свои лѣкарства и чѣмъ усерднѣе и исправнѣе будетъ онъ принимать предлагаемыя ему пособія, тѣмъ ближе и вѣрнѣе его смерть. То же самое можетъ случиться и съ го-

сударствомъ, если слуги его и дѣятели будуть каждый по-своему служить отечеству и понимать его благо, не подчиняя своей воли общему закону, не подавляя своихъ личныхъ воззрѣній во имя общихъ и вѣковыхъ воззрѣній народныхъ. Но не напрасно ли слово наше?! Не обращаемъ ли мы обращенныхъ? Не знаемъ.... Знаемъ только, что слово это благовременно въ виду наблюдаемыхъ фактовъ современности.

Когда ребенку въ семье внушаютъ одно, въ школѣ говорятъ другое, а въ жизни требуютъ третье: то благовременно пожелать единства воспитанія семейного, школьнаго и общественнаго. Когда смѣна лицъ въ той или другой отрасли управления общественнаго и государственнаго такъ часто знаменуетъ собою и смѣну идей, смѣну направленій и измѣненіе во взглядахъ на задачи дѣятельности: тогда благовременно пожелать единаго регулирующаго начала жизни. Когда личныя воззрѣнія и тенденціи даже правящихъ лицъ дерзновенно касаются такихъ основъ жизни, какъ религія, а въ нашей родинѣ—православіе, эта зиждительная сила Россіи и ея краеугольный устой; когда, по вѣянію моды и по слову послѣдней прочитанной книжки, иногда служитель государства начинаетъ свысока относиться къ православной Церкви, полагая и заявляя, что это—его чисто-личное дѣло и касается исключительно его личныхъ воззрѣній, тогда благовременно указать на примѣръ Царственной благочестивой Четы, Которая черпаетъ для себя силы для служенія своему долгу въ молитвенномъ единеніи съ народомъ.¹⁾

Пусть же государственное дѣло, опираясь на ваше единеніе, растетъ и крѣпнетъ здѣсь и, по старинному русскому выраженію, „да приидетъ оно все въ достоинство“. Не стыдясь предъ цѣлымъ свѣтомъ, русскій народъ пріобрѣлъ себѣ право на эту благодатную землю, и если сюда пришли во множествѣ и поселились самыя разнообразныя народности, о которыхъ справедливо можно сказать: „иніи трудишася, а вы въ трудахъ ихъ внидосте“,—то тѣмъ болѣе почетнымъ и первенствующимъ

¹⁾ Все это, къ сожалѣнію, намеки на факты, взятые изъ жизни края....

должно быть здѣсь мѣсто историческому труженику, пролившему здѣсь поть и кровь,—народу русскому.

Позвольте обратить слово и къ вамъ, разноплеменные представители населенія этого края! Храните единеніе между собою и съ великою Россіей, нашей благословенной общей родиной. Не силою оружія, нѣть, сама и вольной волею потянулась эта страна въ объятія великаго русскаго народа, который краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пролитой крови своихъ сыновъ, истраченныхъ здѣсь миллиардовъ народнаго достоянія доказалъ предъ лицомъ Божімъ и предъ лицомъ всего міра и безкорыстіе, и плодотворность своей работы на этой окраинѣ. Не понять, не оцѣнить такихъ жертвъ, не полюбить такого народа, не стремиться къ единенію съ нимъ и къ полному политическому и государственному сліянію съ нимъ было бы признакомъ хамовой души и нравственнаго вырожденія.... Не чужда русской исторіи эта страна: ее съ незапамятныхъ временъ посыпали русскіе витязи, и съ незапамятныхъ временъ она просвѣщена тою самою православною вѣрою, которую впослѣдствіи изъ тѣхъ же усть и руки Византіи приняла Россія, *принеся съ тѣмъ и историческое наслѣдіе и міровое призваніе Византіи*, слѣдовательно, и эту страну, входившую издревле въ область Византіи. Храните же единство съ Русью святою, споспѣшствуйте и помогайте выполненію ея великой міровой задачи на этой окраинѣ: эта задача теперь—и ваша, эта работа—теперь наша работа общая. При такомъ только объединеніи ждеть этотъ край прекрасная будущность.

Вамъ же, представители города, единеніе между собою—надежный якорь спасенія въ переживаемыхъ вами обстоятельствахъ. Загорается заря новой жизни для вашего края, поднимается его культура, населяется побережье моря, купившее, наконецъ, покой дорогою русской кровью послѣ вѣковыхъ терзаній и хищничества; появляются новые насыльники, несущіе сюда средства и трудъ, ожидаются новые пути сообщенія, имѣющіе дать необыкновенное развитіе всему краю, богато одаренному отъ природы, но не воздѣланному. Нужно вамъ явиться достойными доброго и свѣтлаго будущаго, нужно сумѣть стать выше своекорыстныхъ видовъ и разсчетовъ, пред-
9.

почесть общее частному, объединиться во имя блага общественного и государственного. Все создасть единение,—и разительное доказательство этого вы видите въ соседней монашеской общинѣ, возбуждающей удивление своимъ благоустройствомъ, достигнутымъ въ короткое время, знающей только трудъ и молитву, духовно сплоченій во имя высшей идеи около единой и твердой власти игумена. Напротивъ, все погибнетъ отъ разъединенія: и тогда готовящееся благополучіе пройдетъ мимо васъ, не заглянувъ къ вамъ въ городъ, какъ корабль, нагруженный сокровищами, не сможетъ подойти къ берегу, на которомъ не имѣется удобной пристани. Только при условіи всеобщаго единенія во имя духа, этотъ духъ человѣка и подчинить себѣ окружающую прекрасную природу, и она процвѣтѣтъ чуднымъ раемъ Божіемъ, даннымъ издревле въ удѣль и обладаніе человѣку.

Будемъ же вѣкъ хранить единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3); будемъ помнить и хранить древнее слово: братъ отъ брата помогаемъ, аки градъ твердъ! Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! Аминь.

Истинное благополучіе и счастье.*

Въ порядкѣ евангельскихъ чтеній св. Церковь сегодня предложила нашему вниманію, братіе, повѣствованіе св. Иоанна Богослова о бесѣдѣ Иисуса Христа съ женщиной-самарянкой.

* Слово въ недѣлю о самарянкѣ, въ желѣзодорожныхъ мастерскихъ на ст. Тифлисъ, при священномъ служеніи епархіального езарха Грузіи, 4 мая 1903 г.

Рабочіе весьма были благодарны архипастырю за вниманіе его къ ихъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и поэтому пригласили владыку на 4 мая служить у нихъ въ день общаго ежегоднаго общерабочаго праздника, съ которымъ совпадало двадцатилѣтіе устройства главныхъ обширныхъ мастерскихъ, гдѣ и устроены храмы (пристроены алтары). Богослуженіе совершено весьма торжественно, при сослуженіи архипастырю 10 священниковъ; присутствовало въ мастерскихъ при богослуженіи болѣе 5000 рабочихъ. Мастерскія внутри были богато убраны цветами изъ зеленою съ отмѣннымъ вкусомъ и изяществомъ. Печатаемое слово имѣло въ виду соціал-демократическую пропаганду среди рабочихъ.

Бесѣда эта касалась самыхъ глубокихъ и важныхъ вопросовъ жизни и богоугожденія, и она навсегда будетъ привлекательна и поучительна для каждого христіанина. И какъ Спаситель нашъ въ сное время, для проповѣди глаголовъ жизни вѣчной, бесѣдоватъ и въ чертогахъ богачей, и въ хижинахъ бѣдняковъ, и въ великолѣпномъ храмѣ Іерусалимскомъ, и въ полѣ, и въ лодкѣ, и у берега моря, и на горѣ, и въ пустынѣ, и на камнѣ около колодца Іаковлева съ женщиной-самарянкой,—такъ и донынѣ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ мѣстахъ, во всякомъ возрастѣ, вездѣ и всегда умѣстно говорить о глаголахъ жизни вѣчной, вездѣ и всегда и самъ человѣкъ хочетъ, напряженно хочетъ узнатъ о пути жизни, о счастіи жизни, о средствахъ спасенія и богоугожденія. Умѣстно слово объ этомъ и здѣсь, въ этомъ зданіи, гдѣ въ иное время совершается напряженный трудъ, постоянная и неустанная работа для улучшенія общей жизни людей и для пріобрѣтенія куска насыщенаго хлѣба для усталаго рабочаго.

Жаждетъ человѣкъ лучшей жизни, жаждетъ того, что принято называть счастіемъ, блаженствомъ, благополучіемъ. И никто никогда не осуждалъ этого желанія счастья: оно законно, оно естественно, какъ дыханіе, какъ питье и пища; оно вложено въ человѣка Самимъ Творцомъ его. Весь вопросъ только въ томъ, что почитать за настоящее, а не поддѣльное счастье, что признавать за истинное и дѣйствительное, а не призрачное и обманчивое блаженство? А обмануться въ этомъ дѣлѣ, значитъ—обмануться во всей жизни, которую, какъ известно, съзнова не начнешь, прожитую—ничѣмъ не вернешь, не повторишь.

Говорила со Христомъ о жаждѣ и женщина-самарянка. Она все повторяла одно и то же, все думала объ одномъ: о простой колодезной водѣ, которую ей каждый день приходилось съ трудомъ доставать изъ глубокаго колодца, ходить за нею съ хлопотами изъ дома далеко за городъ. И Спаситель говорилъ ей о водѣ, но иной водѣ—о водѣ живой. Женщина обрадовалась и думала, что Іисусъ Христосъ предлагаетъ ей воду *ключевую*, бѣгущую, живую. А Спаситель опять говорить ей о другой водѣ: всякий, пьющій воду эту, возжаждетъ опять,

а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную (Иоан. IV, 13—14). Что яснѣе этого? И развѣ непонятно, что Спаситель говорить образно, иносказательно, разумѣя подъ водою нѣчто другое? Но женщина опять не понимала и думала, что если она теперь напьется предлагаемой воды, то ужъ больше никогда не будетъ приходить къ колодцу и черпать воду...

То же самое непониманіе и упорство часто повторяется и съ нами, когда мы разсуждаемъ о нашемъ счастьи и благополучіи. Позвольте объяснить это нѣкоторыми примѣрами изъ нашей обыкновенной жизни. Вотъ мы видимъ ребенка на рукахъ у матери. Какъ часто этотъ ребенокъ, прельщеный яркимъ блескомъ свѣчи, тянется къ ней ручками, чтобы взять ее огнь въ ротъ! Какъ часто малютка желаетъ обнять и прижать къ себѣ кипящій на столѣ самоваръ, ярко вычищенный и привлекающій своимъ блескомъ неразумнаго ребенка! Какая мать исполнить желаніе малютки? Пусть она кричать и плачать горько-прегорько, не мать, а развѣ только лиходѣйка позволить ему исполнить его желаніе. То же, волюбленные, часто-часто случается и съ нами въ нашей погонѣ за счастьемъ и благополучіемъ: мы подъ видомъ счастья ищемъ себѣ только погибели, и рошемъ, и горюемъ, и бранимся, и волнуемся, что нась удерживаютъ отъ опасности...

Но скажете: одно ребенокъ, а другое—взрослый, понимающій и умный человѣкъ. Вотъ здѣсь-то чаще всего и терпить крушеніе прославленный умъ человѣка. На всякаго мудреца, говорятъ, довольно простоты! Что бы вы сказали о человѣкѣ, который ёдетъ къ себѣ на родину на постоянное житье, а на проѣзжей станціи, гдѣ онъ случайно по пути остановился, вдругъ вздумалъ строить домъ себѣ для временной остановки? Что сказали бы вы о человѣкѣ, которому предстоитъ отправиться въ далекое морское путешествіе, по глубокому и бурному морю, а онъ, сидя на берегу, оснащаетъ лодочку, годную для плаванья только около берега?

А нѣчто подобное дѣлаемъ и мы, когда разсуждаемъ о нашемъ счастіи.

Земная жизнь наша временна, за нею будетъ жизнь иная, небесная и вѣчна. Земная жизнь есть только приготовлѣніе къ небесной. Вотъ одна изъ основныхъ истинъ христіанскихъ. Кто думаетъ иначе, тотъ не христіанинъ, не вѣрующій, тому и не мѣсто въ этомъ молитвенномъ собраніи, тотъ пусть и не слушаетъ нашего слова. Скажемъ больше: кто думаетъ иначе, кто всю жизнь ограничиваетъ только землею, тотъ и не человѣкъ; это животное, можетъ-быть, очень умное, смыщенное, но все же не человѣкъ, а животное; ему чужды вопросы о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ; онъ знаетъ только вредное и полезное, пріятное и непріятное.

Но мы, христіане вѣрующіе, твердо исповѣдуемъ ученіе апостола: „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“ (Евр. XIII, 14); мы и въ нашемъ символѣ вѣры постоянно говоримъ: чаю (ожидаю) воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.

Вотъ если мы будемъ всегда помнить обѣ этой жизни будущаго вѣка, обѣ ожидающемъ насъ грядущемъ градѣ,—то мы, сообразно съ этимъ, измѣнимъ и свой взглядъ на земную жизнь и на земное счастіе. Ищи, возлюбленный, счастья земного, ищи земного благополучія, но только такого счастья и благополучія, которое не отняло бы у тебя счастья вѣчнаго, обѣщаннаго Богомъ любящимъ Его законъ и Его повелѣнія. Обманомъ, убийствомъ, грабежомъ и насилиемъ, конечно, легко пріобрѣсти все нужное для земного благополучія, но угодно ли это будетъ Богу? достойно ли это будетъ христіанина?

Когда насъ много, когда мы сильны, когда мы безнаказанны,—конечно, легко бить всѣхъ, отнимать чужое, захватывать себѣ: такъ разсуждать легко. Но будетъ ли это жизнь человѣческая? Такъ поступаютъ звѣри, которые, и при желаніи знать, не знаютъ ни страха Божія, ни воли Божіей, а люди знаютъ это издѣлства, ибо вѣра въ Бога, страхъ Божій запечатлѣнъ въ насъ, въ нашихъ душахъ и сердцахъ отъ рожденія. Неужели это все для насъ непонятно? Неужели нужно доказывать, что добра нельзя достигать посредствомъ зла, что высокое и чистое нельзя получить посредствомъ низкаго и грязнаго образа дѣйствій? Неужели мы этого не понимаемъ?

Воть Спаситель бесѣдуетъ съ самарянкой; подъ водою живою, текущею въ жизнь вѣчную, Онъ разумѣлъ Свое святое ученье, Свои святыя заповѣди. А самарянка упорно не понимала словъ Христовыхъ.

Что же, неужели и мы будемъ подобны ей? Неужели почти за 2000 лѣтъ, протекшихъ послѣ Христа, люди не научились понимать и любить Его слово?

Нѣтъ, возлюбленные! И самарянка, послѣ долгой бесѣды со Спасителемъ, съ грустью замѣтила: знаю, что придетъ Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣстить намъ все. Іисусъ говорить ей: это Я, Который говорить съ тобою (Іоан. IV, 25—26).

Намъ съ вами не нужно повторять этой истины. Въ Христа мы вѣруемъ; Онъ нашъ Учитель, нашъ Богъ, нашъ Спаситель. За Нимъ пойдемъ, а не за тѣми, которые вмѣсто пути истины и спасенія предлагаютъ намъ путь лжи и погибели. Его ученіе мы будемъ слушать, ученіе мира, любви, согласія и порядка, а не самозванныхъ учителей, призывающихъ къ раздору, враждѣ, беспорядку и бунтамъ. У Него найдемъ счастье и спасеніе въ жизни земной, временной и въ жизни вѣчной, а не у тѣхъ, которые, уподобляя нась иеразумнымъ животнымъ, указываютъ намъ только на землю и здѣсь, какъ звѣрю въ его берлогѣ, полагаютъ и начало и конецъ жизни и весь смыслъ существованія.

Знаемъ, братіе, что кромѣ слова Христова, и вопреки ему, часто нынѣ раздается слово смуты, и соблазна, и раздора. Не будемъ унывать: всему этому и быть надлежитъ, чтобы намъ, христіанамъ, утвердиться въ добрѣ, сдѣлаться крѣпче, сильнѣе, чтобы въ этой борьбѣ обратиться въ твердыхъ воиновъ Христовыхъ, достойныхъ получить отъ Царя небеснаго и вѣчнаго вѣнцы и награды вѣчныя. И Спаситель говорить: горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно прийти соблазнамъ, но горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ, лучше бы ему не родиться на свѣтъ (Ме. XVIII, 7; ср. XXVI, 24).

Не будемъ же ни соблазнять, ни соблазняться, но съ твердою вѣрою будемъ отражать искушения, исполняя въ жизни Законъ Бога и повторяя слово, сказанное Господомъ женѣ-

самарянкѣ: Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣло Его! (Иоан. IV, 31).

Пусть и каждое наше дѣло будетъ—дѣло Божіе!

И если мы уразумѣемъ и полюбимъ ту воду живую, о которой говорить Спаситель самарянкѣ,—Его ученіе, Его заповѣди, Его слово, то съ нами повторится то, что случилось въ концѣ-концовъ съ женщиной-самарянкой. Она пришла къ колодцу за водою, о водѣ простой заботилась, о ней думала и, несмотря на бесѣду съ Христомъ, никакъ не могла отвлечь своихъ мыслей отъ этой грубой и обыкновенной воды. Но въ концѣ бесѣды ея со Спасителемъ что мы видимъ? Она, какъ сказано въ евангеліи, оставила свой водоносъ у колодца, а сама побѣжала въ городъ, чтобы всѣмъ разсказать о Христѣ, и впослѣдствіи сдѣлалась усердною проповѣдницею имени Христова, и Церковь чтить ее донынѣ въ ликѣ святыхъ подъ именемъ Фотины.

То же случится и съ нами. Мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ нашего грубо понимаемаго земного благополучія. Но подъ вліяніемъ ученія Христова, полюбивъ слово Его и Его воду живую, и мы оставимъ пустыми свои водоносы: оставимъ грубыя мечты и стремленія и побѣжимъ, что есть силы, чтобы другимъ возвѣстить о сладкомъ и святомъ ученіи Христовомъ, и сами выполнимъ его въ своей жизни.

Только тогда мы получимъ истинное счастье и истинное благополучіе; тогда наша жизнь вся засядетъ неземною радостью, и радости нашей, по слову Спасителя, никто и никогда не отниметъ отъ насъ! (Иоан. XVI, 22.) Аминь.

Уроки школьного Кирилло-Меѳодіевскаго праздника.*

Поздравляемъ васъ, дѣти, съ нынѣшнимъ праздникомъ! Желаемъ и просимъ васъ, чтобы вы хранили память о свя-

* Сказано учащимся кукійскихъ церковныхъ въ г. Тифлісъ школъ въ день памяти свв. Кирилла и Меѳодія 11 мая 1903 г.

тыхъ Кириллъ и Меодій не только въ годы школьного учения, но во всю вашу жизнь. Вы, конечно, знаете, кто такие были Кириллъ и Меодій, что сдѣлали и за что прославляется ихъ святая Церковь; вы знаете, что они своими трудами принесли великому славянскому племени свѣтъ правой вѣры Христовой, свѣтъ грамоты, ученія, образованности. Вы видите, что здѣсь, въ православномъ народѣ грузинскомъ, также за равноапостольные труды просвѣщенія вѣрою Христовою почитаются и прославляются святую Нину.

Итакъ, вотъ вамъ урокъ на всю жизнь: почитайте и любите тѣхъ, кто вамъ сообщилъ и сообщаетъ ученіе вѣры Христовой, кто васъ учили, учить и будеть учить и грамотѣ, и знаніямъ. Для васъ это сдѣлали Церковь и церковные пастыри; они продолжали для васъ дѣло святыхъ Кирилла и Меодія, подражая, сколько были въ силахъ, ихъ святому подвигу. Почитайте же Церковь православную и ея пастырей, и будьте учениками Церкви до вашей смерти. Тогда вы, дѣйствительно, покажете себя *церковными* и дѣтьми школы *церковной*, тогда вы не окажетесь неблагодарными къ Церкви, вашей матери и благодѣтельницѣ, тогда вы воистину будете учениками и почитателями и подражателями святыхъ Кирилла и Меодія.

А затѣмъ, можете подражать святымъ равноапостольнымъ братьямъ и въ ихъ просвѣтительной дѣятельности, въ ихъ трудахъ проповѣди слова Божія. Для этого не нужно идти въ чужія страны на голодъ, опасности, мученія и смерть. Для этого нужно, чтобы вы въ своей жизни были вѣрны ученію Христовой Церкви. Вы знаете, что всегда были дурные люди, враги истины, враги Христа и Его Церкви. Есть они и теперь, они соблазняютъ и смущаютъ многихъ слабыхъ. Вотъ этимъ смутителямъ и этимъ слабымъ нужно наше твердое слово вѣры, наша открытая любовь къ Церкви и наша добрая жизнь по заповѣдямъ Христовымъ. Смотря на нась, и они укрѣпятся. И какъ враги не могли подавить и уничтожить слова Кирилла и Меодія, подкѣпляемаго ихъ святою жизнью, то же будетъ и съ нами.

Дай, Господи, всѣмъ намъ достигнуть этого! Помолимся, дѣти, святымъ Кириллу и Меодію, помолимся и будемъ про-

сить себѣ и всему великому роду славянскому и великому царству славяно-русскому небесной ихъ помощи и покровительства! Аминь.

Смысль Царского коронованія.*

Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. И истина Моя и милость Моя съ нимъ, и о имени Моемъ вознесется рогъ его. Той призоветъ мя: Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и Заступникъ спасенія моего (Пс. 88; 20, 21, 25, 27).

Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда налѣлъ Царь, какъ бы во исполненіе приведенныхъ словъ царя-псалмопѣвца, въ Своей древней столицѣ, посреди Своего народа, во имя Божіе пріялъ помазаніе на царство и отдалъ Себя и народъ Свой Богу, Его заступничеству и спасенію, Его истинѣ и милости.

Живо у всѣхъ нась въ памяти это священное торжество Россіи и, видимо, живо и глубоко запечатлѣлось оно въ сердцѣ Царя. За эти немногіе годы, протекшіе послѣ коронаціи, уже два раза Государь являлся въ Москву для царственнаго бого-моленія; здѣсь возгрѣвалъ Онъ въ сердцѣ Своемъ святые помыслы и чувствованія, святыя вѣрованія и моленія,—все, чѣмъ охвачена была душа Его въ ту минуту, когда отъ Бога, а не отъ людей принималъ Онъ царственную державу, и отъ Бога выслушивалъ вѣдѣнія о великому православно-христіанскомъ народѣ, врученномъ Еще царственному попеченію.

Съ Царемъ вмѣстѣ во время Его пребыванія въ Москвѣ и вѣрноподданные вновь переживали тѣ думы, чувства и моленія о Царѣ, которыхъ тѣснились въ душахъ и сердцахъ въ день помазанія Его на царство. Еще такъ недавно пере-

* Слово въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1903 г.

живали мы эти чувствования; еще не смолкли въ храмахъ тѣ

живали мы эти чувствования; еще не смолкли въ храмахъ тѣ
264

дивныя пѣсни церковныя, пѣсни воскресенія, которыя предначаты были въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, въ личномъ присутствіи Царя, окруженнаго народомъ, и продлились эти пѣсни до самаго дня памяти Его коронаціи.

При такихъ обстоятельствахъ нынѣшнее празднество становится болѣе, чѣмъ когда-либо, знаменательнымъ; память царскаго коронованія является особенно живою и властно будить въ душѣ пережитыя когда-то мысли и чувства по поводу этого событія.

Ни въ одномъ народѣ, кромѣ русскаго, не сохранилось въ такой торжественности, въ такомъ блескѣ, и,—скажемъ, самое главное,—въ такой полнотѣ смысла и значенія помазаніе царей на царство. Въ томъ видѣ, какъ оно совершается въ Россіи, въ этомъ обиліи молитвъ, въ несказанномъ подъемѣ народной вѣры и всенароднаго благоговѣнія, отъ него вѣять не только благочестными преданіями цвѣтущей поры христіанства, не только духомъ православной Церкви вселенской въ Византіи и ея благочестивыхъ автократоровъ, начиная отъ равноапостольнаго Константина, но и духомъ сѣй библейской древности, съ ея богооткровеннымъ пророчествомъ: и мнится, елей царскаго помазанія изливается и донынѣ на царей нашихъ изъ того благословленнаго рога, изъ котораго нѣкогда Давидъ, царь по сердцу Божію, пріялъ помазаніе отъ Святаго посреди братьевъ своихъ: И нопашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ (1 Цар. XVI, 11—13).

Несомнѣнно, только близорукость, невѣжество или тенденціозность могутъ упускать изъ виду тѣсную связь, всегда существовавшую и существующую между государственными и общественными учрежденіями народовъ и ихъ религіозными вѣрованіями.

И несомнѣнно же, глубокій смыслъ и важное значеніе царскаго помазанія въ Россіи обусловливаются ея православіемъ и ея самодержавіемъ. Оттого и сохранился въ этомъ торжествѣ духъ библейской древности и завѣты цвѣтушихъ вѣковъ христіанства, его святыхъ отцовъ и учителей,—оттого, что въ мірѣ одна Россія православна и одна Россія самодержавна.

Не станемъ говорить подробно о государственномъ значении самодержавія для нашего отечества, съ его особенной исторіей, географическимъ положеніемъ, огромнымъ пространствомъ, разнообразіемъ климатическихъ условій, этнографическимъ составомъ, разноплеменнымъ, разнокультурнымъ, разновѣрнымъ, съ его государственными границами, инородческими окраинами, съ его положеніемъ по отношенію къ народамъ Европы и Азіи, съ его расовыми славянскими особенностями, съ его міровыми задачами и міровымъ призваніемъ и проч. Здѣсь каждая мысль требуетъ особаго обсужденія, которое увлекло бы насъ слишкомъ далеко, да это и не входить прямо и непосредственно въ кругъ проповѣднаго церковнаго слова.

Но есть въ священномъ помазаніи православныхъ царей сторона, тѣснѣйшімъ образомъ связанныя съ тѣмъ, что называется религіозною и христіанскою идеей. Ясно, что если міръ не случайно произошелъ и не безсмысленно живеть, если онъ управляется Промысломъ, то Промыслъ Бога воздвигаетъ въ немъ и царей, избирая потребнаго царя народу въ то или другое время его существованія. Эта мысль, общерелигіозная, прежде всего исповѣдуется Церковью въ священномъ помазаніи царей. Въ христіанствѣ эта мысль еще болѣе расширяется и углубляется и приобрѣтаетъ иное, міровое значеніе. Осуществленіе и утвержденіе среди области земной, временной и человѣческой иного царства—царства небеснаго, вѣчнаго, царства Божія: это составляетъ завѣтную цѣль христіанства. Объ этомъ чудно предрекали издревле пророки, объ этомъ предвѣщалъ Предтеча Христовъ, объ этомъ градамъ и весямъ и всему миру проповѣдывали Спаситель и Его апостолы. Достигать чрезъ царство человѣческое цѣлей царства Божія, осуществлять въ жизни государства и посредствомъ государства задачи христіанства,—религіи любви, мира, искупленія; проводить путемъ государственности христіанскія нравственные начала; обратить царство Божіе въ цѣль, а царство человѣческое въ средство, слить ихъ воедино, какъ душу и тѣло,—вотъ идеалъ и завѣты, вотъ сокровенные стремленія и чаянія наши! Надъ ними задумывались глубоко самыя избранныя и великия, самыя благородныя души изъ міра вѣрующихъ; надъ ними

трудились и въ томъ полагали цѣль своей дѣятельности лучшіе и благороднѣйшіе правители народовъ—равноапостольный Константина, великие Феодосій и Юстиніанъ, святой Владимиръ Великій, Александръ Невскій, благородный Владіміръ Мономахъ, кроткіе Феодоръ, Михаилъ, Алексій, до послѣдняго нашего боголюбиваго Царя-Праведника, Царя-Миротворца. И это же все въ тайникахъ души своей тысячелѣтней исторіи русскій народъ воплотилъ въ свое государственное міровоззрѣніе, содѣлалъ непререкаемымъ членомъ символа своего государственного и народнаго бытія. Мысль, что государство должно служить цѣлямъ религіозно-нравственнымъ, народъ налагъ, конечно, не формулировалъ ясно, но она лежить, какъ подпочва, какъ несокрушимый устой и фундаментъ, въ его міровоззрѣніи. Ибо, по народному представлѣнію, праведниками и міръ стоитъ... Зато въ лицѣ носителей и представителей власти русское самодержавіе съ теченіемъ вѣковъ и въ рядѣ поколѣній постепенно какъ бы познавало себя, уяснялось, очищалось отъ всего наноснаго и посторонняго, просвѣтлялось отъ свѣта высшаго. Въ этомъ процессѣ просвѣтленія и созрѣванія русско-православнаго государственного міровоззрѣнія величайшее значеніе имѣли торжества священнаго помазанія государей отъ временъ россійскихъ князей и царей и до временъ императоровъ и до нашихъ дней. Эти торжества будили мысль, заставляли задумываться надъ существомъ и смысломъ нашего государственного строя, озаряя сознаніемъ то, что лежало въ неясныхъ предчувствіяхъ и преданіяхъ народа.

Что такое священное помазаніе царей на царство?

Это не простой торжественный обрядъ для впечатлѣнія на зрителя, не простой знакъ царскаго и государственного величія; кто думаетъ такъ, тотъ слишкомъ неглубокъ, слишкомъ легкомысленъ въ сужденіи. Это и не одна молитва царя къ Богу о помощи свыше, о наитіи благодати, о дарованіи силь къ служенію, о просвѣтленіи царственного разума.

Нѣть, здѣсь больше того: здѣсь боговѣнчанный царь вступаетъ въ священно-таинственный союзъ со своимъ народомъ, не при посредствѣ избрания или договора, всегда предполагающаго взаимное недовѣріе, а при помазаніи отъ Духа Свя-

того. Чему уподобить этот союзъ, какъ его изобразить? Думается, лучше всего изобразить словами древнихъ евреевъ, обращенными къ царю Давиду послѣ его воцаренія: „вотъ мы всѣ предъ тобою—*кости твои и плоть твоя*“ (2 Цар. V, 1). Здѣсь самое сравненіе взято изъ словъ первозданнаго Адама о женѣ своей (Быт. II, 23). Такъ царь и народъ какъ бы сливаются въ одинъ могучій духовно-нравственный союзъ, подобный идеальной христіанской семье, не мыслящей раздѣленія, не допускающей недовѣрія, не допускающей иныхъ отношеній, кромѣ взаимной любви, преданности, самоотверженія и заботливости. И какъ въ семейный союзъ нельзѧ ввести холодныхъ отношеній договора и усчитыванія правъ каждого изъ членовъ семьи, а все здѣсь зиждется на взаимной любви и довѣріи родителей между собою, родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ,—такъ точно и въ идеальномъ христіанскомъ государствѣ. Отсюда—истинный христіански-отеческій характеръ власти и властовданія, отсюда же и истинно-христіанскій, не рабскій и принудительный, а сыновній и свободный характеръ повиновенія. Великъ такой союзъ царя и народа; онъ могучъ и несокрушимъ, онъ наслѣдитъ землю и будетъ исполненъ устѣха мѣрою полною, утрясенною...

Но и сказаннаго мало. Въ помазаніи царя на царство слышится намъ то слово Божіе о царѣ, которое положено нами въ началѣ нашего нынѣшняго поученія: „Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ; елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. И истина Моя и милость Моя съ нимъ, и о имени Моемъ вознесется рогъ его. Той призоветъ Мя: Отецъ мой еси Ты, Богъ мой и Заступникъ спасенія моего“¹⁾). Такъ священное помазаніе для царя является таинственнымъ пріятіемъ непосредственно отъ Бога особыхъ, ему только одному свойственныхъ высшихъ полномочій, отдѣляющихъ его отъ прочихъ людей: царь въ помазаніи становится избранникомъ Бога; ему ввѣряются отъ Бога правда и милость; ему усвоется право сыновства Богу; ему обѣщана и непосредственная помощь свыше въ его цар-

¹⁾ Название Бога Отцомъ встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ очень рѣдко; замѣчательно, что въ этомъ мѣстѣ (Пс. 88, 27) оно обращено къ Богу отъ лица царя, а въ другомъ мѣстѣ—отъ лица сирыхъ и несчастныхъ (Пс. 67, 6).

скомъ служеніи. Царь является орудіемъ Промысла въ управлениі народомъ и насажденія въ жизни его началъ царства Божія. Эту истину религіозную, таинственную можно принять только вѣрою; ее и принялъ и исповѣдуется нашъ народъ, когда говорить издревле на своеобразномъ языкѣ въ народныхъ присловьяхъ: „Царь—оть Бога приставъ“; „Правда—Божія, а судъ—царевъ“.

Такимъ образомъ, въ священномъ помазаніи царей нашихъ сказалось торжество идей, въ своемъ источнике богооткровенныхъ, но до такой степени усвоенныхъ духомъ нашего народа, что ихъ можно назвать истинно-народными, русскими. Здѣсь выразилось все существо русского государственного строя; его не поколебать никакимъ вѣтромъ занесенныхъ изъ чуждыхъ странъ ученій, и подъ красныя знамена съ надписями объ изгнаніи „долой“ этого строя можно привлечь только или гниль и отбросы народные, или сыновъ народа обманутыхъ, введенныхъ въ заблужденіе и кричащихъ „долой“ только по недоразумѣнію...¹⁾)

Что же сказать намъ въ заключеніе слова? Вознесемъ прежде всего молитвы о царѣ и царствѣ; возгрѣмъ въ сердцахъ любовь и благоговѣніе къ Царю, Божію Помазаннику! Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы, именно мы, избранные и довѣренные служители государства и слуги царевы, поставимъ у сердца и сознанія библейское и наше народное возвѣніе на царя, какъ на орудіе Божественного управления народомъ, на государство же,—какъ на средство осуществленія въ немъ и чрезъ него царства Божія на землѣ. Не одной грубой пользы государственной должны мы искать: этого искало и языческое государство. Не одна простая служебная исправность требуется отъ насъ: и это еще не христіанская нравственность. Нѣть, завѣты святой вѣры нашей, святые завѣты христіанства должны проникнуть не только въ наши личныя, но и въ общественные и государственные стихіи, народъ нашъ долженъ вырасти въ народъ Божій, и наше царство человѣческое—

¹⁾ Намекъ на явленія предреволюціонного времени въ Закавказье, въ средѣ рабочихъ....

въ царство Божіє. Поэтому и Церковь въ день благодарнаго моленія о Царѣ просить Господа подать въ благословенной державѣ Царя: паstryxъ—святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и вѣрѣ—преуспѣяніе. Истинной же вѣрѣ нельзя указать границъ ея вліянія; она захочетъ проникнуть въ наши семейства, въ суды, въ училища, въ правительственные учрежденія; она захочетъ все знать и вездѣ быть; нѣть закона, который бы остался чуждъ для нея; нѣть ни одной стороны жизни, которая такъ или иначе, прямо или косвенно, не подверглась бы суду ея и вліянію. И невозможно себѣ представить, чтобы христіанинъ—судья, учитель, законодатель, государственный или общественный дѣятель оставилъ свою религіозную совѣсть за дверью того мѣста, гдѣ онъ обсуживаетъ дѣла. Ибо слова Христовы—не смерть, не есть нѣчто неподвижное, а начало приснодѣйствующее, они—*духъ и жизнь* (Іоанн. VI, 63). Они осмыслили и одухотворили всякую земную жизнь, они же осмыслили, одухотворили государство и государственную дѣятельность. Христіанство достигло этого путемъ возвышенія своихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей надъ дѣлами чисто-государственными. Оно, правда, указываетъ государственной жизни второстепенное мѣсто, выдвигая на первый планъ сторону религіозную, духовную; но оно этимъ не отрицаетъ государства, какъ это думаютъ такъ-называемые нынѣшніе „новые христіане“; оно указываетъ государству и положительные задачи, признаетъ за нимъ дѣятельный, прогрессивный характеръ: призываетъ его къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви; призываетъ его проводить въ политическую, общественную и международную жизнь нравственные начала и участвовать вмѣстѣ съ Церковью въ великому дѣлѣ пересозданія и возвышенія мірского общества до высоты христіанского идеала.

Пусть же никого не смущаетъ это возвышеніе христіанства; оно благотворно для самого государства, сообщая ему высшій смыслъ и значеніе: „чѣмъ выше солнце надъ землею, гдѣмъ болѣе оно согрѣваетъ и освѣщаетъ землю!“ Аминь.

Уроки прославления святых.*

Праведность возвышает народъ, а беззаконіе—безчестіе народовъ (Притч. XIV, 34).

Отрадно намъ исповѣдывать эту истину въ день прославленія праведнаго. Кроткій и смиренный, называвшій себя при жизни не иначе, какъ „убогій”, благоговѣйный старець Серафимъ, 70 лѣтъ тому назадъ на крыльяхъ молитвы отъ земли переселившися къ небу и вѣчности, нынѣ всенародно признается и прославляется въ ликѣ святыхъ, нареченный уже давно угодникомъ Божіимъ общимъ гласомъ вѣрующаго народа, засвидѣтельствованный чудесами и знаменіями.

Въ день, когда гласть народа нынѣ запечатлѣнъ рѣшеніемъ высшаго церковнаго священноначалія и радостно-умиленнымъ словомъ возлюбленнаго нашего Монарха, въ благочестивомъ усердіи соорудившаго многоцѣнную раку для святыхъ мощей преподобнаго, — въ день, когда сыны Церкви объединены въ признаніи святости угодника Божія и въ общей, впервые торжественно и всенародно возносимой во храмахъ молитвы къ нему, постараемся поставить предъ собою и крѣпко напечатлѣть въ сердцахъ уроки нынѣшняго радостнаго церковнаго торжества.

Праведность возвышаетъ народъ, а беззаконіе—безчестіе народовъ, — такъ говорить слово Божіе. Много мы знаемъ и видимъ доказательствъ этой истины въ священныхъ событияхъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Вотъ къ Лавану приходитъ гонимый и преслѣдуемый роднымъ братомъ праведный Іаковъ, и здѣсь находить себѣ гостепріимный кровь. Не укрылось отъ Лавана, что съ пришествіемъ праведника видимо благословеніе Божіе почило надъ всѣмъ домомъ его—въ достаткѣ, въ благополучіи и счастіи, и онъ

* Слово въ день прославленія преподобнаго отца нашего Серафима, Саровскаго чудотворца. Сказано 19 июня въ Тифл. Сіонск. соборѣ.

прямо заявляетъ Іакову: „*усмотрѣхъ, яко благослови мя Богъ пріиществіемъ твоимъ*“ (Быт. XXX, 27 и д.).

Вотъ кроткій и вѣрующій Іосифъ, безжалостно проданный братьями, попадаетъ въ Египтъ рабомъ въ домъ вельможи; самъ господинъ его, невѣрующій язычникъ, видѣть и убѣждается, *яко Господь Богъ съ Іосифомъ, и елика творить, Господь благоустроитъ въ руку его; и бысть благословеніе Господне Іосифа ради на всмъ имѣніи его, въ дому его, въ селѣхъ его* (Быт. XXXIX, 3, 5). Возьмемъ еще примѣръ.

Долго Господь хранилъ избранный народъ Свой, долго призывалъ его къ покаянію величайшими чудесами милости, голосомъ пророковъ и проповѣдниковъ, долго и много разъ грозилъ народу Своемъ гнѣвомъ, обѣща разрушить Йерусалимъ, отнять царство, лишить родины, наказать штѣномъ. Упорнымъ и нераскаяннымъ оставался Израиль, какъ бы смѣялся онъ надъ долготерпѣніемъ Господа, и имя святое Его отдавалъ на позоръ язычникамъ. И приблизились дни гнѣва Божія, приспѣль часть паденія святого города. Но и тогда мы слышимъ великое слово Господне о праведникахъ: *обыдите, и возрите, и познайте и поищите на улицахъ Йерусалима; и если найдете мужа творящаго судъ и ищущаго спры, Я милосердъ буду къ Йерусалиму!* (Іерем. V, 1—2; ср. гл. VII).

Такъ велико въ очахъ Божіихъ значеніе одного праведника для цѣлаго народа.

И въ исторіи Новаго Завѣта мы видимъ, какъ ради одного праведника, св. апостола Павла, во время морскаго путешествія его на кораблѣ, спасены были отъ неминуемой гибели всѣ плывши съ нимъ спутники; ангель при этомъ сказалъ апостолу: *Богъ даровалъ тебѣ всѣхъ плывущихъ съ тобою* (Дѣян. XXVII, 24).

Почему же такъ важно пребываніе праведныхъ среди народа? Прежде всего потому, что они являются показателями и свидѣтелями духовной жизни и духовнаго роста народа; они своимъ существованіемъ показываютъ, что народъ не умеръ для Бога, для святости и для духовной жизни; что среди него есть люди, достойные благоволенія Господа,—и что такихъ людей не мало. Прославленные праведники, угодники, чудо-

творцы,—это какъ бы высочайшія горныя вершины. Здѣсь, въ области духовно-благодатной, наблюдается то же, что и въ области видимой природы на землѣ. Горныя высочайшія вершины никогда не стоять совершенно одиноко и особнякомъ на равнинѣ; около нихъ всегда поднимаются менышія, но все же возвышенныя горы, цѣлые цѣли горъ, цѣлые горныя пространства.

Въ области духовно-благодатной видимъ то же: около великихъ святыхъ есть менышія, но добрыя и высокія души: ихъ почитатели, ученики, подражатели, люди, напоенные едінъмъ съ ними духомъ, единою вѣрою, едінъмъ благочестіемъ. Праведники не бывають совершенно одиноки; вотъ почему прославленіе праведнаго есть признакъ, что въ обществѣ, гдѣ онъ жилъ, воцарилось не одно зло, что, напротивъ, въ обществѣ этомъ есть живыя духовныя силы; вотъ почему, далѣе, прославленіе праведнаго есть радость Церкви, которая видѣть, что она не бесплодно молилась о сынахъ своихъ, не бесплодно учила ихъ вѣрѣ и благочестію и, дѣйствительно, ведеть ихъ къ небу и блаженной вѣчности. Такъ, у св. Серафима была высокаго благочестія мать, щедродателъный братъ, были же добрые люди, отъ которыхъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ получилъ расположение къ вѣрѣ и благочестію и святымъ подвигамъ; были и въ обители Саровской не одинъ, а много-много такихъ людей, которые сочувствовали св. Серафиму: многіе изъ иноковъ обители, и въ ихъ числѣ ея начальники, имена которыхъ сохранились въ житіи св. старца, многіе послушники, монахини сосьдняго женскаго монастыря, посѣтители и почитатели старца, которыхъ также было великое множество. И то обстоятельство, что память святого старца не умерла въ народѣ, и свято хранилась, что не заросла дорога къ его могилѣ, что имя его изъ скромной обители, изъ лѣсной глупи пронеслось и призывается съ вѣрою на протяженіи всего великаго царства русскаго,—это все приносить сердцу отрадную увѣренность, что родная Церковь наша, Церковь русская православная, спасаетъ своихъ чадъ, что не оскудѣла она духомъ и святынею, что не мертвa она, а жива и дѣйственна, и что *уходящіе отъ нея уходятъ отъ источника жизни и спасенія*. Пусть поду-

маютъ объ этомъ наши несчастные заблуждающіеся братья, сектанты и отступники, которыхъ, къ прискорбію, такъ много въ нашемъ краѣ и въ нашемъ городѣ, и которые такъ упорно закрываютъ очи и не хотятъ видѣть истины православія нашей святой Церкви.

Почему еще такъ важно пребываніе праведныхъ среди народа?

Потому, что мы въ нихъ имѣемъ представителей и ходатавъ предъ Богомъ. Св. апостолъ Павелъ, постигшій глубины таинъ Божіихъ и таинъ духовной жизни человѣка, говорить намъ, что изъ всѣхъ духовныхъ дарованій вѣковѣчное и не умирающее есть любовь: *«Любовь,—говорить онъ,—никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится»* (1 Кор. XIII, 8).

Но святые Божіи въ земной своей жизни и водились и жили именно любовью къ Богу и ближнимъ. До какой высоты самоотреченія доходила ихъ любовь къ людямъ, видно изъ молитвы Моисея о согрѣшившемъ родномъ народѣ: *«О, Господи, народъ сей сдѣлалъ великий грѣхъ, сдѣлалъ себѣ золотого бoga; прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣть, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ»* (Исх. XXXII, 31—32).

Такова же была и молитва апостола Павла о своихъ со-племенникахъ, которые убили Христа и ничего не дали самому апостолу, кроме клеветы, преслѣдованій и кровавыхъ гоненій: *«истину говорю во Христѣ, не лгу, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему; я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т.-е. израильтянъ»* (Римл. IX, 3).

Вся жизнь св. Серафима также была исполнена дѣятельной самоотверженной любви къ людямъ; она свѣтилась въ его взорѣ; она изливалась въ словахъ его привѣта ко всѣмъ посѣтителямъ: *«радость моя»*; она проявлялась въ его частыхъ поклонахъ до земли своимъ ближнимъ и лобзаніяхъ; она давала ему изумительное терпѣніе при бесѣдахъ съ тысячами посѣтителей, выслушивать ихъ печали, сомнѣнія, исповѣдь грѣховъ, ободрять словомъ утѣшенія, вразумленія и прощенія грѣховъ; она одушевляла святою мудростью его наставлений

тѣмъ простымъ и вѣрующимъ душамъ, что тысячами ежедневно приходили ко св. старцу; она пламенѣла въ его молитвахъ за людей, она, наконецъ, мощно и благодатно дѣйствовала въ томъ дивномъ дарѣ чудесныхъ исцѣленій больныхъ, который ниспославъ ему Господь въ концѣ жизни.

Неужели эта любовь должна прекратиться послѣ смерти старца? Неужели святые, сильные въ молитвѣ о ближнихъ при жизни, и нѣмы и глухи по смерти? Неужели душа ихъ послѣ смерти тѣла уже не объята любовью, и къ скорбямъ земныхъ братій они вдругъ станутъ равнодушины, они, которые, живя на землѣ, готовы были все свое и себя самихъ принести въ жертву ради блага ближнихъ? Такъ именно разсуждаютъ и наши сектанты, удаляющіе себя отъ почитанія святыхъ и отъ молитвъ къ нимъ.

Но вѣдь противъ этого вопіеть и разумъ и сердце, противъ этого говорить и слово Божіе, увѣряющее нась, что любовь никогда не перестаетъ. Вотъ почему апостолъ Петръ обѣщалъ христіанамъ заботиться о нихъ и послѣ смерти (2 Петр. I, 14—15); вотъ почему это же обѣщали всѣ святые, обѣщали и нынѣ прославляемый преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровскій: „Когда меня не станетъ“, говорилъ преподобный, „ходите ко мнѣ на гробикъ, ходите, какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все что ни есть у васъ на душѣ, все, о чѣмъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все, придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ живому, и расскажите. *И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ. Какъ съ живымъ, со мною говорите, и всегда я для васъ живъ буду.*“

Да, живъ ты у Бога, святой, любвеобильный и благоговѣйный старецъ, живъ ты въ Церкви Божіей, живъ и славенъ, какъ праведникъ, въ родномъ тебѣ многоплеменномъ православномъ русскомъ царствѣ!

Хотите ли, братіе, пріобщиться къ этой его жизни? хотите ли быть сродными его духу, его вѣрѣ, его любви и благочестію?

Хотите ли явить доказательство, что и вы духовно слились съ тою Церковью, въ которой обрѣлъ спасеніе и святость новоизбранный угодникъ Божій?

Тогда войдемъ нынѣ всѣ въ радость и молитвы св. Цер-

кви, приблизимся духомъ къ святому Серафиму, перенесемся мыслью и воображениемъ къ тѣмъ десяткамъ тысячъ богомольцевъ, которые сегодня въ отдаленномъ Саровѣ стоятъ вокругъ мощей преподобнаго, горятъ къ нему любовью, прославляютъ его, и съ ними, и съ Церковью Божией воскликнемъ отъ всей души: *Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нась!*

Но будемъ помнить, братіе, что бываетъ страшное душевное состояніе и отдалъныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, такое состояніе грѣха и нераскаянности, что отвращаетъ совершенно отъ людей лицо Господа, и дѣлаетъ бездѣйственными о нихъ даже молитвы святыхъ: тогда молитва ихъ, по слову пророка, въ нѣдра ихъ возвращается (Пс. 34, 13). Такъ было съ нераскаянными іудеями, о которыхъ молилъ пророкъ Йеремія; и сказалъ ему Господь: *„Не молися ко Мне о людехъ сихъ во благо. Хотя бы предстали предъ лицо Мое Моисей и Самуилъ, душа Моя не преклонится къ народу сему; отгони ихъ отъ лица Моего, пусть они отойдутъ“* (Іерем. XV, 1). Такъ случилось, наконецъ, и съ Йерусалимомъ: самъ Господь плакалъ о немъ и жалѣлъ его, но все же осудилъ его за конечное ожесточеніе и упорство его сыновъ.

Это для нась—устрашающіе образы и примѣры. Будемъ не устами только почитать святого угодника Божія Серафима, но и дѣломъ и всею жизнью являть съ нимъ духовное единеніе: будемъ имѣть его святую вѣру; будемъ всею душой преданы святой Церкви, къ которой онъ принадлежалъ; освящаться ея таинствами, которыми онъ освящался; исполнять въ точности и съ любовью всѣ ея уставы; будемъ искренно почитать его совершенства и добродѣтели и отображать ихъ въ своей жизни, отдавъ ее труду и молитвѣ, по мудрому и мѣткому наставлению старца; *„дѣло въ рукахъ, а молитва на устахъ“*; будемъ служить, чѣмъ можемъ, съ любовью нашимъ ближнимъ,—однимъ словомъ, будемъ подражать житію угодника Божія, чтобы явиться братьями его не только по плоти, но и по духу! Ибо и апостолъ, заповѣдывая почитать праведныхъ, поучаетъ нась: *„иже визирающе на скончаніе житѣства, подражайте вѣрѣ ихъ“* (Евр. XIII, 7). Иначе и почитаніе ихъ будетъ бесполезно и лицемѣрно. Въ день прославленія праведнаго запомнимъ

крѣпко и поставимъ у сознанія и сердца слово Божіе: *праведность возвышаетъ народъ, а беззаконіе—безчестіе народовъ*. Аминъ.

Врачуйся прежде недуга.*

Волюбленные братіе! По долгу христіанской любви и пастырского попеченія, по обязанности согражданъ въ единомъ отечествѣ, обращаемся къ вамъ съ настоящимъ словомъ поученія церковнаго въ переживаемые нами тревожные дни. Наступаетъ тяжкое время общественного бѣдствія: въ нашемъ отечествѣ появилась холерная зараза.

Что дѣлать намъ и какъ себя вести? Заботливое правительство уже приняло и будетъ принимать мѣры къ борьбѣ съ нею: очищеніе городовъ и селеній отъ грязи и нечистоты; назначеніе вездѣ врачей и ихъ помощниковъ въ усиленномъ составѣ; оповѣщеніе всего населенія чтеніями, листками, книжками о томъ, какъ обращаться съ пищею, питьемъ и съ жилицами во время холеры; будутъ открыты по мѣстамъ чайныя; во многихъ мѣстахъ можно будетъ получать кипяченую воду; заготовлены будутъ лѣкарства и расширены помѣщенія въ больницахъ. По городамъ и линіямъ желѣзныхъ дорогъ откроютъ дѣйствія такъ-называемыя санитарныя комиссіи, т.-е. особыя совѣщанія лицъ свѣдущихъ, изъ всѣхъ сословій призванныхъ съ цѣлью объединить и упорядочить всѣ мѣры, предпринимаемыя для борьбы съ бѣдствіемъ. Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: явятся добровольно многія лица изъ городовъ и селеній, которыхъ примутъ на себя обязанность помагать начальству и врачамъ въ святомъ и общемъ дѣлѣ.

Все это хорошо и все это должно вызывать у насъ только чувства благодарности къ тѣмъ, которые заботятся о благѣ общественномъ, и чувства спокойствія за это благо. Все это

* Поученіе по случаю холерной эпидеміи. Написано по порученію Особаго Совѣщанія по борьбѣ съ холерою въ Закавказіи, бывшей въ 1903 году.

вполнѣ согласно и со словомъ Божіимъ, которое говорить намъ вразумительно: прежде недуга врачуйся (Сир. XVIII, 19). Оттого-то люди и научились теперь бороться съ повальной болѣзнями, оттого-то, какъ всѣ замѣчаютъ, и холера съ каждымъ разомъ теперь все становится слабѣе и ужъ далеко не такъ гибельна и опасна, какъ это было прежде.

Но все это—совѣты и указанія для тѣла; христіанинъ же никогда не можетъ и не долженъ оставлять заботъ и о душѣ своей. Впрочемъ, доброе настроеніе души и доброе христіанское поведеніе, какъ говорятъ и настойчиво увѣряютъ сами врачи, служить лучшимъ спасеніемъ и отъ болѣзней тѣла. Врачи увѣряютъ нась, что во время повальныхъ болѣзней первыми жертвами ихъ падаютъ люди малодушные, унылые, затѣмъ люди невоздержные въ жизни, иначе сказать, тѣ, которые нарушаютъ христіанскія заповѣди. Видите, возлюбленные, какъ до конца исполняется слово Божественнаго Писанія, которое поучаетъ нась, что *благочестіе на все полезно, имъ обетованіе жизни настоящей и будущей: слово сіе спирно и всякаго пріятія достойно* (І Тим. IV, 8—9).

И воистину, братіе, воистину слово это всякаго пріятія достойно. Чѣмъ спастись отъ унынія, страха и малодушія, столь пагубныхъ во время повальной болѣзни и столь позорныхъ и унизительныхъ для человѣка? Только глубокою и искреннею *сторою* въ Бога и горячою къ Нему *молитвою*.

Какія великия утѣшенія даетъ человѣку вѣра! Какія назиданія сообщаетъ ему вѣчное слово Бога! Оно увѣряетъ нась, что *Господь причиняетъ раны, и Самъ обвязываетъ ихъ, Онъ поражаетъ, и Его же руки врачуютъ* (Іов. V, 18), что *Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Цар. II, 6), *Онъ убиваетъ и живитъ сотворить, Онъ поразить и исцѣлить, Онъ наказуетъ и милуетъ* (Товит. XIII, 2). Какъ отрадно слушать исповѣданіе древняго псалмопѣвца-царя: *Щедръ и милостивъ Господь, долготерпимъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвается и не во вѣкъ враждуетъ* (Пс. 102, 8—9). Какъ радостно читать увѣреніе библейскаго мудреца, что *милость Божія такъ же безпредѣльна, какъ и Его величество* (Сир. II, 18). И какъ осмысливаетъ настоящія события святой

апостолъ, когда увѣряетъ, что, наказывая наши неправды бѣдствіями, Господь врачуєтъ и воспитываетъ наши души, поступая съ нами, какъ нѣжно любящій отецъ со своими дѣтьми; *Господь, кого любитъ, наказываетъ, бѣть всякаго сына, о которомъ благоволитъ; если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами; ибо есть ли такой сынъ, котораго не наказывалъ бы отецъ?* (Евр. XII, 6—7). И какая увѣренность, какое спокойствіе и какая преданность и покорность волѣ Господа и Его ведущей и воспитывающей десницѣ вливаются въ душу, когда мы, по слову того же апостола, знаемъ и исповѣдуемъ, что *Богъ не попуститъ намъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушениіи дастъ и облегченіе, такъ, чтобы вы могли перенести* (I Кор. X, 13).

Итакъ, призовемъ Бога въ день скорби нашей (Пс. 49, 15) и къ Нему обратимся съ молитвою. Ибо, если, по наставлению апостола, мы *всегда должны молиться и непрестанно* (Фессал. V, 17), то тѣмъ болѣе теперь. Такъ поступили въ подобныхъ же обстоятельствахъ, во время страшной моровой язвы въ средѣ еврейского народа, царь Давидъ и старѣйшины Израилевы, *падши въ молитвѣ предъ Богомъ на лице свое: и послушалъ Господь земли и отнялъ язву отъ Израиля* (2 Цар. XXIV, 25).

Намъ же, сынамъ новаго завѣта, искупленнымъ Кровью Сына Божія, на всякое моленіе, приносимое съ вѣрою, всегда отвѣчаетъ нашъ Спаситель: *„Я съ вами; не бойтесь!“* (Иоан. VI, 20).

И чего въ самомъ дѣлѣ бояться вѣрующимъ? Болѣзней и страданій? Но всякое страданіе, переносимое терпѣливо и вдумчиво, и во имя Бога, есть богатый вкладъ въ нашу душевную сокровищницу и дѣлаетъ духъ нашъ зрѣлымъ и близкимъ къ Богу. Бояться смерти? Но смерти ли бояться христіанину, когда онъ знаетъ, что этотъ врагъ истребленъ Воскресшимъ Спасителемъ, и нынѣ гробъ есть только лѣстница къ небу!

Не убойтесь убивающихъ тѣло (Ме. X, 28),—говорить нашъ Спаситель. Но вотъ чего нужно бояться: бояться того, что убиваетъ душу и что послужило истинною причиною и смерти тѣла.

Впѣдь Богъ смерти не сотворилъ (Прем. I, 13), но счастливую, бессмертную жизнь человѣка отравилъ и погубилъ грѣхъ. Вотъ почему, братіе, съ вѣрою въ Бога и съ усердною къ Нему молитвою въ эти тяжелые дни несчастья должно быть соединено искреннее покаяніе во грѣхахъ, исправленіе всей нашей жизни. Безъ этого Господь скажетъ намъ такъ, какъ говорилъ иѣ-когда древнему Израилю чрезъ Исаю пророка: „Когда вы про-стираете ко Мне руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу”... (Ис. I, 15).

Не помните ли и изъ евангелія, что Спаситель, когда принесли къ Нему разслабленнаго, не сказалъ ему: „встань и ходи”, а отпустилъ ему грѣхи его, и тогда само собою совершилось и чудо исцѣленія (Ме. IX, 2). Это урокъ для насть въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Очищая жилища наши отъ всякой грязи и нечистоты, очистимъ прежде всего души наши отъ накопившейся на нихъ нравственной нечистоты; воздерживаясь отъ той и другой пищи ради сохраненія отъ болѣзни, воздержимся болѣе всего отъ грѣховъ и пороковъ; страшась заразы и избѣгая ее всѣми средствами, устранимся духовной заразы—грѣховнаго настроенія ума и сердца; обративъ особое вниманіе на борьбу съ болѣзнью, обратимся осо-бенно къ подвигу борьбы со всякимъ нравственнымъ зломъ, опустошающимъ нашу жизнь и причиняющимъ намъ смерть душевную. По слову апостола, очистимъ себя отъ всякой скоерны плоти и духа, совершая святыню въ страхѣ Божиемъ (2 Кор. VII, 1). Такъ поступили даже древніе язычники въ городѣ Ниневіи подъ вліяніемъ проповѣди пророка Йоны: и Господь помиловалъ ихъ (Іоан. III, 5—8); тѣмъ болѣе должны это сдѣлать христіане.

Совершимъ же святыню: усугубимъ молитвы; чаше будемъ посвящать богослуженіе; принесемъ покаяніе во грѣхахъ; соединимся со Христомъ Спасителемъ въ тайнѣ Его Тѣла и Крови; исправимся отъ грѣховъ,—и такъ пріуготовленные станемъ предъ лицемъ Господа въ полной преданности Его волѣ въ полной надеждѣ на Его милосердіе, зная, что Онъ и же-лаеть и дастъ намъ гораздо болѣе благъ, чѣмъ мы сами се-

бъ пожелаемъ; скажемъ Ему словомъ великой и святой молитвы: да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Но скажутъ и спросятъ: что же врачи и медицинскія пособія? Не лишнее ли это дѣло? Дѣйствительно, бываютъ случаи, когда врачевство является лишнимъ, и не только лишнимъ, но и грѣховнымъ: когда люди, изъ ложнаго преклоненія предъ человѣческою силою и человѣческимъ разумомъ, только и надѣются на искусство врачей да на силу лѣкарствъ, забывая и отвергая Бога. Тогда эти безумцы болѣе довѣряются законамъ, чѣмъ Законодателю, болѣе вѣрятъ твари и твореніямъ, чѣмъ Самому Творцу. Тогда гнѣвъ Божій грядетъ на сыновъ противленія; тогда и врачеванія, какъ это мы видимъ на примѣрѣ ветхозавѣтнаго нечестиваго царя Асы (2 Парал. XVI, 12), не приносятъ никакой пользы, потому что они въ этомъ случаѣ обращаются въ орудіе невѣрія и въ знамя вражды противъ Самаго Бога.

Но мудрое и доброе пользованіе врачебнымъ искусствомъ не только не отвергается, но признается и даже предписывается намъ словомъ Божіимъ. Вотъ что говорить намъ библейскій мудрецъ: *Сынъ мой, въ болѣзни твоей не будь небрезгень, но молись Господу, и Онъ исцѣлить тебя; оставь грѣховную жизнь и исправь руки твои и отъ всякаго грѣха очисти сердце. И дай място врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ* (Сир. XXXVIII, 9—12). Господь не требуетъ, чтобы мы отказались отъ своего ума, отъ силъ духовныхъ и тѣлесныхъ, и отъ тѣхъ благъ міра, которыхъ Самъ же Богъ сотворилъ и даровалъ человѣку въ полное обладаніе (Быт. I, 28). Кто думаетъ, что грѣшно пользоваться лѣкарствами, тотъ долженъ отказываться отъ воды и отъ пищи, потому что питье и питаніе тоже, какъ и лѣкарства, суть средства сохраненія нашей жизни и предохраненія отъ голодной смерти. И какъ разумъ и тѣлесныя силы помогаютъ человѣку въ сохраненіи и поддержаніи его жизни и въ добываніи средствъ для пропитанія себя и своихъ близкихъ, такъ точно разумъ человѣка помогаетъ ему отыскивать и нужные лѣкарства отъ болѣзней для той же цѣли, т.-е. для сохраненія жизни. Древній библейскій мудрецъ гово-

ритъ, что Господь отъ земли создалъ врачеванія, и благоразумный человѣкъ не будетъ пренебрегать ими (Сир. XXXVIII, 4). Поэтому тотъ же мудрецъ совѣтуетъ: Почитай врача честью по надобности въ немъ, ибо Господь создалъ его, и отъ Вышняго врачеваніе, и отъ царя онъ получаетъ даръ. Знаніе врача возвыситъ его голову, и между вѣльможами онъ будетъ въ почетѣ. Для того Господь и далъ людямъ знаніе, чтобы прославляли Его въ чудныхъ дѣлахъ Его: ими Онъ врачуетъ человѣкъ и уничтожаетъ болѣзнь его. Приготовляющій лѣкарства дѣлаетъ изъ нихъ смѣсь, и чрезъ него бываетъ благо на лицѣ земли (1—8). И смотрите, поучаясь, какъ и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ люди святые не пренебрегали вѣшними пособіями для исцѣленія близкихъ отъ болѣзни. Моисей и словомъ чудодѣйственнымъ могъ сдѣлать воду въ пустыни здоровою, но онъ находить для этого особое древо, которое вложилъ въ воду и сдѣлалъ ее сладкою и тѣмъ прославилъ имя Божіе и спасъ народъ отъ смерти (Сир. XXXVIII, 5; ср. Исх. XV, 5); царю Езекію пророкъ, посланный къ нему для исцѣленія, накладываетъ на больное мѣсто пластырь и спасаетъ его (Ис. XXVIII, 23; 4 Цар. XX, 7). Ангелъ, посланный исцѣлить Товита отъ слѣпоты, указываетъ для сего сыну его лѣкарство — желчь отъ рыбы, и ею возвращаетъ больному зрѣніе (Тов. III, 10; VI, 3—9). Спаситель нашъ исцѣлялъ болѣзни словомъ, но нерѣдко употреблялъ и видимыя средства исцѣленія: слѣпому возвратилъ зрѣніе плуновеніемъ и возложеніемъ рукъ на очи; другому помазалъ очи бреніемъ и повелѣлъ умыться въ купели Силоама; глухому и нѣмому воложилъ перстъ въ ухо и коснулся языка его (Мр. VIII, 22; Иоан. IX, 6). Одинъ изъ евангелистовъ — св. апостолъ Лука былъ врачъ; онъ помогалъ врачеваніями другому великому апостолу — Павлу въ его немощахъ (Кол. IV, 14); много святыхъ были врачами: Косьма, Даміанъ, Кирилъ, Иоаннъ, Пантелеймонъ... Всѣ они, имѣя даръ чудотворнаго цѣленія болѣзней, весьма часто для исцѣленія болящихъ употребляли и земныя врачевства. Такимъ образомъ, служеніе врача есть попреимуществу служеніе милосердія и самоотверженія. Часто и предписанія врачей вполнѣ совпадаютъ съ наставлѣніями слова Божія; особенно это нужно сказать о *воздержаніи*

въ пищѣ и питьѣ, о чистой и цѣломудренной жизни, о подавлениіи въ себѣ гнѣва и страстей. Всего этого требуетъ отъ насть врачебная наука въ полномъ согласіи съ заповѣдями Божіими. Невоздержаніе гибельно въ такой болѣзни, какъ холера: но давно за этотъ грѣхъ и Господь наказывалъ евреевъ въ пустынѣ (Числь XI, 33). Вотъ почему поистинѣ слезъ и негодованія достойны тѣ люди, которые, какъ показываетъ опытъ прошлаго, въ тяжелыя годины холерныхъ и другихъ болѣзней стараются возбудить въ народѣ недовѣріе и вражду къ врачамъ, къ этимъ незамѣнимъ помощникамъ страждущихъ и самоотверженнымъ дѣятелямъ, нерѣдко умирающимъ въ цвѣтѣ лѣтъ на своеемъ посту отъ заразы и истощенія силъ. Неудивительно, если это дѣлаютъ враги общественного порядка, которые всѣмъ готовы воспользоваться, лишь бы внести смуту въ народъ, которые никого и ничего не жалѣютъ, лишь бы достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей; ихъ слушать, конечно, не долженъ никакой благоразумный человѣкъ. Но удивительно, когда эти безумныя мысли раздѣляютъ и повторяютъ, разумѣется, по простотѣ и невѣжеству, люди религіозные и благонамѣренные. Это стыдно и грѣшно. Что же ихъ возмущаетъ? Чаще всего то, что заболѣвшихъ обязываютъ непремѣнно идти въ больницы. Но вѣдь за это благодарить надо; это дѣлается для того, чтобы зараза не распространялась. Недовольство высказываютъ и за то, что по распоряженію начальства гробы умершихъ отъ холеры сейчасъ же закрываютъ, не заносить въ церковь, заливаютъ въ могилахъ известью; зараженную одежду умершихъ сжигаютъ. Какъ ни тяжело это, но слѣдуетъ съ любовью подчиниться и такимъ распоряженіямъ ради любви къ людямъ, ради общей пользы, ради предохраненія здоровыхъ отъ заразы. Вѣдь все это не вредить мертвому: ему нужна милость Божія, наша любовь и наша о немъ молитва, а этого никто и ничто не можетъ отнять у нашихъ дорогихъ покойниковъ.

Итакъ, если слово Божіе повелѣваетъ намъ всегда *повиноваться всякому земному начальству Господа ради* (1 Петра II, 13), то теперь видимо для всѣхъ и ясно,—мы должны повиноваться распоряженіямъ начальства и ради насть самихъ, и

ради ближнихъ. Въ такія тяжкія времена, когда нась постигаютъ заразительные болѣзни и вообще какія бы то ни было общественные бѣдствія, и долгъ предъ Богомъ, и требованія совѣсти, и долгъ гражданскій, и требованія благоразумія,—все заставляетъ нась быть единодушными, согласными, покорными власти и всѣмъ ея распоряженіямъ относительно мѣръ борьбы съ бѣдствіемъ. Тогда, съ помощью Божію, мы скоро достигнемъ того, что бѣдствіе прекратится.

Вотъ, волюбленные братья, все, что намъ хотѣлось сказать вамъ по случаю переживаемыхъ нами тревожныхъ обстоятельствъ. Заключаемъ слово наше священнымъ словомъ евангельскимъ: *Имъющій уши слышать, да слышитъ. Аминь.*

Радость міру.*

Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возѣсти всей вселеній (Троп. праздн.).

Въ день, когда воспоминается рожденіе Пресвятой Богородицы, св. Церковь не находить другихъ словъ для восхваленія Ея, какъ эти только-что приведенные слова: рожденіе Твое, Богородица Дѣва, принесло радость всей вселенной. Не сразу эта радость объяла весь міръ. Первые минуты самой высокой и святой радости были пережиты, какъ и при рождении всякаго ребенка, родителями новорожденной. Отецъ и мать Пресвятой Богородицы, праведные Іоакимъ и Анна, въ глубокой старости, послѣ усердной и слезной молитвы удостоились рожденія ребенка. Они первые и радовались этому рождению. Но скоро радость, которую принесла Новорожденная Марія тѣсному кругу родителей и родственниковъ, все больше и больше расширяется, все больше и больше исполняетъ сердца всѣхъ окружающихъ. Она—радость и утѣшеніе священниковъ

* Слово въ прадникъ Рождества Пресв. Богородицы 8 сентября 1903 г. въ церкви станицы Ново-Александровской, Куб. обл.

и благочестивыхъ женщинъ въ тѣ дни, когда росла и воспѣвалась при храмѣ Иерусалимскомъ. Она—радость и утѣшеніе старца Іосифа, которому Она была обручена, какъ жена, и которому, не будучи на самомъ дѣлѣ женой его, Она по обычаямъ того времени служила, какъ своему господину, въ его бѣдномъ домѣ, въ его старости, въ его потухающей и умирающей жизни. Она—радость и похвала всей семьи Іосифа, для которой Она трудилась, не гнушаясь никакими работами, ведя бѣдное и незатѣйливое хозяйство своими руками. Она—радость и похвала всѣхъ окружающихъ въ городѣ Назаретѣ, гдѣ Она цвѣла и благоухала чистотою, скромностью, кротостью, милосердіемъ. Она, радость и украшеніе семьи, города, становится радостью для всего міра, когда святостью жизни и чистотой души привлекла къ себѣ милость свыше и избрана Матерью Спасителя міра. И чѣмъ больше сіяла слава Ея Божественнаго Сына, чѣмъ больше и больше расширялось на землѣ Его царство, чѣмъ больше число людей вѣровало въ Него, тѣмъ больше радости приносила міру Богородица. И при жизни Спасителя Она, кроткая и молчаливая, открывала уста свои только тогда, когда нужно было просить милости нуждающимся, напримѣръ, на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Послѣ же Его смерти Она вся отдалась благотворенію и молитвѣ, а послѣ своего отшествія отъ земли на небо, явившись апостоламъ, Она обѣщала не оставить міръ молитвою, милосердіемъ и заступленіемъ. И понынѣ Она—радость и утѣшеніе христіанскому міру. Сколько Ея храмовъ, сколько чудотворныхъ иконъ, сколько чудесъ милости, особенно въ нашемъ православномъ царствѣ русскомъ! Не напрасно величаютъ Ее, какъ и вы въ каждое воскресенье величаете: „Заступница усердная, нагихъ одѣяніе, ненадѣющихихся надежда, немощствующихъ врачъ, обуреваемыхъ пристанище, христіанъ всѣхъ заступленіе и вспоможеніе“.¹⁾ Такъ, воистину, рождество Богородицы и жизнь Ея радость возвѣстили всей вселеній.

Братіе волюбленные! Для каждого изъ насть, если мы только не напрасно и не лживо почитаемъ Богородицу, для

¹⁾ Въ концѣ литургіи въ станицѣ заведено обычай пѣть „Всепѣтую“ и читать молитву изъ молебствія Богоматери, помѣщенного въ Часословѣ.

каждаго изъ нась поставлена та же задача: и мы должны съять кругомъ себя радость, и мы должны жить на радость окружающихъ нась людей. Конечно, мы не можемъ даровать радости вселенной,—мы для этого слишкомъ слабы и слишкомъ неизначительны. Но, по крайней мѣрѣ, въ той средѣ, въ той мѣстности, гдѣ мы живемъ, среди людей, съ которыми мы соприкасаемся, мы должны вodorвать и насадить радость. Тогда изъ малаго въ общей сложности совершится великое. Если маленькия снѣжинки зимою, падая одна рядомъ съ другой, покрываютъ сю землю снѣжнымъ сплошнымъ покровомъ, если вода, капля за каплей падая изъ тучъ, затопляетъ землю, наполняетъ и образуетъ ручьи, рѣки и моря: то тѣмъ болѣе радость и отрада, добро и любовь каждого изъ нась, соединяясь вмѣстѣ, наполнять всю землю и обратятся во всемирную радость. Такъ мы всѣ вмѣстѣ сможемъ быть подражателями Богоматери.

Такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ?

Братіе, каждый изъ нась въ свое время родился, быть маленькимъ ребенкомъ, подобно родившейся Богородицѣ. И наше рожденіе въ мірѣ по большей части внесло радость въ тѣсный семейный кругъ: порадовался отецъ, улыбнулась мать, забывъ муки и скорби рожденія, и радостью наполнилось ея сердце; поздравляли ее и отца родные и знакомые, приходилъ служитель Церкви и именемъ Божіимъ ввелъ нась въ стадо Христово, нарекъ христіанское имя, крестиль во славу Пресвятой Троицы. Богъ послалъ каждого изъ нась въ мірь, окружилъ въ семѣ любовью и радостью и повелѣлъ, чтобы мы и сами возрастили въ любви на радость нашимъ близкимъ, на радость семѣ, на радость людямъ, на радость нашей дорогой родинѣ—святой и великой Руси, на радость общей Матери нашей—Церкви Православной. Богъ послалъ нась въ мірь для этого, и каждому далъ силы и способности, далъ кругъ людей, мѣсто и время жизни и повелѣлъ творить Его волю. Что же сдѣлали мы?

Видѣли ли вы, братіе, богатое поле съ обильнымъ и прекраснымъ урожаемъ? Стоить на немъ хлѣбъ стѣною, колосъ гнутся до земли, отливая золотомъ, ожидая и призываю жатву

и косьбу. Стоитъ предъ этимъ полемъ хозяинъ его и радостью полно его сердце; онъ ждетъ обильной жатвы, онъ раскиды-
ваетъ умомъ будущіе доходы. Но вдругъ проносится надъ зем-
лею жестокая буря, стала градовая туча, полилъ дождь, выпалъ
градъ и въ одну минуту избила, опустошила дорогое поле: по-
легла на землю богатая нива, избило градомъ золотые колосья,
жалко стоять одинокія оставшіяся избитыя былинки... Что чув-
ствуетъ хозяинъ при видѣ этого погибшаго поля, его надежды и
кормильца,—вы сами знаете. Наша жизнь—то же избитое и
опустошенное поле. Богъ послалъ нась въ міръ творить волю
Его, нести радость людямъ и всему Божьему міру; сколько
наадждъ возлагали на насть родные, чего-чего не ждала отъ
насъ Церковь Божія!.. Трудиться бы намъ только, да работать,
исполняя Божіи заповѣди, сохраняя себя въ чистотѣ и свя-
тости: но вотъ пришла юность, пришло мужество, налетѣла
буря страстей, пьянства, распутства, злобы, воровства, зави-
сти, сквернословія,—и побило градомъ нашу духовную ниву!
Погибли цветы нашей жизни—невинность, кротость, смире-
ніе, незлобіе, и вмѣсто радости вокругъ нась стономъ стоять
горе и злосчастье: плачутъ жены отъ драки и брани пья-
ныхъ мужей, плачутъ отцы и матери, престарѣлые и слабые,
слыша грубость, видя побои отъ дѣтей, повышлачутъ они очи,
не хотятъ смотрѣть на свѣтъ, просять себѣ смерти и раскаи-
ваются, что породили въ міръ такихъ безпутныхъ дѣтей; пла-
четь хозяйство у пьяного хозяина, плачеть безъ корма и ухода
бессловесный скотъ, плачеть сама земля-кормилица съ полями
и деревьями, которые являются жертвами дурного обращенія
дурныхъ людей. Не жизнь, а смерть и разореніе, не достатокъ,
а одну нищету свѣтъ вокругъ себя грѣшникъ. А что въ об-
щественной жизни? Взаимная зависть, злоба, обманъ, недовѣ-
rie; другъ на друга клевещутъ, другъ другу завидуютъ; по-
стоянныя ссоры, вездѣ несогласіе, нѣть общаго труда, нѣть
общей заботы о дѣлахъ! Вотъ что сѣмъ мы вокругъ себя,
вотъ чѣмъ отплачиваемъ Господу за то, что Онъ призвалъ
насъ въ міръ рожденіемъ! А смотря на нась, въ тѣхъ же
грѣхахъ выростаютъ и дѣти: имъ вѣдь для подражанія нужны
не слова, а дѣла наши. Если же дѣла наши—одно зло, то и

дѣти учатся одному злу. Такъ мы не только сами не даемъ радости міру, но отнимаемъ и убиваемъ ее и въ будущемъ въ лицѣ нашихъ дѣтей.

Пусть же все это станетъ у нашего сердца въ нынѣшній день прославленія Богородицы. Она рожденіемъ своимъ прінесла радость всей вселенной. Постараемся подражать Ей. Постараемся доставлять радость всему окружающему; будемъ, подобно Богородицѣ, тверды въ вѣрѣ, въ исполненіи заповѣдей Господнихъ, будемъ кротки, трудолюбивы, трезвы, будемъ относиться къ людямъ съ любовью и расположениемъ,—и тогда мы воистину будемъ подражателями Богородицѣ, тогда и наше рожденіе въ мірѣ и наша жизнь въ мірѣ принесутъ радость и счастье людямъ. Аминь.

Христосъ и дѣти.*

Вы слышали сейчасъ, дѣти, священный разсказъ евангелия о томъ, какъ Господь Иисусъ Христосъ любилъ и ласкалъ дѣтей, какъ Онъ Своимъ апостоламъ и всемъ вѣрующимъ указывалъ на дѣтей и повелѣлъ, чтобы и взрослые люди были по вѣрѣ, чистотѣ и незлобію похожи на дѣтей. Что же и мы другое можемъ сказать вамъ послѣ этихъ словъ Христовыхъ? Если и взрослымъ приказано подражать дѣтямъ, то дѣти должны быть самими собою, т.-е. именно дѣтьми какъ можно дольше. Что прилично дѣтямъ? Слушать старшихъ, съ довѣріемъ къ нимъ относиться, учиться, и учиться усердно, быть кроткими, незлобивыми. Дѣти охотно шли къ Иисусу Христу отъ своихъ матерей, любили слушать Его, любили быть съ Нимъ, около Него. Идите и вы ко Христу, слушайте Его слово, будьте поближе къ Нему: вы найдете Иисуса Христа въ церкви, въ молитвѣ, вы услышите Его въ евангеліи и въ из-

* Въ тотъ же день въ станичной школѣ па молеонѣ предъ началомъ ученія.

ученію Закона Божія въ школѣ, вы не только будете вблизи Іисуса Христа, но соединитесь съ Нимъ въ молитвѣ, въ св. таинствахъ, особенно во святомъ причащенніи. Во дни Іисуса Христа, когда къ Нему подходили дѣти, взрослые имъ препятствовали. Теперь, напротивъ, вась и сейчасъ привели ко Христу и будутъ постоянно приводить къ Нему. Если же, чего Боже сохрани, кто изъ взрослыхъ сталъ бы мѣшать вамъ, то и власть церковная, и царская твердо скажетъ имъ такими словами Господа: „Оставьте дѣтей приходить ко Христу и не препятствуйте имъ!“

Вы начинаете ученіе въ праздникъ рожденія Богородицы; о Ней церковная пѣснь воспѣваетъ: Рожденіе Твое, Богородице Дѣво, принесло радость всей вселенной.

Отъ души желаемъ и вамъ, чтобы и ваше рожденіе, которое было такъ недавно, и ваше ученіе принесло только радость вашимъ родителямъ, вашей семье, станицѣ, родинѣ нашей и св. Церкви. Будьте добрыми и хорошими дѣтьми, будьте хорошими и добрыми учениками и товарищами другъ другу; тогда вы будете современемъ хорошими и добрыми людьми и дѣятелями, и принесете радость окружающей жизни.

Благословеніе Господне на вась, Того благодатию и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вѣчнаѧ побѣда вѣры.*

Сія есть побѣда, побѣдившая міръ.—
вѣра наша (1 Іоан. V, 4).

Это слова св. апостола Іоанна,—глубокія вѣковѣчныя слова! Остановимся на нихъ сегодня вниманіемъ и ради ихъ глубокаго смысла, и ради примѣненія къ переживаемому времени, и ради памяти св. апостола, изрѣкшаго ихъ Духомъ Божіимъ.

* Слово въ день св. ап. Іоанна Богослова; сказано 26 септ. въ Іоанно-Богословск. церкви г. Тифліса.

Въ храмъ, посвященномъ его имени, они особенно знаменательны.

Когда были сказаны эти слова? Они были сказаны въ то время, когда христіане переживали дни гоненій и преслѣдований, когда одно название христіанина уже грозило пытками и смертью, когда новорожденная Церковь Христова крестилась огненнымъ крещеніемъ, а міръ, въ которомъ жили и дѣйствовали апостолы, переживалъ глубокій переломъ, весь охваченный борьбою старыхъ началь изъихавшаго язычества съ новыми начальами небеснаго благовѣстія Христова. Тяжелые то были дни и тяжело вспоминать о нихъ! Кровь христіанъ лилась рѣкою, ихъ жизнь и смерть были омрачены всеобщимъ презрѣніемъ, отравлены клеветою и преслѣдованіями. Міръ, о которомъ говорить апостоль въ приведенномъ изреченіи,—подразумѣвавъ подъ этимъ словомъ все враждебное, во злѣ лежащее (1 Іоан. V, 19), противоположное святымъ и чистымъ завѣтамъ Царства Божія на землѣ,—этотъ міръ всѣми своими силами обрушился на христіанство: императоры и правители истязали христіанъ судебными преслѣдованіями, мечомъ воиновъ, ограничительными законами и кровавыми карами; поэты и ученые и устно и въ письменныхъ произведеніяхъ высмѣивали христіанское ученіе, а все это вмѣстѣ взятое разжигало народъ, руководимый жрецами отживающей религіи, разжигало дикую толпу, всегда склонную къ легковѣрію и жестокости; эта толпа измышляла, принимала на вѣру и распространяла самыя нелѣпыя клеветы на христіанъ, влекла ихъ на судилища, бросала въ цирки и театры на позорь, на съѣденіе звѣрямъ, на издѣвательства палачей и тюремщиковъ, на всѣ виды казни. Несчастные въ жизни и несчастные въ смерти,—такъ говорили о христіанахъ язычники.

Но не здѣсь было главное препятствіе для христіанства, для дѣла благовѣстія апостольскаго. Главное препятствіе лежало въ глубинѣ самого духа человѣческаго, въ его грѣховности, въ его склонности ко злу, въ его безсиліи подняться къ свѣту и правдѣ. Какъ поднять общество, погрязшее въ грѣхѣ и порокѣ? Какъ пересоздать его? Какъ среди привычнаго себялюбія, жестокости, грубой чувственности, среди царя-

щаго рабства, насилия и безправія заговорить объ узкомъ пути царства Божія, о чистотѣ, великодушії, любви, самоотреченнії? Какъ въ обществѣ, гдѣ великодушіе считалось слабодушіемъ, а милосердіе—глупостью, проповѣдывать о христіанскомъ смиренії, о любви и жалости къ меньшимъ братямъ? Какъ проповѣдывать, напримѣръ, что блаженныѣ давать, чѣмъ принимать, когда это означало упраздненіе всего строя жизни, ниспроверженіе всѣхъ ея вѣкамъ освященныхъ основъ, за которыми слѣдовало разрушеніе тысячи видовъ благосостоянія, установленныхъ положеній жизни и проч. Вотъ гдѣ была трудность благовѣстія Христова, и естественно, что „миръ“ встрѣтилъ его враждебно и ополчился противъ него ожесточенно.

И все-таки міръ этотъ былъ побѣжденъ. Силу, которая совершила побѣду, и указываетъ св. апостолъ: *Сія есть побѣда, побѣдившая миръ,—вѣра наша.* И до Христа человѣчество знало эту силу, потому что она прирождена существу человѣка, но несомнѣнно, только Спаситель показалъ, какъ велика эта сила и что она можетъ сдѣлать; въ этомъ смыслѣ Онъ какъ бы возсоздалъ и открылъ ее въ человѣкѣ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, тотъ пусть прочитаетъ или прослушаетъ только одну страницу евангелія.

И воистину, святая вѣра явила христіанскимъ всеоружіемъ. Въ личной жизни христіанъ она дала имъ необычайную ясность духа, твердость исповѣданія и жизненнаго оправданія и исполненія Христова евангелія, породила сонмы мучениковъ, украсила для нихъ радостью мучительные часы пытокъ, облегчила, даже облаженствовала самый часъ смертный. Чтобы идти на пытки, на костры, на мученія и смерть не только твердо и спокойно, но съ радостью, для этого нужно было имѣть силу нездѣшняго міра; ее давала вѣра. Въ жизни же Церкви, въ ея безкровной борьбѣ съ налегавшою тьмою язычества, съ языческими тлетворными и грѣховными начальами, вѣра наша, дѣйствительно, явила чудеса побѣды! Она дала силы безсильнымъ, она украсила человѣчество великимъ сонмомъ святыхъ, она пересоздала людскія отношенія; не прошло полныхъ трехъ вѣковъ со дня ея проповѣданія въ мірѣ, какъ гордый міръ склонился предъ нею; отъ хижинъ рабовъ,

отъ подонковъ общества, отъ всего худороднаго и немощнаго, гдѣ на первыхъ порахъ и нашло себѣ послѣдователей евангелие, она проникла во дворъ кесарей, возвѣла на ихъ престолахъ и въ знамени креста Господня остынила, возвеличила и осмыслила вѣнцы и скипетры державныхъ царей. И много-много въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ св. вѣра наша явила знаменій побѣды. Не разъ людскія сердца, охваченные отчаяніемъ, томились пустотою и были близки къ погибели; не разъ общества человѣческія переживали времена разложенія и паденія,—и всякий разъ, если они не забывали вѣры, то и отдельные лица и цѣлые общества въ ней одной находили спасающее начало, возрождались, очищались, становились способными къ новой жизни.

Что сказать о переживаемомъ нами времени? Жизнь личная каждого изъ насъ никогда не свободна отъ горестей, слабостей, паденій, не свободна отъ гнетущаго чувства унынія, туманомъ застилающаго душевный міръ, когда руки опускаются предъ жизнью и дѣятельностью и сердце охватываетъ гнетущее отчаяніе.

Что сказать о жизни общественной? Она усложнилась до чрезвычайности, она вызываетъ на печальныя размышленія. Кажется, что и мы переживаемъ глубокій переломъ. Произошли коренные перемѣны въ отношеніяхъ сословныхъ, рѣзко до неузнаваемости измѣняются матеріальные условия жизни; неспокойно стало кругомъ, многое замутилось; новые ученія, противныя евангелию, проповѣдуются громко и открыто, новые понятія вторгаются въ умы людей и широко распространяются въ мірѣ. Всмотришься, вдумаешься въ нихъ, и видишь: вѣдь это старые знакомцы! Это „належащая мгла языковъ“, о которой упоминается въ сегодняшней церковной пѣсни въ честь апостола; это языческія начала жизни, не издохшія окончательно даже чрезъ двадцать вѣковъ христіанства. Они приняли только иной обликъ, приспособились къ времени, получили только иное название, а по существу остались неизмѣнными. Эта анархія, революція, соціаль-демократія, о которыхъ не хочется даже упоминать въ этомъ священномъ мѣстѣ; эти бунты и попытки насилино сдѣлать общими имущество имущихъ; эти тайныя и

явные убийства, возводимыя въ геройство; это господство капитала и золотого тельца; это учение о необходимости стать виѣ, по ту сторону добра и зла и сдѣлаться сверхчеловѣкомъ, какъ нынѣ приято выражаться; эти насмѣшки надъ жалостью и милосердіемъ и преклоненіе предъ наглою силою и дерзостью зла, преступленія и чувственности, что мы видимъ и читаемъ у современныхъ модныхъ писателей, нерѣдко и открыто проповѣдующихъ о „воскресшихъ богахъ древности“,—все это не иное что, какъ отродившееся язычество, однажды уже показавшее, что оно не въ силахъ благоустроить жизнь людей; все это законы жизни животной, а не людской. По плодамъ ихъ узнаете ихъ (Мате. V, 16). Посмотрите на эти плоды въ современной жизни: вѣсъ поразить разливъ преступленій, дикихъ, ужасающихъ, непонятныхъ по жестокости; вѣсъ испугаетъ приниженіе нравственнаго чувства, при общемъ возвышеніи разсудочныхъ знаній, при умноженіи школъ всякаго рода; вѣсъ изумить наблюданое духовное одичаніе современнаго человѣчества, при всѣхъ видимыхъ успѣхахъ его виѣшней жизни.

Падать ли духомъ и предаваться ли отчаянію при видѣ всего этого? Въ день памяти апостола перенесемся ко времени апостоловъ. Вѣдь они и наши учителя. Выслушаемъ же ихъ бодрющій призывъ и завѣтный урокъ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша.* Что бы ни случилось въ нашей личной жизни, какъ бы ни было тяжко кругомъ нась въ жизни общественной и государственной: будемъ хранить вѣру въ Бога, вѣру въ Его Промыслъ, ведущій людей къ совершенству и счастью, вѣру въ созидательную и животворную силу Христова благовѣстія. Какъ бы ни была темна налегающая мгла язычества, — о, свѣта, даже и самаго незначительнаго, она не задавить, и свѣтъ этотъ изъ искорки всегда можетъ разгорѣться въ яркое пламя при благопріятныхъ условіяхъ! А условія благопріятныя—наша твердость въ вѣрѣ и ея жизненномъ осуществлѣніи. Въ день памяти апостола, при видѣ этого сонма чтушихъ его христіанъ, его учениковъ и послѣдователей, въ этомъ молитвенномъ собраніи да будетъ на устахъ и въ сердцахъ нашихъ и молитва апостольская: *Господи, умножь въ*

насъ вѣру! (Лук. XVII, 5). Ибо знаемъ мы и исповѣдуемъ: побѣда, побѣждающая міръ, во злѣ лежащій, есть вѣра наша! Аминь.

Журналистъ, служитель добра.*

Умеръ труженикъ печатнаго слова, четверть вѣка прослужившій русской журналистики. Не долохъ вѣкъ русскаго литератора: это общеизвѣстный фактъ. Поэтому двадцать пять лѣтъ работы въ области печатнаго слова для нашей русской жизни есть срокъ не малый и во всякомъ случаѣ совершенно достаточный для того, чтобы вполнѣ выяснились направленіе и обликъ литературной дѣятельности писателя, чтобы опредѣлились тѣ залоги высшихъ и свѣтлыхъ чаяній, съ какими естественно приступить къ заупокойной молитвѣ объ умершемъ.

Каковы эти залоги и что они говорять намъ въ настоящія молитвенные минуты?

Какъ рѣчъ умирающаго должна быть правдива и чужда постороннихъ для истины соображеній, такъ и рѣчъ о покойникеъ предъ молитвой о немъ, предъ лицомъ Бога живыхъ и мертвыхъ, пусть будетъ правдива и искренна, пусть будетъ чужда лести и условныхъ похвалъ.

Въ старое, хотя и не очень далекое время, русскіе литераторы были большей частью людьми, особо отмѣченными первомъ Божіимъ: это часто были гиганты мысли, властители думъ, духовные вожди современныхъ имъ поколѣній, люди, одаренные крупными талантами, съ печатью генія, люди, имена которыхъ нерѣдко означали эпоху въ исторіи общественной мысли, въ родной литературѣ. Не таково переживаемое нами время. Въ наши дни крупные писатели слишкомъ рѣдки, въ

* Рѣчь при поминовеніи бывшаго редактора газеты „Кавказъ“ К. Н. Вѣгичева, 22-го октября 1903 года. Покойный состоялъ сотрудникомъ „Дух. Вѣсти.“, поѣзда статиста за подписью К. Б. въ 1901 и 1902 гг.

наши дни, напротивъ, главнымъ образомъ преобладаетъ работа рядовыхъ газетныхъ и журнальныхъ дѣятелей, большою частью незамѣтныхъ и не пользующихся широкою извѣстностью, работающихъ изо дня въ день, пишущихъ о предметахъ обыденныхъ, на темы злободневныя. Можно назвать тысячи тружениковъ, десятками лѣтъ работающихъ первомъ честно и неустанно—и не создавшихъ ни одного крупнаго и яркаго произведения, которое было бы связано съ именемъ автора навѣки.

Покойный не быть крупнымъ и выдающимся писателемъ; онъ принадлежалъ къ послѣднему изъ указанныхъ разряду литературныхъ работниковъ. Что же, умаляеть ли это его работу? Даеть ли кому право отказать ему въ признаніи заслугъ, въ положительной литературной и общественной оцѣнкѣ?

Но помимо высочайшаго и трогательнаго ученія нашего Божественнаго Спасителя о томъ, что каждый изъ насть отвѣтственъ предъ судомъ высшей правды въ мѣру данныхъ ему талантовъ и въ мѣру работы сообразно этимъ талантамъ, помимо этого,—самое занятіе текущею литературою газетною и журнальною, самый трудъ рядовыхъ и простыхъ работниковъ печати, несмотря на кажущуюся и видимую его простоту и незначительность, достойны вниманія и имѣютъ огромное значеніе въ жизни. Литература такого рода—мечъ обоюдоострый. Отмѣтить и заносить на страницы прессы, въ лѣтопись общественной жизни, факты и явленія современности, группировать ихъ, освѣщать, истолковывать—это значитъ каждый день занимать вниманіе читателей и ихъ постепенно воспитывать въ томъ или другомъ міровоззрѣніи. Каждый болѣе или менѣе опытный читатель, каждый потрудившійся газетный работникъ хорошо знаетъ, что значитъ „читать между строкъ“, каждый знаетъ, что иногда умолчаніе о томъ или другомъ фактѣ или явленіи несравненно краснорѣчивѣе, чѣмъ подробное его обсужденіе... И каждый же знаетъ, какую страшную силу общественного созиданія или общественнаго разложенія имѣть такая неуловимая тенденція газеты... Да, здѣсь, не высказываясь прямо и открыто, можно съ равнымъ успѣхомъ служить и началамъ жизни положительнымъ, и началамъ отрицательнымъ, разрушительнымъ.

Поминаемъ усопшаго труженика печатнаго слова, нашего соработника, собрата по органу печати; сегодня и сейчас вдали отъ насъ опускаютъ въ могилу его бездыханное тѣло, а мы, его близкіе, здѣсь, въ духовномъ общеніи съ нимъ, собрались помолиться о немъ Богу живыхъ и мертвыхъ. Что же мы чувствуемъ предъ этою молитвою въ виду только-что сказаннаго нами о значеніи и направленіи печатнаго слова? Какимъ началамъ: положительнымъ или отрицательнымъ служилъ покойный въ своей литературной работѣ? Чему онъ посвящалъ свое перо: созиданію или разрушенію? Подчеркивалъ ли онъ одно зло, замалчивалъ ли добро? Группировалъ ли и освѣщалъ ли факты и явленія жизни въ цѣляхъ озлобленія, смуты умовъ и сердечъ, или съягъ вокругъ себя съмена вѣры, добра, любви, согласія и мира? Отъ того или другого отвѣта на эти вопросы зависятъ наши о немъ чаянія и надежды: изыдеть ли онъ, по слову евангелія, въ воскрешеніе живота, или въ воскрешеніе суда (Іоанн. V, 29).

Мы знали покойнаго, мы читали написанныя имъ строки, мы слѣдили за органами печати, которыми онъ руководилъ. И мы можемъ засвидѣтельствовать предъ лицомъ Бога и людей: онъ служилъ посредствомъ пера добрымъ, положительнымъ началамъ жизни, онъ служилъ русскому церковному и государственному дѣлу въ мѣру силы и разумѣнія, онъ способствовалъ укрѣplenію въ умахъ и сердцахъ завѣтovъ вѣры, повиновенія власти, любви и мира. Въ этомъ залогъ дерзновенія нашей о немъ молитвы и залогъ свѣтлыхъ о немъ надеждъ въ жизни загробной.

Да проститъ его Господь въ вольныхъ и невольныхъ его прегрѣшенияхъ, да покроетъ его Свою милостью, любовнымъ ходатайствомъ Церкви Христовой, молитвами и любовью добрыхъ людей, его присныхъ и знаемыхъ! Миръ его праху и вѣчный покой его доброй душѣ! Аминь.

Вѣра и нѣвѣріе.*

Свѣтъ намъ ярче и дороже послѣ мрака, тепло—послѣ холода, радость жизни и здоровья—послѣ тяжкой болѣзни. Вотъ почему св. Церковь, чтобы ввести насъ въ духъ и смыслъ и въ высокую радость нынѣшняго торжества, какъ въ послѣдніе дни предъ праздникомъ, такъ отчасти и сегодня обращаетъ наше вниманіе на время до рождества Христова, на праотцевъ и отцевъ Ветхаго Завѣта. Она слѣдуетъ въ этомъ наставленію св. апостола Павла, который писалъ современнымъ ему христианамъ: припомнайте себѣ то время, когда вы были безъ Христа (Еф. II, 11—12). Теперь, послѣ того какъ христианство воспитывало человѣчество въ теченіе вѣковъ, когда ясны плоды его въ исторіи міра, еще поучительнѣе будетъ исполнить завѣтъ апостола. Послѣдніе же мудрому водительству Церкви, и въ образахъ священныхъ лицъ—праведниковъ Ветхаго Завѣта, найдемъ для себя источникъ благоговѣйныхъ чувствъ и поучительныхъ размышленій въ нынѣшній праздникъ.

Какой величественный многочисленный сонмъ представляется духовному взору нашему при этихъ воспоминаніяхъ! Сколько разнообразія представляется въ этихъ священныхъ лицахъ, начиная отъ Адама и кончая послѣдними праведниками, жившими непосредственно предъ временемъ рожденія Богочеловѣка! Вникнемъ, однако, въ ихъ духовные образы, присмотримся къ нимъ глубже и внимательнѣе: не найдемъ ли въ этомъ многочисленномъ сонмѣ, во всѣхъ этихъ отцахъ и праотцахъ, чего-то единаго и общаго? Это единое и общее указываетъ намъ св. апостолъ Павелъ въ томъ мѣстѣ своего посланія къ евреямъ, которое, по церковному уставу, предлагается намъ въ літургійномъ апостольскомъ чтеніи послѣдняго предъ праздникомъ воскреснаго дня (Евр. гл. XI-я). Высокимъ воодушевленіемъ, вдохновенно звучить слово его, когда онъ

* Слово въ праздникъ Рождества Христова.

говорить здѣсь о духѣ и основѣ всего Ветхаго Завѣта; образъ за образомъ проходять предъ нами въ его изображеніи эти праотцы и отцы народа богоизбраннаго, и у всѣхъ у нихъ видится одна печать на челѣ, и огненными буквами начертано на ней одно священное слово: *евра*.

Съ тѣхъ поръ, какъ падшему праотцу людей въ чашь скорби и покаянія, въ чашь, когда прошлое отходило отъ него въ свѣтлыхъ, невозвратныхъ воспоминаніяхъ, какъ свѣтлая надежда для неизвѣстнаго и темнаго будущаго, какъ отрада жизни, дано первоевангеліе о Христѣ-Мессіи: съ тѣхъ поръ, все усиливаясь и развиваясь, просвѣтляемая и восполнляемая Божественнымъ Откровеніемъ, пламенная вѣра въ этого Мессію сопровождала древняго человѣка на всѣхъ путяхъ его. Авель, Сиѣ и Ной; Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; Моисей и судьи; благочестивые цари и пророки,—всѣ они жили вѣрою въ грядущее, и среди превратностей жизни, среди всѣхъ ударовъ судьбы, среди всѣхъ несчастій, этого печальнаго наслѣдія грѣха и преступленія, неизмѣнно обращали свои взоры къ тому свѣтлому и великому будущему, въ которомъ имъ видѣлось написаннымъ имя обѣтованнаго Мессіи. Прекрасно и образно представлено это у пророка Исаї: кругомъ нависла надъ человѣчествомъ темная, непроглядная ночь; пророкъ стоитъ на-стражѣ и слышитъ нетерпѣли вѣйвопросъ,—вопросъ томительнаго, напряженнаго ожиданія: *Сторожъ! сколько ночи? Сторожъ! сколько ночи? Сторожъ отвѣчаетъ: еще ночь, но приближается утро...* (Ис. XXI, 11—12). Такъ было съ народомъ, но въ его представителяхъ, въ носителяхъ его вѣры, въ избранникахъ Божіихъ этоо жиданіе Мессіи въполномъ смыслѣ слова и съ особою силою заполняло всю душу, всѣ помыслы, всѣ интересы жизни.

Мессія! Мессія!.. Нужно представить, какимъ огнемъ воодушевленія загорался взоръ Израиля при этомъ благословенномъ имени! Какая жизнь и радость, какой свѣтъ и утѣшеніе наполняли душу при благовѣстіи о Немъ! И въ какихъ только умилительныхъ образахъ не предносилось Божественное Лицо Его взору и чувству Израиля! Языкъ истошался, не находя достаточно словъ и выраженій: Примиритель, Пророкъ, Эмма-

нуиль, Звѣзда оть Іакова, Ангель завѣта, Свѣтъ, Желанный, Обѣтovanный, Царь мира, Богъ крѣпкій, Отець будущаго вѣка... Какъ непрерываемый свѣтлый потокъ, какъ источникъ самыкъ свѣтлыхъ надеждъ, укрѣпля, созида, воспитывая народъ, вѣра въ Мессію сохранила въ подзаконномъ еврейскомъ мірѣ все добров и ко днамъ Новаго Завѣта дала цвѣть и плодъ въ лицѣ Захарія и Елисаветы, Іоакима и Анны, Преблагословенной Дѣвы, Іоанна Предтечи, смиренныхъ пастырей Виаелеема, Симеона и Анны, первыхъ апостоловъ и другихъ благочестивыхъ лицъ, послѣднихъ праведниковъ отходящаго Завѣта Ветхаго, которые въ числѣ первыхъ окружили и встрѣтили вѣрою родившагося Богочеловѣка. Но до этого счастья дожили немногіе; всѣ прочіе отцы и праотцы древности представляются, какъ скорбные образы: *«если они,—говорить апостоль,—умерли въ старѣ, не получивъ обѣтованій (въ исполненіи), а только издали видѣли ихъ и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ»* (Евр. XI, 13). Но изъ глубины временъ, изъ-подъ тягости горя возводили они слезящіяся очи къ Мессіи,—и въ этомъ находили силы жизни и подвига, радость надежды, залоги свѣтлого будущаго.

Братіе христіане! При мысли объ этихъ праведникахъ Ветхаго Завѣта, жившихъ вѣрою въ Мессію грядущаго, не припоминаются ли вамъ слова Мессіи пришедшаго и воплощенаго, сказанныя ко всѣмъ Его послѣдователямъ: *«Ваши блаженны очи, что видѣть, и уши ваши, что слышать. Ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и цари и праведники желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали»* (Ме. XIII, 16—17; ср. Лук. X, 24).

Да, мы явились наслѣдниками пламенныхъ ожиданій древняго Израиля и всего древняго міра! И если вѣра въ Грядущаго преисполняла силами и бодростью и дѣлала радостными странниковъ и пришельцевъ на землѣ, то какою свѣтлою радостью должна исполнить вѣра насть, сыновъ Новаго Завѣта! О, тысячекратно блаженны мы, христіане, сыны Божіи *впрочемъ* о Христѣ Іисусѣ (Гал. III, 26), мы чрезъ вѣру—наслѣдники неба (IV, 7), мы чрезъ вѣру—члены того малаго стада, кото-

рому, нечего страшиться! (Лук. XIII, 32.) Въ вѣкъ, когда мысль человѣческая какъ бы покусилась на самоубійство, потерявъ надежду когда-либо узнать истину, въ вѣкъ, когда філософія послѣ господства цѣлаго ряда ученій, взаимно другъ друга уничтожавшихъ, пришла къ сознанію своего полнаго бессилія,— Иисусъ Христосъ заявилъ, что Онъ на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ (Іоанн. XVIII, 37). Онъ не только объявилъ, что возрожденіе человѣка возможно, но и указалъ, какъ осуществить его; Онъ создалъ нравственную силу, которую мало знать одряхлѣвшій языческій міръ,— силу, которая въ состояніи волновать сердца людей до самой глубины и дѣлать ихъ способными на самые возвышенные подвиги; и эта сила есть *спра*. Ею Христосъ, дѣйствительно, облагодѣтельствовалъ человѣчество; ею Онъ, дѣйствительно, возвратилъ на путь благочестія столько падшихъ людей, что числа ихъ невозможно перечесть. Гдѣ філософія, въ самыхъ высшихъ проявленіяхъ своихъ, никогда не могла создать прочныхъ убѣжденій и, заставляя человѣка мучительно вращаться въ области предположеній, догадокъ и вѣроятностей, осуждала духъ его на вѣчное томленіе,— тамъ вѣра явилаась, какъ возрождающая сила, и миллионамъ людей дала прочную и вѣковѣчную основу мысли и жизни: освѣтила прошлое, осмыслила настоящее, открыла будущее, дала покой и твердость душевнаго настроенія среди тревогъ, страданій и превратностей жизни, объяснила смыслъ самаго страданія, тайну жизни и тайну смерти... Посмотрите и теперь вокругъ себя, бросьте взглядъ на пройденный человѣчествомъ путь: скажите, создалъ ли кто хоть что-либо великое безъ вѣры? Одинъ путешественникъ, которому удалось пройти почти всѣ страны, объѣхать почти всѣ моря, говорить намъ о силѣ вѣры, свойственной даже самымъ дикимъ народамъ: „Съ этою вѣрою негръ находитъ себѣ защиту отъ враговъ; съ нею онъ безстрашно пускается на гнилой доскѣ въ открытое море, уходить въ глубину лѣсовъ, вступаетъ въ неравный бой съ тигромъ и, возвращаясь, ложится подъ открытымъ небомъ. А когда онъ испускаетъ духъ въ когтяхъ звѣря, онъ поднимаетъ взоръ къ небу, ища тамъ примиренія“ (слова Ливингстона). Такъ среди дикихъ. Еще въ

большой степени сила вѣры проявилась и проявляется въ исто-
рии образованного человѣчества. Безъ вѣры религіозной невоз-
можна никакая другая вѣра во что-либо доброе. Но никто безъ
вѣры въ себя, безъ вѣры въ будущее, въ добро, въ человѣ-
чество, въ истину не только не могъ создать какого-либо вели-
каго дѣла, но даже приступить къ нему. Всякій дѣятель
науки и школы, общества и государства, всякий, принимаю-
щийся за самое малое дѣло безъ вѣры, заранѣе осужденъ въ
своей дѣятельности на смерть, на бесплодіе, на полную не-
удачу и отчаяніе. Но тѣмъ и великъ человѣкъ въ ряду тва-
рей земныхъ, тѣмъ и одаренъ онъ превыше всѣхъ, что онъ
можетъ путемъ вѣры восполнить свои знанія и вѣрою пости-
гать образы иного, высшаго, бытія, вещи высшаго, неизримаго и
непостижимаго міра; путемъ вѣры онъ можетъ чужой опытъ
дѣлать собственнымъ достояніемъ и, развиваясь въ этомъ на-
правлениі, никогда не найдетъ предѣла своему духовному ро-
сту и совершенствованію. Лишите его вѣры—и онъ никогда
не поднялся бы изъ состоянія животнаго. Но, повторяемъ, надъ
всѣми видами вѣры стоитъ вѣра религіозная, какъ ихъ основа,
первоисточникъ и оправданіе.

Къ вѣрѣ, къ бодрой, свѣтлой и радостной вѣрѣ призыва-
емъ мы васъ, братіе, въ виду родившагося Спасителя, обно-
вившаго міръ вѣрою, въ виду праотцевъ и отцевъ Ветхаго
Завѣта, спасшихся вѣрою. *Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣп-
ляйтесь!* (Кор. XVI, 13.) Пусть угрюмое и подозрительное не-
вѣріе и разъѣдающее сомнѣніе не омрачаетъ жизни и дѣятель-
ности призванныхъ къ вѣчной жизни! Гдѣ явилось оно, это
роковое невѣріе, тамъ вѣтъ холодомъ могилы: тамъ жизнь
даже при видимомъ блескѣ идетъ назадъ и, выдыхаясь, по-
степенно замираетъ, налагая печать мертвенноти и на все
окружающее; тамъ, лишенное вѣры, выростаетъ дряблое, без-
сильное поколѣніе, съ гниющею сердцевиною, заживо осудив-
шее себя на смерть духовную, а часто и на насильственно-
тѣлесную; тамъ даже тѣ, которые искренно, безкорыстно и увле-
ченно хотятъ сѣять вокругъ себя жизнь, добро и радость, сѣ-
ять смерть и отчаяніе... Пусть въ своихъ немногихъ мрачныхъ
представителяхъ невѣріе вооружается на вѣру: тщетный трудъ,

безумных надежды, напрасныя старанія! Слѣпой кротъ, копающійся въ землѣ, конечно, будетъ увѣрять орла, что нельзя подняться и на вершокъ надъ землею: это не помѣшаетъ орлу взлетѣть высоко-высоко и распустить тамъ могучія крылья...

„Сколько бы ни уклонялись люди отъ благого ига вѣры, сколько бы ни возставалъ противъ него міръ со своими мнѣніями, страстями, соблазнами, враждою: вѣра Христова царствуетъ и будетъ царствовать въ цѣломъ мірѣ, будетъ учить міръ, будетъ управлять міромъ. Она имѣеть сама въ себѣ жизнь Божественную, неистощимую, которая ни въ какое продолженіе времени, ни въ какомъ пространствѣ мѣстъ, ни въ какой борьбѣ съ міромъ изсякнуть не можетъ; она имѣеть въ себѣ Божественное предопределѣніе о судьбахъ міра, котораго никакія усилія человѣческія измѣнить не могутъ... Не послужилъ ли міръ вселенскому распространенію вѣры, когда гналь ее по всей землѣ? Не въ самыя ли бурныя времена, когда міръ въ своихъ лжеученіяхъ, козняхъ, открытыхъ преслѣдованіяхъ истощалъ всѣ усилия, чтобы поколебать вѣру, она достигла наибольшей силы и торжества въ мірѣ?“ ¹⁾).

Да сохранить же насть Господь отъ оскудѣнія вѣры! Къ ней призваны всѣ: не одни знатные, мудрые и сильные міра составляютъ опору ея могущества, но и всѣ сердца простыя, кроткія и смиренныя служатъ ей и, окружая вѣрою Богочеловѣка Христа, составляя изъ себя Церковь Его, устрояютъ на землѣ царство неба, среди людей—царство Бога.

И царствію Его не будетъ конца! Аминь.

¹⁾ См. еп. Иоанна Смоленскаго „Богосл. академич. чтенія“, изд. 1898 года, стр. 138.

1904 г.

Тяжкія предчувствія.*

Услышати имате грани, и съышаніе
бракемъ; зрите, не ужасайтесь: подобаетъ
бо всѣмъ симъ быти.. Будеть бо тогда
скорбы велия, якою же не была отъ на-
чала міра доселѣ.. И аще не быша пре-
кратиліся дніе оны, не бы убо спаслася
всѧка плоть. Иебранныхъ же ради прекра-
тилъ дніе оны (Мате. XXIV, 6, 21—22).

Глубокое раздумье и самыя разнообразныя чувства и пред-
чувствія вызываетъ день нового года у каждого человѣка.
Стоять на грани временъ—прошлаго и неизвѣстнаго будущаго,
приблизиться еще на одинъ годъ къ неизбѣжному умаленію
силъ, а затѣмъ и къ смертному исходу, видѣть въ прошломъ
паденія и ошибки, а въ будущемъ ожидать ихъ послѣдствій и
возмездія,—все это не можетъ не навести насъ на рядъ раз-
мышеній самыхъ глубокихъ и поучительныхъ. И несомнѣнно,
было бы очень назидательнымъ въ нынѣшній день церковное
проповѣдное слово, изъясняющее личныя чувства христіанина
въ виду нового года.

Но при *общественномъ* богослуженіи, но въ этомъ много-
людномъ собраниі представителей государственной власти и
общественныхъ учрежденій, но въ виду переживаемаго нашимъ
отечествомъ тяжкаго и тревожнаго времени, намъ кажется, что
съ высоты церковной каеедры умѣстнѣе нынѣ иное слово,
слово о думахъ и чувствахъ, касающихся не лично каждого

* Слово въ день нового 1904 года. Сказано 1 января 1904 года въ Тифлис-
скомъ военномъ соборѣ, при същественномъ служеніи екзарха Грузіи. Предчувствія, къ
сожалѣнію, оправдались. Война чрезъ мѣсяць была объявлена и оказалася для
Россіи неудачною вслѣдствіе духовнаго паденія и разлада въ русскомъ обществѣ.

изъ насть,—да будеть это предметомъ уединенныхъ и тайныхъ молитвъ нашихъ передъ Богомъ,—а касающихся нашей великой, горячо любимой русской отчизны.

Что готовить и что принесеть тебѣ новый годъ, дорогая родина? Какими думами омрачено твое чено, какими чувствами исполнено твое много испытавшее и много перестрадавшее сердце? Въ тревожныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ встрѣчаешь ты день новолѣтія, и кажется, при видѣ ихъ, будто бы прямо къ тебѣ обращено изреченіе евангельское, которое мы поставили нынѣ во главѣ нашего слова: „Услышите о войнахъ и военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть... И если бы не сократилися тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; избранныхъ же ради прекратятся дни оны“.

Еще разъ великое міровое историческое призваніе Россіи и ея географическое положеніе на рубежѣ востока и запада требуютъ отъ нея страшнаго напряженія силъ и, можетъ-быть, великихъ жертвъ...

Давно, за много вѣковъ до христіанской эры, въ томъ, что называло себя міромъ, вселеною, произошло раздѣленіе; постепенно вырастали, созрѣвали и формировались два начала, два уклада жизни и мысли, и какъ бы два особыхъ и различныхъ міра: Востокъ и Западъ. И давно между ними возгорѣлась и тянется борьба.

Много въ этой борьбѣ было, конечно, мірского, корыстнаго, животнаго, много было низменныхъ желаній обладать и землями, и богатствами; но съ течениемъ времени все болѣе и болѣе открывался въ борьбѣ иной, высшій смыслъ, и она все болѣе и болѣе становилась великимъ ратоборствомъ духовнымъ, ратоборствомъ невѣжества и знанія, дикости и культуры, плоти и духа, животности и человѣчности, язычества и христіанства, мусульманства и христіанства и, въ конечныхъ выводахъ, зла и добра... Впервые съ особенною яркостью передъ нами выступаетъ великое и міровое ратоборство—это въ лицѣ древней Греціи и Персіи, и затѣмъ оно передается желѣзному Риму, наложившему на Востокъ властную руку. Но въ вѣковъ напряженій изжилъ гордый Римъ свои силы, а главное, изгнавъ нравственно, не позналъ—въ христіанствѣ—времени

посвѣщенія своего, раскололся внутреннею борьбою и палъ, успѣвъ, однако, передать великое призваніе свое Риму второму, христіанскому, царственному граду равноапостольнаго Константина.

И снова потянулась борьба Цареграда съ языческой Персіей, потомъ съ мусульманствомъ арабовъ, турокъ и монголовъ. И снова же въ самой Византіи нравственная гниль подточила ея устои... Когда же стала она явно клониться къ упадку и, можно сказать, была уже охвачена предсмертнымъ томлениемъ, Господь воздвигъ и вызвалъ къ міровой исторіи новый народъ—русскій народъ, который и географически, и исторически, преемствую Византіи въ православіи и ея міровомъ призваніи, сталъ на рубежѣ Запада и Востока. Единственное по величинѣ, необычайное, захватывающее духъ, истинно-міровое предназначеніе дано было Россіи: передъ нею разстилались необозримыя равнины восточной Европы и всей Азіи, куда она должна была нести свѣтъ евангелія и блага христіанской культуры; предъ нею чернымъ-чернымъ моремъ зловѣще лежалъ насыщенный злобнымъ и крестоненавистнымъ фанатизмомъ міръ мусульманскій, съ которымъ Россія должна была стать лицомъ къ лицу. Предстояла ей борьба не изъ-за мірскихъ благъ: нужно было отстоять блага духовныя—христіанство и культуру отъ напора дикаго язычества и мусульманства. А въ вѣкахъ отдаленныхъ впереди надлежало Россіи могучею внутреннею духовно-творческою работою создать, такъ-сказать, духовный синтезъ Востока и Запада, какъ примиреніе и сліяніе двухъ началь, столь много взаимно-враждавшихъ; для этого даны ей были средства въ чистомъ христіанствѣ, неповрежденномъ и православномъ, которое она пріяла изъ рукъ Божіихъ, какъ неоцѣненное сокровище, какъ зиждительную и спасительную силу для себя и для всего міра, въ особенностихъ и въ дарованіяхъ славянскаго духа, духа мира, любви и кротости.

Великая предлежала задача, но какъ мало дано было средствъ для ея осуществленія! Новые народы западной Европы сѣли на мѣстахъ вѣковой римской культуры, въ удобныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ; Россія же при-

няла въ наслѣдіе край дикий, съ суровымъ климатомъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, покрытый лѣсами и непроходимыми болотами... Къ глубокому сожалѣнію, культурные центры отстояли отъ нея далеко, а народы Европы, для которыхъ Россія служила передовою крѣпостью и которыхъ она первая защищала отъ нашествія дикихъ полчищъ, никогда не понимали, что имъ и нравственно-обязательно и просто выгодно поддерживать Россію, и вмѣсто помощи воздвигали на нее не разъ грозныя нашествія, не уступавшія нашествіямъ дикарей Азіи. Одинока стояла святая Русь предъ своимъ величимъ призваниемъ, и не было ей помогающаго.

Но воистину, сила Божія въ немощахъ нашихъ совершилась! На зарѣ государственного бытія Россія уже вышла на предлежащій ей подвигъ, когда изъ глубины Азіи поднялись къ западу безчисленныя полчища монголовъ. Вѣками несказанныхъ усилий и страданій отстояла она и спасла Западъ отъ нашествія Востока, свергла иго дикой татарщины. Но оставили вѣка рабства тяжкія послѣдствія въ духовной жизни нашего народа, сдѣлали его нищимъ, выбили его изъ культурной жизни, оставили, какъ изгарь и грязь, послѣ себя дикіе нравы, жестокость, нравственное растрѣніе бездомныхъ бродягъ, беспокойные элементы въ общественной жизни. Все это, какъ гнилая сыпь, высыпало на народномъ тѣлѣ и долго-долго, уже послѣ прекращенія татарскаго ига, пришлось Россіи бороться со своими внутренними недугами, которыми непреминули воспользоваться сосѣди, народы Запада, поляки и шведы, чтобы погубить и поработить Россію.

Однако, благополучно вышла она изъ „смутнаго времени“, поборола и переработала дурные соки въ своемъ народномъ тѣлѣ и, имѣя въ челѣ царственный домъ Романовыхъ, возникла къ новой жизни. Не прекращалась, однако, борьба съ Востокомъ. Съ Петра Великаго предъ нами выросъ мусульманскій міръ Турци и Персіи, а съ Запада—опять обезсилила насть вражда тѣхъ, кого мы же отстаивали грудью. Начались турецкія войны XVIII вѣка, въ которыхъ Россія опять была одинока. А между тѣмъ, отродившееся еще разъ въ западной Европѣ язычество, прикрываясь возрожденіемъ наукъ

и искусство, переходя въ реформацію, чрезъ раціоналізмъ и деізмъ Англії и Франції, породило, наконецъ, въ Европѣ кровавую революцію; она породила отпрыскъ въ лицѣ Наполеона, захватившаго всѣ народы Европы и съ ними двинувшагося на Россію, которая стояла тогда одна оплотомъ вѣры и нравственнаго порядка. И опять сила Божія въ нашихъ немощахъ совершилась, и ею, силою вѣры и упованія, спаслась наша родина... Три раза потомъ, еще вела Россія восточные войны, опять одинокая, опять при явномъ и тайномъ противодѣйствіи Европы.

Минуло четверть вѣка со времени послѣдней войны нашей на Ближнемъ Востокѣ, и вотъ съ Востока Дальніаго, какъ въ вѣка бывы, грозить намъ призракъ новаго нашествія, поднимается зловѣщее желтое облако, какъ кровавое зарево далекаго пожарища, сълышно бряцаніе оружія, несутся злобныя угрозы... Народъ-язычникъ, народъ, вчера еще ничтожный, воспринявшій верхушки виціи культуры Европы, но въ сущности ей глубоко враждебный,—потому что культура Европы въ своихъ внутреннихъ основахъ есть культура христіанская,—народъ этотъ, охваченный самомнѣніемъ и гордынею, дерзко мечтає нынѣ поднять и объединить всю Азію и двинуть на западъ цѣлый міръ... На пути его рокового движенія лежить Россія, оплотъ всемірного мира и спасенія,—Rossія, а не иная какая-либо держава, какъ это изображено на одной картины царственнаго художника въ Европѣ... И снова Россія одинока, и снова въ Европѣ раздѣленіе, и снова тайными и явными путями христіанскіе народы самоубійственно, изъ-за минутныхъ интересовъ текущаго дня, не представляя по близорукости страшнаго назрѣвающаго будущаго, готовы помочь желтому язычнику!

Да, не изъ-за присоединенія той или иной области, не изъ-за расширенія сферы вліянія на ту или иную страну назрѣваетъ и готовится великая борьба. Въ глубочайшихъ основаніяхъ вопросъ долженъ быть поставленъ иначе: вопросъ въ томъ, склониться ли христіанскому міру предъ языческимъ Востокомъ, поступиться ли завѣтами вѣковъ, святыней христіанства, пріобрѣтеніями глубокой внутренней культуры, хри-

стянскимъ нравственнымъ укладомъ, отступиться ли отъ мірового призванія. Уступки могутъ принести лишь временное успокоеніе: онъ потребуютъ новыхъ уступокъ, а къ роковому вопросу въ концѣ-концовъ подойти все-таки нужно...

Впрочемъ, да будеть здѣсь остановлено наше слово. Проповѣдникъ церковный—не политикъ. Будеть ли или не будеть война,—судить и предрѣшать не наше дѣло. Но есть здѣсь область, которой не можетъ не коснуться пастырь Церкви. Мы внимательно читаемъ и слѣдимъ, какъ высчитываются на Дальнемъ Востокѣ силы наши и силы враговъ: число кораблей, количество войскъ, преимущества одной и другой стороны. Долгъ проповѣдника слова Божія въ томъ состоять, чтобы вспомнить и напомнить въ нынѣшній день о другой силѣ, которая единственно дѣлаетъ народы могучими и жизненными. Съ нею народъ и не богатый деньгами и не обладающій огромнымъ войскомъ можетъ оставаться твердымъ, и устойчивымъ, и побѣдоноснымъ; безъ нея не спасаются ни деньги, ни войска, ни умѣлые правители. Силу эту указываетъ намъ слово Божіе; оно говоритъ: *праведность возвышаетъ народъ, а уп-даютъ племена чрезъ грѣхи* (Притч. XVI, 34). Если народъ потерялъ вѣру и духовно опустился, если онъ загнилъ нравственно,—откуда тогда взять воодушевленныхъ вождей, храбрыхъ воиновъ, самоотверженныхъ сыновъ отечества, откуда почерпнуть рѣшимость и радостную готовность терпѣть всѣ невзгоды за родину, приносить всѣ жертвы, не страшиться муки и смерти?

Изумительно могучъ этотъ законъ правды, указанный въ приведенныхъ словахъ священного Писанія. Да, правда дѣлаетъ слабые народы сильными, а грѣхъ и нечестіе могущественныхъ обращаетъ въ ничтожество. Въ Св. Писаніи, въ поученіе вѣкамъ и тысячелѣтіямъ, открыть намъ день паденія одного изъ величайшихъ царствъ древности. Съ дѣтства знакома намъ эта поразительная картина. Пиръ идетъ въ царскомъ дворцѣ: въ упоеніи могущества, славы и богатства, окруженный вельможами, среди всѣхъ видовъ ликующаго порока и безстыдства, безпечно веселится царь Вавилона, того Вавилона, который за жестокое могущество и безпощадную

силу прозванъ быль молотомъ вся земли, а за нечестіе и пороки сталъ нарицательнымъ именемъ разврата, гордыни и всякаго нравственнаго непотребства. Вино льется рѣкою изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ; пьяныя уста глаголютъ мерзости... и вотъ, дошло до кощунства надъ Господомъ-Іеговою. И вдругъ, показались персты незримой десницы и писали на извести стѣны таинственные слова: „мене, текель, пересъ“, которыя, по изъясненію пророка, означали: исчислиль, взвѣсиль, раздѣлиль... Въ ту же ночь царь вавилонскій быль убить, и царство его безповоротно рухнуло.

Не потому ли раздѣленъ быль потомъ и погибъ Римъ первый, погибъ и Римъ второй, не потому ли, что число его, по виду великое, имѣло нравственный вѣсъ слишкомъ легкій?..

Что же сказать теперь намъ о нашей русской дѣйствительности? Въ какомъ нравственномъ всеоружіи мы можемъ встрѣтить испытанія, если Господь пошлетъ ихъ Россіи? Прочны ли наши нравственные силы? Крѣпокъ ли духъ нашего народа? Царство наше стремится ли стать царствомъ Божіимъ? Государственность наша является ли орудіемъ нравственнаго восхожденія народа къ вершинамъ христіанства и вѣчнаго спасенія?

Мрачнымъ пессимизмомъ вѣять со страницъ нашей періодической печати, этого зеркала общественной жизни. Прежде только верхніе слои нашего общества были заражены невѣріемъ и быстро неслись въ какомъ-то безумномъ вихрѣ увлеченій отъ одной крайности къ другой. Чего только, въ самомъ дѣлѣ, пермы не ежили въ области духовно-нравственной за послѣднія десятилѣтія! Какимъ только кумирамъ не поклонялись! Матеріализмъ, дарвинизмъ, борьба за существование, соціализмъ, призывы къ революціи, потомъ—съ легкимъ сердцемъ—непротивлѣніе злу, возрожденіе идеализма, интеллигентное сектантство, агностицизмъ, потомъ опять марксизмъ, экономіческій матеріализмъ, сверхчеловѣчность Ницше, декадентство и, какъ послѣднее страшное знаменіе дней нашихъ, такъ-называемый аморализмъ, полное нравственное идіотство,—цѣлое наводненіе идей и фактovъ, а въ результатѣ: усталость духа и уныніе, беспочвенность и духовная безнomoщность! Но въ

прежнее время по крайней мѣрѣ простой народъ нашъ жилъ вѣтъ этой тревожной жизни: онъ былъ младенцемъ вѣры, послушнымъ сыномъ Церкви; въ вѣковомъ преданіи и въ освященномъ вѣрою строѣ жизни онъ находилъ для себя устои быта и существованія. Нынѣ не то. Худые нравственные соки какъ бы просочились сверху въ народъ, до самаго дна русской жизни, и если въ образованныхъ слояхъ унаслѣдованная воспитанность и умственное развитіе давали хоть какой-нибудь противовѣсь нравственному упадку жизни и предохраняли ее отъ роковыхъ крайностей, то въ народѣ, если онъ развратится, не будетъ и этого сдерживающаго начала. И видимъ мы, въ изображеніи печати: броженіе религіозной мысли въ народѣ, мужицкій нигилизмъ, грубый и беспощадный; боячество и отвратительное хулиганство, развратъ, дурныя болѣзни, паденіе семьи, паденіе авторитетовъ и уваженія къ власти; растущую эпидемію дерзостей, грабежей, уличныхъ оскорблений, необъяснимыхъ убийствъ. Среда даетъ своихъ прорицателей, новыхъ пророковъ Баала и безстыдной Аstartы. И вотъ, предъ нами въ книгахъ современныхъ писателей возглашается проповѣдь, что не нужно бояться грѣха, что разнужданный боясь—господинъ положенія и даже обновитель общественности; предъ нами идеализація разврата и преступленія и возведеніе порока въ признакъ силы и сверхчеловѣчности. Ко всему этому—широко разлитое всюду недовольство, праздность мужика, мотовство; тунеядство, попрошайничанье и обнищаніе; волненія рабочихъ, политическое броженіе въ инородцахъ, революціонная и сепаратистская пропаганда, убийства и кровавыя покушенія на представителей власти. Молодое поколѣніе—носитель надеждъ будущаго... Но оно измельчало даже въ своихъ волненіяхъ и беспорядкахъ, обратившихся въ какую-то диковину и пагубное повѣтря; оно оторвано отъ національного самосознанія, оторвано отъ преданій вѣры. Изъ молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе, нынѣ уже выходятъ бояки и хулиганы. Самъ министръ просвѣщенія еще такъ недавно подтвердилъ фактъ паденія дисциплины и воспитанія даже въ средѣ дѣтей на гимназической скамьѣ.

Такъ изображаетъ нашу дѣйствительность ежедневная

пресса. Мы назвали ее зеркаломъ жизни. Конечно, зеркало часто даетъ неправильно или должно освѣщенныя отображенія.

Все сказанное, взятое нами со страницъ прессы, безъ сомнѣнія, слишкомъ мрачно, слишкомъ преувеличено, часто, можетъ-быть, даже и намѣренно преувеличено, въ дурныхъ цѣляхъ съянія смуты и унынія, изъ ненависти къ русской жизни, ради клеветы на нее.

Но, несомнѣнно, много во всемъ сказанномъ, много и горькой правды. Какъ вопль негодованія, какъ призывъ усугубить вниманіе, воодушевиться въ работѣ, оглянуться, покаяться, исполниться энергіи—вотъ какъ должно звучать теперь слово бытописателя нашей жизни!

Слово же церковнаго проповѣдника опирается на слово Христово. Вы нынѣ его слышали; оно говоритъ намъ: *Зрите, не ужасайтесь; подобаетъ бо вѣмъ симъ быти...* и еще: *избранныхъ же ради прекратятся дніе оны...*

Побольше вѣры и бодрости, побольше избранныхъ! Страшно, если жизнь обращается въ Вавилонъ, но еще страшнѣй потеря вѣры въ себя, но еще страшнѣе уныніе, но пока есть живые люди, пока Богъ даетъ свѣтъ и день, нашъ долгъ—молиться и работать, и опять работать и молиться, поднимать жизнь, исполнять честно долгъ свой, объединяться и неразрывнымъ союзомъ укрѣпляться въ созидательной работѣ, просвѣщать и поднимать духовно массы, хранить вѣрность Церкви и государству. Горе унывающимъ! Горе малодушнымъ! Много язвъ въ нашемъ народномъ организмѣ, но здоровый организмъ, пока онъ здоровъ, выталкиваетъ изъ себя все инородное и вредоносное, заживляетъ и затягиваетъ раны, и часто самыя раны эти и наружные сыпи служатъ признакомъ того, что наружу выходятъ дурные соки, исцѣляя и оздоровляя внутреннюю жизнь тѣла.

И не одни притомъ отрицательныя явленія мы видимъ въ жизни: вѣдь часто переполнены наши храмы, вѣдь нерѣдки примѣры честности и героизма, вѣдь не замолкло твердое и разумное слово, вѣдь не исчезли люди, любящіе родину! Примкнуть нужно къ этимъ положительнымъ теченіямъ вѣры, чести и

права; они живы, они цѣлы въ русской жизни! И тогда живою стѣною богатырей духа, какъ въ оны древніе дни около Кієва, окружимъ мы землю русскую неизмѣримо крѣпче стѣны Китая; и если придутъ на насъ дни испытаній, то дастъ намъ Господь хребетъ нечестивыхъ и невѣрныхъ супостатовъ, побѣдимъ мы этотъ языкъ, безстуденъ лицемъ, по выражению Свящ. Писанія, однимъ путемъ они придутъ на православную Россію и седьмью путями побѣгутъ изъ нея...

Слуги царевы! Народъ Божій! Сыны Россіи! Къ бодрой вѣрѣ, къ одушевленному труду, исполненному надежды, къ подвигамъ горячей любви къ родинѣ, къ подвигамъ долга и чести и безкорыстной службы Россіи, службы до самозабвенія и самоотверженія, призываетъ васъ день новаго грядущаго года, загорающійся нынѣ въ мутныхъ и зловѣщихъ облакахъ. Облако часто прошумить, погрозить и пройдетъ мимо; но и вылившееся въ грозѣ военной и бранной бурѣ пусть оно не заставитъ насъ опустить руки...

Да будетъ же нынѣ, въ день новолѣтія, горяча и одушевленна молитва наша къ Тому, Кто времена и лѣта положилъ во Своей власти и по волѣ Своей вся творить въ силѣ небесной и въ селеніи земнѣмъ: да благословенъ будетъ вѣнецъ новаго лѣта, какъ вѣнецъ благости Господа; да утвердится благословеніе свыше на Державѣ Россійской и ея Вѣнценоснѣмъ Вождѣ; да въ благочестивой Державѣ Его подастъ Господь настырямъ святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе! Ибо избранныхъ ради прекращаются дни печали... Да оградить Господь нашу родину отъ этихъ дней печали, а насъ да научить и да подастъ намъ силы оградить ее живою вѣрою и Божьей правдою, бодрой силою и благословленною, благочестною жизнью! Ибо праведность возвышаетъ народъ, а упадаютъ племена чрезъ грѣхи. Аминь.

Значеніе релігії.*

Всікаго, кто слушает слова мои и исполняет ихъ, уподоблю его мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились реки, и подули вѣтры и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ (Ме. VII, 24—25).

Какъ замутилась жизнь въ наше время! Какъ рѣдки стали нынѣ люди, особенно въ средѣ нашего образованнаго общества, представителей котораго мы сейчасъ и видимъ предъ собою,—какъ рѣдки люди цѣльные, положительные, съ ясною душевною жизнью, съ твердыми убѣжденіями, не потерявши подъ собою духовной почвы, не выбитые изъ душевнаго равновѣсія сомнѣніями, колебаніями!

Блажень, кто домъ души своей построить на камнѣ: онъ устоитъ противъ напора враждебныхъ стихій міра! Его душа не пойдетъ на убыль, не сведется къ страшной роковой пустотѣ, какъ это мы видимъ у многихъ духовно-дряблыхъ сыновъ нашего вѣка, сдѣлавшихся „лишними“ людьми, такъ мѣтко и скорбно изображаемыи въ нашей литературѣ.

Чувствовали ли вы когда-нибудь жгучую тоску по этому блаженству? Испытывали ли вы, послѣ безконечныхъ колебаний духа, когда умъ нашъ бросался отъ одного міровоззрѣнія къ другому, послѣ цѣлаго ряда горькихъ опытовъ и увѣреній въ нашей слабости, въ нашемъполномъ безсиліи избавиться отъ ошибокъ и заблужденій, послѣ самыхъ осознательныхъ доказательствъ того, что истина, открываемая только умомъ человѣка, относительна, что отъ ошибокъ не застрахованы самые выдающіеся мудрецы, что вы подавлены и совершенно не можете разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ и другъ друга уничтожающихъ фактовъ и мнѣній? Испытывали ли вы захватывающую все существо наше, жгучую, какъ мучительная

* Сказано въ 1904 году 27 января при освященіи Николаевскаго собора въ г. Эривани.

жажды, потребность узанять, наконецъ, истину твердую, ясную, опредѣленную, всегда себѣ равную, вѣчную и неизмѣнную? О, я убѣжденъ, что слова мои въ эти минуты находять живой откликъ въ вашихъ душахъ, братіе, что всѣ мы въ духовномъ возрастаніи переживали это смятеніе души, и готовы были не разъ съ воплемъ крѣпкимъ взыывать евангельскимъ словомъ: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!

Если же такъ, то вамъ, конечно, близки, и дороги, и понятны приведенные мною сейчасъ слова Спасителя о мужѣ благоразумномъ, построившемъ домъ свой на камнѣ, на камнѣ вѣры и послушанія,—любовнаго, дѣтскаго, безраздѣльнаго и всецѣлаго послушанія словамъ Христовымъ, т.-е. святой нашей религіи.

Умѣстно остановиться намъ размышеніемъ надъ этимъ предметомъ въ нынѣшній день открытаго торжества нашей религіи, въ день нашего исповѣданія христіанскаго, которое такъ ярко и видимо проявляется въ построеніи и освященіи этого храма¹⁾.

Да, воистину, религія—это самое дорогое сокровище человѣка, его царственный вѣнецъ въ мірѣ, его самая крѣпкая и надежная опора въ жизни. Можетъ-быть, мы, каждый въ отдельности, не всегда достаточно ясно сознаемъ эту истину, зато сознается она и громко исповѣдуется цѣлыми народами, всѣмъ человѣчествомъ, которое съ тѣхъ поръ, какъ помнить себя, постоянно и неизмѣнно, съ удивительной напряженностью неудержимо стремилось къ Богу, служило Ему, строило храмы, воздвигало алтари, приносило жертвы, посвящало Ему все лучшее, искало общенія и единенія съ Нимъ.

Пока мы живемъ малосознательной жизнью, не всматриваясь хорошенько во все окружающее, не подмѣчая связи и не постигая смысла происходящихъ въ мірѣ и человѣчествѣ событий и явлений; пока нашъ ограниченный умъ не остановился въ ясно сознанной немощи предъ какимъ-либо нераразрѣшимымъ вопросомъ мысли или жизни, предъ дѣломъ, превос-

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе—по ст. протоіер. Иванцова-Платонова о значеніи религіи.

ходящимъ наши силы; пока удовлетворяютъ насть мелкіе интересы и привязанности: до тѣхъ поръ значеніе религіи не можетъ представляться человѣку въ надлежащей ясности и полнотѣ. Но кончигся, мелькнетъ, какъ сонъ, наша молодость, пройдутъ дни безпечности, и жизнь обступить насть со всѣхъ сторонъ и понесетъ бурными и мутными волнами. Здѣсь мы переиспытаемъ самыя разнообразныя положенія въ семье и въ обществѣ,—въ богатствѣ и бѣдности, въ славѣ или неизвѣстности; здѣсь переиспытаемъ горе и радости, увлеченія и разочарованія, обаяніе успѣха, тѣжестъ неудачи, горечь несправедливости, возвышенія и паденія,—всю безконечную смѣшнью душевныхъ чувствъ, настроеній и движеній. Здѣсь, говоря образнымъ языкомъ святого евангелія, пойдетъ надъ нами дождь, и разольются рѣки, и подуть вѣтры и устремятся на домъ души нашей. Придется вскрыть смыслъ окружающаго, не довольствуясь вѣнчаною, поверхностною и малосознательной жизнью.

И бываютъ случаи,—болѣе или менѣе у каждого человѣка,—когда рушится обычный ровный порядокъ жизни, когда вѣнчанія и самыя дорогія привязанности разрываются и гибнутъ, когда смерть заглянетъ въ душу и повѣтъ въ ней холодомъ могилы, когда утрачиваются и теряютъ цѣну привычныя радости... Жизнь посыпаетъ человѣку тяжелыя испытанія, вводить его въ такія трудныя столкновенія, представлять ему такія сложныя задачи, предъ которыми человѣкъ явно чувствуетъ всю недостаточность своего ума и полную слабость своихъ силъ.

Но чѣмъ умнѣе, чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ сильнѣе и возвышенѣе по душѣ, тѣмъ больше онъ сознаетъ эту слабость свою, тѣмъ ближе къ смиренію.

Только безнадежная ограниченность можетъ питаться всю жизнь горделивымъ самодовольствомъ.

И вотъ тогда-то чувствуется потребность и необходимость глубже войти въ душу и въ ея сокровенныхъ глубинахъ поискать крѣпкой опоры для мысли и жизни, для сердца и воли,—той опоры, въ которой доселѣ какъ-будто не представлялось особой нужды. И счастье человѣку, если онъ найдетъ

тогда въ душѣ эту опору, свѣтъ и руководство во святой религії: она указываетъ ему путь къ Божеству, даетъ ему правильное отношеніе къ разнообразнымъ явленіямъ жизни, вознося его выше всего земного, и не оставляя человѣка оди-
нокимъ въ мірѣ; она въ своихъ отрадныхъ обѣтованіяхъ и твердыхъ нравственныхъ началахъ даетъ смыслъ и горю и радости, и жизни и смерти. У такого счастливца,—а имъ можетъ быть всякий вѣрующій,—бури не разметаются по частямъ и волны жизни не снесутъ дома его, основанного на камнѣ. Естествоиспытатели говорить, что какъ бы ни волновалось, какъ бы ни бушевало море на поверхности, если оно глубоко, то въ своихъ внутреннихъ, сокровенныхъ драхъ, внизу, на глубинѣ, въ своихъ основахъ оно всегда мирно и спокойно. Это образъ души, имѣющей опору во святой религії. Нѣть этой опоры и глубины—и душу мелкую вѣтры жизни, какъ жалкую лужу, сразу взволнуютъ и всколеблютъ до самаго дна, до послѣдней капли, а холодъ всю ее обратить въ сплюшную мертвую и неподвижную льдину. Въ такой душѣ, въ концѣ-концовъ, окажется все пусто, шатко и смутно, холодно и безпросвѣтно, безъ вѣры; тогда самая жизнь теряетъ смыслъ и цѣну и становится страшною, неразрѣшимою загадкой, тяже-
лымъ бременемъ, невыносимою карою и безмысленнымъ про-
клятиемъ судьбы.

Впрочемъ, да не подумаетъ кто, что религія нужна человѣку только для случаевъ скорби и испытанія... Здѣсь она только замѣтнѣе для наблюдающаго взора и ощущительнѣе для человѣка средняго духовнаго уровня, мало вдумчиваго и не глубоко чувствующаго. Людямъ болѣе глубокимъ и вдумчивымъ ясно видно, что религіей, закономъ вѣры его просвѣтляется и устроется вся жизнь человѣка, возвышаясь на степень жизни существа разумнаго, богоподобнаго, созданного для высшихъ и вѣчныхъ цѣлей. И всякое дѣло человѣка получаетъ больше значенія, когда оно совершается не изъ-за личныхъ только побужденій и временныхъ цѣлей, а ради Бога, ближнихъ и вѣчности. И всякая радость жизни чувствуется и переживается вполнѣ и живѣе и осмысленнѣе, когда человѣкъ принимаетъ ее, не какъ случайную ласку слѣпой судьбы, а какъ знакъ

милости и любви Небеснаго Отца. И всякое горе жизни, всякое испытание и страданіе не только успѣшие преодолѣвается, но, перенесенное съ религіознымъ терпѣніемъ и въ немъ осмыслившее, становится дорогимъ и богатымъ вкладомъ въ душевный капиталъ, и принимается не съ тупымъ, безсильнымъ и ожесточеннымъ озлобленіемъ, а какъ урокъ, поучающій и воспитывающій. И всякое недоумѣніе, всякое сомнѣніе и колебаніе, всякий душевный разладъ легче разрѣшается, когда человѣкъ въ законѣ Бога имѣеть для себя свѣтлое и твердое руководство жизни. „Религію,—говорить одинъ ученый пастырь,—разрѣшаются всѣ глубочайшіе вопросы, всѣ важнѣйшія задачи, всѣ труднѣйшія противорѣчія жизни. Въ ней для человѣка—неисчерпаемый источникъ самыхъ лучшихъ помысловъ, самыхъ высокихъ стремленій, самыхъ отрадныхъ надеждъ, чистыхъ восторговъ, сладкихъ утѣшеній”¹). Отъ дней самыхъ древнихъ и до нашего времени, отъ самыхъ низкихъ ступеней человѣческой жизни до самыхъ вершинъ культуры религія вдохновляла человѣка на все высокое и благородное, и сколько проистекло изъ этого источника самыхъ возвышенныхъ дѣлъ и великихъ подвиговъ,—что этого никому пересчитать и представить невозможно: это необъятное море добра, невмѣстимое въ напѣ разумъ! Не даромъ же столько великихъ умовъ и сердецъ и столько талантовъ въ обширной области зодчества, живописи, ваянія, музыки, поэзіи, литературы и науки, во всѣхъ высшихъ и прекраснѣйшихъ сферахъ чисто-человѣческой жизни посвятили себя служенію религіи!

Не о томъ ли проповѣдуетъ и этотъ прекрасный храмъ?

Но самое главное, въ религіи—для человѣка не только свѣтъ, освѣщающій темные пути жизни, но вмѣстѣ и сила,—живая, и крѣпкая, надежная сила, незамѣнимая помощь, восполненіе немощи нашей для дѣланія добра, для побѣды надъ слабостью и раздвоеніемъ внутри настѣ и надъ искушающими зломъ въ настѣ, для правильнаго выполненія жизненныхъ задачъ, для достиженія высшихъ цѣлей существованія. „Потому-то съ нею не только сильные духомъ, ве-

¹) Протоіерей Иванцовъ-Платоновъ.

лике умомъ и особенно избранныя личности, но и слабые, самые простые и обыкновенные люди становятся способными къ подвигамъ мужества, терпѣнія, воздержанія, самообладанія, любви и самоотверженія". Скажемъ больше: подобно тому, какъ ребенокъ при яркомъ дневномъ свѣтѣ гораздо лучше видить и различаетъ дорогу, чѣмъ взрослый темной ночью, такъ при свѣтѣ вѣры христіанской простой человѣкъ лучше и безошибочнѣе постигаетъ смыслъ и путь жизни, чѣмъ велико-ученый, но невѣрующій мудрецъ. Поэтому-то все лучшее въ жизни даетъ религія,—и сама наука, и сама культура, о которыхъ мы такъ много читаемъ и говоримъ, постольку цѣнны и истинно-человѣчны, поскольку онѣ религіозны. Нѣть самаго незначительнаго уголка жизни, гдѣ бы ни свѣтилъ свѣтъ религіи; ею освящаются и устроются всѣ важнѣйшія наши отношенія: личныя, семейныя, общественныя и всякия другія. И если хотите, есть только одна проблема во всей міровой исторіи, и одинъ только узелъ всей человѣческой жизни: вѣра и невѣріе и борьба между ними... И если хотите, весь захватывающій вопросъ о счастьи человѣческой жизни и ея лучшемъ устроеніи, весь цокается на одномъ пунктѣ: служеніе религіи, или удаленіе отъ нея... Религія, истинная, живая религія, въ которой съ сердечнымъ стремленіемъ къ Богу соединяется исполненіе воли Его, съ разумнымъ пониманіемъ жизненныхъ обязанностей соединяется живое и искреннее выполненіе ихъ,—такая религія даетъ человѣку и человѣчеству лучшихъ отцовъ и матерей, лучшихъ дѣтей, братьевъ и сестеръ, лучшихъ мужей и женъ, начальниковъ и подчиненныхъ, гражданъ и правителей, лучшихъ благороднѣйшихъ и безкорыстныхъ начинателей и совершателей всякаго дѣла. Такіе люди крѣпки, такіе люди надежны и они, только они и могутъ быть названы въ истинномъ смыслѣ положительными дѣятелями и созидателями въ великой семье человѣчества.

Нужно ли говорить, что только религія и дѣлаетъ человѣчество этою семьей?

Нужно ли говорить, что она неизмѣримо и несравненно крѣпче всякихъ другихъ связей объединяетъ людей между собою?

Нужно ли напоминать, что она нужна для духовной жизни народа такъ же, какъ известная территорія для его жизни физической?

Нужно ли говорить, что необходимость этого единенія нигдѣ такъ не чувствуется нами, какъ вдали, на окраинѣ, посреди враждебныхъ къ намъ замысловъ и настроеній?

Нужно ли говорить, что вамъ, возлюбленные, здѣсь особенно нужно это объединеніе въ вѣрѣ, любви и надеждѣ подъ священною сѣнью этого храма?

И нужно ли, наконецъ, дѣлать выводы и указывать вамъ уроки изъ всего сейчасъ нами сказаннаго?

Но они и безъ нашего слова сами собою всѣмъ слышимы и всѣмъ понятны... Аминь.

У словія побѣды.*

Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми
человѣки миръ имѣйте (Римл. ХІІ, 18).

Святая Русь всѣми силами и всѣми зависящими отъ нея мѣрами и средствами старалась исполнить заповѣдь о мирѣ. Объ этомъ вслухъ Россіи и вслухъ всего міра съ такимъ достоинствомъ и сознаніемъ нравственной правоты Россіи возвѣщаетъ нынѣ манифестъ Государя Императора.

Долго и терпѣливо русское правительство вело переговоры съ языческой Японіей; не разъ оскорблено было при этомъ достоинство Россіи, какъ великой державы, и тономъ и притязаніями Японіи, вторгавшейся въ чуждую ей область и въ державные права нашего отечества. Христіанская Россія явила міру языческому высокій образъ поведенія истинно-достойнаго, истинно-христіанскаго, образъ терпѣнія, благородной сдержанности и

* Слово по случаю объявленія Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Японіей; сказано въ Тифлісскомъ военномъ соборѣ 29 января 1904 года, при священнослуженіи экзарха Грузіи.

миролюбія. Еще такъ недавно, когда уже видно было, что враги наши теряютъ терпѣніе и съ трудомъ сдерживаютъ охватившее ихъ кровавое безуміе, Государь Императоръ въ новогоднемъ поздравлениі войскамъ Дальняго Востока выразилъ имъ привѣтъ Свой пожеланіемъ и благословеніемъ мира.

Исторія, безъ сомнѣнія, въ будущемъ оцѣнить и прославить это миролюбіе Россіи, и Господь Правосудный, вѣруемъ, воздастъ ей благословеніемъ.

Но и въ настоящее время отечество наше въ народной душѣ и совѣсти имѣетъ полное право чувствовать поднимающее духъ нашъ нравственное удовлетвореніе, а въ грядущемъ кровавомъ столкновеніи двухъ народовъ, двухъ религій, культуры и расъ—имѣетъ за собою всѣ права на нравственное превимущество и предъ судомъ Высшей Правды, и предъ лицомъ всего человѣчества.

Аще возможно, еже отъ насть, мы хранили миръ. Не мы жаждали крови, не мы начали брань. Врагъ первый внесъ огонь и мечъ въ наши предѣлы, врагъ ищетъ нашего достоинія. Врагъ нашъ въ способѣ веденія переговоровъ и войны презрѣлъ не только всѣ высшіе нравственные и Божескіе законы, но посмѣялся и надъ всѣми человѣческими договорами и условіями, надъ всѣмъ, что называется и чтится у людей образованныхъ и во всемъ мірѣ, какъ общепризнанное международное право. Съ неслыханною дерзостью Японія прервала дипломатическія сношенія съ великой державой безъ всякаго повода, не дождавшись даже отвѣта на ея предложенія, какъ бы опасаясь, что ея лишать повода къ войнѣ. Съ неслыханнымъ, чисто-языческимъ коварствомъ, которое знали только кровожадные варвары, да и то давнихъ временъ, не въ честномъ бою, а изъ-за угла и предательски она напала на мирныхъ еще суда и крѣпость нашу, не объявивши войны, не сказавши даже по-язычески честно: „иду на васъ“,—чтобы этимъ недостойнымъ путемъ коварства предвосхитить успѣхъ браны.

Итакъ, на начинающаго Богъ! Господь мира и Господь браны да благословитъ успѣхомъ правое оружіе наше!

Но война есть великое испытаніе и великая школа не для одного воинства. За войскомъ стоитъ Царь и правительство, а

за правительстvомъ—весь народъ. Только въполномъ ихъ согласіи и полномъ единеніи—залогъ успѣха; только въ общемъ высокомъ и всезахватывающемъ патріотическомъ подъемѣ всей страны побужденіе воинству на подвиги и жертвы. И смерть, и страданія приметъ воинъ беатрепетно, и умретъ съ геройскою рѣшимостью и даже съ радостью, когда онъ знаетъ, что позади благословить его подвигъ и смерть и молитвою проводить родимая святая Церковь, что оцѣнить его и прославить и поблагодарить мать—дорогая, святая отчизна!

Пусть же всколыхнется вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, высокимъ и святымъ воодушевленіемъ, какъ въ оны дни, когда бывало раздавался на Руси кличъ Мининъхъ: „Заложимъ, если нужно, женъ и дѣтей!“ Пусть понесутся къ престолу Государя выраженія горячей преданности и вѣрноподданства и беззавѣтной готовности всѣхъ стать на защиту родины и за славу ея! Пусть полются обильно, рѣкой широкою пусть полются жертвы на народное дѣло. Пусть пастыри усугубятъ молитвы и обратятъ къ пасомымъ громкій гласть призыва къ подвигамъ и жертвамъ; пусть труженики слова—писатели, мыслители, поэты,—всѣ духовные вожди народа, пусть всѣ, всѣ объединятся въ сознаніи опасности, угрожающей Россіи, и постараются создать на всемъ протяженіи великой земли русской могучее, единодушное и крѣпкое непоколебимымъ патріотизмомъ общественное мнѣніе!

Господь и зло обращаетъ въ орудіе добра; пусть же ниспосланное намъ испытаніе сплотить и соединить насъ, всѣхъ сыновъ Россіи, всѣхъ безъ различія центра и окраинъ, званій и состояній, мѣстъ и положеній въ государстvѣ! Вотъ случай засвидѣтельствовать о вѣрности Царю и царству, вотъ случай показать, что горе и раны великой нашей родины отзываются въ сердцѣ нашемъ, какъ наши собственные, вотъ случай и побужденіе слиться всѣмъ воедино въ святомъ братствѣ и святомъ воодушевленіи!

За крестъ! За Русь! За родину! И за Царя! Аминь.

Воинамъ напутствіе на бранный подвигъ.*

Господъ разрушаетъ совѣты язычниковъ, уничтожаетъ помыслы народовъ. Блаженъ народъ, у которого Господъ есть Богъ,—племя, которое Окъ избралъ въ наслѣдіе Себѣ. Съ небесъ призираетъ Господъ, видѣть всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Псал. 32; 10—13).

О, призри съ небесъ, призри съ небесъ, Господи, на народъ нашъ Святорусскій, который Ты избралъ въ наслѣдіе Себѣ! Разруши, Господи, совѣты язычниковъ, уничтожь враждебные на насть помыслы народовъ!

Да, братіе, безъ малаго полная тысяча лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ, какъ наша Русская земля стала христіанскою, православною и сдѣлалась наслѣдіемъ Божіимъ. Тысячу лѣтъ народъ нашъ почитаетъ Крестъ святой и грудью защищаетъ его отъ невѣрныхъ. Сколько крови пролилъ онъ въ защиту Креста, сколько воинъ онъ велъ за вѣру Христову, сколько выказалъ безграничнаго мужества, сколько жертвъ самыхъ тяжкихъ принесъ онъ на это великое и святое дѣло!

И Господъ благословилъ наше царство: разрослось оно больше всѣхъ другихъ царствъ на свѣтѣ. Долго и тяжко строилось оно слезами, трудомъ, великими подвигами и многою молитвой, и стало теперь сильнѣе всѣхъ государствъ въ мірѣ. Позавидовали Россіи далекіе язычники, кланяющіеся идоламъ; позавидовали и другіе народы и стали втайнѣ помогать невѣрнымъ; захотѣли они ослабить наше царство, отнять у насть наше достояніе, отнять то, что нами приобрѣтено трудами и кровью. Боятся они святой Руси: знаютъ, что она вездѣ и всегда стоитъ за правду! Ненавидятъ они Россію за ея силу и величіе. А пуще всего ненавидятъ они Христа, нашего Спа-

* Рѣчъ при отправленіи войскъ съ Кавказа на Дальний Востокъ на поле бранн. Сказана 2 февраля 1904 г. при священномъ служеніи экзарха Грузіи.

сителя, и честной Крестъ Его, и воть почему ополчились теперь язычники со всею злобою на крещеное царство наше. Похваляются они теперь на весь свѣтъ извести нашу родину, побить наше воинство, а сами, между тѣмъ, коварно, обманомъ, не объявивши войны, въ глухую полночь, какъ воры, напали на насть на Дальнемъ Востокѣ. Видно, честнаго-то бою испугались...

Туда теперь отправляетесь вы, братья, грудью постоять за Крестъ и вѣру православную, защитить честь и славу Царя и родины.

Итакъ, славная кавказская армія не осталась въ сторонѣ отъ завязавшейся борьбы христіанства и язычества, и вы, братья, въ числѣ первыхъ ея представителей, идете на правую брань. Завидная ваша доля! Всѣ кавказскія войска готовы были бы принять эту долю, всѣ они рвутся на Дальній Востокъ; слышно, иѣть добровольцевъ и охотниковъ: всѣ до одного горятъ готовностью идти на бой съ врагами.

Идите же, славные кавказцы, на брань; идите и помните, что отъ Чернаго моря до Каспія, отъ всѣхъ Кавказскихъ горъ, отъ ущелій и пропастей, отъ неприступныхъ скаль и твердынь, отъ заоблачныхъ высей, отъ прежнихъ грозныхъ крѣпостей, покоренныхъ здѣсь нѣкогда силою русскаго оружія,—изъ всѣхъ уголковъ Кавказа, отовсюду несутся къ вамъ и провожаютъ вѣтъ дальний путь преданья бессмертной, немеркнущей славы русскаго воинства! Здѣсь, на Кавказѣ, въ оны дни, еще недавніе русскіе воины на каждомъ клочкѣ земли явили чудеса неустршимости и побѣдоносно сражались за Крестъ Иисуса Христа, за святую Русь, рядомъ со многими доблестными сыновами Кавказа, здѣшними уроженцами; могучими орлами взлетали они на высокія горы и недоступныя твердыни, не зная устали, не вѣдая страха, не считаясь съ препятствіями. И пока стоять и высятся горы Кавказа, не замолкнетъ и не померкнетъ ихъ громкая слава! Здѣсь они совершили такие богатырскіе подвиги, которыемъ открыто и искренно удивлялись сами враги наши и которые теперь могутъ казаться сказочными и невѣроятными. Здѣсь герои кавказскіе, одушевленные любовью къ Церкви и родинѣ, шли всегда не на сраженіе, а на вѣрную побѣду; здѣсь именно не любопытство-

вали знать „сколько враговъ?“ а только объ одномъ спрашивали: „гдѣ враги?“

Вотъ каковы ваши воинскіе здѣсь предки, дорогіе братья! Постарайтесь же вы быть ихъ достойными! Тамъ, на дальнихъ моряхъ и горахъ, не посрамите сѣйдѣи славы кавказской арміи; покажите ее вашимъ братьямъ, боевымъ товарищамъ, которыхъ вы тамъ встрѣтите, и покажите и врагамъ-язычникамъ. Пусть помнятъ и долго не забудутъ.

Идите смѣло, друзья и братья! Идите, твердые и безстрашные, на грядущее испытаніе, и знайте одно, что вамъ предстоить и назначено или побѣдить, или умереть: другого выхода не знали славные русскіе воины.

Идите и помните, что вы защищаете Христа Спасителя и Его Церковь святую, она—мать ваша; она крестила васъ, она духовно васъ питала; она дала вамъ святую вѣру, учила жить праведно, прощала грѣхи; Тѣломъ и Кровью Христовой васъ питала въ жизнь вѣчную; она молилась о васъ и будеть вѣчно молиться за живыхъ и умершихъ. За нее отъ руки язычниковъ умирали съ радостью и славятся вѣчною славою безчисленные святые мученики. Не страшны за нее смерть и мученія и для русскаго человѣка!

Вспомните же, родимые, въ минуту боя, въ страшный часъ испытанія, вспомните Христа и Крестъ Его и Его Церковь! Вспомните Царя-Батюшку, утѣште Его скорбное теперь сердце; вспомните, дорогіе, ваши села и деревни, мирныя поля, родимыя семьи, престарѣлыхъ дѣдовъ, отцовъ и матерей, женъ, дѣтей, родныхъ и знакомыхъ: не отдайте ихъ, братцы, въ обиду и разореніе врагамъ-язычникамъ! Предъ вами слово Евангелія: „*больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*“... (Іоаннъ XV, 13). Вспомните, братцы, наши дорогія святыни, наши обители, чудотворныя иконы, мощи святыхъ, гробы преподобныхъ угодниковъ,—небесныхъ заступниковъ земли русской; вспомните ваши родимыя храмы, дорогія могилы вашихъ покойниковъ: они ждуть, чтобы вы защитили ихъ отъ оскверненія и поруганія невѣрныхъ враговъ.

Вспомните, милые, всю Россія, всю великую Россію! Рус-

ские люди будуть слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, будуть чувствовать всю радость вашихъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ; будуть вездѣ—въ городахъ, въ деревняхъ, въ шумныхъ собраніяхъ, въ тихихъ бесѣдахъ, будуть вездѣ съ гордостью рассказывать о вашей храбрости, будутъ радоваться вашему геройству... И хотя бы о вашемъ подвигѣ мы услышали или прочитали только два-три слова: „умерли-моль смертью храбрыхъ столько-то человѣкъ въ бою“, и тогда слава ваша велика предъ Богомъ и родиной. Что честный предъ Господомъ, что для сердца радостнѣй, какъ сложить головушку за родимый край и знать, что наградой за смерть и за подвиги, за кончину храбрую ждетъ насть свѣтлый рай!

Идите, идите свѣтло и мужественно на подвигъ и возвращайтесь назадъ, дорогіе наши друзья и братья; возвращайтесь назадъ увѣячанные славой, благословеніемъ Церкви, любовью Царя и благодарностью Россіи! Возвращайтесь и возвѣстите родинѣ и всему миру, что *сказа Господь спасеніе Свое, предъ языки откры правду Свою.*

Идите, осѣнивъ себя съ вѣрой и упованіемъ крестнымъ знаменіемъ: Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Аминь.

Борецъ за русское дѣло на Кавказѣ.*

Не въ первый разъ совершается въ Тифлісѣ общественная заупокойная молитва о безвременно почившемъ Василіи Львовичѣ Величко: добрый и отрадный знакъ. Если бы это было только обыкновеннымъ проявлениемъ любви человѣка къ чело-

* Рѣчь при поминовеніи В. Л. Величко на панихидѣ, отслуженной членами Закавказскаго Общества исполненіемъ русскимъ переселенцамъ совмѣстно съ членами Тифлісскаго отдѣла Императорскаго Общества въ память Императора Александра III-го, 8 февраля 1904 г.

въку, разрѣшившій въ молитву, то и въ такомъ случаѣ наше собраніе утѣшало бы сердце, какъ наглядное доказательство живущихъ въ нась добрыхъ человѣческихъ и христіанскихъ чувствъ.

Но мы видимъ сейчасъ гораздо большее. Вѣдь многіе изъ присутствующихъ здѣсь совсѣмъ не знали покойнаго, или знали очень мало, какъ человѣка и знакомаго. Очевидно, предъ нами побужденія къ молитвѣ и выраженію сочувствія къ почившему Василію Львовичу инымъ... Мы видимъ здѣсь любовь и сочувствіе къ тому дѣлу, которое онъ поставилъ себѣ задачею жизни и которому служилъ всѣми силами своей богато одаренной души. Мнѣ не нужно называть это дѣло и подробно говорить о немъ; вы вѣдь его знаете: это—русское дѣло, народное, государственное русское дѣло въ широкомъ смыслѣ этого слова,—не война только, не вѣшняя защита Россіи отъ враговъ, а тяжкая, продолжительная внутренняя работа лучшихъ сыновъ Россіи, имѣющая цѣлью слить и спаять духовно съ Россіею то, что приобрѣтено ею путемъ вѣшнихъ войнъ. Не легко въ наши дни выражать этому дѣлу даже простое сочувствіе; такъ много у него враговъ, враговъ злобныхъ и рѣшительныхъ, дѣйствующихъ тайно и явно. Да, такъ много у него враговъ, что даже открытыя молитвенныя собранія для поминовенія покойнаго служителя русского дѣла не безопасны въ смыслѣ возможности беззровнаго, конечно, преслѣдованія за нихъ, давленія и осужденія со стороны сознательныхъ или безсознательныхъ враговъ русского дѣла. Можно судить по этому, какъ тяжка и часто до трагизма тяжка была самая работа покойнаго Василія Львовича. Къ этому прибавить нужно и то, что Богъ привелъ ему служить своей задачѣ въ нашемъ краѣ, гдѣ нѣть старыхъ культурныхъ преданій; гдѣ относительно неразборчивости въ средствахъ борьбы дальше идти некуда; гдѣ минувшіе вѣка рабства, крови, мусульманскихъ наслій, несправдія, подкуповъ, измѣнъ, убийствъ и предательства ввели въ обиходъ жизни и какъ бы узаконили въ сознаніи всѣ орудія и способы сведенія счетовъ съ неугодными и неудобными людьми...

Сколько обвиненій печатныхъ и устныхъ сыпалось на не-

го, и какихъ только прослѣдований не пришлось ему переиспытать! Воистину, съ точки зрењія враговъ русскаго дѣла, у Василія Львовича не мало было грѣховъ смертныхъ и незамолимыхъ. Къ счастью, друзья его и друзья русскаго дѣла могутъ называть эти грѣхи съ чувствомъ любви къ покойному и законной гордости, какъ лучшую похвалу поминаемому писателю и дѣятелю въ минуты заупокойнаго о немъ моленія. Въ чемъ же его вины?

Онъ былъ виноватъ за то, что былъ отмѣченъ печатью высокаго ума и богатыхъ, выдающихся дарованій, и ко всему этому горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея мощь и свѣтлое будущее. Да, въ этомъ отношеніи въ немъ какъ бы воплотились чувства и доблести его предковъ, изъ которыхъ одинъ, дѣятель временъ гетманской Украины, Самуилъ Величко, состоя въ высокомъ званіи, при извѣстномъ Мазепѣ, не согласился быть единомысленнымъ измѣннику и остался твердымъ въ вѣрности Россіи, обнаруживъ и какъ бы завѣщавъ своимъ потомкамъ высокій государственный смыслъ.

Василій Львовичъ виноватъ былъ, далѣе, за то, что считалъ Кавказъ, залитый русской кровью и русскими деньгами, неотъемлемою частью великаго нашего царства. Да, онъ громко и смѣло говорилъ, что политическое и государственное сліяніе Кавказа съ Россіей должно быть поставлено и проведено твердо и неуклонно.

Онъ былъ виноватъ за то, что громко исповѣдывалъ и дѣломъ доказывалъ и проводилъ въ жизнь тѣ задачи, которыми служить прекрасный кружокъ русскихъ людей, нынѣ совершающій это заупокойное моленіе о своемъ членѣ-учредителе и самомъ горячемъ работнику. Да, онъ утверждалъ, что на Кавказѣ и для русскаго человѣка должно быть мѣсто. Онъ былъ виноватъ, больше всего виноватъ за то, что такъ былъ непохожъ на многихъ рядовыхъ сыновъ нашего народа, лѣнивыхъ, беспечныхъ и недальновидныхъ, которые начинаютъ сознавать опасность и убѣждаться въ дѣйствительномъ ея существованіи лишь тогда, когда она принимаетъ огромные размѣры и притомъ внешняго характера, въ родѣ войны; которые, по мудрому присловью народному, лишь тогда перекре-

стятся, когда грянет громъ: Василій Львовичъ силою творческаго ума, скажемъ болѣе—силою поэтическаго прозрѣнія умѣль прovidѣть опасность въ то время, когда она еще назрѣвала въ еле замѣтныхъ теченіяхъ мысли и смутныхъ настроеніяхъ; онъ предчувствоvalъ ее, когда она проходила въ области фактовъ и явленій обыденной жизни, повидимому, спокойной и тихой или чуть-чуть колеблющейся, какъ почва на вулканѣ...

Передергивать и преувеличивать можно все,—и вотъ, русскій государственный смыслъ у Василія Львовича объявлялся преслѣдованіемъ и травлею народностей, русское самосознаніе—узкимъ и корыстолюбивымъ национализмомъ и т. д.

Но онъ быль страстнымъ, рѣзкимъ; онъ ошибался..., кричали его обвинители. Да, умоляя о милосердіи къ нему Высшую Правду, мы не можемъ быть неправдивыми. Признаемъ и сознаемъ: онъ быль страстнымъ и горячимъ человѣкомъ. Но онъ самъ мѣтко отвѣтилъ на это обвиненіе ровно четыре года тому назадъ въ эти самые дни: дѣло его было таково, что его нельзя было вести съ безоблачнымъ человѣкомъ. И почему же, скажите, не осуждается громко, а молчаливо обходится дикая и животная страстьность не слова, а самаго дѣла у враговъ Россіи,—страстность, доходящая до кинжала и крови, до наглой клеветы, низкихъ подкуповъ и тайныхъ убийствъ, а защитникамъ русскаго дѣла не прощается даже страсть слова? Развѣ только потому, что оно слишкомъ правдиво и что правда глаза колетъ?

Онъ часто ошибался... Да, онъ быль человѣкъ и ошибался. Говорять, что онъ видѣлъ не всю опасность, а только часть ея; говорять, что онъ быль одностороннимъ, что иногда въ борьбѣ онъ не различалъ своихъ отъ чужихъ, друзей считалъ врагами и враговъ его дѣла—друзьями... Что же? Можетъ-быть, онъ не всегда могъ прозрѣть въ козни сатаны, который, по слову Писанія, иногда преобразуется въ образъ ангела свѣтла и въ видѣ близкаго и друга можетъ явиться, чтобы удобнѣе и коварнѣе раздѣлить ряды единомышленниковъ около знаменоносца...

Но вѣдь все это временно, все это такъ мелко и ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлать покойный. Но вѣдь не

ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но вѣдь ошибка, какъ свойство несовершенной природы человѣка, ошибка искрення, добросовѣтная не заграждаетъ человѣку дверей въ царство Божіе.

А Василій Львовичъ былъ человѣкомъ и работникомъ убѣжденнымъ и искреннимъ. Это доказалъ онъ и принятymi добровольно страданіями, и принесенными жертвами.

Онъ не продалъ своего первородства, хотя въ наше времѧ, не какъ въ древніе дни, конечно, заплатили бы ему за это не чечевичною похлебкою, а гораздо дороже,—многими благами, вещественными и невещественными... О, если бы онъ служилъ иному знамени: не знать бы онъ тогда ни клеветы, ни ожесточенной травли, не подвергался бы онъ столь частымъ оскорблѣніямъ, не сдѣлалъ бы онъ своего имени столь пререкаемымъ, не горѣть бы онъ въ первомъ возбужденіи ежеминутно, не надорвалъ бы прежде времени своего могучаго организма... Но и помимо этого, вѣдь онъ могъ прельститься и другими, въ сущности невинными перспективами счастья: онъ имѣлъ полную возможность, пользуясь материальною обеспеченностю состоятельнаго помѣщика, посвятить свой досугъ и свои, безспорно, недюжинныя дарованія спокойной работѣ въ области художественнаго творчества; могъ бы составить себѣ имя и могъ быть въ числѣ не послѣднихъ писателей времени. Но онъ пожертвовалъ всѣмъ этимъ родинѣ; онъ видѣлъ и зналъ, что тревожно переживаемое времѧ, что нравственно невозможно теперь удалиться въ область чистаго художества; что нужно смѣлое и горячее слово любви къ отечеству; что отъ писателя требуется теперь больше вниманія къ потребностямъ и реальнымъ интересамъ русской жизни. И вотъ, онъ сошелъ въ могилу, не оставивъ вѣкамъ своего имени, какъ крупнаго писателя, не оставивъ по себѣ замѣтнаго и выдающагося произведенія... Величіе этой жертвы, скажемъ больше,—трагизмъ этой жертвы дано понять и оцѣнить далеко не всякому...

Но своему времени онъ послужилъ въ полноту силъ! Онъ служилъ проясненію русскаго самосознанія; онъ служилъ укрѣпленію въ жизни здоровыхъ и положительныхъ началь вѣры,

патріотизма, церковности и здоровой государственности; онъ былъ зоркимъ стражемъ интересовъ своего народа. Онъ служилъ Богу и родинѣ, главнымъ образомъ словомъ, своимъ вдохновеннымъ русскимъ словомъ. Но *у писателя слова—это его дѣла*. А дѣла человѣка, по увѣренію слова Божія, идуть вслѣдъ за нимъ по ту сторону гроба. И въ этомъ—наша отрада въ переживаемыя нами теперь молитвенные минуты, въ этомъ увѣренность и твердый залогъ загробныхъ о немъ чаяній.

Простять ему и люди его ошибки и заблужденія; время сгладить ихъ и смягчить, будущее предасть ихъ забвению, какъ нѣчто несущественное и случайное въ его личности и дѣятельности, и вмѣстѣ съ признаніемъ правды его идей сохранить за нимъ его заслуги, оцѣнить его благородную любовь къ Россіи и вѣру въ нее, его ревность, горячность, его труды, страданія и жертвы за русское дѣло. А Господь милосерднѣй людей... О, если люди простятъ, то Господь будетъ ему болѣе милостивымъ Судію!

Помолимся же Ему, да подастъ Онъ благодатный миръ и покой настрадавшейся душѣ почившаго, да укроетъ его милостью и прощеніемъ грѣховъ. Мы же, взглазшая Василію Львовичу вѣчную память, будемъ помнить, что лучшій знакъ любви къ нему—служеніе его дѣлу. Слава Богу, покойный не былъ одинокъ: это молитвенное собраніе наше, и притомъ не первое, служить яснымъ тому доказательствомъ. Пусть же сознаніе понесенной утраты вызоветъ только любовь къ почившему, благодарность къ нему и молитву о немъ, но никакъ уныніе. Елисей нѣкогда просилъ Илію: *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ*. И хотя просьба эта показалась самому пророку преувеличеною, но Господь исполнилъ ее ради необходимости воздѣйствія на современниковъ Елисея, которые слишкомъ удалились отъ пути истины и требовали чрезвычайныхъ проявлений пророческаго дара и слова для своего вразумленія.

Живъ Господь; вчера и днесъ Онъ Той же и во вѣки! Будемъ призывать и просить всею горячностью молитвы и всею любовью сердецъ нашихъ, да не оскудѣютъ въ нашемъ наро-

дѣ „мужи желаній“, подобные поминаемому нынѣ рабу Божию Василію,—смѣлые духовные борцы за правду русскую: они нужны намъ не менѣе, чѣмъ герои-храбрецы на полѣ брани; будемъ просить, да не замолкнетъ среди насъ твердое и разумное русское слово; да ширится и растетъ русское дѣло и „придетъ все въ достоинство“; да будетъ духъ покойнаго,—духъ самоотверженной любви къ родинѣ и служенія ей, сугубъ во многихъ и множайшихъ сынахъ нашей родины! Чу, мы слышимъ ихъ клики геройскіе на Дальнемъ Востокѣ!.. Въ этой доброй и свѣтлой надеждѣ вмѣстѣ съ нами да возрадуется и утѣшится нынѣ почившая въ Богѣ душа покойнаго! Аминь.

Вѣрный слуга Россіи на Кавказѣ.*

Гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ, десница Господня сотворила силу! (Псал. 117, 15).

Не наше только время раздѣлило и въ горѣ и радости жилища праведниковъ и жилища нечестивцевъ, и не на одну только какую-либо область жизни простирается это раздѣленіе. Съ тѣхъ поръ какъ только помнить себя человѣчество, оно въ своихъ горячихъ желаніяхъ устроить жизнь свою по начальамъ высшей правды, неистребимымъ въ духовной его природѣ, стремилось, по врожденному инстинкту общественности, къ созданію организацій, сообществъ,—будетъ ли это семья, родъ, племя, будетъ ли это, наконецъ, въ высшихъ проявленіяхъ истинно-человѣческой жизни, государство и церковь. Тяжкимъ, неустаннымъ тысячелѣтнимъ трудомъ и напряженіемъ всѣхъ силъ, усилиями и самопожертвованіемъ благород-

* Голосъ православнаго пастыря и гражданина по случаю покушенія на убийство Главноначальствующаго на Кавказѣ князя Г. С. Голицына и избавленія его отъ смертельной опасности весною 1904 года.

нейшихъ представителей человѣчества созидались и возрастили эти общества и организаціи, для церковнаго же устроенія оказались недостаточными силы человѣческія, и явлены силы высшія, Божественные.

Въ тяжкомъ трудѣ своеемъ самые благородные, самые одухотворенные дѣятели и государственного и церковнаго строенія всегда встречали препятствія, идущія изъ жилищъ нечестивцевъ: сынамъ тьмы нестерпимъ былъ яркій свѣтъ, ночнымъ хищникамъ ненавистенъ былъ свѣтлый день, служителямъ зла, смуты и беспорядка чуялась гибель въ торжествѣ добра: Отсюда борьба ихъ противъ представителей государства и Церкви,—борьба неразборчивая въ средствахъ, кровавая, безпощадная и преступная, тѣмъ болѣе озлобленная, чѣмъ болѣе на глазахъ нечестивцевъ укрѣплялись положительныя начала общественнаго строенія, чѣмъ болѣе стѣсненною становилась злая воля служителей тьмы. И вотъ, всегда такъ случалось, что герои и труженики изъ жилищъ праведниковъ почитались врагами въ жилищахъ нечестивцевъ и обрекались на смерть, злодѣи же, убійцы и разбойники въ преступныхъ сообществахъ возвеличивались, прославлялись и объявлялись героями. Естественно поэтому, что когда раздавался „глазъ радости и спасенія въ жилищахъ праведныхъ“, въ темныхъ подпольяхъ нечестивцевъ воцарялись сатанинскія злобы и уныніе.

Кто побѣждалъ въ этой борьбѣ: сыны свѣта или сыны тьмы?

Побѣда, какъ всегда и во всемъ, зависѣла отъ того, на чьей сторонѣ было больше воодушевленія и единства, больше сплоченности, идеиной любви къ дѣлу, готовой жертвовать личнымъ благомъ во имя блага общественнаго, готовой трудиться, лишаться, бороться изо всѣхъ силъ. А на сторонѣ добра, ко всему этому вѣримъ мы глубоко, была всегда готова и помочь Божественная: она не подается людямъ насилию, но, приемлемая въ доброй волѣ вѣрою и любовью, призывающая молитвой и смиреніемъ, она являла въ мірѣ чудеса побѣды и всегда посыпала гласъ радости и спасенія въ жилища праведныхъ. Если же наслѣдники и потомки оказывались недостойными своихъ предковъ, передавшихъ имъ тысячелѣтними трудами блага общественныхъ

установленій, хотя бы и Богомъ освященныхъ; если они предавались нравственной спячкѣ и апатіи, теряли единеніе, ревность, воодушевленіе и готовность съ самоотверженною любовью трудиться для блага общественнаго: тогда и Господь, послѣ вразумленій и напоминаній свыше, то грозныхъ и устрашающихъ, то милующихъ и спасительныхъ, попускалъ торжествовать злу, ибо не въ свойствахъ Всеправеднаго и Премудраго спасать насилино. Тогда, къ позору народа, кучка злодѣевъ иногда овладѣвала государственнымъ строеніемъ, наводила кровавыми преступленіями ужасъ на его сыновъ, погруженныхъ въ спячку и привыкшихъ къ бездѣятельности, подавляла въ нихъ силу,—и государство гибло, въ назиданіе и устрашеніе вѣкамъ и поколѣніямъ. Не станемъ ссылаться на примѣры исторіи человѣчества; они людямъ образованнымъ и безъ нашихъ словъ понятны и памятны.

Служителю Церкви естественно обратиться къ исторіи библейской, къ исторіи народа богоизбраннаго, который хоть на короткое время явилъ миру образъ совершенѣйшаго правленія и устройства общественнаго, такъ-называемой теократіи, въ истинномъ, широкомъ и высшемъ значеніи этого понятія. Когда человѣческое начало жизни всецѣло проникаетъ начало Божественное въ ихъ взаимодѣйствіи, когда человѣческое общество добровольно является средою для Божественного откровенія и всецѣлаго Божественнаго водительства,—тогда самое государство получаетъ нравственное оправданіе своего бытія и высшій смыслъ существованія: оно представляетъ собой не военный станъ, живущій и дышащій насилиемъ, не собраніе лицъ, связанныхъ взаимными выгодами, и не вѣщнеполицейское установление, а союзъ людей, какъ нравственно-разумныхъ существъ, руководимыхъ Богомъ въ земныхъ условіяхъ къ высшимъ и духовнымъ задачамъ своего существованія. Это—идеаль жизніи человѣческой, идеальъ богоправленія, въ земныхъ условіяхъ только предназначаемый и намѣчаемый и имѣющій обратить царство Божіе на землѣ въ вѣчное царство Божіе на небѣ.

Предъ нами царь Давидъ, царь—избранникъ Божій и избранникъ сердца народнаго. Въ тяжкую годину народной

жизни пришлось ему насаждать въ ней начала богоуправлениі, и много-много жертвъ и страданій пришлось ему перенести на этомъ пути: были всмущенія неразумной части подданныхъ, были измѣны и предательства—печальное наслѣдіе старого рабства; были оскорблениія со стороны такихъ лицъ, которыхъ были обязаны ему одною благодарностью. Не разъ смерть стояла надъ его головою, не разъ только бѣгство спасало ему жизнь. И вотъ, въ одну изъ минутъ счастливѣйшихъ, когда мимо него пронеслась чаша смертная, когда все существо его было охвачено радостью только-что спасенной жизни, изъ устъ его излился дивный, вдохновенный псаломъ благодаренія Господу.

„Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Израилевъ: Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажетъ нынѣ домъ Аароновъ (священство Израилево): Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Да скажутъ нынѣ всѣ боящіеся Господа: Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его. Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу, и услышала мя мілость моя. И на пространное мѣсто вывелъ мя Господь. Враги окружили мя... обступили мя, какъ пчелы (соты), и угасли, какъ огонь въ тернѣ. Сильно толкнули мя, чтобы я упалъ, но Господь поддержалъ мя. Господь—сила моя и спасеніе мое; Онъ содѣлался моимъ спасеніемъ. Гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ: десница Господня сотворила силу!“ (Псал. 117, 1—15).

Такъ ликовалъ Давидъ, такъ славилъ чудо своего спасенія. Но зреюще чудесное видимъ мы и вокругъ Давида; весь домъ Израилевъ, и домъ Аароновъ, и всѣ боящіеся Господа вмѣстѣ съ нимъ славили Бога и окружили любовью и сочувствіемъ Давида, какъ представителя общаго святого и высокаго, всѣмъ дорогого дѣла государственного и общественнаго строенія. Слѣдствіемъ было то, что царство крѣпло и возрастало, и не только Давидъ видѣлъ дни славы его и процвѣтанія, но и преемнику завѣщалъ его въ полномъ благоустройствѣ.

Въ наши дни, на нашихъ глазахъ десница Господня нынѣ сотворила силу. Видимъ и мы, что и нашъ домъ Израилевъ,

и домъ Аароновъ и всѣ боящіеся Господа славять Его милость; слышимъ и мы общий гласъ радости и спасенія въ жилищахъ праведниковъ. Только въ жилищахъ нечестивцевъ, въ средѣ сыновъ тьмы и служителей зла и смути могутъ нынѣ царствовать молчаніе и злобное уныніе... Именно въ этомъ гласъ радованія или въ уныломъ молчаніи—теперь пробный камень и вѣрный показатель, гдѣ сыны свѣта и гдѣ исчадія тьмы.

Слава Богу! Это общее сочувствіе къ главному начальнику края, это участіе въ его страданіи, эта радость за его спасеніе, эти поздравленія отовсюду по священному зову Самого Монарха, эти молитвы по всему краю о чудесно спасеніи отъ смерти князь Григорій Сергѣевичъ,—все это—добрый знакъ. И самъ князь съ полнымъ правомъ можетъ повторить и применить къ себѣ приведенные нами слова благодарнаго псалма Давида. Да, окружили его враги съ злобнымъ желаніемъ его смерти, обстушили его, какъ пчелы съ смертоносными жалами, и угасли, какъ огонь въ кустахъ терновника. Сильно толкнули его, чтобъ онъ палъ: но Господня десница сотворила силу! Дѣйствительно, кровь холодѣетъ, негодованіе и ужасъ охватываютъ всякаго, у кого не погасла послѣдняя искра порядочности, при мысли о совершившемся злодѣйскомъ покушеніи на жизнь представителя Верховной Власти на Кавказѣ. Какова дерзость и какова низость! Каково предательство и коварство Гудино—вонзить кинжалъ вслѣдъ за привѣтливымъ поклономъ! Сколько здѣсь характернаго для злодѣевъ и для ихъ тайныхъ вдохновителей! И на кого же поднялась адская злоба? И за что на него обрушилась? Что сдѣлала лично князь такого, что достойно кроваваго возмездія, чѣмъ озлобилъ злодѣевъ? Что сдѣлала, чѣмъ заслужила это горе, это страшное потрясеніе князіна? Семь лѣтъ передъ нашими глазами князь Григорій Сергѣевичъ стоитъ во главѣ управлѣнія краемъ, семь лѣтъ мы видимъ его жизнь, его дѣятельность и можемъ сказать съ полнымъ правомъ и полною увѣренностью: у него не можетъ быть личныхъ враговъ. Вставая каждый день до восхода солнца, вступая въ свой рабочій день раньше послѣдняго простолюдина, трудясь не покладая руки, невзирая на седьмой десятокъ лѣтъ, отказывая себѣ часто въ необходимомъ

отдыхъ и покоѣ, князь Григорій Сергѣевичъ жиль и живеть только для Россіи. Съ истинно-княжескою щедростью онъ съ княгинею Марией Феодоровной широко благотворить и материально, отпуская безъ счета жертвы и пособія и частнымъ лицамъ на ихъ нужды, и церквамъ, и общественнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Благодарность и признательность должны возрасти вокругъ княжеской четы, а не личная злоба. Злодѣи, покушавшіеся на князя, и не только тѣ, которые явились, быть-можеть, слѣпымъ орудіемъ сатанинской злобы и уже пожали достойное наказаніе на мѣстѣ преступленія, но и тѣ, что стояли за ихъ спинами, быть-можеть, съ монетами, похожими на сребренники народныхъ „первосвященниковъ“ Аны и Каїафы,—это не личные враги князя, *a враги Россіи!*

Князь Григорій Сергѣевичъ явился на Кавказъ въ предшествіи громкой славы человѣка государственного, человѣка испытанной твердости и преданности престолу, безстрашнаго, прямого и рѣшительнаго. Право и предъ Богомъ и людьми русское дѣло на Кавказъ,—въ странѣ, омытой трудовымъ потомъ и кровью русскихъ людей, утучненной ихъ жертвами и костями, усыпанной русскимъ золотомъ. И князь прямо и открыто и безстрашно вступилъ на служеніе этому правому дѣлу. Русское дѣло не ищетъ здѣсь захватовъ, не ищетъ чьего-либо порабощенія, не ищетъ подавленія того, что дорого всякому народу,—его вѣры, его языка и духовнаго строя; обвиненія въ этомъ, всегда завѣдомо ложныя, создаются и распространяются только служителями лжи и смуты изъ своекорыстныхъ видовъ. Но и по Божескимъ, и по человѣческимъ законамъ, государственное и политическое сияніе съ Россіей этого края, купленного столь дорогою цѣною, должно быть возвѣщено и поставлено твердо и неуклонно, какъ того требуютъ величие и мощь, нравственная правота Россіи и польза самого много-племеннаго Кавказа. Здѣсь все должно быть исполнено справедливости, которой тысячелѣтіями не вѣдалъ этотъ край, терзаемый хищниками; здѣсь всѣмъ народностямъ должна быть оказана равноправность предъ лицомъ Вѣнценоснаго Вождя Россіи и предъ лицомъ закона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ должны служить Россіи: нѣтъ племени, нѣтъ и не можетъ быть

сословія, каково бы оно ни было, которое могло бы требовать однихъ правъ и отказывалось бы отъ обязанностей. Это основной законъ справедливости и въ личныхъ отношеніяхъ людей, и въ государственномъ строені. И такъ именно строилась Русь, и если кто принесъ больше всего жертвъ на это строеніе, то именно русскій народъ: Церковь русская ради такого строенія поступилась патріаршествомъ, и многими древними особенностями своего строя, и огромными имуществами, которые въ свое время охватывали чуть не половину всей великой русской земли и которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя отстанивать ни съ евангеліемъ и канонами св. отецъ въ рукахъ, ни тѣмъ болѣе съ мечомъ, ибо мечъ Господь повелѣть апостолу вложить въ ножны; дворянство русское ради того же государственного строенія оставляло покойныя мѣста жизни и обращалось въ служилый классъ, послыаемый во всѣ концы Россіи; крестьянство наше, это геройское сословіе, великое въ своемъ трудѣ и смиреніи, ради государственной крѣпости себя безропотно закрѣпостило и пожертвовало свободою; купечество русское несло тяготы и подати нерѣдко въ то время, какъ иностранные и инородческие, въ томъ числѣ и кавказскіе купцы, были отъ нихъ свободны. И когда этими общими жертвами всѣхъ сословій возвеличилось русское царство, возросло и стало могучимъ, тогда потянулись къ нему подъ покровъ и защиту отъ сѣвера и запада, юга и востока другія племена, потянулся и Кавказъ съ его многочисленными народностями, надъ которыми по отношенію къ Россіи совершилось евангельское слово: ини трудишася, вы же въ трудъ ихъ внидосте... т.-е. воспользовались плодами ихъ трудовъ. Исторія міровая на всемъ протяженіи вѣковъ не знаетъ государства или народа, который относился бы къ другимъ племенамъ съ такимъ великодушіемъ, самоотверженіемъ, самоотреченіемъ, какъ это мы видимъ въ отношеніяхъ Россіи къ Кавказу ¹⁾. Чрезъ сто

¹⁾ Упомянемъ, напримѣръ, хотя бы за послѣднія 100 лѣтъ такие факты, какъ отпускъ извѣстному А. С. Грибоѣдову полумилліона червонцевъ на переселеніе армянъ въ Россію изъ персидскаго Азербайджана, отпускъ казенныхъ денегъ на тѣ же предметы при Паскевичѣ-Эриванскомъ генералу Лазареву, или уплата денегъ родителямъ изъ туземцевъ Кавказа за то, что они обучали своихъ дѣтей въ открытыхъ на русскія казенные деньги учплицахъ.

льть безпримѣрныхъ жертвъ на пользу Кавказской окраины Россія была въ правѣ предъ Богомъ и людьми заговорить здѣсь и о своихъ законныхъ государственныхъ интересахъ, которые доселѣ нерѣдко великодушно приносились въ жертву интересамъ мѣстнымъ.

Время для этого назрѣло, дѣло говорило само за себя. Появленіе во главѣ управлѣнія краемъ князя Григорія Сер-гѣевича было встрѣчено общими надеждами на то, что русскіе государственные интересы не останутся забыты и будутъ по-ставлены на началахъ полной справедливости.

Дѣйствительность вполнѣ оправдала эти надежды. Не время теперь дѣлать всестороннюю оцѣнку дѣятельности князя, но можно сказать съ полною вѣрнѣстю, что будущій историкъ нашего края отмѣтить за время управлѣнія Кавказомъ кн. Г. С. Голицына не одинъ актъ высокой государственной важности.

Но Кавказъ еще недавно, сравнительно, находится подъ благотворнымъ правлѣніемъ Россіи. Раньше Россіи здѣсь вѣками господствовалъ произволъ Турціи и Персіи, истощали край взаимныя распри мелкихъ правителей, освященъ былъ въ народныхъ представленіяхъ разбой, царило безправіе и рабство. Но рабство и господство права сильного одинаково развращаютъ и раба и господина. На этой почвѣ безправія и отсутствія законной власти, постоянныхъ смѣнъ правлѣнія и правителей и питалась вѣками склонность къ измѣнамъ, интригамъ и предательству, необходимымъ спутникамъ рабства. И вотъ, когда во всей странѣ воцарились теперь миръ и покой подъ сѣнью крылъ русскаго орла, когда племена Кавказа въ огромной массѣ остаются и возрастаютъ въ чувствахъ глубокой преданности Россіи, благодѣяній которой нельзя не цѣнить, какъ нельзя не замѣчать свѣта и солнца,—кое-гдѣ и иногда, какъ отзвукъ старыхъ болѣзней, проявляется разбойничья склонность воспользоваться одними правами и выгодами русскаго управлѣнія и уклониться отъ обязанностей, необходимо лежащихъ на всякомъ вѣрноподдан-номъ, проявляется желаніе помышлять русскому государственному дѣлу и дикая месть его представителямъ за то или другое законное требованіе правительства.

Отсюда—и покушение на убийство князя Григория Сергеевича, отведенное рукою Господа. Повторяемъ, враги князя—враги Россіи; онъ пострадалъ, какъ русскій государственный человѣкъ, за русское дѣло на Кавказѣ.

Что же слѣдуетъ изъ этого?

Отрадно, что столь трогательно и единодушно несутся отовсюду свидѣтельства о сочувствіи князю, вездѣ возносятся благодарныя молитвы за его спасеніе. Но этого мало. Мало отнестись къ князю, какъ къ личности, какъ къ пострадавшему человѣку. Необходимо и не словомъ, а самымъ дѣломъ выразить и проявить сочувствіе ему, какъ государственному человѣку, какъ носителю государственныхъ начальствъ и интересовъ на нашей окраинѣ. Это нашъ стыдъ, нашъ позоръ, что среди насть совершилось такое ужасное дѣло, какъ покушеніе на жизнь начальника края, представителя Русскаго Царя! Нужно намъ подняться въ воодушевлѣніи, нужно противопоставить кучкѣ озлобленныхъ злодѣевъ, враговъ Россіи, спокойное, но могучее общее настроеніе,—такое, при которомъ враги Россіи почувствовали бы себя безсильными, беспочвенными, одинокими и презираемыми и изгibли бы, какъ туманъ, какъ легкій иней предъ теплыми лучами солнца. Нужно смѣлое слово на устахъ, нужно крѣпкое содружество, крѣпкое и идейное единеніе всѣхъ положительныхъ элементовъ жизни. Нужно окружить государственную власть и уваженіемъ, и сочувствіемъ, и общую готовностью содѣйствовать ей въ исполненіи ею тяжкой работы на окраинѣ. Злодѣи хотятъ наполнить страну кровью, ужасомъ и терроромъ. Позоръ и стыдъ тѣмъ, кто на совершающіяся события и на попытку замутить жизнь государственную будетъ смотрѣть съ малодушiemъ, боязливымъ молчаніемъ или легкомысліемъ и безпечностью, или только съ преступнымъ любопытствомъ, какъ на какую-то потѣху!

Пусть, по выражению псалма, весь домъ нашего новаго Израиля, и домъ Аарона, и всѣ боящіеся Господа соединятся теперь вмѣстѣ въ одномъ гласѣ радости и спасенія и осужденія злодѣямъ: тогда жилища праведниковъ будутъ исполнены дѣятельной работы, а жилища нечестивцевъ да будутъ пусты!

Мы должны ясно сознать и твердо исповѣдать правоту русского государственного дѣла на Кавказѣ, мы должны крѣпко вѣрить, что въ Россіи всегда найдутся на всѣхъ поприщахъ жизни дѣятели, подобные князю Григорію Сергеевичу, которыхъ *ни подавить, ни закупить, ни запугать невозможно* въ исполненіи ими государственного долга и патріотическихъ задачъ.

Дай Богъ каждому изъ нась въ своей области быть такимъ дѣятелемъ! Дай Богъ скораго выздоровленія князю Григорію Сергеевичу, давшему намъ въ трудѣ и крѣпкомъ стояніи за дѣло государево доблестный примѣръ, и явившемуся исповѣдникомъ русского дѣла на Кавказѣ! Да пошлетъ ему Господь скорое избавленіе отъ недуга и много лѣтъ крѣпости духа и тѣла на служеніе дорогой и богохранимой Россіи! Аминь.

Блудные сыны нашего времени.*

Грустную исторію разсказываетъ намъ слышанная сегодня за литургіей въ евангеліи притча о блудномъ сыне. Сынъ любимый, сынъ младшій сталъ тяготиться жизнью у любящаго отца и зависимостью отъ него, возвсталъ противъ его власти, не пожалѣль его сѣдинъ, не пощадилъ его сердце, не одѣнилъ его любовь; дерзко и съ безстыдствомъ онъ потребовалъ у отца *свою часть имѣнія*, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ ѿ владѣль по праву, *возвѣчталь о свободѣ*—и ушелъ на страну далече за призракомъ счастья и свободы, оставивъ

* Слово въ недѣлю о блудномъ сыне; сказано въ февралѣ 1904 г. въ Тифл. Сионск. соборѣ.

отца въ горѣ, въ слезахъ и уныні. И что же? Вмѣсто счастья и довольства—у него голодъ и лишеніе; вмѣсто радости—горе; вмѣсто свободы—грызъ, а въ заключеніе рабство; вмѣсто желанного возвышенія и мнимой самостоятельности—рядъ униженій и, наконецъ, уподобленіе свиньямъ. Грустная исторія эта, впрочемъ, кончается утѣшеніемъ: въ себя пришелъ несчастный, раскаялся, возвратился къ отцу, искренно смирился—и принять былъ снова въ отеческій домъ.

Братіе! Не слышите ли вы и въ наши дни воплей нынѣшнихъ отцовъ и горькихъ слезъ и стоновъ матерей чуть ли не по всему лицу земли нашей? Это нынѣшніе блудные сыны внесли слезы и горе въ нѣдра семьи! Посмотрите на нихъ, на этихъ современныхъ блудныхъ сыновъ, особенно въ нашемъ образованномъ обществѣ; ихъ дерзость и безстыдство, воистину, превысили всякую мѣру. Живутъ ли они дома въ семьѣ: ихъ тяготить, не говоримъ уже—надзоръ или руководство, нѣть, тяготить ихъ самое существованіе старшихъ и сожительство съ ними; учатся ли они: имъ не нравятся правила и порядки школы; на службѣ ли они или на какой-либо работе: для нихъ тяжко и обидно всякое подчиненіе, невыносимо всякое сторонннее руководство.

Чего же они хотятъ? Какъ евангельскій младшій блудный сынъ, и они хотятъ свободы, смышивая ее съ необузданнѣмъ произволомъ; о свободѣ они печатаются, о ней всюду проповѣдуютъ. И вотъ, во имя этой свободы мысли и жизни для себя, они требуютъ, чтобы старшіе, родные и близкіе отказались отъ своей свободы; чтобы эти послѣдніе жили и дѣйствовали не по своей волѣ, а по волѣ и указкѣ младшихъ и дѣтей; чтобы зрѣлые и опытные люди уступили имъ, юнымъ, мѣсто въ обществѣ и государствѣ; чтобы юноши правили царствомъ; чтобы учителя и воспитатели учились у учениковъ и ихъ слушали; чтобы школою управляли не наставники, а наставляемые; чтобы вообще въ жизни, въ службѣ, въ семьѣ и въ школѣ всѣ отказались отъ своей свободы и взорѣній ради свободы подростковъ и юныхъ преобразователей семейнаго, школьнаго, общественнаго и государственнаго строя.

Но вѣдь, скажете, есть же мѣры воздействиа, вразумленія,

наконецъ, и наказаний! Такъ подсказываетъ здравый смыслъ. Но здравый смыслъ оставляетъ нашихъ блудныхъ сыновъ, какъ оставилъ и евангельского блудного сына. Воздѣйствій, вразумленій и наказаний они не признаютъ, потому что они—враги всякаго „насилія“. И вотъ, чтобы не было надъ ними этого насилия, они сами употребляютъ насилие рѣшительно по отношению ко всемъ, кто съ ними не согласенъ: къ родителямъ, бросая ихъ, оскорбляя и признавая съ ними одну связь, по которой родители должны присыпать дѣтямъ на жизнь и содержаніе деньги; къ начальникамъ, издѣваясь надъ ихъ распоряженіями и доходя въ безуміи до кровавыхъ покушеній и убийствъ министровъ; къ учителямъ, запугивая ихъ шумными волненіями на урокахъ и всякими угрозами и оскорблѣніями; наконецъ, къ собственнымъ товарищамъ, подавляя ихъ волю и разумъ стачками, угрозою позорнаго изгнанія изъ своей среды и безславія, а то и физическимъ воздѣйствіемъ. И слышимъ каждый годъ, и читаемъ съ грустью: тамъ волненія молодежи, тамъ прекращеніе занятій, закрытіе учебныхъ заведеній. Кругомъ столько работы, жизнь не останавливается, а требуетъ умныхъ, образованныхъ тружениковъ, взываетъ къ молодому поколѣнію,—но что до этого блудныхъ сыновъ? Имъ нужна только пресловутая свобода. Для нея можно осквернить и храмъ Божій; для нея можно кричать и волноваться изъ-за того или другого устава школы въ то время, когда кругомъ миллионы родного народа голодаютъ; для нея можно поднять въ историческомъ храмѣ красные флаги съ требованіемъ уничтоженія такихъ-то правилъ и чуть не потоптать ногами священные трофеи 1812 года... Что для нихъ эта годъ, Отечественная война, великая эпопея благородной борьбы нашего народа съ насилиникомъ и поработителемъ міра, и что для нихъ слава родины! Имъ нужно, чтобы не было въ школѣ правилъ, стѣсняющихъ ихъ свободу. Что днія нихъ тяготы родины, когда государство наше изнемогаетъ теперь подъ тяжестью явныхъ и тайныхъ враговъ: когда, пользуясь нашими затрудненіями, настъ хотятъ подавить экономически торговыми договорами, когда настъ лишаютъ вѣкового вліянія на едино-вѣрное и единокровное славянство, когда подрываютъ наше

вліяніе тамъ, гдѣ мы его купили рѣками крови, связывая нась задоромъ желтой расы, рвущейся къ тому, чтобы внести огнь и мечь въ наши предѣлы? Блудные сыны устраиваютъ въ это время только собственное благо...

Но вѣдь для того, чтобы жить въ столицахъ и большихъ городахъ и заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, волненіями и разговорами о разныхъ преобразованіяхъ школы и жизни, нужно же ють и пить, имѣть жилье и одѣваться... Откуда же взять на это средства? О, и на это готовъ отвѣтъ евангельского блудного сына и повтореніе его дерзкаго, безстыднаго требованія: *отче, даожь ми достойную часть имнія...* (т.-е. слѣдующую мнѣ по праву), какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ дѣти владѣютъ, какъ собственностью, частью имнія родителей и могутъ по праву требовать то, что имъ не принадлежитъ и ими не заработано.

Таково часто наблюдаемое нынѣ положеніе дѣлъ. Неудивительно поэтому, что стоять нынѣ часто стоитъ въ семьяхъ, что сердца отцовъ замираютъ отъ страха при видѣ подростающихъ дѣтей и представлениіи близкаго времени ихъ воспитанія, что матери часто не осушаютъ очей отъ слезъ и горя, что дѣти, наконецъ, нерѣдко становятся не благословеніемъ, а тяготою и горемъ семьи.

Что же дѣлать при видѣ этого ужаса? И гдѣ его причина?

Предъ нами, братья, жизнь открыта для наблюдений. Позвольте нѣкоторыми изъ нихъ подѣлиться съ вами въ отвѣтъ на постановленные вопросы.

Мы видѣли отцовъ, убѣлленныхъ сѣдиками,—отцовъ, которые сами нѣкогда были блудными сынами въ молодости, много блудили и безумствовали, и которые, не имѣя сами въ душѣ положительного содержанія, не имѣя ничего, что могли бы противопоставить задорнымъ разговорамъ и заблужденіямъ молодыхъ людей, жалко заискиваютъ предъ молодежью, не смѣють ничего сказать ей и больше всего на свѣтѣ боятся въ ея глазахъ прослыть отсталыми, и потому молчатъ, дѣлая видъ, что соглашаются съ ея заблужденіями.

Мы видѣли отцовъ и матерей, которые по ложной ли любви, по слабодушію ли и непростительну легкомыслію, молча

и спокойно выслушивают дерзкія выходки и безумныя суждѣнія дѣтей о Богѣ, о Церкви, о Государѣ, о всемъ святомъ и высокомъ, и не находить у себя смѣлааго и властнаго слова, а иногда и вызваннаго святымъ негодованіемъ и заслуженнаго дѣтьми окрика, чтобы остановить безуміе юныхъ, а то и любуются ими: „вотъ, моль, какія дѣти наши! они умнѣе другихъ, они такъ сильны и свободны!“ Вотъ ужъ любовь неблагословенна!

Мы видѣли семьи, гдѣ у родителей, въ присутствіи учащихся дѣтей, брань и порицаніе ихъ учителей служать, такъ-сказать, ежедневною приправою къ семейному обѣду; гдѣ дѣти, приходя изъ училища, при веселомъ смѣхѣ старшихъ, на потѣху и на раннее развращеніе младшихъ братьевъ и сестеръ, изображаютъ въ уродливомъ видѣ своихъ наставниковъ; гдѣ всякая строгость или взысканіе школы къ своимъ питомцамъ объединяетъ и дѣтей и родителей въ ненависти къ школѣ и въ желаніи обмануть ее всѣми видами общей семейной стачки и общей лжи по взаимному уговору.

Мы видѣли семьи, гдѣ старшіе у родители безъ стѣсненія, но съ злорадствомъ и наслажденіемъ повторяютъ при дѣтяхъ всѣ грязныя и возмутительныя сплетни, подхваченные съ улицы или со страницъ нечистой печати, о государственныхъ властяхъ, объ архипастыряхъ и пастыряхъ, о начальникахъ и о всѣхъ власти имущихъ, вталтываютъ въ грязь свою Церковь, свою родину и ниспревергаютъ въ глазахъ дѣтей всѣ авторитеты.

Мы видѣли отцовъ и матерей, которые въ присутствіи юношей, чтобы понравиться имъ, восхваляли другихъ юношей-бунтовщиковъ, юношей, высланныхъ за беспорядки, выражали имъ сочувствіе, возводили въ герои, посылали и собирали имъ пособія и жертвы...

Если завелась нравственная гниль въ семѣ, то можетъ ли уберечься отъ нея и школа? Вѣдь дѣятели школы не съ другой какой-либо планеты являются, а выходить изъ того же общества. И удивительно ли, что иногда и учители юношей вѣшдаютъ имъ дикія бредни, льстятъ ихъ самолюбію, ищутъ ихъ похвалъ? Удивительно ли, что даже въ начальныхъ школахъ

лахъ стали раздаваться книги возмутительного содержанія и стали предлагаться чтенія, призывающія къ бунтамъ, какъ это засвидѣтельствовано недавнимъ правительственнымъ сообщеніемъ вслухъ всей Россіи?

Да, неудивительно, если *оправдася премудрость въ чадъхъ ея*; неудивительно, а естественно и понятно, что, воспитывая дѣтей въ своеволіи, въ распущенности слова и мысли, подрывая при нихъ всѣ авторитеты, мы прежде всего сами падаемъ въ ихъ глазахъ, теряемъ уваженіе и обаяніе родительской и всякой иной власти, и вместо сыновъ послушанія получаемъ въ дѣтяхъ чадъ противленія, нынѣшихъ блудныхъ сыновъ.

Нужно, чтобы въ нѣдрахъ и во внутренней жизни семьи созалось, дѣйствительно, святыище; чтобы здѣсь царило уваженіе ко всему высокому и святому; чтобы здѣсь господствовала чистота и сдержанность слова и мысли; чтобы здѣсь образовались добрые навыки и священная семейная преданія; чтобы дѣтямъ явлена была въ родителяхъ твердость религіозныхъ и патріотическихъ убѣждений, уваженіе къ освященному Церковью семейному строю, благоговѣніе къ Церкви, къ Государю, къ отечеству. Нужно, чтобы среди нась, взрослыхъ, не господствовала по всѣмъ этимъ вопросамъ гибельная путаница понятій и нынѣшнее раздѣленіе и разноголосица мнѣній. Нужно, чтобы въ средѣ нашей образовалось доброе, крѣпкое и согласное, воистину, *общественное мнѣніе*, осуждающее буесть и блудъ юности и поклоненіе ей, какъ какому-то кумири; чтобы блуднымъ сынамъ приходилось встрѣчать одно осужденіе своимъ мыслямъ и поступкамъ; чтобы имъ стыдно было быть блудными сынами; чтобы ихъ состояніе мятежности заклеймено было въ общественномъ мнѣніи, какъ позоръ и грѣхъ, а не возводилось бы въ какое-то дикое геройство...

Другія средства искорененія зла всѣ будуть слабы. Но искоренять его нужно, необходимо нужно, иначе вся жизнь обратится въ блудную. Не всѣ вѣдь блудные сыны кончаютъ такъ, какъ это изображено въ евангельской притчѣ: часто они гибнутъ и губятъ окружающую жизнь, какъ гангрена заражаетъ все тѣло.

Нужно намъ, взрослымъ, одуматься, нужно семьямъ и родителямъ подняться, исправиться, раскаяться. Къ этому зоветъ насть все: и законъ Бога, и голосъ Церкви, и долгъ предъ родиной и обществомъ, и любовь къ собственнымъ дѣтямъ и, наконецъ, любовь,—врожденная намъ любовь къ себѣ самимъ! Аминь.

Вѣчность.*

Въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твою суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываши, и вся яко риза обветшасть, и яко одежду свѣши я, и измѣняться. Ты же Той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ.

Этими словами псалма Давидова начинается апостольское чтеніе нынѣшняго дня: рѣдкое и необычное начало апостольскаго слова! Недоумѣніе вызываетъ и то, что именно въ нынѣшній день предлагается чтеніе это нашему чувству и вниманію. А какія величественные слова! Какая глубина мысли и красота образа!

Въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, и небеса—дѣло руки Твоихъ. Да, какъ ни прекрасны и чудны небо и земля, но они появились во времени. Не вѣчны они по началу, не вѣчны и по концу: они погибнуть, но Ты во вѣкъ пребываешь, и все, какъ риза, обветшасть, и какъ одежду Ты свернешь ихъ и измѣняться. А Ты все Тотъ же Вѣчный и Неизмѣнныи, и лѣта и годы Твои не измѣняются и не оскудѣютъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе псалма. Онъ знаменателенъ былъ въ устахъ Давида и древняго Израиля, жившаго посреди язычниковъ, которые боготворили природу, почитали небо и землю вѣчными и божественными. Израиль въ этомъ псалмѣ громко исповѣдывалъ предъ цѣлымъ міромъ, что одинъ Богъ только вѣченъ и неизмѣненъ, а земля и небо—твореніе Его.

* Поученіе въ нед. 2-ю Великаго поста въ Бодбійскомъ женскомъ монастырѣ.

Но и въ наши дни, и до конца временъ полезно людямъ держать въ памяти приведенные слова, и Церковь особенно совѣтуетъ намъ дѣлать это въ дни Великаго поста. Слишкомъ уже мы увлекаемся временными и измѣнчивыми, слишкомъ забываемъ вѣчное и высшее: въ посты, во дни говѣнія и покаянія, когда это вѣчное становится къ намъ ближе и ощутительнѣе, когда душа жаждетъ отрѣшиться и очиститься отъ земного и воспрянуть къ небесному, умѣстно остановиться надъ этимъ нашей мыслью и чувствомъ.

Вѣчное, неизмѣнное... О, какъ стремится душа наша въ эту возвышенную область! Какъ неистребимы и неподавимы ничѣмъ, ничѣмъ порыванія наши къ этому горнему и заповѣдному миру!

Вѣчное и неизмѣнное... Нѣтъ изъ насть ни одного человѣка, кто бы не испытывалъ усталости отъ земной суеты, кто не сознавалъ бы всей мелочности и ничтожности нашихъ ежедневныхъ интересовъ, желаній, вспышекъ чувства, заботъ и помысловъ. И тогда-то въ усталой душѣ поднимается и растетъ желаніе войти въ область вѣчнаго и слиться съ нимъ...

И вотъ вамъ, возлюбленные, здѣсь и сказывается значеніе вѣры и Церкви. Здѣсь именно небо на землѣ, здѣсь, и только здѣсь, вѣчны и неизмѣнны онъ посреди временнаго и измѣняющагося міра. Мѣняются люди, ихъ страсти, ихъ мысли, ихъ горделивые успѣхи въ наукахъ, искусствахъ, въ жизни. Сегодня—одно, завтра—другое.

А въ вѣрѣ и Церкви одинъ и тотъ же Богъ, одна вѣра, одно ученіе, одна молитва, одни таинства... все едино и вѣчно. Зайдите въ храмъ на службу, вдумайтесь, вслушайтесь: вѣдь все говорить о вѣчности. Начальный возгласъ: Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Діаконъ, оправемъ поводъ предъ народомъ, въ образѣ круга знаменуетъ вѣчность Церкви; тутъ же и словомъ онъ заключаетъ: и во вѣки вѣковъ; и каждый возгласъ кончается словами: и во вѣки вѣковъ, и въ концѣ литургіи, заключая молитву, показуя чашу народу, ничего высшаго и лучшаго ни придумать, ни сказать не можетъ священникъ, кромѣ словъ: всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Да, вѣра и Церковь

есть область вѣчнаго, и духъ, ищущій вѣчнаго, только здѣсь найдеть источникъ жизни.

Но если гдѣ особенно напряженно сказывается стремленіе къ вѣчному, то именно въ средѣ монашества. Что такое иноки и инокини? Это люди, которые отказались по возможности отъ всего земнаго и временнаго и избрали вѣчное и небесное: отошли отъ семьи, отъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ, отъ земныхъ радостей и заботъ, и больше всего, и выше всего поставили служеніе Богу. Оставивъ хлопотливую Марею съ ея земными заботами, они, подобно Маріи, сидяще въ созерцаніи у ногъ Христовыхъ, по слову Спасителя,—благую часть избрали, которая не отнимется отъ нихъ, ибо она вѣчна и нескончаема.

Итакъ, въ нынѣшнемъ нашемъ молитвенномъ собраніи вполнѣ умѣстно слово апостольскаго чтенія о вѣчномъ и неизмѣнномъ Богѣ. И самъ собою слышится урокъ: будемъ искать больше всего и прежде всего вѣчнаго и неизмѣннаго. Горяя мудрствуйте, а не земная,—учить апостолъ. Вышнихъ ищите, идѣже Христосъ, одесную сѣдя Первосвященникъ нашъ во вѣки. Но скажете и спросите: а какъ же земное? Какъ безъ него обойтись? Господь отвѣтствуетъ намъ поученіемъ словъ молитвы: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, только днесь, только сегодня, а далѣе я и не хочу думать о временномъ, а ишу вѣчнаго. Такъ должно думать христіанину. Самый хлѣбъ, одежда и жилище, безъ чего нельзя обойтись, это—не цѣль, а только средство къ иной, высшей цѣли, т.-е. къ удобнѣйшему и безпрепятственному служенію вѣчности. Помѣдствомъ земнаго ищи небеснаго, посредствомъ временнаго пріобрѣтай вѣчное,—вотъ истинная евангельская купля. Съ этой точки зрѣнія и оцѣнивать должно все, что мы видимъ въ жизни и вокругъ себя. Все для вѣчности и все цѣни съ точки зрѣнія вѣчнаго.

Вотъ теперь всѣ помыслы наши прикованы къ войнѣ. Если мы будемъ желать побѣдъ русскому народу только для обогащенія и славы,—это будетъ и недостойно и не по-христіански; это будетъ исканіе грубаго и временнаго. Но въ этой войнѣ иной смыслъ: борется христіанство съ язычествомъ, борется Крестъ съ дракономъ, борется евангеліе съ баснями язы-

ческими. Россия чрезъ побѣду благовѣстуетъ далекому миру вѣчное евангеліе о вѣчномъ Богѣ и Его Сынѣ Иисуспителѣ. О, тогда оружіе наше, какъ нѣкогда оружіе царя Константина вѣничается Крестомъ и служить ему, тогда и Богъ говорить русскому народу: „Симъ побѣдиши“. Значить, и здѣсь чрезъ земное мы ищемъ вѣчнаго, и потому горяча должна быть наша молитва о Царѣ и Россіи, ибо съ царствомъ русскимъ расширяется и крѣпнетъ царство Христово, вѣчное царство Божіе.

Вотъ и школа предъ вами, въ ней учатся дѣти; изъ нея выходятъ учительницы,—повидимому, тоже забота о временномъ. Но если такъ, пусть лучше и школы не будетъ. Нѣть, школа добрая, школа церковная должна именно вести народъ къ вѣчному, напоминать ему о Богѣ, указывать ему небо, напоминать о немъ постоянно, поднимать въ немъ унывающій и падающій духъ. Горе народу, который забыть о небѣ: онъ недостоинъ жить и на землѣ; его существованіе будетъ животнымъ и звѣринымъ.

Но пусть онъ подниметъ глаза къ небу, пусть въ душѣ служить Богу: и жизнь его будетъ и полна, и человѣчна, и осмысленна. Будемъ же, возлюбленные, искать вѣчнаго и служить ему! Гдѣ же оно это вѣчное и гдѣ его сыскать? Вотъ и отвѣтъ апостола: „Въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку Твою суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду свиши я, и измѣняется, Ты же Той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ“... Аминь.

Права и обязанности.*

Трудно представить себѣ другое евангельское членіе, болѣе соответствующее времени поста и покаянія и переживаемымъ нами настроеніямъ среди нашего общества, чѣмъ то,

* Сказано въ 5 нед. въ церкви мѣстечка Боржомъ, Тифл. губ.

которое мы сегодня слышали за литургией. Остановимся на немъ вниманиемъ.

Господь Иисусъ Христосъ—при концѣ Своего земного служенія. Злоба враговъ Его достигла высшей степени; близко время, когда злоба эта достигнетъ своей цѣли и предастъ Божественнаго Учителя на смерть. Временными удаленіями Иисуса Христа въ пустынныя мѣста, какъ это было доселѣ, уже нельзя успокоить враговъ; всякая попытка прийти въ Йерусалимъ уже видимо грозила Спасителю смертью, и обѣ этомъ засвидѣтельствовали сами ученики Господа въ отвѣтъ на высказанное Имъ желаніе идти въ Іудею. (Іоанн. XI, 8). При такихъ-то обстоятельствахъ Иисусъ Христосъ отправляется въ Йерусалимъ. Онъ идетъ молча впереди, весь преисполненный ожиданіемъ муки и смерти, а сзади за Нимъ слѣдуютъ ученики Его, слѣдуютъ со страхомъ, какъ замѣчается евангеліе. При такихъ-то обстоятельствахъ и происходит замѣчательный разговоръ Спасителя съ учениками Своими. Онъ подзываетъ ихъ и говоритъ: „Вотъ мы восходимъ въ Йерусалимъ и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ въ руки грѣшниковъ, и поругаются надъ Нимъ, и оплюютъ Его, и убьютъ Его, и убіенъ бывъ, въ третій день воскреснетъ“. Въ словахъ Спасителя слышится желаніе предохранить учениковъ отъ грядущаго соблазна: пусть знаютъ они, что совершенно ясно Учитель ихъ предвидѣть страданія, что совершенно добровольно Онъ идетъ на эти страданія, что сила Божества Его все-таки восторжествуетъ надъ спасеннымъ міромъ.

Христосъ говорилъ о Своихъ страданіяхъ и унижениі,—а ученики помышляли о славѣ Его земного царства, котораго они упорно ожидали, вопреки всѣмъ указаніямъ Господа. Мать сыновъ Зеведеевыхъ, т.-е. апостоловъ Іоанна и Іакова, а по-томъ и сами они обращаются здѣсь къ Спасителю съ необычною просьбою: дай, чтобы одинъ изъ нась сѣль по правую, а другой по лѣвую сторону въ царствѣ Твоемъ (Мрк. X). Такъ просятъ они, а другіе апостолы негодуютъ на нихъ, но не за то, что просьба ихъ неумѣстна, а за то, что Іаковъ и Іоаннъ себѣ однимъ просятъ благъ, на которыя разсчитываютъ и прочие апостолы.

Всѣ они глубоко заблуждались, думая, что царство Христа есть царство земное, и можно себѣ представить, какъ горько было на душѣ и сердцѣ Спасителя, когда Онъ видѣлъ, что ближайшіе Его ученики не понимали Его. И вотъ здѣсь-то Онъ и сказалъ имъ вѣчныя слова: „Вы знаете, что князья владѣютъ людьми и сильные господствуютъ надъ ними и благодѣтелями называются; у васъ же пусть будетъ не такъ, но кто хочетъ быть изъ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга, а кто хочетъ быть старшимъ между вами, пусть будетъ всѣмъ рабъ“.

Вотъ содержаніе нынѣшняго евангельского чтенія. Какъ оно примѣнімо къ переживаемому времени! Да, скажутъ: тутъ наставленія царямъ и правителямъ. Нѣтъ, другъ, это тебѣ наставленіе! Сказано: *кто хочетъ*, а мы-то больше всего этого и хотимъ... Не станемъ говорить о людяхъ властныхъ и сильныхъ, такъ ли они понимаютъ и исполняютъ свои высокія обязанности. Среди насть нѣтъ таковыхъ властныхъ; пусть же они сами и дадутъ отвѣтъ предъ Богомъ, и не намъ судить ихъ, хотя, правду сказать, въ наше время очень любятъ заниматься этими пересудами.

Посмотримъ лучше на себя самихъ. Какъ часто въ себѣ и въ подобныхъ намъ людяхъ мы видимъ именно то, что было въ просьбѣ Іакова и Іоанна! Да, въ наши дни уже не старшіе, а младшіе, подчиненные, часто совсѣмъ дѣти стремятся къ властительству, забывая о подчиненіи. Высоко было призваніе апостоловъ, но Спаситель указалъ имъ на ихъ обязанности въ то время, какъ они помышляли только о *правахъ*. Но апостолы впослѣдствіи уразумѣли свою ошибку и вѣнцомъ мучениковъ доказали, что они усвоили и исполнили ученіе Христа. У насть не то. Спросите, чего мы больше хотимъ: правъ или обязанностей? Но вѣдь на правахъ всѣ нынѣ помышлены, и сознавать свои права, добиваться ихъ во что бы то ни стало—и силою, и злобою, и преступленіемъ и кровью—считается нынѣ признакомъ особаго развитія и умственной высоты. Естественно, при этомъ у другихъ видѣть только обязанности, и однѣхъ обязанностей отъ нихъ требуютъ, а себѣ приписывають одни права, чаще всего преувеличенныя до безумія. И видимъ:

рабочие хотятъ управлять хозяевами, ученики—учителями, младшие—старшими, а юнцы, которымъ нѣтъ и двухъ десятковъ лѣтъ, желаютъ управлять всѣмъ царствомъ и поучать Царя и правительство. Что значать эти бунты рабочихъ, грубости дѣтей, волненіе молодежи, беспорядки и возмущеніе противъ власти, грубость прислути, высокомѣрное обсуживаніе дѣйствій начальниковъ и старшихъ? Вотъ главное зло нашей жизни и отступленіе отъ завѣтovъ Спасителя! Съ малыхъ лѣтъ мы въ нашихъ дѣтяхъ развиваемъ неуваженіе къ Церкви, къ ея служителямъ, при нихъ смѣемся надъ всѣмъ высокимъ и начальственнымъ. Что же мудренаго, что они начинаютъ свои грубости съ родителей, переводя ихъ потомъ на учителей, а потомъ гибнутъ навѣки.

Посмотрите, сколько этихъ учащихся и подростающихъ дѣтей здѣсь передъ вами; можно подумать, что это мѣстечко обращено въ большую школу. Дѣти—надежда будущаго. И хочется сказать этимъ дѣтямъ, припоминая сегодняшнее евангелие: Милыя дѣти! Слышили ли, чому учить нась Спаситель? Нужно прежде всего помнить объ обязанностяхъ, а не о правахъ,—права придутъ сами собою. Помните, что жизнь не есть веселый и беспечальный праздникъ. Жизнь есть подвигъ труда, терпѣнія, страданія и смиренія, и нужно миллионъ разъ выслушать и исполнить чужую волю и чужое приказаніе, прежде чѣмъ исполнить волю свою. Горе тому, кто не умѣеть повиноваться: онъ недостоинъ права повелѣвать. Учитесь же въ усердіи, воспитывайтесь въ смиреніи, запасайтесь умѣньемъ повиноваться. Начиная отъ Спасителя, у всѣхъ великихъ работниковъ царства Божія слава являлась послѣ уничиженія, воскресеніе—послѣ страданія.

А намъ взрослымъ урокъ: не уподобляться матери сыновъ Зеведеевыхъ, не развивать въ себѣ и въ другихъ чувствъ гордости и исканія только власти и богатства: вѣдь если всѣ будутъ искать этого, если всѣ будутъ желать власти, то кто же будетъ повиноваться? Что было бы, если бы теперь войско не повиновалось въ войнѣ начальникамъ? Вѣдь тогда погибло бы государство. Точно такъ же погибнетъ вся жизнь, если въ ней не хватаетъ духа повиновенія.

Но будемъ въ повиновеніи искать и видѣть не только силу и спасеніе жизни, не только исполненіе заповѣди Спасителя, но и высокое наслажденіе. Не такъ давно одинъ старецъ митрополитъ, чрезъ 50 лѣтъ высокой архіерейской власти, прибыль въ тотъ монастырь, гдѣ онъ давно-давно былъ простымъ монахомъ и послушникомъ, исполняя самыя черныя работы. Возведенный въ самый высшій санъ митрополита, онъ принималъ теперь этотъ монастырь въ управлѣніе. Собрались монахи, ждали поученія. Старецъ-митрополитъ сказалъ: „Пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ этой обители несъ я первые труды послушанія. Какъ хорошо тогда мнѣ было: все ясно, опредѣленно все указано, ни за что не отвѣчаешь. Потомъ 50 лѣтъ я былъ архіереемъ и все приказывалъ, да наказывалъ. И вотъ, передъ гробомъ говорю вамъ: лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать“...

Да, лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать!

И если теперь у насть нестроенія въ жизни, то причина одна: всѣ желаютъ повелѣвать, и никто не хочетъ повиноваться.

И если бы Богъ восхотѣлъ наказать насть въ теперешней войнѣ, или въ послѣдующемъ мирѣ: то это выразится именно въ томъ, что мы забудемъ объ обязанностяхъ, и помнить будемъ только о правахъ...

Но вѣдь на такомъ основаніи никогда и нигдѣ не строилась жизнь!

Предъ нами образъ Спасителя въ нынѣшнемъ евангеліи, и слово Его: Онъ пришелъ не для того, чтобы Ему другие послужили, но чтобы послужить и отдать жизнь Свою для избавленія многихъ..... Аминь.

Вѣчное торжество правды.*

Христосъ Воскресе!

Да, Онъ воскресъ на радость ученикамъ и міру, Онъ воскресъ, несмотря на злобу враговъ, уже торжествовавшихъ надъ Нимъ побѣду, несмотря на охрану римской стражи, несмотря на тьму охватившей Его гробъ ночи! Смерть не удержала въ своихъ объятіяхъ Начальника жизни, адъ встрѣтилъ въ Немъ своего Разрушителя.

Онъ воскресъ,—и какъ гибнетъ тьма предъ лучами восходящаго свѣтила, все одушевляющаго и оживляющаго, какъ бѣжитъ ночной холодъ предъ тепломъ солнца, такъ гибнетъ предъ вѣстью воскресенія всякое уныніе и всякие страхи; Онъ воскресъ—и вселилъ этимъ въ міръ такую радость, бодрость, вѣру и жизнь, что предъ ними померкла область самой смерти, и сущіи во гробахъ оказались живыми! Яко исчезаетъ дымъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ исчезаютъ изъ души, вѣрющей въ воскресеніе, послѣднія сомнѣнія, бѣгутъ колебанія и всякия попытки врага истины поселить въ ней смертныя тѣни недовѣрія къ добру и правдѣ, невѣрія въ ихъ окончательную побѣду надъ міромъ злобы и лукавства.

Онъ воскресъ... О, чудная, всеоживляющая вѣсть! О, святая, дивная, всерадостная ночь воскресенія! Въ волнахъ житейской суеты, когда смотришь на тебя издали, ты кажешься обыкновенною въ средѣ другихъ ночей года. Но пришла ты, свѣтоzarная, но заговорила своимъ властнымъ языкомъ, заглянула въ душу,—и все освѣтила, всѣмъ завладѣла въ глубинахъ сердца, и не уйдетъ отъ твоего возвышающаго и обаятельнаго воздействиія самая зачерствѣвшая въ невѣріи душа! Недаромъ поэты всѣхъ временъ и народовъ сложили въ честь Воскресенія Христова дивныя пѣсни; недаромъ одинъ изъ титановъ

* Пасха Христова, 28 марта 1904 года.

нашой русской мысли, Ф. Достоевскій, признается, что въ эту ночь воскресенія онъ впервые послѣ горячаго спора съ атеистомъ, при первомъ ударѣ колокола къ пасхальной заутренѣ, „реально опозналъ Бога“...

Конечно, прійти къ этому дано не всякому. Только дѣтство, съ его непосредственною вѣрою и свѣжестью чувствъ, видить, какъ въ этотъ день солнце на небѣ играеть и переливается, да народъ, этотъ великий ребенокъ вѣры, знать въ непоколебимомъ убѣжденіи, что врата рая въ эти дни не затворяются и души умершихъ въ чудный праздникъ Пасхи въ небесномъ полетѣ въ горнія блаженные обители не встрѣчать себѣ никакой препоны.

Но чѣмъ дальше живешь, чѣмъ болѣе вдумчиво относишься къ окружающему, чѣмъ шире опытъ, тоньше совѣсть и ближе послѣдняя неизбѣжная грань бытія,—тѣмъ болѣе чувствуешь всю неизмѣримую глубину истины воскресенія, именно въ немъ также какъ бы „реально опознаешь Бога“... Жизнь полна противорѣчій, зло торжествуетъ такъ часто и такъ нагло, чувство собственного бессилія такъ тяжко, смерть такъ неизбѣжна и ужасна: куда укрыться отъ всего этого, гдѣ найти бодрость и радость? Въ воскресеніи нашего Божественнаго Учителя! Воистину, Онъ воскресъ и по страданіи Своемъ живымъ явилъ Себя ученикамъ Своимъ. Что было бы, если бы Онъ не воскресъ? Тогда Пилатъ, и Іуда, и Анна съ Каїфою, и лжесвидѣтели, и озвѣрѣлая толпа, и завистливые книжники,—всѣ бы они были хозяевами міра и были бы оправданы суроюю правдою жизни. Но Онъ все-таки воскресъ, доказалъ Свое Божество, оправдалъ Свое искупительное дѣло, восторжествовалъ надъ зломъ во всей его совокупности, умертвивъ самую смерть,—это зло коренное и самое страшное. Кто вѣруетъ въ Него,—з какъ въ Него не вѣровать?—тотъ изъ усть Его въ евангеліи особенно часто слышитъ настойчивое, безъ конца повторяемое слово: во мнѣ ты имѣешь жизнь вѣчную. Итакъ, пусть торжествуетъ иногда зло, льется кровь невинная, поднимаетъ голову Іудино окаянство; пусть міръ полонъ несовершенства и противорѣчій, пусть человѣкъ нарушаетъ нравственную гармонію міра грѣхомъ и паденіями: Онъ все-таки воскресъ, нашъ

Учитель и Господь, Онъ смерть попралъ, Онъ даль залогъ и надежду на окончательное торжество Правды вѣчной. Онъ и живымъ и мертвымъ возвѣстилъ о спасеніи отъ зла. Да, и мертвымъ: ибо съ Его воскресеніемъ мертваго нѣтъ ни единаго въ гробѣ и „жизнь жительствуетъ“ во всемъ необъятномъ Божьемъ твореніи!

Какъ же не радоваться Его возстанію? Небу и землѣ несется нынѣ отрадный благовѣстъ, такъ хорошо въ эти дни символизируемый цѣлодневнымъ звономъ въ храмахъ. Христосъ воскресе!—такъ говорить миру, какъ живой, этотъ мѣдный голосъ.

Донесется ли онъ до васъ, наши дорогіе братья-воины, хранящіе миръ нашъ? Или вы встрѣтите и въ этотъ святой день праздника коварнаго врага, великіе трудъ, опасность, муки и смерть? О, съ вами, съ вами, дорогіе, въ этотъ день вся наша Россія во главѣ съ Царемъ, и вся Церковь, сіяющая и радостная вѣрою въ Воскресшаго и смерть Поправшаго! Гдѣ бы вы ни были, что бы съ вами ни случилось—и въ страдной жизни, и въ геройской смерти, и по ту сторону могилы шлетъ вамъ привѣтъ святая родина: Христосъ воскресе! Побѣдитель ада и смерти грядеть къ языческому Востоку, сѣдящему во тьмѣ и сѣни смертной. Вы являетесь Его дружиною, отстаивающею жертвами и кровью Его достояніе. Скоро ли забрезжить тамъ вѣра въ Воскресшаго? Но слово Его не пройдетъ мимо: будетъ проповѣдано евангеліе Его Царствія во свидѣтельство всѣмъ народамъ, и вся земля поклонится Ему, поклонится имени Его всякое колѣно земнородныхъ! И тогда всѣ другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ простимъ вся воскресеніемъ... Свершится ли это чудо нравственного перерожденія міра? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо дать вопросъ другой: думалось ли бѣгущимъ къ Мертвцу въ цвѣтущей садѣ Іосифа муроносцамъ и робкимъ апостоламъ, думалось ли унылымъ путникамъ єммаусскимъ, заплаканными глазами не узнавшимъ Воскресшаго Учителя,—думалось ли имъ, что вѣрующихъ въ Воскресшаго на землѣ будетъ столько, сколько мы ихъ видимъ теперь?

Не думалось умомъ, но ясно гласилось въ сердцѣ Духомъ Божіимъ.

Сокрыты отъ вѣковъ и родовъ тайны Божіи. Но одна тайна открыта: добро побѣдить зло и Господь положить враговъ Христа въ подножіе Его...

Ибо Христосъ воскресе, воистину воскресе! Аминь.

Свидѣтельство о Христѣ.*

И будете Миѣ свидѣтели во Іерусалимѣ же и Самаріи, и Іудеи и даже до постѣдніхъ (предѣловъ) земли.

Свидѣтелями Господа Іисуса Христа повелѣно быть ученикамъ Его. До постѣдніхъ предѣловъ земли завѣщано имъ возвѣстить принесенное на землю съ неба евангеліе царствія Божія, которому надлежитъ быть проповѣданніемъ всему миру и въ слухъ и во свидѣтельство язычникамъ...

Великое посольство апостоловъ въ мірѣ! Велико имъ и обѣтованіе Господа: „Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“. Не потому ли они, какъ сказано въ евангеліи, и возвратились съ радостью съ горы Елеонъ въ Іерусалимъ, хотя разстались съ Господомъ, хотя, повидимому, должны были печалиться, ибо видѣли собственными очами Его восшествіе отъ земли на небо, ибо получили въ завѣщаніе подвигъ проповѣди, за который, какъ и Самъ ихъ Божественный Учителъ предрекъ имъ, имъ готовились бѣды и напасти, гоненія, раны, темницы, мученія и смерть?

Возлюбленные! Радость обѣтованія Господня при Его вознесеніи дана не однѣмъ апостоламъ; она со всѣми вѣрующими, а слѣдовательно, и съ нами со всѣми во вѣки. Когда говорилъ Онъ Маріи Магдалинѣ: „Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему“,—Онъ говорилъ тогда всѣмъ вѣрующимъ въ мірѣ. Когда Онъ обѣщалъ предъ вознесеніемъ: „Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“,—Онъ

* Сказано въ день Вознесенія Господня и Рожденія Государя Императора 6-го мая 1904 г. въ Водб. женск. монастырѣ Тифл. губерніи.

объщалъ это всей Церкви, Имъ основанной, всѣмъ ученикамъ Своимъ, кто бы они ни были, гдѣ бы и когда бы они ни жили. Оттого-то и взываемъ мы радостно въ сорокадневный праздникъ Воскресенія: „О, божественнаго, о, любезнаго, о, сладчайшаго, твоего гласа! Съ нами бы неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе, его же вѣрніи, утвержденіе надежды имуще, радуемся“.

Но съ радостью вѣчнаго пребыванія со Христомъ имѣемъ мы предъ глазами и Его завѣщаніе: будете Мнѣ свидѣтелями—до послѣднихъ земли. Не къ однимъ только апостоламъ относилась и эта заповѣдь. Ибо было собраніе до 500 вѣрующихъ, когда Онъ явился имъ на горѣ Галилейской и всѣмъ, и на всѣ вѣка сказалъ: шедше научите вся языки... И всѣмъ заповѣдано въ молитвѣ Господней просить Отца Небеснаго о томъ, чтобы святилось и славилось имя Его, и чтобы пришло Его царствіе...

Какъ же, спросите, какъ мы можемъ быть Ему свидѣтелями? Какъ можемъ проповѣдывать евангеліе Его царствія? Развѣ это лежитъ на обязанности не однихъ пастырей и учителей? Какъ простые люди, не призванные къ учительству, неученые, бѣдные, безвѣстные, уединенные отъ міра, мы можемъ поучать міръ?

О, воистину, безмѣрно широка и многообразна проповѣдь о Господѣ! И кто знаетъ, кто больше содѣйствовалъ и содѣйствуетъ ей: люди ли словеснаго и даже златословеснаго учительства, или простыя сердца, простые вѣрующіе, которые въ вѣка былые широкою рѣкою благовѣстія, выраженного самою своею жизнью, пронесли по всему міру славу и силу имени Христова! Неисповѣдимы судьбы Божіи, и въ міроправящемъ Промыслѣ все устроено такъ, что и такъ-называемое великое и малое направлено къ единой и вѣчной цѣли. Такъ въ сложной машинѣ и маленькой винтику, и большое колесо—все разсчитано, пригнано и примѣreno, и все важно для дѣла. То же самое—всѣ члены Церкви.

И мы, какъ бы ни были просты, какъ бы ни были безсилны: всѣ мы, каждый въ своемъ кругу, каждый по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ, служимъ Христову благовѣстію

И каждый самый простой іерей, возглашая: Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа, совершаєтъ апостольское дѣло. И самый препростой діаконъ однимъ краткимъ призывомъ: „миромъ Господу помолимся“ уже свидѣтельствуетъ о Господѣ. И послѣдній клирикъ, вызывая „Господи помилуй“, и молчаливый стражъ въ церкви, возжигая свѣчу, убирая храмъ, подавая кадило и ударяя въ колоколь; и послѣдній мірянинъ, устроивъ дома икону и лампаду, научивъ дѣтей вѣрѣ, исполнивъ долгъ исповѣди и причащенія, и каждый самый скромный труженикъ школы, заронившій въ душу ребенка съмѧ вѣры, и каждый самый скромный ученикъ, съ усердіемъ слушающій въ школѣ слово благочестія, и самая безвѣстная изъ васъ монахиня, совершающа свое молитвенное правило, и послѣдній прохожій, только перекрестившись около храма: всѣ, всѣ мы и каждый въ отдѣльности, чрезъ это пріобщаемся къ апостольскому дѣлу проповѣди и свидѣтельства о Христѣ предъ всѣмъ міромъ. А вотъ еще всѣмъ и всегда доступное высшее и лучшее свидѣтельство: свидѣтельство жизни благочестивой и богоугодной, наглядное приложение и исполненіе заповѣдей евангелія!

Апостолъ въ посланіи къ коринеянамъ пишетъ современнымъ ему христіанамъ: немногіе изъ васъ мудры, немногіе знатны. Но эти немудрые и незнатные силою примѣра высокой христіанской жизни безъ словъ такъ краснорѣчиво проповѣдали евангеліе, что черезъ три столѣтія, несмотря на гоненія и преслѣдованія, весь міръ, и все мудрое, и все знатное склонилось къ подножію Креста Господня, и онъ засіялъ на коронѣ державныхъ царей, недавнихъ гонителей христіанства. Позвольте въ поясненіе привести лишь одинъ примѣръ изъ жизни древнихъ христіанъ.

Было однажды страшное моровое повѣтріе въ языческомъ городѣ, люди умирали тысячами, всѣ были объяты страхомъ. Забывъ милосердіе и братолюбіе, язычники заботились каждый о себѣ. Больные лежали безъ призора; свои близкіе, боясь заразы, оставляли ихъ на произволъ судьбы, лишая кружки воды и куска хлѣба; мужья оставляли женъ, дѣти бросали родителей и наоборотъ; мертвые безъ погребенія валялись по ули-

цамъ города. И вотъ тогда-то явились на помощь несчастнымъ прежде гонимымъ въ этомъ городѣ христіане. Они безкорыстно стали служить больнымъ, хоронили мертвыхъ, безстрашные въ своей любви къ гонителямъ. И что же? Когда окончилось моровое повѣтrie, не нужно было уже проповѣдывать Христа,— безъ проповѣди, безъ убѣжденій городъ весь сталъ христіанскимъ.

Это было истинное и самое сильное и рѣшительное свидѣтельство о Христѣ предъ язычниками, во исполненіе слова Господа нашего и Спасителя: „Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видять ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“.

Итакъ, да не смущается никто заповѣдью относительно свидѣтельства о Христѣ: оно всѣмъ и всякому доступно въ Церкви.

Но есть, возлюбленные, есть цѣлые народы, несущіе во главѣ съ царямя своими дѣло апостольское, есть народы, какъ бы особенно избранные для того, чтобы свидѣтельствовать миру о Богѣ Истинномъ, а язычникамъ—о Христѣ, обѣ Его Церкви, обѣ Его спасенія. Таковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ народъ Израильскій. Въ Новомъ Завѣтѣ—вы сами узнаете этотъ народъ: это—святая Русь. Испоконъ вѣковъ несла она Крестъ и проповѣдывала евангеліе и на далекомъ Сѣверѣ, и въ равнинахъ Европы, и въ глубинѣ Азіи; испоконъ вѣковъ отстаивала она Крестъ Господень отъ нападенія враговъ, и только Господь Единый вѣдаетъ, сколько крови пролила Русь святая въ защиту вѣры!

И теперь такая точно война ведется Россіей на Дальнемъ Востокѣ. Полчища язычниковъ, за которыми дремлють, но готовы пробудиться новые необозримые ихъ миллионы, устремились на православную Россію. Мы не хотѣли и не ждали войны, и потому она особенно тяжела для нашей родины.

Но Россія ведеть войну въ защиту Креста, во свидѣтельство языкомъ—до послѣднихъ земли. И молимъ мы: да благословить Господь оружіе Крестоноснаго Императора нашего, день рожденія Котораго мы нынѣ празднуемъ. Въ нынѣшній день и въ настоящія минуты Государь находится далеко отъ

Своей столицы—среди войскъ, отправляющихся на войну. Онъ благословляетъ Свое воинство на брань. Да станетъ съ нимъ и надъ нимъ вся благословляющая Россія, а надъ ними—Самъ благословляющій Христосъ. Призовемъ всѣми моленіями сердца—это Божіе благословеніе Царю и Россіи. Много крови нашихъ братьевъ прольется, много и долго будуть литься въ Россіи въ городахъ и деревняхъ горючія слезы объ убитыхъ сыновьяхъ, мужьяхъ и братьяхъ...

Господи! Призри на скорбь народную, призри на слезы вдовъ и сиротъ и оставленныхъ престарѣлыхъ родителей! Вниди, Господи, въ воскликновеніи и въ глаſъ трубномъ, пройди предъ лицомъ воинства нашего! И какъ въ дни былые Ты далъ намъ хребеть нечестивыхъ супостатовъ и даровалъ намъ водрузить Крестъ надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ, такъ и нынѣ сподоби Русь святую вознести сіяющій Крестъ Твой и надъ гордымъ языческимъ знаменемъ Восходящаго Солнца! Аминь.

Царь, Россія и война.*

Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе
трудищася зиждущіи; аще не Господь со-
хранить градъ, всуе бдѣ стрегіи! (Пс. 126, 1).

Это, братіе, исповѣданіе древняго царя, избранника народа, „царя по сердцу Божію“. Полное религіозной вѣры, полное глубочайшаго смиренія и всецѣлой преданности высшему, Божіему міроправленію, оно раздѣлялось всѣмъ его народомъ и передано, волею Духа Божія, въ завѣтъ и руководство народамъ грядущихъ временъ на вѣки вѣчные.

Глубоко напечатлѣль въ своемъ сердцѣ этотъ завѣтъ нашъ русскій народъ и съ трогательною вѣрою, съ полнымъ послу-

* Слово въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1904 г. Сказано въ Тифлісскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи экзарха Грузіи.

шаниемъ урокамъ небесной мудрости осуществить его и въ частной жизни, и въ своемъ тысячелѣтнемъ государственномъ строеніи. Наглядный тому показатель—это благочестивый обычай на Руси всякое дѣло начинать молитвою; нагляднымъ тому показателемъ служить и наше нынѣшнее молитвенное собраніе; но въ особенности, но главнѣе и величественнѣе всего такимъ показателемъ является событіе священнаго помазанія Царя нашего на царство, которое сегодня воспоминаетъ, торжествуя, вся великая и святая Русь.

Ибо что такое священное торжество Царского коронованія, какъ не яркое проявленіе религіозной идеи, всецѣло проникающей русскую государственность? Что такое священное коронованіе Царей, только въ одной Россіи сохранившееся во всемъ внѣшнемъ величіи своемъ и во всей глубинѣ сокрытаго въ немъ смысла, какъ не всемірное исповѣданіе русскаго воззрѣнія на Царя, выраженнаго мѣткимъ народнымъ словомъ: „Царь—оть Бога приставъ?“ Что это, какъ не торжественное выраженіе глубоко-христіанскаго вѣрованія, что царство земное должно быть воплощеніемъ и осуществленіемъ вѣчныхъ плановъ, задачъ и законовъ царства Божія, небеснаго? Когда Царь приемлетъ избраніе и помазаніе оть Святого, когда власть, силу и державу приемлетъ Онъ не отъ людей, не по жалкимъ и шаткимъ договорамъ съ ними, а отъ Бога, тогда самая власть получаетъ характеръ религіозно-отеческій, т.-е. изначальный и существенный вообще для власти; тогда и отвѣтствуетъ Царь и царство предъ Богомъ; тогда между закономъ Божіимъ и закономъ царства не можетъ быть противорѣчій; тогда самое государство принимаетъ характеръ религіозно-нравственный, сливаясь съ Церковью, ибо законы Бога суть правда и святость.

Велико значеніе этой религіозной идеи, ясно сознанной и послѣдовательно осуществляемой въ жизни и исторической дѣятельности народа. Она освѣщаетъ ему жизнь яркою путеводною звѣздою; она осмысливаетъ его прошлое, его настоящее; она даетъ ему мѣрило и руководство для опредѣленія будущаго. Но какъ въ жизни отдельныхъ личностей бываютъ моменты, когда сознаніе высшаго религіознаго долга и высшаго призванія проясняется и вспыхиваетъ особенно ярко въ чело-

въкъ и становится повелительною силою, руководящею его въ жизни и дѣятельности, властно опредѣляющею его поведеніе въ данный моментъ, такъ и для цѣлаго народа, для цѣлаго государства бывають особо величественные моменты жизни, когда предъ народомъ открывается величайшее дѣло, величайшій подвигъ, правильное разрѣшеніе и исполненіе котораго возможно только при ясномъ сознаніи имъ своего высшаго мірового Божіяго призванія и религіозно-опредѣленаго долга. Тогда историческій долгъ народа повелительно опредѣляеть ему поведеніе, и онъ не можетъ отступить отъ высшихъ величій, какого бы труда, напряженій и жертвъ ни потребовалъ отъ него подлежащій ему подвигъ: предъ нимъ меркнуть и отходить на второй планъ всѣ прочіе интересы жизни.

Но спросять: всѣ ли ясно понимаютъ эту религіозную идею народа, всѣ ли сыны его ясно представляютъ свое міровое высшее призваніе? Конечно, не всѣ. Но какъ въ тѣлѣ принято относить разумно-сознательную работу къ головѣ, которой какъ бы повинуются прочіе члены, такъ и въ народѣ: представителями его мысли и жизни, его вожди должны сознавать и особенно въ выдающіеся моменты исторіи должны исповѣдывать дѣломъ и словомъ призваніе народа и имъ руководиться. И какъ въ тѣлѣ многое и притомъ самое важное для его жизни и благополучія совершается безсознательно или малосознательно, какъ въ жизни тѣла часто и притомъ безошибочно дѣйствуетъ врожденный и Творцомъ вложенный въ человѣка могучій жизнеохранительный инстинктъ, такъ и въ народѣ: многое онъ понимаетъ, не умѣя только выразить этого ясно и точно, а ко многому онъ стремится въ своей исторической жизни, руководясь не ясно сознанными цѣлями, а смутнымъ чувствомъ, безошибочнымъ инстинктомъ, воплощеннымъ въ народныя преданія. Опредѣлить и уяснить себѣ такое движеніе народа можно только въ исторической перспективѣ; съ этой именно точки зренія, при взглядѣ назадъ, на пройденный Россіей тысячелѣтній путь, становится яснымъ и разумнымъ, планомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ величественный ходъ и движущія начала ея жизни: Кіевъ, Новгородъ, борьба за сѣверныя рѣки и южныя степи, путь къ Черному и Бѣлому морямъ, по-

ходы въ Цареградъ чрезъ „Русское“ море, Волга, Ока, Вятка, Казань и Астрахань, Уралъ и Сибирь, Кавказъ и Крымъ,—и эта загадочная, таинственная тысячелѣтняя тоска пѣсни преданій и мечтаній народа, живущаго на сушѣ, о синемъ морѣ, эти порыванія къ дальнему морю-океану... Здѣсь намѣченъ нами только вѣнчаній ростъ Россіи, указано только средство, данное ей свыше для достиженія призванія неизмѣримо важнѣйшаго; оно—въ утвержденіи царства Божія по пути всего этого великаго движенія отъ береговъ Днѣпра и Ильменя до береговъ всѣхъ морей и океановъ; оно—въ водруженіи креста и проповѣди евангелія, по завѣту Спасителя, до послѣднихъ предѣловъ земли (Дѣян. I, 8). Призваніе это, міровое и великое,—наша честь и слава, и наше нравственное право на бытіе, но оно—вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкій долгъ предъ Богомъ и человѣчествомъ; оно выстрадано русскимъ народомъ, полито его кровью, потребовало много тяжкихъ жертвъ и, конечно, потребуетъ много этихъ жертвъ и въ будущемъ. Оно обвѣяно его поэзіей, его ясновидящими преданіями, мистическими предчувствіями. Отъ него мы не можемъ, не смѣемъ, не въ силахъ отказаться: это было бы не только позоромъ, не только измѣнью высшему предназначенію и царству Божію, но и отказомъ отъ самаго нашего бытія.

Повторяемъ: бываютъ моменты въ жизни народа, когда его призваніе выступаетъ предъ нимъ особенно ярко и властно, когда религіозно опредѣленный долгъ народа поставляетъ его предъ великимъ и тяжкимъ подвигомъ. Такой именно моментъ переживаемъ мы теперь, въ настоящее время войны на Дальнемъ Востокѣ, къ которой приковано все наше вниманіе, и думы дня и видѣнія ночи... Религіозная идея царства нашего, столь величественно выраженная въ священномъ помазаніи нашихъ Царей, высшее предназначение Россіи и ея историческій долгъ,—вотъ чѣмъ должны теперь опредѣляться все наше поведеніе, наши помыслы, взгляды и настроенія. Предъ этимъ мѣриломъ мысли и жизни пусть умолкнутъ голоса трусости и малодушія, презрѣніе воли и шопотъ злорѣчія и шипящей сплетни, что иногда омрачаютъ, къ сожалѣнію, благородный подъемъ народнаго духа въ наши дни.

Міровое призваніе Россії опредѣляетъ цѣну нынѣшней брани. Не будемъ много говорить о томъ, что мы не начинали войны, и что въ своихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Японіи Россія никогда и ничѣмъ ее не обижала, ничего у нея не отнимала.

Но спросимъ: кто и съ кѣмъ воюетъ? Россія прожила тысячу лѣтъ и за это время много поработала для всемірного блага и общечеловѣческаго счастья: сломила восточное варварство; спасла отъ разгрома европейскую цивилизацию, заслонивъ собою нашествіе дикихъ ордъ; освободила православный Востокъ, подавила истребительный рааливъ мусульманскаго фанатизма; дала политическое существованіе не одной народности, образовала Имперію, въ которой нашли себѣ жизнь и покой множество племенъ, прежде занимавшихся взаимнымъ истребленіемъ; наконецъ, на огромномъ протяженіи территоріи, равной $\frac{1}{5}$ всего свѣта, она насадила порядокъ блага, культуры и мирной жизни, основанной на христіанствѣ, воспринятомъ въ самое существо народнаго русскаго духа. Что же сдѣлала Японія для міра? Существуетъ она, если вѣрить ея кичливымъ историкамъ, цѣлыхъ три тысячи лѣтъ, и что же, кроме горя, слезъ и страданій, принесла она всѣмъ, кто имѣлъ несчастье съ нею соприкасаться?

И мы воевали, но наши войны всѣ были идеиними, а японскія войны для Кореи и Китая были только разбойничими набѣгами. Теперь Японія тянетъ къ міровой роли и нескрываемо ищетъ пріобрѣсти для себя міровое значеніе. Но вѣдь такое значеніе основывается и выростаетъ не на властительствѣ, а на жертвѣ; его надобно выстрадать, чтобы пріобрѣсти на него право нравственное, а не насилиническое. За кого же въ этой брани можетъ стать мыслящій и честный человѣкъ, кто будетъ правъ предъ лицомъ Бога и исторіи? Неужели права будетъ Японія, и только за то, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ она, въ дополненіе къ азіатскому коварству, овладѣла верхушками европейской цивилизациіи, перенявъ изъ нея тайну стрѣлять хорошо изъ пушекъ и подводить разрушительныя мины?

Религіозная же идея даетъ смыслъ и нашему патріотизму,

нашему воодушевлению, даетъ смыслъ и жизни, и смерти нашихъ воиновъ. Удивительно, какъ въ великие моменты истории ярко вдругъ сказывается основной тонъ жизни народа. Царь напутствуетъ молитвою и св. иконами отправляющіяся на бранъ войска. Народъ во всѣхъ своихъ сословіяхъ не нашелъ иныхъ способовъ выразить свои благожеланія главнымъ вождямъ арміи и флота, какъ поднесеніемъ имъ такихъ же религіозныхъ символовъ. Въ геройскомъ морскомъ бою на палубѣ судна видимъ мы священника, не отходящаго отъ мѣста, гдѣ рвутся снаряды, гдѣ льется кровь и носятся грозныя тѣни смерти, и съ иконою въ рукахъ благословляющаго умирающихъ. На суднѣ, гдѣ погибъ съ дружиною вѣрныхъ сподвижниковъ главный вождь нашихъ морскихъ силъ, гибнетъ вмѣстѣ съ другими и служитель Церкви. Въ страшномъ неравномъ бою на сушѣ во главѣ геройскаго полка также идетъ священникъ, безтрепетный, рѣшительный, сознательно приготовившійся къ смерти молитвою, и несетъ предъ лицомъ воинства Животворящій Крестъ Господень. Нашъ солдатъ умираетъ спокойно и величественно, и сами враги свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ терпѣливо переносить всѣ муки, и въ послѣднія минуты жизни его коснѣющія уста шепчутъ молитву, а глаза устремлены къ горнему небу. Что можетъ противопоставить Японія этому святому воодушевлению? Храбро сражаются ея сыны и безстрашно умираютъ: но что, какая высшая сила осмысливаетъ этотъ патріотизмъ? Вѣдь патріотизмъ имѣть смыслъ и нравственное значеніе лишь въ освѣщеніи и освященіи религіозной идеи и въ сознаніи высшаго Божія призванія отечества; вѣдь этого онъ не выше простого звѣрства и самаго обыкновенного грабительства и себялюбія. И неужели смерть того японца, который, видя неминуемую гибель своего судна, закурилъ сигару на виду у враговъ и такъ погрузился въ волны морскія,— неужели эта бравада и рисовка предъ вратами вѣчности выше христіанской смерти русскаго солдата, который освящаетъ себя великими таинствами покаянія и причащенія, надѣваетъ чистую рубаху, крестъ—благословеніе матери, и съ крестнымъ знаменіемъ, съ вѣрою въ правоту своего дѣла и въ жизнь небесную оставляетъ жизнь земную?

Религіозная идея и сознаніе мірового призванія Россії должны опредѣлять теперь и наше настроеніе, и наше отношеніе къ войнѣ и военнымъ извѣстіямъ. Только въ свѣтѣ этихъ руководящихъ началъ мы найдемъ силы для терпѣнія, мужества и спокойствія. Всего бываетъ на войнѣ, и она не обходится безъ жертвъ и неудачъ. Но великий народъ способенъ выслушать и горькую правду; его сила—въ спокойствіи и терпѣливомъ ожиданіи, вытекающихъ изъ вѣры въ правоту и торжество своего дѣла и въ Божье благословеніе. Не за военными лаврами, не за добычею посылаетъ теперь Царь Свои войска на дальнюю окраину Россіи, а для того, чтобы защитить отечество отъ коварнаго нашествія врага и, если нужно, умереть за него. И не своей славы ищетъ Россія, а славы Бога и Христа Его: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, взы-ваетъ она словами древняго царя-молитвенника (Пс. 113, 9).

Поэтому намъ не нужны, какъ дѣтамъ или больнымъ, ложныя подбадривающія извѣстія; намъ не страшны должны быть никакія неудачи войны; въ нашихъ сердцахъ не мѣсто малодушнымъ опасеніямъ за судьбы отечества, если только мы вѣруемъ въ Бога, въ Россію, въ религіозный и освященный въ святомъ помазаніи союзъ Царя и народа и въ міровое призваніе нашей великой родины. И смотрите, какъ сказалось все это на нашихъ глазахъ. Минувшій третій мѣсяцъ войны былъ полонъ для нась тяжкихъ потерь. И что же? Въ эти пережитые нами безрадостные дни люди, попреимуществу холдные къ вѣрѣ и Церкви, не имѣющіе связи съ народомъ, они-то и потеряли голову, нервничали, преувеличивали опасности, сочиняли нелѣпыя вѣсти и сами имъ со страху вѣрили... Но тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ. Величаво спо-коенъ нашъ вѣрующій народъ. Онъ готовъ принять безропотно ниспосланное намъ Провидѣніемъ испытаніе, онъ готовъ до конца исполнить долгъ свой въ тѣхъ именно условіяхъ, въ какихъ застала нась война, никого не осуждая, не ища злобно виновныхъ, не теряя присутствія духа,—а засимъ все предать волѣ Божіей; онъ вѣрить, вѣрить глубоко, что „Господь крѣ-пость людемъ Своимъ дастъ, Господь благословить люди Своя миромъ“ (Пс. 28, 2).

Возлюбленные братья, сыны Россіи! Утвердимся въ этихъ мысляхъ и чувствахъ и станемъ нынѣ всѣ съ нашими молитвами и съ горячею любовью около Царя нашего, на плечи Котораго выпало теперь тягчайшее бремя войны! Возложимъ упованіе на Господа, тысячу лѣтъ хранившаго нашу вѣрующую Россію. „Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудящася зиждущіи, аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій“... Будемъ же вѣрить, что не даромъ Господь создалъ домъ нашего царства и охранялъ его грады! Будемъ тверды и спокойны, будемъ исполнены вѣры въ правоту нашего мірового призванія, нашей государственности, нашей нынѣшней брани, и въ союзѣ съ богоизбѣненнымъ Царемъ нашимъ, при Божьемъ благословеніи, намъ дано будетъ и видѣть, и принять участіе въ совершении великаго народнаго дѣла: стать наша родина на высотѣ своего великаго, Богомъ указаннаго призванія, водрузить Русь святая Крестъ Господень надъ языческимъ знаменемъ восходящаго солнца, какъ нѣкогда водрузилъ его народъ наше надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ.

„И будетъ въ день оный“ народъ святорусскій „возстай владѣти языки; на того языцы уповать будутъ, и будетъ по-
кой его—честь“... (Ис. XI, 10). Аминь.

Радость храмозданія.*

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны (Пс. 117, 24).

Только на святую Пасху поютъ эти слова въ церкви. Но не удивляйтесь, возлюбленные, что и сегодня ради торжества

* Поученіе при освященіи церкви въ селеніи Ольгинскомъ, Тифлисской губерніи.

21 мая высокопреосвященный Алексій, экзархъ Грузіи, въ сослуженіи городского и мѣстнаго духовенства, освятилъ въ русскомъ селеніи Ольгинскомъ, отстоящемъ отъ города Тифлиса въ 12 верстахъ по Марткобской дорогѣ, вновь

освященія вашего храма мы въ словѣ церковнаго поздравленія и поученія вамъ приводимъ и повторяемъ тѣ же слова торжества и радости духовной: *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.*“

Есть чему радоваться, есть отъ чего веселиться: нынѣ въ этомъ храмѣ *съ нами Богъ!* Только каменное сердце, только ледяная душа не пойметъ и не восчувствуетъ, какое великое благо приносить людямъ домъ молитвы, домъ Божій, ясно глаголющій въ сердца наши, что *съ нами Богъ.* Только совѣтъ потерянный человѣкъ не встрепенется душою, зная и видя, что около него и для него явлена богоодорванная святыня.

Вспоминаются намъ древнія времена.

Вотъ евреи, послѣ 70 лѣтъ тяжкаго плѣна въ чужой Вавилонской землѣ, возвратились на родину, въ святой Іерусалимъ, отъ которого остались для нихъ одни развалины. Что же они дѣлаютъ прежде всего? Нѣть домовъ, нѣть улицъ и площадей, нѣть у нихъ полей, садовъ и огородовъ; народъ пытается кое-какъ, живеть подъ открытымъ небомъ, ютится около развалинъ, его печеть солнце, его мочить дождь, мучить стужа... Однако, что же дѣлаетъ народъ прежде всего? Раньше всякихъ другихъ зданій онъ на свои скучныя средства, на послѣднія средства, вынесенные изъ плѣна, строить храмъ Божій въ Іерусалимѣ. И какая радость была для всѣхъ, когда предъ ихъ глазами вознесся къ небу величественный храмъ, мѣсто Божія обитанія!

Вотъ древніе христіане ищутъ величайшую святыню свою—Крестъ Господень, на которомъ нѣкогда распять бытъ нашъ Спаситель. Долго ихъ гнали, мучили, предавали смерти; долго лилась ихъ кровь въ свидѣтельство вѣры и любви ихъ къ своему Господу; долго не смѣли они и помыслить приблизиться къ Голгоѳѣ и предпринять поиски въ глубинѣ земли, чтобы

отстроеннуу церковь во имя святыхъ царей и равноапостольныхъ Константина и Елены. Основаніе этой церкви было заложено еще въ бытность экзарха Грузіи скончанаго митрополита Напладія, но ольгинцы долго не могли выстроить ее по своей бѣдности и малочисленности. Въ послѣднее время, благодаря щедрѣмъ по жертвованіямъ Государя Императора, Князя-Главноначальствующаго и заботливой пощечительности экзарха Грузіи, выстроена красивая, свѣтлая, каменная церковь, могущая вмѣстить до 500—600 богомольцевъ.

обрѣти сокрытый въ ней Крестъ, чтобы облобызать безцѣнную святыню и ей поклониться. И только вступилъ на престоль равноапостольный царь Константинъ,—его мать Елена, ревностная христіанка, и съ нею тысячи вѣрующихъ стали искать прежде всего святой Крестъ и постарались даровать міру эту святыню. И когда она обрѣтена была въ иѣдрахъ земли послѣ чудодѣйственныхъ знаменій, и когда вознесенъ былъ Крестъ Господень предъ очами великаго множества народа: какая радость объяла всѣ сердца, какія глубокія чувства вѣры, любви, покаянія всколыхнули всѣ души и вырвались и воплотились въ краткой, но вѣчной, и глубокой, и единственно приличной для грѣшника молитвѣ: *Господи, помилуй!*

Сія радость и для васъ, братіе, нынѣ исполнилась. Долго вы вздыхали о святынѣ, о своемъ храмѣ; давно заложили его основаніе; давно томились душами увидѣть этотъ день, и вотъ въ праздникъ равноапостольныхъ Константина и Елены, коихъ защитѣ и покрову вы вѣрили себя съ первыхъ дней пришествія сюда и теперь посвятили самыи храмъ, посылаеть вамъ Господь давно желанную радость. Отнынѣ священнодѣйствіемъ архиастыря и его сослужителей утверждены здѣсь престоль Господень, явлена вамъ величайшая *святыни!* Отнынѣ освященъ для васъ этотъ храмъ и въ немъ будуть совершаться святѣшія таинства, спасающія грѣшную душу любовью и искупленіемъ Спасителя, прощеніемъ грѣховъ и соединеніемъ съ Богомъ; отнынѣ будетъ совершаться здѣсь богослуженіе, возносящее духъ нашъ къ небу на крыльяхъ молитвы; отнынѣ будетъ здѣсь возглашаться слово Божіе,—сама истина, просвѣщающая нашъ слабый разумъ знаніемъ Бога и Его закона... Отнынѣ открывается здѣсь святое училище для малыхъ и старыхъ: приходите, почерпайте здѣсь обильно пищу и питіе духовное!

Воистину можетъ прійти къ вамъ и радость оная, юже имяше блаженную Елену, егда обрѣте святый Крестъ,—видѣй этой святыни; воистину, въ сей день освященія храма не чужда вамъ радость древняго Израиля, воодвигшаго храмъ Господу въ Іерусалимѣ послѣ томительныхъ 70 лѣтъ плененія.

Благодареніе Господу за Его великія благодѣянія!

Благодареніе возлюбленному нашему Государю Императору, отъ щедротъ Своихъ даровавшему пособіе вамъ, малому стаду, на сооруженіе храма!

Благодареніе нашему добромъ и заботливому архипастырю, экзарху Грузіи архіепископу Алексію: столько заботился, столько трудился онъ для того, чтобы увидѣть сей храмъ начатымъ въ постройкѣ послѣ давней закладки фундамента; столько расточалъ онъ къ вамъ словъ поученія и просьбы и похвалы и укоризны, и снова просьбы и поощренія, пока не увидѣль сей храмъ оконченнымъ! Благодареніе главному начальнику всего нашего края и представителю власти Царской князю Г. С. Голицыну, который далъ вамъ щедрое пособіе на послѣднюю достройку храма!

Благодареніе благочестивымъ ревнителямъ и жертвователямъ на нужды и благолѣпіе вашего храма!

Благодареніе тѣмъ изъ васъ, братіе, которые здѣсь трудились, возили матеріаль, помогали въ работахъ; тѣмъ, которые вѣрили въ окончаніе святого дѣла, несмотря на нужды и недостатокъ средствъ, слушались совѣтовъ и просьбъ нашего архипастыря, и вотъ теперь дожили до того дня, когда ваша вѣра и надежда не посрамились, но восторжествовали надъ опасеніями и уныніемъ!

Но однихъ словъ благодарности мало: благодарность въ дѣлахъ, а не на словахъ. Надо послужить, надо самымъ дѣломъ отблагодарить тѣхъ, кто оказалъ вамъ благодѣянія.

Чѣмъ послужите Господу, даровавшему вамъ эту святыню? Будьте ея достойны доброю вѣрою и правою жизнью. Въ храмѣ съ нами Богъ: нужно, чтобы и мы были съ Богомъ. Храните же православную вѣру, держите твердо церковные обычай, неопустительно посѣщайте храмъ, учитесь Закону Господню! Когда на дворѣ темно, въ домѣ зажигаютъ свѣтъ. Смотрите же: кругомъ васъ растетъ духовная тьма, народъ нашъ часто впадаетъ въ пороки, въ пьянство, въ пагубное сектантство. Зажигайте же свѣтъ въ своемъ домѣ духовномъ,—въ душахъ вашихъ зажигайте свѣтъ вѣры, возгрѣвайте и пламенную ревность по вѣрѣ. А охраною для васъ будетъ служить этотъ св. храмъ и совершаемыя въ немъ таинства и богослуженіе. Испол-

найте же долгъ христіанскаго говѣнія, освящайтесь покаяніемъ и тайнами Христовыми; освящайте дома молитвою церковною, поминайте умершихъ, молитесь о живыхъ; во всемъ и всегда поступайте, какъ истинные христіане, по-Божи, по-православному. Мало васъ: но тѣмъ болѣе нужно вамъ подъ сѣнью этого храма, подъ руководствомъ пастыря собраться и сплотиться въ единый дружный и крѣпкій *приходъ* и беречь и любить все приходское: церковь, богослуженіе, школу. Школу вамъ дали и щедро при ея устройствѣ помогли: пусть же она будетъ полною. Слышите, вотъ вамъ приказаніе, и просьба и завѣтъ нашего архипастыря: чтобы у васъ ни одинъ мальчикъ, ни одна дѣвочка не остались безъ ученья, всѣхъ непремѣнно посыпайте въ школу! Стыдно вамъ будетъ, если вы измѣните Богу, измѣните храму: это будетъ незамолимый грѣхъ Гудинъ. Стыдно вамъ будетъ, если вы не оправдаете заботъ и тревогъ о васъ духовной власти.

Чѣмъ воздадите и чѣмъ послужите Всемилостивѣйшему нашему Государю, столь щедро вамъ благодѣявшему?

Молитесь о Немъ, возлюбленные, особо усердною молитвою! Молитесь прилежнѣе теперь, въ эти тяжкіе дни войны, когда сердце Царя нашего полно тревогъ печали! Будьте добрыми вѣрноподданными и исполнителями Царскаго закона, и любовь, преданность Царю завѣщайте дѣтямъ и внукамъ въ роды родовъ. Трудитесь здѣсь честно въ вашемъ званіи; храните и воздѣлывайте землю вашу; покажите примѣръ домовитости, порядка, доброхозяйственности. Живите правильнымъ сельскимъ обществомъ, выполняйте добросовѣтно всѣ общественные обязанности, будьте дружны, согласны, берегитесь пьянства и всякаго вида раздора. Пусть все общественное, какъ и все церковно-приходское, будетъ у васъ въ порядкѣ: и вы будете вѣрными слугами своему Государю. Пусть всѣ окружающіе васъ жители здѣшнаго края видятъ, что вы не напрасно сюда переселились, что вы вполнѣ заслуживаете заботливости Царя и начальства. Пусть они видятъ въ васъ образецъ труда, порядка, согласія, трезвости, чистоты семейной и исполненія законовъ. И пусть никто и никогда не пожалѣетъ о томъ, что васъ сюда переселили.

Вотъ вамъ благожеланія наши въ нынѣшній день.

Господь даровалъ вамъ святыню: будьте ея достойны.

Государь оказалъ вамъ милость: заслужите ее и оправдайте вашею жизнью.

А въ заключеніе—поздравляемъ васъ, братіе, отъ всей души съ торжествомъ вашимъ!

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны! Аминь.

Единеніе въ Церкви.*

Евангельское чтеніе предложило нашему вниманію священный разсказъ о исцѣленіи Спасителемъ слуги сотника Капернаумскаго. Великую, рѣдкую похвалу воздалъ Спаситель этому сотнику и, очевидно, въ этой похвалѣ и заключается главное нравственное поученіе предложенного намъ чтенія. Вдумаемся же и всмотримся въ евангельскій образъ, извлечемъ для себя отсюда нравственный урокъ и выводъ. Этотъ образъ поражаетъ своею опредѣленностью и цѣльностью. Мало о немъ сказано въ евангеліи, но изъ этого малаго совершенно ясно вырисовывается образъ человѣка, въ духовномъ отношеніи совершенно созрѣвшаго. Вѣра, любовь и смиреніе—вотъ истинныя черты его духа.

Велика его вѣра, велика и мужественна. Онъ, сотникъ римскій, начальникъ стражи, живетъ среди народа еврейскаго, къ которому иные въ его положеніи относились только съ презрѣніемъ. Но онъ духовно сжился съ этимъ народомъ, прозрѣлъ въ истину исповѣдуемаго имъ богопочтенія и богоугожденія, сдѣлался прозелитомъ не на словахъ, не въ душѣ только, но и

* Нед. 4. Сказано въ Кук. Иоанно-Крестит. церкви гор. Тифлиса.

самымъ дѣломъ, ибо выстроилъ для города синагогу. Видимо, онъ уразумѣлъ лучше даже многихъ израильтянъ и саму сущность богооткровенного вѣхозавѣтнаго закона: ожидая Спасителя, стремился къ Нему всѣмъ существомъ и узналъ Его, пришедшаго. Онъ, невзирая на невѣріе книжниковъ и фарисеевъ и авторитетныхъ руководителей религіозной жизни народа, съ которыми онъ слился воедино по своимъ вѣрованіямъ, узнаетъ Спасителя, вѣруетъ въ Него, обращается къ Нему всенародно съ просьбою, въ которой звучитъ такая глубина вѣры: „Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому лютѣ страждеть: но рѣ ты токмо слово, и исцѣлѣть отрокъ мой!“ Слышите ли просьбу сотника? Въ ней сказалось истинное воспитаніе въ законѣ Божиѣмъ, въ заповѣдяхъ Моисеевыхъ, въ ней сказалось сердце, глубоко любящее. Не о себѣ, не о своихъ родныхъ,—нѣть, за своего слугу просить сотникъ Господа Іисуса. Чтобы понять величіе души сотника, нужно знать и ясно представить себѣ время, въ которое онъ жилъ. Это было время господства рабства, это было время, когда личность человѣка цѣнилась ни во что, когда раба продавали наравнѣ съ домашними животными, когда рабовъ убивали и мясомъ ихъ кормили животныхъ въ звѣринцахъ или рыбъ въ садкахъ, чтобы сдѣлать мясо ихъ вкуснѣе. Это было время, когда близость къ рабу почиталась униженіемъ, а жестокость считалась признакомъ благородства, силы воли и надлежащаго поведенія, достойнаго званія настоящаго господина и человѣка. При такихъ-то условіяхъ сотникъ Капернаума показываетъ намъ примѣръ истинно-человѣческаго отношенія къ своему слугѣ и обращается о немъ съ мольбою къ Спасителю.

И какъ смиренно онъ просить! Онъ считаетъ себя недостойнымъ принять І. Христа въ домъ. Онъ вѣрить, глубоко вѣрить, что стоять только Спасителю изречь слово—и исцѣлѣть его отрокъ.

Вѣра, любовь и смиреніе наполняютъ все существо сотника, которая на всѣ вѣка является образцомъ этихъ чисто-христианскихъ добродѣтелей. Когда всмотрѣшься въ его образъ, видишь и чувствуешь, что не напрасно онъ удостоился великой похвалы Спасителя.

Но есть въ сотникъ еще одна черта, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе вамъ, наши слушатели.

Наше время есть время крайняго развитія, такъ - называемаго, націонализма и всякихъ племенныхъ счетовъ. Сколько на этой почвѣ выростаетъ несправедливости, злобы, подозрительности, сколько выростаетъ препятствій для христіанскаго общенія людей между собою! Сколько несправедливаго преувеличенія своихъ племенныхъ достоинствъ и чужихъ племенныхъ недостатковъ.

Братіе! Во всякомъ языцѣ дѣлай правду предъ Богомъ пріятень Ему есть. Есть родство между людьми высшее, чѣмъ родство по крови и племени: союзъ духовный, религіозный, родство и единомысліе душъ и сердецъ въ Богѣ. Сотникъ такимъ именно союзомъ сродства съ чуждымъ ему народомъ еврейскимъ перешель чрезъ всѣ препятствія и возможныя насмѣшки, презрѣнія соотечественниковъ, и шелъ только къ правдѣ и свѣту, къ которымъ стремилась душа его.

Пусть это послужить примѣромъ для нась, братіе, въ такомъ многоплеменномъ краѣ, какъ нашъ Кавказъ. Вѣра Христова у нась одна, одна Православная Церковь, одна духовная сущность,—и ваша задача, народные учители, подчеркивать эту духовную сущность единую и недѣлимую. Только тогда наша духовная жизнь пойдетъ прямымъ и увѣреннымъ путемъ и приведетъ нась къ тому, что Христосъ Спаситель назвалъ царствомъ Божіимъ, тѣмъ царствомъ, въ которое привалъ Онъ весь міръ, всѣ народы, дальнихъ и ближнихъ, дабы содѣлать изъ всѣхъ одно и устроить царствіе Свое.

И царствію Его не будетъ конца. Аминь.

Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ.*

И принесоша къ Нему разслабленна
жилами, носима четырьми...

Немногіе, быть-можеть, знаютъ, какое воспоминаніе совпадаетъ съ нынѣшнимъ воскреснымъ днемъ. А воспоминаніе это полно глубокихъ знаменованій и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ переживаемымъ нами событіямъ.

Около 200 лѣтъ тому назадъ Россія вела тяжкую войну. Стоялъ предъ нею вопросъ: быть или не быть ей государствомъ въ Европѣ; стоялъ вопросъ еще болѣе важный: оставаться ли на свѣтѣ хоть одному православному царству, потому что Византія къ тому времени пала, Грузія была порабощена исламомъ, а славянскія древне-православныя царства лежали въ руинахъ. Долго неудачи преслѣдовали Россію; противъ нея направили оружіе самый искусный полководецъ того времени и самое сильное въ то время государство въ Европѣ. И вотъ подъ Полтавой въ тяжкомъ и кровавомъ бою Господь благословилъ оружіе наше. Россія была возрождена этой побѣдой къ новой жизни, она заняла свое мѣсто предъ западнымъ міромъ и его народами, она могла сохранять и отстаивать свое міровое призваніе—удержать святое православіе, подать руку единовѣрнымъ братьямъ, отстоять Крестъ Господень предъ полчищами невѣрныхъ.

Неудивительно, что и Церковь и государство чтили и чтуть день 27 іюня, день Полтавской побѣды, воспоминая великое знаменіе милости Господней къ Россіи.

Прошло два вѣка, и сказались плоды богоданной побѣды: Россія выросла въ великое государство, и гордые народы гордаго Запада должны были признать и ея силу и ея величіе.

И вотъ, въ наши дни снова Богъ судить нашему отечеству пережить такую же опасность, но уже съ Востока. Опять

* Слово 27 іюня 1804 г., въ нед. 6-ю; сказано въ Ахалцыхѣ, Тифл. губ., при священнослуженіи экзарха Грузіи.

подымаются на насъ полчища враговъ; опять самый воинственный народъ Востока вторгается въ наши предѣлы, пользуясь миролюбиемъ русскаго народа, не готовившагося къ войнѣ, вѣрившаго въ чужую добродѣтель и въ честность словъ и намѣреній Японіи. И опять льется кровь, и опять рѣшается вопросъ: быть или не быть Россіи великимъ государствомъ предѣль лицомъ Востока, и еще важнѣе: что побѣдить, Крестъ, или языческое восходящее Солнце, кто восторжествуетъ, Христосъ, или древній Драконъ, и дано ли будетъ Россіи исполнить свое міровое призваніе—нести имя Христово до послѣднихъ предѣловъ земли? Неудивительно, что и теперь Церковь и государство всѣмъ вниманіемъ прикованы къ этой великой борьбѣ.

Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ переживающимъ событиямъ? Но для этого нужно имѣть каменную душу и ледяное сердце. Въ этомъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой разницы между различными племенами, населяющими Россію: кто бы они ни были—грузины, армяне, татары, евреи и т. д.,—всѣ они укрылись подъ могучими крыльями русскаго орла, всѣ они связаны самыми кровными своими интересами съ Россіей; ея счастье—ихъ счастье, ея сила—ихъ сила, ея ослабленіе, бѣдность, паденіе отразятся и на нихъ несчастьями и слабостью.

Но мы—не военные люди; мы—мирные граждане и труженики. Какъ же мы выразимъ участіе наше въ войнѣ?

Въ прочитанномъ сегодня евангельскомъ и апостольскомъ чтеніяхъ мы найдемъ отвѣтъ; намъ указана возможность послужить ближнимъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Мы слышали въ евангеліи, какъ исцѣлилъ Спаситель разслабленаго больного, простивъ ему грѣхъ за вѣру его и за вѣру тѣхъ, которые принесли его. И эти четверо,—друзья больного, безвѣстные люди, что взяли и, за невозможностью пробиться сквозь народъ къ Спасителю, подняли больного на кровлю, прокопали потолокъ и спустили его къ ногамъ Иисуса,—какіе это добрые люди, какъ достойны они подражанія!

О, сколько и теперь такихъ разслабленныхъ, больныхъ, раненыхъ, страдающихъ на дальнихъ поляхъ Маньчжурии! И

какъ они нуждаются въ нашей помощи! И какъ велико предъ Богомъ и людьми это служеніе болящимъ и страждущимъ!

Вспоминается величайшій постникъ и пустынникъ подвижникъ Макарій. Однажды посѣтилъ онъ больного пустынника-монаха и въ бесѣдѣ участливо спросилъ его: „Чего тебѣ хочется, братъ?“ „Пастилы“,—отвѣчалъ больной. И что же? Оставившій давно міръ, отвыкшій отъ городовъ и людныхъ селеній, идетъ Макарій десятки верстъ по знайной песчаной пустынѣ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ,—идетъ въ огромный городъ Александрію, покупаетъ пастилу и приносить больному брату.

Позвольте занять ваше вниманіе разсказомъ и о другомъ случаѣ въ древней монашеской обители. Умиралъ молодой инокъ; около него собрались въ смущеніи и тревогѣ братья обители и смутны были ихъ души, боялись они за загробную участъ умиравшаго: умиравшій поздно являлся въ храмъ, не выстаивалъ всенощныхъ молитвъ, не отличался подвигами поста и воздержанія. Во главѣ собравшихся у одра умирающаго стоялъ игуменъ обители, знаменитый святостью, уважаемый старецъ. И вотъ что вдругъ говорить старецъ умирающему иноку: „Иди, братъ, въ миръ; духъ твой будетъ зрѣть славу Бога Трисіяннаго; тебѣ уготовано блаженство Христомъ Господомъ“. Удивились и смущились иноки похвалѣ брату, который казался имъ нерадивымъ и даже недостойнымъ. Старецъ разъяснилъ имъ: „Досией,—это было имя умирающаго,—Досией не несъ подвиговъ воздержанія, сохраняя силы тѣлесныя, чтобы служить больнымъ; ради нихъ онъ опаздывалъ жъ общей молитвѣ, ради нихъ онъ оставлялъ наши всенощныя бдѣнія. Скажите, какому больному онъ отказалъ въ помощи, скажите, какимъ больнымъ или какою болѣзнью онъ погнулся? А вѣдь Господь сказалъ: Я бытъ боленъ, и вы посѣтили Меня, а что сдѣлали вы одному изъ братій, то сдѣлали Мнѣ. Почему и уготованъ Досиею вѣнецъ славы“.

Вотъ какъ смотрѣли древніе отцы и учители на подвигъ служенія больнымъ.

Стоны нашихъ больныхъ и раненыхъ братьевъ несутся теперь по Россіи: слышите ли ихъ вы, возлюбленные, не слу-

хомъ, а сердцемъ? Къ намъ протянуты руки тѣхъ, которые за насть проливали свою кровь, которые жизнью отстаивали покой и процвѣтаніе нашего отечества въ настоящемъ и будущемъ. Отзовемся же на ихъ стоны и мольбы, какъ отозвался милосердный самарянинъ въ притчѣ Господней: когда онъ не могъ самъ ухаживать за несчастнымъ, онъ вынулъ два сребренника и, передавая гостиннику, сказалъ: „поухаживай за нимъ, и если ты что истратишь лишнее, я по возвращеніи отдамъ тебѣ“.

Пусть на полѣ брани сестры и братья милосердія, наша олагородная молодежь, наши многія-многія добрыя женщины, а въ послѣднее время, какъ слышимъ, и монахи и монахини самыи дѣломъ подражаютъ тѣмъ четыремъ евангельскимъ друзьямъ разслабленнаго, которые принесли его къ ногамъ Иисуса. Мы поможемъ имъ изъ нашего далека и сочувствіемъ, и молитвами, и посыпкою денежной помощи. Означенуемъ этимъ добрымъ дѣломъ нынѣшнее торжество взаимной молитвы съ архипастыремъ, означенуемъ этимъ и день воспоминанія Полтавскаго боя. Слово же поученія нашего закончимъ словами святого апостола, глаголющаго:

„Братолюбемъ другъ ко другу любезни“.

Сейчасъ я пройду за сборомъ пожертвованій по храму. Узнавъ объ этомъ сборѣ, одинъ добрый человѣкъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, передалъ мнѣ 50 рублей, которые я и полагаю на это блюдо. Господь да воздастъ милостью Своей добромъ жертвователю. Аминь.

Уроки прошлаго.*

Что сказать съ церковной каѳедры въ поученіе незнакомымъ слушателямъ? Какой предметъ избрать и гдѣ найти поводъ для церковно-учительнаго слова?

* Сказано въ Ахалцихѣ 2 іюля 1904 года по случаю посѣщенія города экзархомъ Грузіи, при священнослуженіи Его Высокопреосвященства.

Вотъ вопросы, которые естественно могутъ занимать и смущать душу того, кто призванъ въ настоящія минуты говорить съ высоты этого священнаго мѣста. Но неисчерпаема область христіанскаго поученія, и оно, это поученіе, само просится въ умъ и сердце и само ищетъ вылиться въ слово при первой же попыткѣ вдуматься въ переживаемыя нами обстоятельства.

Предъ нами, братіе, архиепаstry, нынѣ вступившій въ общеніе молитвы, въ это великое таинство единенія съ пасомыми, живущими въ отдаленой окраинѣ ввѣренной его духовному водительству обширной епархіи. И прежде всего, самый этотъ край, его минувшія судьбы, его кровавая история,—все это уже служитъ предметомъ глубоко-разумительнаго поученія.

Это—край свѣтлыхъ воспоминаній древней Месхетіи, гдѣ счастливо жили лучшіе представители Грузіи, гдѣ процвѣтало просвѣщеніе, гдѣ красовались многочисленные храмы и обители, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ росло и благоухало и плодъ приносило древо православнаго христіанства. Это—край, куда нѣкогда блаженная царица Тамара безспорно и безраздѣльно простирала свою власть, объединя въ вѣрѣ и унованіи сыновъ впослѣдствіи раздѣленной и растерзанной Грузіи. Это—край, откуда она, опираясь на церковное и государственное единство Грузіи, выражаясь мѣткою народною рѣчью грузинъ, „межевые знаки поставила въ морѣ, Эраерумъ сдала въ аренду“... Да, было здѣсь нѣкогда державнымъ святое православіе, быть могучъ и счастливъ и христіанскій народъ, объединенный въ христіанскомъ царствѣ, подчиненный не за гнѣвъ, не по страху, а за совѣсть единой царственной власти вмѣстѣ со своими мѣстными правителями, которыхъ называли прекраснымъ, выразительнымъ и знаменательнымъ именемъ атабековъ, т.-е. правителями-отцами. И все это сдѣлала одна только благодѣтельная сила: святое единеніе. И, однако, какая горькая судьба постигла этотъ цвѣтущій христіанскій край! Чье сердце не содрогнется и чья не содрогнется и не ужаснется душа, при одномъ представлѣніи этой злой судьбы! Извѣтны минувшихъ вѣковъ возстаетъ она предъ нами пол-

ная грозныхъ предостереженій, полная суровыхъ и укоровъ, и уроковъ. Не одной силой Турціи объясняются бѣдствія этого края. Были на то, и мѣстныя причины, и мѣстные виновники. Раздѣлилась едина Грузія при царѣ Александрѣ; захотѣли и здѣшніе правители-отцы въ своемъ маленькомъ уголкѣ небольшой Грузіи полной самостоятельности; разобщили себя отъ единства христіанскаго царства, и вотъ, разразились надъ краемъ этимъ бѣдствіе за бѣдствіемъ. Мѣстные правители, ослабивъ Грузинское царство, уже не могли найти у него помощи, когда предъ ними возстало опасность. И вогъ, разрушительнымъ потокомъ пронеслись по этому краю враги Креста; пришли невѣрные въ наслѣдіе Божіе, осквернили храмы, разорили обители, проліяли кровь сыновъ этой страны, какъ воду, положили трупы ихъ въ пищу птицамъ небеснымъ и звѣрьмъ земнымъ, и не бѣ погребаяй. Поникла главою къ землѣ, какъ скошенная трава, цвѣтущая христіанская Церковь, замолкли голоса славословія Богу, замолкло ученое слово, погибло просвѣщеніе, померкъ Крестъ предъ полумѣсяцемъ, истребленъ духовный вождь народа; наконецъ, исчезли святыни, народъ подъ тяжкимъ игомъ измѣнилъ вѣръ отцовъ, и только развалины многочисленныхъ храмовъ да небольшая горсть оставшихся героевъ вѣры, обреченныхъ на мученичество, напоминали о томъ, что здѣсь нѣкогда было. И вместо правителей-отцовъ здѣсь воцарились правители-зѣви, турки-мусульмане, обратившіе быстро страну въ пустыню. Все это сдѣлала одна только злая сила: губительное раздѣленіе.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока волею Божіей не возсталъ другой Александръ; Александръ I-й, Царь Русскій, соединилъ разрозненное во единство гораздо болѣе великое, могучее и прекрасное, чѣмъ прежде: истерзанная Грузія отдала себя Россіи и ей же ввѣрила права на все то, что нѣкогда ей принадлежало. Тогда-то началось движеніе соединенныхъ силъ двухъ православныхъ народовъ и по этому отторгнутому краю и, наконецъ, 75 лѣтъ тому назадъ снова засіялъ въ немъ Крестъ Господень и онъ возродился къ новой жизни. И опять спасеніе принесла одна только сила: святое единеніе. Нужно ли теперь долго доказывать и изъяснять, какой урокъ нынѣ

напрашивается намъ въ душу самъ собою? Нужно ли говорить о томъ, что единеніе наше есть залогъ и нашего душевнаго спасенія и земного благополучія?

Да хранится же это святое единеніе и прежде всего и главнѣе всего въ духѣ, въ области святой вѣры. Показатель его—нынѣщнее торжество наше, это умилительное и величавое богослуженіе, эта общая молитва православной паствы во главѣ съ архипастыремъ. Не всѣ въ этомъ краѣ принадлежать къ единому стаду: то, что сдѣлано для раздѣленія въ теченіе трехъ вѣковъ, того не передѣлать въ 75 лѣтъ. Но, по крайней мѣрѣ, сыны единаго православія да будутъ въ общеніи любви, да будутъ горячими въ вѣрѣ, единомысленными и сплоченными въ Церкви, преданы всею душою ея уставамъ, ея интересамъ. Смотрите, что сдѣлала Турція, объединивъ краї въ мусульманствѣ: она наложила печать на душу и на тѣло народа—на вѣру, на языкъ, и на бытъ, и на одежду и на всю жизнь здѣшнихъ насельниковъ, чуждыхъ по племени Турціи, но доселѣ къ ней тяготѣющихъ. То, что сдѣлалъ исламъ, неужели не въ силахъ произвести вѣра Христова? О, братіе, стойте въ этой вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь, возьмитесь за знамя церковное, объединитесь подъ его водительствомъ,—и чудо свершится: чудо новаго просвѣщенія и объединенія всей страны этой въ вѣрѣ Христовой. Говорять, при взятіи Ахалъыха русскими войсками 15 августа 1828 года, первое русское ядро сбило луну съ мечети, водруженной на мѣстѣ бывшаго креста: это великий символъ и показатель будущаго направленія жизни въ этомъ краѣ.

Но если мы еще не видимъ возсоединенія религіознаго въ этомъ краѣ, то политическое, государственное единеніе его съ Россіей должно быть предметомъ нашей всесѣйной и убѣждѣнной заботливости. Оно неисчислимо по своимъ послѣдствіямъ, въ немъ—все для этого края. Особенное же чувство единенія съ Россіей должно проявляться и утверждаться теперь, въ дни тяжкой брани нашей на Дальнемъ Востокѣ. Неизмѣримо религіозное и государственное значеніе переживаемой войны. Укажемъ, однако, только самое близкое ея значеніе для нась. Съ Россіей и ея судбою связаны самые жизненные интересы

всѣхъ населяющихъ ее племенъ, безъ всякоаго различія въро-
ваний. Слава и могущество государства--это наша слава и
наше могущество, кто бы мы ни были.

Пусть же растетъ и ширится и крѣпнетъ, все объединяя
и скрѣпляя, это государственное единеніе, которое, воистину,
принесетъ счастье и этой странѣ, взамѣнъ тѣхъ бѣдъ и не-
счастій, которыя она претерпѣла нѣкогда въ вѣкъ безнечалія,
безправія и раздѣленія. Воспитывать, возгрѣвать вокругъ себя
эти патріотическія чувства, проявлять ихъ во всѣхъ доступ-
ныхъ формахъ--вотъ наша обязанность.

Ихъ можно и должно проявить и сегодня. На войнѣ уми-
раютъ и страдаютъ наши братья; тысячи больныхъ и ранен-
ыхъ воиновъ терпятъ нужду духовную и тѣлесную: имъ
нужны знаки нашего вниманія, нашей любви, нашей благодар-
ности за трудъ, страданія и подвиги; имъ нужны и всѣ посо-
бія медицины, нужно удовлетвореніе всѣхъ потребностей боль-
ногого и измученного организма.

Принесемъ имъ нашу посильную лепту. Означенуемъ
этимъ нынѣшнее торжество общей молитвы съ архипастыремъ,
съ благословенія котораго и будетъ сейчасъ произведенъ сборъ
въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ. Это будетъ луч-
шимъ разрѣшеніемъ нашей взаимной любви и единенія и
умилостивленіемъ Господа предъ молитвою о дарованіи по-
бѣдъ нашему воинству въ тяжкой брані. Аминь.

Царственный отшельник.*

Вкушая вкусыхъ мало меду, и се азъ
умираю... (1 Цар. XIV, 43).

Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ эти самые дни юля
мѣсяца и въ этомъ самомъ храмѣ предстоялъ алтарю Госпо-

* Памяти въ Богъ почивающаго Государя Цесаревича и Великаго Князя
Георгія Александровича. Слово, сказанное въ Аббасъ-Туманской церкви предъ пан-
никой о въ Богъ почившемъ Цесаревичѣ, совершенной Его Высокопреосвящен-
ствомъ экзархомъ Грузіи 4 юля 1904 года.

дни гробъ безвременно почившаго, дорогого всей Россіи покойника, о которомъ молитвенное воспоминаніе нынѣ мы творимъ, о которомъ—въ его скорбной судьбѣ, въ его ранней кончинѣ—можно сказать приведенными сейчасъ словами Божественнаго Писанія: „Вкушая окусихъ мало меду, и се азъ умираю”...

Жизнь его, со дня рожденія, ярко отмѣчена была въ ряду многихъ и многихъ человѣческихъ жизней. Рожденный въ Царственномъ Семействѣ, одаренный отъ природы богатыми способностями и силами ума и сердца, изощрившій природныя дарованія основательнымъ образованіемъ, воспитанный Царственными Родителями, нравственная высота которыхъ и чистота семейной жизни безспорно признана всѣмъ міромъ, возвѣченный, наконецъ, именемъ Цесаревича и Наслѣдника престола обширнѣшаго въ міру самодержавнаго царства,—онъ, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и надеждамъ, готовился пройти въ исторіи міра надолго замѣтнымъ путемъ, испытать и пережить всю безконечную смѣшну трудовъ, усилий, подвиговъ, борьбы, успѣховъ, вліянія на судьбы своей родины и всего человѣчества.

И, однако, трудно найти въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, трудно найти другую жизнь, столь бѣдную внѣшними событиями, какъ жизнь покойнаго Цесаревича. Въ ранней молодости несчастная случайность причинила ему болѣзнь, которая тяжкимъ гнетомъ давила молодое существованіе, нерѣдко приковывала къ одру болѣзненному, заставляла оставлять и родину, и горячо любящую и имъ любимую семью, принудила, наконецъ, въ поискахъ исцѣленія, удалиться на эту окраину Россіи и цѣлыхъ семь томительныхъ лѣтъ провести здѣсь почти безвыѣздно, вдали отъ власти и вліянія и отъ той работы, къ которой онъ призванъ былъ царственнымъ рожденіемъ и положеніемъ. Мимо его гдѣ-то вдали шумно протекала жизнь, которой онъ не могъ быть чужды; совершились события, которыхъ не могли не касаться его и его судьбы: страдалъ предсмертною болѣзнью Царственный Родитель, угадая въ недальнемъ отъ него южномъ полуостровѣ Россіи; восходилъ на престолъ нѣжно-любимый Царственный Братъ и съ

Нимъ восходили и поднимались новые царственные замыслы и державные труды; измѣнялось многое въ близкомъ ему кругѣ людей, интересовъ и всей привычной ему жизни... А онъ не могъ оторваться оть мѣста, къ которому его привязала болѣзнь, и проводилъ здѣсь жизнь въ вынужденномъ бездѣствіи, одинъ со своею болѣзнью и съ неотступною о ней мыслью.

И какой глубоко-скорбный и потрясающій конецъ! Ни горячая, рѣдкая любовь Царственной Матери, ни заботы царственныхъ родныхъ, ни благодатный климатъ этого чуднаго мѣстечка, ни медицинскія пособія, которыя всѣ были къ его услугамъ, ни принесенная имъ жертвы удаленія оть родной среды ради сохраненія здоровья,—ничто не могло отвратить оть него развитія роковой болѣзни, принесшей ему столь раннюю смерть. Воистину, онъ могъ сказать о себѣ: „*Вкушай вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.*“

Когда поминаютъ усопшаго, когда говорять о немъ посмертное слово, обыкновенно останавливаются на его внѣшней, всѣмъ видимой жизни. Что же, поминая нашего дорогого усопшаго, Августѣйшаго Цесаревича, неужели мы должны умолкнуть въ виду того, что жизнь его, какъ мы сказали, прошла въ удаленіи оть показной дѣятельности и такъ бѣдна была внѣшними событиями? Неужели мы не имѣемъ иныхъ залоговъ свѣтлыхъ о немъ чаяній?

О, нѣтъ! Не напрасно, не напрасно протекла эта короткая жизнь. Не напрасно она была вызвана къ бытію, хотя и рано приведена къ земному концу. Не напрасно вездѣ такъ любили почившаго Цесаревича, такъ грустили и плакали и молились о немъ при скорбной вѣсти объ его смерти; не напрасно въ этой мѣстности, гдѣ онъ провелъ долгое время, его образъ обвѣянъ такою любовью, такими свѣтлыми воспоминаніями; не напрасно и весь край нашъ зналъ о немъ и доселѣ съ любовью хранить о немъ благодарную и святую память. Когда нашъ архипастырь, нынѣ предстоящій сему молитвенному собранію, вступилъ въ Боржомское ущелье,—это былъ день смерти покойнаго Великаго Князя. Въ первой же церкви и первую службу архипастырь посвятилъ заупокойному о немъ моленію, и нужно было видѣть это великое молитвенное собраніе, это усердіе

молитвы о покойномъ, въ которой слились воедино всѣ присутствовавшіе, безъ различія званій, положеній, племенъ и возрастовъ.

Бываютъ личности, у которыхъ чѣмъ бѣлье вѣнчаная жизнь, тѣмъ богаче и полнѣе зреТЬ, совершенствуется и возышается жизнь внутренняя. Таковъ именно и былъ покойный Цесаревичъ. О немъ, измѣнія нѣсколько слова Писанія, можно сказать: *еся красота сына царева вънутрь*. Только этой полною и цѣльностью внутренней жизни и духовною его красотою и можно объяснить то высокое обаяніе, которое онъ на всѣхъ и всегда производилъ.

Какъ о благовѣрномъ Царственномъ Отцѣ его, и о немъ можно сказать, что жизнь его была „исполнена вѣры, любви и смиренія“, а эти качества души въ совокупности даютъ удивительно цѣлостный и чудно-привлекательный нравственный образъ.

Трогательна была его вѣра—тихая, скромная, обратившаяся въ коренной устой его жизни. Это ежедневное чтеніе имъ нѣсколькихъ главъ изъ Евангелія; эта любовь и благоговѣніе къ богослуженію, къ которому онъ всегда спѣшилъ, чтобы не опустить его начала; эти заботы о древнемъ Зарамскомъ храмѣ, о которомъ онъ говорилъ и помышлялъ за нѣсколько часовъ до смерти; наконецъ, устроеніе этого храма, въ которомъ мы сейчасъ стоимъ и въ которомъ онъ наканунѣ смерти слушалъ послѣднюю въ жизни литургію,—все это говорить объ умиленно-набожной душѣ почившаго. А сколько было его тайныхъ молитвъ и изъ глубины воздыханій, сколько было въ немъ незримаго въ тайникахъ души благоговѣнія къ Богу: объ этомъ вѣдаетъ Тотъ Единый, Которому предстоитъ нынѣ почившій.

Трогательна была и его любовь ко всѣмъ окружающимъ. Какъ бы можно озлобиться, находясь въ его положеніи, и какъ часто болѣзнь, и особенно его болѣзнь, дѣлаетъ людей нестерпимо раздражительными! И какъ легко, при его высокомъ и властномъ положеніи, озлобленность и раздражительность могли бы безпрепятственно проявляться въ окружающей его средѣ... И вотъ, не слышалъ никто гнѣвнаго возгласа отъ покойнаго,

но вся испытывали обаяніе его задушевности, ласки, предупредительности, простоты и доступности, заботливости о всѣхъ близкихъ и о самыхъ меньшихъ братьяхъ во Христѣ. Объ его добротѣ и деликатности говорилъ весь Кавказъ, не исключая простого народа. Говорили и говорятъ, что его любовь и заботливость простирались даже на животныхъ... Никому онъ не хотѣлъ причинять страданія, но во всемъ живомъ Божьемъ твореніи онъ желалъ видѣть только счастье и довольство.

А сколько и сколькимъ помогъ онъ явно и тайно, обѣ этомъ надо разспросить душу народную, которая все повѣдѣаетъ въ день онъ Господу!

Трогательно и изумительно было и его необыкновенное смиреніе. Онъ не любилъ выдаваться своимъ высокимъ положеніемъ; онъ стѣснялся всякими проявленіями почета, какой ему естественно воздавался, какъ сыну и брату Государя. Онъ настолько избѣгалъ всякой показности, что тяготился простымъ вниманіемъ народа, и обыкновенно, какъ рассказываютъ, даже изъ церкви старался уйти незамѣченнымъ. Чудно блеснуло это свойство его души въ послѣдній день жизни, когда, отправляясь въ прогулку, онъ ни за что не хотѣлъ беспокоить другихъ и отказался наотрѣзъ отъ услугъ провожающихъ. И даже въ моментъ смерти простую женщину, случайную и невольную зрительницу его смертельнаго изнеможенія, онъ съ обычною своею застѣнчивою кротостью и всегдашнею скромностью просить не беспокоиться... Въ предѣлахъ возможнаго, онъ „трудолюбно воздѣлалъ данный ему свыше талантъ“, обративъ трудъ не на вѣнчаное дѣланіе, а на внутренній свой міръ. И онъ достигъ того, что внутренній міръ его былъ цѣльнымъ и прочнымъ; это и проявлялось во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Оттого можно сказать о немъ словами Божественнаго Писанія: *въ малъ похисъ, онъ исполнилъ лѣта долга, и угодна была Господеви душа его, и онъ восхищенъ былъ отъ земли живыхъ* (Прем. IV, 10—14). Какъ зрѣлый плодъ, онъ сорванъ былъ Господиномъ вертограда и положенъ въ небесное хранилище. Вкушая вкусили онъ мало меда,—но онъ самъ обратился духовно въ сладость для Господа.

Тихимъ ангеломъ кротости прошелъ онъ въ своей Цар-

ственной Семьи: ангеломъ мира, любви, милосердія пролетѣль онъ среди людей и надолго оставилъ по себѣ свѣтлый следъ и свѣтлую память.

Теперь, когда острая печаль его ранней смерти притупилась, отрадно въ минуты заупокойного о немъ моленія вспомнить и засвидѣтельствовать, что въ нравственныхъ свойствахъ покойнаго Цесаревича мы имѣемъ залоги свѣтлыхъ о немъ надеждъ и упований, что воистину уготовано *место упокоенія* его страдальческой душѣ, что *дѣла его пошли вслѣдъ за нимъ*, и что въ молитвахъ Церкви и въ очахъ Божіихъ ему уготована вѣчная память...

Благосеніи мертвіи, умирающіи о Господѣ; ей, глаголеть Духъ, да почютъ отъ трудовъ своихъ. (Апок. XIV, 13). Аминь.

Лицемъріе и безцѣльность политическихъ злодѣяній.*

О, мечты! О, мечты! Доколѣ сѣди будеші? Доколѣ не упокоишіся? Види въ ножны твоя, почай и успокойся! (Перем. XLVII, 6).

Вотъ тяжелый стонъ, вотъ горькій вопль, что готовъ вырваться нынѣ у каждого истиннаго сына Россіи въ эти переживаемые нами, воистину, горестные дни. И не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами, у ея друзей, у друзей мира и порядка, нарастаетъ впечатлѣніе какого-то ужаса и негодованія при видѣ гнусныхъ дѣйствій обезумѣвшихъ преступниковъ, которые теперь, во дни войны, настолько подавили въ себѣ всякій голосъ совѣсти, настолько извратили всякия понятія о нравственно-добромъ и злому, настолько подавили въ себѣ всякое патріотическое чувство, что проливаются на улицахъ столицы и другихъ городовъ Россіи кровь вѣрныхъ слугъ Царя и родины.

* Слово на панихидѣ по убіенному министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Шлесе. Произнесено при священнослуженіи экзарха Грузіи въ Тифлісскомъ Сіонскомъ соборѣ 18 іюля 1904 года.

Да, не съ дальнихъ только предѣловъ Маньчжуріи несутся къ намъ оглушительные громы выстрѣловъ и взрывовъ, и не на поляхъ только вынужденной брани льется неповинная русская кровь; въ столицѣ государства, среди бѣлаго дня, посреди мирной обстановки, раздается взрывъ предательской бомбы, отъ кото-раго гибнетъ довѣренный министръ Государя, вѣрный слуга Россіи. Въ короткое время въ столицѣ убивается уже третій министръ; взрыву бомбы предшествуютъ и вторятъ выстрѣлы въ Финляндіи, и у насть въ городахъ Закавказья. Кровавое безуміе, видимо, охватило враговъ государственного порядка.

Стыдно и больно за это нравственное одичаніе хотя бы и незначительнейшей части нашего общества. А между тѣмъ, послушайте ихъ, когда они говорять и пишутъ, когда они вербуютъ себѣ сторонниковъ и пособниковъ обыкновенно въ той средѣ, гдѣ ни семейнымъ, ни школьнімъ, ни общественнымъ воспитаніемъ не привиты молодымъ людямъ ясныя правила и принципы строго-нравственной и истинно-государственной жизни. Вѣдь у нихъ не сходять съ устъ громкія фразы о нравственности, о свободѣ, о правѣ, о культурѣ...

Нравственность! Но какая же это нравственность, которая не только не испытываетъ ужаса и смерзенія, но еще цинично радуется предъ пролившоюся кровью? Во всемъ цивилизованномъ мірѣ общественное чувство давно добивается отъ законодательства такого строя жизни, при которомъ всѣ даже международные вопросы, не говоря уже о вопросахъ внутренняго распорядка государства, управления, суда и проч., разрѣшились бы спокойно и мирно, во всякомъ случаѣ съ полнымъ упраздненіемъ отвѣтственности кровью. И вотъ, предъ нами новые дѣятели, люди по преимуществу молодые, для которыхъ ничто заповѣдь: *не убий*, для которыхъ нѣть этого непреложнаго и непрекааемаго запрета на кровь. И во имя какой нравственности, религіозной ли или такъ-называемой автономной человѣческой, дѣйствуютъ эти гордецы, возвращающіе насть къ духовному варварству, въ которомъ ниспровѣргаются и перепутываются самыя достовѣрныя и общепризнанныя положенія ума и самыя основныя и незыблѣмые требования сердца?

Свобода... Какою горькою и злую насмѣшкою звучить это

слово въ устахъ людей, которые съ легкимъ сердцемъ пускаютъ бомбы и пули противъ всякаго, кто не согласенъ съ ихъ государственными и социальными воззрѣніями! Вѣдь это все равно, если бы Іуда сталъ волить и кричать во имя вѣрности и безкорыстія!.. Сколько самаго низкаго и презрѣннаго фарисейства въ этомъ постоянномъ и намѣренномъ развращеніи народа, въ разжиганіи самыхъ грубыхъ и низменныхъ инстинктовъ рабочихъ массъ, которымъ во имя свободы и права рекомендуютъ отнять чужое достояніе, принудить къ исполненію тѣхъ или другихъ своихъ требованій, избить, уничтожить и тѣмъ заставить замолчать всѣхъ несогласныхъ подчиниться кружковщинѣ и дѣйствовать съ нею заодно! Хороша свобода: внушить свои убѣжденія и заставить принять ихъ подъ страхомъ пули или кинжала! Но на такихъ основахъ сближаются не люди обиженные и обойденные, не „пролетаріи всѣхъ странъ“, которыхъ злодѣи въ своихъ листкахъ зовутъ „соединиться“, а завѣдомые разбойники, грабители и обидчики...

И при этомъ осмѣливаются говорить о *правѣ*... Какое право выше и священнѣе жизни, какъ общаго дара Провидѣнія! Кто смѣеть отнять ее ради какихъ-то человѣческихъ и притомъ узко-партийныхъ соображеній, мотивовъ и оцѣнокъ? Какое право разрѣшаетъ счеты и людскія отношенія гнуснымъ убийствомъ изъ-за угла? И о какомъ правѣ можетъ говорить убѣжденная теоретическая и практическая анархія? И кого хотятъ ввести въ заблужденіе громкими фразами?

Говорять объ „обществѣ“, объ „общественномъ движеніи“, о культурно-общественныхъ запросахъ...

Но какое истинно-культурное общество оправдаетъ подобные злодѣянія? Обществу они внушаютъ ужасъ и отвращеніе, и оно не можетъ и не должно ихъ терпѣть ни минуты. Оно тогда только останется на высотѣ своей, если наистрожайше раздѣлить дѣятельность человѣка и жизнь его и послѣднюю навсегда и на всѣ случаи возьметъ подъ свою охрану, давая отпоръ всякимъ попыткамъ покуситься на нее. Иначе оно всегда подпадетъ подъ власть злыхъ силъ и быстро спустится до уровня животнаго варварства. Правда, общество можетъ

быть судьбою, но *нравственнымъ судьбою* и только, да и въ этой области, какъ говорить и убѣждаетъ горький опытъ всей прошлой человѣческой исторіи, оно тысячу разъ ошибалось и нѣрѣдко осуждало самое лучшее и свѣтлѣое и самыхъ лучшихъ и свѣтлыхъ людей...

И какъ можно говорить объ обществѣ, безъ связи его съ государствомъ?

Что же требуютъ отъ государства эти злодѣи, проливающіе кровь его служителей? Они требуютъ гораздо большаго, чѣмъ тольѣ виѣшній врагъ, который теперь ведеть съ нами войну на Дальнемъ Востокѣ; въ существѣ дѣла они требуютъ, чтобы государство отказалось ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ своей самостоятельности. Ибо если власть, служащая Россіи, будетъ вынуждаема подъ страхомъ смерти повиноваться требованіямъ всякихъ кружковъ и партій, въ данное время существующихъ,—а ихъ можетъ существовать беачисленное множество и видоизмѣняются они безъ конца,—то можетъ ли быть рѣчь о независимости власти, а за нею и о независимости государства! Но какое жалкое безуміе думать, что убийствами можно достичнуть этой цѣли! Развѣ на войнѣ не убиваются? Развѣ не убиваютъ лучшихъ людей? Развѣ, наконецъ, убиваютъ ихъ единицами? И, однако, можно ли хоть на мгновеніе допустить мысль, что изъ страха предъ убийствомъ даже сотенъ тысячъ воиновъ и ихъ начальниковъ Россія откажется отъ самостоятельности? Сколькими бы жертвами и преступленіями ни запятнали себя и внутренніе враги Россіи, будь это свои или инородцы, домогательства партій гнусныхъ убійцъ останутся тщетными. Терроръ, на который они разсчитываютъ, можетъ существовать лишь самое короткое время, пока онъ имѣеть за собою иллюзію силы и дѣйствія. Когда общество и государство видятъ, что плоды самыхъ добросовѣстныхъ трудовъ и размышеній государственныхъ людей гибнутъ подъ фанатическимъ ударомъ первого, кто вообразитъ себя иначе и лучше понимающимъ интересы Россіи, или вздумаетъ присвоить себѣ дикое право, во имя мщенія, убивать слугъ Царя и отечества; когда жизнь государственныхъ людей не ограждена отъ покушеній на нее, совершаемыхъ во имя частныхъ кружковыхъ, племенныхъ или партій-

ныхъ страстей и цѣлей, и въ странѣ становится невозможна никакая правильная государственная работа: тогда въ обществѣ и государствѣ неизбѣжно усиливается инстинктъ самообороны, объединяя вчера еще разрозненныхъ и беспечныхъ сыновъ родины; тогда здоровый государственный организмъ вытолкнетъ и самъ собою удалить вошедшее въ него инородное, грозящее опасностью явленіе. Партия порядка всегда будетъ и сильнѣе и больше партіи поклонниковъ беспорядка и озвѣрѣвшіе служители анархіи всегда будутъ каплею въ морѣ среди духовно-здоровыхъ членовъ здороваго общества.

Служители тьмы не достигнутъ убийствами своихъ темныхъ цѣлей, не запугаютъ всѣхъ честныхъ людей, и въ Россіи на мѣсто каждого безбожно убитаго вѣрнаго слуги Царя и родины найдутся тысячи другихъ такихъ же слугъ. Но на совѣсти убийцъ, кромѣ преступленія и крови, лежить и другая тяжкая отвѣтственность: они хотятъ задержать поступательный ходъ общественной и государственной жизни; они хотятъ помѣшать доброй и плодотворной дѣятельности власти, отнимая у нея и время, и силы на борьбу съ врагами порядка. Этого, однако, они никогда не достигнутъ.

Будемъ же покойны въ виду тяжкихъ событій переживаеваго времени и, каждый въ своей области, приложимъ всѣ старанія, чтобы уврачевать и пресечь общественное зло.

А теперь почтимъ заупокойною молитвою, почтимъ и словомъ благодарной хвалы честнаго и мудраго слугу Царя и Россіи, погибшаго и умершаго мученикомъ.

О немъ поистинѣ можно сказать словами поэта: „Немного было бы у него враговъ, когда бы не твои, Россія“. Для нихъ-то, для враговъ Россіи, и были страшны выдающіяся способности покойнаго, глубокій умъ, обширныя познанія, разносторонній и долгій опытъ въ государственномъ управлѣніи, знаніе слабыхъ сторонъ враговъ Россіи и умѣлая борьба съ ними. Да будетъ тихъ и безмятеженъ его горній полетъ къ Богу и небу, да будетъ ему уготовано мѣсто упокоенія, да будетъ ему вѣчна память! Дѣла его пойдутъ волѣдъ за нимъ свидѣтельствовать предъ Высшою Правдою объ его трудахъ, объ его самоотверженной любви и преданности православному Царю

и православной Россіи, объ его заслугахъ въ дѣлѣ утверждѣнія въ народѣ началъ вѣры, правды и добра, объ его мученической кончинѣ, которой онъ, несомнѣнно, сознательно ожидалъ. Но эти дѣла его останутся и здѣсь на землѣ; они не умрутъ; политыя его кровью, они пышно возрастутъ и останутся въ завѣтѣ и руководство грядущимъ дѣятелямъ нашей родины въ ихъ служеніи Россіи и въ ихъ борьбѣ съ темными насильниками, врагами нашего отечества.

Воздохнемъ въ эти минуты предъ Богомъ и о Царѣ нашемъ, о нашей Россіи, о насть самихъ...

Господи! да мимо идеть насть горькая, горчайшая чаша этихъ страданій родины! Да мимо идутъ эти громы и выстрѣлы убийствъ, да мимо идетъ эта грустная и темная полоса нашей общественной жизни! Да престанетъ литься кровь неповинная; да придутъ къ намъ времена мира и отрады и спокойной работы слугъ Царя и отечества для блага и преуспѣянія родины!

О, мечъ! О, мечъ! Доколѣ стыди будеши? Доколѣ не упокоишися? Внеди въ ножны твоя; почай, — почай и успокойся! Аминь.

Борьба христіанского общества съ политическими преступлениями.*

Тяжелое испытаніе ниспослано нашему отечеству. Тяжелыя минуты дано пережить каждому искренно любящему сыну его. Трудно оторваться мыслью отъ гнуснаго преступленія, совершенного недѣлю назадъ въ нашей сѣверной столицѣ; трудно не говорить о немъ въ настоящемъ молитвенномъ собраніи, въ средѣ представителей государственной власти въ нашемъ краѣ.

* Слово въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, 22 июля 1904 года. Произнесено въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ при священнослуженіи екзарха Грузіи.

При первомъ извѣстіи о смерти довѣренного ministra Государева, вѣрнаго и преданнаго слуги Престола и родины, при первомъ заупокойномъ моленіи о немъ мы говорили о всей гнусности совершеннаго преступленія, о безуміи партіи убійць, о полной несбыточности лелѣемыхъ ими надеждъ.

Нынѣ, послѣ того какъ получены газетныя извѣстія о подробностяхъ злодѣянія, объ его юномъ виновникѣ, о силѣ взрыва, о количествѣ жертвъ,—еще болѣе охватываетъ насъ чувство ужаса и негодованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возстаетъ самъ собою грознымъ укоромъ предъ совѣстю неотразимый вопросъ: какъ могло совершиться, какъ могло быть допущено это злодѣяніе, и кто виноватъ въ немъ?.. За короткое время третій министръ падаетъ жертвою злобы обезумѣвшихъ крамольниковъ; кровавыя покушенія и политическія убійства совершены на нашихъ глазахъ и въ другихъ городахъ Россіи; послѣднєе преступленіе, видимо, было задумано давно и осуществлено съ сатанинскою энергию и выдержанкою, такъ-сказать, выношено въ развращенномъ умѣ и лукавомъ сердцѣ цѣлой партіи преступниковъ. Очевидно, есть у нихъ организація; очевидно, есть у нихъ пособники, друзья... Какъ могло все это случиться, какъ могла преступная партія съ такою сравнительною легкостью и возникнуть, и организоваться, и приводить въ исполненіе свои безумные замыслы.

Слышимъ и читаемъ иногда жалобы на то, что у насъ не умѣютъ хорошо выслѣдить преступниковъ, во-время схватить ихъ, предупредить злодѣяніе и представить его суду и заслуженной карѣ...

Но не это мы разумѣемъ. Если человѣкъ болѣеть головой, находясь въ комнатѣ, наполненной угаромъ, то вѣшнія медицинскія пособія безсильны дать ему облегченіе, если больной не выходитъ изъ угарной комнаты. Такъ вѣшнія мѣры предупрежденія и каранія преступленій никогда и нигдѣ не являлись и не являются главными и всеисцѣляющими. Важнѣе всего то внутреннее нравственное состояніе и настроеніе общества, которое способствуетъ или препятствуетъ развитію въ его средѣ преступныхъ склонностей и преступныхъ дѣяній. Внутренніе враги Россіи, враги всякаго порядка, люди безъ

правиль и нравственныхъ убѣжденийъ, привѣтствующіе самое гнусное насилие въ своихъ дѣйствіяхъ, но воамущающіе вся-
кимъ законнымъ проявленіемъ суда и власти въ государствѣ,
объявляющіе его насилиемъ,—эти люди вышли отъ насть; усло-
вія, благопріятствующія ихъ дѣятельности, созидаются нами же
и въ нашей средѣ; пособники и пособничество они находять
въ томъ же обществѣ.

Къ глубокому сожалѣнію, русское общество въ своей жизни обнаруживаетъ два прискорбнѣйшія свойства: во-первыхъ, оно вызывается изъ своего равнодушія къ дѣятельности и размыш-
ленію только грозными и ошеломляющими ударами судьбы,
какъ, напримѣръ, громомъ войны или выдающимся изъ ряда
вонъ преступленіемъ; во-вторыхъ, оно рѣдко предвидитъ окон-
чательное развитіе и плоды той или другой мысли, того или
другого факта. А эти-то мысли и факты, раздѣляемые и одоб-
ряемые обществомъ, литературой, школою, сплошь и рядомъ
приносятъ самыя тяжкія послѣдствія и плоды, неожиданные
для людей духовно близорукихъ, живущихъ минутою, но вполнѣ
естественно ожидаемые людьми, умѣющими смотрѣть впередъ,
соображать и провидѣть результаты жизненныхъ явлений.

Громъ теперь грянулъ. Кровь льется не на полѣ браны
только, но пролилась она и внутри Россіи, въ самой ея сто-
лицѣ. Въ короткое время выхвачены изъ рядовъ государствен-
ныхъ дѣятелей нашихъ въ Финляндіи и Петербургѣ два человѣка,
о которыхъ воистину плачетъ сердце Царя и родины,
сокрушаются даже заграничные друзья наши и вообще друзья
порядка.

Время теперь и обществу одуматься, отрезвиться и огля-
нуться на себя.

Что нужно для образования и существованія государства? Прежде всего, конечно, нужна известная территорія земли для поселенія: цѣлость этой территоріи, обыкновенно, ея населеніи защищаются и отстаиваются отъ враговъ жертвами крови и цѣ-
ною смерти. Но ничуть не менѣе нужна для государства еди-
ная и цѣльная, такъ-сказать, *духовная территорія*: общность
религіозныхъ, нравственныхъ, патріотическихъ, бытовыхъ и куль-
турныхъ, исторически сложившихся устоевъ, возарѣній, стрем-

лений. Цѣлость этой духовной территории и крѣпость ея достигаются не сразу: надѣ ними работаютъ ряды поколѣній и тысячи самыхъ лучшихъ и выдающихся представителей Церкви, государства и общества; и ее также отстаиваютъ отъ покушений враговъ цѣною жертвъ, крови и смерти. За нее умираютъ также люди, какъ недавно убитый министръ; на нее ополчаются внутренние враги, а изъ вѣнчанийъ—тѣ, которые понимаютъ, гдѣ и какъ можно принести самый чувствительный и гибельный вредъ врагу. Отсюда, напримѣръ, поддержка на заграничныхъ деньги русского сектантства и образование за границей особыхъ фондовъ и обществъ для его развитія и распространенія; отсюда горячая агитация заграничныхъ газетъ въ пользу толстовства въ Россіи, какъ явленія глубоко анархического и разлагающаго весь государственный нашъ строй, и въ то же время замѣтное полное отсутствіе всякихъ практическихъ попытокъ осуществить его дома, въ Англіи или Германіи; отсюда материальная и нравственная поддержка,—и опять изъ-за границы,—нашихъ студенческихъ волненій, рабочихъ стачекъ, бунтовъ всякаго вида и проч. Все это—факты; материальная помощь, напримѣръ, нашимъ закавказскимъ сектантамъ отъ заграничныхъ обществъ и регулярная раздача денегъ заправиламъ сектантства—это факты, которые мы можемъ подтвердить съ неопровергнутыми документами въ рукахъ...

Что же дѣлала и дѣлаетъ наша общественная жизнь для борьбы съ этими грозными явленіями и съ этими покушеніями на духовную цѣлость нашу? Фактами же нужно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Когда Церковь русская, послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ терпѣнія, въ самой снисходительной формѣ осудила толстовство,—это ужаснѣйшее ученіе, отрицающее Живого Бога и Божественное достоинство Спасителя, т.-е. ниспровѣргающее все христианство, отрицающее также и всякій государственный строй, какъ отнеслось тогда къ этому наше общество? Какъ тайно и явно осуждали тогда власть церковную за мнимую жестокость! Какъ ловили всякия глупыя письма и стихотворенія, направленные противъ постановленія Святѣйшаго Синода!..

А между тѣмъ, бомбы и взрывы,—смѣло обѣ этомъ говоримъ,—это еще нѣчто невинное, сравнительно съ тѣмъ, что таить въ себѣ толстовщина, эта умѣло и соблазнительно пропагандированная въ теоріи до конца анархія: въ ней, въ случаѣ ея послѣдовательного развитія, несмотря на подкупающее многихъ ученіе о непротивленіи злу, столько будетъ крови, насилия и кровавыхъ преступленій, сколько не сдѣлалъ бы ихъ самый отвратительный тиранъ-насильникъ. Недаромъ же около толстовщины, повидимому, непонятно, а въ самомъ дѣлѣ совершенно естественно и съ логическою послѣдовательностью и необходимостию сгруппировалось въ единомъ общемъ сочувствіи къ ней все враждебное Церкви и Россіи: ее хвалить въ одинъ голосъ религіозные сектанты, безбожники, революціонеры и соціалъ-демократы, вся наша печать радикального и просто либерального оттѣнка и наши мечтатели пресловутаго правого порядка. Общество наше какъ-будто бы не замѣтило этого и своимъ сочувствіемъ толстовству повинно въ томъ духовномъ разъединеніи и разбродѣ, которые послужили почвою для кровавыхъ преступленій внутри Россіи.

Когда въ университетскихъ городахъ происходили беспорядки, и наши молодые люди, наши блудные сыны, производили, во имя свободы, обструкціи, буйство, насилия надъ товарищами, имѣвшими мужество имъ не сочувствовать, осквернили историческій храмъ и его святыни, оскорбляли начальниковъ и стрѣляли въ ministra, какъ къ этому относились ежедневная пресса и общество? Много ли нашлось газетъ, которыхъ не обошли этихъ грустныхъ явлений низкимъ и малодушнымъ молчаніемъ? Многіе ли даже родители твердо и властно произнесли слово осужденія своимъ безпутнымъ дѣтямъ? Самое осужденіе не выливалось ли въ такую отвратительную форму, въ которой слышался страхъ предъ молодежью прослыть „отсталыми“: „хотя-молъ вы и благородны и правы..., но, знаете ли, еще рано, еще вы не доразвились и проч.?“ И такимъ рабскимъ отношеніемъ къ дикому и повальному увлеченію молодежи, не желавшей трудиться и учиться, а желавшей поскорѣе управлять государствомъ и руководить обществомъ путемъ насилий и буйства, развѣ не была нравственно

подготовлена почва для послѣдняго злодѣянія, совершенного молодымъ человѣкомъ, почти юношей?

Нужно ли говорить о томъ, съ какою жаждою ловятся и съ какимъ довѣріемъ принимаются у насъ всякие разсказы улицы, рисующіе въ непривлекательномъ видѣ представителей церковной и государственной власти? Развѣ это воспитываетъ молодежь въ уваженіи къ законности и порядку? Развѣ воспитательно дѣйствуютъ на нее эти вызванныя завистью и мелочными счетами сплетни, клеветы и грязныя обвиненія, которая слуги одного и того же церковнаго и государственного тѣла часто распускаютъ одинъ про другого?

Нужно ли, далѣе, говорить о томъ, что учащаяся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежь наша дома отъ родителей только и слышитъ осужденіе школьнаго программъ и, къ явному удовольствію родныхъ, сама занимается дома только выслушиваніемъ и издѣвательствомъ надъ своими учителями и начальниками? Развѣ это подготавливаетъ изъ нея будущихъ надежныхъ слугъ государства? Развѣ это подавитъ въ ней развитіе гордыни и той противной самовлюбленности и требовательности, которая дѣлаютъ нынѣшихъ молодыхъ людей невыносимыми ни въ семье, ни въ жизни, ни въ службѣ и толкаютъ ихъ на путь насильственного отстаивания и добыванія себѣ тѣхъ или другихъ мнимо-попранныхъ ихъ правъ? Впрочемъ, сама школа, высшая и средняя и низшая, всегда ли, не говоримъ уже даетъ, нѣть,—всегда ли даже хочетъ дать учащимся воспитаніе на основѣ религіозно-патріотической? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы раскрыть такія страницы изъ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, которая заставить могутъ содрогнуться наши сердца, и которая покажутъ, что враги государства нерѣдко прямо подготавливаются у насъ въ школѣ и школьнми дѣятелями. Довольно упомянуть о фактѣ общезвѣстномъ: что даже въ начальныхъ школахъ въ послѣднее время открыто ревизіями существование складовъ революціонныхъ книгъ и брошюръ...

Пресса ежедневно и постепенно настраиваетъ общество. И общество, обратно, поддерживая нравственно и материально

прессу того или другого направлениі, тѣмъ ясно показываетъ, что можно и чего нельзя писать и печатать.

Но довольно. Что слѣдуетъ изъ сказаннаго?

А слѣдуетъ то, что мы своею безпечностью, безпринципностью и разъединеніемъ, своимъ молчаніемъ и трусостью помогаемъ врагамъ государственного порядка; что мы—виновники разброда нашей религіозной и общественной мысли; что мы, по выраженію пророка, хромаемъ на оба колѣна; что мы, наконецъ, нашимъ молчаніемъ и бездѣятельностью развращаемъ молодое поколѣніе и вводимъ его въ заблужденіе, давая ему понять, будто враги государства правы, а мы, бессильные, уповаляемъ на молодежь, которая якобы по благородству и честности должна идти передовыми бойцами за какіе-то мнимо-высокіе государственные идеалы.

А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ много истинныхъ силъ въ нашемъ народѣ и обществѣ! Какъ много вполнѣ преданныхъ сыновъ Церкви и государства! Такъ много, такъ много, что ничтожная партія убійцъ и крамольниковъ есть въ истинномъ смыслѣ и буквально капля въ морѣ.

И если бы мы были объединены, энергичны; если бы мы, сторонники вѣры, Церкви, Государя и государства, согласно заговорили, то, какъ иной предъ лучами горячаго солнца, расточились бы враги наши.

Къ этому единенію и зоветъ нынѣшняя и всякая церковно-общественная молитва. Она будить въ насть нашу совѣсть, она говорить намъ о нашемъ гражданскомъ долгѣ, она повелѣваетъ вамъ стать, во всеоружіи вѣры, бодрости и любви къ отечеству, на стражу общественного спокойствія, въ бодрый трудъ и въ бодрую борьбу со всѣмъ, что такъ или иначе способствуетъ, хотя бы въ самой отдаленнѣйшей степени, всякой попыткѣ внутреннихъ враговъ Россіи растлить общественную мысль, смутить и затемнить общественную совѣсть, или дерзнуть на злодѣяніе убийства слугъ государевыхъ.

Пора заговорить противъ партіи безпорядка иной партіи,— партіи порядка, если только можно ничтожную кучку злодѣевъ—съ одной стороны и необъятную Россію—съ другой назвать этими избитыми именемъ партіи. Пора обнаружить намъ свою

духовную мощь и показать дерзкимъ злодѣямъ единодушное и общественное осужденіе и презрѣніе къ ихъ преступной дѣятельности.

И пусть только услышится твердый тонъ въ семье, въ школѣ, въ литературѣ и обществѣ; пусть только громко раздастся смѣлое слово и обнаружится смѣлая дѣятельность каждого изъ наскъ: сгинуть тучи, которыхъ теперь темною полосой протянулись надъ нашимъ небосклономъ, сгинеть эта туманъ, *импюющій видъ силы и значенія, а на самомъ дѣлѣ ничтожный и жалкій*. Если же этого не будетъ сдѣлано, то, конечно, враги нашей родины убийствами не достигнутъ своихъ цѣлей, не запугаютъ вѣрныхъ слугъ Царя и отечества и ихъ усилия разобьются предъ непоколебимою нравственной мощью и вѣрностью нашего народа Царю, но мы-то предъ лицомъ Высшей Правды, предъ родиною и предъ совѣстю нашимъ,— мы, каждый изъ наскъ, будемъ виноваты въ злодѣяніяхъ и будемъ имъ причастны. А въ особенности и попреимуществу въ этомъ будуть повинны тѣ, кому Церковь, государство и общество вѣрили управлѣніе народомъ и облекли довѣріемъ, санами, чинами, силою и правами. Ибо непреложенья навѣки нравственный законъ: *«Кому много дано, съ того много и взыщется»* (Лук. XII, 48). Аминь.

Подвигъ и призваніе христіанскаго народа.*

Какія знаменательныи и историческія сближенія и какіе уроки сами собою просятся въ душу при этихъ священныхъ воспоминаніяхъ 1-го августа, въ связи съ переживаемыми нашимъ отечествомъ событиями.

Въ 1164 году Андрей Боголюбскій, великий князь Влади-

* По поводу русско-японской войны; сказано иль м. Боржомѣ, Тифл. губерніи, 1 авг. 1904 г., въ праеникъ происхожденія честныхъ древъ Креста Господня и мучениковъ Маккавейскихъ, матери ихъ Соломонік и учитель ихъ Елеазара...

мірскій, пошель воиною противъ невѣрныхъ болгаръ, жившихъ по Волгѣ и постоянно тѣснившихъ и разорявшихъ русскія области—Ростовскую и Суздальскую. Во время похода князю сопутствовали святыни и среди нихъ—Животворящій Крестъ Господень, какъ знамя христолюбиваго воинства, надежда его, сила, покровъ и одолѣніе. Силенъ быль врагъ, многочисленно было его ополченіе, но помошь свыше воочію всѣхъ явлена была русскому народу: огненные лучи исходили отъ Креста Господня и отъ образа Спасителя и видны были сражающимся; кровопролитная была сѣча; много христіанъ пали смертью храбрыхъ, но слава полной и окончательной победы вѣнчала воинство благовѣрнаго русскаго князя въ день 1-го августа.

Это было на Руси. А далеко за ея предѣлами, въ единовѣрной Византіи въ тотъ же день 1 августа 1164 года императоръ Мануилъ со своимъ войскомъ сражался съ христоненавистными сарацинами. И у него знаменемъ быль Крестъ Господень, предводившій воинствомъ; и его войско видѣло тѣ же чудные лучи отъ образа Спасителя и отъ Креста Господня; и онъ, подобно Андрею Боголюбскому, укрѣпляемый силою свыше, нанесъ врагу рѣшительное пораженіе.

Одновременно, повелѣніемъ церковной власти, и въ Россіи и въ Византіи на нынѣшній день 1 августа учрежденъ праздникъ въ честь Креста Господня.

Такъ ярко сказалась общность мірового призванія Византіи и Россіи: вести борьбу съ невѣрнымъ Востокомъ, отстаивать Крестъ отъ безчисленныхъ враговъ его; кровью и жертвами засвидѣтельствовать предъ Богомъ и людьми свою вѣрность Христу и имя Его пронести до послѣднихъ предѣловъ земли. Религіозный элементъ проникалъ всецѣло всю историческую жизнь Россіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ паденія Византіи она осталась единую на землѣ защитницею православной истины христіанской и хранительницею ея—въ вѣрѣ, въ мысли, въ совѣсти и жизни христіанской. Пусть сыны міра сего, обуявшие въ своей гордынѣ и обьюродѣвши въ своеемъ лжеименномъ разумѣ, пусть они думаютъ, что эта черта въ исторической жизни Россіи является чуть ли не преступленіемъ ея предъ человѣчествомъ. Мы, христіане, твердо вѣруемъ и

проповѣдуемъ, что только тотъ народъ достоинъ земли, который думаетъ о небѣ; мы твердо вѣруемъ и проповѣдуемъ, что съ того момента, какъ въ народѣ начинаетъ изсякать святое одушевленіе вѣры и служенія Богу, онъ подпишалъ себѣ смертный приговоръ и его погибель—только вопросъ времени; мы твердо вѣруемъ, что времена, когда народъ идетъ на защиту вѣры и религіознаго знамени,—это времена повышенной жизни народа, чреватыя богатыми дарами Духа, и несуть ему залоги грядущаго духовнаго обновленія и расцвѣта; что въ такія времена принесенные народомъ жертвы своимъ достояніемъ, кровью и жизнью своихъ сыновъ, потоками слезъ, огненными страданіями и горестами,—всѣ эти жертвы не напрасны; онъ достойны своего назначенія, онъ свидѣтельствуютъ о высотѣ народной души, онъ и должны быть приносимы съ мужествомъ и терпѣніемъ, самоотверженно и великодушно, какъ бы онъ ни были тяжки, ради великаго будущаго.

Яркій примѣръ, высокій образецъ такого самоотверженія и преданности своей вѣрѣ завѣщаны вѣкамъ святыми мучениками Маккавейскими, ихъ матерью Соломоніей и учителемъ—старцемъ Елеазаромъ. Ихъ память сегодня празднуется святая Церковь. Въ 166 году до Рождества Христова царь Сирійскій Антіохъ Епифанъ, покоривъ Іудею своей власти, приказалъ ввести въ ней греческую языческую религію. Въ Іерусалимъ престарѣлаго Елеазара, священника и учителя народнаго, убѣждали хоть для вида вкусить мяса отъ языческой жертвы, но нрапасно: Елеазарь скончался въ страшныхъ мученіяхъ, но не измѣнилъ истинѣ своей вѣры. Нашлись у него ученики и подражатели. При открывшемся страшномъ и кровавомъ гоненіи царь обратилъ вниманіе на семь сыновей женщины Соломоніи; они были молоды; младшій былъ еще отрокомъ. И вотъ употреблены были всѣ усилия поколебать твердость юныхъ исповѣдниковъ и материнское сердце Соломоніи; на ея глазахъ истязали ея дѣтей, рубили имъ руки и ноги, вырѣзали языки, сдирали кожу, жгли на раскаленныхъ сковородахъ. Что же мать? Она боялась только того, что какой-либо изъ ея сыновей, или внимая лѣстивымъ рѣчамъ и обѣщаніямъ мучителя въ промежутки между пытками, или изъ страха муки и смерти

ослабъетъ духомъ и измѣнить Богу. Она подкрѣпляла дѣтей въ подвигѣ; указывала на Бога, на небо, на жизнь загробную; говорила объ истинѣ вѣры богопреданной и о лжи язычества; она заклинала дѣтей своею старостью, своими сѣдинами, болѣзнями чадорожденія, материнскимъ лономъ и молокомъ, которымъ ихъ питала, и убѣждала презрѣть льстивыя обѣщанія, угрозы, муки и смерть, но не отказаться отъ сокровища вѣры и вѣрности Богу. Терпя въ материнскомъ сердцѣ мученія, трудно вообразимыя, она съ любовью подбирала истерзанные члены своихъ дѣтей, ихъ отрубленныя руки и ноги, но не учила ихъ малодушію. Достойная мать имѣла достойныхъ сыновей; никто изъ нихъ не поколебался, всѣ до конца остались мужественными, всѣ скончались за вѣру, а послѣ нихъ умерла въ мученіяхъ и сама Соломонія.

Проходить вѣка и тысячетѣтія, жизнь человѣчества, по видимому, безъ конца разнообразится, видоизмѣняется и, уходя впередъ, теряетъ связь съ прошлымъ. Но это только повидимому. Подъ иными формами сущность остается та же. И доньки сокровище вѣры есть главная святыня народа. На нашихъ глазахъ совершаются события, смыслъ которыхъ—тотъ же, что во времена Андрея Боголюбскаго и императора Мануила. Россія ведеть брань на Востокѣ, и эта брань опять возглашается Крестомъ Господнимъ. Отъ него идутъ лучи; они освѣшаютъ Русь свѣтомъ небеснымъ и осмысливаютъ переживаemые события. Тяжела брань и тяжки жертвы. Какъ Соломонія, терпя несказанные муки материнскаго сердца, склонилась теперь Россія надъ своими милыми сынами и видѣть: тысячи ихъ убитыхъ, раненыхъ, истерзанныхъ врагами; видѣть, что торжествующій язычникъ издѣвается и ругается надъ умирающими и надъ самыми ихъ тѣлами, рѣжетъ руки и ноги, уродуетъ тѣла, вырѣзываетъ языки, совершенно такъ, какъ нѣкогда дѣлалъ это свирѣпый Антіохъ. Что же? Отступить отъ мірового призванія Божія? Отдать Крестъ, измѣнить христианству, покорить его въ поруганіе язычеству ради сохраненія жизни и земныхъ интересовъ?

Какъ жалко и ничтожно письмо русской матери, опубликованное въ одной газетѣ, где мать призываетъ прекратить

брать, отдать все врагу только потому, что сынъ ея, ея сынъ дорогой—въ Портъ-Артурѣ и можетъ погибнуть... Къ счастью, эта мать, такъ непохожая на Соломонію, вѣроятно, одинока на Руси.

Нѣтъ, борьба требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, требуетъ всѣхъ и всякихъ жертвъ. Не погибнетъ Россія, не погибнуть ея сыны. Близится день, когда Господь воздастъ намъ радостями за дни тревогъ и печали. Порукою въ томъ—этотъ Крестъ, который вынесень нынѣ на средину храмовъ, который мы чтимъ и лобызаемъ, который отстаиваемъ тысячу лѣтъ. Въ немъ—наша сила и крѣпость. И пока мы будемъ ему вѣрны, пока онъ будетъ водруженъ на нашихъ воинскихъ знаменахъ и на всемъ зданіи нашей государственной и общественной жизни, дотолѣ мы будемъ подъ его Божественною защитою. Ибо Христу, на немъ распятому, по непремѣнному слову Бога, подобаетъ царствовать, доколѣ Онъ не положить всѣхъ враговъ своихъ въ подножіе ногамъ Своимъ.

Да будетъ же и сильна и дѣйственна молитва нынѣшняго праздника въ нашихъ устахъ и сердцахъ:

Вознесыйся на Крестъ волею тезоименитому твоему новому жительству (т.-е. христіанскому православному народу) щедроты твои даруй, Христе Боже! Возвесели силою Твою благовѣрнаго Императора нашего, побѣды дая ему на супостаты, пособіе имущу твое оружіе мира, непобѣдимую побѣду! Аминь.

М о л и т в а.*

Во время оно, поять Иисусъ Петра, Иоанна и Якова, взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино, и одѣяніе Его бѣло блистаяся (Лук. IX, 28—29).

О молитвѣ, о чудномъ преображающемъ дѣйствіи молитвы говорить намъ нынѣшній праздникъ и примѣръ Господа Иисуса. Къ молитвѣ же призываешь нынѣ нашъ Государь всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ словами прочитанного сейчасъ торжественнаго манифеста по случаю рожденія Наслѣдника Всероссійскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

Что такое молитва? Каковы ея виды, правила, цѣли? Нерѣдко задаютъ подобные вопросы и нерѣдко ими занимаются. Можетъ-быть, въ цѣляхъ образовательныхъ или научныхъ и нужно это, но для вѣрующаго въ простотѣ сердца христіанина, но для непосредственнаго религіознаго чувства такіе вопросы—вопросы лишніе. Кто вѣруетъ, кто религіозенъ, для того молитва такъ же близка и естественна, какъ свѣтъ для глаза, какъ мысль для ума или добродѣтель для совѣсти: она сама собою возникаетъ и поднимается въ душѣ, она сама собою и выливается предъ Богомъ, какъ выливается слово, чувство—общеніе любви у ребенка по отношенію къ горячо любимой матери. А кто не вѣруетъ и не религіозенъ, для того и молитва и самое слово о ней—непонятны, какъ непонятно объясненіе бѣлого и краснаго цѣпта для слѣпого отъ рожденія; для такого человѣка излишни и ненужны, бесполезны и безрезультатны самыя краснорѣчивыя и высокоученыя разсужденія о молитвѣ...

Впрочемъ, это уродство духа, это печальное извращеніе

* Слово въ праздникъ Преображенія Господня и предъ молебствіемъ по случаю рожденія Наслѣдника Всероссійскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича. Сказано предъ торжественнымъ молебствіемъ 6 августа 1904 года, по прочтеніи Высочайшаго манифеста о рожденіи Наслѣдника Цесаревича, въ м. Боржомъ, Тифл. губерніи.

человѣческой природы, къ счастью, бываетъ чрезвычайно рѣдко; случаи такого нравственного идіотства еще рѣже идіотства умственного.

Вообще же, въ человѣческомъ сердцѣ глубоко и неистребимо заложена Творцомъ потребность молитвы, и это служить и утѣшениемъ, и бодростью, и радостью для насть, людей вѣрующихъ, это побуждаетъ насть восходить въ подвигѣ молитвы отъ силы въ силу: мы не можемъ отказаться отъ молитвы, какъ не можемъ отказаться отъ нашей природы, отъ духа, отъ ума или совѣсти. Побесѣдуемъ объ этомъ подробнѣе.

Говорять иногда о древнихъ язычникахъ, какъ о людяхъ будто бы безрелигіозныхъ, жившихъ безъ общенія съ высшимъ, духовнымъ міромъ. Но говорять такъ или по невѣжеству, или по лукавству души, ищущей оправданія для своего нечестія. Кто знакомъ съ исторіей и жизнью древнихъ народовъ, тотъ не можетъ не остановиться предъ ними въ изумленіи: близкіе къ природѣ, чуткіе къ голосу ея, свѣжіе по своимъ душевнымъ силамъ и запросамъ, они оставили намъ самыя вѣрныя свидѣтельства и наглядныя доказательства усердія къ своей естественной религії; они украсили горы, дубравы, пустыни, города и селенія храмами и жертвениками въ честь божества, которому они приносили все дорогое; тысячами тысячъ ихъ жертвы курились по лицу всей земли и предъ ними въ молитвѣ поднимались руки грѣшныхъ и смертныхъ сыновъ земли... Можно сказать, нѣть страницы въ книгахъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдіе древними,—нѣть страницы, на которой нѣсколько разъ не встрѣчалось бы имя божества. Они, эти древніе язычники, были далеки отъ истины богоопознанія, которая дана только въ Божественномъ Откровеніи; подавленные бременемъ первороднаго грѣха, они были безсильны сами, безъ помощи свыше, прозрѣть въ эту истину: но они къ ней стремились, жаждали ея, о ней вздыхали, и въ молитвѣ искали просвѣтленія и примиренія, покоя духа и того общенія съ Богомъ, безъ котораго душа человѣка вянеть, сохнетъ и гибнетъ, какъ тѣло безъ воды, въ мучительной жаждѣ. „Обойдите всю землю,—такъ приблизительно говорить одинъ древній языческій мудрецъ,—вы найдете города безъ стѣнъ, встрѣтите людей,

совсѣмъ не имѣющихъ домовъ и живущихъ въ пещерахъ, не знающихъ можетъ-быть и употребленія огня, но вы не найдете народа, не имѣющаго жертвеннниковъ и не знающаго о богахъ" (Плутархъ). Съ этимъ свидѣтельствомъ древняго наблюдателя сходится заявленіе одного новѣйшаго и знаменитаго путешественника: „Я изслѣдовалъ всѣ земли,—говорить онъ,—я побывалъ на всѣхъ моряхъ, и могу сказать, что вѣра въ Бога, надежда на Него и молитва къ Нему не оставляютъ человѣка на самой нижней ступени развитія; съ нею дикий негръ уходитъ въ дремучіе лѣса; на гнилой доскѣ безстрашно отправляется въ бурное море, и, умирая въ когтяхъ льва или тигра, на берегахъ Нила, онъ устремляетъ взоръ своей къ небу, ища тамъ примиренія" (Ливингстонъ).

Но оставимъ эти свѣдѣнія, доступныя и извѣстныя лишь людямъ науки. Обратите вниманіе еще на одно замѣчательное явленіе, которое можетъ наблюдать рѣшительно всякой изъ настъ, безъ всякаго различія въ степени образованія. Обратите вниманіе: изъ всѣхъ земныхъ тварей только одинъ человѣкъ молится, умѣть молиться и можетъ быть наученъ молитвѣ. Есть животныя умныя; есть животныя, о которыхъ неумѣренные ихъ хвалители разсказываютъ, будто у нихъ можно найти даже проблески совѣсти; есть животныя, отличающіяся, и вправду, вѣрностью, преданностью. Но нѣтъ изъ нихъ ни одного, которое могло бы молиться. Только человѣкъ имѣть тѣло, обращенное вверхъ; только его разумное чело поднято къ небу; только его богоподобный духъ одаренъ высокою и святою способностью въ молитвѣ обращаться къ Богу и въ молитвѣ жить съ Нимъ непрестанно.

Итакъ, молитва есть постоянная, всеобщая потребность человѣческаго духа и въ то же время она есть признакъ жизни истиинно-человѣческой. Безъ молитвы, поѣтому, жизнь человѣка идеть на ущербъ, умаляется, вянеть, замираетъ и приближается къ жизни животнаго; безъ молитвы человѣкъ—это звѣрь, быть-можетъ и умный, очень умный, но все же человѣкомъ онъ называется только по недоразумѣнію, по одному вѣнчальному виду, а не по внутренней сущности.

Господь Иисусъ былъ Богъ и человѣкъ совершенный. Но

посмотрите, потому именно, что Онъ—человѣкъ совершенный, въ Немъ и горѣлъ такъ ярко святой огонь молитвы. Младенцемъ Онъ приносится въ храмъ; отрокомъ Онъ три дня подърядъ не можетъ разстаться съ домомъ молитвы; въ годы божественного учительства Онъ, всегда и со всѣми кроткій, только разъ воспламеняется священнымъ гнѣвомъ, и это было при видѣ оскорблѣнія храма; въ сорокадневномъ подвигѣ поста, предъ выступленіемъ на дѣло Своего служенія, Онъ молится въ пустынѣ; молится Онъ часто на горахъ и въ уединенныхъ мѣстахъ; молится цѣлыми ночами; молится и предъ совершеніемъ чудесъ милосердія Своего; въ молитвѣ просвѣтлѣло и преобразилось на щаворѣ Его тѣло; въ молитвѣ же просвѣтлѣль и духъ Его въ Геесиманії; съ молитвою Онъ восходитъ на крестъ; съ молитвою предаетъ и духъ Свой Богу...

Молитву же Онъ завѣщалъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ; молитву завѣщали намъ и апостолы, продолжатели Его дѣла спасенія людей и воспитанія ихъ для царства Божія; наставленіями подобнаго рода полны ихъ жизнь и писанія, а одинъ изъ нихъ оставилъ въ заповѣдь намъ едва вмѣстимое слово: *непрестанно молитесь* (І Сол. V, 17).

Чему всегда учила Церковь въ теченіе вѣковъ? Прежде всего молитвѣ. Что дѣлала она сама? Прежде всего молилась, а затѣмъ уже учила, благотворила, управляла духовно жизнью и проч. И только люди грубые, духовно ограниченные и духовно-слѣпые, все рассматривающіе съ точки зрѣнія самой грубой и животной пользы, неспособные подняться выше по-желаній и представлений о пищѣ, питьѣ и виѣшнихъ удобствахъ жизни, могутъ думать и говорить, что бесполезенъ и не нуженъ подвигъ молитвы. Такимъ довольно отвѣтить словами Евангелія: „не о хлѣбѣ единомъ живетъ будешь человекъ“ (Ме. IV, 4); такимъ довольно отвѣтить, что мѣсто ихъ низменной философіи—скорѣе среди четвероногихъ, а не въ средѣ людей.

Конечно, высокія степени молитвы не всѣмъ доступны, или, правильнѣе сказать, доступны рѣдкимъ изъ людей; онъ—удѣль особо избраннаго духа и даются не даромъ: онъ требуютъ великихъ усилий, долговременного духовнаго труда и

особаго, высшаго самовоспитанія; онъ роднѣть человѣка съ міромъ ангеловъ, у которыхъ вся жизнь есть непрестанная молитва, непрестанная хвала и благодареніе Творцу.

Но все же бываютъ моменты, когда, можно сказать, весь народъ охватываетъ одно чувство и одна потребность молитвы. Такой именно моментъ мы теперь переживаемъ. Трудное время нынѣ для Россіи; внѣшній врагъ, злобный и хитрый, давно изготавившій къ брани, вторгся въ дальніе предѣлы нашего отечества „въ силѣ тяжкой“; онъ пришелъ туда, гдѣ великая Россія является воистину *малою* за невозможностью сосредоточить тамъ всѣ свои силы. Среди тревожныхъ и смутныхъ, порою безрадостныхъ вѣстей, идущихъ съ войны, нась поражаютъ события, ясно говорящія, что и внутренніе наши враги не дремлютъ. Льется русская кровь; падаютъ Царскіе слуги; гибнутъ миллионы народнаго достоянія, вся жизнь огромнаго государства ушла на борьбу со врагомъ. Гдѣ спасеніе отъ унынія и малодушія? Гдѣ надежда, непоколебимая надежда на свѣтлое будущее и благополучное окончаніе тяжкой брани? Напряженіе всѣхъ силъ души народной можетъ и должно прежде всего разрѣшиться въ молитву. Только она одна сохранить намъ ясность духа, бодрость, мужество и то непоколебимое спокойствіе, которое всегда проявляла Россія въ виду самыхъ тяжкихъ испытаній и которымъ быть силенъ и непобѣдимъ нашъ народъ, воспитываемый въ теченіе вѣковъ въ духѣ молитвы православною Церковью. Настоящее тяжко; будущее неизвѣстно, оно можетъ быть исполнено всевозможныхъ случайностей: „молитесь,—говорить намъ Спаситель,—молитесь, да не винидете въ напасть“ (Лук. XXII, 46); „молитесь,—учить апостоль,—молитесь, да исцѣльнете“... (Лак. V, 16).

Но вотъ среди грозы: военной непогоды и бранныхъ тревогъ свѣтлымъ лучомъ всенародной радости пришла вѣсть о рожденіи давно жданаго Наслѣдника Царскаго Престола. Радость Царя—наша радость; и опять здѣсь для нась побужденіе къ молитвѣ,—къ молитвѣ хвалы и благодаренія Господу за сохраненіе Царскаго рода, за преемственность Царскаго престола, за охрану спокойствія нашей родины въ будущемъ. Но не эта одна молитва просится въ душу. Благоговѣть должно

предь каждымъ рожденiemъ въ міръ человѣка, какъ предъ великимъ и непостижимымъ таинствомъ жизни; и предь каждымъ новорожденнымъ стоитъ тревожный вопросъ близкихъ и родныхъ: *что убо отроча сie будетъ?* (Лук. I, 66). Но здѣсь близкіе и родные—вся многомиллионная Россія; здѣсь съ жизнью Первороднаго Царскаго Сына столько можетъ быть связано для насъ въ будущемъ интересовъ, столько событій, самыхъ важныхъ, самыхъ глубокихъ и жизненныхъ!..

О, молись, Россія! Молись, чтобы эта радость, пришедшая къ тебѣ во дни печали, разгоралась все ярче и ярче. Молись, чтобы этотъ новый отпрыскъ жизни въ Царственной Семье, родившійся посреди ужасовъ и вѣстей о смерти, знаменовалъ бы собою жизнь для Россіи и, воистину, принесъ бы ей въ будущемъ жизнь полную, бодрую, достойную, блещущую всѣми красами бытія и всѣми силами и дарами духа!

Вѣдь онъ, этотъ Царственный Младенецъ, и самъ какъ бы повить молитвою отъ дней зачатія и рожденія. Два года назадъ, ровно два года, въ памятные дни мѣсяца іюля Государю Императору угодно было воспомянуть молитвы и труды великаго и чтимаго всероссійскаго молитвенника старца Серафима Саровскаго; по Царскому благочестивому желанію, было доведено до конца начатое въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи преподобнаго. Прошелъ послѣ того годъ, и въ іюль же мѣсяцъ прошлаго года въ Саровѣ сотни тысячи православныхъ торжествовали прославленіе праведника, а съ ними и во главѣ ихъ Царь съ Царицею.

Мы знаемъ, какъ принято было это событіе въ народѣ и какъ истолковано: народъ вѣрилъ и говорилъ единогласно, и не сомнѣвался въ томъ, что Царь съ Царицею прибѣгли къ молитвамъ преподобнаго и просили себѣ сына... И могло ли быть иначе при видѣ великаго подъема народной вѣры, при видѣ многочисленныхъ чудесъ у мощей угодника? Прошелъ и еще годъ, только-что минуло торжество годовщины открытия мощей преподобнаго Серафима, на которое опять Царь напѣтъ отозвался чуткимъ сердцемъ и одушевленнымъ словомъ,—и вотъ, въ исходѣ іюля, какъ новый Самуилъ, „выпрощенный и вымоленный у Бога“, въ осѣненіи молитвъ преподобнаго угод-

ника, какъ даръ вѣры и молитвы Царственной Четы, рождается ей первородный Сынъ, надежда и опора Царя и царства. Воистину, отъ всѣхъ этихъ совпаденій вѣтъ духомъ и образами Библіи, и сердце загорается высокимъ религіознымъ настроениемъ, и чудится перстъ Божіаго Промысла, и на уста просится молитва...

Самъ Царь нашъ нынѣ призываетъ насть вмѣстѣ съ Нимъ вознести молитвы къ Богу объ Его первородномъ Сынѣ-Наслѣдникѣ. Возлюбленные братіе и соотечественники! Въ торжественный сей часъ *Господу помолимся!* Помолимся, да возрастаетъ и крѣпнетъ Царственный Младенецъ, *исполняяся премудрости, въ любви у Бога и человѣкъ!* (Лук. II, 40). Да будетъ Онъ, новый Самуилъ, истиннымъ Самуиломъ нашей родины, обтекая грады и веси ея судіею мира, благоволенія и молитвы! Рожденный во дни испытанія Россіи, да возрастетъ Онъ въ царственной красѣ и крѣпости, мужая съ лѣтами, и да воспрянеть оживить надежды великаго нашего народа! Аминь.

О б e з c м e р t i i .*

ПАМЯТИ УБИЕННЫХЪ НА БРАНИ.

Святая вѣра христіанская учить чадъ своихъ истинамъ небесной мудрости, главнымъ образомъ, не словами и разсужденіями, а дѣлами и событиями,—фактами самаго глубокаго внутренняго значенія. Жизнь Спасителя, Богоматери и святыхъ Божіихъ полна такими именно уроками, и оттого-то, несомнѣнно, таинственные истины вѣры, высочайшія велѣнія христіанской нравственности, несмотря на полную отрѣщенность ихъ отъ естественнаго и врожденаго человѣку грѣха и себялюбія, становятся какъ бы понятными и близкими не отдель-

* Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15 августа 1904 года; сказано въ м. Боржомѣ. Тифл. губерніи.

нымъ только и избраннымъ лицамъ, а цѣлымъ народнымъ массамъ, и притомъ глубоко проникаютъ въ ихъ жизнь и міропониманіе.

Что возвышеніе ученія о бессмертіи, о которомъ такъ много вразумительно проповѣдуется событіе *Успенія* Богоматери, „и по смерти живой“, какъ говорить пѣснь церковная?

Какіе великие умы древности осмѣливались едва только подойти къ этому ученію! Сколько написано о немъ и оставлено міру ученыхъ и глубокихъ разсужденій! Сколько заблужденій и бесплодныхъ исканій переиспыталъ человѣческій разумъ, остававшійся въ Откровенія и Божественного руководительства, сколько тревогъ и муки переиспытало человѣческое сердце въ разрѣшеніи рокового вопроса: что тамъ, за этою земною нашою жизнью, и есть ли жизнь по ту сторону могилы и гроба? Древній Востокъ отвѣчалъ на это увѣреніями, что жизнь нашего сознанія погасаетъ со смертью тѣла и будущее человѣка есть лишь вѣчный покой и безпробудный сонъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этого ученія, весь Востокъ, съ его нѣкогда живыми и способнѣйшими народами, погрузился и здѣсь, на землѣ, въ безпробудный сонъ и погибъ для міровой жизни и дѣятельности, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ далекой Индіи. Язычество грековъ и римлянъ отвѣтило на роковой вопросъ увѣреніями, что, при всей несомнѣнности загробной жизни, она будетъ жалкою и ничтожною, такъ что лучше въ земной жизни быть свинопасомъ, чѣмъ въ загробной царемъ надъ умершими: это представленіе выродилось въ обожаніе земной жизни и произвело такой разливъ чувственности, пороковъ и порочныхъ удовольствій, что погубило исповѣдниковъ такого ученія. Отвѣчало на тотъ же вопросъ о бессмертіи и мусульманство и перенесло на небо всѣ пороки земли: оно привело народы мусульманскіе къ современному ихъ жалкому состоянію, которое можно назвать постепеннымъ изыханіемъ.

Вы видите, братіе, что отъ рѣшенія вопроса о жизни будущей зависитъ обликъ и жизни настоящей, и въ зависимости отъ того, какъ мы представляемъ небо, разрѣшается вопросъ, какъ мы устраиваемъ и землю.

Какъ же отвѣтило и отвѣчаетъ на роковой вопросъ о безсмртніи христіанство?

Оно не разсуждало, какъ древніе философы; его проповѣдники не писали объ этомъ пространныхъ „разговоровъ“ и ученыхъ разсужденій. Оно отвѣтило на великий и важнѣйшій для всякаго человѣка вопросъ фактами, самыми вѣрными и дѣйствительными, неопровергимыми фактами, засвидѣтельствованными и подтвержденными словами многочисленныхъ ихъ очевидцевъ: воскресеніемъ Господа Іисуса и успеніемъ Богоматери, которое нынѣ Церковь наша торжественно прославляетъ.

Какъ бы такъ говорить намъ наша святая вѣра: „Что разсуждать о безсмртніи? Вотъ оно предъ вами въ живыхъ и глубокоубѣдительныхъ образахъ и событияхъ“. И, конечно, такъ же непосредственно должно воспринять эту истину и христіанское чувство и поставить ее руководствомъ и опорою всей жизни. Пусть ученое благочестіе доказываетъ ее всѣми соображеніями разума: это дѣло почтенное и должно вызывать благодарность вѣрующаго сердца; но оно не замѣнить того, что служитъ основой для самой учености въ данномъ вопросѣ, и безъ чего рухнули бы всѣ самыя краснорѣчивыя убѣжденія: разумѣемъ прирожденную человѣку увѣренность въ безсмртніи, непоколебимую и ничѣмъ неистребимую. Мы знаемъ, что если въ мірѣ не погибнетъ ничтожная пылинка и гдѣ-нибудь осядетъ на землѣ; если не исчезнетъ миллионная часть капли воды или росинки и гдѣ-либо во вселенной будетъ существовать въ видѣ пара или опять жидкости: то тѣмъ болѣе не можетъ погибнуть и исчезнуть однажды возникшая мысль, однажды возникшее чувство, однажды возникшая духовная жизнь. Не будемъ здѣсь приводить текстъ Священнаго Писанія. Возьмите сами евангеліе и весь Новый Завѣтъ; читайте внимательно и скажите: есть ли тамъ хоть одна страница,— нѣтъ, найдется ли хоть одна строка, написанная безъ предположенія о загробной жизни христіанина? И довольно здѣсь сказать только слово Христово, освѣщающее весь вопросъ: „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“ (Лук. XX, 38). И довольно припомнить, что Самъ Спаситель называлъ Себя все-

гда *жизнью* и жизнь, вѣчную жизнь Онъ обѣтовалъ Своимъ послѣдоватѣлямъ. Да, слово жизнь почти всегда въ евангелии разумѣется, какъ *вѣчная жизнь*, и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ: это—блаженство, назначенное намъ отъ Бога, состояніе, ради котораго мы и вызваны изъ ничтожества. Такъ Богъ сотворилъ насъ для бытія, и притомъ для бытія вѣчнаго и блаженнаго.

Богу угодно, чтобы мы существовали; Онъ далъ намъ жизнь не для того, чтобы прекратить ее. Но въ какомъ состояніи должны мы существовать и какова должна быть данная намъ жизнь?

Благодареніе Богу: Онъ открылъ намъ и Свои планы и Свою волю. Этотъ планъ указанъ намъ въ томъ, что Богъ сотворилъ насъ по *Своему образу*, который есть образъ чистоты, святости и совершенства; эта воля ясно выражена въ словахъ апостола: „*Воля Божія о васъ есть святость ваша*“ (1 Сол. IV, 3).

Итакъ, вѣчная жизнь есть *святая жизнь*. Надъ дверьми царства небеснаго и вѣчнаго положено надписаніе, какое мы и читаемъ въ Откровеніи Иоанна Богослова: *Ничто нечистое и скверное не войдетъ сюда* (XXI, 27).

Въ этомъ, именно, братіе, и состоить главное поученіе въ нынѣшній праздникъ, такъ ясно и внятно въ успеніи Богоматери говорящій и проповѣдующій намъ о вѣчной жизни.

Вѣчно только святое и то, что можетъ быть въ насъ освящено,—все наше существо, созданное Творцомъ, или, выражаясь словами апостола, *и духъ, и душа, и тѣло* (1 Сол. V, 23); это—разумъ, воля, чистая привязанности, чистая радости,—все, чѣмъ живеть и волнуется наша душа; это—вытекающія изъ душевныхъ движеній наши дѣла въ ихъ безконечномъ разнообразіи; это, наконецъ,—и самое тѣло наше, которое также войдетъ въ жизнь вѣчную, но очищенное, преображенное и иетлѣнное. Только грѣхъ не войдетъ въ царство вѣчности, ибо грѣхъ есть уклоненіе отъ истинной жизни духа и тѣла, а не самая жизнь; поэтому все, что въ жизни духа и тѣла заражено грѣхомъ и зломъ, недостойно этого царства; и если человѣкъ всего себя отдалъ грѣху и весь имъ проникся, то само собою

не по ви́ншнему велѣнію или наказанію, но по внутреннему закону нравственному, еще болѣе непреложному, чѣмъ законы физические, онъ самъ удаляеть себя отъ вѣчной жизни; онъ не можетъ быть соединенъ съ царствомъ Божіимъ, какъ не соединяются свѣтъ и тьма, огонь и снѣгъ, востокъ и западъ.

Но если все, способное быть освященнымъ, принадлежить вѣчности, то и вѣчность нѣкоторымъ образомъ начинается еще здѣсь, на землѣ. Все высокое, чистое и благое, все, что угодно Богу, угодно Ему всегда и вездѣ, и во вѣки.

Будемъ же, братіе, ходить въ постоянной мысли о вѣчности и жить въ постоянномъ ея предошущеніи и даже въ общеніи иного, ожидающаго насъ горняго міра. Будемъ вѣчностью измѣрять и оцѣнивать и избирать все временное, и небеснымъ освящать и осмысливать все земное. *Горѣ имѣмъ сердца*—и тогда, какъ измѣнится весь обликъ жизни! Станутъ ли привлекать нечистыя радости, когда мы знаемъ, что онѣ гибнущія и отверженныя?

Станутъ ли убѣдительны и дѣйственны другія побужденія, кромѣ требованій долга и христіанского закона, когда мы знаемъ, что все, нарушающее долгъ и законъ, недостойно вѣчности и насъ отъ нея удаляеть?

Вѣчная жизнь предстанетъ тогда предъ нами во всей обаятельной красѣ и сдѣлаетъ прекрасною и жизнь временную, земную. Ею подвинется слабый сынъ земли на всякое добро, и ею онъ утѣшится предъ всякою скорбью; больному она укажетъ покой вѣчности; умирающему откроетъ жизнь вмѣсто смерти; духу, возмущенному при видѣ ала, грѣха, порока, несправедливости, царствующихъ въ мірѣ, она обѣщаетъ *новое небо и новую землю*, где будетъ жесть вѣчная правда (2 Петр. III, 13); и всякому страданію она укажетъ страну радостей нескончаемыхъ; и всякому сомнѣнію она обѣщаетъ вѣчную и неколеблемую истину; и всякой жаждѣ, и всякой тоскѣ души она укажетъ источникъ услады, успокоенія и полнаго удовлетворенія въ Богѣ, Который въ царствѣ вѣчности будетъ нашимъ Солнцемъ, Покровомъ, Источникомъ разумѣнія, блаженства и полноты духовной жизни. *То, что око не видѣло и ухо*

не слышало и на сердце человѣку не восходило,—все это уговарывалъ Богъ любящимъ Его (1 Кор. II, 9).

О васъ теперь неотвязная дума и о васъ тревога любви, наши дорогіе воины, кровью и жизнью защищающіе теперь нашъ покой, нашу безопасность, нашу честь и достояніе! Быть-можеть, въ настоящія минуты, когда мы въ этомъ множествѣ, одѣтые празднично, ¹⁾ спокойные предстоимъ алтарю, когда тамъ, за стѣнами храма, шумно течеть жизнь беззаботности и веселья, порою кощунственнаго въ эти дни, вы, наши защитники, сотнями и тысячами переходите въ страну вѣчности и безстрашные смотрите въ глаза смерти. Знаемъ, что уже многіе-многіе отдали жизнь за родину, за ея великое будущее... О! пусть пріосвѣнить васъ небо вѣчности,—всѣхъ васъ, безвѣстные мученики, исполняющіе заповѣдь любви: ибо *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Иоан. XV, 13); ибо послѣ вѣры и ея законовъ, послѣ Церкви и ея заповѣдей — отечество, возлюбленное наше отечество, святая родина наша,—вотъ что должно внушать намъ самыя чистыя привязанности, самую горячую и самотверженную любовь, а честь родины, ея слава, безопасность и процвѣтаніе стоять всѣхъ усилий нашихъ и всѣхъ и всякихъ жертвъ! Страна вѣчности да пріиметъ въ свои кровы тѣхъ, кому судилъ Господь въ браніи отдать жизнь за отечество; святые предстатели за землю русскую, безчисленное множество отшедшихъ ранѣе въ жизнь вѣчную сыновъ нашей родины, ея святые, мученики, подвижники, преподобные, ея герои, защитники, страдальцы, труженики—пусть встрѣтять ихъ молитвою, и радостью небесною да вознаградятъ ихъ за труды, жертвы и мученическую смерть! Теперь всѣ они намъ дороги, особенно близки; пусть будетъ для насъ особо близкою и жизнь вѣчна, которою они живутъ. Можетъ-быть, потому Господь и поставилъ теперь эту жизнь такъ близко у нашего сознанія и потому такъ страшно и вразумительно въ грозныхъ знаменіяхъ браніи напомнилъ о ней, что въ годы покоя и безопасности мы слишкомъ о ней забыли и отъ нея

¹⁾ Имеется въ виду многочисленная курортная публика...

отдалялись. Подъемомъ вѣры, горячностью покаянія, напряженіемъ благочестія, вѣрностью евангелію, преданностью Церкви, любовью къ отечеству и вѣрностью ему въ мысли, словѣ и дѣлѣ,—вотъ чѣмъ станемъ мы достойны тѣхъ мучениковъ-воиновъ, что умираютъ нынѣ за нась, и приблизимся къ той вѣчной жизни и вѣчной нашей небесной родинѣ, которая для нихъ и для нась должна быть такъ же единою общею и святою, какъ едина и обща для нась наша родина земная! Аминь.

Правительство и общество.*

Всикое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ; и всякий городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ (Ме. XII, 25).

Законъ нравственный вѣковѣчный и всеобъемлющий. Приведенные слова Спасителя нашего, столь рѣшительныя и устрашающія, имѣютъ полное примѣненіе не только къ той религіозно-нравственной области, о которой говорить евангеліе, но и ко всей безграницной человѣческой и даже міровой жизни, во всѣхъ ея сторонахъ и отправленіямъ. Единство силь стремится изыскать наука даже въ сферѣ явлений чисто-физическихъ. Тѣмъ болѣе оно должно быть признано самымъ главнымъ, единственнымъ и наилучшимъ условіемъ порядка и жизнеспособности тамъ, где попреимуществу требуетъ разумъ, доброе чувство и добрая воля въ дѣятельности человѣка, въ его жизни общественной и государственной. И если есть самое достойное поприще для приложенія порывовъ благороднейшаго патріотизма и пламенаго желанія служить благу общественному, то его можно указать именно въ объ-

* Рѣчь въ собранихъ Закавказскаго Общества вспомоществованія русскимъ переселенцамъ на благородственномъ молебствіи по случаю воссокланенія обѣ избавленія отъ смертельной опасности Главноначальствующаго на Кавказѣ князя Г. С. Голицына и при освященіи иконъ въ память этого события.

единеніи, сліяніи и взаимоскрѣпленіи всѣхъ силъ и начальъ, которыми живеть наша родина. Высшее и совершенѣйшее единеніе—есть идеалъ даже премірный: соединеніе неба и земли, царства человѣческаго и Божіяго, наконецъ, соединеніе человѣка и Бога. „Да будуть все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ нась едино“ (Іоан. XVII, 21),—вотъ завершеніе молитвы Иисуспителя, которую Онъ вознестъ къ Небесному Отцу въ виду Геєсиманіи и Голгоѳы, въ тягчайшій часть Своей жизни; вотъ нравственное завершеніе всего міробытія. Начало же этого единенія полагается въ нашей жизни земной, въ идеалахъ и задачахъ нашей семейной, общественной, государственной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ сегодняшнее торжество, на которомъ мы сейчасъ присутствуемъ, является глубоко-значимымъ и имѣть важное поучительно-общественное значение. Частное Общество наше, собственно благотворительное, въ формахъ исконно-русскихъ, молитвою и поставленіемъ святой иконы, благодарно воспоминаетъ избавленіе и спасеніе представителя правительственной власти отъ смертельной опасности, отъ руки враговъ Россіи. Это явленіе нашей общественной жизни наводитъ на глубокія думы и какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ самымъ назрѣвшимъ и жизненнымъ потребностямъ нашего времени и нашего отечества. Горе государству и обществу, которое живеть раздоромъ составляющихъ его силъ: этотъ домъ, раздѣлившійся въ себѣ, не устоитъ. Для вдумчивыхъ наблюдателей нашей русской дѣятельности не тайна, что такое именно горе до нѣкоторой степени грозить и дому нашей государства и общественности. Скрывать это или замалчивать и неразумно, и непатріотично. Расколъ народа и образованныхъ классовъ; разъединеніе ихъ въ идеалахъ и началахъ церковной и государственной жизни; давній раздоръ „отцовъ и дѣтей“, ярко отмѣченный въ русской семье нашей литературой,—все это явленія тревожныя. Но есть нѣчто еще прискорбнѣе. Будемъ и здѣсь говорить до конца откровенно. Часть русского общества, или такъ-называемая интелигенція, выросшая на чужихъ идеалахъ, оторванная отъ народной русской почвы, не понимающая и не раздѣляющая бытовыхъ, ре-

лигіозныхъ и государственныхъ основъ народа, какъ онъ проявился въ тысячелѣтии нашей исторіи, давно уже стала противополагать себя правительству, незаконно присвоивъ себѣ название „общественныхъ силъ“. Безъ сомнѣнія, совершенно несправедливо отождествлять ее съ истинными и дѣйствительными общественными силами. Но нерѣдко самозванцамъ удается пристроиться къ силамъ общества дѣйствительнымъ и внести въ нихъ смуту. И не разъ наблюдалось у насъ явление, достойное глубокой жалости: мнимые представители общества говорили приблизительно такъ: „мы—общество, а тамъ-то государство, мы—земство, а тамъ-то правительство; мы хотимъ одного, государство жалаетъ другого; наша задача—легально или нелегально бороться съ правительствомъ“... Эта „игра въ нашихъ и вашихъ“, недостойнѣйшая, позорнѣйшая и опасная игра, имѣть за собою цѣлую исторію: она опирается на ту нами упомянутую часть интеллигенціи, которая привыкла жить такъ-называемою оппозиціей правительству, и притомъ только ради самой оппозиціи. Одному царствованію она оппонировала ради другого, минувшаго, что вчера она преслѣдовала и съ кѣмъ или съ чѣмъ боролась, то сегодня она уже выставляла своимъ знаменемъ для борьбы. Сегодня, напримѣръ, недовольство реформами 60-хъ годовъ и требование увѣнчать ихъ зданіе, завтра—тѣ же реформы—уже знамя для борѣбы съ национально-государственную работою 80-хъ годовъ; сегодня привѣтствіе активной борьбы съ правительствомъ, чуть ли не одобреніе дѣятельности соціаль-революціонеровъ и анархистовъ, сношенія съ ними, поддержка и братаніе вплоть до цареубійства 1-го марта, а вслѣдъ за этимъ—непротивленіе злу; еще немного—возрожденіе идеализма; въ слѣдующій моментъ—экономической материализмъ; потомъ—обновленное христіанство; потомъ—ницшеанство и такъ далѣе, переходъ отъ одной крайности въ другую въ области мысли и общественного уклада. Единымъ и связующимъ началомъ во всемъ этомъ броженіи служила и служить лишь оппозиція существующему въ данное время строю государственной жизни, какой-то больной зудъ оппозиціи, которая является и сущностью, и программою, и содержаніемъ всей работы упо-

мнутыхъ лицъ, занятіемъ всей ихъ жизни. И довольно малъшаго повода, чтобы отовсюду появились эти карьеристы смути съ жалкими словами объ ихъ мнимомъ угнетеніи... Всѣ мы знаемъ, не такъ давно пронесено вслухъ Россіи нисколько не новое, а обычное слово о довѣріи къ общественнымъ силамъ, котораго никто и прежде не отнималъ, если, конечно, здѣсь разумѣть истинныя общественные силы, задававшіяся положительными задачами и служившія созиданію, а не разрушенію. И что же видимъ и слышимъ? Вдругъ поднялась газетная шумиха фразъ и ни вѣсть откуда всплыли якобы обойденныя и задавленныя общественные силы. Мы знаемъ и твердо увѣрены, что силамъ разрушенія все равно впредь и никогда не будетъ мѣста въ государственной работе, но поднятая ими хотя и временная тревога и суета все же внесетъ смути въ слабыя души и какъ неизбѣжно болѣе неумѣстна именно теперь, въ тяжкіе дни нашей борьбы съ вѣшнимъ врагомъ. Иной голосъ, иной призывъ мы слышимъ въ нынѣшнемъ нашемъ скромномъ торжествѣ, и этотъ призывъ назрѣлъ, онъ необходимъ и спасителенъ. Довѣріе къ государственной власти, преданность и послушаніе правительству; желаніе соединиться подъ его знаменемъ, дружная творческая работа вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ, вмѣсто бесплоднаго пошлого критиканства, слишкомъ раздѣлающаго нашъ образованный классъ; способность и готовность на всякия жертвы, способность стать выше мелочного самолюбія и мелочныхъ интересовъ,—вотъ что, вотъ что теперь для насъ всего нужнѣ! И не одна война настойчиво зоветъ къ единенію всѣхъ силъ страны; о томъ говорять намъ краснорѣчиво и наши внутреннія неурядицы; о томъ же говорить намъ убѣдительно то прискорбное событіе, которое случилось не такъ давно въ нашемъ городѣ,—разумѣемъ злодѣйское покушеніе на жизнь представителя Государя и правительства на Кавказской окраинѣ. Если враги въ злобѣ своей будуть сильны и сплочены, а сыны отечества равнодушны или раздѣлены между собою, считая себя одни—въ лагерь общества, другіе—въ станъ правительства, тогда кто же станетъ работать для государства, тогда какъ устоять царству.

нашему? Раздѣлившееся само въ себѣ, оно опустѣеть. А этого и нужно врагамъ Россіи, видамъ которыхъ и служатъ дѣятели нашей пресловутой „общественной оппозиціи“. Нѣть, пусть именно общественные свободные силы окружатъ власть государственную почетомъ, довѣріемъ, уваженіемъ, общимъ сочувствіемъ и общею готовностю содѣйствовать ей въ тяжкой работѣ ея и на окраинѣ, и вездѣ въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ и поучительно значеніе благородной рѣшимости нашего частнаго Общества воспомоществованія русскимъ переселенцамъ собраться нынѣ на молитву, соорудить эту святую икону и выразить наше сочувствіе и преданность государственной власти и ея представителю въ нашемъ краѣ! Аминь.

По поводу войны съ язычниками.*

Апостоле, Христу Богу возлюбленно
Ускори избавити люди безотвѣтны! Прі-
емлетъ бо припадающа, иже падша на
перси пріемный, Его же моли Богослове, и
належащую мглу языковъ разгнati, прося!
намъ мира и велия милости (Троп. празд-
ника).

Какая чудная молитва апостолу и какъ она просится на сердце и уста при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ нашимъ православнымъ отечествомъ! Належащую мглу языковъ разгнati свыше указано Россіи съ того вѣчно славнаго и памятнаго дня, когда при святомъ Владимирѣ въ волнахъ Днѣпра крестился народъ нашъ и въ своей исторической жизни призванъ быть осуществить великий завѣтъ Христовъ: проповѣдать имя Господа Іисуса до поолѣднѣхъ земли, пронести Его Крестъ къ сѣверу, востоку и югу до граней, омывающихъ нашъ могучій материкъ морей и океановъ. Жребій, воистину, равноапостольный!

* Слово въ день памяти св. Иоанна Богослова. Сказано въ Тифлисской Иоанно-Богословской церкви при священнослуженіи экзарха Грузіи 26 сентября 1904 г.

Налегла на нась и нынѣ мгла языковъ; кровь льется,— драгоценная кровь нашихъ братьевъ на Дальнемъ Востокѣ; мира и велия милости просить наша родина у Господа предстательствомъ великаго апостола. Но этотъ миръ долженъ служить къ славѣ и чести имени Христова, а не въ позоръ и унижениѣ; этотъ миръ долженъ быть осуществленіемъ нашего великаго призванія и равноапостольного удѣла, вѣрностью ему, а не малодушнымъ отказомъ, не измѣною.

Гдѣ же найти нашему воинству и всему народу нашему, гдѣ найти силы стать теперь на высотѣ свыше даннаго подвига,— силы мужества, крѣпости и того беаграничнаго величаваго и спасительнаго терпѣнія, которое, при неизмѣримыхъ тяжестяхъ внезапно открывшейся браны, оказывается, намъ теперь всего нужнѣе?

Въ вѣрѣ и любви почернѣть наша родина эти силы,— въ вѣрѣ и любви, т.-е. въ тѣхъ именно святыхъ добродѣтеляхъ, которыя и словомъ, и житіемъ, и письменами завѣщаю намъ нынѣ прославляемый апостолъ любви Иоаннъ Богословъ.

И благодареніе Господу! Съ чувствомъ отрады несказанной и благоговѣйной признательности мы можемъ теперь воспомянуть о своемъ воинствѣ. Оно ли не исполнено вѣры? Оно ли не взираетъ на Крестъ? Безсмертны приказы славнаго защитника нашей Портъ-Артурской твердыни: они громкую славу вѣщають Господу браней; отъ нихъ вѣетъ духомъ древнихъ псалмовъ, одушевленіемъ древнихъ судей библейскихъ. Безсмертны подвиги нашихъ пастырей, никогда еще въ годины браней не явившихъ въ средѣ своей въ такомъ множествѣ самоотверженныхъ героевъ: съ крестомъ въ рукахъ они стоять впереди сражающихся, ободряютъ воиновъ, напутствуютъ умирающихъ. Вѣра въ Бога, въ правоту своего дѣла, вѣра въ Россію, въ ея могучія силы,— вотъ чѣмъ живеть и движется наше воинство въ настоящія минуты.

Оно ли, далѣе, оскудѣло въ любви? Но это геройство, эти захватывающіе духъ подвиги, эта рѣшительность на смерть,— чѣмъ все это вызвано, какъ не горячою любовью къ отечеству? Сколько приходится нести трудовъ и лишеній воинамъ, сколько трудовъ и лишеній выносятъ врачи, санитары, слабыя

женщины въ лазаретахъ и въ госпиталяхъ, ухаживающія за больными и ранеными! Все это цвѣтъ и плодъ горячей любви къ отечеству и ближнимъ, готовой на все по слову Христову: „Больше сея любви нико же имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Иоан. XV, 13).

Братіе! Вѣрою и любовію, по завѣтамъ св. апостола, должны жить и мы; вѣрою и любовію должны мы отвѣтить на подвиги нашего воинства; пусть сольются эти чувства наши и нашихъ братьевъ, ведущихъ за нась тяжкую брань, воедино, и ничто, ничто не одолѣетъ тогда этого священнаго единенія. Къ вѣрѣ призываєтъ нась и Церковь Божія, и каждый празднікъ теперь влагаетъ намъ въ уста трогательныя и горячія молитвы къ Богу о дарованіи побѣдъ нашему христоименному воинству. Будемъ стекаться въ храмы съ особымъ усердіемъ; будемъ возносить эти предлагаемыя моленія съ особою вѣрою и горячностью, и пусть въ душахъ нашихъ, исполнія нась упованіемъ, твердостью, мужествомъ и терпѣніемъ, раздастся немолчно священная пѣснь древняго пророка, видѣвшаго свою родину на краю погибели, однако, съ вѣрою взывавшаго: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покорайтесь, яко съ нами Богъ; услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ; могущіе покорайтесь, яко съ нами Богъ; аще бо паки возможите, и паки побѣждени будите, яко съ нами Богъ, и иже аще совѣтъ совѣщаете, разорить Господь, яко съ нами Богъ; и слово, еже аще возглашите, не пребудетъ въ вѣсль, яко съ нами Богъ; страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ; Господа же Бога нашего Того освѣтимъ и Той же будетъ намъ въ страхъ, яко съ нами Богъ; и уповая буду на Него и спасуся Имъ, яко съ нами Богъ!“

Не убоимся страха, не смутимся: вотъ что въ жизни нашей будетъ плодомъ вѣры. Будемъ вѣрить въ правоту нашего дѣла, въ святое одушевленіе и великую мощь нашего воинства, будемъ вѣрить въ силу и правду Святой Руси православной, въ святость и величіе ея мірового призванія! Пусть далеко бѣжитъ отъ нась всякий видъ унынія и сомнѣнія, этихъ спутниковъ малодушія и мелкодушія, которыми въ го- дины тяжкихъ испытаній люди, лишенные вѣры и истиннаго

патріотизма, причиняют обществу и народу болѣе вреда, смуты и разстройства, чѣмъ самыя испытанія! Не будемъ скрывать,—есть таковые люди и въ нашей средѣ. Пусть ихъ навѣвающіе смуту воли и страхи разобоятся о нашу вѣру, твердость и терпѣніе! Здѣсь хочется повторить слова нынѣ прославляемаго апостола: „Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но искушайте духи, отъ Бога ли они“... (1 Іоан. IV, 1).

Нужно ли говорить и о любви нашей къ отечеству? Но когда же и возгрѣвать ее, и питать, и проявлять, какъ не во дни бранныхъ тревогъ? Когда же и близка намъ родина, какъ не въ годину испытаній? Когда же и почувствовать, что мы все—братья, единая семья у единой матери-родины, какъ не во дни общей опасности? Когда же и разгорѣться сердцу чувствомъ самоотверженія, готовности на всякия жертвы, какъ не теперь? И когда же, когда же и проникнуться благодарною любовью къ нашимъ героямъ-воинамъ, умирающимъ за насть на поляхъ брани, къ раненымъ, больнымъ, и придти къ нимъ съ посильною помощью?

Братья и соотечественники! Въ этотъ день торжественнаго праздника, въ эти священные минуты молитвы за Царя и Отечество, у ногъ учителя любви—св. Іоанна Богослова дадимъ мѣсто въ своемъ сердцѣ чувствамъ горячей и все покоряющей любви къ родинѣ и ея избраннымъ и излюбленнымъ сынамъ, каковыми по праву теперь являются наши воины. Вспомнимъ, что въ эти минуты, когда кругомъ насть такъ тихо и спокойно, когда праздничная пѣснопѣнія оглашаютъ нашъ слухъ, тамъ, далеко отъ насть, наши братья на войнѣ: у нихъ вся жизнь теперь—одинъ сплошной подвигъ, трудъ, тревога, лишенія, беспокойства, а для многихъ—грядущая смерть или тяжкая и мучительная болѣзнь отъ ранъ иувѣчій. И у нихъ у каждого есть въ году свой праздникъ родного храма; но увидѣть ли онъ этотъ праздникъ въ кругу односельчанъ, на милой родинѣ, гдѣ дорогъ каждый шагъ земли?.. И у нихъ у каждого—свои отецъ, мать, близкіе родные, а у иного—жена и дѣти, ждущіе его съ поля брани, какъ опору жизни... но увидѣть ли онъ родной очагъ, родныя лица? И упреждая время и пространство, въ часы рѣдкаго отдыха отъ бранныхъ трудовъ, въ тяж-

кія минуты предъ страшнымъ боемъ, въ грозный мигъ смертельной опасности, наконецъ, прямо предъ лицомъ смерти несется мысль воина къ родимому дому, и тревожно сжимается его сердце за будущее жены и дѣтей. А что, если жена будетъ вдовою, а дѣти сиротами?.. Пусть же святая родина замѣнить сиротамъ убитаго отца и кормильца; пусть тѣ, которые, будучи защищены грудью героеvъ, проводятъ жизнь мира и покоя, придутъ на помощь къ раненымъ и больнымъ воинамъ и къ семьямъ и сиротамъ убитыхъ на полѣ браны и чести.

Озnamенуемъ, братья, нашъ праздникъ молитвою за воинство, а также посильною помощью раненымъ героямъ и семьямъ героеvъ убитыхъ; озnamенуемъ этотъ праздникъ въ честь апостола любви подвигомъ любви. И да будетъ горяча наша молитвенная пѣснь небесному покровителю этого храма, пѣснь Церкви, въ которой слышится намъ теперь какъ бы моленіе всего дорогого нашего отечества.

„Апостоле, Христу Богу возлюбленне! Ускори избавити люди безотвѣтны!.. Его же моли, Богослове, и належащую мглу языковъ разгнati, прося намъ мира и велія милости!“ Аминь.

Смерть души и воскресеніе.*

Среди церковныхъ молитвъ есть одна, которая служить живымъ и назидательнѣйшимъ поученіемъ въ настоящій воскресный день.

Она знакома всѣмъ усерднымъ богомольцамъ и читается въ умилительномъ акаеистѣ Господу Иисусу: „*Видя вдовицу, зѣльнѣ плачущу, Господи, яко же тогда, умилосердився, сына ея, на погребеніе несома воскресилъ еси; сице и о мнѣ умилосердися, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси*“... (Конд. 2-й).

* Поученіе въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ.

Объ этомъ именно чудъ воскрешенія сына вдовы сегодня мы слышали въ евангеліи. Такимъ образомъ, указанная сей-часъ молитва церковная, какъ видите, братіе, переносить наше вниманіе отъ смерти и воскресенія тѣла къ смерти и воскресенію души. Но могутъ спросить: развѣ можетъ душа умереть такъ точно, какъ тѣло? И что значитъ воскресеніе души? Разумѣется, душа не можетъ разложиться и истлѣть, какъ тѣло; душа, по существу своему, бессмертна. Но вѣдь и тѣло по смерти своей не уничтожается совершенно, и части, его составлявшія, послѣ смерти тѣла попрежнему продолжаютъ существовать въ мірѣ въ видѣ земли, воды, пара и проч. Однако, части эти перестали быть тѣломъ, которое потеряло по смерти своей видѣ, свои силы и свое назначеніе. Умерло тѣло; повидимому,—по крайней мѣрѣ это должно сказать о первыхъ дняхъ послѣ смерти,—остается все прежнее: та же голова, тѣ же глаза, уши, руки, ноги... Но глаза не видятъ, уши не слышать, руки не двигаются, и мы говоримъ: это трупъ, мертвое тѣло, потому что оно не выполняетъ своего назначенія. Представьте себѣ человѣка въ столь глубокомъ обморокѣ, что всѣ сочли его за мертвеца, стоять, однако, ему открыть только глаза или поднять руку, и всѣ признаютъ его живымъ, ибо тѣло его исполняетъ свое назначеніе, слѣдовательно, живо, а не мертвое.

Примѣнимъ сказанное къ душѣ. Душа создана по образу Бога и всегда къ Нему стремится. Какъ тѣло ищетъ пищи и питья, такъ душа ищетъ свойственаго ей духовнаго питанія: она ищетъ Бога, стремится къ правдѣ, къ добру, къ святости. Какъ тѣло мучится отъ голода и жажды, такъ душа страдаетъ и мучится безъ сродной ей пищи, безъ вѣры и добродѣтели. Какъ въ тѣлѣ мученія голода и жажды можно *на время*, только на время успокоить и обмануть, что нерѣдко и дѣлаютъ сильно голодные люди, проглатывая вмѣсто хлѣба что-либо непитательное, вредное—бумагу, тряпки, даже землю, или выпивая во время жажды на морѣ соленую морскую воду: такъ и душу можно занять вмѣсто истинной ея пищи—вѣры, молитвы и добрыхъ дѣлъ—удовольствіями и забавами пустыми или грѣховными. И, наконецъ, какъ тѣло безъ правильной и

здравой пищи, хотя бы и замѣняемой указанными вредными веществами, все-таки непремѣнно умреть, такъ и душа безъ Бога, безъ вѣры, безъ молитвы, безъ слова Божія и добрыхъ дѣлъ вянеть, дѣлается безжизненною и какъ бы умираеть; она не исполняетъ своего назначенія и въ этомъ смыслѣ умираетъ.

Вотъ почему людей грѣшныхъ и забывшихъ о Богѣ и Спаситель называетъ мертвѣцами: „Предоставь,—говорилъ Онъ одному Своему послѣдователю,—предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвѣцовъ, а ты иди и возвѣщай царствіе Божіе“ (Ме. VIII, 22; ср. Лук. IX, 60). Но это состояніе души человѣка не безнадежно; она можетъ ожить и воскреснуть. Поэтому и апостоль, обращаясь къ грѣшнику, призываетъ его: „востани спай, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣти тя Христосъ“ (Еф. V, 14). Лишь только душа сознаетъ тщету и неправду грѣха и пагубность удаленія отъ Бога; лишь только она обратится къ молитвѣ, къ Слову Божію и доброй жизни; лишь только она вступитъ въ общеніе съ Иисуспителемъ въ таинствахъ и коснется благодати Божіей: она вдругъ исполняется чудныхъ невѣдомыхъ и невидимыхъ могучихъ силъ, и изъ мертвой дѣлается живою, ибо исполняетъ свое призваніе и свое исконное назначеніе.

Итакъ, хотя воскрешеніемъ сына вдовы Господь Иисусъ Христосъ увѣряетъ насть прежде всего въ истинѣ всеобщаго воскресенія и поучаетъ насть готовиться къ нему, но и раньше этого воскресенія, еще живя въ тѣлѣ и на землѣ, мы должны, братіе, стараться оживлять наши души и, если онѣ умираютъ или умерли, воскрешать ихъ отъ мертвыхъ. Чѣмъ оживлять и воскрешать? Общеніемъ съ Богомъ, первообразомъ души и источникомъ ея жизни, истиной и добромъ, этою пищею нашего духа. Общеніе же съ Богомъ—въ молитвѣ; истина же—въ вѣрѣ и словѣ Божиемъ; добро же—въ святой жизни и послѣдованіи слову Божію при помощи благодати Господней. Воскрешеніе же души послѣ грѣховной смерти даетъ намъ покаяніе тайное ежедневное передъ Богомъ и явное въ опредѣленное время предъ Церковью и ея служителемъ. А безъ всего этого, грѣшникъ, ты услышишь грозное слово Господа,

записанное въ Откровеніи: „Знаю твои дѣла; ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ... Вспомни, что ты принялъ... и покайся... (Апок. III, 1, 3).

Но какъ воскресшій тѣломъ не захочеть умирать, такъ и душою воскресшій отъ грѣховной смерти иди къ жизни, къ Богу, къ истинѣ, къ добру и святости, а не къ смерти и діаволу. Велика и неизмѣрима милость Божія, и нѣтъ грѣха, ее побѣждающаго: но милость Божію обращать въ поводь и поощреніе ко грѣху, въ безпечность, распущенность и легкомысліе, это—кощунство, безуміе и оскорбленіе Божества. *А Богъ поругаемъ не бываетъ...* (Гал. VI, 7).

Видя вдовицу зъльинъ плачущую якооже тогда умилосердився сына ея, на погребеніе несома воскресиль еси; си же и о мнъ умилосердися, и грѣхами умерищленную мою душу воскреси, Человѣколюбче! Аминь.

Храмъ—училище любви и единенія.*

Вотъ вышелъ съятель съять...

Святая Церковь, братіе, сегодня поучаетъ насть чтеніемъ притчи Спасителя о съятелѣ. Глубоко поучительна для насть эта притча, столь простая и ясная. Вышелъ съятель съять. И когда онъ съяль, одно зерно упало при дорогѣ и было по-топтано птицами; другое упало на камень, чутъ-чуть покрытый землею; оно быстро взошло, но, не имѣя корня, скоро увяло, засохло отъ солнца и не принесло плода; иное же упало въ терновникъ, и взошелъ терновникъ и подавилъ съмя; а иное упало на доброй землѣ и принесло плодъ сторичный (Ме. XII; Лук. VIII).

* Поученіе въ недѣлю 21-ю по Пятидѣсятницѣ по случаю закладки храма въ предмѣстіи г. Тифліса—Нахаловкѣ. Сказано 10 октября 1904 года при свя-щеннослуженіи акаарха Грузіи; въ Нахаловкѣ свила себѣ гнѣздо пропаганда соц.-демократ. и сектантская.

Въ евангелии мы слышали, какъ Спаситель объяснилъ ученикамъ Своимъ эту притчу. Святитель—это Самъ Господь Иисусъ, нашъ Божественный Учитель; съмѧ—это слово Божie; дорога, камень, терновникъ, добрая земля—это души людскія, которая различно принимаютъ слово Божie: однѣ сейчасъ же все забываютъ, и слово Божie въ этихъ душахъ и сердцахъ совсѣмъ не принимается и не растетъ, какъ съмѧ на дорогѣ; другіе принимаютъ слово Божie, но скоро при первомъ искушениі забываютъ его и оставляютъ, потому что не имѣютъ въ себѣ глубины и корня,—настойчивости, постоянства и усердія; у иныхъ же рядомъ съ словомъ Божіимъ живутъ и дѣйствуютъ пороки, страсти, которая, какъ терновникъ съмѧ, заглушаютъ ростъ слова Божія и не даютъ ему принести плодъ; а у иныхъ на доброй душѣ при усердіи и терпѣніи и постоянствѣ слово Божie приносить богатый урожай и плодъ вѣры, молитвы, добрыхъ дѣлъ.

Вотъ притча. Ее закончилъ Господь нашъ возглашеніемъ: „имѣющій уши слышать, пусть слышитъ!“

Желаемъ ли мы, братіе, слышать и знать слово Божie, это святое съмѧ жизни вѣчной и счастья вѣчнаго? Безъ сомнѣнія, желаемъ; мы научены Спасителемъ: „Блажени слышащи слово Божie и творяще е“ (Лук. XI, 28). Мы знаемъ, что если не посѣшь на пашнѣ, то она или останется пустынною, дикою, или покроется вмѣсто хлѣба дурными и сорными травами; душа наша—пашня; если не посѣшь на ней сѣмени слова Божія, то она или будетъ пустою, дикою, ничего не знающею, или чаше всего она заастеть дурными мыслями и неправильными понятіями, дурными чувствами, дурными пожеланіями.

Вотъ почему съ чувствомъ глубокой и живѣйшей радости нашъ архипастырь послѣдній привѣтствовать и благословить молитвою ваше намѣреніе, братіе, поскорѣе имѣть въ этой мѣстности обширный и для всѣхъ доступный храмъ, это святое мѣсто съянія слова Божія. Выше всякихъ самыхъ высшихъ школъ, выше и нужнѣе всякаго какого угодно ученаго и благотворительного учрежденія—храмъ Божій. Кто устроилъ храмъ, тотъ сотворилъ дѣло, самое угодное для Бога и самое

нужное для людей. Это въдь лучшая школа для людей, гдѣ они поучаются молитвѣ, единомыслию, союзу вѣры и любви, гдѣ они получаютъ неисчерпаемые посѣвы небесныхъ истинъ въ души и сердца; это—врачебница душъ отъ грѣховъ; это—самое высокое благотвореніе для людей, ибо что выше и дороже вѣчнаго спасенія? А оно-то и подается чрезъ таинства святыя въ храмахъ Божіихъ. Мы знаемъ, далѣе, что въ нравственной жизни выше всего Господь завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ любовь между собою. Онъ сказалъ: *потому и узнаютъ, что вы Мои ученики, если вы будете иметь любовь между собою* (Иоан. XIII, 35). Но для укрѣпленія любви нужно собираться вмѣстѣ, нужно иметь что-либо высокое и святое для всеобщаго объединенія; все это и даетъ храмъ; здѣсь *едина у всѣхъ вѣра, едино крещеніе, едина истина, единыя таинства, единъ Богъ и Отецъ всіхъ* (Еф. IV, 4).

Не напрасно поэтому, если враги задумываютъ погубить насть, то они прежде всего захотятъ раздѣлить насть и лишить общаго дома Божія, т.-е. храма Божія. Когда на дворѣ темно и холодно, тогда-то мы и постигаемъ всю цѣну своего дома, своего теплого и свѣтлого уголка, гдѣ мы съ родными и милыми сердцу проводимъ жизнь безопаснную и спокойную, хотя бы за стѣнами дома ревѣла и бушевала буря. Теперь именно и переживаемъ мы такое время, когда насть, православныхъ, хотятъ раздѣлить и лишить насть согрѣвающаго и спасающаго насть дома Божія. Воистину, кругомъ насть будетъ страшная буря.

Среди здѣшняго населенія, вы сами знаете, есть, по выражению апостола, *братья, безчинно ходящіе* (2 Сол. III, 6). Давно о нихъ говорилъ св. апостолъ: они оскверняютъ плоть, они возстаютъ на высокія власти, отвергаютъ начальства, они обѣщаютъ всяческую свободу; они зовутъ къ бунтамъ и измѣнамъ; это облака, которыя шумятъ, но не дадутъ живительнаго дождя; это деревья дважды умершія, бесплодныя; усталихъ произносятъ надутыя слова—и только. Такъ ихъ изображаетъ св. апостолъ (Луд. I гл.), и вы сразу узнаете ихъ по этому изображенію. Они-то прежде всего идутъ противъ всего святого, религіознаго, для нихъ и храмъ Божій ненуженъ и

ненавистенъ; они поэому и върующихъ чадъ Церкви хотять отторгнуть отъ Церкви и храма.

Есть и другіе враги наши духовные въ этой мѣстности. И о нихъ давно сказалъ св. апостоль свое осуждающее слово. Это отдѣлившіеся отъ Церкви *непокориные и своимъ умомъ прельщенные*, помѣшившіеся на своей гордости сектанты, которыми, по слову того же апостола, *надлежитъ уста заграждати* (Тит. I, 10). И отъ нихъ вы услышите укоризненныя слова о храмѣ, и они не хотять видѣть здѣсь дома Божія...

Берегите же, братіе, ваше духовное сокровище, святой храмъ, мѣсто съянія слова Божія! Старайтесь сплотиться, соединиться вмѣстѣ крѣпко-накрѣпко, не жалѣйте ни средствъ, ни усердія, чтобы создать себѣ и своимъ дѣтямъ согрѣвающей и освѣщающей домъ, домъ Божій, гдѣ вы можете укрѣпиться отъ житейскихъ бурь, отъ духовнаго холода, отъ духовной тьмы.

Все, все сдѣлаетъ единодушіе, и съ благословеніемъ архипастыря на закладку вашего храма Божіе благословеніе низойдетъ и на это дѣло и на всѣ дѣла руку вашихъ. Какъ крѣпость спѣшно и усердно укрѣпляютъ въ виду враговъ, какъ домъ спѣшно возводятъ въ виду холоднаго времени: такъ и храмъ, эту духовную крѣпость нашу и спасительный домъ, возводите вы скоро, усердно и успѣшно въ виду духовныхъ враговъ нашей вѣры, въ виду холодности къ церкви, которую хотять вездѣ распространить враги нашего святого отцепреданнаго православія:

Когда же воздвигнется здѣсь храмъ Господень, тогда мы можемъ съ особымъ смысломъ и съ особымъ чувствомъ сказать словами нынѣ слышаннаго евангелія: „Се изыде сляй да съетъ.“ И дай вамъ, Господи, воспринимать сѣмя слова Божія на добрыя души, съ упованіемъ на плодъ духовный, плодъ вѣры, молитвы, святости и вѣчнаго спасенія!

Имѣй уши слышати, да слышить! Аминь.

Уроки чудесъ Христовыхъ.*

Если Моисея и пророковъ не послушаютъ, то если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣрятъ (Лук. XVI, 31).

Эти слова Господа Иисуса Христа взяты изъ притчи Его о богачѣ и Лазарѣ, которую мы сегодня слышали за литургіей въ евангеліи. Не станемъ теперь вновь повторять ее подробнѣ, какъ всѣмъ достаточно извѣстную. Остановимся вниманіемъ на самомъ окончаніи притчи.

Богачъ, мучимый въ адѣ, просить Авраама, чтобы онъ послалъ Лазаря на землю: „ибо у меня пять братьевъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобы они не пришли на это мѣсто мученія“. Но Авраамъ отвѣчаетъ, что о загробной жизни, о загробномъ воздаяніи, о жизни земной, какъ приготовленіи къ небу, для братьевъ погибшаго богача достаточно ученія и проповѣди Моисея и пророковъ: „пусть слушаютъ ихъ“. Богачъ же сказалъ: „Нѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покажутся“. Тогда Авраамъ сказалъ ему: „*Если Моисея и пророковъ не послушаютъ, то если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣрятъ*“ (Лук. XVI, 27—31).

Вотъ, воистину, устрашающее слово, истина котораго несомнѣнна, ибо его изрекла Сама Воплощенная Истина, ибо его подтвердилъ опытъ вѣковъ и тысячелѣтій. Какъ ясно говорить оно, что не въ отсутствіи доказательствъ вѣры причина невѣрія, а въ развращенности сердца, въ дурномъ направленіи воли: такъ, лѣнивецъ не оттого предается праздности, что у него предъ глазами мало примѣровъ гибельныхъ послѣдствій ея; такъ, и пьяница не оттого отдастся вину, что не зналъ и не слышалъ, къ чему приводить оно,—но оттого, что ни тотъ, ни другой не хочетъ вступить въ борьбу со своими порочными склонностями... Сердцемъ струется въ правду, говорить

* Слово въ день 17-го октября и въ 22-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

св. апостоль (Римл. X, 10); въ сердцѣ же и источникъ не-вѣрія. Напрасно поэтому говорять, что нынѣ оскудѣла вѣра потому, что оскудѣли чудеса; евангеліе увѣряеть насъ въ обратномъ: оскудѣваютъ чудеса отъ оскудѣнія вѣры... Напрасно поэтому надѣются чудомъ привлечь къ вѣрѣ того, кто потерялъ ее; и Самъ Господь не творилъ чудесъ тамъ, где видѣлъ одно упорное и озлобленное невѣріе или вмѣсто вѣры праздное любопытство, или, наконецъ, даже искушение Господа... Онъ не претворилъ камней въ хлѣбы, Онъ не сошелъ со креста, Онъ и по воскресеніи являлся ученикамъ Своимъ, а не фарисеямъ и саддукеямъ... Жители Его родного города, услышавши, что Онъ много сотворилъ чудесъ въ Канѣ и Капернаумѣ, ждали отъ Него гораздо больше чудесъ на родинѣ. Евангелистъ по этому случаю кратко, но выразительно замѣчаетъ: „И не совершилъ тамъ чудесъ *по нестѣрію ихъ*... (Ме. XIII, 58).

Наоборотъ, мы не разъ видимъ въ евангеліи, что чудеса, совершенные предъ людьми упорно-невѣрующими, еще болѣе озлобляютъ ихъ. Ибо нѣть чуда, самаго великаго, нѣть знаменія, самаго поразительнаго, котораго не объясняло бы какими-либо естественными причинами упорное въ злобѣ и невѣріи сердце. Припоминается евангельская исторія исцѣленія слѣпого отъ рожденія: допрашиваютъ исцѣленнаго фарисеи, допрашиваютъ сосѣдей и родителей его, нѣсколько разъ слышать, Кто исцѣлилъ, какъ исцѣлилъ, убѣждаются самыемъ осязательнымъ образомъ, что исцѣленный есть тотъ именно, котораго всѣ много лѣть знали и видѣли слѣпымъ, просящимъ милостыню; наконецъ, опять допрашиваютъ исцѣленнаго. Разслѣдованіе произведено полное, всестороннее; сдѣлано все для убѣжденія въ истинѣ чуда: оказалось, нѣть ни малѣйшей причины въ немъ сомнѣваться. Читая евангеліе, ожидаешь, что, наконецъ-то, восторжествуетъ добро, наконецъ-то, всѣ признаютъ въ Иисусѣ Христѣ Божественнаго Посланника. Что же? Вмѣсто этого слышимъ приговоръ: „не отъ Бога сей человѣкъ“... (Иоанн. гл. IX).

Вотъ воскрешеніе Спасителемъ Лазарь: чудо, разительнѣе котораго трудно и представить! Умершій четыре дня во гробѣ

и уже разложился; Иисусъ Христосъ не присутствовалъ ни при смерти его, ни при погребеніи. Онъ подходитъ къ пещерѣ, не зная даже мѣста могилы; Его окружаетъ народъ; враги Его слѣдятъ за каждымъ Его движеніемъ... Слово Иисуса оказалось словомъ Владыки жизни и смерти и возвратило изъ челюстей ада мертвца четверодневнаго къ жизни. Нѣть и не можетъ быть мѣста сомнѣнія; остается одно: идти за Христомъ. Что же видимъ? Съ этого дня Синедріонъ еврейскій положилъ убить Его... (Иоанн. XI, 53). Самъ евангелистъ съ удивленіемъ замѣчаетъ: „Столько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними, и они не вѣровали въ Него... Народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое“ (Иоанн. XII, 37, 40; ср. Ис. VI, 10). Нѣть ничего упорнѣе, пристрастнѣе и несправедливѣе невѣрія!

Возьмемъ еще примѣръ изъ исторіи. Первые вѣка христианства; вѣрующихъ мучать и предають смерти; часто не береть ихъ огонь, не сѣчеть мечъ, не умерщвляютъ дикие звѣри. Но еще чудеснѣе высота духа мучениковъ, ихъ преданность Богу, вѣрность убѣжденіямъ, готовность на страданія и смерть. Видимъ: воины, палачи нерѣдко здѣсь же, на мѣстѣ и во время казни принимаютъ христианство, свидѣтельствуя кровью искренность своего обращенія. Что же правители и судьи? А они только озлобляются болѣе и болѣе, обвиняютъ христианъ въ колдовствѣ и безбожіи и, видя недѣйствительность одного способа казни, измышляютъ другой, болѣе мучительный.

Чудеса для невѣрія—только судъ правый и правое осужденіе; они ясно говорятъ, что Господь далъ для невѣрныхъ и злобныхъ все, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ, что Онъ не хотѣлъ ихъ погибели; безотвѣтно невѣріе предъ судомъ Божіемъ и его слуги сами себя губятъ, *зане любовь истины не пріяша во еже спастися ииъ* (2 Сол. II, 10).

Но для тѣхъ, кто вѣровать, для апостоловъ и учениковъ Христовыхъ, для христианъ всѣхъ послѣдующихъ временъ эти чудеса, видѣнныя ими или открытыя въ словѣ Божіемъ, служили и служатъ подкрѣпленіемъ вѣры, утѣшніемъ въ страданіяхъ, радостью о Господѣ. Они сообщали и сообщаютъ вѣрующимъ такую силу убѣжденія, такую преданность Спаси-

телю, что дѣлали союзъ съ Нимъ крѣпче смерти и истогали изъ усть и сердецъ вдохновенные и восторженныя слова,— слова исповѣданія для всякаго горячо вѣрующаго сердца: „Что насть разлучить отъ любви Божіей? Скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? За Тебя умерщвляютъ насть всякий день, какъ овецъ, обрѣченныхъ на закланіе. Но все сие преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насть. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, никакая тварь не можетъ разлучить насть отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл. VIII, 35—39).

Братіе! Сегодня и мы съ вами стоимъ лицомъ къ лицу предъ чудомъ, которое совершилось на землѣ русской 17 октября 1888 года, когда явилъ Господь любовь Свою и милость къ Помазаннику Своему—нашему Царю съ Его Семействомъ, когда, говоря словами нынѣ честуемаго Церковью пророка Божія Осіі, *отъ руки адовои избавилъ Его и отъ смерти искутилъ Его* (Ос. XIII, 14).

Пусть глумится и глаголеть нечестивую хулу злобствующее невѣріе: подобаетъ и сему быти...; пусть надменное легкоуміе придумываетъ естественные причины событий, когда среди всеобщаго разгрома и бушующихъ стихій, среди смерти и разрушенія, Ангель Господа, по волѣ Его, явился хранителемъ Царя и Его Семьи и даровать ихъ Россіи невредимыми. Но для насть, для вѣрныхъ сыновъ Церкви, для вѣрныхъ сыновъ отечества и Государя, здѣсь чудо; здѣсь великое чудо милости Божіей къ Россіи, ибо страшно даже и подумать, что было бы съ нашимъ отечествомъ, если бы 17 октября 1888 года Царскій Домъ нашъ погибъ въ крушениі поѣзда. Пусть же чудо это не пройдетъ для насть безслѣдно, пусть не будетъ среди насть людей, подобныхъ евангельскимъ фарисеямъ, что въ невѣріи своеемъ приготовили себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія страшнаго суда Божія. *Днесъ аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ!* (Пс. 94, 8; ср. Евр. III, 8; IV, 7). Пусть исполняются сердца наши радостью о спасеніи царя, вѣры, преданности, благодаренія и славословія къ Богу-Промыслителю!

Утвердимся же прежде всего въ той мысли, что не отвратилъ Господь очей Своихъ отъ нашего дорогоого отечества, отъ Руси святой, православной; что не иссякъ въ ней родъ праведныхъ, съмъ святое, которымъ стоитъ всякое царство (Ис. VI, 13); что при всемъ разливѣ невѣрія довольно на Руси такихъ ревнителей вѣры и Церкви, которые не преклонили колѣнъ и не кадили предъ современными ваалами, какими бы именами они не прикрывались; сильна Русь покровомъ Божіимъ и благочестіемъ многихъ сыновъ своихъ.

Утвердимся въ той отрадной мысли, что въ Церкви, къ которой мы имѣемъ счастье принадлежать, въ церкви православно-русской пребываетъ благодать Божія, Спасителемъ обѣтованная, и проявляется въ спасительныхъ и чудесныхъ знаменіяхъ; слѣдовательно, это и есть та самая Церковь, о которой изречены Спасителемъ великія обѣтованія, что врата адова не одолѣютъ ей: въ ней полнота истины, путь спасенія, источникъ святости, сокровище благодатныхъ даровъ Духа Святаго.

Возрадуемся и о первородномъ и почтительномъ Сынѣ нашей родимой Церкви, о нашемъ воистину благочестивѣйшемъ Государѣ, укрѣпимся въ убѣждѣніи, что власть Его— власть отъ Бога и сохранена намъ Богомъ въ Его чудесномъ спасеніи; проникнемся чувствами горячей вѣрноподданнической любви къ Нему, готовой на всякую службу, на всякий подвигъ и жертву. Спасенный чудесно, избавленный отъ членостей смерти, отмѣченный перстомъ Божіяго Промыслы, Онъ безиконечно дорогъ русскому сердцу. Господи! дни на дни приложи царю и лѣта на лѣта, сохрани надъ нимъ Твой вышній покровъ, даруй Ему благоуспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе!

Утвердимся, братіе, въ вѣрѣ и преданности Промыслу Божію, бодрствующему надъ Россіей, въ эти тяжкіе дни войны, когда среди насть не мало унылыхъ, слабыхъ, маловѣрныхъ и малодушныхъ.

Какъ бы ни было тяжко на брани, какія бы тревожныя и тягостныя вѣсти ни неслись оттуда: *се не воздремлетъ ниже успнетъ храняй Израилъ!* (Пс. 120, 3—4). Тамъ, гдѣ не останется надежды на силу и помошь человѣческую, явится по-

мощь Божія, тѣмъ болѣе вразумительная и несомнѣнная, чтобы мы въ гордынѣ своей не приписывали себѣ ничего, но все воздали бы Богу. *Не намъ, Господи, не намъ, но Имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Такъ, окрыленные вѣрою и упованіемъ, въ виду чуда Божія, призовемъ и нынѣ благословеніе Господа и вышній покровъ Его на Царя и Россію въ наши тяжкіе и скорбные дни!

Господи, силою Твою возвеселится царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуемся зѣло. Господи, спаси Царя и услыши ны, въ онъ-же аще день призовемъ Тя! (Пс. 20, 2; 19, 10). Аминь.

Царь-Праведникъ.*

Память его въ родѣ и родѣ.

Десять лѣтъ сегодня минуло съ того скорбнаго дня, когда вся Россія потрясена была отъ края и до края вѣстью о смерти незабвеннаго Государя Императора Александра III-го. Время ослабило эту скорбь; въ истекшія десять лѣтъ произошло столько событій, занявшихъ вниманіе Россіи, столько радостей и печалей, что, по ограниченности человѣческой природы, русское общество, конечно, жило и живеть главнымъ образомъ интересами настоящаго дня. И тѣмъ не менѣе, память о покойномъ Государѣ не умирала въ Россіи и, вѣримъ, не умреть никогда. Время отдалитъ отъ насъ его образъ: но въ отдаленіи онъ будетъ еще прекраснѣе, еще привлекательнѣе и цѣлостнѣе; исторія выдвинетъ новые событія и новые интересы: но связь настоящаго съ прошлымъ никогда не прекратится; она будетъ выступать предъ взоромъ живущихъ все ярче и опредѣленіѣ, наглядно, осмысленно, и въ этомъ прошломъ имя и образъ Императора Александра III-го неизмѣнно будутъ вызывать только чувства благодарности и преклоненія. Это

* Слово на панихидѣ о въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III-мъ 20 октября 1901 года, въ день десятилѣтія со дnia его кончины.

не былъ рядовой безцвѣтный человѣкъ, сливающійся съ миллионами своихъ современниковъ и скоро исчезающій изъ памяти потомковъ; это не былъ и рядовой исторической дѣятель, чрезъ нѣсколько десятилѣтій только числящійся въ спискахъ правителей и не оставившій яркаго слѣда въ народной жизни и въ народной памяти. Императоръ Александръ III занялъ въ исторіи свое мѣсто, сказалъ свое слово; онъ отвѣтилъ завѣтнымъ желаніямъ истинно-народнаго идеала Царя, завѣтнымъ думамъ и порывамъ истинно-народной души.

„Царь по сердцу Божію“ и по сердцу народному, онъ вполнѣ осуществилъ слова царя-псалмопѣвца: *Онъ сошелъ, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія жаждущую землю. И будетъ жить..., и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякий день благословлять его. Доколѣ пребудетъ солнце, будетъ передаваться имя Его* (Пс. 71, 6—15—17).

Память его въ родъ и родъ... Во дни печали народной будуть вопрошать: какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ незавѣтный Царь-Праведникъ и какой исходъ указалъ бы народной жизни? Во дни радости будуть видѣть, какъ онъ подготовилъ ее мудрымъ проникновеніемъ въ глубину народныхъ нуждъ и предусмотрѣніемъ грядущихъ судебъ царства. А всегда и во всемъ будуть учиться у него, какъ надо любить свою родину, какъ надо вѣрить и вѣрить въ нее и какъ надо жертвовать для нея всѣмъ и всѣмъ, не исключая и жизни своей. Тѣмъ именно онъ и дорогъ и близокъ намъ, тѣмъ именно и привлекаетъ онъ къ себѣ благодарныя сердца, что это не былъ только мудрый и трудяющійся правитель; это былъ сынъ, истинный сынъ Россіи, это былъ Царь-отецъ своего народа и, наконецъ, онъ былъ *жертвой* за Россію.

Да, жертвой. Стоить только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ онъ вступилъ на царство. По окровавленнымъ ступенямъ, залитымъ кровью его отца, злодѣйски убитаго, пришлось ему взойти на свой царскій тронъ. Кругомъ неистовствовала общественная смута и помраченіе, воочію показавшее всю силу и весь ужасъ зла, если ему нѣть преградъ и твердаго противодѣйствія. Внѣшніе и внутренніе враги Россіи пророчили ей скорый конецъ, ждали ея гибели, злорад-

ствомъ, клеветою, отчаяніемъ устрашали вѣрныхъ сыновъ Царя и царства. Предъ этимъ ужасомъ смущались самые мужественные умы и сердца, да и чье сердце не поколебалось бы при видѣ торжествующаго зла, въ сознаніи недостаточности средствъ борьбы съ нимъ... Но не смущился покойный Государь. Исполненный глубокой религіозной вѣры, горячо любящій Россію, онъ одинъ изъ немногихъ прозрѣлъ, что сила зла—кажущаяся сила, что смута умовъ и сердца есть только грязная пѣна на поверхности глубокаго и цѣльного океана истинно-народной жизни. Твердою рукою взялъ онъ кормило государственного корабля, твердымъ словомъ возвзвалъ онъ къ своему народу, и вдругъ услышался отвѣтный могучій откликъ изъ всѣхъ нетронутыхъ глубинъ народнаго духа, изъ всѣхъ здоровыихъ слоевъ народной жизни, и всѣ почувствовали сразу и силу, и спокойствіе, и увѣренность... Раалегѣлся миражъ близкой гибели Россіи, поднялся народный духъ, укрѣпилось русское самосознаніе, присмирѣли враги. Въ короткое время царствованія своего покойный Государь любовнымъ и заботливымъ окомъ заглянулъ во всѣ уголки государственной жизни и всюду внесъ порядокъ и спокойствіе. Ни голодъ, ни холера внутри Россіи, ни оскорблѣнія и вызовы враговъ совѣтъ не вызвали его изъ величаваго и неустаннаго труда царскаго, непоколебимо покоившагося на вѣрѣ его и на любви. И чудо воочію свершилось: онъ передалъ царство своему Сыну въ такомъ порядкѣ, въ какомъ не передавали его преемнику ни одинъ изъ русскихъ государей.

Но только Богъ единый знаетъ, сколько трудовъ, усилий невѣроятныхъ, полнаго самоотреченія и скрытыхъ страданій пришлось вынести покойному Царю для блага Россіи. Только впослѣдствіи, и то случайно, узнали русскіе люди, что не разъ жизнь покойнаго находилась въ опасности, что не разъ виѣшніе враги готовились нанести смертельный ударъ Россіи и что Царь ихъ, надѣленный богатырскимъ здоровьемъ и сложеніемъ, краса и гордость ихъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, не имѣлъ достаточнаго отдыха,—и сошелъ въ могилу буквально подавленный бременемъ труда, непосильнаго ни для какой человѣческой природы.

Воистину, вся его жизнь и его преждевременная кончина были жертвою за русский народъ, за наше благо и счастье.

Но и смертью не кончается его служение Россіи. *Умеръ праведникъ, и яко не умре:* вотъ что, повторяя слово Писанія, можно сказать о немъ. Онъ вдохнулъ вѣру въ Россію, въ ея силы и въ ея предназначение; онъ завѣщалъ намъ твердость и мужество въ испытаніяхъ; Онъ показалъ, какъ неизмѣримы и неисчерпаемы силы святой Руси, которой страшно и гибельно только одно, только одно несчастіе: оскудѣніе вѣры и христіанского благочестія.

Въ нынѣшнюю годину тяжкой брани отрадно помянуть молитвою почившаго Царя, помянуть его завѣты и исполниться его духа,—духа вѣры, упованія и мужества. Отрадно вспомнить, что все благодѣтельное для насть въ нынѣшней войнѣ сдѣлано и предусмотрѣно почившимъ: если бы не начатый имъ желѣзнодорожный путь чрезъ Сибирь, дающій возможность собраться нашимъ войскамъ въ теченіе мѣсяціевъ въ такомъ количествѣ, для котораго потребовались бы, при отсутствіи дороги, буквально годы; если бы не возсозданный имъ русскій флотъ; если бы не упорядоченные имъ государственные финанссы: то, можетъ-быть, Россія уже навѣки потеряла бы огромную часть своего достоянія въ Азіи... Но теперь она можетъ смотрѣть смѣло въ будущее и рано или поздно, и послѣ побѣды и даже послѣ пораженія,—выйти съ честью и сохранно изъ той брани, которую предательски началь противъ нея языческій врагъ.

Помянемъ же, братіе, горячою молитвою въ Божій почивающаго незавѣннаго Государя Императора Александра III-го! Будемъ вѣрны его священнымъ завѣтамъ вѣры, труда, молитвы и горячей любви къ отечеству, будемъ вѣрны его дорогой памяти, да возрадуется и выну радуется душа его о Господѣ въ горныхъ селеніяхъ, въ невечернѣмъ дни царствія небеснаго, къ которому восшелъ онъ отъ трудовъ царства земнаго! Аминь.

Бодрая вѣра въ Россію.*

Обступили насть ужасы брани. На поляхъ Маньчжуріи двѣ огромныя арміи стоять одна предъ другою, въ зимнюю стужу, въ тяжкихъ условіяхъ жизни, готовыя ежеминутно ринуться въ кровопролитное сраженіе, которое обѣщаетъ затмить собою все, что знаетъ исторія браней. А у берега незамерзающаго моря, на самой крайней точкѣ полуденныхъ предѣловъ Россіи, отрѣзанный отъ всего міра гарнизонъ крѣпости ведеть безпримѣрную геройскую борьбу съ сильнейшимъ врагомъ, удивляя міръ подвигами мужества и чести, и, истекая кровью, просить себѣ благословенія своего Государя на все, что судить Господь: на брань, на подвиги, на муки и смерть... Дальнимъ, кружнымъ путемъ, на пространствѣ десятковъ тысячи верстъ, прорѣзая волны чуждыхъ морей, посреди ежеминутныхъ опасностей и предательства, посреди шипящей злобы, готовой на всякое коварство, медленно движется русскій флотъ, направляясь все туда же, на Дальній Востокъ, къ Великому морю-океану, до котораго, наконецъ, въ шири и размахѣ народнаго генія докатились волны могучей русской государственности, на зависть и страхъ языческой Японіи и ея низкодушныхъ, жадныхъ и завистливыхъ союзниковъ въ Европѣ и Америкѣ. Безпрерывною живою рѣкою переливаются изъ внутренней Россіи къ дальней Сибири, направляясь на поле брани, полки за полками: то идутъ въ величавомъ спокойствіи и въ геройской рѣшимости на подвиги и смерть наши братья, на которыхъ выпадъ жребій стать въ ряды защитниковъ родины. Тысячи ихъ уже положили жизнь свою за отчество и отошли къ вѣчному покою; десятки тысячъ томятся больные и раненые. А между тѣмъ назрѣваютъ новые планы войны, во всю ширь развертывается организація русскаго

* Слово въ день рождения Императрицы Маріи Феодоровны, 14 ноября 1904 года. Произнесено въ Тифлисскомъ военномъ соборѣ при священнослуженіи экзарха Грузіи.

воинства, нарождаются новые арміи, собирается и растет не-виданная по численности, грозная русская рать вокруг испытанного трудами бури боевой архистратига нашего воинства...

Мысли и сердца наши прикованы къ дальней окраинѣ отечества. И въ нынѣшній день церковно-государственного праздника о комъ же думать намъ и молиться, о комъ, какъ не о васъ, наши доблестные воины, наши мученики и герои, что храните и отстаиваете честь и цѣлостность и великое міровое будущее Россіи цѣною жертвъ и страданій?

Но что это мы слышимъ порою отъ этихъ героевъ, когда они, больные или раненые, возвращаются съ поля браны въ мирную обстановку жизни внутри Россіи, когда они прислушаются и присмотрятся къ тому, что здѣсь говорятъ и пишутъ, чѣмъ здѣсь заняты и интересуются? Къ стыду нашему, не разъ по этому поводу раздавались ихъ горькія сътования вслухъ всей Россіи, а одинъ изъ нихъ мѣтко выразился въ печати, что онъ снова снова тяжко „раненъ на родинѣ“... Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ арміи, бодрый трудъ, жертвы, лишенія и, несмотря на нихъ, крѣпкая и твердая вѣра въ окончательное торжество Россіи; а здѣсь, въ Россіи,—нерѣдко малодушіе, уныніе, шипящая злобная сплетня, ложные слухи, мелкое и жалкое критиканство дѣйствій нашихъ войскъ со стороны непризнанныхъ главнокомандующихъ, осужденіе арміи, ея героевъ и руководителей. Тамъ, на полѣ браны, всѣ помыслы, всѣ силы и старанія направлены къ тому, чтобы увѣнчать словою начавшуюся вынужденною нашу брану и приготовить отечеству великое будущее; а здѣсь,—здѣсь господствуютъ такие интересы, поднимаются такие счеты, что кажется, будто воюетъ собственно армія, а не русскій народъ, не русское государство... Нашли же теперь время спорить о довѣріи или невѣріи къ силамъ общественнымъ; удосужились выечитывать обиды прошлаго, разматривать счеты служилаго класса и общества; подъ громъ войны вздумали мечтать о внутреннихъ преобразованіяхъ, поднимать съ особою невидимою силой вопросы о фондахъ и жертвахъ на народное образованіе... Но самое главное, самое нелѣпое, поозорное и даже преступное во всемъ этомъ шумѣ и смятеніи—это какое-то дикое непонятное самоуничоженіе, какая-то фана-

тическая брань всего своего, родного, милого русского прошлого и настоящего. Въ годину войны нашли время вселять въ народъ презрѣніе къ себѣ, угашать его духъ и самосознаніе, развѣнчивать его отчизну, за которую онъ долженъ сражаться. Воистину, это могъ сдѣлать и придумать только врагъ Россіи... И въ чёмъ только ни обвинили русскій народъ?! Во всемъ онъ оказался виновнымъ: виновенъ въ томъ, что въ его странѣ не свѣтить яркое солнце юга; что берега его земли не омываетъ лазурное море; что на почвѣ его сѣверныхъ полей и лѣсовъ не произрастаютъ роскошные плоды тропическихъ странъ; что въ своей обширнѣйшей странѣ не успѣлъ онъ народить густое населеніе; что его исторія исполнена великихъ испытаній; что онъ выступилъ въ исторіи на 500 лѣтъ позже народовъ Европы, да и занялъ пустыни, лѣса и болота, а не насиженныя мѣста древней римской культуры, которая досталась галламъ и германцамъ; что по этой причинѣ онъ не успѣлъ, не могъ развить ни просвѣщенія, ни промышленности, ни богатой торговли,—всего, чѣмъ богаты счастливые обитатели счастливыхъ южныхъ приморскихъ и густо населенныхъ странъ Европы... Вѣдь это похоже на то, какъ если бы Петра Великаго обвинять, что онъ не провелъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Петербургу... Обличенія русскому народу льются неудержимымъ потокомъ, и дошло до того, что журналисты, поучающіе тысячелѣтній народъ, создавшій великое государство, вдохновляямыя нерѣдко то инородческими вождѣніями, то неисцѣлимымъ преклоненіемъ предъ всѣмъ иноzemнымъ, то увлеченіемъ модными послѣдними словами, то жаждой популярности, то просто построчною платою, объявляются ни болѣе, ни менѣе, какъ равными древнимъ пророкамъ, вдохновляямыя на слово истины Духомъ Божіимъ... Безспорно, что въ средѣ этихъ писателей немало людей почтенныхъ, честныхъ и разумныхъ, но и они—все же люди, способные заблуждаться, увлекаться, впадать въ односторонность, и сравнивать ихъ съ библейскими пророками—не только неправильно, но и прямо кощунственно. Крайность за крайностью,—и въ нѣкоторыхъ газетахъ отечество наше объявлено уже не заслуживающимъ любви ни со стороны купечества, ни со стороны

крестьянства; народъ признанъ несчастнѣйшимъ изъ народовъ, уже теряющимъ и чувство патріотизма, идущимъ въ-разбродъ съ „постылой“ родины, а русскіе вообще признаны издавна, „со временъ Тацита“, стоящими ниже всѣхъ народовъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ... Что касается образованнаго класса, то о немъ заявлено, что онъ возвращается съ Запада Европы, „какъ съ богомолія“, съ чувствомъ благоговѣнія; что дома, въ Россіи, ему тѣсно, душно, безотрадно, что онъ вмѣстѣ съ народомъ задавленъ, задыхается ¹⁾...

Дальше идти въ самоуничиженіи уже некуда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и большихъ и убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ и доказательствъ полной неправды такихъ рѣчей тоже искать нечего: онъ сами произносятъ себѣ приговоръ и ясно показываютъ, что перешли грань, за которую начинается уже не разумное слово, правдивое и сдержанное, а сплошная брань и крайность увлеченія. Да, въ нашей жизни много недостатковъ, и вѣрно, что война особенно рѣзко и замѣтно открыла и подчеркнула эти недостатки, но искоренять ихъ нужно не съ злорадствомъ и чувствомъ какой-то злобной мести за прошлое, а съ любовью и смиреніемъ, которое, однако, не исключаетъ въ христіаніи ни сознанія собственнаго достоинства, ни сознанія достоинства отечества. Но главное,—вѣдь всему свое время. Необходимо намъ, напримѣръ,—необходимо, какъ воздухъ, просвѣщеніе. Но время ли для воззваній о жертвахъ на это дѣло, когда предъ глазами—ужасы войны, прежде всего требующіе напряженія всѣхъ силъ, всѣхъ и всякихъ жертвъ? Что бы вы сказали о матросахъ, которые, видя опасность, грозящую кораблю, стояли бы около подзорныхъ трубъ, предаваясь изученію астрономіи? Астрономія—великая наука, но матросы тѣ—все-таки безумцы. Что бы вы сказали о жильцахъ дома, которые, видя, что дому грозить опасность пожара, что дымъ и пламя прорываются въ окна и на крышу, продолжали бы читать ученыя книги, пополняя свое образованіе? Образованіе—великое дѣло, но жильцы тѣ едва ли могутъ быть признаны людьми здравомыслящими.

¹⁾ Разумѣмъ нѣкоторые изъ послѣднихъ воскресныхъ фельетоновъ „Нов. Вр.“ и газ. „Право“ (№ 41).

Придетъ желанный часъ, дасть Господь намъ миръ,—о, если бы это былъ прочный и долгій и достойный, главное, достойный миръ,—и тогда само собою наступить время для новыхъ вопросовъ внутренней нашей жизни, на которую обратится вся энергія и всѣ силы, что уходяты теперъ, естественно и необходимо, на вѣшнюю брань съ врагомъ.

Но и тогда, и теперъ злобныя хулители Россіи, забросавшіе ее печатною грязью,—это клеветники родины, это неблагодарные и неблагородные ея сыны!.. Они хотятъ оправдать пустоту своихъ душъ и сердецъ, холодныхъ къ родинѣ, тѣмъ, что отечество будто бы недостойно ихъ... Нѣть, наоборотъ, они недостойны отечества, они, эти жалкіе рабы должно направленаго просвѣщенія, взявши напрокатъ чужія слова и мысли, эти несчастные духовные безродные, „непомняще“ родства... скитальцы,—иного имени имъ нѣть. И слава Господу, что ихъ—ничтожная кучка.. Великъ коренной русскій народъ,—не одно крестьянство, нѣть,—всѣ классы русскаго народа, которые своими дѣйствіями въ эту войну показали воочію всю низость той печатной клеветы на Россію, которая нашла себѣ мѣсто въ послѣднее время на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ.

Это для крестьянства-то стала „постыло“ родина,—для крестьянства, давшаго изъ среды своей безрепетныхъ матросовъ „Стерегущаго“ и безсмертной памяти Василія Рябова?! Это крестьянство-то перестало любить „безпріютную“ отчизну,—то крестьянство, которое дало десятки тысячъ героевъ во всѣхъ сраженіяхъ?! Это оно теряетъ патріотизмъ,—оно, которое въ своихъ представителяхъ въ Портъ-Артурѣ удивляетъ міръ чудесами героизма?! А подвигъ пастырей на войнѣ? А сестры милосердія, о которыхъ нельзя ни вспомнить, ни говорить безъ сердечнаго умиленія? А врачи и санитары? А доблестные офицеры арміи и флота? А представители общедворянской и общеземской организаціи помощи больнымъ и раненымъ? А развѣ купечество не посыпаетъ на войну своихъ сыновъ? А развѣ оно не принесло миллионныхъ жертвъ на нее?

Стыдитесь, клеветники Россіи! Остановите грязный потокъ изрыгаемой вами на нее хулы, остановите вашъ похоронный лицемѣрный плачъ о ней! Она жива, Россія, и живъ народъ.

ее создавший; она не брошена своими детьми, она ими любима и будеъ любима вовѣки; она имѣть такихъ защитниковъ, такихъ дѣтей, которые съ радостью отадутъ ей все дорогое, до послѣдней капли крови, до послѣдняго бенія сердца, до послѣдняго вздоха жизни.

И страдающая, подавленная нуждою, горемъ, даже униженная, окруженнная злобою враговъ и низкою клеветою,—даже побѣжденная врагомъ въ этой трудной, въ сущности колониальной войнѣ, она еще болѣе мила и близка сердцу народному!

Послушаемъ, какъ даже иностранцы удивляются несокрушимому патріотизму и твердости духа русскихъ солдатъ, которые всяку неудачу объясняютъ однимъ: „не пришла еще Россія“¹⁾). Послушаемъ, что пишетъ посѣтившій на-дняхъ нашу страну представитель далекой епископальной церкви изъ враждебной намъ Америки²⁾). Онъ печатно, во всеуслышаніе заявилъ, что духъ христіанства всесцѣло проникаетъ русскую жизнь, и что онъ навѣки сохранить самыя лучшія воспоминанія о русскомъ народѣ, который поразилъ его своимъ высокимъ христіанскимъ настроениемъ.

Послушаемъ и русскихъ наблюдателей нашего воинства; изъ нихъ одинъ, котораго, судя по прежнимъ его литературнымъ трудамъ, трудно заподозрѣть въ преувеличеніи достоинствъ русского народа, пишетъ, какъ бы извиняясь за громкую хвалу ему: „Что я видѣлъ, то видѣлъ. А насмотрѣлся я на русскую душу въ чистомъ ея видѣ. Оторванная войною, подвигомъ, страданіями, близостью къ смерти, сознаніемъ сво-

1) Г. Хендеръ, англійскій корреспондентъ на войнѣ, пишетъ: „Русскіе—не простое собраніе русскихъ, это какое-то особое существо, могучее, непобѣдимое. Русскій полкъ можетъ потерпѣть пораженіе, русскій корабль утонуть, но все это (въ глазахъ солдата) не касается Россіи, которая неодолима и неистребима. Россія въ глазахъ русского солдата надѣлена какимъ-то особымъ могуществомъ, чѣмъ-то въ родѣ особой силы природы, неизмѣримо превосходящей совокупныя усиія отдельныхъ русскихъ людей. Эта вѣра настолько велика, что ее не могли сокрушить никакія неудачи. Всѣ невзгоды въ Маньчжурии объясняются очень естественно, что „не пришла еще Россія“. Поэтому всѣ говорятъ: „война еще не началась, она начнется, когда придетъ Россія“.

2) См. письмо Роб. Моргана, діакона англіканской церкви въ Америкѣ: „Во всеобщее свѣдѣніе“. („Нов. Вр.“, 26 октября 1904 года.)

его подвига, своего достоинства... эта душа являетъ себя такою милою, такою дѣтски-чистою, такою раскрытою для всего доброго, что не повѣрить въ нее, не полюбить ея—нельзя”¹⁾.

А въ назиданіе и поученіе въ нынѣшній день, намъ хочется предложить одинъ самый простой и естественный вопросъ: кто же воспиталъ эту душу, кто воспиталъ этихъ героевъ, которые во всѣ вѣка русской исторіи являлись у насъ нескудно, которые въ войны Отечественную, севастопольскую русско-турецкую и въ настоящую русско-японскую снова воскресили въ глазахъ міра былуу славу русской отваги, самоотверженія и высокаго патріотизма?

Кто воспиталъ? Школы? Научное знаніе и просвѣщеніе? Народные дома? Театры? Общественные организаціи? Ничего этого не было въ Россіи въ теченіе вѣковъ; эти учрежденія, на которыхъ возлагаются теперь столь великия надежды, или явились недавно, или только предположены въ будущемъ. Между тѣмъ, уже сто лѣтъ лучшіе русскіе писатели въ своихъ произведеніяхъ рисуютъ намъ идеальныхъ людей изъ простого народа и зовутъ образованное общество идти и учиться у этого народа смиренію, терпѣнію, мужеству, глубокому пониманію христіанскаго духа, безстрашію предъ смертью, способности къ подвигу, великодушію, милосердію, любви къ отечеству и житейской трезвой мудрости.

Кто же воспитывалъ нашъ народъ въ теченіе вѣковъ?

Одна религія. Вѣра была его единственnoю движущею силою; пастыри Церкви были его единственными учителями; храмы—единственными училищами, а богослуженіе, книги церковные—всю совокупностью его просвѣщенія. Не говоримъ, что съ этимъ и должны навсегда остатся, а все другое—школы, науку, промышленность и проч.—выбросить вонъ. Но утверждаемъ, что святая вѣра должна остатся главною воспитывающею силою въ нашемъ народѣ: „Всѣ остальные воспитательные средства, какими располагаетъ общество, лишь распредѣляютъ нравственную силу, порождаемую религіей, мо-

¹⁾ Корресп. „Нов. Врем.“ Дѣлкова, Томскъ 14 октября; тамъ же „Мысли и жизнь“ Л. Л. Толстого.

гуть ее разумно сберегать и направлять, могутъ угашать и искажать", но нового источника этой силы создать не могутъ. „Внѣ религіи у человѣка нѣтъ притока нравственной силы, нѣтъ и источника сознательной и добровольной дисциплины. Безъ религіи общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи только слѣпую привычку, да чисто-принудительную дрессировку. Но оба эти средства способны только нѣкоторое время поддерживать, а не порождать нравственную дисциплину" ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, они не дадутъ народу героеvъ на протяженіи тысячелѣтій.

Вѣрою и теперь живетъ напѣтъ народъ. Вѣрою и теперь онъ бодръ, силенъ и смѣло смотрѣть въ будущее Россіи. Вѣрою онъ осмыслилъ настоящую войну, которая для него—продолженіе мірового призванія, свыше указаннаго, борьба христианства и язычества, правды и неправды, Креста и древняго дракона, что символически изображено и на его государственномъ гербѣ. Вѣрою онъ, повторяемъ, осмыслилъ величія совершающіяся событія, которыхъ никакъ не уразумѣютъ образованные классы: послѣдніе не понимаютъ, зачѣмъ эта война, эти жертвы, они унываютъ и малодушествуютъ, говорятъ „о побѣдимости" Россіи, готовы на унизительный миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ побѣдъ,—въ то время, какъ народъ, сильный вѣрою, которая дасть ему равновѣсіе духа и жизни, идѣть путемъ, указаннымъ ему Провидѣніемъ, и близокъ-близокъ теперь къ тому часу, когда—во гласѣ ли побѣды, съ громкимъ славословіемъ Господу мира и Богу браней, или, если такъ судить Богъ, и въ смиреніи послѣ неудачъ войны, послѣ безрадостнаго мира,—онъ воспрянѣть къ могучей работѣ мира, въ чаяніи великаго будущаго, которое уготовано ему Провидѣніемъ.

Сольемся, братіе, съ этою могучею народною вѣрою и вознесемъ нынѣ горячія молитвы о Царѣ нашемъ и Его Царствующемъ Домѣ, о дорогой нашей родинѣ, о нашемъ безконечно дорогомъ всероссійскомъ христолюбивомъ и побѣдоносномъ воинствѣ! Аминь.

¹⁾ „Религиозно-философская библиотека" Новоселова, вып. IV, стр. 106.

Благодарность.*

Не десять ли очистились, а девять гдѣ?
Какъ они не возвратились воздать славу
Богу, а только иноплеменникъ сей? (Лук.
XVII, 17).

Въ прочитанномъ сегодня за литургіей евангельскомъ сказании предъ нами—иноплеменникъ - самарянинъ, удостоенный высокой похвалы нашего Спасителя. Извѣстна вѣмъ его история. Каждый разъ, когда мы собираемся на молитву возблагодарить Господа за какое-либо благодѣяніе Его, явленное намъ въ жизни ли общественной или личной, Церковь предлагаетъ тогда въ назиданіе молящимся трогательную повѣсть объ этомъ благодарномъ иноплеменникѣ.

Разъ, когда входилъ Иисусъ въ одно селеніе, за предѣлами его встрѣтили Господа десять прокаженныхъ мужей. Они не смѣли войти въ селеніе, потому что ихъ оттуда гнали изъ страха заразы; они не могли идти за Христомъ и въ поселеній вмѣстѣ съ народомъ, потому что, по закону, не имѣли права имѣть какое-либо общеніе со здоровыми людьми, которыхъ могли заразить. И вотъ, стоя издали, они взмолились къ Чудотворцу, о Которомъ, конечно, много слышали, въ Котораго и увѣровали по слухамъ только и разсказамъ,—увѣровали своими скорбными сердцами, жаждущими чуда и милости.

Оставленные, изгнанные изъ общества людей, несчастные, обреченные на медленную смерть, неужели они будуть отвергнуты новымъ явившимся Пророкомъ, въ Которомъ вѣра заставляла ихъ видѣть обѣтованного Мессію? „Иисусе, Наставниче, помилуй насть“, взывали они издали въ надеждѣ исцѣленія. И желанное исцѣленіе имъ было дано. „Идите, покажитеся священникамъ“, отвѣтилъ Господь на ихъ вопль; это значило, что проказа съ нихъ снята и, по закону, они должны были получить отъ священниковъ удостовѣреніе въ томъ, что

*) Слово въ нед. 29-ю по Пятидесятницѣ въ Гудаутской церкви, Сухумской епархіи, въ присутствіи учениковъ второклассной учительской школы.

выздоровѣли и что имъ разрѣшено возвратиться въ города и селенія. Счастливые пошли они туда, куда послалъ ихъ Іисусъ, но одинъ изъ нихъ, увидѣвъ себя исцѣленнымъ, забылъ радость личнаго спасенія и безмѣрнаго счастья жизни, забылъ все на свѣтѣ и отдался только порыву благодарности, охватившему все его существо. И онъ возвратился назадъ. Невзирая на то, что не получилъ онъ свидѣтельства священниковъ, забывъ, что ему нельзя еще быть среди здоровыхъ людей и въ населенныхъ мѣстахъ, что нельзя ему, по закону Моисееву, даже прикасаться къ здоровымъ людямъ, онъ палъ къ ногамъ Іисуса съ гласомъ велиимъ, воздавая Ему хвалу предъ всѣмъ народомъ. Глубоко онъ тронулъ милосердое сердце Спасителя. Но этотъ благородный и благодарный былъ не іудей, а самарянинъ.

Это былъ иноплеменникъ, это былъ сынъ племени, враждебнаго іудеямъ.

И тѣмъ не менѣе, въ его сердцѣ нашла себѣ мѣсто вѣра истинная, и она привела его къ познанію Спасителя. Да, иноплеменникъ, даже врагъ іудеевъ, онъ, однако,увѣровалъ въ Бога Израилева, призналъ данное этому народу Божественное Откровеніе, проникся вѣрою въ ожидаемаго Спасителя и узналъ Его пришедшаго лучше и скорѣе многихъ настоящихъ іудеевъ. Вѣра и смиреніе сдѣлали его доступнымъ высшимъ добродѣтелямъ души, что и видимъ мы въ исторіи его исцѣленія. И благодарный и вѣрующій, онъ пріялъ отъ Спасителя свидѣтельство хвалы и обѣтованіе Спасителя: „иди, вѣра твоя спасла тебя“, сказаѣть ему Господь.

Одинъ ли онъ явилъ свидѣтельство благородной благодарности иноплеменниковъ къ Израилю? Вдова изъ Сарепты Сидонской во дни Илії; сиріецъ Нееманъ во дни Елисея; жена-хананеянка во дни Спасителя,—все это примѣры того же чувства, которое явилъ благодарный самарянинъ.

Братья и дѣти! Проходить вѣка и тысячелѣтія, измѣняются обстоятельства и условія жизни людей, но законъ нравственны, но потребности сердца, но запросы души постоянны и вѣковѣчны.

Знаменательныя сближенія возстаютъ въ душѣ по поводу

сказанного при наблюденіи надъ тѣмъ краемъ, въ которомъ
 вы живете. Новый благодатный Израиль, милостью Божіею,
 это—народъ святорусской. Онъ—хранитель и носитель истин-
 ной вѣры христіанской и православной, и царство его—един-
 ственное православное царство въ мірѣ. Подобно древнему
 Израилю, и русское царство призвано къ великому, міровому,
 вселенскому служенію. Подобно древнему Израилю, но въ
 неизмѣримо большей степени, оно привекло къ себѣ взоры
 и надежды многихъ миллионовъ иноплеменниковъ, изъ кото-
 рыхъ многіе вкусили отъ него не только блага тѣлесныя,
 земли, угодья, мирную жизнь, но пріяли и духовныя неоцѣ-
 ненные сокровища: вѣру православную. Таковъ именно и
 здѣшній край. Онъ упорядоченъ трудомъ русскаго народа;
 онъ умиротворенъ его потомъ и кровью и жертвами его сы-
 новъ, пріавшихъ здѣсь смерть въ борьбѣ съ врагами этого
 края; онъ обогащенъ и отъ его щедротъ, а больше—отъ его
 скудости и самоотречения. Батумъ и Поти залиты кровью рус-
 скаго воина; Сухумъ защищенъ его грудью; въ Гаграхъ об-
 рекъ себя на смерть геройскій гарнизонъ заброшенной и отрѣ-
 занной отъ міра крѣпости; рядомъ съ великимъ городомъ въ
 Бомборахъ долго стояло русское воинство, отстаивая безопас-
 ность этой страны; Архипъ Осиповъ—это только одинъ изъ
 сотенъ и тысячъ самоотверженныхъ русскихъ героевъ. За кого
 и за что они умирали? Они умирали за чужой край, за чу-
 жой народъ, они несли сюда своею кровью и страданіями—
 евангеліе, крестъ, ученіе Спасителя, миръ, порядокъ и до-
 вольство. Они обеспечили эти дороги, эти поселенія, монастыри,
 города, торговлю; они пріобщили этотъ край къ жизни мир-
 ной и счастливой. О, спите въ сырой землѣ по всему Черно-
 морскому побережью, спите, наши безвѣстные родимые герои,
 безстрашные, безропотные, смиренные и покорные жребію жизни
 и смерти! Спите въ мирѣ и отрадѣ въ этой землѣ, отнынѣ
 навѣки русской; мы же вашъ подвигъ почтимъ благодарною
 молитвою и благодарнымъ словомъ. Или мы не уподобимся
 благодарному самарянину? Или иноплеменники, живущіе здѣсь,
 не имѣютъ причинъ и оснований благодарить Россію, и не
 спасены ею и не спасаются отъ своего рода особой заразы?

О, есть проказа худшая проказы тѣлесной: это духовная проказа невѣрія, лживѣрія, иновѣрія, чѣмъ богатъ былъ здѣшній край; это—тьма невѣжества, дикости, животной и злобной жизни, которая охватывала эту страну и заставляла ее въ этомъ земномъ раѣ жить, какъ въ аду. И вотъ, великая Россія принесла сюда миръ, порядокъ, проповѣдь евангелія, школьное просвѣщеніе, дала войско, устроила управлѣніе, провела дороги, учредила торговлю, привлекла своихъ русскихъ капиталистовъ, предпринимателей. Неустанно льются милости ея на край этотъ.

Будемъ же, братіе, подобны благодарному самарянину въ нашихъ чувствахъ къ великому русскому отечеству. Въ этихъ чувствахъ воспитывайтесь и вы, юноши и дѣти, питомцы школы, украшающей этотъ городокъ. Будемъ покорны власти, будемъ способствовать ея видамъ и начинаніямъ, отвѣтимъ горячою любовью на щедроты, изливаемыя Россіей на этотъ край. И какъ благодарность самарянина привлекла къ нему новую милость Господа послѣ исцѣленій, такъ будетъ и съ вами, братіе и дѣти, если вы будете возрастать и жить въ этомъ благородномъ чувствѣ къ великому русскому царству. Оно въ долгу никогда не оставалось и явить этому краю въ будущемъ великія блага тѣлесныя и духовныя. Неблагодарность же есть свойство души Хама, по изображенію Библіи, а на языкѣ людей неблагодарныхъ есть свойство самаго грязнаго, самаго нечистаго и смраднаго животнаго... Не уподобимся ему!

Но слово Божіе велитъ намъ любить не словомъ и языкомъ, а дѣломъ и истиною. Есть сегодня къ тому и поводъ, и случай. Тамъ, вдали отъ нась, спасая и защищая честь и цѣлость Россіи, сражаются и умираютъ наши братья-воины, потомки, продолжатели дѣла и подражатели тѣхъ, которые во дни былые на этихъ берегахъ Черноморья также умирали за Россію и за ея міровое призваніе. Тысячи среди нихъ больныхъ и раненыхъ. Придемъ же къ нимъ съ посильною помощью! Вспомнимъ, что въ то время, когда мы здѣсь сыты, довольны и безопасны, они тамъ на стужѣ, часто въ голодѣ, подъ пулями, въ постоянной опасности страданій и смерти.

Къ раненымъ и больнымъ пойдемъ мы съ помощью, слѣдуя

примѣру милосердаго Спасителя. Съ благодарностью всѣ безъ различія, русскіе и не русскіе, отнесемся къ нашему доблестному воинству, къ нашимъ братьямъ больнымъ и раненымъ.

Сейчасъ супруга начальника округа пойдетъ среди насы за сборомъ даяній. Ея рука протянута за дальнихъ нашихъ братій. Рука просящаго протянута. Да не оскудѣтъ и рука дающаго! Аминь.

Миръ на землѣ.*

Нынѣ силы небесныя, къ землѣ сошедшія, взвывали: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ....

На земли миръ... Но, Господи, гдѣ же этотъ миръ, о которомъ въ чась рожденія Иисуспителя возвѣстили измученной грѣхомъ и злобою „погибельной”, т.-е. обреченной на гибель, землѣ святые небесные вѣстники? Гдѣ же, гдѣ же этотъ миръ, если на нашихъ глазахъ еще такъ недавно лилась кровь въ тяжелой войнѣ, дымились развалины истерзанныхъ городовъ и крѣпостей, если и нынѣ готовятся и зрѣютъ новые бранные замыслы, грозящіе смертью тысячамъ жизней?

Гдѣ этотъ миръ, когда вокругъ насы, мы видимъ, мятутся въ озлобленіи люди, изрекая хулы на все, что выше ихъ и сильнѣе, требуя насилиемъ измѣненія всего государственного и общественного строя и грозя смертью всѣмъ и всякому, кто не угодилъ ихъ видамъ, несогласенъ съ ихъ желаніями и возвѣніями?

И все-таки, братіе, какъ ни насыщенъ кругомъ насы какъ бы самый воздухъ злобою и враждою, стоять вовѣки непреложно и дѣйственno слово святыкъ небожителей. *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!...*

Да, есть миръ на землѣ,— и этотъ миръ отъ Бога. Жизнь

* Слово на Рождество Христово 25 декабря 1904 года. Понченіе составлено отчасти по руководству ст. архіеп. Иеронима о Рожд. Христовомъ въ Сборн. Барсова.

людей нерѣдко сравниваютъ съ бурнымъ моремъ. Люди науки, изучающіе тайны природы, рассказываютъ намъ, какія бываютъ на морѣ бури и волненія. Въ открытомъ океанѣ, говорятъ, волны достигаютъ страшной высоты—7 или 8 саженей. Смотря на эту неудержимо движущуюся, ревущую и грозную стихію, кажется, что все море до самаго дна всколеблено бурею, и нѣть въ немъ ни единой спокойной капли воды. И однако, все это только *кажется*. Какъ ни сильна буря, какъ ни велико волненіе, оно только бороздить, только рѣбить чуть-чуть поверхность океана, а самыя глубины его всегда устойчивы, недвижимы, неизмѣнны: миръ и покой вѣчно царять въ нихъ.

То же самое, братіе, и миръ, который принесенъ на землю съ неба нашимъ Примирителемъ и Искупителемъ и о кото-ромъ радостно воспѣли ангелы въ часть Его рожденія: Онъ неизмѣримо глубже и могучѣе океана, и его сокровенные глубины не поколебать ни злобѣ людской, ни самому отцу и начальнику злобы—дѣволу; его козни, волны злобы и грѣха—не болѣе, какъ волны поверхъ океана.

„Христосъ есть миръ нашъ“ (Еф. II, 14),—говорить апостоль,—говорить въ то время, когда кругомъ его и противъ него кипѣла страшная злоба враговъ. И Самъ Спаситель, прощаясь съ учениками, когда кругомъ царила безудержная злоба, когда Синедріонъ искалъ лжесвидѣтелей, когда одинъ изъ приближенныхъ учениковъ Христовыхъ, дошелъ до ужаса бого-предательства, когда міръ готовился увидѣть и пережить величайшее зло, величайшую неправду и преступленіе, безпримѣрное, единственное и ужаснѣйшее, именно—богоубійство, а за нимъ въ теченіе столѣтій кровавые костры, казни, гоненія, сотни тысячъ замученныхъ за Христа жизней,—посреди и въ виду всего этого видимаго разлива торжествующей злобы Спаситель ясно и рѣшительно съ царственнымъ спокойствіемъ поучаетъ и завѣщаетъ: „Миръ Мой даю вамъ, миръ оставляю вамъ“ (Иоанн. XIV, 27).

Итакъ, значитъ, можетъ быть миръ на землѣ, принесен-ный и оставленный намъ Спасителемъ,—невзирая на все зло жизни.

И прежде всего это есть примирение людей съ Богомъ и земли съ небомъ, дарованное намъ въ непостижимой тайнѣ искупленія грѣшнаго человѣчества рожденіемъ, жизнью, учениемъ, страданіями, смертью, погребеніемъ, воскресеніемъ, сошествіемъ во адъ, вознесеніемъ нашего Господа, ниспосланіемъ намъ Духа Святаго и вѣчнымъ пребываніемъ Спасителя посреди вѣрующихъ въ Церкви, руководящей насъ къ вѣчной жизни, къ той жизни, где будеть *новое небо и новая земля* (2 Петр. III, 13), куда не войдетъ ничто нечистое (Апок. XXI, 27), где не будеть ни браней, ни злобы, ни неправды. На сie и родился и пришелъ въ міръ Сынъ Божій.

Естественному уму это непонятно, но вѣрующему сердцу христіанскому здѣсь все исполнено и свѣта, и вѣдѣнія, и мира, и отрады. Кто хочетъ углубиться въ тайну сю, слушай апостола, который нынѣ громогласно вѣщаетъ, что изъ враговъ Бога люди сдѣлались Его любимыми сынами, наследниками всѣхъ Его обѣтованій, и все это только за вѣру, ради того, что *сегда прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего Единороднаго, рожденаго отъ Жены, бываема подъ закономъ, да въновленіе пріемемъ* (Гал. IV, 4—5). Такъ что теперь мы—не рабы Богу, а дѣти. Прощенъ грѣхъ и прощены грѣхи многіе; открыто сердце Божіе для человѣка; грѣшникъ можетъ идти къ Отцу Небесному съ вѣрою, покаяніемъ, со смиреніемъ, въ готовности исполнять волю Его,—и онъ не будеть отвергнутъ, но пріемлется съ любовью. Открыта и самая воля Божія, и тайна Божества, и даны заповѣди, и дана помощь свыше для ихъ испытанія; открыто и обѣщано прощеніе согрѣшающему и падающему,—развѣ это не миръ, не радость, не спасеніе? Развѣ не повторить съ ангелами всякое сердце и не воскликнуть всякия уста: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, съ человѣцкими благоволеніемъ!*

О, пріидите, по гласу Церкви, пріидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: средостѣніе ограды разрушился. Пламенное оружіе плеши дасть, и херувимы отступаютъ отъ древа жизни, и мы райской пищи причащаемся... (Стих. вечерн.).

О, пріидите, возрадуемся Господеви и поклонимся, какъ

смиренные пастухи, и дары принесемъ, какъ мудрые волхвы, за этотъ чудный свѣтъ великаго познанія,—познанія Бога, познанія этого мира, принесеннаго искупленіемъ, познанія жизни, смерти и того, что послѣ смерти. Ибо, воистину, рождество Твое, Христе Боже нашъ, воасія мірови свѣтъ разума!

Гдѣ же намъ найти сей свѣтъ разума, гдѣ найти и получить и усвоить тайну примиренія и искупленія, благодать Духа Святаго, доступъ къ Божеству, прощеніе грѣховъ безошибочное и вѣрное руководство жизни, гдѣ мы можемъ сказать съ упованіемъ: *Съ нами Богъ, Великаго Совѣта Ангель, Чудень, Совѣтникъ, Князь мира, Властитель, Отецъ будущаго вѣка?* (Ис. IX гл.).

Гдѣ и когда, исполнившись этого вѣдѣнія, соединяясь съ Богомъ и Искупителемъ, мы можемъ имѣть въ душѣ тотъ *превосходящій всякъ умъ миръ* (Фил. IV, 7), который, невзирая на видимую суetu, злобу и коварство въ средѣ людей, подобно глубинамъ морскимъ, всегда и неизмѣнно вѣренъ себѣ и не колеблется?

Не въ царствахъ человѣческихъ! О нихъ сказано иное слово, которое услышимъ чрезъ нѣсколько минутъ: *Услышати имате браны и слышаніе бранемъ.* И еще: *Подобаетъ бо вси и симъ быти* (Мо. XXIV, 6). *Царство Христово*, какъ Онъ Самъ сказалъ, *не отъ мира сего* (Иоанн. XVIII, 36). Оно *внутрь настъ* (Лук. XVII, 21), въ правой вѣрѣ, въ искреннемъ благочестіи, въ чистой совѣсти, въ пріобщеніи къ Богу, *въ правдѣ и мирѣ и радости о Духѣ Святомъ* (Римл. XIV, 17). Оно отчасти и вѣкъ настъ, и хранилище его есть *Церковь Христова*. Здѣсь, въ Церкви,—надежное убѣжище отъ всего, нарушающаго душевный миръ, здѣсь люди хвалились даже скорбями и радовались даже въ страданіяхъ, здѣсь они были мирны и покойны духомъ во всѣхъ лишеніяхъ, здѣсь вѣчно будетъ возсылаться слава Богу на небѣ, отсюда вѣчно будетъ изливаться миръ на землю, здѣсь всегда можно сѣдѣлаться людямъ чадами благоволенія Божія.

А внѣ Церкви и евангелія—вѣчная буря, волненіе и мятежъ. Эту истину подтвердила исторія людей яснѣе дня.

Да не смущается же сердце наше видомъ неустройства

въ жизни человѣческой: и среди нихъ и невзирая на нихъ будетъ возрастать непрестанно царство Божіе, слава, миръ и благоволеніе. Его нельзя ввести и насаждить насилиемъ, нельзя насилино заставить яблоню сразу дать плодъ; оно, по слову Христову, подобно закваскѣ, которую женщина положила въ тѣсто (Ме. XIII, 33), пока оно все не поднимется медленно и постепенно. Его ростъ—ростъ нравственный и духовный и захватываетъ каждого отдельного человѣка, а чрезъ это постепенно преобразуетъ и поднимаетъ, какъ закваска тѣсто, и все человѣчество. Прильнемъ съ дѣтскимъ довѣрѣемъ и любовью къ Богу и Его закону, къ Спасителю нашему, Его Святой Церкви, къ Духу Святому и Его таинствамъ: и миръ, глубокій, неотъемлемый миръ будетъ удѣломъ нашимъ посреди видимыхъ неустройствъ земной жизни.

Въ свѣтлый день рожденія Богочеловѣка исполнилось древнее библейское слово: „*Тихому бо молчанию содержашу вся, и ноши во своемъ теченіи преполовляющеся, всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ царскихъ... въ средину погибельныхъ земли снide*“ (Прем. Солом. XVIII, 14—15).

Да, нынѣ, съ рожденіемъ Бога-Слова земля наша уже не погибельная, а спасенная, не царство злобы и проклятія, а царство Божіей любви, славы, мира и благоволенія.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣческихъ благоволеніе! Аминь.

1905 г.

Годы великихъ скорбей.*

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ;
упованиe всѣхъ концовъ земли и сушинъ
въ мори далече. И милостивъ, милостивъ
буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и по-
милуй насть! (Молитва изъ молебна).

Наболѣла въ душѣ и просится на сердце и уста эта уми-
лительная молитва Церкви. Въ этотъ полуночный часъ, когда
мысленно пробѣгаешь все пережитое въ минувшемъ году, ко-
гда стоишь передъ неизвѣстностью событий нового года, подъ
ударъ сердца, какъ тяжкій стонъ, какъ вопль крѣпкій, выры-
вается она сама собою у каждого изъ насть...

О, какой тяжелый годъ минувшій послалъ Ты, Господи,
пережить Россіи! Неожиданная война, рядъ тяжкихъ неудачъ
на брани; гибель многихъ лучшихъ сыновъ Россіи; потеря
флота; паденіе нашей твердыни на берегу незамерзающаго
моря на грани Дальн资料的 Bostoka; плѣнъ десятковъ тысячъ
нашихъ героевъ; отркывшіеся недочеты во внутренней жизни
Rossii; броженіе и недовольство въ образованныхъ классахъ,
какъ бы задавшихся цѣлью удивить міръ недостаткомъ или
даже отсутствіемъ патріотизма; озлобленное требованіе пере-
устройства государственной жизни подъ громъ пушекъ и пред-
смертные вопли раненыхъ и умирающихъ, а въ нашемъ краѣ,
въ довершеніе всего, начало холерной эпидеміи, грознымъ
признакомъ устрашающаго будущаго стоящей и теперь передъ
нами, и еще хуже холеры—революціонное броженіе въ Закав-
казье: вотъ какое печальное наслѣдіе передаетъ старый годъ
новому. Что несетъ и обѣщаетъ хорошаго годъ грядущій?

* Слово на полуночномъ молебствіи въ канунъ нового (1905) года.

По человѣческимъ соображеніямъ, очень мало... На концѣ земли русской собрана огромная наша армія, готовая ринуться въ бой со врагомъ, но армія враговъ не меньше, если не больше ея, и притомъ поставлена во многихъ отношеніяхъ въ гораздо лучшія условія, чѣмъ наша. Въ мори далече плыть наша морская рать, нашъ русскій флотъ; но ему грозятъ неизвѣроятныя опасности въ сраженіи съ сильнѣйшимъ врагомъ, и притомъ безъ возможности имѣть какое-либо пристанище....

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече братій нашихъ... Попшли намъ новое лѣто Твоей благости; воздаждь намъ радость спасенія Твоего; подними наши усталыя и скорбныя сердца, исполни мужества и упованія наши трепетныя души! Но прежде всего попшли намъ, Господи, духъ смиренія и покаянія, незлобія и кротости; утверди въ насть сознаніе того, что праведенъ Господь и праведенъ гнѣвъ прщенія Его на грѣшниковъ... Нынѣ обуяла всѣхъ злобная страсть искать виновниковъ нашихъ неудачъ; съ злорадною поспѣшностью указываютъ имена этихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ виновниковъ и топчутъ въ грязь. Полно, остановимся! Гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣлывается (Іак. I, 20). Подъ диктовку злобы и мстительности, подъ вліяніемъ криковъ и шума толпы нельзѧ создавать реформъ и преобразованій жизни, хотя бы и крайне нужныхъ: они, естественно, при этихъ условіяхъ выйдутъ непродуманными, неосновательными, односторонними и недоконченными. Полно искать виновныхъ; виновные налицо; это—всѣ мы,—мы, блудные сыны нашей святой Церкви и нашей дорогой родины. И въ самомъ дѣлѣ, мало ли русскіе люди возставали на Бога и Христа Его? Мало ли оскорбляли и попирали Его святой законъ? Мало ли сквернили и бременили землю своими грѣхами, волюющими къ небу? Вотъ въ лицѣ первенствующаго русскаго писателя и мыслителя произнесена вслухъ всего свѣта хула на Бога, передѣлано евангеліе, отвергнута Святая Троица, искажено Его ученіе, осмѣяна Его святая Церковь, осмѣяна низко и гнусно святѣйшая тайна Его тѣла и крови... И что же, развѣ не нашлось у этого моднаго кумира, застывшаго въ гордынѣ своей, развѣ не нашлось у него подражателей?

лей, читателей и послѣдователей? Тысячами они заполнили землю русскую, осквернили ее хулою на Бога и Христа, въ то время, когда русское общество или малодушно безмолвствовало, или, слѣдя модѣ, сознательно сочувствовало антихристову кощунству.

Вотъ укради и уничтожили чтимую вѣковую святыню всенародную¹⁾). Что же, нашли святыню? Заговорилъ ли народъ? Потрясло ли его это преступленіе гнѣвомъ и горестю и предчувствіемъ кары небесной? Нѣтъ, казалось порою, что дѣло идетъ какъ бы о простой пропажѣ, и самую Церковь обвинили въ плохомъ береженіи святыни на страницахъ той самой печати, которая особенно злобно воамущается въ другихъ случаяхъ „хранительною стражею“ въ дѣлахъ церковныхъ.

А секты и расколы, возстающіе на Церковь? А пьянство, развратъ въ самой Сибири, и особенно въ дальней Маньчжуріи, и, наконецъ, въ средѣ самой арміи, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ въ укорительномъ посланіи тамошній Сибирскій архіерей? А глумленіе печати по поводу сего посланія?.. А невиданный разливъ пороковъ и преступленій внутри Россіи? А открывшіеся случаи возмутительно безчестнаго отношенія къ общественному и государственному достоянію? А открывшіеся позорные случаи злоупотребленій и возмутительного небреженія къ долгу службы, приведшіе нась къ цѣлому ряду несчастій на войнѣ и создавшіе поражающую неподготовленность всѣхъ и всего въ нынѣшніхъ тяжкихъ обстоятельствахъ? А погоня за наживой и житейскими благами, за удовольствіями и развлеченіями, которые и теперь навязываются народу, какъ признакъ высшей образованности, какъ „спасеніе отъ невѣжества“? А это ослабленіе патріотизма, неуваженіе къ власти, паденіе всѣхъ авторитетовъ, разслабленіе всюду дисциплины, попустительство всему худому въ молодомъ поколѣніи?.. Долго пришлось бы намъ развертывать въ эти минуты безконечный свитокъ нашихъ винъ и прегрѣшений передъ Богомъ и Россіей; выводъ—одинъ и онъ яснѣе дня: есть за что тяжко покарать насть Господу. Но самое главное все же не въ этихъ

¹⁾ Икону Казанской Божией Матери.

грѣхахъ. Грѣшили русскіе люди и прежде, но грѣшили и каялись, въ грѣхѣ не считали себя праведниками, ала не называли добромъ, тьму не величали свѣтомъ, въ порокѣ не видѣли похвалы и добродѣтели... Теперь—не то, и это вотъ всего страшнѣе. Нынѣ считается отсталостью и признакомъ невѣжества осуждать нарушеніе цѣломудрія и невѣрность въ брачной жизни; нынѣ считается позоромъ и рабствомъ духа слѣдовать повелѣніямъ и ученію Церкви въ дѣлѣ вѣры; нынѣ считается отжившимъ чувство любви къ родинѣ; нынѣ являются люди, объявляющіе для себя необязательнымъ всякой нравственный законъ и еще похваляющіе этою діавольскою свободою... Воистину, похвала ихъ въ студѣ ихъ, по слову апостола; они хвалятся тѣмъ, чего нужно стыдиться, грѣшать и еще гордятся и превозносятся гнусностью и скверною... Вотъ гдѣ хула на Духа, вотъ гдѣ противленіе Богу Живому и упорное отверженіе истины и Божественнаго призыва ко спасенію.

Вѣрнымъ сынамъ Церкви и Россіи теперь надлежить не преклонять колѣнъ ни передъ какими модными и современными кумирами мысли и жизни, какъ бы они ни были заманчивы; не преклонять колѣнъ предъ новыми Ваалами, подобно семи тысячамъ древнихъ израильтянъ во дни Иліи, во дни повального увлеченія идолопоклонствомъ. Нужно сознать грѣхи свои; нужно очистить землю русскую отъ накопившаго зла не злобною хулою всего высокаго и святого, а чистыми и святыми слезами покаянія; вместо криковъ о свободѣ нужно прежде всего искать свободы отъ грѣха и діавола, свободы чадъ Божіихъ и помнить слово Христово: „познайте истину и *истина сдѣлаетъ васъ свободными*“ (Іоан. VIII, 32); вместо фанатической вѣры въ одну только силу человѣческихъ учрежденій, будто бы способныхъ исправить зло жизни, нужно вѣрить въ силу Божію, въ религіозно-нравственный силу людей и помнить, что прежде всего религіозно-нравственный подъемъ каждого отдельнаго человѣка обусловливаетъ возрастаніе общества и человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ. А путь къ нему отъ грѣха, отъ многихъ пороковъ и преступленій одинъ и единственный: личное и всенародное покаяніе.

И милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй насть!

Прислушайтесь далѣе къ умилительнымъ молитвамъ Церкви въ день новолѣтія: онъ сейчасъ возгласяется предъ вами, братія, въ молебномъ пѣніи. Господу помолимся! И молитва вѣры, смиренія и покаянія пройдетъ небеса и услышитъ Господь моленіе людей Своихъ, и грѣховъ нашихъ не помянетъ къ тому, и милостивъ будетъ къ неправдамъ нашимъ. И если найдутся среди насъ, какъ во дни Авраама, хоть десять праведниковъ, то и тогда ради ихъ праведности устоять наши грады и веся, ибо *съмѧ съято стояніе царствъ человѣческихъ* (Ис. VI, 13).

Воложимъ же на Господа печали наши, проліемъ предъ Нимъ молитвы и скорби наши предъ Нимъ возвѣстимъ! Пусть эти горести и печали послужатъ въ пользу и намъ лично, и всему нашему отечеству, какъ горькій, но спасительный и вразумительный урокъ, свыше данный, какъ поприще возражанія и воспитанія духовнаго! Будемъ тверды и мужественны! Станемъ на стражь нашей нравственной чистоты и нравственнаго обновленія: только при этомъ условіи можетъ обновиться вся наша общественная и государственная жизнь и будетъ плодотворна и благословенна грядущая работа преобразованій въ нашей государственной жизни, объявленная въ самомъ исходѣ минувшаго года съ высоты Царскаго престола. И можетъ-быть, скоро имѣющая заблистать на небѣ первая заря нового года не предвѣщаетъ намъ ничего устрашающаго, но загорится надъ нами вѣстницею побѣды надъ врагомъ вѣшній, или, по крайней мѣрѣ, не унизительнаго мира съ врагомъ, умиротворенія внутреннихъ враговъ, общественного и государственного обновленія нашей родины,—мира и Божія благоволенія. О семъ молимъ и просимъ Господа въ этотъ знаменательный часъ, молимъ и просимъ всею горячностью вѣры, со всею силою покаянія и всею любовью сердецъ: Услыши ны, Боже, Спасителю нашу, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече! И милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй насть! Аминь.

Облеченіе во Христѣ.*

Елицы во Христѣ крестистеся, во Христѣ облекостеся.

Въ праздникъ Крещенія Господня, въ праздникъ Иоанна Предтечи и Крестителя Господня естественно вспомнить, братіе, и о нашемъ крещеніи. Святая Церковь сегодня особенно настойчиво напоминала намъ объ этомъ. Ибо и надъ нами нѣкогда были разводящаяся небеса, и надъ нами нисходилъ Духъ Святый въ водахъ крещенія и нась нѣкогда Отецъ Небесный именовалъ возлюбленными сынами. Мы не видѣли и не слыхали этого, не видѣли и тѣ, которые окружали нашу купель крещенія: но въ томъ увѣряетъ вѣра и святая Церковь, совершающая тайну крещенія надъ вѣрующими, по вѣковѣчной заповѣди Самого Спасителя. Мы не помнимъ, когда и какъ совершено надъ нами самое крещеніе, оно совершено во дни нашего самаго начального дѣтства: но что оно было, въ томъ порукою наши родители, восприемники, наши родные и близкіе, въ томъ порукою всеобщій обычай и святая Церковь, которая не оставила бы нась безъ этого великаго таинства.

И вотъ, сегодня Церковь напоминаетъ намъ объ этомъ, какъ бы требуя отчета и поставляя предъ нами тѣ обязанности, которыя налагаетъ на насъ крещеніе. Замѣчательно, что это она дѣлаетъ въ самые торжественные праздники, при самыхъ многолюдныхъ молитвенныхъ собраніяхъ вѣрующихъ, именно—въ Рождество, Пасху, Крещеніе, на Троицу она и возглашаетъ многократно эти священные слова: *Елицы во Христѣ крестистеся, во Христѣ облекостеся.*

Вникнемъ же поближе въ эту священную пѣснь, что она значить и чему нась учить?

* Поученіе въ праздникъ св. Иоанна Предтечи, 7 января 1905 года. Произнесено за всенощнымъ бдѣніемъ и за литургіей; раздѣлено въ произнесеніи на девять частей; сказано простому народу.

Пѣснь эта взята изъ слова Божія, изъ посланія св. апостола Павла (Гал. III, 27) и по-русски, просто ее нужно передать и сказать такъ: *Тѣ, которые во Христѣ крестились, во Христѣ одѣлись.*

Первая половина ея всѣмъ понятна; ясно, что здѣсь говорится о тѣхъ, кто крещенъ, о всѣхъ христіанахъ, о насть съ вами, возлюбленные братіе. Но что значить вторая половина пѣсни этой? Что это значить *во Христѣ одѣться?* Развѣ Христосъ — одежда? Развѣ можно Имъ или въ Него одѣться?

Всякій благомыслящій пойметь, что здѣсь дано намъ сравненіе. Такъ и Спаситель нашъ училъ притчами, уподобленіями и сравненіями, такъ дѣлаетъ Церковь Божія, такъ дѣлаемъ и мы въ обыкновенныхъ разговорахъ, чтобы проще, ближе и яснѣе понять какую-либо истину. Нужно понять сравненіе Христа съ одеждой, нужно вникнуть въ смыслъ его, нужно разъяснить себѣ ту истину, которую желаетъ Церковь внушить и истолковать намъ, когда приказывается намъ *во Христѣ одѣться.*

Откуда одежда и для чего она назначена? Слово Божіе разсказываетъ намъ, что одежда впервые явилась у людей послѣ того, какъ они согрѣшили въ раю. Имъ сдѣлалось стыдно наготы своей, и имъ дана была одежда изъ листьевъ смоковныхъ, чтобы сокрыть ихъ отъ этого стыда.

Посмотрите же, сколько постыднаго и позорнаго, сколько низменнаго въ нашей душевной жизни: постыдныя мысли, скверные желанія, нечистыя похоти, позорныя дѣла. Что защитить насть отъ всего этого? Какою одеждой покроемся? Защитить насть Христосъ Спаситель; одежда наша — Христосъ Спаситель. Онъ научилъ насть отличать доброе отъ худого; Онъ повелѣлъ намъ бѣгать всего постыднаго, возлюбить правду и возненавидѣть беззаконіе; Онъ и падшимъ и грѣшнымъ даровалъ убѣжище: благодать, покаяніе и прощеніе грѣховъ, омываемыхъ въ водахъ крещенія, въ чистыхъ слезахъ исповѣди. Итакъ, если хочешь, христіанинъ, одѣться во Христа, подавляй въ себѣ все постыдное, нечистое, срамное: пусть не будетъ у тебя ни одной скрытой и тайной мысли, ни одного скрытаго и тайного чувства, желанія, или поступка, ничего такого,

чего бы ты не могъ сказать открыто предъ Богомъ и предъ людьми.

Для чего еще дана и назначена одежда? Она защищаетъ насть отъ многихъ враждебныхъ намъ такъ-называемыхъ стихій природы, вредныхъ для нашего тѣла и здоровья: отъ зноя отъ стужи, отъ вреднаго вѣтра, отъ губительной сырости. И Христосъ Господь защищаетъ насть, какъ одежда тѣло, защищаетъ душу нашу отъ стихій міра, вредныхъ и гибельныхъ для нашей душевной жизни и нашего вѣчнаго спасенія. Сколько кругомъ насть и въ насть этихъ стихій міра, этихъ душевныхъ опасностей! Бурею налетаетъ на насть гнѣвъ, ярость, ненависть; огнемъ насть жжетъ обжорство, пьянство и блудъ; стужею и морозомъ сковываетъ насть зависть, отчаяніе, скучность и жадность; какъ промозглая сырость, губяще навѣки душу лѣнность, тунеядство, невѣріе, равнодушіе ко всему высокому и святыму. Христіанинъ, ищи спасенія у Христа отъ этихъ стихій міра: Онъ укроетъ тебя въ Церкви святой, Онъ подастъ тебѣ благодатныя, высшія небесныя силы, восполняющія нашу естественную немощь, на борьбу со страстями. И если мы, христіане, укроемся отъ страстей при помощи нашего Спасителя, значитъ, мы воистину облеклись и одѣлись во Христа, по слову пѣсни церковной.

Елицы во Христа крестися, во Христа облекостеся.

Одежда въ жизни обычной служить *украшеніемъ* для человѣка: въ торжественные праздники, въ великие и памятные дни нашей жизни, или бывая въ многолюдныхъ собраніяхъ, мы стараемся надѣть лучшую одежду и ею украсить себя. И Христосъ спаситель—наша одежда, наше свѣтлое и лучшее украшеніе, конечно, не для тѣла, а для души. Какая похвала человѣку самая высокая, почетная и святая? Часто хвалять человѣка: онъ уменъ, дѣльный, умѣлый, энергичный; онъ способенъ, талантливъ, геніаленъ. Но такая похвала—ничто предъ другою, вышею; высшая похвала о человѣкѣ, это сказать: онъ *истинный христіанинъ*. Такому человѣку всѣ довѣряютъ, на него всѣ положатся; около такого человѣка, истинного христіанина, всѣмъ хорошо, тепло, свѣтло, уютно, и онъ оставить по себѣ въ жизни людей самый свѣтлый слѣдъ, самую доб-

рую и долгую память. Христіанинъ, стараясь украситься Христомъ и христіанствомъ, стараясь сискать похвалу и званіе истиннаго христіанина и тогда ты, по слову пѣсни церковной, облечешься во Христа. Къ этому званію стремился и святой апостолъ: „забыяя ваднее,—говорить онъ,—и простираясь спередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія во Христѣ Иисусѣ“ (Филип. III, 13—14).

Одежда, наконецъ, отличаетъ человѣка въ обществѣ; по одеждѣ мы судимъ о полѣ, возрастѣ, званіи, должности и положеніи человѣка въ средѣ людей. О, если бы Христосъ былъ въ этомъ отношеніи нашей одеждой! О, если бы въ средѣ мусульманъ, евреевъ, невѣрующихъ нась сразу замѣчили, какъ христіанъ, по нашему поведенію, по словамъ, отношеніямъ къ ближнимъ, по духу любви христіанской, по силѣ и ревности вѣры. „По тому узнаютъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“,—вотъ что говорить намъ Спаситель (Иоан. XIII, 35). Этими сильны были древніе христіане; о нихъ именно сказано слово апостола, что *они сияли, какъ севтила въ темномъ мѣстѣ* (Фил. II, 15); они сразу и наглядно отличались отъ язычниковъ и невѣрныхъ. Въ средѣ язычниковъ, бывало,—пьянство и развратъ: христіане воздержны, чисты и цѣломудренны; у язычниковъ—паденіе семьи, нечистота въ супружескихъ отношеніяхъ, жены мѣняютъ мужей и мужья женъ: у христіанъ—цѣломудріе, семейственность и строгость нравовъ; язычники идутъ въ театры, цирки, въ шумныя и пьяныя празднества: христіане—въ церкви; язычники шумно распѣваютъ дикія и не-пристойныя пѣсни: христіане воспѣваютъ псалмы; у язычниковъ—ссоры, зависть, ненависть, казни и козни, кровь и убійство: у христіанъ—миръ, взаимная любовь и взаимная помощь; преступники въ тюрьмахъ—всѣ изъ язычниковъ: изъ христіанъ тамъ нѣть ни одного. Сами языческіе цари, наконецъ, замѣтили и сознали, что христіане—самые лучшіе отцы и матери, самые дружные братья и сестры, самые честные судьи, самые трудолюбивые работники, самые вѣрные подданые и самые честные граждане и преданные долгу воины. Такимъ образомъ, видно было сразу для всякаго, кто христіа-

иинъ: это и значило, что древніе христіане какъ бы одѣвались во Христа.

О, если бы и у насть, въ нашемъ разновѣрномъ и много-племенномъ краѣ мы такъ же отличались своимъ христіанствомъ оть всякихъ другихъ религій, если бы своимъ по-веденіемъ мы ясно показывали, что принадлежимъ къ числу учениковъ Христовыхъ! Но если наши мужья и жены такъ ведутъ себя, что мусульмане сторонятся и боятся насть; если православные русскіе люди такъ пьянствуютъ, что съ ними всѣ боятся имѣть какое-либо дѣло; если въ средѣ православныхъ царятъ ссоры, сплетни, осужденіе, взаимная подозрительность и раздѣленіе, въ то время, какъ прочія племена дружны и сплочены; если мы, православные, холодны и равнодушны къ своей вѣрѣ, а иновѣрцы за свою вѣру стоять горой; если наши храмы пусты, а синагоги и мечети полны; если мы не уважаемъ своего духовенства, сочиняемъ про него разные грязные и глупые разсказы, вѣчно ссоримся съ нимъ и осуждаемъ его, а у католиковъ и лютеранъ священникъ—самое почетное и вліятельное лицо,—если все это такъ, то скажите: одѣлись ли мы во Христа? Христіане ли мы по существу, не по имени ли только мы—христіане? Если мусульмане и евреи часто говорятъ намъ: „вѣра ваша хорошая, святая и высокая, да сами вы никуда негодны“,—то это значить, что мы совсѣмъ наги оть христіанства и какъ бы раздѣты оть Христа...

Отчего такъ? Оттого, что мы не живемъ съ Христомъ единою и всецѣлою жизнью. Вѣдь Онъ Самъ сказалъ: какъ вѣтвь виноградная не приноситъ плода, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы ничего не можете творить безъ Меня... (Иоан. XV, 5). И въ этомъ отношеніи Христость—наша одежда. Одежда плотно и тѣсно облегаетъ тѣло, и самаго тѣла не видно, а видна только на человѣкѣ одежда: такъ тѣсно мы должны соединиться со Христомъ; мы должны имѣть умъ Христовъ (1 Кор. II, 16), какъ говорить апостоль; Его ученіе и жизнь должны повториться въ насть, Онъ Самъ долженъ въ насть *вообразиться* (Гал. IV, 19). И тогда не будетъ въ насть ничего нашего, а все Христово; тогда не будетъ въ насть виѣнняго,

естественного, ветхаго, грѣховнаго человѣка, а будетъ постоянно расти въ насть человѣкъ внутренній, благодатный, новый и святой, обновляемый на всякий день, созданный по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. IV, 24).

Вотъ что значитъ облечься во Христа! Торжественно и радостно, безъ укора и обличенія звучить пѣснь церковная: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся...*

Но не звучить ли она укоромъ и страхомъ въ нашихъ сердцахъ? Не зоветъ ли она насть къ отчету?

Есть въ стариныхъ добрыхъ и благочестивыхъ семьяхъ обычай беречь и хранить крестильныя ризки членовъ семьи до самой смерти. Конечно, ризки не спасутъ человѣка, но образъ здѣсь исполненъ глубокаго смысла: мы должны беречь и хранить чистыми и незапятнанными одежды крещенія до послѣдняго вздоха жизни. Загрязнимъ ихъ, запятнаемъ: услышимъ тогда въ небесной вечери грозный голосъ — *какъ ты вошелъ сюда, не имѣя брачнаго одѣянія?* (Ме. XXII, 12).

Но, братіе, вѣдь мы всѣ повинны, всѣ мы измѣнили обѣтъ крещенія, всѣ пали, всѣ загрязнили чистыя одежды крещенія. Что же намъ дѣлать? Есть ли намъ спасеніе? Не все ли погибло? Не впадемъ ли въ отчаяніе?

Есть, братіе, *второе рожденіе*. Проповѣдью о немъ и предначаль свое служеніе нынѣ прославляемый Иоаннъ Предтеча, испедши на людный путь къ Йордану и взвывавшій: „*покайтесь, ибо приблизилось царство Божіе*“ (Ме. III, 2). О немъ же прежде всего проповѣдывалъ и Самъ Господь нашъ и Спаситель по всѣмъ градамъ и весямъ родной земли: *Покайтесь, приблизилось царство небесное* (Ме. IV, 17).

И блаженны тѣ, которые, сохранивъ обѣты крещенія, возродившись вторично въ покаяніи и всею жизнью слѣдя Христу, могутъ безъ укора и страха, но съ радостью и упованіемъ слушать и воспѣвать вѣчную и святую пѣснь Церкви: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся!* Аминь.

Безпредѣльная преданность Богу.*

Ты же отыдешъ ко отцемъ твоимъ въ мирѣ, препитанъ въ старости добрый (Быт. XV, 15).

Какъ будто сегодня и какъ будто именно о почившой матери Нинѣ сказано это библейское слово. Въ глубокомъ мирѣ, въ старости честной и доброй отошла она къ отцамъ своимъ и къ отцамъ своего народа. И если смерть каждого человѣка-христіанина полна назиданія, если назидательна и смерть младенца, то тѣмъ болѣе исполнена глубочайшихъ поученій и самыхъ памятныхъ уроковъ смерть почившой старицы-монахини. Станемъ же, братіе, у ея гроба, выслушаемъ ея послѣдніе, безмолвные уроки.

Отошедши къ Господу въ глубокой старости, приложившись къ отцамъ своего родного народа, и видимо еще пребывая среди насть сегодня въ послѣдній разъ своимъ тѣломъ, она является теперь какъ бы вѣстницею иного, горняго міра, голосомъ предковъ, обращеннымъ къ живущимъ и имѣющимъ жить поколѣніямъ. Неразрывна эта таинственная связь прошлого съ настоящимъ и будущимъ; разорвать, прекратить ее невозможно,—все равно, что признать несуществующими у пожилого человѣка его дѣтство и юность, все равно, что пересѣчь одно живое тѣло пополамъ и ожидать продолженія его жизни. Непреложной этой истинѣ, живой духовной связи настоящаго съ прошлымъ въ его самыхъ лучшихъ и святыхъ завѣтахъ и служила въ долгіе годы своего житія покойная въ этой древней обители древняго Мцхета, хранящаго въ себѣ столько великихъ и святыхъ преданій. И вотъ нынѣ духъ ея предсталъ предъ многими и многими святыми душами на небѣ, нѣкогда украшавшими древній Мцхетъ, сіявшими на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами, братіе, сейчасъ пред-

* Слово при погребеніи престарѣлой игуменіи Нинѣ, настоятельницы Самтаврскаго въ Мцхетѣ (въ Грузії) женскаго монастыря, 3 янв. 1905 г.

стоимъ святому алтарю. Предстала духомъ почившая предъ святою и равноапостольною Ниною, имя коей она носила, на мѣстѣ житія и подвиговъ которой и она подвизалась; узрѣла она святыхъ и блаженныхъ Миріана и Нонну, первыхъ благовѣрныхъ царей Грузіи; узрѣла святыхъ и благочестивыхъ ихъ царственныхъ преемниковъ; узрѣла сонмы первопрестольниковъ въ Иверской Церкви, блаженныхъ архиепаstryей и пастырей, подвижниковъ, мучениковъ, героевъ народныхъ, кровью своею запечатлѣвшихъ здѣсь во дни нашествія враговъ свою вѣрность родной Церкви и родной странѣ.

Что она скажетъ имъ? Съ полнымъ правомъ скажетъ она имъ: „Вы завѣщали народу Грузинскому Кресту Господень, вы оставили ему вѣру святую, православную, нерушимую, вы заповѣдали ему законъ Господень, вы дали ему слово Божіе, вы устроили храмы и честныя обители, вы повелѣли сынамъ вашего народа всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ существомъ любить Бога и Его Единаго, въ вѣрѣ искать своего спасенія, счастья и смысла всей жизни. Я исполнила ваши завѣты, сколько было силъ; во всѣ дни моей долгой жизни я помнила ихъ и имъ служила. Вотъ моя сѣдая голова, столько пережившая, столько перепытавшая: она съ молодыхъ лѣтъ кланялась только Богу Единому, о Немъ Единомъ помышляла. Вотъ мое сердце, теперь переставшее биться; вотъ мои уста, теперь на землѣ безмолвныя; вотъ мое тѣло, нынѣ мертвеннное и недвижимое: всѣмъ, всѣмъ существомъ моимъ я уневѣстилась Христу моему, служила вѣрѣ, святому православію, какъ престарѣлая евангельская Анна-пророчица, дѣци Фануилева, яже не отходаше отъ церкви, постомъ и молитвами служащи день и нощь; я презрѣла мое княжеское имя; я оставила міръ, который нѣкогда и мнѣ улыбался, и меня манилъ къ себѣ; я послужила Богу и исполнила святые завѣты предковъ моихъ въ томъ монашескомъ чинѣ, который во дни моего земного житія подвергался такому глумленію, такимъ насмѣшкамъ и гоненіямъ, какихъ не видѣла Церковь святая отъ первыхъ дней своего бытія. Никто не зналъ, никто не видѣлъ, какъ мнѣ въ моемъ монастырѣ, славномъ знатностью и святыми воспоминаніями, пришлось вести жизнь подвига и молитвы и

богомыслія часто въ скудости и нуждѣ, часто въ недостаткѣ хлѣба насущнаго на завтрашній день для меня и моихъ сестеръ, какъ мнѣ приходилось заботиться о томъ, чтобы не разошлись отъ голода овцы моего стада... И только по смерти моей узнали, что у меня ничего не было изъ благъ мірскихъ, что меня и похоронить почти не на что.

Нынѣ я окончила мое земное поприще и преселилась къ граду Бога Живаго, Іерусалиму небесному, къ торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и къ духомъ праведныхъ, совершенныхъ, и къ тьмамъ ангеловъ, и къ Судіи всѣхъ Богу и Ходатаю Завѣта Новаго Іисусу (Евр. XII, 22), моему Жениху Небесному“.

Что же отвѣтить новой припелицѣ на небо святой сонмъ небожителей? Узнаютъ ли ее предки святые, признаютъ ли ее своею близкою, родною? Они узнаютъ ее по той святой вѣрѣ, которой служили они и служила она; они узнаютъ ее по преданности тому православію, той Церкви Божіей, ея уставамъ и зановѣдямъ, которыми водились въ жизни земной они и которыми и она жила и существовала.

И вѣримъ мы, святые небожители, молитвенники за землю Иверскую, примутъ почившую въ свой свѣтлый кругъ, и Небесный Женихъ скажетъ ей великое слово: пріди, наслѣдуй уготованное тебѣ блаженство; въ маломъ была ты вѣрною, надъ многими тебя поставлю; съявшая слезами, пожни теперь радостью; въ дому Отца Моего есть тебѣ обитель...

Здѣсь и намъ поученіе у этого гроба. Монашество не всѣмъ доступно и не всѣ къ нему призываются: только могій вмѣстити да вмѣстить.

Но то, что составляетъ душу монашества, есть душа и христіанства. Стремленіе къ постоянному духовному совершенству; всецѣлое подчиненіе Богу и Его закону; распинаніе плоти со страстями и похотьми; подчиненіе чувственности духу; обновленіе въ себѣ образа Божія; отреченіе отъ себялюбія и всѣхъ его страстей плотскихъ и духовныхъ; стремленіе къ богообщенію; соединеніе со Христомъ; постоянное богомысліе, память и приготовленіе къ вѣчной жизни: развѣ это не обязательно для каждого изъ нась? „Основа монашества—смиреніе,

душа его—любовь, и конецъ—непрестанное возрастаніе въ духѣ и въ любви къ Богу и ближнимъ, въ любви чистой, святой, свободной отъ всего низменнаго и страстнаго¹⁾: развѣ это не указаніе пути въ царство Божіе для каждого христианина?

Услышимъ же голосъ любви и посмертнаго назиданія отъ этого гроба. Уста мои молчатъ, но сердце вѣщаетъ: такъ учить насть почившая. Оно вѣщаетъ: подобни мнѣ бывайте; отдайте жизнь вашу всю безраздѣльно, всю безъ остатка Богу и Его закону, Церкви и ея святому водительству. Въ этомъ найдете вы миръ, котораго ищете и не имѣете; въ этомъ богатство, котораго ни червь, ни тля тлить, котораго воры не поджигаютъ и не крадутъ; въ этомъ ваше счастье на землѣ, къ которому вы идете безъ вѣры, безъ Бога, безъ молитвы и поэтому никогда не найдете; въ этомъ существо жизни и исторіи вашего родного народа; въ этомъ ваша связь съ отжившими поколѣніями славныхъ предковъ, связь живая земли съ небомъ, и въ этомъ ваше вѣчное спасеніе на небѣ!

Не слышится ли вамъ, братіе, и еще мольба почившей? Она гласить: я любила эту святую и древнюю обитель, для кяя жила, о ней заботилась, и что вы видите здѣсь благоустроеннаго, все это я создавала трудами и заботами, испрашивая средства у добрыхъ людей. Поберегите же, сохраните мое сокровище, не дайте ему погибнуть, поддержите вашею любовью и ревностью къ вѣрѣ и къ дому Божію! Оно вѣдь и ваше сокровище, ваша честь, слава, ваша родная святыня!

Поклонъ тебѣ до земли, мать всечестная, за твои уроки и назиданія, поклонъ благодарный и наши отъ души молитвенные желанія.

Иди, благодатная душа, иди въ миръ туда, куда позвалъ тебя Господь Богъ, иди къ Жениху твоему Небесному, и да будетъ покой твой—честь.

„Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ“... (Апок. XIV, 13). Аминь.

¹⁾ Еп. Петра „О монашествѣ“.

Вѣчной памяти русскихъ воиновъ-мучениковъ, въ Портъ-Артурѣ убіенныx*.

Ихъ было одиннадцать тысячъ убитыхъ! Одиннадцать тысячъ полегли они костями за честь родины, вѣрные долгу, послушные призыву и законамъ отечества, полегли они на окраинѣ Россіи, столь отдаленной, столь недавно вошедшей въ составъ ея земель, что она казалась чужбиною, съ непонятнымъ именемъ Портъ-Артура, еще вчера ничего не говорившемъ русскому слуху.

И вотъ, теперь этотъ далекій городъ, политый русскою кровью, уже занятый торжествующимъ врагомъ, стать до боли близкимъ каждому русскому человѣку. Отнынѣ съ именемъ Портъ-Артура возстаетъ предъ нами отрѣзанная отъ всего міра крѣость, съ запертымъ въ ней русскимъ воинствомъ, геройски сопротивлявшимся сильнѣйшему врагу до послѣдней возможности; встаетъ предъ нами крѣость, гдѣ погублено столько жизней, похоронено столько надеждъ, гдѣ пролито столько слезъ и крови, гдѣ вынесено столько неимовѣрныхъ страданій, гдѣ на днѣ океана упокоился погибшій русскій флотъ. Отнынѣ это великое кладбище русскихъ мучениковъ стало близко десяткамъ и сотнямъ тысячъ русскихъ отцовъ и матерей, дѣтей-сиротъ, братьевъ и сестеръ, родныхъ и близкихъ, потерявшихъ дорогихъ сердцу подъ стѣнами Портъ-Артура; оно близко и дорого стало и каждому русскому сердцу; никто и ничто теперь не вычеркнетъ его изъ памяти и сознанія русскихъ людей и со страницъ русской исторіи: оно куплено слишкомъ великою кровавою жертвою одиннадцати тысячъ убитыхъ, страданіями пятнадцати тысячъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, невѣроятными лишеніями и трудами оставшихся въ строю защитниковъ крѣости, вынесшихъ такие тя-

* Рѣчь на панихидѣ 9-го января 1905 года въ Сіонскомъ Тифлісскомъ соборѣ, при священнослуженіи экзарха Грузіи.

желые дни и ночи въ долгіе мѣсяцы осады, что участь убитыхъ и умершихъ казалась имъ завидною.

Изъ дальняго плѣна, изъ вражеской страны оставшіеся въ живыхъ вернутся когда-нибудь на родину и повѣдаютъ намъ во всѣхъ потрясающихъ подробностяхъ, какъ жили портъ-артурскіе узники и что они вынесли. Но и теперь, и безъ ихъ разсказовъ мы можемъ ясно представить себѣ ихъ положеніе при безпрерывныхъ бояхъ, когда приходилось сражаться буквально дни и ночи безъ перемѣны даже для короткаго отдыха; когда недостало ни боевыхъ снарядовъ, ни жизненныхъ припасовъ, ни лѣкарствъ для больныхъ и раненыхъ, въ то время, какъ цынга, тифъ и другія болѣзни косили косою смерти порѣдѣвшіе ряды защитниковъ крѣпости, какъ бы вступивъ въ союзъ съ внѣшимъ врагомъ; когда не успѣвали и не могли хоронить тысячи убитыхъ, и они гнили на открытомъ воздухѣ, заражая его ужасающимъ зловоніемъ; когда больныхъ бросали безъ призора, и они, едва держась на ногахъ, продолжали сражаться; когда раненые по нѣсколько разъ возвращались въ строй до новыхъ тяжкихъ ранъ или смерти; когда „люди стали тѣнами“, и одни падали мертвыми у орудій отъ полнаго изнеможенія, а другіе отъ страшной усталости переставали понимать человѣческую рѣчь и слова команды; когда, наконецъ, страдальцамъ, отрѣзаннымъ отъ міра и оставленнымъ, ужъ не видѣлось впереди никакой помощи и спасенія...

И все-таки больные выздоровѣютъ, живые возвратятся домой; они услышать привѣтъ родины, почтительное удивленіе всей Россіи, благодарное слово и награду отъ Царя; имя ихъ будетъ славно, и до конца дней для каждого изъ нихъ одно слово: „я былъ и сражался въ Портъ-Артурѣ“ будетъ честью и безспорною похвалою. Они увидятъ родное небо, родное солнце, родную природу, родныхъ людей, родные храмы...

Но что сказать вамъ, одиннадцать тысячъ убитыхъ?!! Кто теперь прольетъ слезу надъ вашими дальними безвѣстными могилами? Кто утѣшить васъ и восхвалить за пролитыя слезы, за голодъ и жажду, за страданія и кровавыя горящія раны? Гдѣ теперь, милые, ваша родина, ваше небо, ваше солн-

це, гдѣ вашъ храмъ и гдѣ вы служите Богу, Котораго возлюбили?

Видѣлъ нѣкогда новозавѣтный Тайноизритель Іоаннъ: „Взглянуль я,—говорить онъ,—и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, стояло передъ престоломъ и Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ... И начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи, облеченные въ одежды бѣлыхъ, кто они и откуда они пришли? И... сказалъ мнѣ: это тѣ, *которые пришли отъ великой скорби...* За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служить Ему день и ночь въ храмѣ Его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать,—и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной (Апок. VII, 9—16). И отрѣть Господь всякую слезу отъ очей ихъ, и смерти уже не будетъ, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее все прошло (XXI, 4). Для нихъ уготованъ на небѣ новый и великий городъ, святой Іерусалимъ... Господь Богъ Вседержитель—Храмъ его и Агнецъ; и городъ не имѣтъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, ибо слава Божія освѣтила его и свѣтитильникъ его—Агнецъ. Ворота его не будутъ запираться днемъ, а ночи тамъ не будетъ. И принесутъ въ него славу и честь народовъ“ (Х, 22—26).

Вотъ гдѣ покой вашъ, родные наши герои, павшіе смертью храбрыхъ, вотъ вашъ новый городъ и ваша вѣчная новая родина!

Но и въ царство вѣчнаго вашего покоя проникнетъ къ вамъ молитва любви съ вашей родины земной. И слезы, горючія слезы вашихъ вдовъ и сиротъ-дѣтей, отцовъ и безутѣшныхъ матерей, родныхъ и близкихъ сольются со слезами вашего родного народа: океаномъ горя народнаго поднимутся онъ до самаго неба, достигнутъ вѣчнаго града вашего, вашей новой отчизны и предстанутъ, безмолвныя, предъ Сидящимъ на престолѣ и будутъ умолять о васъ Вѣчную Правду... Долгодолго будутъ онъ литься по скорбному лицу вашей земной страдающей родины: развѣ не просочатся онъ и до вашихъ земныхъ могилъ, развѣ не омоютъ онъ вашихъ страдальческихъ костей?

Господи, Ты пріяль къ Себѣ одиннадцать тысячъ убіенныхъ братій нашихъ... Больно намъ, горько намъ, Господи! Услыши стонъ самой земли нашей и вопль народа, на которомъ отъ лѣтъ древнихъ наречено имя Твое: пріими души убіенныхъ съ міромъ и окомъ благоволенія призри на ихъ кровавую великую жертву! Вѣчная благодарная память имъ на землѣ родной, и вѣчная, вѣчная имъ память въ молитвахъ Церкви и въ очахъ милующаго ихъ Бога! Аминь.

Грозныя знаменія.*

Горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ Виесаидо! Яко аще бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены быша силы, бывши въ васъ, дрѣвле убо во вретиши и пепелѣ показалися быша! (Ме. XI, 21).

Не тѣ кровавыя силы и знаменія, которыми Господь нынѣ поражаетъ Россію, разумѣль Спаситель, когда предрекаль горе упорнымъ и окаменѣлымъ жителямъ Хоразина и Виесаиды. Но силы и знаменія Божіи, какъ ни различны по виду и существу, будуть ли онъ грозными и устрашающими, будуть ли они полными милости и благоволенія, имѣютъ цѣль одну: воспитать людей для царства Божія, приблизить ихъ къ Богу, попалить въ нихъ всѣ терпія грѣха, заставить одуматься, остановиться въ грѣховномъ паденіи. И, видно, слишкомъ окаменѣло наше сердце, видно много грѣховъ отяготѣло надь русскими людьми, если „гласъ хлада тонка“,—гласъ милости и благодати Господь перемѣнилъ на громы гнѣва и прещенія. Видно, насы могутъ разбудить и отрезвить только грозные удары несчастій...

Выстрѣль за выстрѣломъ, взрывъ за взрывомъ, кровь за

* Рѣчь на панихидѣ по убіенному Великому Князю Сергию Александровичу 5 февраля 1905 г.

кровью и убийство за убийством на русской земле. И воть еще пролилась кровь, благородная кровь ближайшаго Сродника Государева... Не въ честномъ бою, не предъ лицомъ открытаго ополчившагося врага, а отъ злодѣя, изъ-за угла поджидавшаго жертву, отъ фанатика, исповѣдующаго убийство во имя жизни и насилие во имя свободы, палъ Царскій Сродникъ и Слуга. Послѣдняя ли это кровь вѣрныхъ сыновъ Россіи?

Люди русскіе, одумаемся! Знаменія Господни зовутъ насъ къ этому. Зовутъ покаяться, очиститься, *объединиться* въ вѣрѣ въ Бога, въ преданности Церкви, въ любви къ родинѣ, *объединиться* противъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ. Государство въ опасности, люди гибнуть на войнѣ и внутри страны, презрѣнное и гнусное убийство вышло изъ темныхъ угловъ и нагло показывается на улицахъ, а сыны народа, почитаемые его мыслящею частью, какъ-будто ничего не случилось, твердять и твердятъ о своихъ мечтательныхъ и заморскихъ идеалахъ, своими писаніями плодять и плодятъ недовольство въ странѣ вмѣсто успокенія, несутъ раздѣленіе, раздоры вмѣсто мира и согласія. Идетъ горячее обсужденіе внутреннихъ вопросовъ жизни въ кругахъ правительственныхъ, и въ особенности на страницахъ печати; одно поражаетъ въ этой работе—это желаніе вездѣ поступиться и пожертвовать прежде всего одними интересами вѣчными, высшими, святыми, религіозными, небесными ради земныхъ, это намѣренное замалчиваніе о Богѣ, о Церкви и о душѣ народной жизни—его святой православной вѣрѣ.

Люди русскіе, одумаемся! Судь при дверяхъ. Господь близъ. Жертвы кровавыя передъ нами.

Поминая молитвою эту новую и страшную жертву—убіенаго Великаго Князя Сергія Александровича, восплачаемъ о немъ, восплачаемъ о растерзанномъ сердцѣ Царя, о несчастной, терзаемой Россіи, восплачаемъ и о себѣ самихъ!

„Думаете ли вы,—говорить Спаситель,—о жертвахъ убийства своего времени,—думаете ли, что эти убитые галилеи не были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали: нѣть, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете!“ (Лук. XIII, 2—3). Аминь.

Благо въ смерти.*

Обратися, душа, въ покой твой, яко
Господь благо сотвори тебѣ... (Псал. 114, 7).

Благослови, преосвященнѣйшій владыко, благовѣстителя слова любви и почитанія къ тебѣ, отъ лица твоихъ близкихъ, сослужителей и подчиненныхъ, въ послѣдній разъ благослови, преосвященнѣйшій владыко!

И прежде всего пріими благовѣстіе отъ слова Божія, коему измѣда ты научился, умудряясь во спасеніе (2 Тим. III, 15), коему повѣрялъ ты свою жизнь земную и всю свою дѣятельность. Благовѣстіе тебѣ изъ устъ святаго пророка, изъ глубокой древности вѣщающаго, въ чаяніи богоявленія Христова, къ намъ милостиво бывшаго: „Исаіа, сеѧть видѣть нѣвечерній, изъ нощи утренніевасъ, взыдаше: воскреснутъ мертвіи и возстанутъ сущіи во гробахъ и вси земнородніи возрадуются“ (Кан. Велик. Субб. при погреб. іереевъ, пѣснь 5-я). Да будетъ же тебѣ посокомъ въ путь всея земли это слово пророка, посреди тьмы и сѣни смертной, въ предвѣдѣніи и ожиданіи свѣта нѣвечерняго.

Благовѣстіе тебѣ отъ святаго апостола: „Никто же бо насть себѣ живетъ, и никто же себѣ умираетъ. Аще убо живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы. На сie бо Христосъ и умре, и воскресе, и оживе, да и мертвими и живыми обладаетъ“ (Римл. XIV, 7—9).

Да будуть тебѣ и намъ свѣтильникомъ эти слова, уясня-

* Слово на литургіи предъ погребеніемъ преосвященнаго Веніамина, епископа Горійскаго, 19 февраля 1905 г.; сказано въ Тифл. Сіонск. соборѣ.

Слово это написано и сказано при особыхъ обстоятельствахъ: г. Тифлісъ былъ охваченъ революц. движеніемъ, на улицахъ были войска; собортъ былъ пустъ во время богослуженія и отпѣванія; самъ авторъ этого слова былъ приговоренъ къ смерти мѣстнымъ революц. комитетомъ и шелъ на службу въ соборъ и обратно подъ военною охраною... Посему въ словѣ много личныхъ переживаній въ виду смерти, которая представлялась почти неизбѣжной...

ющимъ недоумѣнную тайну твоего ранняго отъ земли отшествія.

Но превыше всего благовѣстіе пріими отъ Того, Кто есть *Свидѣтель вѣрный* (Апок. I, 5), свидѣтельство Котораго есть *ей и аминь* (2 Кор. I, 20), Кто Самъ былъ мертвъ и *се живъ есть во вѣки вѣковъ* (2 Кор. I, 8), Кто есть *путь и истина* (Іоанн. XIV, 5), и *воскресеніе и жизнъ* (XI, 25); Свидѣтель сей говорить тебѣ: *сущіи во гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавше, оживеутъ* (V, 25).

Да будегъ слово это вѣнцомъ славы и радости, вѣчнымъ благовѣстіемъ вѣчнаго Бога во странѣ и царствѣ вѣчности.

Благослови, преосвященнѣйшій владыко, благовѣстителя и земнаго человѣческаго слова любви и утѣшенія, при видѣ твоего гроба. И это слово береть начало отъ слова Божія:

Обратися, душа, въ покой твой, яко Господь благо сотвори тебѣ.

Благо сотворилъ тебѣ Господь, пославши къ тебѣ ангела смерти въ эти тяжкіе дни, нами переживаемые. И если всегда нужно памятовать, что *миръ, тобою покинутый, весь во злы лежитъ* (Іоанн. V, 19); если всегда нужно помнить, что *земля и яже на ней вѣла сгорять* (2 Петр. III, 10), что *плоть и кровь царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. XV, 50): то особенно все это само собою напоминается намъ нынѣ, при видѣ повсюдной смуты, при этомъ широкомъ разливѣ нечестія, при этомъ возстаніи противъ Бога и Христа Его,—что очи наши наблюдаютъ въ окружающей жизни. Зналъ ли ты обѣ этомъ горѣ Церкви и родины, ты, удаленный отъ міра своею долгюю и тяжкою болѣзнью? О, не только зналъ и страдалъ, когда въ священный часъ нареченія въ епископа, какъ бы прощаешьъ прошлою жизнью и службою, поминаль горячимъ словомъ любви твоихъ бывшихъ прихожанъ—крестьянъ далекой русской деревни, твоихъ наставниковъ въ высшей школѣ, подаравшихъ тебя свѣтлыми радостями, и твоихъ питомцевъ, утѣшившихъ тебя успѣшнымъ духовнымъ возрастаніемъ. Ты пророчески рисовалъ себѣ трудности предстоящаго времени и предстоящаго служенія архипастырскаго. Ты говорилъ тогда:

„Несравненно труднѣйшій путь жизни предстоитъ мнѣ въ будущемъ, ибо приведется уже имѣть дѣло не столько съ до-вѣрчивымъ простымъ народомъ, сколько съ людьми разныхъ состояній и направленій, часто съ врагами Церкви Христовой, которые въ настоящее время, особенно, подобно хищнымъ волкамъ (Ме. VII, 15), со всѣхъ распутій лжеименного разума устремляются на нее, постоянно волнуютъ ее и производятъ въ ней смуты и нестроенія. *Дніе наши лукавы* (Еф. V, 16). Страшная гордость, самомнѣніе и себялюбіе, прикрываясь от-части цѣлями благодѣтельствованія человѣчества материаль-ными благами, а во многихъ случаяхъ прямо, неприкрывенно, *во имя свое* (Иоанн. V, 43) собрались на Господа и Христа Его, чтобы расторгнуть узы Ихъ и свергнуть съ себя иго Ихъ (Пс. 2, 3). И не только противъ вѣры Христовой и Церкви православной гордость и себялюбіе такъ настойчиво ратуютъ, но для нихъ ненавистенъ и всякий порядокъ гражданской, способствующій „тихой и безмятежной жизни во всякомъ бла-гочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. II, 2).

Ты угадалъ тогда, владыко, грядущія скорби. Развѣ не болѣло твое вѣрующее сердце, развѣ не страдала твоя архипастыр-ская ревность при видѣ нынѣшняго восстанія на Церковь? Развѣ не терзалась душа твоя при видѣ скорбей родины? И удивительно ли, что когда ты умеръ, когда вѣсть о твоей кончинѣ достигла слуха твоихъ близкихъ и любящихъ,—уди-вительно ли, если, послѣ молитвы о тебѣ, они единодушно вы-сказали мысль, что нынѣ воистину *блаженіи мертвіи* (Апок. XIV, 13), а не живые, очи которыхъ лучше бы не видѣли того, что творится вокругъ? *Отнюдзяже гласъ Іова услыши гла-голюща: смерть мужу покой есть...* (Погреб. свящ. блаженны).

Благо сотворилъ тебѣ Господь, возвавъ отъ земной юдоли во страну вѣчности, туда, куда такъ стремилась душа твоя. Ты былъ мужемъ пытливаго ума, ты былъ *мужъ желаній*. Наука, чтеніе, размышленія, умственныя занятія наполняли весь досугъ твой. Твое богатство и твои друзья—книги; онъ только и бросаются въ глаза въ твоемъ скромномъ жилищѣ. Ты искалъ въ нихъ истины, правды, вѣдѣнія, ты вдалъ душу твою взыскати премудрости. Но развѣ земля и

все земное могли бы дать тебѣ удовлетвореніе? Развѣ приложивъ разумъ не умножаетъ здѣсь болѣзни (Екл. I, 18)? Увы!—мы видимъ здѣсь истину только, яко зерцаломъ въ гаданіи, мы нынѣ разумѣемъ только отчасти... (1 Кор. XIII, 12). Обратися же, душа благодатная и жаждущая Истины, Добра и Красоты, обратися въ покой твой бого данный: нынѣ разрѣшился твоя жажда вѣдѣнія въ полноту обладанія истиной не прикровенно, а лицемъ къ лицу; нынѣ познаешь ее, якоже познань быль (1 Кор. XIII, 12); нынѣ падутъ мучительныя колебанія и сомнѣнія, мучительное сознаніе немощи и слабости духа въ познаніи сущаго; нынѣ узнаешь то, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша...* (1 Кор. II, 9). Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желала душа твоя къ Богу крѣпкому, живому, когда явилась лицу Божію (Пс. 41, 1—2); возлюбленны были для тебя селенія Господа силь, желала и скончавалась душа твоя во дворы Господни (Пс. 83, 2—3): вниди же нынѣ, рабъ благій и вѣрный, въ радость Господа твоего (Ме. XXV, 23), и осіяетъ тебя свѣтъ истины небесной, и вѣчныхъ благихъ, и безконечныя, блаженныея жизни наслажденіе! Ты вступиль нынѣ въ міръ высшій, духовный, въ которомъ съ большою свободою раскроется все, что есть въ душѣ нашей высокаго, вѣчнаго и божественнаго, „гдѣ истина безъ покрова, добродѣтель безъ борьбы и вѣнцы безъ терніевъ“...

Благо с сотворилъ тебѣ Господь, положивъ смертью конецъ твоимъ земнымъ страданіямъ. Бѣдность дѣтства и юности; слабость здоровья отъ самой молодости; недолгая семейная жизнь, а потомъ безпрерывная тяжкая болѣзнь, постоянная, упорная, изнуряющая, лишающая покоя, препятствующая работѣ, къ которой ты стремился; сознаніе слабости силъ и недостаточности труда, который ты могъ вносить въ дѣло служенія; тяжкіе и мучительные послѣдніе мѣсяцы жизни, мѣсяцы безпрерывной борьбы со смертью: вотъ равнouченiческій подвигъ долговременныхъ скорбей и страданій твоихъ. Кончились нынѣ смертью твои страданія; крестъ, тебѣ данный, съ вѣрою, терпѣніемъ и упованіемъ ты донесъ до общаго всѣмъ предѣла. И воистину, ты получилъ нынѣ

удъль лучшій и совершенійшій, по слову Василія Великаго: „Нѣсть убо, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла и къ Тебѣ, Богу нашему приходящимъ, но преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость“. (Изъ мол. Пятидес.)

Разорилась земная твоя храмина (2 Кор. V, 1), умерло твое настрадавшееся тѣло, но отъ сна смертнаго возстанетъ оно нѣкогда и въ новой силѣ, и въ новой красѣ: „Спѣется въ тѣлѣніи, возстаетъ въ нетѣлѣніи; спѣется не въ честь, возстаетъ въ славѣ; спѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; спѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное“ (1 Кор. XV, 42—44).

Но и чрезъ это немощное и слабое тѣло, которое причинило тебѣ столько страданій и нынѣ отказалось служить орудіемъ твоего свѣтлого духа, Господь благо сотворилъ тебѣ. Оно страданіями пріуготовило тебя къ вѣчности; вмалѣ поживъ, ты исполнилъ лѣта долга (Прем. IV, 13), и наслѣдуешь жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный и вѣчный (2 Кор. V, 1). Отпала нынѣ солома, чтобы отдѣлилось зерно чистое и дорогое, которое готово стало для небесной житницы; созрѣль гроздъ твоей жизни для Небеснаго Виноградаря. Какую печать красоты душевной наложили на тебя страданія! Они пріучили тебя къ уединенію, къ необыкновенному воздержанію, къ сознательному терпѣнію, къ покорности волѣ Божіей, въ которыхъ воспитывался и созрѣвалъ для Бога и неба духъ твой; они содѣвали сердце твое столь широкимъ въ любви и благожелательности, что въ немъ никому не было тѣсно (2 Кор. VI, 12); они дали тебѣ ту превознесенность надъ всѣмъ мірскимъ, надъ всякою мелочностью и суетою, которая въ связи съ твоимъ прямодушіемъ, искренностью и правдивостью являла тебя предъ нами въ такой высокой красотѣ истиннаго и обаятельнаго благородства духа. Если бы нужно было написать на этомъ гробѣ твоемъ изреченіе, всецѣло и лучше всего рисующее твой образъ, то оно готово и изречено въ святыхъ словахъ евангелія: „Блажени чистіи сердцемъ, яко тиі Бога узрятъ“ (Ме. V, 8).

И когда твое сердце страданіями усовершилось и очисти-

лось до способности боговидѣнія, ты взягъ быль отъ земли живыхъ. Въ твой далекій путь *пойдуть вслѣдъ за тобою дѣла твои* (Апок. XIV, 13): твоя глубокая вѣра, твоя горящая ревность по дому Божіемъ, твоя преданность долгу, твоя любовь, благородство, правда слова и дѣла и чистота сердца. Прости насть, преосвященнѣйшій, въ чемъ мы повинны предъ тобою, и, въ лицезрѣніи вѣчнаго Бога, помяни въ любви твоей насть скорбныхъ и нынѣ во многихъ обстояніяхъ сущихъ.

Обратися, душа, въ покой твой, яко Господь благо сотвори тебѣ. Но въ твоемъ могильномъ покоѣ, почивая въ благоуханіи святыни этого вѣкового храма, ты будешь здѣсь всегда слышать молитвенное слово, отрадное для твоего духа, и вѣримъ, оно услышано будетъ и Богомъ; слово это сонмъ священства будетъ тебѣ гласить: *Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынъ и присно и во екаки вѣковы.* Аминь.

Вѣрность Распятымъ.*

Желаніемъ и призваніемъ достопочтеннаго начальника этого учебнаго заведенія и его ближайшаго помощника я призванъ сказать вамъ сегодня, учащіеся юноши, проповѣдное церковное слово. Но, странникъ и пришелецъ, случайный гость и проѣзжій, что бы могъ я сказать вамъ истинно-учительнаго и полезнаго, кромѣ общихъ мѣстъ и общихъ пожеланій? Поэтому не безъ смущенія принялъ я слово предложенія. Но то было только въ первый моментъ неожиданности. Я вспомнилъ, что мы съ вами—родные и близкіе по общности воспитанія и обученія, по общимъ задачамъ и призванію жизни. Я вспомнилъ, что самъ я—питомецъ духовнаго учебнаго заведенія, и цѣлою вереницею вслѣдъ за

* Сказано въ церкви Ардонской духовной семинаріи, Терской области, въ нед. 3-ю поста. Составл. отчастіи по руководству поучен. протоіер. Гиляровскаго.

тѣмъ обступили меня воспоминанія молодости и времени учения. И я увидѣлъ, что намъ, хотя и незнакомымъ людямъ, есть о чёмъ побесѣдоватъ съ вами съ церковной каѳедры. И самое слово и дасть и укажетъ намъ Тотъ, Кто изображенъ на этомъ св. Крестѣ, что Церковь изнесла нынѣ на поклоненіе вѣрующимъ въ преполовеніе Четыредесятницы.

Поминай Господа Іисуса Христа (2 Тим. II, 8),—говорить св. апостолъ всякому вѣрующему. И не только въ подкрѣпле-
ніе и утѣшніе въ дни поста, но и во всякой печали, во всякой радости, во всякомъ подвигѣ, во всѣхъ и всякихъ обстоятельствахъ христіанинъ у Креста Господня найдеть и подкрѣпленіе, и вразумленіе. Мнѣ думается, что по обстоятельствамъ переживаемаго времени и по настроенію современныхъ духовно-учебныхъ заведеній умѣстно и благовременно намъ сегодня у Креста Господня вспомнить изреченіе этого Божественнаго Страдальца незадолго предъ крестными муками: „Вотъ, наступаетъ время и настало уже, что вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и *Мене единаго оставите*“ (Іоан. XVI 32). Стоя предъ этимъ Крестомъ Господа Іисуса, не слышите ли вы, юноши, какъ укоромъ звучить для васъ слово Его, и не говорить ли вамъ Спаситель: и нынѣ есть время, да разыдется кійждо во своя и *Мене единаго оставите?*...

Исполнилось буквально это предреченіе Господа. Когда Синедріонъ объявилъ Его вѣкъ закона, и каждому послѣдователю грозилъ отлученіемъ, Господь остался почти одинъ: оставилъ его и 38-лѣтній разслабленный, и воскрешенный сынъ вдовы Наинской, и исцѣленные слѣпые, хромые и прокаженные. Онъ восходилъ въ Іерусалимъ одинокій, ученики ближайшіе только сопровождали Его, но слѣдовали за Нимъ далеко позади и въ страхѣ. Вотъ Онъ въ Іерусалимѣ; здесь готовится уже предательство; Его Пасха, торжественная Пасха, дѣлается вечерей *тайною*, послѣ нея тайно же и скрытно идетъ Онъ на молитву въ Геѳсиманію. Но все же еще съ Нимъ хоть вдали ученики; все же враги боятся схватить Его при народѣ; робко и скрытно идутъ воины на безоружнаго, тревожатся преступные первосвященники. Но вотъ Онъ схваченъ, и тогда все болѣе и болѣе исполнялось слово Его: и *Мене единаго*

оставите. Ученики бѣжали; двое восхотѣли видѣть кончину: но одинъ теряется и блѣднѣеть отъ вопроса служанки и оста-
вляетъ Учителя, другой слѣдуетъ издали, какъ безмолвный
свидѣтель происходящаго. И на Голгоѳѣ нѣть учениковъ Еgo;
пока было зрѣлище крови, пока раздавались стоны казненныхъ,
лилась кровь, слышались вопли одного и проклятія другого
разбойника, извивались въ страшныхъ мукахъ распятаго тѣ-
ла,—кровожадная толпа стояла и смотрѣла. Но вотъ стали сти-
хать стоны, приближался конецъ, надвигалась ночь смерти надъ
несчастными,—и толпа оставила Голгоѳу. Дольше всего остава-
лись у Креста Господня любовь и дружба: ибо муроносицы,
какъ сказано въ евангелии, стояли издалеча зряще, гдѣ Его
полагаху, но послѣ погребенія ужъ всѣ быстро оставили Его
во гробѣ, на покой великой субботы, и всѣ близкіе Его были въ
горѣ, страхъ и трепетъ, разрозненные, разсѣянные; они не зна-
ли, что же дѣлать дальше и не видѣли никакой возможности
продолжать дѣло Христово, которое для нихъ вмѣстѣ съ Тѣ-
ломъ Иисусовыемъ казалось навѣки заключеннымъ во гробѣ.
Такъ буквально исполнились слова Христа: всѣ вы разсѣетесь
каждый въ свою сторону и Мене единаго оставите.

Что же, будемъ ли осуждать робость учениковъ? Но вѣдь
они дѣйствительно были растерзаны сердцами; у нихъ отнято
было ихъ сокровище, и думалось, что оно заплю во гробъ на-
вѣки, и все кончено, и все потеряно. И все же, когда осіяль
ихъ свѣтъ воскресенія, они всѣ собрались и объединились, они
жизнь отдали Христу, они благовѣствовали Его до послѣднихъ
земли.

Не будемъ осуждать ихъ. Лучше обратимъ вниманіе на
себя самихъ. И мы видѣли свѣтъ Его воскресенія, мы знаемъ
уже и силу и славу Распятаго; мы видѣли исполненіе слова
Его: если Я буду вознесенъ отъ земли, всѣхъ привлеку къ
Себѣ. Мы вызываемъ, какъ и вчера вызывали: Твоимъ Кре-
стомъ, Христѣ Спасе, смерти держава упразднился и діавола
крѣпость упразднился... Мы видѣли исполненіе словъ Господа:
если зерно пшеничное, падши въ землю, не умретъ, то оста-
нется одно, а если умретъ, то многъ плодъ принесеть.... Мы
видѣли, какой воистину великий и многъ плодъ принесъ Хри-

стосъ на землю, поднявъ жизнь людей до высоты духовной недосягаемой.

Что же мы? Не оставляемъ ли и мы нынѣ Христа единъ? Духовные юноши, юноши, готовящіеся для служенія Церкви, о Христѣ ли помышляютъ, Ему ли единому желають посвятить свою жизнь? Скажите вы, юноши, предъ Крестомъ Іисуса: о чёмъ вы мечтаете, о томъ ли, чтобы продолжать на землѣ дѣло Христово, быть пастырями и учителями Его овцѣ, или о жизни мірской, удаленной отъ Іисуса Господа?

Вотъ толпа кричала и вопила: распни Его; вотъ ученики бѣжали отъ Него страха ради іудейска; вотъ Пилатъ, не найдя въ Немъ вины, услыша крики, тоже отказался отъ Праведника и отдалъ Его на пропятіе. Всѣ они испугались толпы и ея криковъ,—того, что теперь принято называть общественнымъ мнѣніемъ. И Пилату казалось, что онъ уступилъ этому общественному мнѣнію. Не видѣлъ онъ и не зналъ, какъ между народомъ ходили подстрекатели отъ Синедріона, какъ они грозили, что жизнь Іисуса есть смерть еврейскаго племени, какъ они внушали крики „распни“ той самой толпѣ, которая всего нѣсколько дней назадъ еще кричала Христу: „Осanna“. Не таково ли и нынѣ общественное мнѣніе? Не плодъ ли это часто работы немногихъ крикуновъ, прикрывшихся громкими фразами и благомъ народовъ и племенъ? И не такова ли нынѣ сила общественнаго мнѣнія? Не опустошаетъ ли оно ряды служителей Бога, не дѣйствуетъ ли оно, именно оно въ средѣ духовныхъ воспитанниковъ, которыхъ тянутъ къ бунтамъ, волненіямъ и забастовкамъ, чтобы они не отстали отъ другихъ, которымъ внушаютъ отвращеніе къ будущему духовному служенію, которые поголовно тянутся къ міру, въ свѣтское служеніе, въ свѣтскія школы, лишь бы подальше отъ ограды Христовой? Вспоминается мнѣ,—простите за это отступление къ личной жизни,—вспоминается время молодыхъ лѣтъ по окончаніи ученія въ духовной школѣ. Жизнь міра не только тянула къ себѣ, но открывала широкую дорогу службы... И вотъ, въ душѣ возникла тяжкая борьба: куда идти?.. Въ минуту душевной тревоги, стоя въ церкви въ этотъ самый воскресный день Великаго поста, я услышалъ слово нынѣшняго апостоль-

скаго чтенія, которое слышали и вы сегодня: И никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но только званый отъ Бога, якоже Ааронъ... Это слово рѣшило сомнѣнія, и въ тотъ же день указало мнѣ путь къ священству. Съ тѣхъ поръ мнѣ не пришлось ни разу покаяться въ принятомъ рѣшеніи!

Возлюбленные юноши! Да подастъ вамъ Господь преспѣяніе премудрости, житія и вѣры и разума духовнаго! Помните, что вы званы отъ Бога, якоже Ааронъ: званы своимъ воспитаніемъ духовнымъ и предназначениемъ отъ лѣтъ дѣтства. Позорна всякая измѣна, но измѣна Богу и служенію Его и Церкви Его, измѣна только по соображеніямъ себялюбія и корысти, стократъ позорнѣ! Не увлекайтесь общественнымъ мнѣніемъ и стадностью, не поддавайтесь громкимъ фразамъ оправданія: я, моль, не имѣю призванія идти на служеніе Церкви... Большинство повторяющихъ эти фразы о призваніи ничего о немъ на дѣлѣ не думаютъ и находятъ его въ томъ, что изъ врачей душъ людей обращаются въ врачей скотовъ, или мечтаютъ о службѣ по измѣренію водки и спиртныхъ напитковъ: и это называютъ призваніемъ!.. Забываютъ, что если разсуждать о недостоинствѣ быть служителемъ Церкви, какъ о причинѣ отказа отъ этого служенія, то вѣдь надо такъ же разсуждать о недостоинствѣ быть христіаниномъ и, слѣдовательно, отказаться и отъ христіанства... Тогда въ полномъ смыслѣ исполнится слово Христа Іисуса: Мене единаго оставите.

Твердость и вѣрность, благородство и мужество познаются въ испытаніяхъ. Въ нынѣшнее тяжкое время, когда молодежь изъ учащейся обратилась въ неучащуюся, когда ее осаждаютъ соблазнители и совратители, когда ее толкаютъ изъ духовной школы на широкія мірскія распутія мысли и жизни, на путь беспорядковъ и всякаго рода „требованій“: сохраните, возлюбленные, вѣрность Христу Распятому, покажите твердость духовныхъ силъ вашихъ, покажите твердость вашихъ вѣрованій и убѣждений и умѣніе стать выше стадности, покажите твердость святого рѣшенія служить Ему въ Церкви Его—духовнымъ просвѣщеніемъ во тьмѣ сѣдящихъ! Поминайте Господа Іисуса Христа! Въ этомъ усматривайте ваше призваніе!

Не оставьте Его единаго!

Никто же самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ! Аминь.

Предостереженіе отъ народной смуты.*

Мы выслушали сейчасъ, братіе, въ двѣнадцати евангеліяхъ святую повѣсть о страданіяхъ, смерти и погребеніи нашего Спасителя. Но прежде чѣмъ разойтись отсюда по домамъ, съ этими возженными свѣчами, зажжемъ мы и закрѣпимъ въ умахъ и сердцахъ своихъ хоть одинъ урокъ святого повѣствованія, сообразно обстоятельствамъ переживаемаго нами времени. Въ прошлый разъ, въ Вербное Воскресеніе, съ этого самаго священнаго мѣста мы говорили о слезахъ нашего Спасителя, о злосчастной судьбѣ невѣрующаго Иерусалима и вся-
каго нечестиваго земного царства и народа, говорили о пре-
вратности народа еврейскаго, который послѣ торжественныхъ восклицаній: „осанна“ всего чрезъ нѣсколько дней опозорилъ и погубилъ Себя навѣки дикими воплями: „возьми, возьми, распни Его!“ Сегодня въ евангеліяхъ мы слышали эти вопли и крики. Слышали и о томъ, какъ испугался ихъ судія—Пилатъ, и какъ онъ предалъ на мученія и смерть Иисуса Хри-
ста, хотя и самъ считалъ Его Праведникомъ и не нашелъ въ Немъ никакой вины. Пилатъ и вправду подумалъ, что слы-
шитъ истинный голосъ всего народа...

Не зналъ онъ и не видѣлъ, какъ среди толпы бѣгали по-
досланные слуги первосвященниковъ и старѣйшинъ, враговъ Иисуса, какъ они подучали народъ требовать смерти Спаси-
теля, то запугивали, то уговаривали и убѣждали благомъ на-
роднымъ, а по мѣстамъ и сами, прикидываясь представите-
лями народа, вопили и кричали: „возьми, распни Его“. И Пи-
латъ поддался обману, и народъ поддался обману—и изрѣкъ

* Поученіе въ сельской церкви въ Великій четвергъ послѣ прочтенія 12-ти евангелій.

рековое, страшное слово: „кровь Его на насть и на дѣтяхъ на-
щихъ“.

Не такъ ли, братіе, бываетъ иногда и теперь, и среди насть? Особенno въ наши тревожные и смутные дни появилось множество людей, которые желаютъ вовлечь народъ въ обманъ различными слухами, дурными рѣчами, возмутительными призывами къ бунтамъ, подметными листками, а то и дурными газетами, дурными книгами! Чаще всего эти рѣчи направляются противъ Бога, противъ Церкви и ея служителей, противъ Царя и Его слугъ, противъ Россіи, нашей дорогой и любимой матери. Слушаетъ эти рѣчи простой народъ, да и не одинъ простой народъ!—слушаетъ эти рѣчи, и часто смущается, сбивается съ толку, вѣрить злымъ людямъ, а того не знаетъ, что все это дѣлаютъ враги Бога и Церкви, враги нашего отечества, желающіе погубить его нашими же собственными руками. Въ послѣднее время стала народъ нашъ грамотнымъ; онъ ищетъ истины, онъ жаждетъ прочитать хорошую книгу; онъ привыкъ уважать все напечатанное; онъ вѣрить каждой печатной строчкѣ. Но составители листковъ, газетъ и книгъ часто даютъ народу вмѣсто хлѣба—камень и вмѣсто рыбы—змію, они печатаютъ нерѣдко злыхъ рѣчи, они нерѣдко вводятъ читателей въ обманъ. Читаетъ простой народъ такія дурныя книжки и газеты, и смущается душою, а того не знаетъ, что есть хорошия сочинители, хорошия книги и газеты, а есть дурныя и вредныя; того не знаетъ, что какъ нельзя вѣрить всякому слуху и всякому слову, такъ нельзя вѣрить и всякому печатному листу. Въ прежнее время власти строго сгѣдили за книгами и газетами и не допускали печатать ничего вреднаго, но это, оказалось, мало помогло дѣлу, ибо злые люди ухитрялись обходить законъ, они и безъ разрѣшенія пускали въ народъ много книгъ и листковъ злонамѣренныхъ и запрещенныхъ, а народъ, думая, что все напечатанное дозволено и одобрено, могъ еще легче поддаваться обману. Поэтому правительство желаетъ теперь дать полную свободу печати, чтобы все могли печатать что угодно. Пусть же добрые и разумные люди разбираются теперь сами въ томъ, что хорошо и что худо, что полезно и что вредно, гдѣ истина, а гдѣ ложь и

обманъ. Нужно помнить, что газеты, листки и книги—все равно, что и неписанныя слова, все равно, что улица. На улицѣ можно услышать и слово правды, а можно услышать и слово лжи, смотря по тому, кто говорить, какъ и святое евангелие учить: благай человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износить благая, а лукавый отъ лукаваго сердца своего износить лукавое. Ибо отъ избытка сердца глаголють уста; отъ доброго сердца говорится умное, доброе, мирное, полезное слово, а отъ злого сердца говорится слово гнилое, лживое, слово клеветы и раздора, бунта и измѣны. Такъ случилось во время суда надъ Иисусомъ Христомъ: злые люди подучили еврейскій народъ, народъ послушалъ ихъ—и самъ на себя призвалъ проклятие. Такъ бываетъ и теперь. Злые люди, враги нашей родины, ненавидящіе Христа, ненавидящіе и Россію за то, что она почитаетъ Христа, издаются и печатаются такие газеты, листки и книги, распускаются такие слухи, которые явно подучаютъ народъ кричать то противъ Царя Небеснаго, то противъ Царя земнаго: „распни, распни Его“. И правду нужно сказать,—чаще всего такие самозванные и зловредные учителя принадлежать къ тому самому еврейскому племени, которое никогда распяло и Христа, а ему вторять сбитые съ толку, то подученные, то запуганные, и сами христіане.

Какъ же беречься отъ такого обмана? Какъ разбирать учителей истинныхъ отъ ложныхъ и опасныхъ? Какъ различать ученіе правое отъ пагубнаго и лживаго? Какъ разобраться, гдѣ хорошо и правильно написано и напечатано, а гдѣ ложно? А вѣдь осторожность очень и очень нужна!

Мы обыкновенно стараемся уберечься отъ всякаго обмана и въ быту житейскомъ. Мы испытаемъ лошадь, когда ее покупаемъ; мы испробуемъ товаръ, когда его беремъ; мы даже деньги стараемся распознать, не фальшивыя ли онъ. Тѣмъ болѣе мы должны разбираться въ томъ, что касается нашего ума и сердца, должны знать пробу и мѣрку для всякаго ученія, для всякаго учителя. Такая проба дана намъ. Вотъ мѣра и проба: слово Божіе въ святомъ евангелии и писаніяхъ святыхъ апостоловъ; ученіе святой нашей Церкви; голосъ ея пастырей, а затѣмъ любовь наша къ родинѣ, слово закона и

голосъ нашего Царя. Что согласно съ этою мѣркою, то истинно; что несогласно, то надобно отвергнуть. Что говорить о вѣрѣ въ Бога, о послушаніи Церкви, о любви къ царю и отечеству, то достойно вѣры, а что противъ всего этого, того не слѣдуетъ и слушать.

Во многихъ мѣстахъ нашей родины народъ, слышавши не разъ злыхъ учителей и распознавши ихъ злонамѣренность, стала въ озлобленіи бить ихъ и насильничать надъ ними. Но это и не по-христіански, и грѣшно, и неразумно. Здѣсь чаще всего вместо виновныхъ можно обидѣть правыхъ, какъ не-рѣдко и бывало; здѣсь—одно самоуправство, вредное и пагубное, и противное закону. Лучшій способъ бороться съ злыми учителями и злыми ученіями—это *не слушать ихъ*: тогда поговорить они, поговорять, да и перестанутъ.

А если будемъ слушать ихъ, то и случится съ нами то, что было съ народомъ еврейскимъ, который о Сынѣ Божіемъ, о своемъ Господѣ и Спасителѣ кричалъ: „распни Его“; случится съ нами то, что было съ Пилатомъ, который Праведника отдалъ на распятіе. Избави нась, Господи, отъ этого ужаса и несчастья!

Избави нась, Господи, отъ человѣкъ нѣкоторыхъ, и отъ бѣсовъ, и отъ всякия иныхъ неподобныя вещи! (Изъ молитвъ вечернихъ). Аминь.

Объединеніе во дни опасности государственной.*

Христосъ воскресе!
Воистину воскресе!

Да, воистину воскресе, братіе, воистину воскресе Христосъ! Но кто васъ научилъ отвѣтчать этимъ торжественнымъ увѣреніемъ на священный возгласъ св. Пасхи? Кто васъ убѣдилъ,

* Сказано въ недѣлю Фомину казакамъ въ ст. Ново-Александровской, Кубанской обл., 24 апреля.

кто увѣрилъ въ томъ, что воистину воскресе Христосъ? Откуда, отъ кого вы узнали эту радостную и святую вѣсть?

Говорили мироносицы, возвѣстили апостолы, проповѣдало евангеліе, изъяснили отцы и учителя, закрѣпили вѣру нашу миллионы миллионовъ вѣрующихъ христіанъ. Мало того, подтвердили и враги Христовы: рассказали воины, стерегущіе Его гробъ; молчаніемъ многое показали первосвященники, пристыженные и испуганные разсказомъ воиновъ. А вотъ сегодня евангеліе повѣдало намъ, что вѣру учениковъ Христовыхъ и всѣхъ вѣрующихъ подтвердило само невѣріе,—невѣріе ученика Христова Фомы.

Оно, святое евангеліе, переносить насть къ первымъ дніямъ послѣ воскресенія нашего Господа. Что видимъ? Сущу поздѣ, въ день той, и дверемъ затвореннымъ пріиде Іисусъ и ста посредѣ учениковъ Своихъ и глагола имъ: миръ вамъ (Іоан. XX, 19). Возрадовались ученики, увидѣвшіи Господа. Онъ же преподалъ имъ Духа Святого: пріимите,—сказалъ Онъ имъ,—Духа Святого. Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ Я посылаю вѣсть... Такимъ образомъ, Господь въ первое же явленіе Свое по воскресеніи подтвердилъ апостоламъ тѣ великія обѣтованія, которыя они слышали отъ Него во дни Его земной жизни.

Но что это мы видимъ въ малой тогда Церкви, въ маломъ обществѣ учениковъ Христовыхъ? Всѣ ли объяты радостью? Всѣ ли въ одномъ настроеніи, въ однихъ чувствахъ?

Фома же, говорить евангеліе, одинъ изъ двѣнадцати, не былъ тутъ съ ними, когда приходилъ Іисусъ... Промыслительно, смотрительно было это отсутствіе! Фома страдалъ, мучился, томился въ то время, когда всѣ радовались; Фома объять быть мучительными и томительными сомнѣніями, когда всѣ вѣровали. И въ такомъ положеніи быть онъ дотолѣ, пока чрезъ недѣлю снова не явился Іисусъ Воскресшій, когда всѣ ученики были собраны, и Фома съ ними. Тогда-то и онъ пріобщился ко всеобщей вѣрѣ и радости. Тогда и онъ воскликнулъ: Господь мой и Богъ мой! Тогда и онъ своимъ бывшимъ невѣріемъ, которое превратилось въ горячую вѣру, проповѣдалъ всему миру и на всѣ вѣка о воскресеніи Господа. Такъ показано намъ, что значитъ единеніе духа, и что значитъ раздѣленіе.

Урокъ здѣсь вѣчный и всѣмъ людямъ, и не только въ области вѣры, но и въ области всей нашей жизни. Урокъ этотъ звучить особенно явственно въ такие дни, когда мы видимъ вокругъ разъединеніе, раздѣленіе, несогласія, вражду, споры, когда слышимъ о господствѣ злобы въ жизни, о различныхъ счетахъ однихъ сословій противъ другихъ, объ угрозахъ, бунтахъ, возстаніяхъ, когда слышимъ вокругъ рѣчи, призывающія не къ единству жизни, а къ раздѣленію. А таковы именно переживаемые нами теперь дни. Единство теперь нужно намъ, православнымъ русскимъ людямъ,—нужно больше, чѣмъ когда-либо.

Злоба враговъ-іудеевъ, судъ язычника Пилата, распятіе Господа и Его погребеніе,—все это какъ-будто показывало торжество враговъ Христовыхъ. Но торжество враговъ только на краткое время навело страхъ и уныніе на апостоловъ, разсѣяло ихъ, но не разъединило учениковъ Христовыхъ, а напротивъ, потомъ, по воскресеніи Господа, еще болѣе сплотило ихъ. Злоба враговъ-язычниковъ на Дальнемъ Востокѣ, ополчившихся противъ русского народа, ихъ видимая побѣда надъ нами, ихъ торжество,—пусть это не разъединитъ русского народа, а напротивъ, сплотить его воедино. Между тѣмъ, то, что мы видимъ и слышимъ теперь вокругъ себя, то, что дѣлается теперь вездѣ въ Россіи, къ сожалѣнію, мало приносить въ этомъ отношеніи утѣшительнаго.

Государь и подданные, пастыри и пасомые, начальники и подчиненные, отцы и дѣти, добрые семьяне, честные труженики, земледѣльцы, ремесленники, рабочіе,—всѣ, всѣ добрые и честные люди теперь соединиться, быть вмѣстѣ, быть во взаимной любви, дружбѣ, довѣріи, чтобы дать отпоръ врагамъ и виѣшнимъ и еще болѣе опаснымъ врагамъ внутреннимъ. Отчего пришла къ намъ эта напасть внутреннихъ замѣшательствъ и волненій? Отчего мы въ страхѣ и смятеніи? Оттого же, отчего и ученики Христовы были въ страхѣ: временно они были разсѣяны, не собраны вмѣстѣ. Воскресеніе Господа сразу ихъ всѣхъ объединило, и тогъ, кто дольше всѣхъ былъ одинъ, больше всѣхъ и страдалъ, именно Фома, пока не соединился со всѣми.

Не будемъ же и мы повторять на себѣ и въ своей жизни такие печальные дни сомнѣній и недоумѣній, ибо и намъ есть около чего сплотиться, объединиться.

Есть у насъ Церковь Христова, это вѣчное пребываніе съ нами Христа и апостоловъ. Что находимъ въ Церкви? Въ Церкви—правая вѣра; небесный Домовладыка засѣять плодовитую ниву нашей родной земли ищеницею чистаго православія, чистаго благочестія. Гоните же отъ себя всякие сомнѣнія, раскола и сектантства, всякия разсужденія, которыя клонятся къ подрыву и ослабленію вѣры, всякия сомнѣнія, всякое невѣріе. Въ Церкви—храмы и богослуженіе,—общественное, всѣхъ соединяющее вмѣстѣ богослуженіе. Худой тотъ ученикъ, который не ходить въ школу, худой воинъ, если онъ не является въ войско, худой служащій, если его никогда не бывать на службѣ, худой торговецъ, если онъ никогда не бываетъ на мѣстѣ своей торговли: худой и тотъ христіанинъ, который не посѣщаетъ храма, худой сынъ Церкви, богоучрежденаго общества вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ, если онъ не бываетъ на общественномъ богослуженіи, гдѣ Богъ и вѣрующіе входятъ въ общеніе, гдѣ глаголется: „миръ Господу помолимся“ и: „возлюбимъ другъ друга“, гдѣ единственно во всемъ мірѣ есть равенство, о которомъ теперь такъ много говорятъ, гдѣ царь и подданный, богачъ и бѣднякъ, мужескій полъ и женскій, эллинъ и іудей, при условіи единой вѣры и молитвы, равны предъ Богомъ, гдѣ всяческая и во всѣхъ Господь. Въ Церкви—пастыри и пасомые. Пусть пасомые будуть преданы пастырямъ! Пусть сгорятъ тѣ листки, которые, я знаю, распространяются и среди васъ и которые силятся очернить, оклеветать, уронить пастырей въ глазахъ пасомыхъ. Пусть умолкнутъ клеветы незатыкаемая уста тѣхъ послѣдователей и подражателей Хама, которые желаютъ съ злорадствомъ открывать наготу отчую, рассказывать веселыя небылицы о пастыряхъ, смѣяться надъ ними грѣховнымъ смѣхомъ. Пусть устыдятся тѣ, кто постоянно высчитываетъ, сколько онъ далъ на содержаніе пастырей, которымъ и Христосъ повелѣлъ питаться отъ алтаря. Есть недостатки у пастырей, ибо и они—люди. А у пасомыхъ развѣ одни достоинства? Итакъ,

въ Церкви возлюбимъ другъ друга, объединимся, будемъ хранить единеніе духа въ союзѣ мира. Такъ заповѣдуетъ святой апостолъ.

Есть у насъ *государство*. Въ государствѣ—Царь и подданные, начальники, отъ Царя поставленные, и подчиненные. Если бы не было этого, не было бы и государства. А если бы не было государства, то невозможна была бы и общественная жизнь людей, какъ невозможно изъ песку выстроить дома, пока песокъ, глину, землю мы не обратимъ въ кирпичи... Но что это видимъ? Что слышимъ? И о Царѣ начинаютъ судить, и Царя начинаютъ осуждать, и кто же? Иной отъ земли не виденъ, мальчикъ безусый учить Царя, какъ надо управлять царствомъ; иной, у себя въ домѣ и хозяйствѣ ничего доброго и полезного не устроившій, пространно разсуждаетъ, какъ устраивать государство, и другихъ смущаетъ своими суждѣніями! Какой позоръ! Какое паденіе! Какой стыдъ, и особенно для казаковъ, для военныхъ людей, знающихъ, какъ важно иметь повиновеніе, понимающихъ что значитъ дисциплина,— для казаковъ, предки которыхъ завоевали въ беззаконной прѣданности царю и государству эти пространныя земли у враговъ Креста Господня! Но о Царѣ все-таки осмѣливается судить рѣдкій наглецъ. Зато о начальникахъ кто теперь не судить вкрай и вкось? Кто не слышалъ различныхъ обманныхъ, клеветническихъ о нихъ рѣчей? А если и есть имъ повиновеніе, то христіанское ли это повиновеніе? А христіанское повиновеніе есть повиновеніе не по насилию, не изъ-подъ палки и угрозы, а Господа ради, не за страхъ, а за совѣсть, „не предъ очами только работая, но яко раби Христовы отъ души.“ Тогда будетъ у насъ въ государствѣ настоящее единеніе. Въ государствѣ—родная земля, родной народъ, родная жизнь, родные нравы и обычаи, родной, и изстари сложившійся и привычный, Церковью освященный и предкамъ заповѣданный государственный строй. Пусть же не будетъ раздвоенія, пусть не слышатся призывы подражать въ этомъ отношеніи чужеземцамъ, пусть не будетъ постоянныхъ указаний на иноземные образцы. Иначе жизнь расколется, мы разъединимся.

Есть у насъ *общество*, общественная жизнь. Пусть обще-

ственная жизнь, этот плодъ единенія людей, идеть къ тому, чтобы укрѣплять это единеніе, а не губить его: выборные ваши пусть нелѣнѣсто и честно несуть свои обязанности, пусть не уклоняется никто отъ общественныхъ должностей, пусть никто не употребляетъ ихъ въ свою пользу и для своего личнаго обогащенія и благополучія, пусть каждый стремится къ общественному благу, а тѣ, которые не призваны къ общественной дѣятельности, пусть не завидуютъ тѣмъ, кто призваны, пусть прекратить распространять о нихъ тревожные слухи, безъ которыхъ теперь въ буквальномъ смыслѣ не проходитъ дня. Иначе общественная жизнь не устоить и разсыплется.

Есть у насъ семья. Крѣпка она была у насъ нѣкогда,— крѣпка взаимною любовью, согласiemъ, общимъ трудомъ. А нынѣ,—о, Господи!—что слышимъ: мужья бьютъ пьяные своихъ женъ, сыновья избиваютъ престарѣлыхъ родителей, жены уходя отъ мужей и открыто живутъ съ другими, только-что поженившіеся сыновья прежде всего стремятся отдѣлиться отъ стариковъ и жить отдѣльно, и это отдѣленіе происходитъ послѣ цѣлаго ряда ссоръ, споровъ, взаимнаго препирательства, и послѣ отдѣленія опять вызываетъ надолго вражду родныхъ и единокровныхъ. Всѣ бѣднѣютъ, всѣ ослабляются, а надъ жизнью такою развѣ будетъ исполненіе Божія обѣтованія, что благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ? Не слышится ли иное слово: клятва матери разоряетъ ихъ до основанія? Такъ мы дошли и до самаго источника нашихъ раздѣленій. Оттого и бѣды на насъ, и напасти, оттого и такъ-называемыя государственные реформы и преобразованія намъ не помогутъ и не помогаютъ. Слышимъ Царскіе манифесты 12 декабря прошлаго года и недавній, 18 февраля, объ укрѣпленіи законности, суда, о созывѣ лучшихъ русскихъ людей для сужденій объ общественномъ благѣ. Теперь-то и надобно намъ быть достойными Царскихъ призывовъ, теперь всѣмъ добрымъ, честнымъ, вѣрующимъ, благоразумнымъ людямъ надо соединиться на службѣ Богу, Церкви, Царю, государству; каждому сословію, званію, каждому отдельному человѣку надо честно дѣлать свое дѣло, не завидуя другому, не мѣшая никому. Теперь пусть пронесется надъ нашою землею слово Христово, сказанное апо-

столамъ: миръ вамъ! Тогда только мы обновимъ наше государство послѣ тяжкихъ неудачъ и несчастій войны, послѣ всѣхъ этихъ еще болѣе тяжкихъ внутреннихъ замѣшательствъ и волненій,—обновимъ миромъ, любовью и согласіемъ, а напаче усиленіемъ вѣры, молитвы, покаянія и преданности волѣ Божіей.

Но слышу, что мнѣ говорять казаки-старики: что же мы подѣлаемъ съ дурными людьми и развратителями? Мы-де безсилы. На наши слова отвѣчаютъ бранью, угрозами. „Лучше быть въ сторонѣ, пусть ихъ, Богъ съ ними!“

Но это—голосъ или лѣни, или трусости. Что если бы апостолы такъ разсуждали о врагахъ Христовыхъ, и умолкли? Но предъ ними стоялъ во враждѣ и злобѣ буквально весь міръ и іудейскій, и языческій, а они пошли и словомъ своимъ, при помощи Божіей, побѣдили его. Что если бы такъ же разсуждала святая Церковь? Она была гонима, ее обуревали ереси, расколы, секты, разномыслія. Но она не стала въ сторонѣ, а боролась духовнымъ воинствованіемъ, и побѣдила: ереси сгубили, а Церковь Божія стоять и достоить до скончанія міра. Что если бы такъ разсуждали наши предки во время напастія татаръ, поляковъ, шведовъ, турокъ, двадцати народовъ при Наполеонѣ, и въ другія времена? Но Россія боролась, и при великихъ трудахъ и страданіяхъ строилась вѣрою, молитвою, слезами, подвигами, напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ, и все росла и росла.

Не убоимся и мы никого и ничего. Но всѣ соединимся вмѣстѣ, дружно, любовно, въ вѣрѣ святой, въ той вѣрѣ, которую мы нынѣ исповѣдуемъ, глаголя: „Воистину Христосъ воскресе!“ Объединимся въ Церкви, въ любви къ родинѣ и Царю. Да воскреснетъ Богъ—и Онъ воскресъ, Побѣдитель всякаго зла! И расточатся врази Его, и да бѣжать отъ лица Его ненавидящіи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ! И да будетъ намъ отрадою, и да пронесется надъ нами вожделѣнное вѣчное слово Христа Воскресшаго: миръ вамъ...

Миръ вамъ, миръ всѣмъ! Аминь.

Пастырскій голосъ во дни революціі.*

I. Бога бойтесь.

(I Петр. II, 17).

Всякому изъ нась свойственно желать и искать мирной, довольной и счастливой жизни. Такъ ужъ Богъ создалъ человѣка; Онъ вложилъ въ его умъ и сердце желаніе счастья жизни, гдѣ бы эта жизнь ни протекала: въ семье, въ обществѣ, или въ государствѣ. И Богъ Милосердный не осуждаетъ этихъ стремленій человѣка. Онъ Самъ желаетъ счастья людямъ, Онъ даетъ имъ все нужное для этого здѣсь, на землѣ, и тамъ, на небѣ, послѣ смерти каждого изъ нась.

Но если Богъ создалъ человѣка, то ясно, что, получивъ жизнь по Его волѣ, а не самъ собою, человѣкъ и жить долженъ по волѣ Бога, а не самъ собою. Безъ воли Бога, безъ исполненія закона Его, человѣкъ—то же самое, что рыба безъ воды, или дерево безъ тепла и свѣта; онъ погибнетъ неминуемо и счастливымъ быть не можетъ.

Вотъ почему Господь въ Своемъ святомъ словѣ, которое Онъ открылъ человѣку въ Писаніи, говорить намъ: *благочестіе на все полезно, имъя обѣтованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим. IV, 8).

И мы сами замѣчаемъ, какимъ душевнымъ миромъ и спокойствиемъ обладаютъ люди вѣрующіе и благочестивые. А кто знаетъ, какъ люди жили много лѣтъ назадъ, тогдѣ можетъ сказать намъ, что на землѣ никогда не было ни народовъ, ни царствъ, которые достигали бы прочнаго, цвѣтущаго состоянія безъ вѣры въ Бога. Пока они чтили Господа, они были сильны и счастливы; но какъ только они забыли Бога и нарушили Его законъ, они подвергались порчѣ и разложенію и многіе поги-

* Подъ такимъ общимъ заглавіемъ печатаемъ десять листковъ, которые написаны были и изданы во множествѣ для распространенія въ народѣ въ 1905 г., въ дни смуты. Листокъ по счету V-й отнесенъ къ V тому (1-я часть), какъ имѣющій къ нему по содержанію ближайшее отношеніе (противъ соціализма: „Берегись обманныхъ рѣчей“).

бали ужаснымъ образомъ. Это ясно и понятно безъ долгихъ объясненій: вѣдь безъ вѣры въ Бога люди становятся хуже звѣрей, перестаютъ любить другъ друга, не исполняютъ никакихъ законовъ, возстаютъ противъ властей, перестаютъ трудиться, расхищаютъ чужое имущество, убиваютъ своихъ близкихъ; сильные и злые сначала обзываютъ слабыхъ, а потомъ начинаютъ истреблять и другъ друга. Развѣ при такихъ порядкахъ можно жить? Развѣ при такой жизни можетъ быть счастье?

Посмотрите на все живущее въ мірѣ. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка надъ всѣми другими живыми земными существами заключается въ томъ, что только одни люди умѣютъ вѣровать въ Бога, молиться Ему, служить Ему; только одни люди постоянно стремятся къ Богу и хотятъ знать и исполнять Его законъ. Посмотрите: много на свѣтѣ народовъ, но всѣ народы имѣютъ хоть какую-либо вѣру въ Бога; если они не знаютъ вѣры истинной, они сами себѣ выдумываютъ другую, не истинную, но обойтись совсѣмъ безъ вѣры не могутъ. И все самое лучшее люди отдаютъ вѣрѣ; самая лучшія зданія—это храмы, а у другихъ народовъ—мечети, синагоги, капища. Самая дорогая украшенія, самые драгоценные металлы, ткани, самая высокая искусства: строительное, художественное, музыку, пѣніе,—все это люди посвящаютъ и жертвуютъ Богу на храмы для богослуженія. Это значитъ, что вѣра въ Бога и почитаніе Его глубоко заложены въ самой душѣ человѣка; это значитъ что безъ вѣры въ Бога человѣкъ только называется человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ приправляя себя къ звѣрьямъ, которые не умѣютъ вѣровать и молиться. Оттого-то и жизнь у невѣрующихъ людей становится скотскою, а не истинно-человѣческою.

Господь отвращаетъ лицо Свое отъ такихъ людей, народовъ и царствъ, и они сами собою погибаютъ. Ибо народъ, не думающій о небѣ, недостоинъ жить на землѣ.

Вотъ почему предки наши, наши дѣды и прадѣды отставали святую вѣру; въ защиту ея они жертвовали всѣмъ свомъ достояніемъ и самою жизнью, любили молитву, строили храмы и монастыри, почитали служителей Божіихъ. И какъ

ни тяжело имъ бывало, но Господь благословлялъ нашъ народъ, и онъ возрасталъ въ мѣру силы и славы, объемля со-бою окрестные племена и народы.

Но вотъ, нынѣ явились новые учителя, которые смуща-ютъ вѣрующій народъ нашъ словами и подметными листками. Они обѣщаютъ людямъ счастье безъ Бога; людей неопытныхъ, чаще всего молодыхъ, не твердыхъ въ мысляхъ и убѣждѣні-яхъ, они хотятъ направить противъ Бога, противъ Церкви и ея служителей, противъ всякой законной власти.

Учать они о какомъ-то новомъ будущемъ („соціалистиче-скомъ“) государствѣ; каждый изъ нихъ по-своему его изобра-жаетъ, но всѣ сходятся въ томъ, что въ этомъ новомъ госу-дарствѣ не будетъ мѣста святой вѣрѣ и святой Церкви. Обѣ-щаютъ они народу сытость и довольство, равную долю пищи, питья и житейскихъ удобствъ. Не скрываясь, они говорятъ и пишутъ, что „царство небесное они устроятъ себѣ здѣсь, на землѣ“. Забыто великое слово Христово: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Мате. IV, 4). Забыто слово Христово, что и врати адовы не одолѣютъ Церкви Божіей, которая пребудетъ во вѣкъ вѣка (Мате. XVI, 18). Забыто слово Божіе, что Цар-ство Божіе не въ пищѣ и питьѣ (Римл. XIV, 17), что ради пищи не должно разрушать дѣла Божія (ст. 20). Забыта въ обѣщанномъ новомъ государствѣ душа человѣка: ей, этой душѣ человѣка, бессмертной и разумной, будетъ и голодно, и хо-лодно, и беспріютно среди тѣлесной сытости и житейскихъ удобствъ. Забыто и послѣднєе, что ждеть всякаго человѣка: смерть, гробъ, судъ Божій, адъ и рай на всю вѣчность.

Нѣть, подальше отъ такого государства безъ Бога и Цер-кви! Оно пригодно только для животныхъ, которыхъ лишены духовныхъ потребностей, но не для разумнаго человѣка. По-дальше отъ такихъ учителей! У нихъ, по слову Писанія, „Богъ—чрево“ (Филип. III, 19).

Въ другихъ мѣстахъ нашего отечества мы видимъ иное: тамъ учать православныхъ и убѣждаютъ ихъ оставить вѣру отцовъ. И вотъ, случились события въ народѣ нашемъ, из-древле православномъ,—события, о которыхъ лучше бы ухо-

наше не слышало. На западъ Россіи нашлись люди, которые приняли чуждое русскому человѣку католичество. Въ другихъ мѣстахъ произошли отпаденія въ расколъ и сектантство. Въ свое оправданіе соблазнители и соблазненные ссылаются на манифестъ Государя Императора 17-го октября 1905 года о свободѣ совѣсти. Эта ссылка—неосновательна. Правда, свобода совѣсти въ государствѣ состоять въ томъ, что каждому безвозвратно разрѣшается исповѣдывать избранную имъ вѣру; правительственная власть никого не будетъ впредь наказывать за измѣну вѣрѣ. Но совѣсть вѣдь остается внутри человѣка; судъ Божій и судъ совѣсти не могутъ быть отмѣнены никакою земною властью. Самъ Государь нашъ—попрежнему Сынъ Православной Церкви и ея Зашитникъ, и вовсе не того Онъ желалъ, издавая Свой манифестъ, чтобы православные отпадали отъ вѣры; Онъ вѣрилъ и вѣрить, что теперь и безъ пособія правительственной охраны сыны православія вмѣстѣ съ Нимъ пребудутъ сами, по свободѣ своей совѣсти, въ оградѣ Церкви Православной. Святое православіе стало у колыбели нашего царства почти тысячу лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ оно было и будетъ ангеломъ-хранителемъ Россіи; святое православіе объединило русскій народъ и пріобщило къ нему по единству вѣры и другія, не русскія племена; святое православіе служило связью между разрозненными частями нашего народа, когда онъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ, раздѣлялся и терялъ государственное единство подъ напоромъ враговъ нашихъ; святое православіе научило русскій народъ любить свою родину и своихъ царей, ввело въ нашъ народъ великія добродѣтели духа, сдѣлало его народомъ христіанскимъ и богоносцемъ, сдѣлало нашу Русь „Святою Русью“; святое православіе обогатило нашъ языкъ, сообщило намъ первые зчатки образованія, сохранило ихъ въ церквяхъ и монастыряхъ и, въ виду новаго европейскаго образованія, не отвергая его, поставило предъ нашимъ народомъ великую заповѣдь: *всѧ искушающе, добрая держите, т.-е. все испытывайте, но держитесь доброго* (1 Сол. V, 21).

Немудрено, что враги русскаго народа, желая ему погибели, хотѣли бы лишить его святого православія. Но русскіе

люди, по свободѣ совѣсти своей, по искреннему убѣжденію, по сердечной любви и по завѣту предковъ, останутся, несомнѣнно, вѣрными святой Православной Церкви.

Наконецъ, мы узнаемъ, что во многихъ мѣстахъ нашей родины въ средѣ народа православнаго появляются мнимые рабѣтели его блага, желающіе будто бы оградить его отъ излишнихъ тратъ и расходовъ. Не касаясь вѣры, не отвергая будто бы самаго православія, они учать народъ, что не надо ставить свѣчи въ церкви, что не надо посѣщать богослуженіе, что не слѣдуетъ поддерживать священниковъ платою за ихъ трудъ. Здѣсь—хитрый умыселъ, имѣющій цѣлью лишить народъ пастырей; здѣсь, воистину, рѣчи, внушенныя исконнымъ врагомъ рода человѣческаго. Священное Писаніе называетъ часто діавола хищнымъ и злымъ волкомъ. Послушайте: волкъ всегда ищетъ растерзать овцу, но у овцы есть пастухъ, который охраняетъ ее; конечно, волку выгодно, чтобы кто-нибудь отогналъ овцу отъ пастуха и изъ овчарни; тогда волкъ, не боясь никого, удобно убить и сѣсть овцу. Овцы—это мы, христіане, въ духовномъ смыслѣ. Овчарня для людей—это Церковь Христова и храмъ Божій; пастухи—это священники; поэтому ихъ называютъ духовными пастырями, а христіанъ, прихожанъ, называютъ паствою, пасомыми. Конечно, діаволу, какъ волку, выгодно отогнать словесныхъ овцѣ и отъ храмовъ и отъ пастырей; тогда онъ легко и удобно ихъ погубить. Но осторожная овца, сохранивъ свою жизнь, не убѣгаеть изъ овчарни и всюду слѣдуетъ за своимъ пастухомъ. Такъ точно и мы, если желаемъ быть благоразумными, не должны оставлять храмовъ и своихъ духовныхъ пастырей. Самъ Христосъ Спаситель учредилъ пастырей въ Своей Церкви и Онъ сказалъ о нихъ, что дѣлатель достоинъ своей награды, что служащіе алтарю должны отъ алтаря питаться, что служители Христовы должны єсть и пить и одѣваться на средства тѣхъ, кому они служатъ. Читайте обѣ этомъ въ евангеліи отъ Луки главу X; читайте IX-ю главу 1-го посланія св. апостола Павла къ Коринтіямъ—и увидите, что и апостолы святые жили отъ благовѣстія.

Скажемъ въ заключеніе: Никакое истинное ученіе не мо-

жеть идти противъ Бога и святыхъ Его, противъ Церкви и ея служителей. Только гибель и несчастіе принесутъ намъ новые учителя, если они являются противниками Бога и Христа.

Бога бойтесь,—учить насть слово Божіе. Принимайте же только ученіе, которое не противно Богу, и словомъ Божіимъ провѣряйте слово человѣческое: всякое ученіе, которое противно слову Божію и ученію Церкви, должно отвергать со всею силою. Молитвою, взаимною любовью, союзомъ съ пастырями Церкви ограждайтесь отъ злыхъ ученій и злыхъ учителей. И когда они увидятъ, что ихъ не слушаетъ никто, замолкнутъ ихъ безумныя рѣчи сами собою.

„Безумными“ называемъ ихъ рѣчи, ибо нѣть въ нихъ вѣры въ Бога: начало же премудрости есть страхъ Божій.

Будемъ же хранить эту премудрость вѣры и страха Божія такъ, какъ хранили ее наши дѣды и праідѣды и какъ заповѣдали намъ! Да исчезнутъ, какъ тьма предъ свѣтомъ, всѣ враги Божіи, забывшіе великую и святую заповѣдь — Бога бойтесь!

II. ЦАРЯ ЧТИТЕ.

(1 Петр. II, 17).

Вотъ наставлѣніе слова Божія, которое нужно особенно помнить въ наши тревожные дни. Ложные учителя возстали теперь въ средѣ народа; они, большею частью, ослѣпленные злобою и ложью, или обманутые своими наставниками — врагами Россіи, иногда же выгнанные за негодность, лѣнь и бунты, а нерѣдко прямо подкупленные врагами нашего отечества (ибо чѣмъ же и жить имъ, и на какія деньги Ѣсть, пить, имѣть кровь и одежду?), — эти ложные учителя, желая сами надѣть всѣми властвовать, кричать теперь и пишутъ въ подметныхъ листкахъ и на красныхъ флагахъ, распѣваютъ и особо составленныя пѣсни, призываю ниспровергнуть царскую власть. Они обѣщаютъ при этомъ, что если не будетъ царя

и царской власти, то вся скорби и недостатки жизни сами собою прекратятся и излечатся.

Какое безумие! Это похоже на то, какъ если бы кто, желая вылечить больного человѣка, отрѣзаль ему голову. Ибо царь—глава народа; безъ царя, какъ говорить исторія и нашего отечества и другихъ народовъ, всегда государствамъ грозила гибель.

Впрочемъ, вѣрные сыны Церкви привыкли ученіе человѣческое провѣрять словомъ Божіимъ, а слово Божіе ясно говорить намъ, что Самъ Всевышній поставляетъ царей на престолъ (Дан. II, 21). Самъ Господь въ Ветхомъ Завѣтѣ повелѣлъ пророкамъ помазать на царство Саула, Давида, Соломона и другихъ царей и называть ихъ Своими избранниками и помазанниками.

Въ Новомъ же Завѣтѣ Господь Иисусъ Христосъ повелѣлъ, наравнѣ съ обязанностями къ Богу, исполнять и обязанности къ царю, когда сказалъ: *воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови* (Мате. XXII, 21); то же проповѣдывали вѣрующимъ и святые апостолы: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. II, 17)..

Но обратите вниманіе на то, какіе въ то время были цари? То были цари-язычники, которые мучили и избивали христіанъ, такіе цари, которыхъ сами язычники называли извергами и изобрѣтателями преступлений. И, однако, даже этимъ царямъ Господь повелѣваетъ покоряться. Видно, дѣйствительно, царская власть освящена Богомъ; видно, нужна она для блага народовъ. Не скрываетъ никто, что могутъ быть, и дѣйствительно бывали, цари дурные, какъ наказаніе Божіе народу, какъ испытаніе свыше; но возставать противъ царя и царской власти для избавленія отечества отъ тѣхъ или другихъ непорядковъ и несовершенствъ—это то же самое, что для избавленія отъ болѣзни предлагать лѣкарство, которое гораздо гибельнѣе самой болѣзни и приносить смерть.

Если же о царяхъ-язычникахъ и о царяхъ злыхъ сказано въ словѣ Божіемъ, что нужно молиться о нихъ и почитать ихъ, то что же нужно сказать о нашихъ русскихъ царяхъ, православныхъ?

Воистину, великий грѣхъ забывать то, что они сдѣлали для нашего отечества!

Самое страшное зло и несчастье испыталъ народъ нашъ именно во время безгосударное, когда не было царя на Руси, или когда злодѣи возставали на царскую власть; народъ русскій спасся отъ погибели только избраниемъ Царя изъ того рода Романовыхъ, который и донынѣ царствуетъ въ Россіи.

И сколько добра сдѣлали народу Цари русскіе! Они избавили его отъ виновныхъ враговъ; расширили его царство, устроили войско; ввели просвѣщеніе; заботились о святой вѣрѣ, защищали ее во всемъ мірѣ, освободили и другія славянскія племена отъ полной гибели, освободили крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостного рабства. И понятно, почему русскій народъ создалъ мудрое присловіе: „Безъ Царя земля—вдова, безъ Царя народъ—сирота; Царь—отъ Бога приставъ.“

Искони нашъ народъ былъ царелюбивымъ. Въ глубокой древности иностранцы, посѣвшіе землю нашу, удивлялись этой великой русской добродѣти и только ею объясняли, почему Русское царство, которое было самымъ малымъ и незначительнымъ посреди другихъ, при множествѣ враговъ, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ жизни, какъ евангельское зерно горчичное, разрослось въ великую державу, въ великое, многоизвѣстное дерево, что укрыло и дало покой и счастье многимъ племенамъ и народамъ на огромнѣйшемъ пространствѣ земли. Богъ на небѣ и Царь на землѣ,—вотъ, чѣмъ жилъ русскій человѣкъ.

Къ горю и стыду нашему, явились теперь въ средѣ нашей лживые учители и сбили многихъ съ пути истины. Въ тѣ дни, когда Россія вела послѣднюю тяжелую и несчастную войну, когда сердце Царя нашего болѣло за Россію, за ея войска, за невинныхъ и тяжкихъ жертвъ войны,—злые люди обманно возбудили десятки тысячъ рабочихъ на бунтъ въ столицѣ; какъ заразительная болѣзнь, эти бунты распространились въ большихъ городахъ, подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, всякой клеветы и обвиненій противъ Царя и правительства, распускаемыхъ врагами Россіи въ средѣ легковѣрныхъ. Много повредили въ войнѣ эти бунты и забастовки рабочихъ,

эти злые слухи; враги нашей родины въ несчастьяхъ Россіи и въ нашихъ беспорядкахъ черпали для себя силу и смѣлость.

Но вотъ кончилась несчастная война, заключенъ бытъ миръ. Царь нашъ рѣшилъ всѣ свои силы отдать внутренней работѣ и заботамъ объ утвержденіи мира и порядка въ землѣ нашей. Для этого Онъ издалъ законъ о Государственной Думѣ; Онъ восхотѣлъ вмѣстѣ съ выборными людьми отъ всего царства обсуждать всѣ дѣла. Одновременно объявлены были повелѣнія Царскія правительству о томъ, чтобы крестьянамъ облегчены были платежи; чтобы для нихъ были облегчены способы приобрѣтенія земли, безъ обиды другихъ землевладѣльцевъ; чтобы рабочіе, на случай старости и увѣчья, имѣли помошь и обезпеченіе; чтобы войска получали больше средствъ на свое содержаніе; объявлены были законы, которые и крестьянамъ, и рабочимъ дали право принимать участіе въ Государственной Думѣ и громко заявлять о своихъ нуждахъ, обо всемъ доводить до свѣдѣнія Царя—общаго отца своихъ подданныхъ, предъ которыми всѣ равны, которому всѣ подданные равно дороги.

Тутъ бы успокоиться смутѣ; тутъ бы возблагодарить Бога и великодушнаго Государа; тутъ бы позаботиться, чтобы въ Государственную Думу попали люди истинно-достойные, истинно-честные, истинно-русскіе и православные и хорошо знакомые съ жизнью, нуждами и желаніями нашего народа.

Но этого-то и испугались враги наши. Они увидѣли, что близокъ часъ, когда они откроются предъ всѣми въ своей лжи и клеветѣ; что близокъ часъ, когда Царь вмѣстѣ съ народомъ, въ неразрывномъ союзѣ съ нимъ, какъ ветарь, возстанетъ въ силѣ общенародной, воспрянеть, оживить надежды Россіи. И рѣшили враги Россіи помѣшать этому дѣлу, рѣшили не допустить созыва Государственной Думы. Еще разъ они усилились обмануть простодушныхъ своихъ слушателей изъ народа и рабочаго класса и, къ стыду и горю Царя и родины, произвели вооруженное восстаніе въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, и въ другихъ мѣстахъ. Безумныя восстанія подавлены были вѣрными Царскими войсками. Господь тяжкимъ урокомъ вразумилъ легковѣрныхъ, и всѣ увидѣли, чего хотятъ и куда ве-

дуть народъ неизвестные учителя и противники Царя и Царской власти.

Братья-христиане! Послѣ манифеста Государя 17 октября 1905 года Царская власть въ Россіи засияла новымъ блескомъ и новою грядущей силой. Какъ въ самоограниченіи каждого человѣка заключена его нравственная сила и высота, такъ и въ добровольномъ рѣшеніи Государя издавать отнынѣ законы и управлять царствомъ совмѣстно съ представителями и думными людьми отъ народа—заключена и выражена Его Царская сила и Царственная высота.

Въ отвѣтъ на Его призывъ пусть отзовется каждое русское благородное сердце. Сплотимся дружною общерусской семьей вокругъ нашего богоданного Царя!

Послушные слову Божію, призыву сердца, завѣтамъ истории и голосу благоразумія, будемъ любить и чтить Царя, молиться за Него, исполнять Его законы, защищать Его отъ враговъ! И не слушайте, братья, тѣхъ лжеучителей, которые желаютъ всѣми мѣрами и способами возстановить народъ противъ Царской власти—выдуманными слухами, клеветою и злобою. Повѣрьте, каждый изъ этихъ безумцевъ, если только онъ не ослѣпленъ ложью, самъ тягнется къ власти надъ народомъ.

Не вѣрьте имъ многообѣщающимъ рѣчамъ и преступнымъ подпольнымъ листкамъ, направленнымъ противъ Царской власти; ибо, по слову Божію, и *сатана преобразуется во образъ ангела светла* (2 Кор. XI, 14), чтобы удобнѣе и скорѣе обмануть и погубить довѣрчивыхъ людей.

Царь грозенъ и долженъ быть грозенъ для злыхъ людей; на то Онъ и поставленъ Богомъ. *Кто же любитъ чистоту сердца, тому царь—другъ* (Притч. XXII, 11). Такъ говорить вѣкамъ и народамъ сѣдая и священная библейская мудрость.

III. Власти повинуйся.

(Римл. XIII, 1—8).

Какъ и откуда появилась первая власть среди людей? Отвѣтить на этотъ вопросъ весьма важно и весьма поучительно.

Въ то же время на этотъ вопросъ всякий можетъ отвѣтить и ясно и совершенно безошибочно.

Первая власть есть власть родителей надъ ребенкомъ съ той минуты, какъ только онъ родился. Что было бы съ этимъ ребенкомъ, если бы надъ нимъ не было власти родителей? Что было бы съ нимъ, если бы кто-либо, думая принести ему пользу и дать полную свободу, отнялъ бы его отъ отца и матери и оставилъ бы его одного, не давши ему никакой другой власти? Всякий ясно видить, что такой ребенокъ погибнуть. Но мы знаемъ, какъ родители любятъ дѣтей, питають ихъ, нерѣдко себѣ во всемъ отказывая; мы знаемъ, какъ мать бросается защищать своего ребенка; какъ чутко слышить она каждое его движение; какъ она понимаетъ, что ему нужно, хотя ребенокъ не говоритъ ни слова. Кто же учредилъ такую власть родителей и подчиненіе дѣтей? Кто? Конечно, Тотъ, Кто создалъ и родителей и дѣтей, т.-е. Богъ. Итакъ, самая первая власть—отъ Бога. Это ясно, какъ день.

Но въ жизни во всѣхъ областяхъ, вездѣ и всегда, нужна власть: нужны пастыри въ Церкви, ибо безъ нихъ въ дѣлѣ святой вѣры будетъ беспорядокъ и вѣчные раздоры; нужны судьи въ жизни, ибо безъ нихъ одинъ безпрепятственно будетъ обижать другого; нужны правители, ибо безъ нихъ будутъ бессильны и пастыри и судьи, которыхъ не послушаютъ злые люди; нужны учителя въ училищахъ, ибо иначе зачѣмъ же собираться и ученикамъ, которые другъ друга вѣдь ничему не научатъ; нужны военные начальники, ибо безъ нихъ не будутъ знать, куда идти и что дѣлать, и вместо стройнаго войска будетъ стадо; а всѣ власти, чтобы быть согласными, чтобы не мѣшать, а помогать одна другой, должны имѣть надъ собою одну высочайшую: это—власть царя.

Если бы вдругъ уничтожить сразу всѣ эти власти, то получилось бы то же, что съ ребенкомъ, если у него отнять родителей и оставить одного: произошла бы гибель всего народа отъ беспорядковъ и замѣшательства; тогда люди жили бы хуже и несчастнѣе звѣрей, потому что и среди животныхъ и даже насѣкомыхъ мы видимъ старшихъ и распорядителей: пчелы и муравьи убѣждаютъ насть въ этомъ.

Кто же установил власти въ народахъ? Народъ—это большая семья. И Тотъ, Кто установил и освятил власть родительскую въ семье, т.-е. Богъ, Онъ же установил и всякую другую власть въ большой семье—въ народѣ. Слово Божие такъ ясно, и подробно, и убѣдительно учить объ этомъ, что ни прибавить къ нему, ни убавить отъ него ничего нельзя. Вотъ что говорить оно въ поученіе всѣмъ вѣрующимъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нынѣ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію; а противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носить мечъ: онъ—Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они—Божіи служители, симъ самымъ постоянно занятые. Итакъ, отдавайте всякому должное: кому подать—подать; кому оброкъ—оброкъ; кому страхъ—страхъ; кому честь—честь. Не оставайтесь должностными никому ничемъ, кроме взаимной любви; ибо любящій другого исполнилъ законъ“ (Римл. XIII, 1—8).

Видите, какъ строго осуждаетъ слово Господне всякое противлѣніе власти. Больше того: оно запрещаетъ не только дѣло, противное власти, но даже слово, направленное противъ нея, и самую мысль о томъ: начальника въ народѣ твоемъ не ноноси (Исх. XXII, 28), и даже въ мысляхъ твоихъ не злословъ царя (Еккл. X, 20).

Послѣ сказанного ясно, кто суть новые учителя, появившиеся теперь въ нашемъ отечествѣ и учащіе народъ противиться власти. Это—враги Божіи и враги народа, ибо они своею пагубною проповѣдью принесутъ ему только гибель. Не со вчерашняго дня они явились. Они пришли къ намъ изъ чужихъ земель и давно ужъ сами раздѣлились на различные дольки и партіи. Одни изъ нихъ отвергаютъ всякую власть:

это—такъ-называемые анархисты (по-русски анархизмъ—безначаліе); они учатъ, что люди будуть счастливы безъ всякой власти, безъ всякаго управлениі, забывая, что тогда на свободѣ разгуляются насилие, неправда, жестокость, жадность и хитрость, и эта общая война всѣхъ противъ всѣхъ сдѣлаетъ жизнь людей звѣриною; тогда, воистину, несчастьемъ будеть родиться на свѣтъ; тогда человѣкъ для человѣка станеть волкомъ. И все-таки нельзя будеть обойтись безъ власти: власть тогда останется за сильными и злобными, только власть эта будеть уже гибельною для людей.

Другіе ложные учители признаютъ важность и необходи-
мость власти, но желали бы, чтобы не было царя и нынѣш-
нихъ правителей. Они обѣщаютъ республику, въ которой не
будеть царя, а будуть выбраны особые правители, причемъ
въ этой республикѣ уже не будеть никакой религіи и никако-
го различія народностей. Въ сущности, они сами желали бы
властвовать надъ нами, а чтобы привлечь къ себѣ народъ,
они обѣщаютъ, что подъ ихъ управлениемъ будеть на землѣ
рай, что все имущество раздѣлится между людьми поровну,—
какъ-будто въ самомъ дѣлѣ можно передѣлаться изъ русскаго
во что-то безнародное, какъ-будто можно и въ самомъ дѣлѣ
у всѣхъ уравнить лѣта, ростъ, полъ, здоровье, силу, способ-
ности, умѣніе, старанье и трудъ. Этими дѣтскими сказками
и обѣщаніями они привлекаютъ людей легковѣрныхъ. Такіе
новые учители похожи на сына царя Давида—Авессалома. О
немъ разсказано въ святой Библіи: онъ возмутилъ народъ
противъ царя-отца, прельстивъ народъ разными несбыточными
обѣщаніями; долго и непримѣтно онъ дѣйствовалъ, какъ из-
мѣнникъ и предатель; собравъ около себя злыхъ и непокор-
ныхъ, онъ пошелъ бунтомъ противъ царя въ такое время,
когда тотъ былъ беззащитенъ,—и все-таки мятежный сынъ
погибъ ужаснымъ образомъ въ битвѣ съ вѣрными царскими
войсками.

Но посмотрите на самихъ лжеучителей въ ихъ преступной
дѣятельности, которая теперь открыта предъ всѣми послѣ кро-
вавыхъ бунтовъ осѣпленныхъ ими и сбитыхъ съ толку не-
счастныхъ рабочихъ. Посмотрите: они отвергаютъ власти, учатъ

не платить податей, не повиноваться начальству. Но стоит имъ хотя на минуту собраться вмѣстѣ для своей преступной и разрушительной работы, какъ у нихъ тотчасъ же появляются свои власти: у нихъ самихъ есть комитеты, бюро, распорядители; они собираютъ насилино деньги и взносы, наказываютъ своихъ ослушниковъ, убиваютъ противниковъ. Не ясно ли, что они не могутъ и сами обойтись безъ власти? И повѣрьте, они хотятъ этой своей власти подчинить народъ. Только одна разница: вмѣсто теперешней власти, законной, они хотятъ дать свою, незаконную; вмѣсто власти Царской, Богомъ установленной, хотятъ дать власть свою, самозванную. Этимъ самыемъ они, вмѣсто мира, принесутъ нестроенія; вмѣсто покойной жизни, принесутъ стачки, бунты, забастовки, убийства; вмѣсто человѣческой жизни, устроятъ звѣриную; вмѣсто обѣщанной свободы, дадутъ рабство и запугиваніе всѣхъ, кто съ ними не согласенъ, какъ они и дѣлали во время стачекъ; вмѣсто счастья, они дадутъ погибель и слабость, которою воспользуются наши враги. Самыя страшныя времена были въ исторіи именно тѣ, когда не было законной власти. Кто любить ближнихъ, кто любить свой народъ, кто слушается слова Божія, кто хочетъ самому себѣ счастья, кто не потерялъ совсѣмъ разума,—тотъ всѣми силами, всею любовью, не по страху, а по совѣсти, свободно и съ усердіемъ поддерживай власть, по заповѣди Божіей, и знай, что безвластіе—худшее изъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ несчастій.

Правда, бываютъ нерѣдко правители неумѣлые, иногда несправедливые, иногда и прямо худые и вредные. Помнить, однако, нужно, что и правители—люди, а гдѣ люди, тамъ всегда и ошибки, и слабости, и пороки. Правители вѣдь выходятъ изъ нашей же среды; каковы мы, таковы и вышедшие отъ насъ, назначенные или выбранные представители власти. И затѣмъ: не бунтомъ, не злобою и не насилиемъ исправляется власть.

Какие правители были при Іисусѣ Христѣ? Тогда правили народомъ злой Пилатъ, лукавый Иродъ; а высшими служителями Бога и святаго храма были маловѣрные тесть и зять—Анна и Каїфа; какъ бы въ насмѣшку, они звались первосвя-

щенниками. И что же? И Спаситель нашъ и Его апостолы не шли противъ нихъ съ бунтомъ и возмущеніями и не учили тому другихъ. Напротивъ, Они подчинялись ихъ распоряженіямъ и принимали отъ нихъ судъ. Правда, когда Спасителя ударили по лицу на судѣ у Анны, Онъ на это возразилъ словомъ: „если Я сказалъ правду, за что бѣшь Меня?“ (Иоан. XVIII, 23). То же дѣлали и апостолы на судѣ у царей и первосвященниковъ: они ссыпались на свои права, они искали правосудія и справедливости (см. Дѣян. XVI, 37; XXIII, 1—3).

Но этотъ путь слова открыть и намъ, надъ одними правителями поставлены у насъ другіе, высшіе: земля наша не безсудна; можно указать предъ судомъ и высшему властю на всякую неправду. *А взявшіе мечъ, по слову Христову, мечемъ и погибнутъ* (Мате. XXVI, 52). Теперь о свободѣ слова, ищущаго правды, объявилъ и Государь въ манифестѣ отъ 17 октября; теперь въ новоучреждаемой Государственной Думѣ свободно можетъ раздаваться слово каждого гражданина, кто бы онъ ни былъ, и власть должна и обязана выслушать его.

Христіанинъ! По примѣру и завѣту Господа и Его апостоловъ, власти повинуйся... Извь любви къ родинѣ, къ порядку, къ общему благу всѣхъ людей-ближнихъ,—власти повинуйся!

IV. Не соблазняй я не соблазняйся.

Бывають прилипчивыя, заразительныя болѣзни: чума, холера, тифъ. Со страшною силою онъ распространяются среди людей, переходя изъ одной мѣстности въ другую, и всюду послѣ нихъ стоять новые могилы, плачутъ семьи, страдаютъ невинные сироты. Было время, когда люди не умѣли бороться противъ такихъ болѣзней, и цѣлые страны нерѣдко обращались буквально въ пустыни. Но затѣмъ, послѣ многихъ несчастій, люди научились бороться съ заразными болѣзнями, и теперь онъ не такъ страшны для того, кто сознаетъ ихъ опасность и бережется отъ нихъ.

Но есть другая зараза—духовная: дурные примѣры, дурные ученія, дурные листки и книги. И какъ душа выше и важнѣе тѣла, такъ духовная зараза опаснѣе и гибельнѣе заразы тѣлесной; она губить человѣка окончательно и навѣки.

Кто не знаетъ, что теперь охватила многихъ людей страшная духовная зараза ложныхъ, губительныхъ ученій? Люди, потерявшіе вѣру въ Бога, не признающіе Его святого закона, иногда искреннѣ, но ослѣпленные ложью, а иногда испорченные, лѣнивые, алые возмутители,—желаютъ, чтобы всѣ были похожи на нихъ: они и примѣромъ, и словомъ, и подметными листками (прокламаціями) всѣхъ призываютъ идти противъ Церкви, противъ Царя и властей; подговариваютъ рабочихъ людей прекращать работы; подучаютъ принуждать къ этому не только согласныхъ на ихъ безуміе, но и несогласныхъ; производятъ волненія и бунты; убиваютъ и бьютъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ ученія,—и при этомъ они вѣрятъ сами и обѣщаютъ другимъ, что изъ производимыхъ ими беспорядковъ выйдетъ порядокъ. Послѣ такихъ безчинствъ и волненій, какъ послѣ чумы или холеры, умножаются могилы, стоитъ плачь въ семьяхъ, бѣдность, скорбь и страданія. Къ великому горю, многіе соблазняются такими ученіями.

Воистину, великое горе—соблазнять и соблазняться!

Кто первый соблазнитель? Извѣстный лукавый змѣй, въ образѣ котораго явился нашимъ прародителямъ діаволъ; онъ соблазнилъ первыхъ людей въ раю и погубилъ ихъ, лишивши блаженства. Поэтому всѣ соблазнители суть сыны, и слуги, и пособники діавола. Кто первые соблазненные? Адамъ и Ева; они, вмѣсто того, чтобы отвратить свой слухъ отъ ядовитыхъ рѣчей сатаны, повѣрили его обѣщаніямъ, вздумали быть какъ боги, возгордились въ сердцѣ, нарушили Божію волю и заповѣдь; за это они и сами были изгнаны изъ рая, на вѣкъ потерявши счастье, и подвергли гнѣву Божію дѣтей своихъ, всѣхъ своихъ потомковъ—всѣхъ людей. Вотъ, какъ гибельно поддаться соблазну!

А нынѣшніе соблазнители, которые учать народъ злу и обѣщаютъ ему разныя блага,—развѣ они не похожи на этого змѣя-діавола? И они научаютъ людей стать выше Бога; и они

учать нарушать заповѣдь и волю Божію о почитанії Царя и властей, о повиновеніи пастырямъ Церкви, о жизни мирной и трудовой, заповѣдь обѣ удаленіи отъ всякихъ безчинствъ и бунтовъ; они повторяютъ то же, что говорилъ нѣкогда сатана первымъ людямъ, внушая имъ гордость противъ Бога, неповиновеніе Его заповѣди, обѣщаючи имъ счастье безъ вѣры, безъ исполненія долга и закона.

Великъ грѣхъ—произвести соблазнъ! Грѣхъ этотъ хуже убийства, потому что убийца губить только тѣло человѣка, а соблазнитель губить и тѣло и душу. Всякій грѣхъ можно загладить покаяніемъ, а соблазнъ какъ исправить? Самъ соблазнитель можетъ прекратить свой грѣхъ, свои злые слова и дѣла; но какъ прекратить грѣхъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ соблазнилъ? Это уже не въ его власти. Соблазнъ его—какъ брошенное сѣмя: онъ все растеть и растеть, отъ одного переходить къ другому, а виновникъ этого—соблазнитель. Одинъ святой учитель говоритъ: „Соблазнъ—то же, что моровая язва. Язва моровая зачинается въ одномъ человѣкѣ, а потомъ весь домъ, все село, весь городъ заражается; такъ и соблазнъ: начинается въ одномъ человѣкѣ и отъ него переходитъ ко многимъ“. Поэтому понятно, почему Господь такъ грозно судить соблазнителей: „Горе міру отъ соблазновъ“, говоритъ Спаситель нашъ въ евангеліи: „горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“ (Ме. XVIII, 7). „Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, неожели чтобы онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ“ (Лук. XVII, 2).

О, какъ много, какъ много теперь несчастныхъ соблазненныхъ, въ сущности невинныхъ, сбитыхъ съ пути истины по легковѣрію и невѣжеству! Подстрекатели толкнули ихъ на забастовки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—на вооруженное восстание противъ власти. Когда же наступила опасность и пришлось нести справедливое наказаніе отъ законной власти и отъ вѣрныхъ своему долгу войскъ, то зачинщики и подстрекатели безстыдно бѣжали, ускользнули за границу, избѣгли правосудія, а несчастныхъ обманутыхъ своихъ слушателей подставили подъ пули, обрекли, какъ жертвы, горю, позору и

несчастію. Сколько разоренныхъ семействъ! Сколько вдовъ и сиротъ! Сколько загубленныхъ жизней! Сколько теперь несчастныхъ раскаиваются въ своемъ увлечениі и въ ошибкахъ! Страшно и горько подумать объ этомъ. Страшно представить себѣ, что было въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ нашей родины, гдѣ несчастные простецы-рабочіе, обольщенные, обманутые соблазнителями, забывъ вѣрноподданство, пошли съ оружіемъ въ рукахъ, по приказу самозванныхъ стачечныхъ комитетовъ и всякихъ союзовъ, противъ законной власти Царя и правительства

Вотъ наглядные, горькіе плоды соблазна!

Но какъ отъ холеры и чумы научились теперь люди беречься, такъ еще больше въ нашей власти и волѣ—укрыться отъ соблазновъ. Для добрыхъ людей здѣсь даже случай укрѣпить свою вѣру, показать свою твердость, доказать преданность закону Господа и закону Царя земного. Такъ и апостолы писали первымъ христіанамъ, въ огражденіе ихъ отъ соблазновъ: „*стойте въ спрѣ, мужайтесь, утверждайтесь*“ (1 Кор. XVI, 13). Когда ты услышишь соблазнителя, то, слѣдя евангельскому наставлению, обличи и вразуми его наединѣ; если не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ; если и ихъ не послушаетъ, скажи Церкви (Мате. XVIII, 15—17), а потомъ уже исполни наставлѣніе апостола: „*измите злого отъ васъ самъхъ*“ (1 Кор. V, 13). Пусть тогда соблазнитель будеть тебѣ, какъ язычникъ и чужой: отдай его на судъ, отдай его власти, чтобы онъ не губилъ невинныхъ людей. Во имя Бога и Церкви, во имя Царя, ради народнаго счастья, ради нашихъ родныхъ и близкихъ, ради нашего собственнаго спасенія, нужно ограждаться отъ злыхъ: не соблазняться ихъ лживыми обѣщаніями; вѣрою, молитвою, добрымъ словомъ, послушаніемъ пастырямъ поддерживать и охранять другъ друга въ добрѣ, въ вѣрности Богу, въ послушаніи Церкви, Царю, власти и закону. Избѣгать нужно только самосуда и насилия, помня святое наставлѣніе апостола: „*Завѣщаваемъ вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно..., но не считайте его за врага, а разумляйте, какъ брата*“ (2 Сол. III, 6, 15).

Въ чём сила соблазнителей? Въ томъ, прежде всего, что они будятъ и поднимаютъ въ человѣкѣ самыя нечистыя и низменныя страсти, все худое и грѣховное, на что грѣшный человѣкъ способенъ: злобу, ненависть, зависть къ чужому добру, жадность, лѣнъ. Живущій въ каждомъ изъ насть грѣхъ, грѣховная склонность представляютъ привлекательнымъ соблазнъ діавола, а съ грѣхомъ и діаволомъ согласны и ложные учителя, соблазнители народа. И думается грѣшнику: „пріятно ничего не дѣлать, отомстить врагу, отобрать у богатаго его имѣніе, сдѣлать зло хозяину“. Но каждый вѣдь хорошо понимаетъ, что пріятность грѣха—только на одну минуту, что грѣхъ обращаетъ жизнь людей въ адъ, что грѣхъ никогда не остается безнаказаннымъ и, прежде всего, онъ поражаетъ самого грѣшника. Грѣхъ—это подслащенный ядъ: начинается какъ-будто сладостью, а кончается мукаами и неминуемою смертью.

Въ чёмъ еще сила соблазнителей? Въ томъ, что у нихъ находятся хоть немного слушателей. Перестаньте слушать соблазнителей—и ихъ сила пропадетъ, и сами они исчезнутъ. Что было бы, если бы вдругъ явились люди, которые стали бы учить, что намъ не надо ёсть и пить, не надо дышать? Такихъ безумцевъ, конечно, никто не сталъ бы слушать, и они сами должны были бы замолчать. Но лжеучители нынѣшніе вѣдь учатъ въ сущности тому же: они отнимаютъ у насть духовную пищу, духовное питье и самое дыханіе жизни—вѣру святую, Божій законъ, миръ душевный, правильное устройство, правильный порядокъ жизни церковной и государственной. Безъ этихъ благъ мы на вѣки умремъ духовною смертью. Чтобы избѣжать такой участіи, мы должны уклоняться отъ лжеучителей и не слушать ихъ рѣчей.

Помнить надо, что не всякий соблазненный невиненъ. Невиненъ и достоинъ помилованія и сожалѣнія только тотъ, кто поддался злому слову и дѣлу по невѣдѣнію, кто обманомъ вовлеченъ быть въ соблазнъ. Если же ты уже знаешь грѣховность того или другого слова или дѣла; если ты хорошо понимаешь, какъ противна Богу и совѣсти рѣчь соблазнителя, толкающая тебя на насилие, злобу и измѣну закону, а самъ

идешь слушать такую рѣчь, услаждаешься ею и готовъ ее исполнить по душевному согласію со зломъ,—то ты тяжко виноватъ предъ Богомъ, предъ своею совѣстью, предъ родиною, предъ твоими ближними; ты отвѣтишь за это предъ судомъ Божіимъ.

Рабъ, не знаяшій воли господина своего и не исполнившій ея, бить будетъ мало; но рабъ, знаяшій волю господина своего и не исполнившій ея, бить будетъ много (Лук. XII, 48, 47). Такъ учить святое евангеліе.

VI.* ДОБРОЕ СЛОВО РАБОЧИМЪ ЛЮДЯМЪ И ЗЕМЛЕДВЛЬЦАМЪ.

Люди рабочіе! Свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе. Было время въ древности, до Іисуса Христа, когда трудъ презирали, когда рабочихъ людей не отличали отъ животныхъ, когда ихъ покупали и продавали, какъ вещи. Но Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ принесъ на землю миръ и Божіе благоволеніе; Онъ научилъ людей правдѣ и милости, Онъ избавилъ ихъ отъ власти зла и грѣха. И прежде всего Онъ научилъ любить бѣдность, почитать трудъ. Онъ Самъ жилъ среди людей простыхъ и бѣдныхъ; Его мінімый отецъ Іосифъ былъ плотникъ; Его Мать занималась трудами домашняго хозяйства; Онъ Самъ помогалъ Іосифу въ трудахъ его до 30 лѣтъ жизни. Его апостолы были рыбаками; святый апостолъ Павелъ, позже всѣхъ призванный, занимался ремесломъ дѣланія палатокъ.

Такъ, люди рабочіе, стало свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе. Но,—спросите,—какъ же все это сдѣлалось? Звалъ ли Христосъ Спаситель рабовъ на бунты противъ господъ? Учили ли апостолы людей рабочихъ злобѣ, возмущеніямъ, стачкамъ и забастовкамъ? Призывали ли они рабочихъ людей къ оружію противъ законной власти? Учили

* Подъ № V издана брошюра: „Берегись обманныхъ рѣчей“ (противъ сопіалізма). Она отнесена къ 1-й части V тома настоящаго собранія сочиненій.

ли апостолы рабочихъ людей всего требовать силою и буйствомъ?

Нѣть и нѣть! Въ государствахъ древнихъ, до явленія христианства, рабы часто дѣлали все это, производили бунты и волненія; но чѣмъ больше они обращались къ силѣ и оружію, тѣмъ хуже становилось ихъ положеніе; ибо зло родить только зло. Христіанскіе учителя дѣйствовали иначе. Они учили правдѣ и милости, учили этому одинаково господь и рабовъ, они смягчали сердце и тѣхъ и другихъ; они говорили, что господа и рабы равны предъ Богомъ, потому что иного равенства предъ Богомъ въ мірѣ нѣть и быть не можетъ; они говорили, что свобода настоящая—есть свобода отъ грѣха и діавола, и поэтому рабъ можетъ быть свободнымъ предъ Богомъ, а господинъ можетъ быть рабомъ у діавола. Христіанскіе учителя прославляли и почитали тѣхъ рабовъ, которые были святы по жизни и страдали за Христа; поэтому христіане-господа почитали молитвами и поклоненіемъ своихъ рабовъ, достигшихъ свяности. Христіанскіе учителя не приказывали насильно господамъ отпускать рабовъ, но учили ихъ: *оказывайте рабамъ должное и справедливое, зная, что и вы имъете Господа на небесахъ* (Колос. IV, 1). Христіанскіе учителя не позволяли рабамъ убѣгать отъ господь, хотя они работали на нихъ даромъ; напротивъ, они учили ихъ: *рабы, повинуйтесь господамъ своимъ; Господа ради, повинуйтесь господамъ не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (Ефес. VI, 5; 1 Петр. II, 13, 18).

И, однако, что же случилось? Какъ только цари и правители сдѣлались христіанами и стали слушать слово евангелія, начались заботы о рабахъ: ихъ стали освобождать и отпускать на волю сами господа, безъ всякаго принужденія, по убѣждению пастырей Церкви; имъ дали воскресный день; имъ облегчали работы, защищали отъ насилий, а затѣмъ со временемъ уничтожилось и самое рабство, потому что оно, видимо, несовмѣстимо стало съ христіанствомъ. Людей рабочихъ стали нанимать, а не покупать; между ними и хозяевами стали вershиться свободные договоры. Конечно, все это сдѣлалось не сразу, а постепенно. Вѣдь и на деревѣ плодъ нельзя выра-

стить въ одинъ день; а если начнешь что-либо дѣлать съ деревомъ, чтобы заставить его въ одинъ день дать и листья, и цветы, и плодъ, то дерево погибнеть и плода не будетъ.

И въ нашемъ отечествѣ христіанскіе цари и правители всегда заботились о людяхъ рабочихъ: освободили крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; дали имъ землю; дали самоуправление; назначили на фабрикахъ и заводахъ особыхъ лицъ, призванныхъ заботиться о рабочихъ; приступлено къ страхованию рабочихъ и обеспечению ихъ старости. Теперь повелѣніемъ Государя рабочіе и крестьяне наравнѣ съ другими русскими гражданами призваны участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу, въ законодательствѣ, въ управлѣніи государствомъ; они могутъ сами громко заявлять предъ Царемъ и цѣлымъ государствомъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Приложены заботы о крестьянахъ: облегчены платежи; рѣшено помочь имъ, безъ нарушенія чужихъ правъ и безъ обиды другихъ, пріобрѣсти необходимую землю; упорядочены условия переселенія.

Итакъ, дѣло заботы о рабочихъ и земледѣльцахъ движется впередъ и обѣщаетъ имъ лучшее будущее. Но этому благому дѣлу могутъ только помѣшать тѣ, которые учатъ крестьянъ и рабочихъ собираться въ стачки, забастовки, на бунты и волненія. Слова нѣть, среди такихъ учителей встрѣчаются люди хорошиѣ по душѣ, люди, готовые на добро, убѣжденные въ правотѣ своей, готовые на лишенія и страданія за свои убѣждѣнія; часто ихъ знаютъ рабочіе съ хорошей стороны и потому вѣрять имъ словамъ. Но вѣдь часто и хороший человѣкъ можетъ быть обманутъ, ослѣплѣнъ и идти ложнымъ путемъ. Вѣдь и Спаситель, обращаясь къ апостоламъ въ прощальной съ ними бесѣдѣ, такъ говорилъ о врагахъ христіанства: *«Наступаетъ время, когда всякий, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу»* (Іоан. XVI, 2). Такъ и проповѣдники бунтовъ и забастовокъ не замѣчаютъ, какъ они изъ людей, повидимому, ищущихъ добра рабочимъ и крестьянамъ, дѣлаются врагами рабочихъ и крестьянъ, врагами общества и государства. Развѣ зло и насилие принесутъ добро? Развѣ грязное бѣлье можно вымыть и сдѣлать чистымъ въ

грязной лужѣ? Кому полезны стачки, забастовки? Онъ лишаютъ бѣдныхъ людей работы и заработка; несчастныя семьи сидятъ безъ куска хлѣба; припасы становятся дороже; многаго купить нельзя; мяса и хлѣба не продаютъ, или продаютъ за большую цѣну: и денегъ не заработкаешь, да и то, что скопилъ и припасъ, скоро истратишь. Все это ложится тяжкимъ бременемъ на тѣхъ же рабочихъ, на тѣхъ же бѣдняковъ, которыхъ имѣть руководители въ стачкахъ обѣщаютъ всякия блага, и которыхъ увѣряютъ въ своей любви и заботливости. Не говоримъ уже о томъ, что наряду съ людьми хорошими, но обманутыми, въ средѣ подстрекателей на бунты и забастовки не мало прямо злыхъ людей, сознательныхъ враговъ Россіи. Такимъ нужна только смута; они хотятъ помѣшать правительству въ его работѣ. Какъ вору и хищнику нужна ночь, такъ имъ нужно общее недовольство.

Люди рабочіе! Васть такъ любилъ Христосъ Спаситель нашъ и святые апостолы; о васть такъ всегда заботилась и молилась Церковь Божія; изъ рабочихъ людей въ древности вышло столько святыхъ и праведныхъ, которыхъ мы почитаемъ! Не оскорбляйте же Христа Господа измѣною Его ученію; не ухудшайте своего положенія волненіями и забастовками; не препятствуйте Царю и правительству заботиться о васть и устроить во благо вашу жизнь! Свято предъ Богомъ и предъ людьми почетно ваше званіе: не дѣлайте его позорнымъ! *„Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй отълающимъ беззаконіе, ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены и, какъ зеленикошний злакъ, увянутъ. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на земль и храни истину. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желанія сердца твоего. Предай Господу путь твой и уповай на Него... Не ревнуй успевающему въ пути своемъ, человѣку лукавирующему“* (Псал. 36, 1—5, 7).

Мира и спокойствія ищетъ теперь наша страдалица-родина, наша земля русская. Въ мирѣ и покой, съ добрымъ сердцемъ и добрымъ разумомъ нужно приступить къ избранію представителей въ Государственную Думу, чтобы они, въ союзѣ и согласіи съ Царемъ, дали обновленную жизнь Россіи. Не беспорядками создать можно порядокъ; не насилиями вводится

покойная и счастливая жизнь; не грабежомъ и разгромами чужого добра обогащается народъ; не злобные и не завистники принесутъ намъ счастье, а люди набожные, добрые, любящіе, трезвые, благоразумные и трудящіеся. Пусть они будутъ избраны въ Государственную Думу и обсудятъ, что нужно сдѣлать во благо народа нашего. Торопливостью и насилиемъ нельзя достигнуть сразу устройства жизни народа, какъ,—повторяемъ еще разъ,—нельзя насилиемъ заставить дерево въ одинъ день дать и листья, и цветы, и плодъ. Не вѣрьте тѣмъ, кто обѣщаетъ вамъ путемъ насилия сразу жизнь счастливую; такие люди *не знаютъ путей мира* (Ис. LIX, 8).

VII. О помнитесь, грабители!

(По поводу погромовъ помѣщичьихъ имѣній.)

Не пожелай дому ближняго твоего... ни поля его... и ничего, что есть у ближняго твоего. (10-я заповѣдь Закона Божія.)

Неужели до погромовъ чужого добра дошелъ православный русскій человѣкъ? Неужели совѣсть и разумъ его не остановили? Неужели думаютъ несчастные погромщики, что они съ чужого добра, отъ грабежа чужой собственности разбогатѣютъ?

Нѣтъ, не хочется вѣрить, чтобы это было такъ! Не хочется вѣрить, что потемнѣла душа народная, заснула совѣсть, забыта любовь къ родинѣ, забыто слово Божіе, забытъ страхъ суда Господня!

Пришли незванные учители, злые и безумные; заговорили дерзкими рѣчами съ народомъ, обѣщали всякихъ благъ отъ погромовъ и грабежей. Сначала, конечно, стали слушать ихъ немногіе, давно сбившіеся съ пути, такие, которые давно совсѣмъ потеряли. А тутъ кругомъ нужда и бѣдность, а тутъ всякие слухи и разговоры о внутреннихъ безпорядкахъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. И все-таки вѣра въ Бога, Христовы заповѣди, ученіе Церкви Божіей, преданія благочестивыхъ и на-

божныхъ предковъ, да и собственная совѣсть и благоразуміе,— все это непремѣнно остановило бы народъ нашъ отъ грѣха. Но чего не сдѣлали злые рѣчи, то сдѣлала водка. Сначала потерянные въ совѣсти люди пошли на погромъ чужого добра, потомъ пьяные, потомъ выпившіе, а затѣмъ безуміе охватило и трезвыхъ, овладѣло и разсудительными, и вотъ, въ концѣ концовъ во многихъ мѣстахъ мы увидѣли страшныя зрѣлища погромовъ и грабежей. Пылаютъ дома и усадьбы помѣщиковъ и владѣльцевъ; пылаютъ сады, воздѣланные столькими трудами и стараніями; въ ужасѣ мечутся невинные люди, ожидая смерти; малыя дѣти, матери, женщины, старики и старухи бѣгутъ, ища спасенія отъ смерти; озвѣрѣлые грабители зимою выбрасываютъ изъ оконъ разоряемыхъ домовъ грудныхъ дѣтей прямо на снѣгъ и морозъ; подвѣшиваютъ лошадей и коровъ и обрѣзываютъ у нихъ копыта и ноги по колѣна; сжигаютъ живыми лошадей и прочій домашній скотъ, убиваютъ помѣщиковъ, управляющихъ и проч. Что это такое? Къ чему эти безцѣльныя жестокости? Къ чему эти звѣрства? Кому полезно разореніе страны,—вѣдь *родной страны*? Въ христіанскомъ ли народѣ все это творится? Отчего не нашлось никого, кто бы остановилъ безумцевъ? Здоровые ли это люди, или всѣ сплошь обезумѣвшіе?

Не вездѣ дѣлались такія звѣрства, но вездѣ крестьяне забирали хлѣбъ въ амбарахъ и уносили или увозили къ себѣ, а что не могли взять, то уничтожали. Быть въ одномъ мѣстѣ такой случай. Пріѣхали крестьяне на повозкахъ въ помѣщичью усадьбу и стали грабить. Помощи было неоткуда ждать. Помѣщикъ отдалъ ключи отъ амбаровъ, а самъ сталъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на все это безобразіе. Видѣть онъ, мимо него крестьянинъ тащить два мѣшка хлѣба, тащить, падаетъ, никакъ поднять тяжелой ноши не можетъ. Помѣщикъ и говорить крестьянину: „Что же ты надрываешься? Положиъ бы на повозку и довезь бы домой“. Но оказалось, что у крестьянина нѣть лошади и повозки, онъ пришелъ пѣшимъ. Помѣщикъ и говорить ему: „А вотъ стоять же повозки и лошади, отчего же ты не берешь хоть одну?“ „Да вѣдь онъ чужій!“—отвѣчаетъ крестьянинъ. „Ну, а хлѣбъ-то развѣ свой несешь?“—спросилъ

помѣщикъ. Крестьянину вдругъ стало такъ больно и стыдно, что онъ бросилъ мѣшки и поскорѣе уѣжалъ отъ усадьбы.

Да, братіе, вотъ о чѣмъ надо подумать прежде всего: сила —силою, бѣдность —бѣдностью, а правда остается правдою, совѣсть —совѣстью: дозволено ли, справедливо ли и полезно ли брать чужое?

Мы знаемъ, что монахи, принимая постриженіе, совсѣмъ отрекаются отъ міра, отъ собственности, и ничего своего не должны имѣть. Послушайте, однако, наставлениія одного изъ великихъ учителей монашества —преподобнаго Исаіи. Онъ наставлялъ монаховъ: „Если братъ возьметъ *у тебя* какую-либо твою вещь, не напоминай ему объ этомъ и не требуй, чтобы онъ ее тебѣ возвратилъ. Но если братъ *у тебя* въ комнатѣ положить *свою* вещь, оставитъ ее на храненіе, то ты не только не смѣй пользоваться ею, но даже не смѣй взять ее въ руки и посмотрѣть, если на это ты не получишь разрѣшенія отъ хозяина“. Такъ высокоже чтили древніе отцы и учители право собственности. Свое отдай, —это твое право и твоя воля; а чужого не касайся, и не твое дѣло судить, по праву ли ближній твой владѣетъ своею собственностью. Этому учили древніе отцы, послѣдняя наставлениія Самого Господа и Спасителя нашего, Который, живя на землѣ, былъ бѣденъ, принималъ помошь отъ другихъ, но силою не отнималъ ни у кого ни хлѣба, ни денегъ, и кромѣ того, изъ тѣхъ даяній, которыхъ Онъ получалъ отъ вѣрующихъ и преданныхъ Ему людей, Онъ Самъ помогалъ нищимъ и раздавалъ бѣднякамъ. Объ этомъ можно читать въ евангеліи. Онъ же оставилъ намъ наставлениіе: „*бла-
женнѣе давать, нежели принимать*“ (Дѣян. XX, 35). Судите же сами, какъ преступно *отнимать* силою, да еще съ жестокостью и истязаніями! Судите же, какъ преступно уничтожать, и жечь, и громить чужое добро только потому, что оно чужое!

Вотъ еще разсказъ изъ благочестивой древности.

Однажды преподобный Зенонъ въ жаркое время проходилъ мимо огуречнаго огорода. Онъ очень утомился и сѣлъ отдохнуть и принять пищи. Около росли огурцы; ихъ видъ и приятный запахъ соблазнили Зенона, а голодъ подсказывалъ

ему желаніе воспользоваться чужою собственностью. И мысль въ немъ была: „отчего бы не съѣсть только одинъ огурецъ? Что въ этомъ важнаго и кому убытокъ?“ Но преподобный Зенонъ отвергъ лукавый и грѣшный помыслъ; мало того, онъ захотѣлъ наказать самый помыслъ и напередъ отнять силу у соблазна. Онъ сказалъ себѣ: „Зенонъ, ты захотѣлъ взять чужое, но вѣдь воры подвергаются наказанію; такъ испытай же себя, можешь ли ты перенести наказаніе?“

Всталъ Зенонъ и пять дней простоялъ на зноѣ, и когда пришелъ онъ въ полное изнеможеніе, то сказалъ самъ себѣ: „Ты не можешь перенести земного жара и наказанія, какъ же перенесешь наказаніе небесное? Если не можешь, то не воруй, не бери и не ѿсь чужого“.

Слышили ли это вы, безумные любители чужого добра? Или забыли вы заповѣдь Господню: „не укради“? Или забыли заповѣдь закона: *не пожелай дому и поля ближняго твоего?* Слышили ли: даже *не пожелай!* А какъ же смотрѣть на погромъ и грабительство? Или забыли вы, какъ грозно Господь наказывалъ тѣхъ, которые утаивали чужую собственность? Забыли, какъ Господь наказалъ проказою Гіезія, слугу пророка Елисея, за то, что онъ польстился на чужое добро?

Или вы думаете, что силою и неправедно взятое у ближняго въ самомъ дѣлѣ обогатить вась и кого-либо?

Нѣть и нѣть! Человѣкъ питается не грабежомъ, а собственнымъ трудомъ. И не земля, не инструменты, не машины, не отнятый хлѣбъ кормятъ человѣка, а его собственный трудъ, трудъ честный, заповѣданный Богомъ, освященный пріемомъ Христа Спасителя, Его апостоловъ и всѣхъ святыхъ. *Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не пши,*—вотъ какъ строгое завѣщаѣ слово Божіе (2 Сол. III, 10). Говорять: есть богачи, которые сами ничего не дѣлаютъ и напрасно живутъ на свѣтѣ, напрасно пользуются богатствомъ. Такъ что же? Ты самъ хочешь быть такимъ? Чему же ты поревновалъ? На что позарился? На грѣхъ? Ибо кто богатъ, но самъ не трудится и не работаетъ, тотъ тяжко грѣшить, тотъ Богу отдастъ страшный отчетъ за праздную жизнь. А кто завидуетъ такому богатому и идетъ на погромъ его имѣнія и на грабежъ его добра, тотъ

вдвойнѣ грѣшитъ: во-первыхъ, онъ самъ, значить, желаетъ быть такимъ же празднымъ, и тѣмъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій; во-вторыхъ, онъ воруетъ, грабить, нарушааетъ Божій законъ и, такимъ образомъ, этимъ еще усиливаетъ свою вину, усиливаетъ гнѣвъ Божій. И кто можетъ быть праведнымъ судьею, кто разбереть безъ ошибки, гдѣ правильное пользованіе богатствомъ, а гдѣ неправедное? Тебѣ же когда, гдѣ и кто дасть право быть такимъ судьею? И во что обратится жизнь людей, если каждый будетъ считать себя въ правѣ грабить чужое имущество? Это будетъ жизнь звѣриная, и конецъ ея—нищета, полная нищета народа.

Да, погромы и грабежи только разоряютъ народъ. Допустивъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, мы допустимъ грабежъ и насилия во всемъ царствѣ, и станемъ всѣ врагами другъ другу. Сегодня ограбить богатаго помѣщика, завтра—купца, а тамъ—богатаго крестьянина, и кончится все это непремѣнно и неизбѣжно тѣмъ, что всякий кого только будетъ считать хоть чуть побогаче себя, того и станетъ онъ бить, громить и грабить. Это уже будетъ, повторяемъ, не жизнь людей, а жизнь звѣрей. Да и у звѣрей имѣется хоть какой-либо порядокъ.

И исполнится надъ нами слово Христово: „*Всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣтъ; и всякий городъ или домъ, раздѣлившийся самъ въ себѣ, не устоитъ*“ (Мате. XII, 25).

Этого именно и хотятъ враги Россіи, тѣ злые учителя, которые мутятъ нашъ вѣрующій народъ сатанинскими рѣчами своими о бунтахъ, измѣнахъ, о погромахъ чужихъ имѣній и отобраніи чужой земли и собственности.

Но не можетъ же хотѣть этой погибели Россіи самъ русскій народъ! Вѣдь погромы и грабежи губятъ не отдельныхъ только лицъ: они губятъ Россію, губятъ нашу дорогую родину, ослабляютъ ее, дѣлаютъ нищею и ставятъ въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Вѣдь погромы эти, не обогащающая погромщиковъ, разоряя помѣщиковъ и всю страну нашу, полезны и желательны только для враговъ Россіи. Кому же служить погромщики: добру или злу? Свѣту или тѣмѣ? Богу или діаволу?

Братіе, смотрите, поступайте осторожно, не какъ не-

разумные, но какъ мудрые..., потому что дни лукавы (Еф. V, 15—16).

Вотъ, поистинѣ, самое благовременное наставлѣніе апостола въ наши лукавые дни. И еще его же наставлѣніе: „*Кто кралъ, впередъ не кради, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся*“ (Еф. IV, 28).

VIII. Лицемѣріе.

Спаситель въ субботу исцѣлилъ страдающую женщину, имѣвшую сухую руку; Онъ возвратилъ несчастной здоровье и возможность честною работою добывать себѣ и близкимъ пропитаніе, быть полезнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества. Но зависть и злоба фарисеевъ нашли и здѣсь поводъ къ обвиненію противъ Чудотворца. Фарисеи, не смѣя отрицать или осудить самое дѣло благодѣянія, нашли, что оно совершено не тогда, когда это можно и нужно, а въ субботу, въ день, въ который, по ученію фарисеевъ, слѣдовало воздерживаться отъ всякаго дѣла, даже и отъ дѣла благодѣянія ближнему.

Спаситель здѣсь же, въ синагогѣ, гдѣ совершено было чудо исцѣленія, обличилъ начальника синагоги за такія разсужденія и назвалъ его лицемѣромъ. Лицемѣръ этотъ говорилъ не по любви къ празднику, не по ревности къ славѣ Божіей; онъ мнимою и показною заботою о благочестіи и храненіи субботы прикрывалъ свою ненависть къ Иисусу Христу; онъ искалъ только повода къ тому, чтобы предъ народомъ унизить Иисуса Христа и обвинить Его въ нарушеніи закона. Ибо, если бы онъ дѣйствительно ревновалъ о славѣ Божіей и о благѣ ближнихъ,—а обѣ этомъ и говорить Законъ Божій,—то онъ порадовался бы тому, что въ праздникъ Господень, въ домѣ молитвы, силою свыше, Иисусъ Христосъ, во имя Отца Небеснаго, исцѣлилъ несчастную женщину и сдѣлалъ ее счастливою и довольною.

Страшенъ грѣхъ лицемѣрія! Онъ укореняется въ человѣкѣ постепенно и прочно, онъ крѣпко захватываетъ власть надъ душою человѣка и, самое главное, быстро становится непримѣтнымъ постояннымъ спутникомъ всѣхъ мыслей и чувствъ, всѣхъ отношеній къ людямъ и событиямъ жизни, такъ что даже самъ грѣшникъ уже не замѣчаетъ своей неискренности и своей лицемѣрной оцѣнки всего окружающаго. Спаситель сравниваетъ этотъ грѣхъ съ закваскою въ тѣстѣ: когда поднялся и испечень хлѣбъ, трудно найти въ немъ эту закваску, а между тѣмъ она, несомнѣнно, въ немъ есть... Берегитесь, говорить Спаситель Своимъ ученикамъ, берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе... (Ме. VI, 16, 11; Марк. VIII, 15; Лук. XII, 1).

Лицемѣріе можетъ охватывать всю жизнь человѣка, но всего позорнѣе, всего опаснѣе и ужаснѣе, когда оно вторгается въ область религіозную. И нужно сказать, переживаемое нами время особенно богато такимъ именно лицемѣріемъ. Укажемъ примѣры.

Нужно врагамъ родины ослабить или совсѣмъ уничтожить значеніе присяги; не нравится имъ, что сыны родины, побуждаемые присягою, остаются вѣрными долгу службы и готовы на смерть за Царя и отечество; хочется врагамъ отечества, чтобы сыны его обратились въ измѣнниковъ и предателей. И вотъ, раздаются рѣчи о томъ, будто присяга запрещена Иисусомъ Христомъ въ евангеліи, тогда какъ мы хорошо знаемъ изъ того же евангелія, что Иисусъ Христосъ на судѣ въ Синедріонѣ, когда первосвященникъ заклиналъ Его Богомъ живымъ и этимъ приводилъ къ присягѣ, Самъ принесъ клятву. Но кто же и почему говорить противъ присяги? Вѣрующіе люди? По чувству любви и благоговѣнія къ евангелію? Нѣть, это говорять тѣ, кому и вѣры не нужно, тѣ, которые и евангеліе по своему усмотрѣнію передѣлываютъ. Это говорять лицемѣры.

Нужно врагамъ родины, преступникамъ противъ закона, избавиться отъ тяжкихъ наказаній, которыхъ они по достоинству заслужили, избавиться отъ смертной казни за свои страшные злодѣянія. И вотъ они кричать и волять, что смертная

казнь запрещена закономъ Божімъ, что она противна заповѣди: *не убий*. Они не хотятъ знать, что въ той же книжѣ Закона Божія, въ которой читаемъ заповѣдь: *не убий*,—для враговъ общества, для враговъ отечества положена смертная казнь; значитъ, въ личныхъ отношеніяхъ одного человѣка къ другому безусловно воспрещено убійство, но власти законной, о которой апостоломъ сказано, что она не напрасно *носитъ мечъ*, это право предоставлено. Но кто же говоритъ противъ смертной казни? Люди, дѣйствительно почитающіе евангеліе и заповѣди Божіи? Люди, которые сами гнушаются убійствомъ? Нѣть, это говорять тѣ, которые сами убиваются безъ конца, убиваются изъ-за угла начальниковъ, солдатъ, полицейскихъ, которые при грабежахъ денегъ у артельщиковъ, казначеевъ, въ лавкахъ бросаютъ бомбы и убиваются десятками людей неповинныхъ; люди, которые не разбираются при этомъ ни прохожихъ, ни стариковъ, ни дѣтей. Тысячи людей они убили, другимъ грозятъ смертью; обѣ ихъ кровавыхъ преступленіяхъ знаетъ весь свѣтъ. Себѣ разрѣшавъ все, они у законной власти отвергаютъ право наказывать и казнить злодѣевъ за ихъ безпрерывныя злодѣянія и за безпрерывныя убійства невинныхъ людей. Это самое гнусное и самое отвратительное *лицемѣріе*.

И эти же люди, чтобы уничтожить страшное для нихъ войско, вѣрное долгу, вѣрное Царю и родинѣ, стараются доказать, что не нужно ни войска, ни войны, потому что Спаситель повелѣлъ любить враговъ и не противиться злу. Они умалчиваютъ о томъ, что Спаситель сотника Капернаумскаго восхвалилъ за вѣру его, но не велѣлъ ему бросить службу и идти за Нимъ. Но кто же это говорить о любви ко врагамъ? Люди, которые сами любятъ враговъ своихъ и не противятся злу? Нѣть, они съ тѣми, кого считаютъ врагами, раздѣлываются кинжалами, револьверами и взрывами такой страшной силы, что отъ нихъ разрушаются цѣлые зданія и гибнутъ десятки людей; они подстерегаютъ и высѣльживаютъ цѣлыми мѣсяцами ненавистныхъ имъ людей и убиваютъ ихъ изъ-за угла безъ всякой жалости; они врываются въ дома тѣхъ, кого считаютъ врагами, и нерѣдко на глазахъ жены, дѣтей, родныхъ и близкихъ разстрѣливаютъ ихъ. Они-то и говорятъ о

любви ко врагамъ. Это—лицемъры, въ тысячу разъ худшіе тѣхъ лицемъровъ, которыхъ осуждалъ Спаситель.

Итакъ, берегись, христіанинъ, слушать лицемърныя рѣчи лжесловесниковъ и ихъ указанія на евангеліе. Имъ нужна не сила и слава евангелія,—имъ нужна только своя преступная выгода.

Древній мудрецъ говорить, что лицемъръ устами своими губить ближняго своего (Прем. XI, 9); следовательно, лицемъріе есть духовное убійство. Страшень этоѣ грѣхъ предъ Богомъ, и пусть онъ бѣжитъ отъ наасъ!

Прямота, искренность и болѣе всего послушаніе Церкви Божіей,—вотъ что дастъ намъ силу и возможность избавить себя отъ искушеній и обмана лицемъровъ и самимъ не впасть въ опасный грѣхъ лицемърія, которое Спаситель обличаетъ такъ грозно въ св. евангеліи.

IX. Слово воинамъ по поводу мобилизации.

Одинъ учитель Церкви говоритъ: „Богъ любить добродушный миръ, но Богъ же благословляетъ праведную войну. На землѣ всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миромъ безъ помощи военной. Для охраненія мира необходимо, чтобы побѣдитель не дозволялъ заржавѣть своему оружію“. Оттого и говорится въ словѣ Божіемъ: „Благословенъ Господь, твердыня моя, научающій руки мои битію и персты мои—брани“ (Пс. 143, 1). Оттого Богъ мира и любви называетъ себя и Господомъ воинствъ. Слово Божіе свидѣтельствуетъ, что Господь благословилъ оружіе кроткаго Авраама, который пошелъ на войну, чтобы освободить своего племянника Лота; Господь повелѣлъ Иисусу Навину идти съ народомъ израильскимъ на войну противъ враговъ и чудесно даровалъ ему побѣду; Господь же повелѣлъ народу израильскому завоевать нечестивые языческие народы. Богъ благословилъ оружіе первого христіанскаго царя св. Константина и утѣшилъ его ви-

дѣніемъ Креста, какъ оружія побѣднаго. И наши предки, наши славные воины съ вѣрою и мужествомъ, съ готовностью на смерть, на всякия лишенія и страданія шли на войну, побѣждали царства, защищали вѣру, полагали свою жизнь за Церковь Божію, за братьевъ, за отечество. Итакъ, воинъ—Божій слуга, исполнитель самой великой Христовой заповѣди: *и нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. XV, 13).

Господь въ своемъ евангеліи предсказалъ, что въ послѣднія времена будутъ войны и военные слухи, что тогда будетъ проповѣдано евангеліе во всей вселенной, что войны будутъ очень тяжелы и много причинять скорби, но претерпѣвшій до конца спасется (Мате. XXIV, 9—14).

Исполняется теперь Божественное пророчество: на Дальнемъ Востокѣ ведется война Россіи противъ языческой Японіи, война тяжелая и скорбная. Нужно покориться волѣ Божіей и принять тяжесть войны; нужно не жалѣть ни силъ, ни средствъ, ни жизни, чтобы не посрамить Креста Господня; такъ разсуждали предки наши, когда шли умирать за вѣру и родину, и такъ заповѣдали поступать намъ: *Претерпѣвшій до конца спасется*.

Но въ Божественномъ пророчествѣ о грядущихъ войнахъ Господь прибавилъ: „*тогда многие лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ*“ (Мате. XXIV, 11). Исполняется и это пророчество на нашихъ глазахъ. Явились и у насъ лжепророки, стали смущать солдатъ и запасныхъ разными злыми и ложными рѣчами. Появились они и въ нашемъ краѣ, и подметными листками, въ ожиданіи мобилизациіи и призыва воиновъ на войну, уже впередъ смущаютъ добрыхъ людей. Они пишутъ такую „правду о войнѣ“, подъ которой поднишется развѣ только отецъ лжи—діаволь.

Увѣряютъ лжецы, что войну загѣяли Царь и правительство: но весь міръ знаетъ, какъ миролюбивъ былъ нашъ Царь, какъ Россія не хотѣла войны и не готовилась къ ней, а Японія первая и обманомъ начала войну.

Увѣряютъ лжецы, что въ русскомъ войскѣ перебиты всѣ опытные офицеры, а назначены молодые и незнающіе дѣла,

что нѣть докторовъ, что въ войскѣ голодъ: но все это низкая ложь; ни въ одной войнѣ не было столько заботливости о солдатахъ, какъ въ настоящую войну.

Пугаютъ лжецы солдатъ, что въ Маньчжуріи и жарко, и очень холодно, что война тяжелая, что тамъ горы и пропасти, что у солдатъ нѣть казармъ. Но развѣ этимъ можно запугать честнаго солдата? Развѣ бываетъ на войнѣ безопасно? Развѣ на войну идуть для веселья? Развѣ на войнѣ строить казармы?

Пугаютъ еще тѣмъ, что у солдатъ останутся дома на родинѣ семьи и дѣти. Но развѣ не на всякой войнѣ такъ бываетъ? И притомъ: теперь можно за семьи и дѣтей не беспокоиться, потому что Царь и правительство, какъ обѣ этомъ много разъ объявлено, твердо рѣшили обеспечить ихъ въ случаѣ несчастья.

Учать ложные учителя солдатъ не повиноваться офицерамъ... А Богъ и совѣсть? А присяга Богу и Царю? Только трусъ и низкій человѣкъ можетъ учить честныхъ воиновъ такими рѣчами, и только трусъ и низкій человѣкъ послушаетъ такихъ рѣчей. Какъ паstryю молитва, какъ ученому ученье, какъ земледѣльцу работа, такъ *солдату свойственно повиновение*. Безъ повиновенія солдатъ—измѣнникъ и врагъ отечества. Если каждый будетъ разсуждать о войнѣ по-своему, и одинъ будетъ повиноваться, а другой не будетъ, то это будетъ не войско, а собраніе бродягъ.

Учать лживые учителя: нужно требовать скорѣе мира. Но миръ будетъ послѣ нашей победы или вообще, во время благопотребное, а иначе это будетъ позоръ отечества и страшный вредъ для него: враги возьмутъ наши земли, отберутъ торговлю; тогда сократятся у насъ работы; наступить бѣдность и безработица; отечество ослабѣть, и тогда со всѣхъ сторонъ на него станутъ нападать враги. Требовать скорѣе мира безъ победы могутъ только враги наши, которымъ это выгодно, и наши измѣнники и предатели—Іуды, которыхъ подкупили враги; таковы всѣ эти злые учителя.

Воины! Крестьяне! Люди рабочіе! Ко всѣмъ, кому Богъ и Царь повелить идти на войну, обращаемъ слово наше: будьте

честными слугами Царя и отечства; исполните свято вашъ долгъ, а смутителей и лживыхъ учителей предавайте власти; эти домашніе враги хуже враговъ вѣшнихъ, хуже японцевъ; это—измѣнники и предатели, которые достойны только презрѣнія и смерти.

На великое дѣло зоветъ вѣсть Господь: одолѣть врага-язычника, прославить Крестъ Господень и заслужить вѣчную славу и благодарность на родинѣ и вѣчную память и милость въ очахъ Божіихъ.

Х. Покайтесь.

(Мате. IV, 17).

Мы переживаемъ смутныя и скорбныя времена. Господь посѣтилъ наше царство тяжелою войною на Дальнемъ Востокѣ, куда такъ трудно доставлять войска и все необходимое. А внутри Россіи, какъ ночные хищники, вышли домашніе враги и развращаютъ народъ нашъ; они учать его не по-виноваться Царю и властямъ, не почитать Церкви и ея пастырей, отказывать имъ въ содержаніи за служеніе алтарю; оскорбляютъ святыни и богослуженіе; научаютъ крестьянъ и рабочихъ людей всему худому: бунтамъ, волненіямъ, беспорядкамъ, стачкамъ и забастовкамъ; злые рѣчи говорять солдатамъ; не щадятъ даже малолѣтнихъ дѣтей. Развѣ удивительно послѣ этого, что Господь за грѣхи наши не даетъ побѣды воинству нашему, наказываетъ насъ болѣзнями, напримѣръ холерою, посыпаетъ намъ несчастья?

Но все это дѣлаетъ Милосердый Господь, чтобы заставить насъ одуматься и покаяться.

„Покайтесь!“ (Мате. III, 2),—такъ началъ свою проповѣдь великий Иоаннъ Предтеча.

„Покайтесь!“ (Мате. IV, 17),—такъ началъ проповѣдь Свою людямъ и Господь Иисусъ Христосъ.

И теперь въ нынѣшнихъ скорбныхъ обстоятельствахъ слышится намъ тотъ же голосъ Господень: *Покайтесь!*

И прежде всего: *молитесь, да не внидете въ напасть, по-*

слову нашего Спасителя (Лук. ХХII, 40); *непрестанно молитесь*, какъ учить святой апостолъ (I Сол. V, 17). Молитва подниметъ насть, ободритъ, укрѣпить; молитва очистить души наши отъ всего нечистаго и грѣховнаго, пріучить насть къ небу, приблизить насть къ Богу. Наступаетъ скоро посты; народъ православный въ Россіи привыкъ свято почитать его: вотъ время благопріятное, вотъ день спасенія!

Зачѣмъ оставили однихъ служителей Церкви молиться о побѣдѣ и прощениіи грѣховъ? Зачѣмъ такое равнодушіе къ бѣдствіямъ отечества? Зачѣмъ такъ мало помощи больнымъ и раненымъ воинамъ? Зачѣмъ такъ мало жертвъ на нужды войны? Зачѣмъ эти увеселенія, и время ли для нихъ?

Всѣмъ, всѣмъ надо возстать на молитву и покаяніе въ грядущіе дни святого поста. Громомъ теперь пусть раздается слово пророка: „Вострубите трубой на Сіонѣ и бейте тревогу на святой горѣ моей, и да трепещутъ всѣ жители земли, ибо наступаетъ день Господень, ибо онъ близокъ... Обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ своимъ въ посты, плачъ и рыданіи. Раадирайте сердца ваши, и обратитесь къ Господу Богу вашему, ибо Онъ благъ и милосердъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и сожалѣетъ о бѣдствіи. Вострубите трубою на Сіонѣ, назначьте посты, и объявите торжественное собраніе. Соберите народъ, созовите собраніе (церковь), пригласите старцевъ, соберите отроковъ и грудныхъ младенцевъ; пусть выйдеть женихъ изъ чертога своего и невѣста изъ своей горницы. Да плачутъ священники, служители Господни, и говорять: Пощади, Господи, народъ Твой, не предай наслѣдія Твоего на поруганіе, чтобы не издѣвались надъ нимъ народы. Для чего будуть говорить между народами: гдѣ Богъ ихъ? И тогда возвезнуетъ Господь о землѣ Своей и пощадить народъ Свой“ (Іоил. II, 1, 12—18).

Принесите покаяніе передъ пастырями Церкви въ слезахъ и смиреніи; исправьте жизнь; оставьте увеселенія: они теперь—преступленіе предъ Богомъ и родиною.

Милостыня отъ смерти избавляетъ, она приходитъ на память передъ Богомъ (Дѣян. X, 2). Пусть же направится милостыня наша къ бѣднымъ и сирымъ, особенно же къ больнымъ и раненымъ воинамъ и къ ихъ семействамъ, которыхъ

остались безъ кормильцевъ. *Тебъ оставленъ блдный, сиротъ ты будь помощникъ* (Пс. 9, 34),—такъ говорить теперь Господь каждому изъ нась, кто не взять на войну.

Будемъ, наконецъ, хранить единеніе вѣры въ союзѣ мира (Еф. V, 2): способствовать миру и спокойствію жизни, помогать другъ другу, утѣшать малодушныхъ, вразумлять заблуждающихся, охранять ихъ отъ соблазновъ злыхъ учителей, всѣми силами помогать вѣрѣ и благочестію.

Погибали язычники-ниневитяне, но, по слову пророка, покаялись; и Господь помиловалъ ихъ; погибали не разъ въ прошломъ и предки наши, но молились, каялись, очищали жизнь, и Господь не оставлялъ ихъ Свою милостію.

Тяжелыя времена, неудачи на войнѣ, потери убитыми и ранеными, потери кораблей, гибель миллионовъ изъ государственного достоянія,—пусть все это послужитъ намъ урокомъ: нужно долго бить колось, пока отдѣлится пшеница отъ соломы. *Приимите наказаніе, да не прогнѣвается Господь* (Пс. 2, 12).

Блаженъ чловѣкъ, котораго обличилъ Господь, и наказанія Вседержителя не отверащайся (Іов. V, 17).

„Сынъ мой, не пренебрегай наказанія Господня и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любить, того наказываетъ; бьеть же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны. Притомъ, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись ихъ,—то не гораздо ли болѣе должны покориться Отцу духовъ, чтобы жить? Тѣ наказывали нась по своему произволу для немногихъ дней; а сей—для пользы, чтобы намъ имѣть участіе въ святости Его. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью, но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляеть мирный плодъ праведности. Итакъ, укрѣпите опустившіяся руки и ослабѣвшія колѣна“ (Евр. XII, 5—12).

„Старайтесь имѣть миръ со всѣми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа“ (Евр. XII, 14).

ПОСЛѢСЛОВІЕ КО II-му ТОМУ.

Во II-й томъ вошли *напечатанные* въ различныхъ органахъ мои проповѣдническіе труды за послѣдніе (съ 1901 по 1905-й вкл.) годы моего служенія въ г. Тифлісѣ въ должностіи Окружнаго Наблюдателя церковныхъ школъ въ епархіяхъ Грузинскаго экзархата. Время съ марта 1905 года и до начала 1906-го, въ самый тревожный періодъ внутреннихъ беспорядковъ въ Россіи, я провелъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, въ командировкахъ по школамъ; мною посвѣщены слѣдующія мѣстности: Владикавказская епархія съ Осетіей, Ставропольская губернія, Кубанская область и специальнѣ—горскіе мусульманскіе аулы Майкопскаго отдѣла, затѣмъ епархіи Благовѣщенской, Владивостокской, Сѣверная Маньчжурія, Забайкальская область, Иркутская, Енисейская, Томская, Омская епархіи. Тревожныя обстоятельства того времени и вообще крайне тяжелыя условія этого обширнаго путешествія, во время котораго пришлось много разъ совершать богослуженія и говорить поученія въ различныхъ городахъ и мѣстахъ Россіи, препятствовали печатанію проповѣдей, и поэтому онъ остаются въ рукописяхъ; вотъ причина, по которой 1905-й годъ во II-мъ томѣ занимаетъ сравнительно мало мѣста. Придется ненапечатанные проповѣди впослѣдствіи, если Богъ благословить, издать особымъ дополнительнымъ томомъ.

Съ III-го тома начнется печатаніе проповѣдей Московскаго періода моей службы; этотъ томъ будетъ въ двухъ выпускахъ.

Къ настоящему тому прилагается подробное оглавленіе I-го тома; оно издано отдельно; просимъ вложить его въ концѣ I-го тома и замѣнить имъ слишкомъ краткое, данное тамъ оглавленіе.

Протоіерей *I. Восторговъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

II-го тома.

1901 г.

	Стр.
1. Новый годь и новый вѣкъ. (Новогодняя статья)	1
2. Священство—первозданство духовное. (Въ день Срѣтенія, въ церкви Тифл. дух. сем.)	8
3. Союзъ пасомыхъ съ Архипастыремъ. (Въ недѣлю Православія и день тезоимен. архарха Грузіи Флавіана)	13
4. Нравственный обликъ Царя-Миротворца. (На собразіи Тифл. отд. О-ва ревнит. истор. просвѣщ. въ память Императора Александра III 26 февраля)	20
5. Геесиманій подвигъ Господа Іисуса Христа. (Въ недѣлю Крестопоклонную, во 2-й Тифл. миссіонерской церкви)	26
6. Россія и Востокъ. (При открытии Тифл. отд. О-ва Востоковѣдія 5 апрѣля)	45
7. Духъ народный. (При закладкѣ храма въ с. Голицыно, Клисаветп. губ., 22 апрѣля)	51
8. Единеніе Россіи и Грузіи. (При открытии Кавказской сел.-хоз. выставки 2 сентября)	58
9. Грузія и Россія. (По поводу 100-лѣтнаго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи, 25 сентября)	62

1902 г.

10. Служеніе родному народу. (Въ недѣлю о Закхѣ воспитанн. Тифл. дух. сем.)	68
11. Святые завѣты дѣтамъ. (Въ день памяти св. Алексія, митр. Моск., по слушаю тезоимен. архарха Грузіи, учащимся гор. Тифліса, 12 февр.)	72
12. Усердіе ученыхъ и твердость вѣры. (Въ канунѣ недѣли мясопустной, ученикамъ Кукійскихъ цер.-прих. школъ, 16 февр.)	78
13. Любовь къ ближнему—одинъ изъ путей богообщенія. (Въ недѣли мясопустной, предъ сборомъ пожертвов., 17 февр.)	81
14. Дѣтамъ—о Н. В. Гоголѣ. (Передъ панихидой о писателѣ въ церк.-прих. школѣ 21 февр.)	86
15. Палестина для Россіи и Грузіи. (Въ праздникъ Входа Господня въ Йерусалимъ, предъ сборомъ пожертвов., 7 апр.)	88
16. Праздникъ свѣта и радости. (Пасхальная статья)	96
17. Церковь. (При хиротоніи епископа Грузинск. епарх.—епископовъ Веніамина и Димитрія въ Сіонскомъ соборѣ 21 апр.)	101

18. Пoэты-християнинъ. Памяти В. А. Жуковского. (На актѣ церк.-прих. школы въ Тифлисѣ 11 мая)	110
19. Царская милость духовенству. (По поводу дарованія ценсій духовенству, въ гор. Душетѣ 7 июля)	114
20. Свѣтъ духовный. (Въ недѣлю 3-ю, слушателямъ учит. курсовъ въ Тифлисѣ).	117
21. Грѣхъ. (Въ недѣлю 6-ю)	121
22. Духовная слѣпота и духовное просвѣщеніе. (Въ нед. 7-ю, въ стан. Ново-Александровской, Кубанской обл.)	125
23. Поклоненіе святынѣ. (При освящ. храма въ обители Антонія Мартикопскаго).	130
24. Женщина и женское образованіе. (При открытии Карской женск. прогимн. 8 септ.)	134
25. Трудъ. (Въ нед. 22-ю, ученикамъ Грузинской епархіи)	142
26. Воинское дѣло и званіе. (На братской могилѣ защитниковъ Карса 26 сент., въ день ап. Иоанна Богослова)	145
27. „Домашняя церковь“. (При браковѣнчаніи)	154
28. Единеніе всѣхъ положительныхъ силъ. (Въ день рожд. Государ. Импер. Маріи Феодоровны, 14 ноября)	155
29. Пустите дѣтей ко Христу. (Въ день Введенія во храмъ Пр. Богородицы, въ Тифл. епарх. женск. уч.)	162
30. Православные народы во всемирной исторіи. (По случаю 25-лѣтія взятия Плевны, 28 ноября, въ Тифл. коски. соборѣ)	168
31. Сѣмья святое. (По освящ. храма въ Ахтальскомъ мон., Грузинской епархіи, 15 декабря)	176
32. На стражѣ народнаго блага. (По случаю 100-лѣтія Министерства Вн. Дѣлъ и др. мин-ствъ, 30 декабря)	183
33. Значеніе святой вѣры. (Въ нед. 31-ю, сестрамъ и учащимся въ Бодбійской обители ез. Наны)	187

1903 г.

34. Предъ лицомъ прошлаго и будущаго. (На молебствіи подъ Новый годъ въ экзарш. церкви Тифлиса)	195
35. Старое и новое. (Новогодняя статья)	197
36. „Путь для Господа“. (Дѣтамъ въ храмовой праздн. 7 января)	204
37. Твердый характеръ старого времени. Памяти протоіереха Иоанна Назарова. (Надгробная рѣчь въ Карсѣ)	206
38. Уроки иночества. I. Царство Божіе. (Въ нед. по Просвѣщ., при освящ. храма въ Бодбійск. женск. мон.)	211
39. Уроки иночества. II. Значеніе подвига монашества для міра. (Въ Бодб. мон. въ нед. по Просвѣщ. за литург.)	215
40. Правда вѣры и жизни. (По поводу прославл. Серафима Саровск., въ нед. Правосл., 23 февр., въ Сіонскомъ соборѣ)	220
41. Честный служитель слова. (На паних. по Гоголю при открытии памятника въ Тифлисѣ)	223
42. Переселенческое русское дѣло. (При открытии перес. села Николаевскаго въ Закавказье)	228

43. Онкосточение сердца. (Въ Лазареву субб., при освящ. мастерскихъ на ст. Тифлісь 29 марта)	232
44. Память о предкахъ. (Предь паних. во втори. Фоминой нед. въ гор. Гори)	240
45. Любовь ио Христу. (Въ нед. женъ-муром., въ Ново-Афонскомъ монаст. 20 апрѣля)	244
46. Единение. (Въ нед. тезоим. Госуд. Импер. Александры Феодоровны, въ Сухумскомъ каѳедр. соб. 23 апр.)	250
47. Истинное благополучие и счастье. (Въ нед. о Самарянѣй, въ мастерск. ст. Тифлісь 4 мая)	256
48. Уроки школьного Кирилло-Меѳодіевскаго праздника. (Учащимся Кукій-скагъ церк. школъ въ Тифлісь 11 мая)	261
49. Смыслъ Царскаго коронованія. (Въ день коронованія Ихъ Импер. Величествъ, 14 мая)	263
50. Уроки прославленія святыхъ. (Въ день прославл. Серафима Саровскаго, 19 июня)	270
51. Врачуйся прежде недуга. (По случаю холерной эпидеміи)	276
52. Радость миру. (Въ праздн. Рождества Богородицы въ ст. Ново-Александр., Куб. обл.)	283
53. Христосъ и дѣти. (Въ станицы, школѣ предь началомъ ученія 8 сент.) ..	287
54. Вѣчная победа вѣры. (Въ Иоанно-Богосл. церкви Тифліса 26 сент.)	288
55. Журналисъ, служитель добра. (При поминов. редактора „Кавказа“ К. Н. Бѣгичева 22 окт.)	293
56. Вѣра и ненѣре. (Въ праздн. Рождества Христова)	296

1904 г.

57. Тяжія предчувствія. (Въ день Новаго года, въ Тифл. воен. соборѣ)	302
58. Значеніе религіи. (При освящ. Николаевскаго собора въ Эривані 27 января)	312
59. Условія побѣды. (По случаю манифеста о войнѣ съ Японіей, въ Тифл. воен. соборѣ 29 янв.)	318
60. Воинамъ напутствіе на бранный подвигъ. (При отправленіи войскъ съ Кавказа на Дальній Востокъ 2 февр.)	321
61. Борецъ за русское дѣло на Кавказѣ. (При поминованіи В. Л. Величко 8 февр.)	324
62. Вѣрный слуга Россіи на Кавказѣ. (По случаю покушенія на кн. Г. С. Голицына, главнокнч. на Кавказѣ)	330
63. Блудные сыны нашего времени. (Въ нед. о блудн. сынахъ, въ Тифл. Сіонск. соборѣ)	339
64. Вѣчность. (Въ нед. 2-ю Вел. поста, въ Бодбійскомъ мон.)	345
65. Права и обязанности. (Въ нед. 5-ю въ м. Боржомъ, Тифл. губ.)	348
66. Вѣчное торжество правды. (На Пасху 28 марта)	353
67. Свидѣтельство о Христѣ. (Въ день Вознесенія и Рожд. Государя Импера-тора, 6 мая, въ Бодб. мон.)	356
68. Царь, Россія и война. (Въ день коронованія Ихъ Импер. Величествъ 14 мая, въ Тифл. воен. соборѣ)	360

69. Радость храмозданія. (При освящ. церкви въ с. Ольгинскомъ, Тифл. губ., 21 мая)	367
70. Единеніе въ церкви. (Въ нед. 4-ю въ Кук. Иоанко-Крестительской церкви Тифліса)	372
71. Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. (Въ нед. 6-ю въ Ахалцыхѣ, Тифл. губ., 27 июня)	375
72. Уроки прошлаго. (По случаю посѣщенія экзархомъ Грузіи Ахалцыха, 2 июля)	378
73. Царственный отшельникъ. (Предъ панихидой о Вел. Кн. Георгіи Александровичѣ въ Аббасъ-Гумазѣ 4 июля)	382
74. Лицемѣре и бездѣльность политическихъ злодѣяній. (На паних. по мин. ви. дѣлъ В. К. Плена въ Сіонск. соборѣ 18 июля)	387
75. Борьба христіанского общества съ политическими преступленіями. (Въ день тезоом. Госуд. Имп. Маріи Феодоровны, въ Сіонскомъ соборѣ 22 июля)	392
76. Подвигъ и призваніе христіанского народа. (По поводу русско-японск. войны, въ день проникн. чести. древъ Креста Господня и муч. Маккавейскихъ—1 авг. въ м. Боржомѣ)	399
77. Молитва. (Въ праздн. Преображенія, предъ молебств. по случаю рожд. Иасл. Цесаревича, въ м. Боржомѣ)	404
78. О бессмертіи. Памяти убиенныхъ на брані. (Въ день Успенія, въ м. Боржомѣ)	410
79. Правительство и общество. (По случаю воспом. обѣ избавлений отъ опасности кн. Г. С. Голицына, въ Заказк. О-вѣ вспом. русск. пересел.)	416
80. По поводу войны съ язычниками. (Въ день св. Иоанна Богослова, 26 септ., въ Тифл. Иоанко-Богосл. церкви)	420
81. Смерть души и воскресеніе. (Въ нед. 20-ю по Пятидесятницѣ)	424
82. Храмъ—училище любви и единенія. (Въ нед. 21-ю по Пятидес., 10 окт., при закладкѣ храма въ предмѣстіи г. Тифліса—Нахадовкѣ)	427
83. Уроки чудесъ Христовыхъ. (Въ нед. 22-ю по Пятид., въ день 17 октября)	431
84. Царь-Праведникъ. (На панихидѣ по Императорѣ Александрѣ III 20 окт.)	436
85. Бодрая вѣра въ Россію. (Въ день рожд. Госуд. Императрицы Маріи Феодоровны, 14 ноября, въ Тифл. воен. соборѣ)	440
86. Благодарность. (Въ нед. 29-ю по Пятидес., въ Гудаутской церкви, Сухумской епархіи, въ присут. учениковъ второкл. школы)	448
87. Миръ на землѣ. (На Рождество Христово)	452

1905 г.

88. Годы великихъ скорбей. (На полуночномъ молебствіи въ капунѣ новаго (1905) года)	457
89. Облеченіе во Христа. (Въ праздн. св. Иоанна Предтечи 7 января, простому народу за всенощи, и литургіе)	462
90. Безпредѣльная преданность Богу. (При погребеніи пгум. Нины, настоят. Самтаврскаго въ Мцхетѣ мон., 3 января)	468
91. Вѣчной памяти воиновъ-мучениковъ, въ Портъ-Артурѣ убиенныхъ. (На панихидѣ 9 янв. въ Тифл. Сіонскомъ соб.)	472
92. Грозный знаменія. (На панихидѣ по убиенному Великомъ Князю Сергію Александровичѣ 5 февраля)	475

93. Благо въ смерти. (Предъ погребеніемъ епископа Горіацкаго Веніаміна 19 февр., въ Тифі. Слонімскій соб.)	477
94. Вѣрность Распятому. (Въ нед. 3-ю поста въ ц. Ардонской дух. сем., Тер- ской обл.)	482
95. Предостереженіе отъ народной смуты. (Въ Великій четв. послѣ 12-ти евангелій, въ сельск. церкви)	487
96. Объединеніе во дни опасности государственной. (Въ нед. Фомину 24 ап- рѣля казакамъ въ стак. Ново-Александров., Кубанск. обл.)	490
Пастырскій голосъ во дни революціи. (Листки для карода):	
97. I. Богъ бойтесь.	497
98. II. Царя чтите.	502
99. III. Власти повинуйтесь.	506
100. IV. Не соблазняй и не соблазняйся.	511
101. VI. Добровъ слово рабочимъ людямъ и земледѣльцамъ.	516
102. VII. Опомнитесь, грабители! (По поводу погромовъ помѣщичьихъ имѣній).	520
103. VIII. Лицемѣrie.	526
104. IX. Слово воинамъ по поводу мобилизациіи.	528
105. X. Покайтесь.	531
106. Послѣ словіе ко II-му тому.	534

Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова

Том II

Репринтное издание

Художник Никитин Ю. Я.

Подписано к печати 02.03.95. Формат 60 x 90¹/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34. Тираж 10000 экз.

Заказ 18.

Издательство "Царское Дѣло".

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Изд. лицензия ЛР № 063816 от 05.01.95 г.

АО "Санкт-Петербургская типография № 6".

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.